

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(21)

2011

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(21)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2011

Редакционная коллегия:

А. М. Молдован (главный редактор), А. А. Алексеев, Х. Андерсен (США), Ю. Д. Апресян, А. Богуславский (Польша), И. М. Богуславский, Д. Вайс (Швейцария), Ж. Ж. Варбот, А. Вержбицкая (Австралия), А. А. Гиттиус, М. Ди Сальво (Италия), Д. О. Добровольский, В. М. Живов, А. Ф. Журавлев, А. А. Зализняк, Е. А. Земская, Х. Кайперт (Германия), Л. Л. Касаткин, Э. Кленин (США), А. Д. Кошелев, Л. П. Крысин, Р. Ляковский (Швеция), Х.-Р. Мелиг (Германия), И. Мельчук (Канада), Н. Б. Мечковская (Беларусь), Е. В. Падучева, А. А. Пичхадзе (ответственный секретарь), В. А. Плунгян, Т. В. Рождественская, Д. В. Сичинава, А. Тимберлейк (США), Х. Томмола (Финляндия), М. Флайер (США), А. Я. Шайкевич, А. Д. Шмелев

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».

Тел.: (495) 637-79-92, факс: (495) 695-26-03, e-mail rusyaz@yandex.ru.

Издательство: e-mail lrc.house@gmail.com, сайт www.lrc-press.ru.

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*

Редакторы номера *А. А. Пичхадзе, Е. И. Державина*

Корректоры *Г. Эрли, Е. Сметанникова*

Издатель *А. Д. Кошелев*

Редакция журнала «Русский язык в научном освещении» просит авторов присылать статьи в журнал на адрес: rusyaz@yandex.ru.

Все публикации бесплатны.

Подписка на журнал оформляется в любом отделении связи по Объединенному каталогу «Пресса России», индекс 44088.

Подписано в печать 19.05.2011. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Усл. п. л. 20. Заказ №

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2011
© Авторы, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>М. А. Холодилова.</i> Релятивизация позиции посессора в русском языке	5
<i>С. А. Крылов.</i> Типы диатез в русском языке	47
<i>М. А. Петрова.</i> Специфика форм совершенного вида модальных глаголов со значением возможности: <i>смочь</i> и <i>суметь</i>	77
<i>О. Г. Ровнова.</i> Лингвогеографическая характеристика аспектуальных явлений в современных русских говорах	110
<i>А. А. Пичхадзе, А. В. Родионова.</i> О порядке слов в сочетаниях «личная форма глагола — прямое объектное дополнение» в древнерусском языке	127
<i>Ю. Маруяма.</i> К вопросу о распределении форм двойственного числа в русских житийных памятниках начала XV в. (на материале «Жития Стефана Пермского» и «Жития Сергия Радонежского»)	162
<i>И. И. Макеева.</i> Описание акцентной микросистемы русской рукописи XVII в.	189
<i>В. Л. Васильев.</i> <i>Врѣв</i> и <i>урѣв</i> (этимология, семантика, ареал)	241
<i>Я. А. Пенькова.</i> Императив <i>буди</i> в памятниках XV века: к вопросу о формировании неопределенных местоимений на <i>-нибудь</i> в русском языке	251
<i>М. А. Бобрик.</i> Просвѣщаєси в Новгородской псалтыри на воске	266

Информационно-хроникальные материалы

Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2010 г. (под общ. ред. О. Г. Ровновой)	275
Экспедиция в Архангельскую область (Е. В. Колесникова, О. Г. Ровнова)	275

Экспедиция в г. Белозерск и Белозерский район Вологодской области (<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова, Е. В. Колесникова</i>)	280
Экспедиции в Почепский район Брянской области (<i>Н. Л. Голубева</i>)	282
Экспедиции во Владимирскую, Воронежскую, Рязанскую, Тамбовскую и Ярославскую области (<i>И. И. Исаев, С. В. Дьяченко</i>)	285
Экспедиции в Белгородскую, Липецкую, Владимирскую области (<i>А. В. Тер-Аванесова</i>)	289
Экспедиция в Молдавию (<i>Л. Л. Касаткин</i>)	293
Экспедиция в Луганскую область Украины (<i>Е. В. Колесникова</i>)	296
Экспедиция в Бразилию (<i>О. Г. Ровнова</i>)	298
Хроника VI Международной научной конференции «Фонетика сегодня» (<i>Е. Л. Арзиани</i>)	303

Рецензии

Olga T. Yokoyama. Russian Peasant Letters. Part 1—2 // Slavistische Studienbücher, Neue Folge / Hrsg. Von H. Günther, H. Jachnow. Bd. 18. Wiesbaden, 2008. — 439, 471 pp. (<i>Р. Ф. Касаткина</i>)	310
Незабытые голоса России: Звучат голоса отечественных филологов. Вып. I / Под ред. О. В. Антоновой, Д. М. Савинова. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М., 2009. — 240 с. (<i>А. А. Соколянский</i>)	315

ИССЛЕДОВАНИЯ

М. А. ХОЛОДИЛОВА

РЕЛЯТИВИЗАЦИЯ ПОЗИЦИИ ПОСЕССОРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

Данная статья посвящена рассмотрению структурных и семантических свойств предложений, подобных следующим:

- (1) *Его взгляд светился неподдельной любовью и дружбой, более того, искренним интересом к человеку, руку **которого** он пожимал в этот момент* (Яндекс)².
- (2) *Не забудьте посмотреть в глаза человеку, **которому** пожимаете руку* (Яндекс).
- (3) *Каждый человек, **чью** руку я пожимаю, в этот момент для меня важнее всех на свете* (Яндекс).

Эта группа примеров выделена на основании следующих двух признаков. Во-первых, все эти примеры содержат **относительную конструкцию**. Под относительной конструкцией понимается «конструкция, состоящая из имени ⟨...⟩ (эта позиция может быть не заполнена) и зависимой клаузы, которая интерпретируется как определение к этому имени. Такое имя называется вершиной, а зависимая клауза — относительной клаузой. Относительная клауза находится в таком определительном отношении к вершине, что вершина задействована в том, что сообщается в относительной клаузе» [Lehmann 1986: 664].

¹ Представленное в статье исследование было поддержано грантом РГНФ № 09-04-00264а «Грамматика определительных вторичных предикаций (релятивизация в русском языке)» и грантом президента РФ НШ-3688.2010.6 «Школа общего языкознания Ю. С. Маслова».

Я хотела бы поблагодарить С. С. Сая за помощь на разных этапах исследования и работы над статьей, а также Е. А. Лютикову за ценные замечания к ранней версии данного текста.

² Большая часть примеров в работе найдена с помощью поисковой системы «Яндекс» или Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru, далее НКРЯ).

Во-вторых, в примерах (1)—(3) релятивизируется **позиция посессора**, т. е. общий участник главной и зависимой клаузы занимал бы позицию посессора, если бы значение зависимой клаузы было выражено в качестве отдельного предложения, как в (4), ср. с (3).

(4) *Я пожимаю руку (этого) человека.*

В настоящей работе понятие «позиция посессора» трактуется расширенно: посессором считается всякий участник, который занимает ту же синтаксическую позицию, что и посессор в любой конструкции, способной выражать **прототипические посессивные значения** (отчуждаемой и/или неотчуждаемой принадлежности и/или родственные отношения). Аналогично определяется позиция обладаемого. Так, например, в словосочетании *стакан воды* вода признается посессором, а стакан — обладаемым, поскольку в примерах, подобных (4), та же конструкция используется для выражения неотчуждаемой принадлежности.

В русском языке для релятивизации позиции посессора обычно используется одна из следующих посессивных конструкций: конструкция с приименным генитивным зависимым (1), конструкция с внешним посессором (2) или конструкция с притяжательным местоимением *чей* (3)³. Кроме того, существуют предикативные способы выражения посессивности, которые в настоящей работе рассматриваться не будут.

Свойства основных посессивных конструкций при релятивизации будут рассмотрены в разделах 2—4. В разделе 5 будет рассмотрена конкуренция двух наиболее частотных при релятивизации позиции посессора типов относительных клауз — с маркерами *который* и *чей*.

2. Конструкция с приименным генитивом

2.1. Зависимость свойств конструкции от выбора относительного местоимения

При релятивизации позиции посессора в конструкции с приименным генитивом в большей или меньшей степени допустимо использование следующих относительных местоимений: *который*, *что*, *какой*, *каковой*, *кой* и *кто*⁴.

³ Значительно реже, особенно в письменных текстах, ориентированных на литературную норму, используются стратегия релятивизации, маркером которой является союз *что* (i), и бессоюзная релятивизация (ii). Далее в работе они не рассматриваются.

(i) *а ты той тётке, **что** я тебе телефон давала, дозвонилась, или это она и есть ненормальная?* (Яндекс);

(ii) {О собаках:} *вот ту девчонку помнишь, я фотографию показывала* (Яндекс).

⁴ В истории языка для релятивизации, в том числе для релятивизации позиции посессора, могло использоваться также старославянское и древнерусское союзное слово *иже*:

В современном языке стилистически и грамматически наиболее нейтральным является местоимение *который*. Некоторые свойства относительных клауз, содержащих данное местоимение, будут рассмотрены далее (см. 2.2—2.4 и разд. 5)⁵.

Местоимение *что* при релятивизации позиции посессора (как и прочих позиций, см., например, [Янович, Грунтова 2007]) используется только в том случае, если вершина не содержит существительного и референтом именной группы в целом является неодушевленный объект, ср. (5а—б)⁶:

- (5а) *Невозможно бороться против того, частицей чего являешься сам* (И. Кузьмичев. Дом на канале // Звезда. 2003) (НКРЯ);
(5б) **Невозможно бороться против того общества, частицей чего являешься сам.*

При этих условиях местоимение *что* является не только допустимым, но и единственно возможным средством релятивизации.

По своим свойствам при релятивизации посессора во многом сходны относительные местоимения *какой*, *каковой* и *кто*. Все эти местоимения невозможны или крайне редки при релятивизации генитивной позиции в центральных значениях — посессора в узком смысле и аргументов при номинализации. Значительно более частотными эти местоимения оказываются в различных количественных конструкциях, в качестве зависимых при числительных, нумеративах (6), количественных именах (7) и кванторных словах, требующих генитива (*много*, *несколько*):

- (6) *Как быть с нами, с теми кого три человека?*⁷ (Яндекс);
(7) *Это оказалось не очень хорошей идеей, т. к. ребенок схватил самую обычную машинку, каких у него целое ведро, и мы никак не могли уговорить его поменять на что-то более интересное* (Яндекс).

Данные о частотности позиции посессора у различных относительных местоимений по сравнению с частотностью этих местоимений в целом

(ii) *По учинении Епархии Санктпетербургской, она (Духовного Правления Консистория. — М. Х.) поручена в правление, яко по должности, тому Архиерею, его же есть Правление Епархии* (А. И. Богданов. Описание Санкт-Петербурга (1751)) (НКРЯ).

⁵ О свойствах относительных клауз с местоимением *который* безотносительно к релятивизуемой позиции см., прежде всего, статьи [Зализняк, Падучева 1979] и [Лютникова 2009].

⁶ При релятивизации посессора, как и при релятивизации других позиций, местоимение *что* может соотноситься не с именной группой, а с предшествующей клаузой:

(i) *При таком развитии событий доверие к финансовым рынкам будет подорвано, следствием чего станет кумулятивный спад* (А. Казинцев. Симулякр, или Стекольное царство (2003) // Наш современник, 2003.11.15) (НКРЯ).

⁷ Здесь и далее в работе сохраняются пунктуация и орфография оригинала.

приведены в табл. 1. При попарном сравнении результатов для местоимений *каковой*, *кто* и *какой* с результатами для местоимения *который* различие во всех случаях статистически значимо (χ^2 , $P \ll 0,01$).

Таблица 1

**Частотность релятивизации посессора
в относительных клаузах с различными относительными местоимениями**⁸

	Всего	Посессор, кроме количественных конструкций	% посессора
<i>кой</i>	196	25	13 %
<i>который</i>	19863	720	4 %
<i>каковой</i>	1468	8	1 %
<i>кто</i>	1985	0	0 %
<i>какой</i>	547	0	0 %

Набор позиций, в которых относительные местоимения *каковой*, *кто* и *какой* обычно используются при релятивизации посессора (в количественных конструкциях с вершинами различных типов), полностью совпадает с отмеченным в [Лютикова 2009: 484—489] набором позиций, в которых генитивное зависимое может отрываться от своей вершины и, следовательно, относительное местоимение может оказываться в абсолютном начале клаузы. Можно предположить, что редкость этих местоимений в позиции посессора в какой-то мере связана с их предпочтительностью в начальной позиции. В случае с местоимением *кто* предположение о связи этих двух факторов получает дополнительное подтверждение: в неколичественных конструкциях оказывается очень частотным порядок слов с препозицией относительного местоимения, как в (8), в современном языке почти невозможный у относительных клауз с местоимением *который*⁹:

(8) *Сейчас попробую обзвонить всех кого телефоны знаю* (Яндекс).

Как видно из табл. 2, предпочтение препозиции характерно только для относительного местоимения *кто*, но не для его вопросительного аналога. Различие статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$).

Таблица 2

**Частотность постпозиции и препозиции
вопросительного и относительного местоимений *кто* (Яндекс)**

	<i>телефоны</i> <i>кого</i>	<i>кого</i> <i>телефоны</i>	Доля препозиции местоимения
Вопросительное <i>кто</i>	9	1	0,1
Относительное <i>кто</i>	10	39	0,8

⁸ Данные в табл. 1 не отражают сравнительную частотность относительных местоимений.

⁹ О возможности такого порядка слов ранее в истории языка см. в разделе 2.4.

Местоимение *кой*, напротив, очень частотно при релятивизации позиции посессора (см. данные в табл. 1). В какой-то мере сравнительная частотность местоимения *кой* в данной позиции объясняется отмеченной в [Кагарлицкий 2004: 148] редкостью у него форм именительного падежа единственного числа (*кой, коя, кое*) и винительного падежа женского рода (*кою*). Однако, как видно из данных в табл. 3, даже если исключить из рассмотрения эти редкие формы, доля приименного генитива от общего количества форм для местоимения *кой* значительно выше, чем у местоимения *который* (χ^2 , $P = 0,02$).

Таблица 3

Частотность приименного генитива у местоимений *кой* и *который*

	Форм генитива	Всего форм без форм nom.sg и acc.sg.f	% генитива
<i>кой</i>	44	228	19 %
<i>который</i>	1841	12997	14 %

2.2. Позиция обладаемого

Местоимение *который* в родительном падеже часто входит в состав именной группы, управляемой предлогом. Как видно из табл. 4, для местоимения *который* доля таких примеров от всех случаев использования в качестве приименного генитивного зависимого значительно больше, чем для существительных. Различие статистически значимо (χ^2 , $P \ll 0,01$).

Таблица 4

**Местоимение *который* и существительное
в качестве генитивных зависимых в составе именной группы¹⁰**

	[P [N + Gen]]	[N + Gen] всего	% ИГ в составе ПГ
<i>который</i>	390	1069	36,5 %
Существительное	4398	15978	27,5 %

Интересно, что близкое противопоставление может приводить к различию по грамматической допустимости: согласно [De Vries 2006], во всех германских языках (кроме, возможно, английского) релятивизация именной группы с помощью постпозитивного (предложного) зависимого с выносом всей именной группы в начало клаузы возможна только в том случае, если эта именная группа входит в состав предложной группы (ср. примеры из нидерландского (9)—(10) [De Vries 2006]).

¹⁰ При расчетах не учитывались в большей или меньшей степени лексикализованные сочетания, такие как *в ходе*, *в качестве* и *на фоне*, которые особенно частотны при релятивизации.

- (9) **Ik ken de man de vader van wie je hebt*
я знаю DEF человек DEF отец PREP кто ты имеешь
uitgenodigd, niet.
пригласить.PTCP не
'Я не знаю человека, отца которого ты пригласил'.
- (10) *Ik ken de man met de vader van wie je gisteren*
я знаю DEF человек с DEF отец PREP кто ты вчера
hebt gesproken, niet.
имеешь говорить.ptcp не
'Я не знаю человека, с отцом которого ты вчера говорил'.

2.3. Сочинение посессоров

Рассматривая синтаксические свойства местоимения *который*, Е. А. Лютикова отмечает, что «очевидное ограничение на относительный вынос сочинительной конструкции состоит в том, что ОМ (относительное местоимение. — М. Х.) не должно являться одним из конъюнктов» [Лютикова 2009: 460]¹¹. Так, возможным оказывается предложение (11а), в котором относительное местоимение входит в именную группу, которая является одним из конъюнктов, но не предложение (11б), в котором это местоимение само является одним из конъюнктов:

- (11а) *Библейский счет поколений является единственной основой для библейской хронологии вплоть до правления царя Соломона, [царствование **которого**] и [некоторые последующие события ветхозаветной истории] уже могут быть датированы по другим источникам* [Лютикова 2009: 461];
- (11б) **Библейский счет поколений является единственной основой для библейской хронологии вплоть до правления царя Соломона, [**который**] и [последующие правители] жили уже в историческое время* [Лютикова 2009: 461].

Поиск в НКРЯ показывает, что в большинстве случаев это правило соблюдается.

Однако при релятивизации посессора это правило может в некоторых контекстах нарушаться: местоимение *который* может являться одним из конъюнктов в ряде случаев, когда сочиненной именной группой управляет существительное с двумя семантическими валентностями, которые и выражаются конъюнктами, как в (12а)¹²:

¹¹ Ср. также сходное утверждение в [Зализняк, Падучева 1979: 308].

¹² То же верно для предлога *между*:

- (i) *С.-д. фракция меньшевиков, между **которой** и Гапоном, как мы выше сообщали, пробежала черная кошка, вовсе уклонилась от участия в конференции* (В. М. Чернов. Личные воспоминания о Г. Гапоне (1906)) (НКРЯ).

(12a) *И еще одной причиной его радости было то, что до революции Александр Николаевич и его сестра Надя жили в Козицком переулке, на углу **которого** и улицы Горького стоит наш дом* (Л. Вертинская. Синяя птица любви (2004)) (НКРЯ).

Релятивизоваться при этом может только первый конъюнкт:

(12б) ^{???}... *Александр Николаевич и его сестра Надя жили в Козицком переулке, на углу улицы Горького и **которого** стоит наш дом.*

Наличие двух симметричных семантических валентностей является необходимым, но недостаточным условием для того, чтобы местоимение *который* могло быть конъюнктом. Так, из существительных, перечисленных в табл. 5, примеры на сочинение посессоров зафиксированы только для слов *угол*, *пересечение* и *соотношение*. Сконструированные примеры с прочими существительными представляются не вполне допустимыми:

(13) ^{???} *Онегин, дружба **которого** и Ленского закончилась трагически, ...*

В табл. 5 собраны данные о частотности сочинения посессоров по сравнению с другими конструкциями, выражающими близкое значение, при различных существительных (*дружба Онегина и Ленского vs. дружба Онегина с Ленским / между Онегиным и Ленским*). Из данных в таблице можно заключить, что релятивизация одного из сочиненных посессоров возможна только при тех существительных, для которых сочинительная конструкция является основным способом выражения актантов. В табл. 5 в отдельных столбцах приводятся данные о суммарном количестве различных конструкций для слов, допускающих релятивизацию одного из сочиненных посессоров (*угол*, *соотношение*, *пересечение*), и для остальных рассмотренных существительных.

Не вполне очевидно, какие свойства «обладаемых» определяют частотность сочинительной конструкции при посессорах, выраженных именными группами, и ее допустимость при релятивизации¹³. Можно лишь заключить, что, по всей видимости, набор этих свойств совпадает, однако при посессорах, выраженных именными группами, они оказывают влияние только на количественное распределение, а при релятивизации сказываются на допустимости или недопустимости предложения¹⁴.

¹³ Как кажется, для допустимости релятивизации необходимо, чтобы свойства обладаемого напрямую выводились из базовых свойств посессоров. Ср., например, пару слов *соотношение* и *отношение*: знания двух чисел достаточно, чтобы определить их соотношение, тогда как отношение людей не определяется с той же очевидностью по их свойствам. Возможно, именно с этим свойством связана допустимость релятивизации в первом случае (*соотношение **которого** и диаметра сильфона*) и недопустимость во втором (^{???} *отношения **которого** и отца*).

¹⁴ Нельзя, впрочем, полностью исключить, что на допустимость релятивизации одного из конъюнктов в какой-то мере влияет сама частотность сочинительного способа оформления актантов вне контекста релятивизации. Важно, однако, отме-

Таблица 5

**Частотность различных стратегий выражения актантов
при существительных с двумя семантическими валентностями**

	X и Y		X с Y		между X и Y		Доля сочинительной конструкции	
<i>угол</i> ¹⁵	111		0		2		0,98	
<i>соотношение</i>	406	526	25	31	93	95	0,77	0,81
<i>пересечение</i>	9		6		0		0,60	
<i>отношение</i>	882		332		772		0,44	
<i>родство</i>	18		27		4		0,37	
<i>различие</i>	175		1		317		0,36	
<i>связь</i>	577		625		463		0,35	
<i>дружба</i>	47		66		34		0,32	
<i>сходство</i>	45	2086	72	1973	44	1849	0,28	0,35
<i>столкновение</i>	61		121		38		0,28	
<i>встреча</i>	153		426		15		0,26	
<i>война</i>	93		161		132		0,24	
<i>сравнение</i>	26		93		7		0,21	
<i>ссора</i>	9		49		23		0,11	

2.4. «Эффект крысолова» с препозицией относительного местоимения

В русском языке при релятивизации относительное местоимение чаще всего находится в позиции на левой периферии клаузы. Эта линейная позиция часто отличается от той, которую в независимом предложении обычно занимает именная группа с той же синтаксической ролью. При этом в позицию на левую периферию клаузы может «смещаться» не только само относительное слово, но и некая более крупная единица, в состав которой оно входит. Это явление, известное как «эффект крысолова», иллюстрирует пример (14б—в), ср. с (14а)¹⁶:

- (14а) Я пользуюсь терминологией (этого) ученого;
 (14б) *ученый, **которого** я пользуюсь терминологией;
 (14в) ученый, терминологией **которого** я пользуюсь.

тить, что в таком случае значима относительная, а не абсолютная частотность сочинения для данного слова; ср. данные для слов *пересечение* и *отношение*: абсолютная частотность сочинительной конструкции для слова *отношение* значительно выше, однако релятивизация одного из посессоров при нем невозможна.

¹⁵ При расчетах учитывалось только географическое значение слов *угол* и *пересечение*.

¹⁶ Здесь и далее термин «эффект крысолова» используется только в качестве короткого и сравнительно распространенного обозначения для данной группы примеров. Его использование не предполагает каких-либо теоретических предположений, связанных с сущностью этого явления.

В истории русского языка на протяжении долгого времени относительное местоимение в форме родительного падежа могло предшествовать своей вершине, при том что эта вершина часто находилась в позиции, «смещенной» по отношению к позиции, обычной для именных групп с той же синтаксической ролью:

- (15) *Дело в том только, чтоб грамматика знала свои границы и слушалась языка, **которого** правила объясняет...* (В. Г. Белинский. Общая риторика Н. Ф. Кошанского (1844)) (НКРЯ).

В XVIII в. такой порядок слов был основным и нарушался достаточно редко, впоследствии же, как видно из табл. 6, доля таких примеров стала падать, так что в современном языке такой порядок слов невозможен, кроме контекстов, предполагающих стилизацию под архаичный язык.

Таблица 6

**Частотность препозиции и постпозиции
относительного местоимения *который***¹⁷

	1700— 1800	1801— 1850	1851— 1900	1900— 1950	1951— 2007
<i>который</i> в препозиции	15	21	8	3	1
<i>который</i> в постпозиции	0	10	20	83	584
Доля препозиции	1,000	0,678	0,286	0,035	0,002

А. А. Зализняк и Е. В. Падучева, комментируя это явление, отмечают, что в XIX веке, когда была допустима препозиция местоимения *который*, в препозиции могло находиться и существительное-посессор [Зализняк, Падучева 1979: 321].

Е. А. Лютикова приводит следующие аргументы, доказывающие, что между существительными и относительными местоимениями в данном случае существует некоторое различие: во-первых, у существительных «в большинстве случаев (...) препозитивно используется «генитив качества», грамматичный и в современном русском языке (*большого ума человек, редкой красоты ожерелье*)»; во-вторых, частотность препозиции для существительных значительно ниже [Лютикова 2009: 505—506]. Из этого делается вывод, что препозиция местоимения *который* не связана с базовым порядком слов и является результатом выдвигания из именной группы, которая предварительно подвергается тематической препозиции.

Кажется, однако, что описанное различие между относительным местоимением и существительным не может быть основанием для приписыва-

¹⁷ В таблице учитываются все случаи, в которых обладаемое следует сразу после посессора, выраженного местоимением *который*, т. е. учитываются, в частности, примеры, в которых обладаемое занимало бы ту же линейную позицию и вне контекста релятивизации.

ния им различных синтаксических позиций, поскольку возможность подобного различия в порядке слов предсказывается по соображениям, независимым от общей синтаксической структуры предложения. Как отмечает Дж. Хокинс [Hawkins 1983], в языках, в которых используются предлоги, а не послелого, действует следующее правило: если некоторый тип составляющих, атрибутивно модифицирующих именную вершину, в базовом порядке слов находится от этой вершины справа, то же верно для всех «более тяжелых» (то есть в среднем содержащих большее количество слов) типов атрибутивных зависимых, т. е. действует следующая иерархия:

$$(16) \text{Prep} \supset ((\text{NDeM} / \text{NNum} \supset \text{NA}) \& (\text{NA} \supset \text{NG}) \& (\text{NG} \supset \text{NRel}))^{18}$$

В иерархии различные типы последовательности NG представлены только одной группой, однако очевидно, что местоимение в родительном падеже должно быть «более легкой» составляющей, чем именная группа в родительном падеже. Таким образом, естественно ожидать, что в языках с предлогами, в частности в русском, именная группа будет оказываться в постпозиции к определяемому существительному с большей вероятностью, чем местоимение. Следовательно, расхождения в порядке слов между существительными и относительными местоимениями именно в эту, ожидаемую, сторону не могут быть доказательством того, что местоимение при этом находится за пределами именной группы.

Более правомерным кажется сравнение относительных местоимений с другими группами местоимений. При этом оказывается, что рассматриваемый случай препозиции генитивного определения относительно вершины в истории русского языка не уникален. Во-первых, как известно, к форме родительного падежа восходят притяжательные местоимения третьего лица (*его, ее, их*). Во-вторых, по всей видимости, в истории языка были нередки и случаи препозиции других местоимений (*один, другой*)¹⁹:

(17) *По третью сторону на мягком ложе лежал служитель сна, который был весьма искусен представлять других походку, вид, голос и всякие телодвижения* (М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766—1768)) (НКРЯ).

При проверке гипотезы Е. А. Лютиковой о трансформационном происхождении порядка слов, при котором зависимое местоимение предшествует своей вершине, логично обратиться к контекстам, где препозитивное за-

¹⁸ В (16) используются следующие условные обозначения: Prep — в языке используются предлоги; NDeM — указательное местоимение следует за вершиной; NNum — числительное следует за вершиной; NA — группа прилагательного следует за вершиной; NG — группа зависимого именного типа в родительном падеже следует за вершиной; NRel — относительное предложение следует за вершиной.

¹⁹ Впрочем, доля препозиции у этих местоимений значительно меньше, чем у местоимений *который* и *кой*.

висимое в пределах именной группы и относительное местоимение, вынесенное в начало клаузы, будут занимать различные линейные позиции, — прежде всего, к предложным группам. Трансформационная гипотеза предсказывает, что местоимение должно оказаться в абсолютном начале клаузы, гипотеза о порождении относительных местоимений в препозитивной позиции — что местоимение должно занять позицию между предлогом и существительным.

Такая проверка, однако, не дает однозначного результата, точнее, дает результат, не предсказанный ни той, ни другой гипотезой: в НКРЯ фиксируются оба типа примеров²⁰:

- (18) *Заемствованные времена принимают многие глаголы, **которых** в пример служить могут: 1) превосхожу в прошедшем неопределенном имеет от себя превосходить — от хожу, ходить...* (М. В. Ломоносов. Российская грамматика (1755)) (НКРЯ);
- (19) *Офицер Гине, на **которого** сестре женат сын Татищева, приехал в Москву, помнится, в начале 1785 года...* (Материалы о преследовании Новикова, его аресте и следствии (1784—1792)) (НКРЯ)²¹.

Стоит, впрочем, отметить, что, во-первых, количество примеров, в которых местоимение оказывается в абсолютном начале клаузы, значительно меньше (не более 6 на 28 примеров с местоимением в позиции между предлогом и существительным), а во-вторых, в НКРЯ встречаются и примеры без «эффекта крысолова»²² (20), т. е. можно предположить, что су-

²⁰ Явление, во многом сходное с описанным выше, рассматривается в ряде работ, посвященных месоамериканским языкам [Broadwell 1999; Broadwell, Key 2004]. Различие заключается в том, что для этих языков не существует вариативности порядка слов: именная зависимая конструкция — посессор возможен только в постпозиции, а вопросительное местоимение в той же функции — только в препозиции. Это явление получило название «эффект крысолова, сопровождающийся инверсией» (pied-piping with inversion).

Интересно отметить, что в сапотекских языках, демонстрирующих «эффект крысолова, сопровождающийся инверсией», отмечаются те же два варианта порядка слов в предложной группе, которые фиксируются для русского: с вопросительным словом — посессором в абсолютном начале или между предлогом и существительным [Broadwell 1999].

²¹ Положение относительного местоимения между предлогом и существительным встречается, хотя и исключительно редко, и в современном языке в случае, если используется местоимение *кто* (о возможности препозиции данного местоимения см. в разделе 2.1):

(i) *...надо определиться по замечаниям выборочно (тех к **кого** мнению я заведомо готов прислушаться или чье мнение мне кажется меня поддерживающим)...* (Яндекс).

²² Такие примеры встречаются сравнительно редко; так, в текстах XVIII в. из 25 примеров, в которых относительное местоимение — посессор занимает первую

ществование примеров типа (18) связано в какой-то мере с необязательностью «эффекта крысолова», что очевидно неприменимо к примерам типа (19).

- (20) *В правой стороне открывается каменный хребет, **которого видны в иных местах острые и голые концы*** (А. Н. Радищев. Записки путешествия в Сибирь (1790)) (НКРЯ).

Таким образом, в истории русского языка возможным и сравнительно частотным был порядок слов, при котором относительное местоимение — посессор находится в позиции непосредственно перед обладаемым, причем такой порядок слов, по всей видимости, не связан или не всегда связан с выносом относительного местоимения за пределы именной группы.

3. Конструкция с внешним посессором

3.1. Базовые свойства конструкции с внешним посессором

В настоящей работе под конструкцией с внешним посессором понимается такая конструкция, в которой посессор не является синтаксическим зависимым обладаемого и зависит от глагола, причем посессор или обладаемое оказываются в позиции, не предусмотренной аргументной структурой глагола, как в примерах (21)—(22):

- (21) *В пылу научной полемики Илья Иосифович выбил **своему оппоненту зуб**, и тот, униженный и оскорблённый, подал в суд* (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света // Новый Мир. 2000. № 8—9) (НКРЯ);
- (22) *Житель поселка Дорожников был менее пьян и поэтому выиграл спор, ударив **оппонента по голове** первым попавшимся под руку тяжёлым инструментом* (Яндекс).

Так, например, в (21) использован глагол *выбить*, который, как видно из (23), не имеет обязательной синтаксической валентности на дополнение в дативе, а также, очевидно, семантической валентности, которой бы соответствовало такое дополнение, поэтому именная группа *своему оппоненту* в (21) признается внешним посессором.

- (23) *Можно надеть перчатку и **выбить стекло в окне**, но таким же ударом стекла не вставишь* (Даниил Гранин. Зубр (1987)) (НКРЯ).

В работах, посвященных внешнему посессору, границы этого явления проводятся по-разному. Из спорных случаев, перечисленных в [König 2001: 971], для нашей работы важен следующий: в части исследований к

позицию, а обладаемое не является подлежащим, только в трех между посессором и обладаемым находятся другие составляющие. По техническим причинам рассматривались только относительные конструкции с неодушевленными вершинами.

числу конструкций с внешним посессором относятся только те, в которых позицию, не соответствующую никакой глагольной валентности, занимает посессор, т. е., согласно этому подходу, внешним посессором является 'оппонент' в (21), но не в (22). В других работах внешний посессор выделяют в примерах обоих типов, а эти типы часто рассматриваются как два подкласса конструкции с внешним посессором. Так, в работах [Кибрик 2003; Леонтьев 2008; Брыкина 2009 и др.] для этих классов используются названия **экстрапозиция посессора** (21) и **экстрапозиция обладаемого** (22), которых я буду придерживаться в дальнейшем. Как будет показано в разделе 3.2.3, свойства экстрапозиции посессора и экстрапозиции обладаемого при релятивизации различаются.

Существует ряд аргументов, доказывающих, что посессор в такого рода конструкциях находится вне именной группы, возглавляемой обладаемым.

Во-первых, посессор и обладаемое могут оказываться в различных линейных позициях, при этом между посессором и обладаемым могут находиться другие слова (24):

(24) *Оппоненту выбили зуб.*

Во-вторых, в конструкции с внешним посессором обладаемое может быть выражено местоимением:

(25) *Владимир Константинович вдруг снял свои очки, вытащил из кармана платок и стал им утирать глаза: они у него покраснели, за-слезились (Яндекс).*

В русском языке личные местоимения могут заменять только полные именные группы, поэтому сочетание слов *они у него* невозможно считать составляющей, по крайней мере составляющей типа именной группы.

В-третьих, при экстрапозиции обладаемого именная группа, соответствующая посессору, проявляет свойства, характерные для глагольных зависимых, в частности, как отмечает Я. Г. Тестелец, конструкция с посессором в позиции прямого дополнения допускает пассивизацию:

(26) *Он был схвачен за шиворот* [Тестелец 2001: 204].

Наконец, в [Тестелец 2001: 198—199, 204] в качестве свойства, указывающего на принадлежность дативного внешнего посессора к числу глагольных зависимых, используется способность контролировать дистрибутивную конструкцию. Под последней понимается такая конструкция, в которой именная группа во множественном числе присоединяет после себя местоимение *каждый* в единственном числе, но в той же падежно-предложной форме, что и именная группа [Там же: 198]:

(27) *удалил им каждому по два зуба* [Там же: 204].

Согласно Я. Г. Тестельцу [Там же: 198—199], способностью контролировать дистрибутивную конструкцию обладают многие типы глагольных

зависимых, но не приименное зависимое в родительном падеже. По всей видимости, дистрибутивную конструкцию в обычном случае не могут контролировать и другие типы приименных зависимых, ср. (28):

(28) **Я изучала его письма друзьям каждому по два года.*

Таким образом, различные свойства указывают на то, что посессор и обладаемое в конструкции с внешним посессором не образуют единой составляющей.

В следующем разделе будут рассмотрены некоторые свойства конструкции с внешним посессором при релятивизации.

Позицию внешнего посессора могут занимать различные относительные местоимения, однако в подавляющем большинстве случаев эту позицию занимает местоимение *который*, поэтому далее в разделе 3 будут рассматриваться, прежде всего, свойства данной конструкции с союзным словом *который*.

3.2. «Эффект крысолова» в конструкции с внешним посессором

При релятивизации возможно следующее интересное явление: в некоторых случаях на левой периферии относительной клаузы оказывается не только внешний посессор, но и обладаемое (29)—(30):

(29) *...мама, глаза у **которой** краснели от слез...* (Л. Н. Андреев. Вая (1899)) (НКРЯ);

(30) *...темный старинный шкаф, в бок **которому** упиралась железная койка...* (А. С. Грин. Бегущая по волнам (1926)) (НКРЯ).

Данное явление напоминает по своим свойствам «эффект крысолова» (см. о нем в разделе 2.4). Примеры, подобные (29)—(30), достаточно неожиданны, поскольку «эффект крысолова» считается свойством составляющей (см., например, [Тестелец 2001: 140—141]), а в конструкции с внешним посессором посессор и обладаемое, как было показано выше, проявляют свойства независимых составляющих²³.

Если признавать, что «эффект крысолова» возможен только в пределах составляющей, логически возможны два способа анализировать примеры, подобные (29)—(30): можно предположить либо что в них представлен не внешний посессор, либо что в них представлен не «эффект крысолова».

²³ С. С. Сай обратил мое внимание на то, что данное явление (вынос в начало клаузы единицы, не проявляющей свойств единой составляющей с относительным местоимением) далеко не ограничивается примерами с внешним посессором, ср., например, (i):

(i) *Предварительно варят куриный бульон, соль в **который** кладут по вкусу, желательна из петуха* (Яндекс).

Свойства такого рода примеров требуют отдельного изучения и далее в работе рассматриваться не будут.

Эти две возможности будут рассмотрены в разделах 3.2.1 и 3.2.2 соответственно.

3.2.1. Внешний посессор vs. часть составляющей

В обычном случае при релятивизации посессора внешний посессор и обладаемое демонстрируют все свойства независимых составляющих, перечисленные в разделе 3.1, ср. (31), в котором между посессором и обладаемым находится предлог и обладаемое выражено местоимением:

- (31) {Первый сегмент мезосомы подвержен редукции и у почти всех представителей не несёт конечностей}. Исключение составляют мечехвосты, у **которых** на нём располагаются небольшие пластинки — хилярии (Яндекс).

Можно, однако, предположить, что свойства единой составляющей появляются у обладаемого и посессора, когда последний находится в постпозиции.

Аргументом в пользу этого предположения может служить отмеченная Ю. А. Ландером конструкция, в которой «внешние посессоры» с предлогом у относятся к сочиненным подлежащим в единственном числе, дающим множественное согласование на глаголе:

- (32) *Сломались компьютер у Петра и ксерокс у Павла* [Lander 2004: 318].

В примерах такого рода «внешний посессор» трудно считать зависимым глагола, т. к. в таком случае оба посессора относились бы к обоим конъюнктам, эллиптическая же трактовка исключается из-за множественного числа на глаголе. В связи с этим в [Lander 2004: 318] предлагается считать, что в примерах, подобных (32), внешний посессор в русском проявляет свойства внутреннего посессора. Далее высказывается предположение, что «внешний посессор» с предлогом у относится к числу «смешанных» конструкций, которые являются промежуточным этапом развития между внешним и внутренним посессором [Там же: 324]²⁴.

Таким образом, помимо первоначального предположения, что постпозитивный посессор всегда входит в ту же именную группу, что обладаемое, возможно и более слабое в логическом смысле утверждение, согласно которому постпозитивный посессор **может** демонстрировать **некоторые свойства** внутреннего посессора, одним из которых является возможность «эффекта крысолова».

Очевидным аргументом против более сильной формулировки является пример (25) выше, в котором обладаемое при постпозитивном внешнем посессоре выражено местоимением, а значит, по всей видимости, посессор не может быть его зависимым.

²⁴ Одним из оснований для этого предположения являются отмеченные в литературе случаи развития внутреннего посессора из внешнего [König, Haspelmath 1997: 586—587].

Кроме того, при постпозитивном внешнем посессоре, в частности при релятивизации, возможно использование дистрибутивной конструкции (см. о ней в разделе 3.1), что также является аргументом в пользу того, чтобы считать посессора зависимым глагола, а не обладаемого:

- (33) *В основном это не большие кабельщики [кабельные операторы. — М. Х.], покрытие у **которых** максимум по 5 тыс. у каждого (Яндекс).*

Некоторые возражения можно высказать и против более слабой формулировки, точнее, против того предположения, что данная формулировка объясняет возможность рассматриваемой конструкции.

Прежде всего, в той же позиции, что и обладаемое, в данной конструкции могут оказываться «лексикализованные» существительные, по отношению к которым вряд ли можно говорить о посессоре в обычном его понимании ((34), при [#]мышка которого; ср. также *на стреме у которых*, **стрем которых*; *на постой к которому, постой *которого?*⁷⁹ *у которого*):

- (34) *В дверях появилась длинная фигура Таковского, под мышкой у **которого** была большая папка с документами, очевидно с нашими личными делами (Яндекс).*

В той же позиции могут находиться наречия *домой* (35) и *дома* (36):

- (35) *Ничем помочь не могу, — не обрадовал Вершинина пожилой ветврач, **домой к которому** Кузьма экстренно доставил своего четверолапого друга (Яндекс);*
- (36) *Курение в семье существенно утяжеляло течение астмы: соотношение риска новых приступов у детей курящих родителей равнялось 1,34 (1,01—1,77), $p < 0,05$ в сравнении с пациентами, **дома у которых** не было курильщиков (Яндекс).*

Кажется естественным считать, что у словосочетаний *домой к которому* и *в дом к которому* одинаковая структура (точнее, для сочетания *в дом к которому* должна быть допустима та же структура, что и для сочетания *домой к которому*); т. е., если признать, что это составляющие, придется считать, что во втором случае *к которому* образует некую единую составляющую с сочетанием предлога и существительного *в дом*, а не с самим существительным *дом* (точнее, такая структура должна быть по крайней мере одним из возможных вариантов).

Таким образом, если считать «эффект крысолова» диагностическим признаком составляющей, в рассматриваемой конструкции посессор может демонстрировать свойства единой составляющей с существительным (33), наречием (35)—(36) и, предположительно, предложной группой (30), (34). Такие свойства не ожидаются ни для внутреннего, ни для внешнего посессора, следовательно, в рамках такого подхода особенности данной конструкции невозможно описать как простую совокупность типичных свойств внутреннего посессора и внешнего посессора.

Стоит отметить также, что если для внешнего посессора с предлогом *у* существуют некоторые независимые от релятивизации свойства, сближающие его с внутренним посессором (см. выше пример (32)), то для внешнего посессора в дательном падеже и для внешнего посессора с предлогом *к* такого рода свойства неочевидны. Кроме того, косвенным аргументом против анализа этих типов посессора как внутренних является и тот факт, что при них сильно ограничен набор позиций, которые может занимать обладаемое (предположительная вершина), ср. (37) при невозможности **клетка/клетки к которому*²⁵:

- (37) *Она прижала меня в угол с наглостью бывалого животного, в клетку к **которому** попало чужое и слабое существо, и что-то шепеляво спросила* (В. Конецкий. Начало конца комедии (1978)) (НКРЯ).

Возможным аргументом в пользу того, что «внешний посессор» при релятивизации занимает положение внутри именной группы, является невозможность прономинализации обладаемого. Так, обладаемое может быть выражено местоимением при препозиции посессора (38а), но не при постпозиции посессора (38б):

- (38а) *{Но во время общих проб я видел только «взрослые», порочные глаза.} Единственный актер, у **которого** они были чистые и детские — это Савостьянов* (Яндекс);
 (38б) **Единственный актер, они у **которого** были чистые и детские — это Савостьянов.*

Однако, по всей видимости, этот запрет вызван какими-то причинами, не связанными напрямую со структурой составляющих: тот же запрет наблюдается и в том случае, если в анафорической функции использовано обладаемое, не выраженное местоимением:

- (39а) *Шизофренику кажется, что у него болит сердце, и они лечат сердце, он говорит болит желудок, они лечат желудок... но эти органы у него здоровы...* (Яндекс);
 (39б) **Сердце и желудок лечат шизофренику, эти органы у **которого** здоровы.*

Как кажется, рассмотренные в данном разделе аргументы дают основание считать, что свойства внешнего посессора при релятивизации не совпадают со свойствами внутреннего посессора и не представимы в качестве смешанного набора типичных свойств внутреннего и внешнего посессоров.

²⁵ Последняя особенность отмечена также в [Брыкина 2009: 57—58]. Там же приводится возможный аргумент в пользу того, чтобы считать, что внешний посессор с предлогом *к* образует одну составляющую с обладаемым.

3.2.2. «Эффект крысолова» vs. коммуникативное передвижение

Другой возможный анализ предполагает рассмотрение слов, находящихся перед относительным местоимением, в качестве элемента, вынесенного в начало по причинам, никак не связанным с «эффектом крысолова». Такой элемент может быть по крайней мере топиком или ремой при инвертированном порядке слов²⁶.

При этом подходе одинаковую синтаксическую интерпретацию должны получить словосочетания *в крылатке* в (40) и *на кухне* в (41):

- (40) *А где же тот, в крылатке **который**?* (А. И. Свирский. Рыжик (1901)) (НКРЯ);
 (41) *Богатый патриций, на кухне у **которого** тогда жила моя прапрапрабабушка, спешно бежал из разорённого Рима* (С. Коровина. Ее острейшее величество // Трамвай. 1990. № 11) (НКРЯ).

Можно, однако, заметить, что между обычными случаями коммуникативного передвижения (40) и примерами, в которых предположительно представлен «эффект крысолова» (41), существует ряд различий.

Во-первых, коммуникативные передвижения, при которых выносимый в начало элемент оказывается перед относительным словом, характерны прежде всего для неформальной разговорной речи, что неверно для рассматриваемой конструкции. Распределение этих двух конструкций по устному и основному корпусам НКРЯ²⁷ представлено в табл. 7. Различие статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$).

Таблица 7

Относительная частотность коммуникативных передвижений и рассматриваемой конструкции в устных и письменных текстах

	Устный подкорпус	Основной подкорпус	Доля устного подкорпуса
<i>который</i> , коммуникативное передвижение	10	14 ²⁸	0,4
<i>у которого</i> (-ой, -ых) в постпозиции к обладаемому	1	31	0,03

Во-вторых, в письменных текстах рассматриваемая конструкция является более частотным явлением. Это подтверждается данными в табл. 8. Различие статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$).

²⁶ На вторую возможность указала мне Е. А. Лютикова.

²⁷ В основном корпусе НКРЯ представлены преимущественно письменные тексты.

²⁸ Большую часть этой группы составляют примеры, явным образом имитирующие устную речь.

Таблица 8

**Частотность коммуникативных передвижений
и рассматриваемой конструкции**

	Со словами, предшествующими относительному местоимению	В произвольном контексте	%
<i>который</i> , Nom	5	9591	0,05
<i>у которого</i>	4	310	1,29

Наконец, предложения, подобные (40) и (41), по всей видимости, различаются и интонационно: в (40) вынесенный в начало элемент с необходимостью должен нести фразовое ударение, что неверно для (41).

Таким образом, коммуникативные передвижения, в результате которых некоторый элемент оказывается в начальной позиции в клаузе, в отличие от рассматриваемого явления, более характерны для устной речи, а в письменных текстах встречаются редко. Кроме того, они требуют особого интонационного рисунка, не характерного для рассматриваемой конструкции.

Следовательно, положение обладаемого в конструкции с внешним посессором при релятивизации вряд ли можно считать коммуникативным передвижением или близким ему по свойствам явлением.

С учетом данных, представленных в разделах 3.2.1 и 3.2.2, следует признать, что в рассматриваемой конструкции допустим «эффект крысолова», несмотря на то что данная конструкция не является единой составляющей.

**3.2.3. Допустимость конструкции
при различных типах внешнего посессора**

Из всего многообразия конструкций с внешним посессором (см., например [Леонтьев 2008: 33]) «эффект крысолова» допускает всего несколько разновидностей. В частности, не допускают «эффекта крысолова» все подтипы конструкции с экстрапозицией обладаемого, в частности конструкции с посессором, занимающим позицию подлежащего (42а—б), и конструкции с посессором, занимающим позицию прямого дополнения (43а—б):

- (42а) *Петрович стоял рядом со шкафом и так был широк в плечах... что казалось, это стоят рядом два брата-близнеца* (Ю. Коваль)²⁹;
- (42б) ^{???} *Петрович, в плечах **который** был так широк...*
- (43а) *...Король подумал, что королева дерется, и ударил ее стаканом по голове* (Д. Хармс);
- (43б) ^{???} *королева, по голове **которую** ударил король...*

²⁹ Примеры (42—45а) взяты из [Леонтьев 2008].

Из конструкций с экстрапозицией посессора «эффект крысолова» допускают, по крайней мере, конструкции с посессором, оформленным дательным падежом (30) или предложной группой с предлогами *у* (38) и *к* (37). При этом конструкция с дательным падежом допускает «эффект крысолова» во всех значениях, выделенных в [Леонтьев 2008: 46] («ситуация, предполагающая контакт с посессором», «ситуация с вовлеченным участником — бене-/малефактивом» и др.), а для посессора, вводимого предлогом *у*, как кажется, не вполне допускают релятивизацию «ситуации, за осуществление которых, по мнению говорящего, несет ответственность посессор» (44а—б) и «ситуации с декаузативным субъектом» (45а—б), по А. П. Леонтьеву [Там же: 60]:

- (44а) *Ценнейшие доски, не говоря уже о сборных щитах, у вас заключенные на дрова рубят и в обогревалках сжигают* (А. Солженицын);
 (44б) *??надзиратель, заключенные у **которого** рубят на дрова ценнейшие доски...*
 (45а) *Не решается у меня эта задача, хоть тресни;*
 (45б) *??ученик, задача у **которого** не решается.*

Таким образом, «эффект крысолова» допускают только конструкции с экстрапозицией посессора, причем он возможен не для всех выделяемых конструкций или, возможно, допустимость «эффекта крысолова» следует считать одним из критериев для отнесения или неотнесения конструкции к числу конструкций с экстрапозицией посессора.

3.2.4. Свойства конструкции

«Эффект крысолова» при внешнем посессоре демонстрирует частично те же свойства, что и при внутреннем посессоре.

Во-первых, «эффект крысолова» при внешнем посессоре встречается чаще, если обладаемое входит в предложную группу, как в (46), см. данные в табл. 9 (ср. сходные данные для внутреннего посессора в разделе 2.2). Различие статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P \approx 0,02$).

- (46) *Или это один из его обычных мальчиков, в руку **которому** через несколько десятков страниц ложится холодная и надежная рукавать браунинга?* (В. Пелевин. Жизнь насекомых (1993)) (НКРЯ).

Во-вторых, «эффект крысолова» встречается при относительном местоимении *который* чаще, чем при относительном местоимении *кто* (47), см. табл. 10 (ср. с данными для внутреннего посессора в разделе 2.1). Различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

- (47) *В этот великий миг каждый, в груди у **кого** бьется пролетарское сердце, должен встать на борьбу* (С. Д. Мстиславский. Грач — птица весенняя (1937)) (НКРЯ).

Таблица 9

**Частотность «эффекта крысолова»
при обладаемом — части тела животного или человека
(стратегия с посессором в дативе)**

	С «эффектом крысолова»	Без «эффекта крысолова»	% «эффекта крысолова»
Обладаемое входит в предложную группу	8	110	7 %
Обладаемое не входит в предложную группу	2	171	1 %

Таблица 10

**Частотность «эффекта крысолова»
с относительными местоимениями *который* и *кто***

	С «эффектом крысолова»	Без «эффекта крысолова»	Доля «эффекта крысолова»
<i>у которого</i>	37	161	0,19
<i>у кого</i>	2	53	0,36

Таблица 11

Частотность «эффекта крысолова» во фразеологических сочетаниях

	<i>на глазах у кото- рого</i>	<i>у кото- рого на глазах</i>	Доля «эф- фекта кры- солова»	<i>под носом у кото- рого</i>	<i>у кото- рого под носом</i>	Доля «эф- фекта кры- солова»
Прямое значение	2	27	0,07	0	17	0,00
Переносное значение	73	48	0,60	9	20	0,31

Сходство этих свойств у конструкции с внешним посессором и конструкции с внутренним посессором при существенном различии в их структуре говорит, вероятно, о том, что эти свойства определяются не столько синтаксической структурой, сколько особенностями линейной цепочки, создающими сложности при речепорождении и восприятии.

Часто «эффект крысолова» встречается во фразеологических сочетаниях (*на глазах у которого, под носом у которого, за плечами у которого...*), причем в тех же сочетаниях, использованных в прямом значении, частотность «эффекта крысолова» оказывается ниже. Так, например, при употреблении словосочетания *на глазах у которого / у которого на глазах* в прямом значении (например, в сочетании, *у которого на глазах видеоочки*) предпочитается препозиция посессора, в переносном значении (например, в сочетании *на глазах у которого это случилось*) — постпозиция посессора. См. в табл. 11 данные для сочетаний *на глазах у которого* и *под носом у которого*. Различие в обоих случаях статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$).

Частотность «эффекта крысолова» во фразеологических сочетаниях указывает, вероятно, на его связь с единством данных единиц в плане речепорождения и речевосприятия и/или их семантическим единством, в противоположность исключительно синтаксическому единству, которым обычно объясняется «эффект крысолова».

3.2.5. «Эффект крысолова» с препозицией относительного местоимения

В ряде случаев внешний посессор оказывается в абсолютном начале клаузы, а непосредственно за ним следует обладаемое. Разумеется, такой порядок слов сам по себе говорит не о многом, так как в русском языке на взаимное расположение слов в предложении влияют несколько процессов, и «выдвижение» в начало посессора и обладаемого могут быть совершенно независимыми.

Можно, однако, заметить, что в некоторых случаях такого выноса, когда обладаемое входит в предложную группу, посессор и обладаемое образуют некое более тесное единство; так, для примера (48а) наиболее естественным кажется вариант произнесения, при котором после обладаемого делается пауза, и не вполне естественным — вариант произнесения, при котором пауза делается после посессора:

(48а) *И будто лохматый пес, **которому** ^{??}(#) в нос ^{??}(#) залетело мелкое насекомое, трамвай потряхивает своей усатой головой* (Яндекс).

Менее естественным, хотя и допустимым, кажется также пример (48б), в котором между посессором и обладаемым находятся другие слова³⁰:

(48б) *... пес, **которому** залетело в нос мелкое насекомое...*

В других же случаях (49б), напротив, вполне естественной кажется пауза после посессора, но не после обладаемого. Также более естественна в таких примерах постановка между посессором и обладаемым других слов (49а):

(49а) *Один мещанин, **которому** пожал руку Николай Второй, не мыл её целый месяц* (Яндекс);

(49б) *Один мещанин, **которому** [?](#) руку (*#) пожал Николай Второй, не мыл её целый месяц.*

Можно предположить, что в первом, но не во втором случае представлен препозитивный аналог явления, которое рассматривалось выше в разделах 3.2.1—3.2.4.

³⁰ Предпочтительность порядка слов с контактным расположением посессора и предложной группы, содержащей обладаемое, подтверждается подсчетами: на 43 различных примера с сочетанием слов *которому в глаз попал* в Яндексе приходится всего 11 с сочетанием слов *которому попал в глаз*.

Таким образом, препозитивный внешний посессор демонстрирует то же свойство, что внутренний посессор (см. раздел 2.2) и постпозитивный внешний посессор (см. раздел 3.2.4), а именно оказывается чувствителен к положению обладаемого внутри предложной группы, однако, в отличие от предыдущих случаев, при препозитивном посессоре в дательном падеже действует абсолютный запрет на обладаемое, не входящее в предложную группу³¹.

Данное ограничение хорошо согласуется с предсказаниями иерархии синтаксических отношений, доступных для обладаемого в конструкции с внешним посессором (The Syntactic Relation Hierarchy), из [Haspelmath 1999]:

- (50) предложная группа \subset прямое дополнение \subset подлежащее при неаккузативном глаголе \subset подлежащее при неэргативном глаголе \subset подлежащее при переходном глаголе³².

Данная иерархия (предложенная, прежде всего, для языков европейско-го ареала) предсказывает, что любая конструкция с внешним посессором, допустимая при обладаемом, занимающем одну из синтаксических позиций в (50), будет возможна также для всех позиций выше в иерархии.

В обычном случае русская конструкция с внешним посессором в дательном падеже допускает обладаемое в двух первых позициях в иерархии (предложная группа и прямое дополнение). Однако в контексте «эффекта крысолова» с препозицией относительного местоимения оказывается возможной только первая позиция в иерархии (предложная группа).

4. Конструкция с притяжательным местоимением *чей*

4.1. Одушевленность/неодушевленность имени в вершине

Вершиной относительного предложения с маркером *чей* в большинстве случаев является одушевленное существительное, как в (51):

- (51) *Значит, попробует выиграть тот наездник, чья лошадь в обычной ситуации не имела бы шансов* (А. Гладилин. Большой беговой день (1976—1981)) (НКРЯ).

Это условие, однако, не является обязательным. Так, в Академической грамматике указано, что обычно «слово *чей* способно заменять собою

³¹ При внешнем посессоре, вводимом предлогом *у*, данная конструкция, как кажется, возможна и в том случае, если обладаемое не входит в предложную группу:

(i) *У меня на работе сотрудник у **которого** брат (^{OK#}) женился на гражданке России* (Яндекс).

³² «PP \subset direct object \subset unaccusative subject \subset unergative subject \subset transitive subject» [Haspelmath 1999: 124].

только существительные со значением лица, но не предмета», однако «отклонения от этого правила имеют место в случаях персонификации <...> или тогда, когда заменяемое местоимением имя называет предмет, который в контексте может восприниматься как совокупность лиц...» [Шведова 1980: § 2880]. Например, предлагается считать, что местоимение *чей* в (52) возможно потому, что существительное *институт* использовано в собирательном значении:

(52) *Институт, чьи сотрудники (завод, чьи рабочие) помогли убрать урожай, заслужил благодарность* [Шведова 1980: § 2880].

Можно, однако, заметить, что в современном русском языке местоимение *чей* используется значительно шире. В НКРЯ представлено значительное количество примеров (см. табл. 12 ниже), в которых местоимение *чей*, очевидно, не соотносимо с одушевленным референтом:

(53) *...дальше пошел текст, чье авторство принадлежало Шеремету* (М. Кураев. Разрешите проявить зрелость!.. // Знамя. 2000) (НКРЯ).

В табл. 12 рассматривается диахроническая частотность союзного слова *чей* при следующих типах вершин: вершины с одушевленными существительными (51), вершины с неодушевленными существительными, соотносимыми с одушевленными объектами (52)³³, и вершины с неодушевленными существительными, несоотносимыми с одушевленными объектами (53). В таблице приведены данные об абсолютной частотности местоимения *чей* в различные периоды по отношению к объему подкорпуса (количество примеров на 10 млн. слов) и о доле, которую различные группы вершин составляют от случаев использования местоимения *чей* в данный период.

Как видно из табл. 12, частотность клауз с союзным словом *чей* увеличивается, по крайней мере с начала XX в., при всех типах вершин. Однако наиболее значительным оказывается рост частотности в группе с вершинами — неодушевленными существительными, не соотносимыми с одушевленными объектами, т. е. доля таких случаев также стабильно растет.

Таким образом, на протяжении всего XX в. происходит постепенное увеличение частотности местоимения *чей* в функции относительного местоимения, сопровождающееся постепенным «проникновением» этого местоимения в зону неодушевленности.

³³ К этой группе я отношу слова, референтами которых могут быть совокупности лиц (*пара, компания, народ, Европа*), а также слова, которые в контексте соотносимы с индивидуальными одушевленными объектами из-за действия метонимии, как в следующем примере:

(i) *Был ряд имен, чьи записи он никогда не приобрел бы для себя* (А. Грачев. Ярый против видеопиратов (1999)) (НКРЯ).

Таблица 12

**Изменение частотности местоимения *чей*
при различных типах вершин**

		1700— 1900	1901— 1950	1951— 2000	2001— 2007
Одушевленные	Количество	25	154	745	905
	На 10 млн.	8,59	38,39	137,77	200,48
	Доля	0,83	0,81	0,77	0,64
Неодушевленные, соотносимые с одушевленными объектами	Количество	5	21	91	193
	На 10 млн.	1,72	5,23	16,83	42,76
	Доля	0,17	0,11	0,09	0,14
Прочие неодушевленные	Количество	0	16	130	321
	На 10 млн.	0,00	3,99	24,04	71,11
	Доля	0,00	0,08	0,13	0,23
Всего	Количество	30	191	966	1419
	На 10 млн.	10,31	47,61	178,64	314,35
Объем подкорпуса		29089683	40118320	54075717	45140722

**4.2. Синтаксические отличия местоимения *чей*
от личных притяжательных местоимений**

Свойства местоимения *чей* в целом напоминают свойства личных притяжательных местоимений (*мой, его...*). Существуют, однако, некоторые различия, не выводимые автоматически из свойств личных и относительных местоимений в русском языке.

Так, местоимение *чей* используется почти исключительно в позиции в абсолютном начале клаузы³⁴, что несовместимо с некоторыми синтаксическими структурами³⁵.

Во-первых, местоимение *чей* практически невозможно, если обладаемое входит в какую-либо именную составляющую, не являясь ее вершиной:

(54а) *В этот момент она, улыбаясь, протянула руку Мэриан, и кончики их пальцев встретились в странном приветствии (Яндекс);*

³⁴ Это свойство, разумеется, связано с относительностью местоимения *чей*, однако не вытекает из нее напрямую, ср. местоимение *который*, которому может, в частности, предшествовать обладаемое.

³⁵ Предшествовать местоимению *чей* может предлог (см., впрочем, в разделе 5.3 данные, указывающие на сравнительную редкость таких примеров):

(i) *Меня он приучал тянуться в работе к тем режиссёрам и авторам, до чьего уровня исполнителю надо дотягиваться* (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995—1999)) (НКРЯ).

Препозиция слов других частей речи встречается исключительно редко.

(54б) ^{???} *Девушки, кончики **чьих** пальцев встретились в странном приветствии...*

Во-вторых, использование местоимения *чей* ограничено при единицах, обычно занимающих крайнюю левую позицию в именной группе, таких как кванторные слова *все, каждый, любой*, ср. (55а—б)³⁶:

(55а) *Все мои рассказы написаны на основе воспоминаний моих друзей* (Яндекс);

(55б) **писатель, все **чьи** рассказы / ^{???}**чьи** все рассказы написаны на основе воспоминаний его друзей...*

Единицы, которые могут находиться как перед личными местоимениями, так и после них (*другой, тот* или *иной*), при местоимении *чей* возможны только во второй позиции:

(56) *Блистательная сага от автора, **чей** другой псевдоним — Джеймс Роллинс — стал в литературном мире синонимом слову «бестселлер»* (Яндекс).

При числительных от их взаимного расположения с притяжательным местоимением зависит значение именной группы (ср. *мои два друга*, предполагающее, что других друзей у меня нет, и *два моих друга*, допускающие существование других друзей). В этом случае с местоимением *чей* оказывается возможным только порядок слов, при котором это местоимение располагается в начале, с соответствующим значением. Так, (57), как кажется, предполагает, что у собора только два шпиля:

(57) *А на самой вершине холма расположился сам собор, **чьи** два шпиля высятся в небе над городом* (Яндекс).

Наконец, с местоимением *чей* невозможен порядок, при котором притяжательному местоимению предшествует прилагательное, ср. (58а—б):

(58а) *А обычное моё состояние — это когда жизнь идёт, а я бегу где-то рядом* (Е. Голованова. День победы Виктории (2002) // Домовой. 2002.08.04) (НКРЯ);

(58б) ^{???} *Человек, обычное **чьё** состояние...*

Таким образом, местоимение *чей* используется предпочтительно в абсолютном начале клаузы, с чем связан ряд запретов на структуры, в которых это требование не может быть выполнено.

³⁶ Впрочем, многие слова из этого класса могут «отрываться» от именной группы, к которой они относятся, и в этом случае использование относительного местоимения *чей* оказывается более приемлемым:

(i) *Нашей задачей было <...> предложить законченный набор методов для развития ума существам, **чьи** обычные нужды были все удовлетворены* (Яндекс).

5. Конкуренция стратегий релятивизации посессора с маркерами *который* и *чей*

В настоящем разделе будет рассмотрена конкуренция двух основных стратегий релятивизации посессора — с помощью притяжательного местоимения *чей* и относительного местоимения *который* в форме родительного падежа.

5.1. Базовые различия

При релятивизации посессора местоимение *который* встречается значительно чаще, чем местоимение *чей*. Частично преобладание местоимения *который* объясняется редкостью стратегии с маркером *чей* при неодушевленных вершинах, однако стратегия с маркером *который* остается более частотной, даже если исключить из рассмотрения неодушевленные вершины. Приблизительное представление о сравнительной частотности относительных клауз с маркерами *чей* и *который* в современных текстах дают данные в табл. 13.

Таблица 13

Частотность местоимений *чей* и *который* при релятивизации посессора (1950—2007 гг.)

	Всего	%	Только для одушевленных существительных в вершине	%
<i>чей</i>	191	13 %	123	34 %
<i>который</i>	1278	87 %	236	66 %

Относительные конструкции с маркерами *чей* и *который* различаются также по некоторым структурным характеристикам.

Во-первых, относительное местоимение *который* не вполне допустимо в коррелятивах, т. е. в таких относительных предложениях, которые синтаксически присоединяются ко всей клаузе, содержащей вершину, и находятся от нее слева, ср. (59а—б)³⁷:

(59а) **Чья** смерть будет отважнее, тот и победил (Б. Васильев. Были и небыли. Книга 1 (1988)) (НКРЯ);

(59б) ??? Смерть **которого** будет отважнее, тот и победил.

³⁷ Как отмечает О. В. Митренина, коррелятивы с местоимением *который* (в отличие от коррелятивов с другими местоимениями и местоименными наречиями) в современном русском языке встречаются редко, только в разговорной речи, и при этом звучат архаично [Mitrenina 2010]. В то же время такие примеры кажутся в целом более допустимыми, чем коррелятивы с местоимением *который* в позиции приемного посессора (59б):

(i) **А которые** с рассудка — те много думают (Ф. М. Достоевский. Бесы (1871—1872)) (НКРЯ).

Во-вторых, местоимение *чей*, но не *который* может быть использовано в безвершинном предложении³⁸:

- (60а) *Поднимите / пожалуйста / руку / **чьи** родители в субботу приходили на субботник* (Урок в начальной школе (дорожные знаки) (2007)) (НКРЯ, устный подкорпус);
- (60б) **Поднимите, пожалуйста, руку, родители **которых** в субботу приходили на субботник.*

5.2. Свойства вершины

Важным фактором, влияющим на выбор той или иной стратегии, является одушевленность имени в вершине клаузы.

Как видно уже из данных в разделе 4.1, описание типов вершин, допускающих и не допускающих относительную клаузу с местоимением *чей*, не сводимо к бинарной оппозиции по одушевленности.

Вычисления показывают, что значимыми оказываются несколько противопоставлений.

Во-первых, отдельную группу образуют личные местоимения: как видно из табл. 14, при этом типе вершин доля относительных клауз с местоимением *чей* (61) значительно выше, чем у одушевленных существительных, в частности у одушевленных существительных, референтами которых являются люди. Различие статистически значимо (χ^2 , $P << 0,01$).

- (61) *Мы, **чьи** лучшие рабочие годы — с двадцати пяти до сорока — ушли водой в песок, погрязли в болоте, ухнули в бездонную пропасть...* (Владимир Молчанов, Консуэло Сегура. И дольше века... (1999—2003)) (НКРЯ).

Во-вторых, значимой оказывается граница между людьми и животными: как видно из табл. 14, при вершинах, референтами которых являются люди, частотность относительной клаузы с *чей* выше. Различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,05$).

В-третьих, разумеется, значимой оказывается граница между одушевленными и неодушевленными существительными: при неодушевленных существительных доля относительных клауз с маркером *чей* очень мала. Различие статистически значимо (χ^2 , $P << 0,01$).

³⁸ Безвершинные предложения с местоимением *чей* также допустимы не в любом контексте. По всей видимости, они в наибольшей степени допустимы при императиве (60а) и при сочетании глагола с частицами *пускай, пусть* (i), ср. с (ii).

- (i) *Вы в курсе, что зам. главы Раменского района заявил, что они не будут убирать «мусор», пусть **чьи** дома сгорели сами его и убирают!!!* (Яндекс)
- (ii) ?? ***Чьи** дома сгорели сами уберут мусор.*

О близких ограничениях для других типов относительных групп, а также о предположительных причинах этих ограничений см. [Лютикова 2008: 21—23].

Таблица 14

**Сравнительная частотность относительных предложений
с маркерами *чей* и *который* при личных местоимениях
и одушевленных существительных в вершине³⁹**

	<i>чей</i>	<i>который</i>	Доля <i>чей</i>
Личные местоимения	30	17	0,64
Люди	1900	7565	0,20
Животные	78	424	0,16

Таблица 15

**Частотность относительных клауз с маркерами *чей* и *который*
при вершинах с одушевленным
и неодушевленным существительным в вершине**

	<i>чей</i>	<i>который</i>	% <i>чей</i>
Одушевленные	1829	5194	26,0 %
Неодушевленные	777	15100	4,9 %

Таблица 16

**Частотность относительных клауз с маркерами *чей* и *который*
при вершинах, референтом которых являются растения**

	<i>чей</i>	<i>который</i>	% <i>чей</i>
Растения	28	132	18 %
В среднем для неодушевленных существительных	653	13621	4 %

Наконец, некоторые семантические группы выделяются и среди вершин с неодушевленными референтами.

Так, очень высока доля относительных клауз с маркером *чей* при вершинах, референтами которых являются растения, как в (62). Различие статистически значимо (χ^2 , $P \ll 0,01$).

(62) *Это и гортенши, чьи соцветия ярче на кислых почвах, и люпины, и рододендроны* (Сад на кислых почвах (2003) // Сад своими руками. 2003.09.15) (НКРЯ).

Значимо (χ^2 , $P < 0,01$) также различие между вершинами, референтами которых являются животные и растения, т. е. между теми из рассмотрен-

³⁹ Данные в табл. 14—17 не соотносимы друг с другом, так как при их расчете использовались различные ограничения. Некоторые из этих ограничений связаны с абсолютной частотностью стратегий релятивизации, но, предположительно, ни одно из них не влияет на сравнительную частотность стратегий при различных типах вершин.

ных групп одушевленных и неодушевленных существительных, которые наиболее близки по распределению стратегий релятивизации.

Таблица 17

Частотность относительных клауз с маркерами *чей* и *который* при вершинах, референтом которых являются животные или растения

	<i>чей</i>	<i>который</i>	% <i>чей</i>
Животные	53	293	15 %
Растения	28	317	8 %

Среди вершин с неодушевленным существительным сравнительно высокой оказывается доля относительных клауз с маркером *чей* в том случае, если это существительное является именем собственным (63), см. данные в табл. 18. Различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

- (63) *Посреди холмов, покрытых лесом, возвышается аббатство Нересхайм, **чье** основание восходит к 1095 году* (Плодотворные контакты (2003) // Российская музыкальная газета. 2003.06.11) (НКРЯ).

Таблица 18

Частотность имен собственных в вершинах относительных клауз с маркерами *чей* и *который*

	<i>чей</i>	<i>который</i>	% <i>чей</i>
Неодушевленные имена собственные	113	1479	7,0 %
В среднем для неодушевленных существительных	777	15100	4,9 %

Как кажется, использование относительного предложения с *чей* характерно также для вершин, референтами которых являются объекты следующих типов: организации и заведения (64), здания (*дом, замок*), географические и астрономические объекты (*поселок, планета*), транспортные средства (*машина, самолет*), литературные произведения и печатные издания (*стихотворение, книга*).

- (64) *Как сейчас живет фирма, **чьи** научно-технические интересы простирались от дна морского до Луны и глубин космоса?* (Российское оружие: война и мир (1999)) (НКРЯ).

Проверить это предположение для каждой из этих групп вряд ли возможно, однако, как видно из табл. 19, в совокупности они составляют значительно бóльшую долю от релятивизации с маркером *чей*, чем от релятивизации с маркером *который*. Различие статистически значимо (χ^2 , $P \ll 0,01$).

Обращает на себя внимание тот факт, что перечисленные выше группы приблизительно соответствуют тем классам объектов, которые часто обозначаются именами собственными (ср. завод «Красный треугольник»,

Мраморный дворец, Санкт-Петербург, планета Земля, шхуна «Эспаньола», «Отцы и дети»). По всей видимости, факторы, влияющие на присвоение некоторому объекту имени собственного (прежде всего, значимость отдельных объектов, а не их типов), оказываются релевантными и при выборе стратегии релятивизации. Таким образом, стратегия релятивизации с *чей* с большей вероятностью используется в том случае, если вершина соотносится с таким типом объектов, для которого существенно противопоставление индивидуальных объектов.

Таблица 19

Частотность некоторых типов неодушевленных существительных в вершинах относительных клауз с маркерами *чей* и *который*⁴⁰

	Организации, здания...	Другое	%
<i>чей</i>	293	226	56 %
<i>который</i>	14	86	14 %

Другим параметром, взаимодействующим с выбором стратегии релятивизации, оказывается наличие при вершинном существительном детерминативов *тот* (65), *такой* (66)⁴¹:

- (65) *А это, — обратился он ко мне, — тот журналист, письмо **которого** вы цитировали* (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Пролог (1943—1958)) (НКРЯ);
- (66) *Бывают такие люди, слова **которых** похожи на хорошо очищенные орехи* (В. Баранец. Генштаб без тайн. Кн. 1 (1999)) (НКРЯ).

Как видно из табл. 20, если в составе вершины есть местоимение *такой*, доля относительных клауз с *который* оказывается значительно выше, чем при местоимении *тот*. Различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

Таблица 20

Местоименные модификаторы *тот*, *такой* при вершине (только для одушевленных существительных в вершине)

	<i>такой</i>	<i>тот</i>	% <i>такой</i>
<i>чей</i>	3	102	3 %
<i>который</i>	38	262	13 %

Как отмечает Н. Р. Добрушина, «именная группа с *такой* обычно соотносится с классом объектов {...} в то время как именная группа с *тот* со-

⁴⁰ В данной таблице не учитываются имена собственные, очевидно собирательные существительные и растения.

⁴¹ Под детерминативом понимается грамматический элемент, маркирующий вершину относительной клаузы, см., в частности, [Diessel 1999: 135—137].

относится с единичным объектом, даже если он неопределенный» [Dobrushina, in press].

Таким образом, относительная клауза с маркером *чей* предпочитается при вершинах, референтами которых являются единичные объекты, а не классы объектов (ср. выше выводы из данных о частотности вершин с именами собственными и именами, относящимися к тем же семантическим классам, что и имена собственные).

5.3. Свойства обладаемого

На выбор стратегии релятивизации оказывают влияние также некоторые характеристики обладаемого.

Во-первых, выбор стратегии релятивизации неслучайным образом относится с синтаксической позицией, которую обладаемое занимает в относительной клаузе. Как видно из табл. 21, относительная клауза с маркером *чей* составляет самую большую часть от релятивизации посессора при подлежащем (67), реже встречается при релятивизации посессора при прямом дополнении (68), еще реже — при релятивизации посессора при косвенных дополнениях⁴² (69) и практически невозможна при релятивизации посессора посессора ср. (70а—б)⁴³. Различия между этими четырьмя группами при попарном сравнении статистически значимы (χ^2 , во всех случаях $P < 0,05$).

- (67) *Его сразу поддержал кузнец, **чья** кузница располагалась под топелем ближе всех прочих построек к камню* (Василь Быков. Камень (2002)) (НКРЯ);
- (68) *Рыцарю, **чью** сломанную руку исцелил апостол Яков и который забыл посетить его гробницу, этот апостол в наказание сломал другую руку* (С. А. Еремеева. Лекции по истории искусства (1999)) (НКРЯ);
- (69) *Чему же могут научить нас миссионеры, **чьим** сектам всего не сколько десятилетий от роду?* (митрополит Владимир (Иким). ... А друзей искать на Востоке (1999)) (НКРЯ);
- (70а) *Авторы этих пособий теряются в тени великих схоластов, крохами учёности **которых** они в основном пробавлялись* (А. Я. Гуревич. Популярное богословие и народная религиозность средних веков (1976)) (НКРЯ);
- (70б) *??? ... в тени великих схоластов, крохами **чьей** учёности они в основном пробавлялись.*

⁴² В табл. 21 приведены данные для косвенных падежей по отдельности и далее в отдельном столбце — данные для косвенных падежей в целом.

⁴³ Рассматривать при расчетах падежное оформление вместо собственно синтаксических позиций позволяет тот факт, что в русском языке эти два параметра сильно скоррелированы.

Таблица 21

Частотность различных падежных форм у обладаемого в относительных клаузах с маркерами *чей* и *который* (только для одушевленных существительных в вершине)⁴⁴

			<i>который</i>		<i>% чей</i>
Именительный падеж	239		562		29 %
Винительный падеж	42		168		20 %
Дательный падеж	16		103		13 %
Творительный падеж	88	270	591	2679	13 %
Предложный падеж	166		1985		8 %
Родительный падеж (приименной)	0		275		0 %

Типы обладаемых, выделяемые по данным в табл. 21, очевидным образом соотносятся с позициями в иерархии доступности именных групп (71), т. е. иерархии синтаксических позиций по допустимости их релятивизации⁴⁵, при этом относительные клаузы с маркером *чей* предпочтительнее при обладаемых, занимающих более высокое положение в иерархии доступности.

(71) SU > DO > IO > OBL > GEN > OCOMP⁴⁶

Ряд ограничений на ту или иную стратегию неслучайным образом связан с линейным расположением маркеров *чей* и *который* относительно обладаемого, препозитивным и постпозитивным соответственно.

Так, как было показано в разделе 4.2, местоимение *чей* встречается почти исключительно в абсолютном начале клаузы, что несовместимо с некоторыми типами синтаксической структуры обладаемого, такими как именная группа с квантором⁴⁷ и именная группа, входящая в состав другой именной группы. В этих случаях используется стратегия релятивизации с маркером *который*, ср. (72а—б), (70а—б).

(72а) *Будь Николай Григорьевич величайшим человеком, каждое слово **которого** важно для истории, и то не стоило собирать в эту папку столько рехляди и пустяков* (В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)) (НКРЯ);

(72б) *Будь Николай Григорьевич величайшим человеком, ?? **чье** каждое слово / *каждое **чье** слово важно для истории...*

⁴⁴ Данные в табл. 21 не отражают относительную частотность обладаемых в различных падежах.

⁴⁵ Об иерархии доступности см. прежде всего [Comrie, Keenan 1979].

⁴⁶ В (71) используются следующие обозначения: SU — подлежащее, DO — прямое дополнение, IO — не прямое дополнение, OBL — косвенное дополнение, GEN — приименное генитивное зависимое, OCOMP — объект сравнения.

⁴⁷ См., впрочем, примеч. 35.

С некоторыми запретами связана также линейная позиция местоимения *который*. Как и прочие приименные генитивные зависимые, местоимение *который* в подавляющем большинстве случаев находится в позиции непосредственно после обладаемого, ср. ^{???}*Одиссей, возвращение на Итаку которого...*; ^{???}*Одиссей, желание вернуться которого...* Для большинства типов зависимых это ограничение не делает невозможным использование стратегии с маркером *который*, т. к. они могут отрываться от своей вершины, ср. *Одиссей, возвращение которого на Итаку...*; *Одиссей, желание которого вернуться...* Невозможной стратегия с местоимением *который* оказывается в случае, если зависимое обладаемого не может от него отрываться, как при коротком приложении, характеризующем предмет по качественному признаку (в терминах [Шведова 1980: §1820]), ср. (73а—б)^{48, 49}.

(73а) *Во-первых, я познакомился с ужасно колоритным дядькой, чья дочка-красавица, вот удача, работает в российском консульстве в Милане...* (Яндекс);

(73б) ^{???}*дядька, дочка-красавица которого работает в российском консульстве* / **дядька, дочка которого красавица работает в российском консульстве.*

В случае, если приложение может отрываться от своей вершины, стратегия релятивизации с *который* допустима:

(74) *Говорим еще о М. П. Арцыбашеве, рассказ которого «Кровь» Лев Николаевич рекомендовал в наш журнал, вегетарианстве и другом* (И. И. Перпер. У Льва Николаевича Толстого и его друзей (1909)) (НКРЯ).

Как кажется, с постпозитивным положением местоимения *который* по отношению к вершине в какой-то мере связана также предпочтительность этой стратегии при более коротких составляющих. Так, доля относительных клауз с маркером *чей* оказывается выше, если обладаемое выражено сочиненной группой, как в (75), см. данные в табл. 22. Различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

⁴⁸ Если приложение использовано для характеристики предмета по подобию [Шведова 1980: §1820], релятивизация посессора с помощью местоимения *который* возможна:

(i) *А забавный зверёк, глазки-бусинки которого сейчас смотрели на Дэни, вдруг вызвал у мальчика симпатию и какую-то тёплую грусть...* (Яндекс).

⁴⁹ В случае, если существительное, требующее посессора, находится во второй позиции, возможны обе стратегии релятивизации (i)—(ii);

(i) *С {...} капитаном-героем, красавица-дочь которого ничего не боится и даже спасает из заточения отца и друзей?* (Яндекс);

(ii) *Например, владелец сети ресторанов традиционной вьетнамской кухни, чья красавица-дочь учится в США, по вечерам выкладывает из разноцветных камешков пейзажи и пагоды...* (Яндекс).

- (75) *В этом растлении человеческой души в значительной мере повинен блатной мир, уголовники-рецидивисты, **чьи** вкусы и привычки сказываются на всей жизни Колымы* (В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954—1961)) (НКРЯ).

Таблица 22

Частотность сочинения обладаемых в относительных клаузах с маркерами *чей* и *который* (только для одушевленных существительных в вершине)

	<i>чей</i>	<i>который</i>	% <i>чей</i>
С сочинением обладаемых	91	157	37 %
Всего	190	5194	28 %

Кроме того, стратегия релятивизации с маркером *который* оказывается практически невозможной в том случае, если обладаемое является фрагментом прямой речи, ср. (76а—б)⁵⁰.

- (76а) *Бесят непрофессионалы, **чье** «ой, простите, забыл» оборачивается катастрофой мирового масштаба* (Яндекс).
- (76б) ^{???} *Непрофессионалы, «ой, простите, забыл» **которых** оборачивается катастрофой...*

Наконец, стратегия релятивизации с маркером *который* оказывается не вполне допустимой, если обладаемое выражено именем собственным:

- (77а) *Начала это дело Марусяка Шевелева, **чей** Сенька каждую субботу после бани норовил вроде бы смотаться на дежурство, а на самом деле до утра пролеживал у Панки под пышными пологами* (Виль Липатов. Деревенский детектив / Панка Волошина (1967—1968)) (НКРЯ);
- (77б) ^{???} *Начала это дело Марусяка Шевелева, Сенька **которой** каждую субботу норовил вроде бы смотаться на дежурство...*

Запрет, проиллюстрированный в (77б), не ограничен контекстом релятивизации: как кажется, имена собственные в узком смысле (в терминах [Шведова 1980: §1124]) в целом не допускают генитивных зависимых (^{???} *Сенька Марусяки Шевелевой*) и возможны при притяжательных местоимениях и прилагательных (ср. (77а), а также *ее Сенька, Марусякин Сенька*).

⁵⁰ Е. А. Лютикова указала мне на то, что данное ограничение частично объясняется обнаруженной Я. Г. Тестельцом закономерностью, согласно которой при фрагментах прямой речи и идеофонах в роли подлежащего затруднено использование постпозитивных (несогласуемых) определений без выражающих согласовательные признаки препозитивных.

(i) *Снаружи слышалось ^{??}(негромкое) «р-р-р» их собаки* (пример Я. Г. Тестельца).

В то же время при релятивизации запрет на имена собственные в позиции обладаемого оказывается более строгим: второй класс собственных имен по [Шведова 1980: §1124] — собственные наименования — допускает в качестве генитивных зависимых существительные («*Танцующая в темноте*» Ларса фон Триера) и не вполне допустим, если посессор при них выражен относительным местоимением *который*:

- (78а) *Так же как 1990-й стал «годом Линча», а 1994-й — «годом Тарантино», нынешний можно назвать именем Ларса фон Триера, **чья** «Танцующая в темноте» (...) вызвала самый громкий, не всюду, впрочем, позитивный, резонанс* (А. Плахов. На экранах мира гладиаторы, драконы и тигры (2001) // Аргументы и факты. 2001.01.03) (НКРЯ);
- (78б) ^{???} *Нынешний год можно назвать именем Ларса фон Триера, «Танцующая в темноте» **которого** вызвала громкий резонанс.*

5.4. Выражение участников при номинализации

Особого внимания заслуживает выражение с помощью местоимений *который* и *чей* участников ситуации, обозначенной отглагольным существительным, как в (79а):

- (79а) *Оно разработало три явно запоздалых плана под кодовыми словесными названиями птиц, **чье** появление символизирует беду: «Гриф», «Кондор» и «Альбатрос»* (С. Балмасов. Дьен-Бьен-Фу: подвиг и Голгофа французского иностранного легиона (2003) // Солдат удачи. 2003.12.03) (НКРЯ).

Типы этих участников можно подразделить на три класса, в зависимости от того, роли какого участника при соответствующем глаголе соответствует посессор при номинализации: роли А-участника (агенсаподобного участника при переходном глаголе), S-участника (единственного ядерного участника при непереходном глаголе), или О-участника (пациенсаподобного участника при переходном глаголе). Так, в (79а) местоимение *чей* занимает позицию S-участника, т. к., как видно из (79б), глагол, соответствующий номинализации *появление*, является одноместным.

- (79б) *Птицы появляются.*

Частотность местоимений *чей* и *который* в позициях, соответствующих А-, S- и О-участнику, можно увидеть в табл. 23. Различия между группами при попарном сравнении статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$).

Как видно из табл. 23, стратегия релятивизации с местоимением *чей* составляет наибольшую долю от релятивизации позиции А-участника при номинализации, меньшую — от релятивизации позиции S-участника при номинализации и совсем редко встречается в позиции О-участника при номинализации.

Таблица 23

**Частотность местоимений *чей* и *который*
при отглагольных существительных на *-ние* со значением имени действия
(только для одушевленных существительных в вершине)**

	<i>чей</i>	<i>который</i>	Доля <i>чей</i>
A	6	0	1,00
S	22	65	0,25
O	2	46	0,04

Данное распределение частично предсказывается правилом, выведенным Г. Корбеттом для славянских языков, согласно которому притяжательные прилагательные (а к ним условно можно отнести и притяжательные местоимения. — М. Х.) встречаются в субъектной функции не реже, чем в объектной, и допускают не меньшее количество разновидностей субъектных употреблений [Corbett 1987: 330]⁵¹.

6. Выводы

1. В русском языке для релятивизации позиции посессора может быть использована одна из следующих посессивных конструкций: конструкция с приименным генитивным зависимым, конструкция с внешним посессором или конструкция с притяжательным местоимением.

2. Позицию приименного генитивного зависимого могут занимать местоимения *который*, *что*, *какой*, *каковой*, *кой* и *кто*.

Для местоимений *какой*, *каковой* и *кто* эта позиция в целом нехарактерна, за исключением контекста количественных конструкций. Позиции, в которых возможны эти местоимения, совпадают с отмеченными Е. А. Лютиковой позициями, допускающими отсутствие «эффекта крысолова» [Лютикова 2009: 484—489], что, возможно, указывает на предпочти-

⁵¹ Связь притяжательных местоимений с позицией А-участника видна также в следующем примере:

(i) *Его преследование редактора* [Падучева 1984: 59].

Как отмечает Е. В. Падучева, в случае, если притяжательное местоимение зависит от имени действия, от которого зависит также существительное в родительном падеже, как в примере (i), для местоимения оказывается невозможным объектное прочтение [Там же: 59].

Ср. также [Волк 2009], где отмечается, что при одном из классов отглагольных имен пациентивная интерпретация возможна для генитивных зависимых и невозможна для притяжательных прилагательных и притяжательных местоимений 1 и 2 лица: ср. *их исследование*, допускающее и агентивную, и пациентивную интерпретацию, и *наше исследование*, возможное только с агентивной интерпретацией (пример из [Волк 2009]).

тельность этих местоимений в абсолютном начале клаузы. В случае с местоимением *кто* данное предположение подтверждается частотностью в неколичественных конструкциях порядка слов с препозицией относительного местоимения.

3. В русском языке явление, по своим свойствам напоминающее «эффект крысолова», возможно в единицах, проявляющих свойства независимых составляющих. Важно отметить, что это явление не является универсально допустимым — так, в сардинском языке оно, по всей видимости, невозможно, ср. примеры (80а—б), предложенные в [Jones 1993: 222] (цит. по [König, Haspelmath 1997: 528]).

(80а) *A sos pitzinnos appo lavatu sas dentes*
 PREP DEF мальчики имею мыть.РТСР DEF зубы
 ‘Мальчикам я почистил зубы’;

(80б) **Sas dentes a sos pitzinnos appo lavatu*
 DEF зубы PREP DEF мальчики имею мыть.РТСР
 ‘Зубы мальчикам я почистил’.

Как видно из этих примеров, в сардинском языке возможен вынос в начало клаузы внешнего посессора (80а), но не единицы, состоящей из обладаемого и внешнего посессора (80б).

В русском языке, как кажется, возможен не только буквальный перевод предложения (80б), что само по себе не удивительно, так как в русском достаточно свободно допускается топикальный вынос нескольких составляющих, но и соответствующее относительное предложение:

(81) *Мальчики, зубы **которым** я почистил...*

4. На протяжении периода, отраженного в НКРЯ, — с начала XVIII в. до начала XXI в. — в системе релятивизации посессора в русском языке произошли по крайней мере следующие существенные изменения:

а) предпочтительная линейная позиция относительного местоимения — посессора в родительном падеже изменилась с препозитивной на постпозитивную;

б) стали невозможными именные группы с разрывом генитивной связи, за исключением количественных конструкций;

в) значительно увеличилась частотность местоимения *чей*;

г) значительно увеличилась доля примеров, в которых вершиной при относительной клаузе с местоимением *чей* является неодушевленное существительное, не соотносимое с одушевленными объектами.

5. Основные стратегии релятивизации посессора — с маркерами *котормый* и *чей* — различаются по ряду абсолютных и статистических характеристик. При сравнении этих стратегий можно обнаружить следующие закономерности:

а) Частотность стратегии релятивизации с маркером *чей* убывает по мере продвижения по иерархии (82).

(82) Вершина относительной конструкции:

личные местоимения > люди > животные > растения; неодушевленные объекты — имена собственные, а также нарицательные существительные тех же классов > др.

Данная иерархия (кроме своей предпоследней позиции) представляет собой усеченный вариант иерархии одушевленности, восходящей к работе [Silverstein 1976].

б) Притяжательное местоимение *чей* значительно чаще используется при вершине с детерминативом *тот*, чем при вершине с детерминативом *такой*. Такое противопоставление, по всей видимости, указывает на предпочтение клауз с местоимением *чей* при вершинах, референтами которых являются единичные объекты, а не классы объектов.

в) Относительная клауза с местоимением *чей* предпочитается при обладаемых, находящихся выше в иерархии доступности.

г) Относительная клауза с местоимением *чей* является единственным возможным или явно предпочтительным средством релятивизации посессора при следующих типах обладаемого: существительное с зависящим от него приложением, фрагмент прямой речи, имя собственное.

д) При отглагольных существительных со значением имени действия относительная клауза с маркером *чей* является предпочтительным вариантом при релятивизации позиции А-участника, относительная клауза с маркером *который* — при релятивизации позиции О-участника.

Как кажется, часть наблюдаемых признаков может быть объяснена с помощью принципа референциальной компактности Е. В. Падучевой, согласно которому «референциально независимая именная группа (в особенности именная группа, референция которой известна говорящим) должна быть введена в денотативное пространство высказывания раньше, чем именные группы, которые от нее референциально зависят» [Paducheva 2004: 355].

Очевидно, что данному условию в современном русском языке удовлетворяет посессор, выраженный местоимением *чей*, но не посессор, выраженный местоимением *который*. Можно предположить, что местоимение *чей* значительно чаще, чем местоимение *который*, используется для введения нового референта в позиции обладаемого, т. е. что соответствующие стратегии релятивизации противопоставлены по тому, какого рода генитивные отношения они обычно выражают: с обладаемым, референциально зависимым от посессора, или с референциально независимым обладаемым («anchoring genitives» и «non-anchoring genitives») соответственно, см. об этом противопоставлении [Koptjevskaja-Tamm 2002]).

Особые средства маркирования при введении нового референта должны быть необходимы, если этот референт минимально предсказуем (этому условию очевидно отвечают имена собственные и фрагменты прямой речи).

Это предположение подтверждают также следующие подсчеты: относительные клаузы с местоимением *чей* встречаются чаще при обладаемом,

выраженном словом *сын*, чем при обладаемом, выраженном словом *отец*, см. данные в табл. 24. Различие статистически значимо (χ^2 , $P \approx 0,03$).

Таблица 24

**«Предсказуемость» обладаемого
в относительных клаузах с маркерами *чей* и *который* (Яндекс)**

	<i>чей</i>	<i>который</i>	% <i>чей</i>
<i>человек, ... отец ...</i>	97	209	32 %
<i>человек, ... сын ...</i>	55	75	42 %

Очевидно, что у всякого человека есть отец, но не у всякого человека есть сын, следовательно, обладаемое, выраженное словом *отец*, является более «предсказуемым» и поэтому чаще используется с относительной клаузой с местоимением *который*.

В свете этого различия неслучайными оказываются также свойства вершины: объекту, служащему для референциальной идентификации другого объекта, естественно быть единичным и одушевленным (ср. типичные свойства таких единиц в [Kortjevskaja-Tamm 2002]).

Как кажется, с этим же различием связано предпочтение местоимения *чей* в позиции А-участника при номинализации: как известно (см., например, [Du Bois 2003: 34]), языки мира избегают введения новых аргументов в позиции А-участника, т. е. эта позиция используется, как правило, для обозначения данных участников, а такие участники скорее могут оказаться референциальным «якорем» («anchor»).

Л и т е р а т у р а

Брыкина 2009 — М. М. Брыкина. Языковые способы кодирования поссесивности (на мат-ле корпусного иссл. рус. яз.). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Волк 2009 — В. С. Волк. Синтаксис притяжательных местоимений и вторичная адъективация: Тезисы на круглый стол «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы». 2009.

Зализняк, Падучева 1979 — А. А. Зализняк, Е. В. Падучева. Синтаксические свойства местоимения *который* // Т. М. Николаева (ред.). Категория определенности — неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979. С. 289—329.

Кагарлицкий 2004 — Ю. В. Кагарлицкий. Придаточные определительные с союзным словом *кой* в русском литературном языке первой половины XVIII века // Рус. яз. в науч. осв. 2004. № 1 (7). С. 136—156.

Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Внешний посессор в русском языке // А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб., 2003. С. 307—319.

Леонтьев 2008 — А. П. Леонтьев. Формальный анализ атрибутивных именных групп в перспективе конструкций с внешним посессором. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Лютикова 2008 — Е. А. Лютикова. Загадки русских относительных предложений: Материалы лекции, прочитанной на конф. молодых исследователей «Синтаксические структуры — 2». Москва, 3—4 апреля 2008 г.

Лютикова 2009 — Е. А. Лютикова. Относительные предложения с союзным словом *который*: общая характеристика и свойства передвижения // К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, С. Г. Татевосов (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009. С. 436—511.

Падучева 1984 — Е. В. Падучева. Притяжательные местоимения и проблема залога отглагольного имени // Проблемы структурной лингвистики 1982. М., 1984. С. 50—66.

Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Шведова 1980 — Н. Ю. Шведова (ред.). Русская грамматика. Т. II. М., 1980.

Янович, Грунтова 2007 — И. С. Янович, Е. С. Грунтова. Дистрибуция русских относительных местоимений *кто (что)* vs. *который* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Междунар. конф. «Диалог 2007». М., 2007. С. 626—629.

Broadwell 1999 — G. A. Broadwell. Focus alignment and optimal order in Zapotec. Proceedings of the 35th Chicago Linguistic Society. 1999.

Broadwell, Key 2004 — G. A. Broadwell, M. P. Key. Pied-piping with inversion in Copala Trique. Presented at the Society for the Study of the Indigenous Languages of the Americas, San Francisco, Jan 2004.

Comrie, Keenan 1979 — B. Comrie, E. Keenan. Noun phrase accessibility revisited // Language. Vol. 55, № 3. 1979. P. 649—664.

Corbett 1987 — G. G. Corbett. The morphology/syntax interface: evidence from possessive adjectives in Slavonic // Language. 63 (2). 1987. P. 299—345.

Diessel 1999 — H. Diessel. Demonstratives: form, function and grammaticalization. Amsterdam, 1999.

Dobrushina, in press — N. R. Dobrushina. Subjunctive in Russian relative clauses // A. Grønn, I. Marijanovic (eds.). Oslo studies in language. In press.

De Vries 2006 — M. de Vries. Possessive relatives and (heavy) pied piping // Journal of comparative Germanic linguistics. 9. 2006. P. 1—52.

Du Bois 2003 — J. W. Du Bois. Argument structure: grammar in use // J. W. Du Bois, L. E. Kumpf, W. J. Ashby (Eds.). Preferred argument structure: grammar as architecture for function. Amsterdam, 2003. P. 11—60.

Haspelmath 1999 — M. Haspelmath. External Possession in a European Areal Perspective // D. L. Payne, I. Barshi (Eds.). External possession. Amsterdam; Philadelphia, 1999. P. 109—136.

Hawkins 1983 — J. A. Hawkins. Word order universals. New York, 1983.

Jones 1993 — M. A. Jones. Sardinian syntax. London, 1993.

Koptjevskaja-Tamm 2002 — M. Koptjevskaja-Tamm. Adnominal possession in the European languages: form and function // Sprachtypologie und Universalienforschung. 55/2. 2002. P. 141—172.

König 2001 — E. König. Internal and external possessors // M. Haspelmath et al. (Eds.). Language typology and language universals: an international handbook. Vol. 2. Berlin; New York, 2001. P. 370—379.

König, Haspelmath 1997 — E. König, M. Haspelmath. Les constructions à possesseur externe dans les langues d'Europe // J. Feuillet (Ed.). Actance et valance dans les langues de l'Europe. Berlin, 1997. P. 525—606.

Lander 2004 — Yu. A. Lander. Dealing with relevant possessors // J. Kim, Yu. A. Lander, B. H. Partee (Eds.). *Possessives and beyond: Semantics and Syntax*. Amherst (Mass.), 2004. P. 309—336.

Lehmann 1986 — Ch. Lehmann. On the typology of relative clauses // *Linguistics*. Vol. 24, № 4. 1986. P. 663—680.

Mitrenina 2010 — O. V. Mitrenina. Correlatives: evidence from Russian // *Proceedings of the European conference on formal description of Slavic languages*. Peter Lang Publishing house, 2010. P. 135—151.

Paducheva 2004 — E. V. Paducheva. Splitting of Possessive NPs and External Possessor in Russian // J. Kim, Yu. A. Lander, B. H. Partee (Eds.). *Possessives and beyond: Semantics and Syntax*. Amherst (Mass.), 2004. P. 351—363.

Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity // R. M. W. Dixon (Ed.). *Grammatical categories in Australian languages*. New York, 1976. P. 112—171.

MARIA KHOLODILOVA

POSSESSOR RELATIVIZATION IN RUSSIAN

Russian uses three major strategies to relativize possessors. These strategies correspond to the three major non-predicative possessive constructions: genitive possessor, external possessor and possessive pronoun/adjective. The external possessor strategy in Russian allows Pied-piping, which is generally considered to be characteristic only of phrasal units. Judging by the properties of this construction, it can be hypothesized that the availability of Pied-piping does not depend entirely on syntactic factors. The choice between relative clauses with genitive possessors and relative clauses with the possessive pronoun *čej* ‘whose’ depends on a number of factors, such as the position of the head noun on the Animacy Hierarchy, the position of the possessum on the Accessibility Hierarchy and the «predictability» of the possessum. It can be suggested that most of the observed contrasts can be accounted for by the greater or lesser naturalness of the possessor functioning as a referential «anchor» in these constructions.

Key words: corpus linguistics, external possessor, possessor, relativization.

С. А. КРЫЛОВ

ТИПЫ ДИАТЕЗ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей работе сделана попытка очертить основные классы диатез, представленные в русском языке¹.

Под диатезой (от греч. *diathesis* — то же, что ‘залог’) понимается синтаксическая категория (синтаксический признак или набор признаков) предикатной словоформы, отражающая определённое соответствие между участниками обозначаемой предикатом ситуации («с е м а н т и ч е с к и м и а к т а н т а м и»), выполняющими те или иные семантические роли разной степени обобщённости) и именными членами предложения, заполняющими валентности данной предикатной словоформы («с и н т а к с и ч е с к и м и а к т а н т а м и»), синтаксические роли которых выражены теми или иными морфологическими или синтаксическими средствами)².

Указанное понимание диатезы³ было предложено в работах А. А. Холодовича и И. А. Мельчука 1970 г.⁴ и получило распространение в исследованиях Ленинградской (Санкт-Петербургской) типологической школы⁵, а также за её пределами — в работах И. А. Мельчука⁶, а вскоре получило

¹ Статья примыкает по смыслу к работам [Крылов 2004а; 2008]. Первоначальное тезисное изложение основных положений развиваемой здесь концепции можно найти в [Крылов 2001а; 2001б; 2002].

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Президента РФ, грант НШ-3433.2010.6 «Петербургская школа функциональной грамматики».

Автор благодарит рецензента данной статьи, пожелавшего остаться неизвестным, за ценные замечания, которые автор постарался учесть в меру своих сил.

² Соотношение понятия «диатеза» со смежными понятиями синтаксиса обсуждается в [Крылов 2002].

³ Понятие диатезы восходит к Л. Теньеру; см. [Tesièrè 1934], а также разделы «Книга Г. Валентность» [Теньер 1959/1988: 250—296] и «Книга Д. Метааксис» [Теньер 1959/1988: 297—334].

⁴ См. [Мельчук, Холодович 1970; Холодович 1979: 277—292].

⁵ См. [Категория 1970; Холодович 1974; Храковский 1975б/1999; Lötsch, Ružička 1976; Храковский 1978; 1981б/1999; 1999: 51—101; 2008].

⁶ См. «Экскурс 3. Валентности слова и модель управления» в кн. [Мельчук 1974: 134—139]; понятие диатезы в указанной работе напрямую отождествляется с по-

дальнейшее развитие и ряд важных уточнений в статьях В. А. Успенского⁷, в книгах и статьях Е. В. Падучевой⁸, В. Г. Гака⁹, Ж. Веренка¹⁰, в диссертации Е. Л. Григорьян¹¹.

В теории функциональной грамматики А. В. Бондарко разрабатывалось понятие «залоговости»¹², содержательно близкое понятию диатезы.

Начиная с 1990-х гг. понятие диатезы занимает своё прочное место на страницах лингвистических энциклопедий¹³, университетских учебников общей морфологии¹⁴ и общего синтаксиса¹⁵.

Следует отметить, что проблематика, относящаяся фактически к теории диатез, обсуждалась также в работах, посвящённых соотношению семантических валентностей с синтаксическими валентностями¹⁶, семантических актантов с синтаксическими актантами¹⁷, семантических ролей с синтаксическими ролями¹⁸ и тем трансформациям, которые это соотношение сдвигают — «актантным трансформациям»¹⁹; иногда диатезы фактически описываются под названием «конструкций»²⁰.

Как известно, в падежных языках (включая русский) роли кодируются прежде всего (синтетическими) падежами и (отчасти) аналитическими предложно-падежными формами, что отнюдь не мешает сопоставлению диатез русского языка с диатезами языков иной структуры, в частности с диатезами беспадежных языков²¹.

нятием модели управления; ср. [Мельчук 1974: 138—139]; а также [Мельчук 1998: 163—195, 377—400].

⁷ См. [Успенский 1977: 65—84].

⁸ См. «Глава X. Залог и диатеза» [Падучева 1974: 217—236; 1977: 84—107]; «Глава IX. Возвратные местоимения» [Падучева 1985: 180—209].

⁹ См., напр., [Гак 2000: 612—623].

¹⁰ См., напр., [Veugens 1980; Веренк 1980/1985: 286—302].

¹¹ См. [Григорьян 1986].

¹² См. «Глава II. Залоговость» [Бондарко 1991: 125—345].

¹³ См. [Храковский 1990: 135].

¹⁴ См. «Глава 3. Залог и актантная деривация» в кн. [Плунгян 2000: 191—224].

¹⁵ См. «Глава VIII. Диатеза, залог, актантная деривация» в кн. [Тестелец 2001].

¹⁶ См. [Апресян 1967; 1974/1995: 256—283; Мартемьянов 2004; Материалы 1998: 7—176].

¹⁷ См. [Гак 1998: 76—84, 264—272, 409—432].

¹⁸ См. [Кибрик 1992: 179—260].

¹⁹ См. [Гак 1998: 76—84, 264—272, 409—432].

²⁰ См. [Лайонз 1968/1978: 359—423].

²¹ Как известно, в аналитических языках преобладает кодирование ролей с помощью служебных слов, порядка слов и интонации; в языках с богато развитым полиперсональным согласованием роли кодируются особыми согласовательными показателями, встроенными в предикатную словоформу и выражающими связь глагола с основными прилагательными именами (подлежащим и дополнением).

Несколько слов об общей направленности исследования. Объектом изучения явились диатезы именно русского языка, а не других языков. Однако сам русский язык нередко затрагивается в его типологическом аспекте; материал русского языка во многих случаях сопоставляется с материалом других языков, в ряде случаев типологически далёких от русского. Все такие сопоставления вынесены в сноски к основному тексту, чтобы не отвлекать читателя от главной темы — диатез, представленных в русском языке. Вместе с тем иногда речь идёт о таких диатезах, которые в русском языке представлены лишь периферийно или зачаточно (относясь к его рецессивным чертам), а в языках другого строя доминируют (относясь к их доминантным чертам): ср. антипассивную, комитативную и прочие типы диатез, представленные в русском языке лишь в микроскопических масштабах.

Известные автору подходы к исчислению диатез не учитывают одного важного обстоятельства, а именно: выделяемые типы диатез оказываются сходны друг с другом по некоторым параметрам, между тем как эти параметры сами по себе в общем виде не заданы. С другой стороны, некоторые теоретически возможные типы вовсе не замечаются, хотя могли быть замечены давно. Кроме того, до сих пор как будто бы не сделана попытка в общих чертах обрисовать факторы выбора диатез на разных уровнях языковой абстракции. Кроме того, при разработке типологии диатез обычно игнорируется типологическая специфика синтаксического строя. Целесообразной кажется попытка преодолеть указанные недостатки.

При попытке выделять различительные признаки разных диатез оказывается, что эти признаки не являются логически элементарными. Но если так, то один класс диатез может являться частным случаем (подмножеством) другого. Кроме того, два класса диатез могут пересекаться друг с другом. Пока не построено всеобъемлющей классификации диатез и даже неясен сам путь решения этой задачи, имеет смысл для начала перечислить те признаки, которыми могут характеризоваться реально наблюдаемые диатезы.

Иерархический подход к диатезам даёт основание выделять среди них прямые и производные.

Исходной (прямой, простой) диатезой для данного предикатного слова называется такая, при которой каждый предметный участник ситуации обозначен в предложении соответствующим ему и канонически оформленным именным членом предложения и каждый именной член предложения (стоящий в определённой грамматической форме) обозначает соответствующего ему участника ситуации, выполняющего в ситуации ту роль, которая стандартно выражается именно данной грамматической формой.

Косвенными (производными) диатезами называются такие, где имеет место какое-либо отклонение от этой канонической схемы.

Классификация диатез отчасти параллельна классификации залогов (точнее, залоговых значений = частных функций залога = залоговых конструкций).

Однако на основании многопризнакового подхода к диатезам можно выделить и ряд диатез, выходящих за рамки узко поставленной задачи классификации залоговых конструкций.

Попытка описать диатезы, лежащие в основе классификации ядерных (интенциональных) залогов, учитывая фактор направленности процесса, приводит к выделению активной (действительной), пассивной (страдательной), абсолютивной и антипассивной диатез.

При активной (действительной) диатезе²² позицию подлежащего занимает субъект («актор»); у переходных глаголов в аккузативных языках активная диатеза (традиционно называемая также термином «номинативная конструкция») является прямой. Типологически она сопряжена с аккузативной диатезой, но встречается и без неё (ср. *Тигр идёт, бежит* и т. п.).

При пассивной (страдательной) диатезе²³ позицию подлежащего занимает объект (у переходных глаголов в аккузативных языках пассивная диатеза является косвенной, а в данном случае даже обратной // конверсной к прямой).

При абсолютивной диатезе позицию абсолютива занимает фактив — наиболее тесно связанный с предикатом участник действия. У переходных глаголов в эргативных языках абсолютивная диатеза является прямой. В аккузативных языках (в частности, в русском) абсолютивная диатеза свойственна отглагольным существительным со значением процесса, события или результата, управляющим родительным субъекта (при непременности исходного предиката) или родительным объекта (при переходности исходного предиката). Отсюда двусмысленность словосочетания *переводы Тютчева* — где только трансформация в предикативную форму глагола или в другую недвусмысленную конструкцию позволяет понять, идет ли речь о ‘переводах, выполненных Тютчевым’, или о ‘переводах произведений Тютчева’).

Абсолютивная диатеза свойственна не только глагольным лексемам, но и глагольным корням: так, в составе глагольно-именных композитов, включающих именной и глагольный корень, именной корень (как показал И. Ш. Козинский) соответствует либо субъекту непереходного предиката (типа *ледоход*), либо объекту переходного (типа *людоед*); но ни в коем случае не субъекту переходного (единственный сомнительный случай исключения²⁴ — *бурелом* — соотносится не столько с настоящей субъектной, сколько с инструментальной конструкцией, представленной в примерах типа *пароход, паровоз*, где первый компонент соответствует роли орудия действия).

²² Эта диатеза специально изучалась в работах Т. Б. Алисовой, Э. Кинэна, А. Е. Кибрика, И. Ш. Козинского. См. [Козинский 1980; Кибрик 1992: 179—260].

²³ Эта диатеза стала предметом специальных исследований М. М. Гухман, С. Е. Яхонтова, В. С. Храковского, М. Хаспельмата.

²⁴ На это исключение обращал внимание А. Н. Барулин.

При антипассивной диатезе позицию абсолютива занимает субъект (агенса) переходного действия. В эргативных языках эта диатеза обычно выражается специальным залогом (антипассивом²⁵), обозначающим «самодостаточное» действие субъекта действия (а также состояние субъекта, наступающее в результате такого действия). На состоянии субъекта действия сфокусировано внимание. Объект же действия в антипассиве выражен косвенным падежом и таким образом вытеснен на периферию высказывания. В аккумулятивных языках (в частности, в русском) этот эффект сплошь и рядом достигается без помощи залоговых показателей, но со значительными последствиями для аспектуальной и модальной характеристики высказывания: ср. *Он славно пишет, переводит; Петя сейчас читает* ... Однако зачаточные элементы антипассивного залога есть и в русском языке, хотя он затрагивает не столько формообразование, сколько словообразование. Аналогом антипассивного залога в русском языке можно считать одно из подзначений интранзитивного (по Якобсону) или «возвратного» (по Пешковскому) залога, возникающее при вытеснении объекта действия на периферию в русских косвеннопереходных конструкциях с антипассивной (антипассивно-косвеннообъектной) диатезой: ср. *Он напился вина, наелся грибов, сильно упился пивом, бросается камнями, задержался с письмом, учится иностранному языку, таскается с чемоданом* и т. п. Антипассивный объект становится факультативным (подобно объекту в русских конструкциях с антипассивно-медальной диатезой типа *Он наелся до отвалу, напился (упился) до положения риз* и т. п.). Однако в русском языке антипассивная диатеза — экзотическая редкость, в отличие от эргативных языков²⁶. Таким образом, с помощью показателя антипассивного залога от прямопереходных глаголов образуются косвеннопереходные или даже непереходные залоговые словоформы.

Попытка учесть наряду с фактором направленности фактор коммуникативного ранга партиципантов заставляет выделить переходную (транзитивную), аккумулятивную, эргативную, собственно-активную, непереходную (интранзитивную), пациентивную (патетивную), периферийно-агентивную,

²⁵ Антипассив как залог изучен в работах М. Сильверстейна, Дж. Хита, У. Д. Дэвиса, В. П. Недеялкова, И. Ш. Козинского, М. С. Полинской и др. Этот залог представлен лишь в некоторых, но не во всех эргативных языках. В работах [Крылов 2001а; 2001б; 2008; Сай 2008] приводятся соображения в пользу применимости этого понятия к русскому языку (хотя изложенная выше трактовка антипассива в некоторых отношениях и отличается от трактовки С. С. Сая: если С. С. Сай фактически описывает медальную диатезу в качестве частного случая антипассивной, то автор настоящей статьи, напротив, фактически описывает антипассивную диатезу в качестве частного случая медальной). Таким образом, понятие антипассива в предлагаемом понимании имеет более узкий объём, нежели понятие антипассива в работе С. С. Сая).

²⁶ Между тем во многих эргативных языках антипассив довольно регулярно образуется от большинства прямопереходных глаголов.

периферийно-пациентивную, безобъектную (среднюю, медиальную), безличную, бессубъектную, безагентивную, псевдосубъектную и псевдообъектную диатезу.

При транзитивной (переходной) диатезе в предложении есть прямое дополнение. Существует два типологически самых важных типа транзитивной диатезы: эргативная и аккумулятивная диатеза.

При аккумулятивной диатезе (традиционно описываемой содержанием термина «номинативная конструкция») объект переходного действия занимает позицию прямого дополнения²⁷. В аккумулятивных языках, включая русский, аккумулятивная диатеза является прямой для большинства переходных глаголов, но производной для непереходных глаголов (см. ниже о псевдообъектной, каузативной и субъективной диатезах). Типологически она сопряжена с номинативной диатезой, но встречается и без нее (ср. *Бориса лихорадит; Василию жаль Анфису* и т. п.).

При эргативной диатезе (традиционно называемой термином «эргативная конструкция») субъект переходного действия занимает позицию эргативного агенса (агентива)²⁸. В эргативных языках эргативная диатеза является прямой для переходных глаголов. В аккумулятивных языках, включая русский, эргативной диатезой характеризуются, например, отглагольные существительные со значением процесса или события, управляющие творительным падежом деятеля (*убийство Лермонтова Мартыновым*). Типологически она сопряжена с абсолютивной диатезой.

При пациентивной (патетивной) диатезе пациенс (претерпевающий) занимает позицию прямого дополнения²⁹. Типологически она сопряжена с собственно-активной³⁰, но встречается и без неё (ср. в русском глаголы недомогания типа *тошнит, лихорадит, пронесло, пучит, корчит*).

При периферийно-агентивной диатезе субъект переходного действия занимает периферийную позицию агентивного дополнения (оформленного в англ. яз. предлогом *by*, во франц. яз. — предлогом *par*, в латыни — аблативом, в русском — творительным падежом и т. п.). У переходных глаголов в аккумулятивных языках (включая русский) агентивная диатеза является производной.

²⁷ Эта диатеза стала предметом специальных исследований С. Д. Кацнельсона.

²⁸ Эргативная диатеза стала предметом тщательного изучения в трудах Г. Шухардта, И. И. Мещанинова, Г. А. Климова, А. Е. Кибрика, Я. Г. Тестельца, М. Хаспельмата.

²⁹ В активных языках (бацбийском, читимача, лазском) эта диатеза является прямой для неактивных (стативных) глаголов, в том числе и неподлежащих. Этой диатезе посвящены специальные исследования Г. А. Климова, И. Ш. Козинского.

³⁰ При собственно-активной диатезе агенс (субъект активного действия) занимает позицию агентива. В активных языках (бацбийском, читимача, лазском) эта диатеза является прямой для активных (акциональных) глаголов, в том числе и непереходных (типа *идти, бежать, плыть, лететь, разговаривать, петь, играть*). Этой диатезе посвящены специальные исследования Г. А. Климова.

При периферийно-пациентивной диатезе пациенс занимает периферийную позицию антипассивного косвенного дополнения. У переходных глаголов эргативных языков периферийно-пациентивная диатеза является производной. Однако в аккумулятивных языках (включая русский) аналогичный эффект изредка достижим без помощи залоговых показателей, одной лишь постановкой объекта в творительный падеж, убирающей его с магистральной (центральной) линии действия на периферию ситуации: ср. *Витя швырял (бросал) камнями в пруд*.

При непереходной (интранзитивной) диатезе позиция прямого дополнения не занята. Как в аккумулятивных, так и в эргативных языках у одноместных глаголов такая диатеза является прямой, а у переходных глаголов — производной. Однако при лексикализации непереходной диатезы объектных глаголов она становится прямой или даже единственной, ср. *руководит, командует, управляет, владеет, распоряжается, пренебрегает, увлекается, занимается, интересуется, заведует, наслаждается, гордится, чванится, тщеславится, хвастается*.

При безобъектной (медиальной, средней) диатезе объект переходного действия никак не выражен в актантной структуре предикатной лексемы³¹. У семантически интранзитивных («абсолютных // абсолютных») предикатов безобъектная диатеза является прямой. У большинства семантически транзитивных предикатов безобъектная диатеза является производной. Формальным средством выражения медиальной диатезы в русском языке, как и в некоторых других, служит возвратный показатель. Ср. *Собака кусается, Начальник ругается, Пассажиры толкаются*. При лексикализации этой диатезы у непереходных предикатов типа *промахнуться* (*куда? *чем? *из какого оружия?), *молчать* (*кому? *на какой вопрос?) она становится исходной.

При безличной диатезе позиция подлежащего занята «пустышкой» — синтаксическим нулем³² (как в русском языке) или безличным местоимением типа англ. *it*, нем. *es*, франц. *il*)³³. У «безличных» глаголов безличная диатеза является прямой (*Павла тошнит*), а у «личных» глаголов, т. е. у большинства глаголов, — производной; ср. *Ивана сильно тряхануло, ударило по голове, толкнуло в спину*.

При бессубъектной диатезе семантический субъект исходной ситуации никак не выражен в актантной структуре предикатной лексемы³⁴; у

³¹ Безобъектная диатеза изучалась в трудах Б. Дельбрюка, Э. Бенвениста, И. А. Перельмутера, С. Кеммер и др.

³² В иной терминологии позиция подлежащего «не занята вообще»; разница между трактовками «с нулем» и «с отсутствием подлежащего» носит технический характер, ибо «нуль» и есть «значимое отсутствие».

³³ Безличная диатеза специально изучалась Е. М. Галкиной-Федорук, Д. Н. Шмелевым, В. С. Храковским, Б. Комри, Х. Томмола, З. Фрайзингером, М. Гиро-Вебер и др.

³⁴ Бессубъектная диатеза специально изучалась Л. А. Бирюлиным.

большинства предикатов такая диатеза является производной (ср. *Откуда-то тянуло дымом*), но при лексикализации бессубъектной диатезы (ср. *Морозит; Светает; Вечереет*) она становится исходной или единственной. Бессубъектная диатеза часто является и бесподлежащей (как в русском языке), но может быть и подлежащей (так, значение ‘Идет дождь’ во многих языках выражается с помощью глагола, стоящего в подлежащей диатезе: ср. англ. *it rains*, нем. *es regnet*, франц. *il pleut* и т. п.; в подлежащей диатезе употреблен и глагол *идет* в русской фразе *Идет дождь*).

При безагентивной диатезе агенс (субъект) переходного действия никак не выражен в актантной структуре предикатной лексемы; у большинства агентивных предикатов такая диатеза является производной (ср. *Карфаген разрушен*). Но при лексикализации пассива у стальных псевдопассивных предикатов (ср. *Маша смущена; Гора покрыта льдом*) или при лексикализации рефлексива у событийных псевдопассивных предикатов (ср. *Маша смутилась; Гора покрылась льдом*) она становится исходной или единственной (эта диатеза описывалась Ф. Брюно, Л. Л. Буланиным, В. И. Гавриловой, Ю. П. Князевым).

Так как при пассивном залоге обозначение агенса факультативно, то многие авторы (А. В. Попов, О. Есперсен, Т. Б. Алисова, В. С. Храковский) рассматривают безагентивную диатезу (‘устранение деятеля’) как основную функцию пассивного залога³⁵.

При псевдосубъектной диатезе наименование некоторого события (например, являющегося причиной основного события) занимает позицию подлежащего. У каузативных глаголов такая конструкция является исходной, но у некаузативных — производной (возникающей в ходе грамматической метафоры); так, при обозначении ‘причины стихийных бедствий’ прямая диатеза — безличная (*Градом побило поля; Сарай зажгло молнией*), а производная — личная псевдосубъектная (*Град побил поля; Сарай зажгла молния*).

При псевдообъектной диатезе позицию прямого дополнения занимает не-объект. Разновидностями этой диатезы являются:

антисубъектная, почти не представленная в нормативном русском языке³⁶, если не считать одного из периферийных типов каузативной диатезы, представленного в разговорных конструкциях, ср. иронически окрашенное употребление антисубъектной каузативной диатезы *Его ушли* (‘его заставили уйти с работы’) или разг. *растаять снег* (‘растопить снег’), а также в детской речи (примеры из [Цейтлин 2009]): *Вылези меня*

³⁵ См.: «Гл. III, § 2. Залоговые трансформации» [Алисова 1971: 126—139]; а также [Храковский 1999: 15—101, 187—221].

³⁶ Ср. франц. *Il est arrivé un train* ‘пришла электричка’ (букв. ‘Пришло электричку’; здесь в русском переводе *поезд* сознательно заменен на *электричку* ради передачи оттенка псевдообъектности, пропадающего при постановке неодушевленных слов неженского типа склонения в винительный падеж).

из стула ('помоги мне вылезти из стула'); *Ты меня чуть не утонула* ('ты меня чуть не утопила'); *Кто лопнул мой шарик?* ('кто виноват в том, что мой шарик лопнул?'); *Я своих кукол спать улегла* ('я своих кукол спать уложила'); *Не надо меня соскакивать!* ('не надо меня вынуждать соскакивать');

пердуративная (*прошел версту; проспал день; вышагал версту*); и некоторые другие. См. ниже примеры псевдообъектной диатезы у глаголов локализации *пересек; посетил; покинул* и т. п.

Учет референциальных отношений между партиципантами³⁷ приводит к выделению возвратной (рефлексивной), включенно-объектной, взаимной (реципрокальной) и совместной диатез, а также таких классов диатез, как реверсивные, амбидирективные и суперсоциативные.

При возвратной (рефлексивной) диатезе субъект и объект ситуации тождественны («коррелятивны») друг другу и выражены одим и тем же актантом (как правило, подлежащим)³⁸. Рефлексивная диатеза обычно производна и выражается соответствующим залоговым показателем. Ее разновидностями являются собственно-рефлексивная и включенно-объектная диатезы. При собственно-рефлексивной диатезе субъект и объект действия неотличимы (или с трудом отличимы) друг от друга; ее имеют, например, многие глаголы с суицидным значением (*повесился, застрелился, утопился*). Разновидностью рефлексивной диатезы в широком смысле является включенно-объектная, при которой объект действия частично отличим от субъекта, так как составляет неотъемлемую принадлежность субъекта. Нередко включенно-объектная диатеза выражается так же, как собственно-возвратная — а именно показателем возвратности (ср. *Мария намазалась, нарисовалась, надушилась...*). Однако лексикализованный рефлексив (*улыбается, ослабилась, смеется, щурится, жмурится, кланяется*) тоже часто продолжает выражать смысловую рефлексивность в своем лексическом значении, сближаясь по семантике с формально невозвратными, но семантически выражающими 'замыкание действия' глаголами — как объектными (*машет хвостом, вертит задом, качает головой, скалит зубы, чешет в затылке...*), так и безобъектными (типа *моргает, кивает, мигает, рефлектирует, мастурбирует, прыгает*). Этой близостью объясняются перифразы, при которых управляемое наименование части тела, слившееся с управляющим глаголом в устойчивое сочетание, оказывается эквивалентным показателю возвратности. Ср. *скалить зубы* ⇒ *скалиться*; *щурить глаза* ⇒ *щуриться*; *жмурить глаза* ⇒ *жму-*

³⁷ Соотношение косвенных диатез с референциальными характеристиками актантов специально изучалось В. С. Храковским.

³⁸ Разновидности рефлексивной диатезы в русском языке стали предметом особого изучения в трудах А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, Н. А. Янко-Триницкой, М. А. Шелякина, Ж. Дюбуа. Типологическое разнообразие рефлексивной диатезы показано в работах В. П. Недялкова и Э. Ш. Генюшене.

рваться; вертеть задом ⇒ *вертеться*; *скалить зубы* ⇒ *скалиться*; *наступить брови* ⇒ *наступиться*; *скривить губы* ⇒ *скривиться*. В принципе можно считать, что все обозначения действий человека над органами собственного тела и телодвижений выражают смысловую рефлексивность в широком смысле (в узком смысле они выражают лишь включенно-объектную диатезу), но лишь некоторые из них имеют морфологический показатель возвратности.

Самый яркий (недвузначный) способ выражения включенно-объектной диатезы — это употребление притяжательного возвратного показателя (*свой*) при существительном, обозначающем неотъемлемую принадлежность (в каноническом случае это названия частей тела). При названиях неотторжимых частей показатель возвратной притяжательности является избыточным (ср. тавтологическое употребление местоимения *своей* в примере: *кивает мне своей головою...*)³⁹.

При взаимной (реципрокальной) диатезе множество субъектов одновременно развертывающихся ситуаций совпадает с множеством объектов этих же ситуаций, и это субъектно-объектное множество участников выражено одним актантом (как правило, подлежащим); для симметричных глаголов взаимная диатеза является прямой (*Иванов и Петров дружат, враждуют...*; *Ирак и Сирия соседствуют, граничат...*), в еще большей мере это касается симметричных прилагательных (*отрезки AC и DE равны, параллельны, перпендикулярны*; *треугольники ABC и DEF подобны* и т. п.) и симметричных существительных (*Иванов и Петров побратимы, собутыльники, тезки, соседи, родственники...*).

Л. Теньер⁴⁰ образно иллюстрирует четыре типа диатез следующей наглядной диаграммой (см. с. 57).

Пассивная, возвратная и взаимная диатезы являются реверсивными, так как в них подлежащее выражает объект основного действия.

³⁹ В ряде языков (например, в монгольских) этот способ грамматикализован и выражается особым морфологическим показателем в составе управляемого имени. При грамматикализации включенно-объектной диатезы (как в монгольских языках) она может превращаться в синтагматически доминантный (реципрокальный) признак, управляющий признаком возвратного притяжания у подчиненного имени. Одной из функций реакционной включенно-объектной диатезы, управляющей признаком возвратного притяжания, является (в монгольском языке) выражение тождества субъекта подчиненной предикации (выраженной отглагольным именем типа европейского инфинитива, масдара или герундия) субъекту главного предложения (ср. такое тождество в русском примере типа *Михаил запланировал (отложил) свою поездку*). Таким образом, реакционная включенно-объектная диатеза в монгольских языках является важным средством оформления синтаксического подчинения в конструкциях с т. н. «сентенциальными актантами» (т. е. с номинализованной подчиненной предикацией).

⁴⁰ См. [Tesièrè 1934: 151—154] («Acteurs»). См. также диаграмму из [Теньер 1959/1988: 255].

Активная диатеза (актив)	A \longrightarrow B
Пассивная диатеза (пассив)	A \longleftarrow B
Возвратная диатеза (рефлексив)	A \longrightarrow A
Взаимная диатеза (реципрок)	A \longleftrightarrow B

Взаимная и возвратная диатезы являются амбидирективными, так как подлежащее в них выражает одновременно и субъект, и объект основного действия.

При суперсоциативной диатезе у ситуации оказывается более одного участника с одной и той же ролью. Разновидностями суперсоциативной диатезы являются взаимная (см. выше) и совместная.

При совместной (социативной) диатезе некоторая роль в выполнении целой серии однородных действий присуща совместно целому множеству участников, которое обозначается сочинительной или плюральной группой. Разновидностями социативной диатезы являются кооперативная (социативно-субъектная) (при которой совместное действие выполняется множественным субъектом: ср. *Матвей и Трофим без труда отнесут этот шкаф в квартиру*; *Бутылка и пробка стоят (вместе) десять копеек*; *Дети продавили диван*; *Борю перецеловали все девочки нашего класса*) и социативно-объектная (при которой однородное действие выполняется над множеством объектов: ср. *За десять минут Митрофан съел две груши // грушу и яблоко*; *Семён перцеловал всех девочек в нашем классе*).

Однако в современной синтаксической теории классификация диатез не сводится к исчислению синтаксических функций залогов, а во многом выходит за рамки такого исчисления, так как диатеза может выражаться не только залогом (в морфологической структуре предикатной словоформы), но и глагольным управлением; это было продемонстрировано в исчислении диатез, разработанном С. Е. Яхонтовым [1978]. Как показал С. Е. Яхонтов, целесообразно строить типологию диатез для основных семантико-синтаксических классов глаголов.

Попытка учесть разнообразие основных семантико-синтаксических классов многоместных предикатов заставляет выделить диатезы: аффективную, локативную, контентивную, эссивную (с ее разновидностями: адессивной, генитивно-посессивной, аппартенативной, экзистенциально-посессивной и комитативной).

При аффективной диатезе 'субъект психического состояния' (восприятия, эмоции или мнения) стоит в форме косвенного дополнения адресата⁴¹.

⁴¹ Аффективная диатеза в русском языке в её семантическом аспекте стала предметом внимания Г. А. Золотовой. Типологический аспект аффективной диатезы специально изучался М. Е. Алексеевым.

В большинстве падежных языков такой формой является попросту дательный падеж. У глаголов чувства и восприятия в эргативных языках это, как правило, прямая диатеза. В синтаксической системе аккузативных языков (включая русский) аффективная диатеза формально выглядит как косвенная (производная): ср. я *захотел* \Rightarrow мне *захотелось*; Нина *слышит* музыку \Rightarrow Нине *слышна* музыка // Нине *слышно* музыку. В ряде случаев она действительно является производной: ср. безлично-аффективную диатезу с модальным оттенком: Наташе *не гуляется, не спится*. Однако у целого многочисленного класса производных предикатных лексем аффективная диатеза является прямой. Вообще часто вопрос о том, активная или аффективная диатеза является исходной, оказывается трудноразрешимым. Ср. возможность обеих трактовок для многих предикатов с эмоциональным и модальным значением (мне *нужно* \Leftrightarrow я *нуждаюсь*; мне *можно* \Leftrightarrow я *могу*; мне *обязательно* \Leftrightarrow я *обязан*; мне *смешно* \Leftrightarrow я *смеюсь*; мне *грустно* \Leftrightarrow я *грущу* // *грустен*; мне *радостно* \Leftrightarrow я *радуюсь* // *рад*; мне *весело* \Leftrightarrow я *веселюсь* // *весел*; мне *стыдно* \Leftrightarrow я *стыжусь*; мне *понятно* \Leftrightarrow я *понял* и т. д.). Исходя из принципа, по которому диатезы выделяются для определенного подкласса лексических значений, следовало бы считать аффективную диатезу исходной во всех подобных случаях. Тогда производной следует считать лишь аффективно-безличную диатезу с модальным значением: ср. мы *Вас ждём, товарищ птица: отчего Вам не летится?* По аналогии то же решение естественно принимать для членов супплетивных пар предикатов, отличающихся диатезами: мне *приятно* \Leftrightarrow я *доволен*; мне *известно* \Leftrightarrow я *знаю* и т. д., а также для однодиатезных (непарных по диатезе) аффективных предикатов (ср. мне *привиделось*; *казалось*; *показалось*; *почудилось*; *померещилось*; *приспичило*; *больно*; *тошно*; *мерзко*; *надоело*; *надо*; *следует*; и т. д.), у которых аффективная диатеза является единственной.

При локативной диатезе название места стоит в локативной грамматической форме (с пространственным значением падежа или предложно-падежной формы). У глаголов локализации (т. е. движения и местонахождения) локативная диатеза является прямой. Однако многие глаголы движения допускают производную переходную (псевдообъектную) диатезу: ср. аккузативную диатезу у глаголов *пересекает, переходит* и т. п. У некоторых глаголов локализации переходная диатеза является прямой: ср. аккузативную диатезу у глаголов приближения типа *посетит*, у глаголов удаления типа *покинет* и даже у глаголов нахождения типа *населяет, наводняет, заполняет, окаймляет, покрывает, переполняет* и т. п.

При контентивной диатезе в позиции подлежащего стоит название контейнера (места или владельца в широком смысле). Исходной контентивная диатеза является только у небольшого числа пассивных глаголов — как прямопереходных глаголов типа рус. *иметь* (в книжном стиле), *получить, приобрести, потерять*, а также *носить, за-*

вести (одежду, очки, бороду)⁴², так и косвеннопереходных типа рус. *владеть, обладать, обзавестись*, а также *облачиться в* (одежду, очки, бороду). У большинства предикатов локализации она является производной (а именно обратной = конверсной к прямой локативной диатезе). Однако у некоторых локативных предикатов конвертирование исходной диатезы осуществимо лишь с помощью супплетивной замены локативных глагольных лексем такими глагольными лексемами, для которых исходной является именно контентивная (псевдообъектная), а не локативная диатеза. Ср. переходную контентивную диатезу у русских глаголов *содержит, заключает*⁴³ и непереходную контентивную диатезу у русских глаголов *состоит из, изобилует, кишит, переполнен, заполнен, покрыт* и т. п.

При эссивной диатезе обозначение владельца (субъекта обладания) стоит в позиции косвенного дополнения, а обозначение имущества занимает позицию подлежащего.

Разновидностями эссивной диатезы являются адессивная (продуктивная в русском), аппаративная (малопродуктивная в русском языке), генитивно-посессивная (тоже малопродуктивная в русском языке)⁴⁴.

При адессивной диатезе обозначение владельца (субъекта обладания) ставится в грамматической форме пространственной локализации (в русском языке это предложно-падежная форма с предлогом *у*, ср. *У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...*). Адессивная диатеза изучена в трудах Н. Д. Арутюновой, Е. Н. Ширяева, М. Лейнонен, К. Чвани, Л. Х. Бэбби и др.

При аппаративной диатезе обозначение владельца (субъекта обладания) ставится в грамматической форме косвенного дополнения адресата, ср. *Мне принадлежит книга*⁴⁵.

При генитивно-посессивной диатезе⁴⁶ обозначение владельца стоит в генитиве (генитивный подтип) или в форме притяжательного прилагательного (посессивный подтип); в русском представлен только фиктивный (генитивно-псевдопосессивный) вариант генитивной диатезы (*Он был высокого роста, красного цвета, кислого вкуса*; ср. у Достоевского: *Он был весьма хорошего общества, хорошей фамилии, хорошего воспитания и хороших чувств; Я... других идей*; или у Островского *Он ваших лет и*

⁴² Ср. также франц. *avoir*, англ. *have*, кит. *you* и т. п. Из славянских языков наиболее склонны к употреблению контентивной диатезы южно- и западнославянские: ср., напр., польск. *miec* во фразе *Ala ma kota* 'У Али есть кошка'.

⁴³ Ср. также кит. *you*, букв. 'имеет', франц. *avoir*.

⁴⁴ Эссивная диатеза и ее соотношение с другими (напр., с контентивной, см. ниже) изучены в трудах Э. Бенвениста, Ч. Кана, Э. Х. Бендикса, Дж. Лайонза, В. Г. Гака, О. Н. Селиверстовой, Н. Д. Арутюновой, Дж. У. М. Верхаара и др.

⁴⁵ Ср. лат. *Mihi est liber*, а также его картвельские (напр., грузинские) и балтийские аналоги.

⁴⁶ Она особенно продуктивна в дагестанских языках.

уж, кажется, надворный советник; ср. также архаичное пушкинское *Тот их, кто с каменной душой прошел все степени злодейства*) и полноценный притяжательный подтип (Пушкин: «*Всё моё*», — *сказало злато*; Островский: *...только всё это женино, и всё еще при жизни отдано племянницам*; ср. также вполне нормативные (возможные в русском языке) формулы любовные признания «*Я твой!*» или «*Я твоя!*»).

При экзистенциально-посессивной диатезе⁴⁷ (малоупотребительной в русском языке) обозначение владельца может быть упомянуто в составе топика высказывания или вообще не упомянуто, а обозначение имущества стоит в особой посессивной форме, указывающей на лицо владельца (*мой/твой/его*); сказуемое при этом обозначает 'бытие, существование', а подлежащее своей лексической основой обозначает имущество, грамматическими же показателями выражает лицо обладателя. Ср. [?]*Что касается Абрамовича, то имеется его яхта*.

При комитативной диатезе⁴⁸ обозначение контейнера (владельца) занимает позицию подлежащего, а обозначение имущества стоит в форме косвенного дополнения, обозначающего обладание чем-то. В русском языке есть зачаточные (а точнее, рудиментарные) словообразовательные механизмы выражения комитативной диатезы — комитативные аффиксы адъективного словообразования (суффиксы *-атый*, *-астый* и их антоним — *каритивный* циркумфикс *без...-ый*), ср. *Он женат, рогат, хвостат, зубаст, клыкаст* (антонимичное каритивное значение имеет конструкция типа *Он бездетен, бесхвост, бездомен; она безмужняя* и т. п.). Каритивную диатезу можно считать «негативной» разновидностью комитативной диатезы.

Попытка учесть интенциональную направленность трехместных предикатов заставляет выделить пермутативную (реклинативную) и бессубсидиальную диатезы.

При пермутативной (реклинативной) диатезе прямое дополнение выражает адресат действия; эта диатеза в системе языка является производной или возможной наряду с другими (ср. *Царь пожаловал Ермака шубой // Ермаку шубу*), но у глаголов типа *грабить, обворовывать* (ср. невозможность **что? *у кого?*), *наградить* (ср. невозможность **что? *кому?*) как глагольных лексем она является исходной и единственной.

При бессубсидиальной диатезе средство действия никак не выражено в актантной структуре предикатной лексем; у большинства глаголов с валентностью на средство действия эта диатеза является производной (*заблентовать (во что), завернуть (во что), завязать (чем)*), но при ее лексикализации может стать исходной и единственной (*разбинтовать (*из чего?), развернуть (*из чего?), развязать (*из чего?)*).

⁴⁷ Экзистенциально-посессивная диатеза, особенно продуктивная в индонезийских языках, изучалась в работах И. И. Мешанинова, М. А. Журиной, Н. Ф. Алиевой.

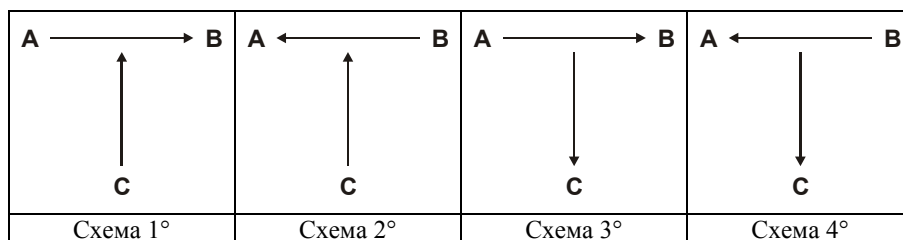
⁴⁸ Она весьма продуктивна в монгольских языках, а также в некоторых австралийских языках.

Косвенная диатеза является р е д у ц и р о в а н н о й (в терминах Е. В. Падучевой), если она открывает меньшее число мест, чем соответствующая ей исходная (полная) диатеза. Вместе с тем существуют акцессивные диатезы, вводящие в поле зрения некоторого (обычно малосущественного и потому канонически стоящего в тени или за кулисами) участника ситуации.

Попытка учесть деривационные отношения между диатезами простых ситуаций и диатезами ситуаций с сентенциальными актантами заставляет выделить суперситуативную диатезу (у главного предиката), и акцессивную диатезу (у подчинённого предиката). Акцессивные диатезы подразделяются на каузативные и обсервативные.

В суперситуативной диатезе может употребляться только главный предикат, вводящий подчиненную предикацию; в таких случаях подчиненному предикату навязывается а к ц е с с и в н а я диатеза (каузативная или обсервативная), служащая для того, чтобы вывести из-за кулис на сцену некоторого лишнего участника ситуации (виновника или обозревателя).

Л. Теньер проиллюстрировал типы каузативных диатез следующей схемой:

На приведенной схеме вертикальная линия символизирует каузацию; стрелка вниз — пассивный каузатив; стрелка вверх — активный каузатив; стрелка вправо — переходный глагол в активной диатезе, стрелка влево — переходный глагол в пассивной диатезе; А — подлежащее; В — прямое дополнение; С — субъект каузации (каузатор).

Схема 1. *Шарль заставляет пить Альфреда.*

Схема 2. *Шарль заставляет пить кофе.*

Схема 3. Нельзя сказать **Альфред заставляется пить Шарлем* (но такая конструкция есть в семитских языках и в турецком).

Схема 4. Нельзя сказать **Кофе заставляется быть выпитым Шарлем* (но такая конструкция есть в семитских языках).

При каузативной диатезе⁴⁹ наименование «каузатора» (виновника) события занимает позицию подлежащего, а группа сказуемого обозначает само событие вместе с его субъектом, при этом субъект основного события

⁴⁹ О каузативности см. подробнее [Comrie et al. 1993] и указанную там литературу.

занимает позицию прямого дополнения; если виновник события неважен (хотя из ситуации может быть ясно, что контроль над событиями осуществлялся кем-то извне), то для обозначения ситуации выбирается прямая диатеза (*Мальши погулял, поел каши, попил молока, сел на горшок и лег спать*); однако если виновник (контролер ситуации) вводится в поле зрения коммуникантов, то выбирается каузативная диатеза (*Мама вывела малыша погулять, покормила кашей, напоила молоком, посадила на горшок и уложила спать*); таким образом, никакого добавления существенных новых участников не происходит, а всего лишь на сцену выводится «второстепенный» участник ситуации («виновник» основного события).

Следует подчеркнуть, что принятие излагаемой трактовки каузативности vs. некаузативности означает, что само противопоставление по каузативности vs. некаузативности получает не «абсолютную» трактовку (как «наличие vs. отсутствие каузатора»), а «относительную» трактовку — как «попадание каузатора на передний план» («привлечения внимания к каузатору») vs. «выведение каузатора из поля зрения» («отодвигание каузатора на задний план вплоть до вынесения за кадр»). Тем самым различие между каузативной и некаузативной ситуацией трактуется как различие между двумя способами «языковой интерпретации» внеязыковой действительности: каузативным и некаузативным.

С одной стороны, говорящий может себе позволить «некаузативную интерпретацию» даже «типично каузативных» ситуаций (напр., об убийстве можно сказать, используя предикат *погибнуть*; о написании (создании), публикации (издании) книги можно сказать, что она *появилась* (на свет) или *вышла* (в свет). В таких случаях каузатор «отодвигается за экран».

С другой стороны, говорящий может себе позволить «каузативную интерпретацию» даже «типично некаузативных» ситуаций (напр., сказать о чьей-л. болезни: *(X-а) сразил грипп*; о чьем-л. дурном поступке: *черт дернул (X-а сделать P)*; о неожиданном неприятном появлении кого-л.: *нелегкая принесла (X-а)*; о чьей-л. счастливой встрече или знакомстве: *Создатель ниспослал (X-у Y)* и т. д. В таких случаях из-за экрана (из небытия) на сцену как бы «выдвигается» некий потусторонний (не присутствующий в мире наглядно) каузатор, на которого говорящий и возлагает всю ответственность за происходящие в мире события. Разновидностью такого потустороннего каузатора можно считать также «стихийную силу», выражаемую «нулевым подлежащим» в безличных предложениях.

Такая «относительная» трактовка лучше согласуется с несомненно наблюдаемым фактом проницаемости границ, лежащих между функциями самих показателей каузативности/некаузативности, с одной стороны, и активности/пассивности — с другой стороны (ср. функцию показателя интранзитивности *-ся* при глагольных основах: *варится, жарится, сушится, увлажняется, греется, нагревается, охлаждается*, у которых выбор между «пассивной» и «декаузативной» интерпретациями может остаться во-

обще невыраженным (без всякого ущерба для правильного понимания смысла высказывания).

Разновидностями каузативной диатезы являются пермиссивная (разрешительная) (*Мама **отпустила** малыша гулять, **дала** поесть* и т. п.), ассистивная (помогательная) (*Мама **помогла** малышу поесть, **попить**, **сесть на горшок и лечь спать*** и т. п.), прохибитивная (запретительная) (*Мама **запретила** малышу сидеть дома и не гулять, **не дала** остаться голодным, **не позволила** намочить штаны, **не разрешила** слишком долго бодрствовать*) и т. п.

Гибридом пермиссивной диатезы с рефлексивной является пермиссивно-рефлексивная (по классификации В. П. Недялкова и Э. Ш. Генюшене, авторативная), при которой в позиции подлежащего стоит субъект позволения, являющийся одновременно объектом основной (позволяемой) ситуации; в русском языке эта диатеза выражается возвратным постфиксом (*Таня **стрижется** у лучшего парикмахера; Аня **учится** санскриту у доцента Попова*)⁵⁰.

Сплавление каузативного (или противоположного ему антикаузативного) значения с контентивным значением характерно для глаголов давания (или, соответственно, лишения).

Глаголы давания могут иметь донативную и декоративную диатезу.

При донативной (давательной) диатезе название имущества занимает позицию прямого дополнения, а название бенефицианта (получателя) — позицию косвенного дополнения (ср. *Игорь **скормил** мясо своей кошке; Царь **пожаловал** Ермаку шубу; Смирнов **преподавал** нам математику*)⁵¹.

При декоративной (наградительной) диатезе название имущества занимает позицию косвенного дополнения, а название бенефицианта (получателя) — позицию прямого дополнения (ср. *Игорь **накормил** свою кошку мясом; Далила **напоила** Самсона снотворным зельем; Царь **пожаловал** Ермака шубой; Император **наградил** героя орденом; Их **снабдили** продовольствием; Бородуля **учил** // **обучил** // **научил** нас математике*)⁵².

Глаголы отнимания и лишения (сполиативные) могут иметь две диатезы — детрактивную (параллельную как антоним к донативной) и привативную (параллельную как антоним к декоративной).

При детрактивной (отнимательной) диатезе название отнимаемого предмета занимает позицию прямого дополнения, а факультативное название потерпевшего ставится в форме косвенного дополнения: ср. *отобрал, украл, позаимствовал, арендовал (у кого что)*, а метафорически также *спросил (у кого что), узнал (у кого что)* и т. п.

⁵⁰ В немецком и во французском языках эта диатеза выражается аналитическим (составным) глагольным сказуемым, состоящим из пермиссивного («разрешительного») глагола (франц. *laisser*, нем. *lassen*, нем. *let*) в сочетании с инфинитивом основного (знаменательного) глагола.

⁵¹ Ср. англ. *Give a book to him*.

⁵² Ср. англ. *Give him a book*.

Если же глагол стоит в привативной (лишательной) диатезе, то название потерпевшего занимает позицию прямого дополнения *ограбил (кого)*, *обокрал (кого)*, а факультативное название отнимаемого предмета (если оно вообще возможно) ставится в форме косвенного дополнения: ср. *лишил (кого чего)*.

Глаголы перемещения (моторные, каузативно-локативные) могут иметь:

(а) (чаще всего) — собственно моторную диатезу, при которой название перемещаемого предмета стоит в позиции прямого дополнения, а позицию косвенного дополнения занимает название неподвижного ориентира (*идет, вешает, ставит, кладет, отправляет; Сеятель бросал семена в борозду; Мужик посеял (посадил) репу на поле*);

(б) (реже) — веститивную диатезу, при которой позиция прямого дополнения занята обозначением неподвижного ориентира, а название перемещаемого предмета стоит в позиции косвенного дополнения (*заворачивает, окрашивает, обертывает, обувает, одевает, завязывает; Оля намазала хлеб вареньем; Отец накрыл ребенка одеялом; Строители нагрузили телегу кирпичами; Мужик засадил поле репой*);

(в) (еще реже) — орнативную диатезу, при которой позиция прямого дополнения занята обозначением неподвижного ориентира, а название перемещаемого предмета встроено в словообразовательную или лексико-семантическую структуру каузативного глагола (*бинтует, лакирует, загрызает, увлажняет, маслит, проспиртовывает; Гусар оседлал лошадь; Повар посолил (переперчил...) суп; Партизаны заминировали дорогу*).

При обсервативных (// субъективных) диатезах (а именно перцептивной и пропозитивной) ситуация подается как бы не сама по себе, а со ссылкой на ее восприятие обозревателем — т. е. субъектом наблюдения (перцептором) или субъектом пропозиции (концептором).

Приведенный очерк типов диатез является не разбиением, а перечнем основных параметров классификации. Многие из указанных признаков совместимы друг с другом (разумеется, в той мере, в которой это позволяет синтаксический строй языка).

Так, безагентивная диатеза может быть в то же время безличной (ср. знаменитое *Свистнуто, не спорю...*) и т. д.

Аффективная диатеза бывает как личной (*Диме нравится Аля; Диме приятна Аля*), так и безличной (*Диме приятно видеть Алю*).

С другой стороны, аффективная диатеза может быть как непереходной (*Диме известна Аля; Диме видна Аля*), так и переходной (*Диме отсюда не видно Алю; Диме жаль Алю*).

Особой задачей теории диатез является, с одной стороны, построение классификационных разбиений (та или иная дедуктивная систематизация самих диатезных признаков), а с другой стороны — выявление закономерностей, определяющих большую или меньшую вероятность реально наблюдаемой совместимости разных диатезных признаков друг с другом.

Попытка учесть слитную и расщепленную реализацию валентностей заставляет ввести соответственно контрактивную и дистрактивную диатезу.

При контрактивной диатезе некоторые два участника ситуации, выполняющие разные роли, выражаются единым синтаксическим актантом. Такое совмещение ролей следует отличать от совмещения при амбидирективных диатезах (так как при рефлексиве один участник выполняет две роли, а в случае реципрока два участника выполняют одинаковые, но при этом двойные роли). Примером контрактивной диатезы может служить описанное Е. В. Муравенко «склеивание валентностей» при глаголах копирования *рисовать, фотографировать, переписать, перепечатать, перевести (текст)*, при глаголах воспроизведения (*петь (песню), декламировать (стихи), играть (этюды), перепечатать, перевести*), при глаголах переделывания *перевязать, перешить, перестроить*, при глаголах замены *переобуть, переодеть, заменить, сменить*). В исходной диатезе два участника выражены раздельно (*Суриков писал дочь Меншикова ('копия') со своей жены ('оригинал')*), а при контрактивной — совместно (*Художник нарисовал сына ('оригинал + копия')*); ср. исходную диатезу в (*заменить старый кран (роль 'экстракта') на новый (роль 'субститута')*) и контрактивную диатезу (*заменить кран (роль 'экстракт+субститут' одновременно)*)).

Диатеза главного (подчиняющего) предиката является дистрактивной (дисконнективной), если некоторый сложный участник подчиненной ситуации обозначен не единым членом предложения (хотя бы и сложным), а несколькими (обычно двумя) разными членами предложения, соподчиненными главному предикату (Ю. Д. Апресян называет это явление расщеплением валентностей). Разновидностями дистрактивной диатезы являются диссоциативная, диспосессивная и диспредикативная.

При диссоциативной диатезе главного предиката (напр., *познакомилась, шепчутся*) многоэлементное множество участников подчиненной ситуации (напр., 'Татьяна и Онегин') обозначено не единой (плюральной сочинительной) группой (*Татьяна и Онегин // Татьяна с Онегиным*), а двумя группами, соподчиненными главному предикату: *Татьяна познакомилась (дружит) с Онегиным // Онегин познакомился (дружит) с Татьяной*. Диссоциативными могут быть только суперсоциативные диатезы: не только взаимная (исходная, как в приведенном примере, или производная, как в примере *Ольга шепталась с Онегиным // Онегин шептался с Ольгой*), но и совместная: ср. *Татьяна гуляла (прогуливалась) с Онегиным по саду // Онегин гулял (прогуливался) с Татьяной по саду; Онегин танцевал с Ольгой // Ольга танцевала с Онегиным*, хотя у глаголов *гулять (прогуливаться, танцевать)* исходной диатезой является отнюдь не взаимная, а безобъектная.

При диспосессивной диатезе главного предиката (*глядить, чинить, чесать, брить, трястись, дрожать, измениться, смотреть,*

проверять, выйти, биться, надоест, сравнивать) сложный участник ситуации, состоящий из содержащего // контейнера (в широком смысле) и содержимого (// контента), — такой, как имущество вместе с его владельцем ('Сашина сумка'), параметр вместе с его носителем ('всхожесть семян', 'направление ветра', 'тыл противника'), часть вместе с ее целым ('усы Васи', 'колени Олега', 'лицо Кати', 'плечо Андрея', 'направление ветра'), ситуация вместе с ее участником ('просьбы Кольцова') — обозначается не посессивной группой (как это было бы при прямой диатезе подчиняющего предиката), а сразу двумя соподчиненными именами, одно из которых лексически соответствует обозначению содержащего (в широком смысле), а другое — обозначению содержимого (в широком смысле): *ветер изменил направление, Кольцов надоел всем своими просьбами; кровь бьется у него в висках; Катя изменилась в лице; Фекла гладит Андрея по плечу; у Олега трясутся колени; войска вышли в тыл противнику; Агроном проверяет семена на всхожесть; нечего сравнивать новую машину со старой по мощности; Антон поглядел следователю в глаза; Светлана гладит Никиту по волосам; проселок меньше шоссе в ширину; их продукция уступает нашей по качеству; Геннадий отличается по склонностям от Сергея; у больного стон вырвался из груди.*

Разновидностью диспосессивной диатезы является описанная Е. В. Падучевой «диатеза с детерминантом», при которой наименование контейнера стоит в той же грамматической форме, в какой оно стояло бы в эссивной (адессивной или аппартенативной, в зависимости от контекста и синтаксического строя языка) диатезе — т. е. в адессивной форме (*у Ерофея болят зубы*) или в аппартенативной форме (*Ерофею выдернули зуб*) — и занимает позицию обстоятельства, обозначающего как бы тот фрагмент мира, в рамках которого имеет место ситуация, охарактеризованная в остальной части высказывания.

При диспредикативной диатезе, которая возможна только у главных (суперпредикативных) предикатов, навязывающих подчиненной ситуации акцессивную, т. е. пропозитивную (*определять, считать, видеть, оцущать...*) или каузативную (*делать, рисовать, строить, изображать...*) диатезу, подчиненная ситуация обозначается не единой подчиненной предикацией, а двумя именами, одно из которых лексически соответствует логическому субъекту (теме) суждения, а другое — логическому предикату (реме, основному содержанию) суждения. Как показал Ю. Д. Апресян, в таких случаях валентность содержания, имеющаяся у главного предиката, расщепляется на синтаксически соподчиненные обозначения темы и ремы, в результате чего возникают две производные валентности — валентность темы и валентность ремы (собственно содержания). Разновидностями диспредикативной диатезы являются суперкопulative диатеза (возникающая при отсутствии связки в подчиненной предикации), при которой валентность ремы заполнена именным оборотом (существительным, прилагательным и т. п.) (*определять биологию как*

науку о жизни, **принимать** Хлестакова за ревизора, **считать** Зайцева знатоком живописи) и суперинфинитивная диатеза (возникающая при непредикативной инфинитивной форме подчиненной предикации), при которой валентность ремы заполнена инфинитивным оборотом (**заставлять** Льва петь, **просить** Михаила сыграть на скрипке). Суперкопулятивная диатеза представлена в конструкциях, выражающих подчиненную предикацию (по терминологии О. Есперсена, «подчиненный нексус»); в европейской грамматической традиции некоторые проявления суперкопулятивной диатезы описаны как конструкции с двойным аккумулятивом, а «суперинфинитивная диатеза» описывалась в связи с употреблением инфинитивных оборотов типа аккумулятив с инфинитивом и т. п.

Учет диатез компонентов аналитического сказуемого заставляет признать класс фиктивных диатез десемантизованных глаголов.

Диатезное значение целого сказуемого может быть выражено не только грамматическими, но и полуграмматическими средствами — полуслужебными (десемантизованными, строевыми) глаголами в составе аналитического сказуемого (такие конструкции описаны А. К. Жолковским, И. А. Мельчуком, В. Г. Гаком, Ю. Д. Апресяном, З. М. Шаляпиной и др.). Диатеза аналитического сказуемого не совпадает с диатезами входящих в него компонентов. Так, аналитическое сказуемое *Идёт дождь*, подобно синтетическому *Дождит*, стоит в безличной диатезе (и, более того, не может стоять в личной), а входящий в него глагол *идти* — в личной псевдосубъектной; аналитическое сказуемое *совершил прыжок* имеет (подобно синтетическому сказуемому *прыгнул*) непереходную диатезу, а входящий в него глагол *совершил* — переходную псевдообъектную; и т. д.

Пассивная и аффертивная диатезы аналитического сказуемого может быть выражена в составе аналитического сказуемого строевыми глаголами в псевдообъектной диатезе типа **испытывает** (*притеснения*), **претерпевает** (*удары судьбы*), **чувствует**, **получает** (*пинки, благодарности, взыскания, взбучку*), **является предметом** и в псевдолокативной диатезе, ср. **быть** (Ø) *на*.

Активная диатеза аналитического сказуемого — строевыми глаголами в псевдообъектной диатезе типа прямопереходных диатез глаголов **делает** (*операцию, ремонт, шаги, гребки*), **осуществляет** (*руководство*), **производит** (*арест*), **совершает** (*преступление, подвиг*), **играет** (*роль*) и т. п. или двупереходной диатезы глагола **подвергает** (*аресту*).

Каузативная диатеза аналитического сказуемого — строевыми глаголами в псевдообъектной диатезе типа **делает** (*роль*), **создает** (*возможность*), **дает** (*шансы*), **подвергает** и т. п., а также в переходной псевдолокативной диатезе (**ставит**, **вводит**, **пускает**).

Медиальная и непереходная диатезы аналитического сказуемого — строевыми глаголами в непереходной псевдолокативной диатезе **входить** (*в действие, в употребление*), **идти** (*на слом, насмарку*).

Бессубъектная диатеза аналитического сказуемого — строевыми глаголами в псевдосубъектной диатезе *идет* (*дождь*), *происходит* (*революция*).

Особые диатезы аналитического сказуемого выражаются строевыми глаголами в псевдоконтентивной диатезе типа *имеет* (*смысл, значение, употребление, функцию; запах, цвет, вкус, форму, вес, температуру, длину, высоту, ширину, глубину, место, жительство, местожительство, профессию, национальность, структуру, устройство, свойство, качество, признаки, характеристики, консистенцию* и т. п.).

Во всех подобных случаях диатеза полуслужебного глагола оказывается ф и к т и в н о й — псевдообъектной, псевдолокативной, псевдосубъектной или псевдоконтентивной, так как некоторые синтаксические актаны при этих глаголах обозначают не у ч а с т н и к о в ситуации, а сам характер ситуации.

Непростую задачу составляет классификация диатез у глаголов, подчиняющих непредметные аргументы (факты, суждения, ситуации). Тем не менее нет оснований исключать их из рассмотрения при классификации типов диатез. Как и глаголы с предметными участниками, они способны употребляться в косвенных диатезах. В ряде случаев при этом возникают особые производные диатезы.

Учет предикатов с непредметными аргументами заставляет ввести перцептивную, пропозитивную, парентетическую, диктальную и псевдоатрибутивную диатезу.

Так, в позиции причины основного события может употребляться не целое наименование стимулирующего события, а один из его участников — обычно субъект. В таком случае при каузативном предикате, стоящем в производной диатезе, возникает роль виновника: вместо *Приезд Харитона* ('причина') *обрадовал Авдотью* (производящая диатеза: в позиции подлежащего — 'причина') говорится просто *Харитон* ('виновник') *обрадовал Авдотью* (производная диатеза: в позиции подлежащего — 'виновник') (такие диатезы описаны Н. Д. Арутюновой).

При перцептивной диатезе подлежащего занимает «перцептор» (наблюдатель), а субъект ситуации обозначен прямым дополнением (ср. *Петя увидел кошку, крадущуюся по траве; Pierre voit Jean traverser la rue* 'Пьер видит, как Жан переходит улицу'). Если же нет никакой необходимости акцентировать внимание читателей или слушателей на наблюдателе, как бы глядящем на ситуацию со стороны, то была бы использована объективная (диктальная) диатеза: *По траве крадется (крадась) кошка; Jean traverse la rue* 'Жан переходит улицу'.

При пропозитивной (пропозициональной) диатезе (она возможна только у предикатов чувства, мысли и речи) позицию подлежащего занимает «концептор» (субъект чувства, мысли или речи), а позицию дополнения при пропозициональном глаголе (чувства, мнения, суждения или речи) занимает основная обозначаемая ситуация (*Муж находит этот фильм*

скупным; Автор трактует реципрок как дериватему; Эксперты рассматривают инициативу Смирнова как провальную).

Если же на обозначении субъекта мнения не стоит логический акцент, то оно может быть легко опущено, и в этом случае выбирается «объективная» диатеза, при которой ответственность за мнение (*Этот фильм скупчен; Реципрок есть дериватема; Инициатива Смирнова — провальная*) по умолчанию ложится на говорящего.

Особый промежуточный тип между объективной (диктальной) и субъективной диатезой обсервативных предикатов составляет полубсервативная (парентетическая) диатеза (описанная в работах Е. В. Падучевой и Анны А. Зализняк).

При парентетической диатезе обозначение основного факта занимает (как и при объективной диатезе) позицию основного предложения, а обозначение психического состояния обозревателя (*кажется, по-видимому, едва ли*), иногда вместе с подчиненным ему именем обозревателя (*по мнению экспертов..., по словам Якобсона..., как отмечал Щерба...*), занимает позицию вводного оборота.

В некоторых случаях суперситуативная диатеза главного предиката может навязывать подчиненному (номинализованному) предикату со значением факта особый вид редуцированной диатезы — псевдоатрибутивную. В таком случае подчиненная ситуация обозначается именем одного из своих актантов (конкретнее, субъекта), сочетающегося с обозначением характера самой ситуации в форме прилагательного или причастия: так, в одной басне, вместо *Гибель осла* (причина) *научила* (меня хорошо делить добычу), говорится: *Погибший осел* (виновник) *научил* (диатеза с таким «атрибутивным стяжением» описана Е. В. Падучевой).

Функция диатезы может рассматриваться также на нескольких уровнях научной абстракции.

Факторы выбора диатез включают (А) синтаксический строй языка, (Б) разнообразие классов предикатов, (В) лексикализацию диатез и (Г) оппозицию диатез. Производность диатез может охватывать (А) весь синтаксический строй языка, (Б) отдельный разряд предикатов, (Г1) одно деривационное гнездо, (Г2) грамматическую парадигму одной предикатной лексемы и (Г3) множество употреблений отдельной предикатной словоформы.

А. Предпочтение разных типов диатез может быть обусловлено синтаксическим строем языка.

А1. С точки зрения оформления базовых ролей участников акциональной ситуации языка подразделяются на аккузативные, эргативные (ср. понятие «эргативный строй») и собственно активные (ср. понятие «активный строй»).

А2. С точки зрения оформления отношений бытия и обладания языка подразделяются на эссивные («*быть-языки*», по А. В. Исаченко; в русском языке доминирует именно эссивная диатеза, поэтому Исаченко его относил к этому классу), контентивные («*иметь-языки*», по А. В. Исаченко),

экзистенциально-посессивные (ср. понятие «посессивный строй» у И. И. Мещанинова) и комитативные.

А3. Возможны также более мелкие подтипы языков (см. выше о подтипах эссивных языков).

Такое разграничение диатез не носит оппозитивного характера. Речь идет о классификации семантико-синтаксического типа языков, изучаемого т. н. «контенсивной» (по терминологии Г. А. Климова), т. е. букв. «содержательной», типологией.

Б. Диатезы разных типов могут быть свойственны разным классам предикатов⁵³.

Наиболее существенными являются такие подразделения, как бессубъектные vs. субъектные процессы, одноместные (абсолютивные, непереходные) vs. многоместные (реляционные, переходные) предикаты, прямопереходные vs. косвеннопереходные глаголы; глаголы контролируемых действий (деятельности) vs. глаголы неконтролируемых процессов и состояний; каузативные и некаузативные глаголы и т. п.

В базовой классификации предикатов каждому приписана некоторая исходная (ядерная) диатеза, и потому индивидуальной оппозиции ядерных диатез нет; есть лишь групповая оппозиция.

Но так как при межклассной деривации от предикатов одного класса могут образовываться предикаты других классов, то здесь возникает специальная задача описания производных диатез, возникающих в ходе «межмодельных» трансформаций.

В. Некоторым предикатам свойственна лексикализация (закрепление) одного типа диатезы, не противопоставленного другим.

Этот аспект диатезы изучается либо с точки зрения преимущественно «структурного» (т. е. фактически формально-ориентированного) подхода (при классификации «структурных схем» или «моделей предложения», «образцов»)⁵⁴, либо с точки зрения «структурно-семантического» (т. е., по сути, формально-семантического) подхода⁵⁵, когда речь идет о «семантических моделях»⁵⁶ или «структурно-семантических моделях»⁵⁷.

Г. Наконец, наиболее явно функция диатезы проявляется в ее противопоставлении другой диатезе, что возникает при диатезных (конверсных, залоговых, актантных) преобразованиях внутри одной исходной (ядерной) диатезы. В этом случае диатеза выступает как выразитель некоторых содержательных функций.

⁵³ Это показано в работах Т. Б. Алисовой, Г. Г. Сильницкого, С. Е. Яхонтова.

⁵⁴ Ср. «образец» (pattern) в смысле А. С. Хорнби или «структурную схему» в смысле Н. Ю. Шведовой, Г. А. Золотовой, В. А. Белошапковой и др.

⁵⁵ Ср. понятие «модель управления» в концепции А. К. Жолковского, И. А. Мельчука и Ю. Д. Апресяна.

⁵⁶ Ср. понятие семантических моделей в работах Г. А. Золотовой, М. В. Всеволодовой.

⁵⁷ См. [Гак 2000].

Содержательная функция, выражаемая диатезой, может быть охарактеризована как «ориентация процесса»⁵⁸, «перспектива» (Ч. Филлмор), «коммуникативный режим»⁵⁹, «фокусирование»⁶⁰, «модуляция»⁶¹, «иерархия коммуникативных рангов»⁶².

Различение прямых и косвенных диатез проводится на нескольких уровнях абстракции. А именно, оно может охватывать:

(а) синтаксическую систему языка; так, в синтаксической системе языка личная диатеза является исходной, а безличная — производной от нее (*Буря перенесла лодку на берег* ⇒ *бурей перенесло лодку на берег*);

(б) отдельный семантико-синтаксический разряд предикатов; так, у «погодных» глаголов (*verba meteorologica*) естественно считать исходной диатезой безличную (*Морозило, штормило; светает, моросит, тянет сыростью*); у глаголов ‘недомогания’ (*verba aegrotandi*) — безлично-мучительную (*Петю знобит, шатает, тошнит, рвет, трясет, лихорадит...*), у глаголов ‘экспериментальных склонностей’ — безлично-аффективную (*Мне кажется, нравится, представляется, снится...*) и т. п.; между тем в синтаксической системе языка безлично-аффективная диатеза не является исходной, и у других глаголов чувства и восприятия выступает лишь как производная от исходной личной (*Надя плачет* ⇒ *Наде плачется*) или личной пропозициональной диатезы (*Фрол думает, что опасность миновала* ⇒ *Фролу думается, что опасность миновала; Ярослав верит, что мы победим* ⇒ *Ярославу верится, что мы победим*);

(в) любое множество предикатных лексем языка и любые его подмножества;

(г1) деривационное гнездо отдельного предикатного слова (включающее его лексические значения и словообразовательные дериваты); так, у глаголов чувств разумно считать исходной декаузативную диатезу (*Федя радуется похвале*), а производной — каузативную (*похвала радует Федю*), так как похвала — не деятель, а лишь причина процесса, и каузативная трансформация выглядит как грамматическая метафора, изображающая (мысленно) каузацию процесса (*радуется*) как действие (*радует*); исходная диатеза глагола *лечить* является субъектной, семантически транзитивной и допускающей выражение средства, между тем как у соответствующих актантных имён с отпредикатным значением, семантически производных от него, диатеза оказывается редуцированной: либо бессубъектной (*врач, лекарь*), либо безобъектной (*паци-*

⁵⁸ См. [Гак 2000: 612—623].

⁵⁹ Ср., напр., коммуникативный режим «Conv» в работе [Шаляпина 1976].

⁶⁰ См., напр., [Лейкина 1978: 129—137].

⁶¹ См., напр., [Мартемьянов 2004].

⁶² См., напр., [Падучева 1997: 18—30; 1998: 82—107; 1999: 215—225].

ент), либо не допускающей приименного выражения средства (*лекарство, снадобье, медикамент*);

(г2) грамматическую парадигму (множество словоформ) отдельной предикатной лексемы; так, редуцированная (бесподлежащая) диатеза инфинитива является косвенной в сравнении с прямой (подлежащей) диатезой личных форм глагола;

(г3) множество синтаксических употреблений отдельной предикатной словоформы; так, полная (двухместная) диатеза у слова *преследование (кого кем)* в словосочетании ***преследование оленя волком*** является прямой по сравнению с производными редуцированными диатезами той же словоформы — а именно бессубъектной диатезы в словосочетании *волк продолжал преследование оленя* и безобъектной диатезы в словосочетании *олень спасался от преследования*.

Следует остановиться на некоторых дискуссионных сторонах настоящей работы, требующих особого комментария.

1) Предлагаемая классификация в первую очередь нацелена на выделение не столько элементарных классов диатез, сколько тех дифференциальных признаков, на основании которых разные типы диатез отличаются друг от друга.

Такой тип анализа широко распространен в тех областях лингвистики, в которых прочно утвердилось понятие дифференциального признака. Так, например, про фонему [m'] в русском языке едва ли имеет смысл спрашивать, является ли она сонорной, носовой, губной или мягкой, так как правильным классификационным ответом на вопрос такого рода был бы ответ: «Она является и сонорной, и носовой, и губной, и мягкой одновременно». Разумеется, перед нами одна и та же фонема (а не четыре разных фонемы: сонорная фонема, носовая фонема, губная фонема и мягкая фонема), так как указанные типы представляют собой значения дифференциальных признаков.

Аналогичный подход возможен и при классификации диатез. Так, про основную диатезу у глаголов недомогания в русском языке (ср. *Ивана тошнит, Петра лихорадит* и т. п.) едва ли будет уместен вопрос, является ли она аккузативной, пациентивной или безличной, потому что в предлагаемой трактовке она является одновременно аккузативной, пациентивной и безличной.

2) Следует подчеркнуть, что выделяемые значения дифференциальных признаков могут реализоваться независимо друг от друга. Так, например:

(а) Безличная диатеза может не быть ни аккузативной, ни пациентивной (ср. *Светает. Вечерет. Стемнело*).

(б) Аккузативно-пациентивная диатеза может быть не безличной: *Большого трясет лихорадка*.

(в) Аккузативная диатеза может быть не пациентивной: ср. *Прямая А пересекает прямую Б; Иванов напоминает мне Петрова*.

(г) Пациентивная диатеза может быть не аккумулятивной (например, если она является эргативной или пассивной), хотя всякая объектно-пациентивная диатеза является по определению аккумулятивной.

Поэтому важной задачей теории диатез является изучение вопроса о том, какие из значений дифференциальных признаков совместимы друг с другом, а какие — нет; иными словами, какие из выделенных выше классов диатез друг с другом пересекаются.

3) Приводимая в настоящей работе классификация диатез по частным признакам никоим образом не должна пониматься как призыв к отрыву классификации диатез от классификации самих предикатных слов. Напротив, я вслед за С. Е. Яхонтовым (см. [Яхонтов 1978]) полагаю, что изучение особенностей разных семантико-синтаксических классов предикатных слов может быть и даже должно быть основой для выделения классов диатез. Классификация диатез в концепции И. А. Мельчука и А. А. Холодовича фактически базировалась на учёте лишь «канонического» класса реляционных предикатов — двухместных агентивно-пациентивных предикатов действия, между тем как классификация С. Е. Яхонтова основывается на более широкой базе — на предварительном выделении таких неакциональных классов, как предикаты бытия, местонахождения, восприятия, чувства и др. И я в своей работе иду именно вслед за С. Е. Яхонтовым, то есть при выделении классов опираюсь на разные подклассы предикатов — в первую очередь именно на те, которые выделил С. Е. Яхонтов.

4) Выделение исходной диатезы в отличие от производной далеко не всегда представляет собой легко решаемую задачу. Есть немало случаев, когда с опорой на интуицию трудно решить, какая из двух диатез является исходной, а какая производной. Так у глагола *намазать* есть две диатезы: (а.) *X намазал Y на Z* и (б.) *X намазал Z Y-ом*. Выбор исходной диатезы в данном случае требует объяснения. В пользу трактовки диатезы «а.» как исходной говорит то, что она специфична именно для глаголов данного семантического подкласса («прикрепления к поверхности») и не характерна для глаголов других семантических подклассов; однако в пользу трактовки диатезы «б.» как исходной говорит то, что она у данного глагола встречается на порядок (примерно в 8 раз) чаще, чем диатеза «а.». Вопрос же о том, какая из них имеет тенденцию появляться в онтогенезе (то есть в детской речи) раньше другой (что, безусловно, представляло бы серьёзнейший аргумент в пользу её первичности по сравнению с более «поздней» конструкцией), пока не является в достаточной степени изученным. А это значит, что перед нами — непочатый край работы для дальнейших исследователей данной проблематики.

Литература

Алисова 1971 — Т. Б. Алисова. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971.

Апресян 1967 — Ю. Д. А п р е с я н. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.

Апресян 1974/1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974; 2-е изд., испр. и дополн. М., 1995.

Бондарко 1991 — А. В. Б о н д а р к о. Основы функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.

Веренк 1980/1985 — Ж. В е р е н к. Диатеза и конструкции с глаголами на *-ся* // Новое в зарубежной лингвистике / Под ред. Т. В. Бульгиной, А. Е. Кибрика. Вып. 15. М., 1985. С. 286—302.

Гак 1998 — В. Г. Г а к. Языковые преобразования. М., 1998.

Гак 2000 — В. Г. Г а к. Теоретическая грамматика французского языка. М., 2000.

Григорьян 1986 — Е. Л. Г р и г о р ь я н. Семантические и прагматические аспекты диатезы: Автореф. Дисс.... канд. филол. наук. М., 1986.

Категория 1970 — Категория залога: Мат-лы конф. Л., 1970.

Кибрик 1992 — А. Е. К и б р и к. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.

Козинский 1980 — И. Ш. К о з и н с к и й. Некоторые грамматические универсалии в подсистемах выражения субъектно-объектных отношений: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. М., 1980.

Крылов 2001a — С. А. К р ы л о в. Диатеза // Энциклопедия «Россия on-line» (2001). См. http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DIATEZA.html.

Крылов 2001b — С. А. К р ы л о в. Залог // Энциклопедия «Россия on-line» (2001). См. http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ZALOG.html.

Крылов 2002 — С. А. К р ы л о в. К основаниям классификации диатез // III зимняя типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Московская область. 29 января — 6 февраля 2002 года: Мат-лы лекций и семинаров / Ред. В. И. Подлесская. М., 2002. С. 186—188.

Крылов 2004a — С. А. К р ы л о в. Диатеза и смежные понятия: некоторые соображения об их соотношении // Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию профессора В. С. Храковского / Отв. ред. С. Ю. Дмитренко. М., 2004. С. 259—267.

Крылов 2008 — С. А. К р ы л о в. Несколько положений общей теории залога // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сб. ст. в честь Е. В. Падучевой / Отв. ред. Г. И. Кустова, Р. И. Розина. М., 2008. С. 458—481.

Лайонз 1968/1978 — Дж. Л а й о н з. Введение в теоретическую лингвистику / Пер. с англ. М., 1978.

Лейкина 1978 — Б. М. Л е й к и н а. К проблеме соотношения залога и коммуникативного членения // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978. С. 129—137.

Мартемьянов 2004 — Ю. С. М а р т е м ь я н о в. Логика ситуаций. Строение текста. Терминологичность слов. М., 2004.

Материалы 1998 — Семантические валентности: лексикологическая теория и лексикографическая практика: Мат-лы круглого стола // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 7—176.

Мельчук 1974 — И. А. М е л ь ч у к. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». I. Семантика, синтаксис. М., 1974.

Мельчук 1998 — И. А. М е л ь ч у к. Курс общей морфологии / Пер. с франц. Т. 2. М.; Вена, 1998.

Мельчук, Холодович 1970 — И. А. М е л ь ч у к, А. А. Х о л о д о в и ч. К теории грамматического залога // Народы Азии и Африки. 1970. № 4. С. 111—124.

Падучева 1974 — Е. В. П а д у ч е в а. О семантике синтаксиса. М., 1974.

Падучева 1977 — Е. В. П а д у ч е в а. О производных диатезах отпредикатных имен // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка / Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1977.

Падучева 1985 — Е. В. П а д у ч е в а. Высказывание и его соотношенность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений. М., 1985.

Падучева 1997 — Е. В. П а д у ч е в а. Семантические роли и проблема сохранения инварианта при лексической деривации // НТИ. Сер. 2. 1997. № 1. С. 18—30.

Падучева 1998 — Е. В. П а д у ч е в а. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 82—107.

Падучева 1999 — Е. В. П а д у ч е в а. О роли метонимии в концептуальных структурах // Труды международного семинара Диалог' 99 по компьютерной лингвистике и ее приложениям: В 2 т. Т. 1: Теоретические проблемы. Таруса, 1999. С. 215—225.

Плунгян 2000 — В. А. П л у н г я н. Общая морфология. М., 2000.

Сай 2008 — С. С. С а й. К типологии антипассивных конструкций: семантика, прагматика, синтаксис: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. СПб., 2008.

Теньер 1959/1988 — Л. Т е н ь е р. Основы структурного синтаксиса / Пер. с франц. М., 1988.

Тестелец 2001 — Я. Г. Т е с т е л е ц. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Успенский 1977 — В. А. У с п е н с к и й. К понятию диатезы // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка / Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1977. С. 65—84.

Холодович 1974 — Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов / Отв. ред. А. А. Холодович. Л., 1974.

Холодович 1979 — А. А. Х о л о д о в и ч. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.

Храковский 1975а — Структурно-типологические методы в синтаксисе разносистемных языков. Диатезы и залогов / Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1975.

Храковский 1975б/1999 — В. С. Х р а к о в с к и й. Исчисление диатез // Структурно-типологические методы в синтаксисе разносистемных языков. Диатезы и залогов / Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1975. (Переизд. в кн.: Храковский 1999. С. 51—66.)

Храковский 1978 — Проблемы теории грамматического залога / Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1978.

Храковский 1981а — Залоговые конструкции в разноструктурных языках / Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1981.

Храковский 1981б/1999 — В. С. Х р а к о в с к и й. Диатеза и референтность // Залоговые конструкции в разноструктурных языках / Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1981. (Переизд. в кн.: Храковский 1999. С. 67—101.)

Храковский 1990 — В. С. Х р а к о в с к и й. Диатеза // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 135.

Храковский 1999 — В. С. Х р а к о в с к и й. Теория языкознания. Русистика. Арабистика. СПб., 1999.

Храковский 2008 — В. С. Х р а к о в с к и й. Похвальное слово диатезе // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сб. в честь Е. В. Падучевой / Отв. ред. Г. И. Кустова, Р. И. Розина. М., 2008. С. 879—895.

Цейтлин 2009 — С. Н. Цейтлин. Очерки по формообразованию и словообразованию в детской речи. М., 2009.

Шаляпина 1976 — З. М. Шаляпина. К проблеме коммуникативной организации текста и ее отражения в семантической записи // Вычислительная лингвистика. М., 1976. С. 53—80.

Яхонтов 1978 — С. Е. Яхонтов. Классы глаголов и падежное оформление актантов // Проблемы теории грамматического залога / Отв. ред. В. С. Храковский. Л., 1978. С. 102—108.

Comrie et al. 1993 — В. Comrie et al. (eds.). Causatives and transitivity. Amsterdam, 1993.

Lötsch, Ružička 1976 — R. Lötsch, R. Ružička (Hrsg.). Satzstruktur und Genus verbi. Berlin, 1976.

Tesnière 1934 — L. Tesnière. Petite grammaire russe. Paris, 1934.

Veyrenc 1980 — J. Veyrenc. Études sur le verbe russe. Paris, 1980.

SERGEI KRYLOV

TYPES OF DIATHESES IN RUSSIAN

This study attempts to distinguish the main types of diatheses in Russian, viewed from a typological perspective. A multidimensional approach to the classification of diatheses is taken, so that some classes of diatheses that were obtained overlap with each other. The study covers not only the diatheses of transitive action verbs but also the diatheses of other semantic classes of predicates.

Key words: diathesis, rection, voice, case, construction, transformation, actant, valency, syntactic classes, predicates, subject, object, semantic role, transitivity, impersonality.

М. А. ПЕТРОВА

**СПЕЦИФИКА ФОРМ СОВЕРШЕННОГО ВИДА
МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВОЗМОЖНОСТИ:
*СМОЧЬ И СУМЕТЬ***

Предметом рассмотрения настоящей работы являются формы совершенного вида (СВ) русских глаголов со значением возможности — *смочь* и *суметь*, а также их аналоги в других славянских языках, такие как украинские *змогти* и *зуміти*, болгарские *смогна* и *съумея*, македонские *смогне* и *соумее*, сербско-хорватский *smoći*, словенский *zmôci*, чешский *zmoći* и верхне-лужицкий *zatóc*.

Целью исследования является описание семантической специфики указанных СВ-форм по сравнению с однокоренными модальными глаголами несовершенного вида (НСВ) — русскими *мочь/уметь* и их аналогами в других славянских языках, поэтому основное внимание предлагается уделить глаголам, образованным от *мочь* и *уметь*, оставив прочие глаголы семантического поля возможности (такие как македонский *usnee*, словенский *uspeti*, чешский *dokazat* и под.) за рамками рассмотрения.

В работе предполагается определить место каждого из исследуемых глаголов в семантическом поле возможности, проанализировать их компонентную структуру и импlicative свойства, проследить диахроническое развитие указанных СВ-форм, появившихся в славянских языках существенно позже НСВ-коррелятов, а также рассмотреть некоторые случаи возможного эллипсиса инфинитива¹ при глаголах СВ и НСВ поля возможности и присоединения к ним объектного дополнения.

0. Общие замечания

Специфика форм СВ модальных глаголов поля возможности отмечалась многими исследователями (назовем хотя бы [Барентсен 2002; Булы-

¹ Здесь и далее, говоря об инфинитивах, зависимых от модальных предикатов, мы имеем в виду не только собственно инфинитивные формы, но и формы, эквивалентные в подобных контекстах инфинитивным, а именно — личные глагольные формы, являющиеся сентенциальными актантами при модальном глаголе и согласующиеся с ним по грамматическим признакам (в частности, в болгарском и македонском языках).

гина, Шмелев 1990; Шатуновский 1996; Auwera, Plungian 1998; Choi 1999; Hansen 2001, 2004; Roeder, Hansen 2006] и др.), однако мнения о соотношении СВ- и НСВ-форм данных глаголов различны. Так, в словаре русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 1992] глаголы *мочь* и *смочь* названы видовой парой, в то время как А. Барентсен [Барентсен 2002] доказывает обратное.

В «Теории функциональной грамматики» [ТФГ 1990] приводится более осторожная формулировка: «...в русском языке для модальных модификаторов возможности в целом не характерна видовая соотносительность; существует лишь один глагол СВ *смочь*, соотносительный с глаголом *мочь*». В высказываниях, относящихся к плану прошлого, глагол *смочь* «сигнализирует о реализованной возможности. Однако в семантике *смочь* значение действительности сопрягается со значениями результативности и желания, стремления, попытки. Так, “не смог взять” предполагает, что субъект прилагал усилия к совершению действия, но эти усилия не привели к желаемому результату» [ТФГ 1990: 129]. Аналогичное толкование предлагает и Б. Хансен [Hansen 2004: 257], характеризующий *смочь* как предикат с семантикой реализованной возможности² (*realized possibility*) и рассматривающий данное значение как постмодальное значение *мочь* наряду с другими постмодальными значениями модальных предикатов славянских языков (такими как будущее время, эвиденциальность и др.).

М. В. Всеволодова, проводя семантическую классификацию глаголов во [Всеволодова 2000], предлагает относить *мочь*, *уметь* и *смочь*, *суметь* к разным группам общего класса глаголов-модификаторов: *мочь*, *уметь* — к группе собственно модальных глаголов, а *смочь*, *суметь* (вместе с такими глаголами, как *успеть*) — к группе оценочно-темповых глаголов, оценивающих действие с точки зрения результативности (*Он решил задачу* → *Он смог/сумел решить задачу*).

Данный подход в значительной степени близок идеям, высказанным в работах [Karttunen 1971; 1973; Зализняк 1988; Разлогова 1988] и др., посвященных описанию логических свойств глаголов с сентенциальными актантами.

Так, в [Karttunen 1973] предлагается выделять четыре группы предикатов с сентенциальным дополнением на основе их логических свойств, а именно — на основе импликаций, выводимых из предложений с данными предикатами. Первую группу составляют **ф а к т и в н ы е п р е д и к а т ы** (такие как англ. *know*, при которых подчиненная предикация всегда истинна, независимо от того, в положительной ли или отрицательной форме находится данный глагол); вторую группу — **и н т е р е с у ю щ и е н а с и м п л и к а т и в н ы е п р е д и к а т ы** (такие как англ. *manage*, при которых подчи-

² В этой связи уместно также упомянуть исследование [Auwera, Kehayov, Vittrant 2009], посвященное аквизитивной модальности, где рассматриваются предикаты с близкой семантикой в других языках мира.

ненная предикация истинна, если глагол в утвердительной форме, и ложна, если в отрицательной: именно так в большинстве контекстов ведут себя глаголы типа *смочь/суметь*); третью группу Карттунен называет *if-предикаты* (к ней относятся глаголы типа *force*: когда глаголы такого типа используются в утвердительной форме, подчиненная предикация истинна, когда в отрицательной, — значение подчиненной предикации не известно); к четвертой группе относятся так называемые *only-if-предикаты*, примером которых являются предикаты *can, able* (и, соответственно, *мочь/уметь*): когда соответствующий предикат используется в отрицательном высказывании, подчиненная предикация, согласно Карттунену, должна быть ложной, когда в утвердительном, — значение подчиненной предикации не определено.

Глаголы типа *мочь, уметь* относятся, таким образом, к четвертой группе, а глаголы типа *смочь, суметь* — ко второй.

Говоря о сходствах и различиях обсуждаемых СВ- и НСВ-форм, любопытно упомянуть также мнение К. Чуковского относительно языкового статуса *смочь*, приводимое в известной статье Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева «“Возможности” естественного языка и модальная логика». Чуковский считал данный глагол инновацией, не соответствующей нормам литературного языка: «“Смог”, “смогли” — такие словообразования Корней Чуковский не переносил. Он утверждал, что глагол “мочь” не имеет в русском языке совершенного вида. Требовал: “Я к вам вчера прийти не мог”, говорил: “Ну еще в будущем времени кое-как смогу... Но в прошедшем только мог”» (цит. по [Булыгина, Шмелев 1990: 152]).

Конечно, позиция большинства исследователей в отношении статуса *смочь/суметь* не столь категорична, тем не менее эти формы рассматриваются как сравнительно инновационные и в некоторых других работах. Так, в [Auwera, Plungian 1998: 105—106] отмечается, что русский *мочь* изначально был имперфективным глаголом, не имеющим перфективного аналога, образованного посредством деривации, однако к началу XX в. у *мочь* сформировался СВ-коррелят — *смочь*.

Между тем *смочь* встречается и в текстах более раннего периода начиная с XVI в. Приведем некоторые примеры³:

- (1) *О житии преподобного отца нашего Ефрема никаково змогом обрести, понеже бо // в предидуция лета многи бои быша на град Торжск* (Пов. о разорении Торжка в 1315 г., XVI в., цит. по [Будовниц 1960]).
- (2) *Где бѣсъ не сможетъ, туда бабу пошлетъ* (Кург. письм. I, 1790⁴).

³ Приводимые в настоящей работе примеры собраны в Картотеке словаря русского языка XI—XVII вв. Института русского языка РАН, хранителям которой автор выражает глубокую благодарность.

⁴ Курганов И: Писмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезнозабавного вещесловия. 4-е изд.,

- (3) ...и онъ де собою изъ монастыря домой идти не **смогъ** и отвезли его на санях... (Дела Иосифа Коломенского, 1675, цит. по [Титов 1911]).
- (4) А у насъ в дѣвичемъ монастыр, попь Борисъ оstarель и служить не **сможетъ**, лежитъ на смертной постеле недѣль с тридцетъ (Гр. Крут. Еп., 1687⁵).
- (5) ...будетъ бы не **сможетъ** кто столко учинити, ино подобаетъ в томъ дворѣ мѣсто... собкопати, на котором... (Назиратель: 158, вт. пол. XVI в.⁶, цит. по [Котков 1973]).

На *суметь* примеров существенно меньше, что можно объяснить, видимо, разговорной сферой употребления данного глагола. Так, в Картоотеке словаря русского языка XI—XVII вв. *суметь* встретился всего один раз — в тексте народной песни:

- (6) Вы **сумѣли** меня воспоить, воскормить,
Не **сумѣли** замуж выдати! [Соболевский 1895—1902].

В [Барентсен 2002: 26] при этом отмечается, что, согласно статистическим данным, полученным в результате анализа текстов первой половины XIX — второй половины XX в., частотность *смочь* и *суметь* за последние два века существенно возросла.

Характерно, что в разных славянских языках рассматриваемые перфективные формы отличаются как по своей семантике, так и по продуктивности образования.

Так, в языках западно-славянской группы данные СВ-формы получили менее широкое распространение — в польском и словацком, в частности, СВ-формы глаголов возможности отсутствуют, в то время как для восточно-славянских и южно-славянских языков наличие подобных форм весьма характерно.

Любопытно отметить, что в некоторых языках формообразовательный процесс пошел еще дальше: так, в болгарском глагол *смогна* (морфологический аналог *смочь*) образует вторичный имперфектив *смогвам*, глагол *сѹмея* (аналог *суметь*) — *сѹмявам*. Вторичные имперфективы СВ-форм, образованных от модальных глаголов поля возможности, есть и в других славянских языках: македонский *соумее* имеет имперфективный коррелят *соумева*, чешский *zmoci* — *zmahat*, сербский *smoći* — *smagati*, словенский *zmōći* — *zmagati*. В большинстве случаев данная деривация происходит,

вновь выправл., приумнож. и разделенное на 2 части профессором и кавалером Николаем Кургановым. Ч. I. СПб., 1790.

⁵ Гр. Крут. еп.: Сарайская и Крутицкая епархии. Вып. 3. / С предисл. Н. А. Соловьева. Чт. ОИДР. 1902. Кн. 4. 1662—1713 гг.

⁶ Книга глаголема «Назиратель», сиречь «Уряд домовных детель». Рукоп. ГИМ, Барс., № 371, вт. пол. XVI в. / Пер. с польск. Piotra Crescentyna Księgi o gospodarstwie, y o oparzeniu rozmnożenia rozlicznych pożytkow, każdemu stanowi potrzebne. Kraków, 1549.

по-видимому, тогда, когда семантика СВ-формы выходит за рамки поля возможности, то есть когда глаголы СВ выражают значения, отличные от «мочь», что будет рассмотрено в следующем разделе.

1. Семантика глаголов *мочь, смочь, уметь, суметь*

Анализируя соотношение глаголов типа *мочь, смочь, уметь* и *суметь*, начнем с определения места каждого из данных глаголов в семантическом поле возможности.

Значения данного поля можно разделить на три основные группы⁷: алетическую, деонтическую и эпистемическую возможности. Алетической принято называть возможность, осуществление которой связано с объективными внешними условиями реального мира (внешняя алетическая возможность) или внутренними качествами и свойствами субъекта (внутренняя алетическая возможность). Деонтической называют возможность, реализация которой обусловлена социальными, юридическими, нравственными нормами или волеизъявлением конкретного лица (к деонтическим, например, относятся значения разрешения и запрета). Эпистемическая же возможность характеризует степень уверенности говорящего в достоверности, истинности сообщаемой информации.

Очевидно, сфера использования рассматриваемых нами глаголов различна. Так, рус. *мочь*, укр. *могти*, белорус. *магчы*, болг. *мога*, македон. *може*, сербский и хорватский *моћи*, чешск. *moči*, будучи ядерными предикатами поля возможности⁸, способны выражать значения всех трех названных групп:

алетическая возможность (внешняя или внутренняя):

- (7) *Он мог войти — дверь была открыта.*
Он može sam da prenese ovaj divan. — Он может сам нести диван
 (сербск.).
Śpiewać każdy może. — Петь каждый может (польск.).

⁷ Мнения разных исследователей относительно кластеризации семантического поля возможности различны. Поскольку данная проблема не является ключевой для настоящей работы, не будем приводить здесь подробные обоснования предпочтения выбранного представления и ограничимся ссылкой на [Петрова 2007а], где рассматриваются различные подходы к семантическому полю модальности вообще и полю возможности в частности.

⁸ Исключение составляет словенский *moči*, вытесненный в ряде контекстов предикатом *lahko*. Как отмечается в [Roeder, Hansen 2006: 159—160], для *moči*, в частности, не характерно использование в деонтическом значении, а также в утвердительных контекстах.

деонтическая возможность (разрешение или запрет):

- (8) *Так и быть, вечером можешь пойти в кино.*
Deca ne mogu da idu u bioskop. — *Детям нельзя ходить в кино* (до-
 словно — *дети не могут*) (сербск.).
Dzieci nie mogą kupić papierosów. — *Дети не могут покупать*
сигареты (польск.).

эпистемическая возможность (предположение):

- (9) *Вечером может пойти дождь (= может быть, пойдет дождь).*
On još može doći⁹. — *Он все еще может прийти (= может быть,*
он еще придет) (сербск.).
Każdy mógł błędzić. — *Каждый мог ошибаться (= может быть,*
каждый ошибался) (польск.).

Сфера употребления глаголов типа *уметь* существенно уже — данные глаголы используются только для выражения внутренней алетической возможности и в подавляющем большинстве случаев имеют узуальное значение.

Разделение возможности на **актуальную** и **узуальную** описано, в частности, Е. И. Беляевой в [ТФГ 1990]: «...актуальная возможность означает непостоянную, временную связь между субъектом и признаком; узуальная возможность имеет место тогда, когда потенциальная возможность осуществления указанной связи существует постоянно или в течение достаточно длительного промежутка времени» [Там же: 133]. Наглядным примером противопоставления актуальной и узуальной возможностей является известный пример З. Вендлера о Джоне, описанный также в работе [Зализняк, Падучева 1989]: «Допустим, что Джон может выпить залпом галлон вина. И допустим, что он только что это проделал на наших глазах. Тогда маловероятно, что он может тут же совершить этот неслыханный поступок еще раз». В этом случае предлагается выделять *мочь*₁ с актуальным значением (когда речь идет о конкретной ситуации) и *мочь*₂ с узуальным значением, описывающий некоторую родовую ситуацию.

Если, как показано в указанных работах, глагол *мочь* способен выражать оба эти значения, то глаголы *смочь*, *суметь* и *уметь* выражают, как правило, лишь одно из них. Для глаголов типа *уметь*, соответственно, характерно узуальное употребление:

- (10) *он уме да пише* — *он умеет писать* (сербск.);
umětí mluvit — *уметь говорить* (чешск.);
Есть нужно уметь, а представьте себе — большинство людей
вовсе есть не умеют (М. Булгаков «Собачье сердце»).

Глаголы же *смочь* и *суметь* употребляются преимущественно при описании актуальных ситуаций. Так, предложение (11), взятое из произведе-

⁹ Три приведенных сербских примера взяты из [Benson 1979].

ния И. А. Гончарова «Обломов», воспринимается современным читателем как устаревшее, поскольку глагол *смочь* называет здесь не актуальную возможность, а некоторое постоянное свойство субъекта, что для современного употребления этого глагола в русском языке несколько нетипично:

- (11) *Даже пробовал заговорить с бабушкой, да она не сможет никак докончить разговора: остановится на полуслове, упрет кулаком в стену, согнетя и давай кашлять, точно трудную работу какую-нибудь исправляет, потом охнет — тем весь разговор и кончится* (И. А. Гончаров «Обломов»).

Помимо использования в узуальных контекстах, русский *уметь* имеет еще одно ограничение, отмеченное И. Б. Шатуновским [Шатуновский 1996: 199]: в современном русском языке данный глагол сочетается только с пропозициями, которые содержат предикаты, называющие контролируемые действия, и потому требует, как правило, одушевленного субъекта. Примеры типа *О, если б голос мой умел сердца тревожить!* (А. С. Пушкин) для современного русского языка кажутся устаревшими. Для *суметь* примеры с неодушевленным субъектом также не характерны.

Итак, если между *мочь* и *уметь* существуют гипо-гиперонимические отношения, то соотношение *смочь* и *суметь* несколько иное.

С одной стороны, область их использования намного уже по сравнению с *мочь*, поскольку основной сферой использования данных глаголов является поле алетической возможности: так, употребление *смочь* в предложении *Так и быть, вечером сможешь пойти в кино* в значении разрешения менее типично, чем употребление в алетическом смысле (использование *суметь* в аналогичном контексте вообще невозможно), а эпистемическое использование *смочь/суметь* в предложении **Скоро сможет/сумеет пойти дождь* (в значении *Скоро, может быть, пойдет дождь*) очевидно неправильно. С другой стороны, и *смочь*, и *суметь* имеют мало общего с *уметь*, употребляясь, в отличие от узуального *уметь*, главным образом для обозначения актуальных ситуаций.

Кроме того, в ряде других славянских языков функционирование рассматриваемых СВ-форм вообще выходит за рамки поля возможности. Так, у болгарского *смогна*, македонского *смогне* и словенского *zmoči* выделяется значение «справиться с чем-либо», а у болгарского *смогна*, кроме того, значение «успеть»: *не мога да ти смогна — не успеваю за тобой* (дословно *не могу за тобой успеть*).

Чешский глагол *zmoči* (морфологический аналог *смочь*) также не относится к семантическому полю возможности и означает «одолеть»: *zmohla ho unava — его одолела усталость* [Malíře, Lukešové 1968]. Аналогичное значение выделяется, в числе прочих, у сербского *smoći*, использующегося, помимо этого, как для выражения того же смысла, что и *смочь*, так и для выражения значения «найти»:

- он не найдет достаточно времени для этого;*

ako smognem sredstava za put... — если я найду достаточно денег для поездки [Benson 1979].

Что же касается употребления *смочь/суметь* в значении алетической возможности, то и оно имеет свою специфику, связанную, в частности, с наличием в их компонентной структуре семы сверхнормативного приложения усилий, сближающей *смочь/суметь* с глаголами *удаться, получить-ся, справиться* и прочими глаголами с семантикой возможности, осуществление которой сопряжено с преодолением сверхнормативных препятствий. Ясно, что любая возможность подразумевает наличие препятствий определенного рода, в противном случае сам разговор о возможности не является целесообразным. Именно в силу обязательного наличия подразумеваемых препятствий странными кажутся предложения типа: **Я могу дышать*, поскольку при отсутствии специального контекста не совсем понятно, какие препятствия здесь могли бы возникнуть [Зализняк, Падучева 1989]. Существуют, тем не менее, предикаты, особо подчеркивающие роль этих препятствий (типа названных *справиться, удасться, получить-ся*), отличающиеся от нейтрального в этом отношении глагола *мочь*:

(12) *Алиса побоялась бросить банку вниз — как бы не убить кого-нибудь! На лету она умудрилась засунуть ее в какой-то шкаф (Л. Кэрролл «Приключения Алисы в стране чудес»).*

Л. Карттунен [Karttunen 1971: 351], описывая семантику имплицативных глаголов (к которым относятся также названные *удаться, получить-ся, умудриться* и под.), отмечает, что функцией каждого из предикатов данной группы является, по сути, как раз указание на тот или иной тип условий, выполнение которых является необходимым и достаточным для того, чтобы называемое в зависимой предикации действие имело место. Так, в случае *manage* подразумевается, что осуществление действия, называемого зависимой предикацией, сопряжено для субъекта с некоторыми трудностями; *remember* предполагает, что у субъекта были определенные обязательства относительно выполнения указанного в зависимой предикации действия (*Yesterday, John didn't remember to kiss Mary*); *bother* — что для выполнения соответствующего действия субъекту нужно предпринять некоторые сознательные усилия для его реализации, при этом готовность субъекта предпринять эти усилия является ключевым фактором, определяющим исход действия (*Yesterday, John didn't bother to kiss Mary*); *happen* подразумевает, что реализация указанного в зависимой предикации действия полностью зависит от внешних обстоятельств, а именно от того, представится ли субъекту возможность осуществить называемое (*Yesterday, John didn't happen to kiss Mary*).

Для рассматриваемых нами *смочь* и *суметь* указание на наличие каких-либо препятствий при реализации соответствующего действия тоже составляет, по сути, их основную семантику. Это делает их эквивалентными *manage* и отличает от морфологически родственных глаголов НСВ, что ярко видно при установлении переводных соответствий.

Вследствие сказанного предложения со *смочь/суметь* содержат презумпцию «субъект частично контролирует Р» (где Р — действие, называемое в зависимой предикации), отличающую, в свою очередь, *смог Р* от *сделал Р*, что отмечается И. Б. Шатуновским ([Шатуновский 1996: 179]; под частичным контролем при этом понимается ситуация, когда при желании субъекта осуществить некоторое действие Р возможно как Р, так и не Р¹⁰). В той же работе демонстрируется влияние компонента частичной контролируемости на сферу употребления *смочь* в контекстах будущего времени: поскольку использование *смочь* предполагает, что называемое действие могло как реализоваться, так и не реализоваться, употребление данного глагола в форме не-прошедшего времени возможно, как правило, либо в контекстах, где осуществление некоторого действия рассматривается как проблематичное (в вопросах, условных придаточных и др.), либо в случаях, когда презумпция частичной контролируемости заменяется презумпцией выбора — если *субъект сможет Р*, значит, он выбрал Р и будет Р; если *субъект не сможет Р*, значит, субъект тоже выбрал Р, но Р не будет: *смогу приехать = хочу и приеду; не смогу приехать = хочу, но не приеду по не зависящим от меня причинам* (ср. неправильность примеров типа **смогу, но не захочу*).

Итак, основным семантическим компонентом глаголов типа *смочь/суметь* является указание на наличие некоторых потенциальных препятствий и, как следствие, на необходимость приложения определенных усилий при реализации того или иного действия, что отличает данные глаголы от однокоренных НСВ-форм, сближая их с семантикой некоторых имплицативных глаголов (таких как *удаться/получиться* и пр.). Семантическими характеристиками, однако, близость данных глагольных классов не ограничивается: в частности, *смочь/суметь* обладают теми же логическими свойствами, что и указанные имплицативные предикаты, радикально отличаясь в этом отношении от собственно модальных *мочь* и *уметь*.

Остановимся теперь подробнее на рассмотрении имплицативных свойств *мочь*, *уметь* и *смочь*, *суметь*, сделав предварительно некоторые замечания относительно используемых далее логических понятий, систем истинностных значений и логических свойств предикатов с сентенциальными актантами.

¹⁰ В работах [Шатуновский 1996; Зализняк 1992; Кустова 1992] и др. выделяются разные типы контролируемых ситуаций: с одной стороны, контролируемость действия может противопоставляться его случайности, ненамеренности (*открыть дверь, зажечь спичку* vs. *упасть, уронить*), с другой стороны — реализация потенциально контролируемых действий может зависеть от свойств субъекта или некоторых внешних условий. Например, если спичка отсырела, она, скорее всего, не загорится независимо от воли субъекта, т. е. желание субъекта является при осуществлении данного действия необходимым, но недостаточным условием. Наличие подобных препятствий при выполнении потенциально контролируемых действий и позволяет говорить об их частичной контролируемости субъектом.

2. Импликативные свойства предикатов с сентенциальными актантами и системы истинностных значений

Чтобы определить импликативные свойства интересующих нас глаголов, а именно *мочь*, *уметь*, *смочь*, *суметь*, рассмотрим сначала вкратце некоторые вопросы общего характера.

Прежде всего, поскольку далее речь пойдет о логических свойствах, целесообразно определить понятия **пресуппозиции** и **импликации** (иначе говоря, следования), уже упоминавшиеся выше.

Как известно, термин «**пресуппозиция**», пришедший в лингвистику из логики, используется в данных областях не совсем тождественно. Так, в работе [Van Fraassen 1968] логическая пресуппозиция определяется следующим образом:

Р имеет пресуппозицию Q тогда и только тогда, когда $T(P) \rightarrow T(Q)$ и $F(P) \rightarrow T(Q)$, где $T(P)$ означает 'Р истинно', а $F(P)$ — 'Р ложно'. То есть Q является пресуппозицией Р в том случае, если Q верно всегда, когда Р имеет истинностное значение.

Л. Карттунен [Karttunen 1973], беря за основу приведенное определение, предлагает его менее строгий вариант, формулируя определение пресуппозиции без обращения к истинностным значениям: Р имеет пресуппозицию Q в том случае, если, когда утверждается, отрицается или спрашивается Р, говорящий вынужден считать, что Q. Как правило, в лингвистических работах пресуппозиция понимается как раз в таком, менее строгом, смысле.

Вслед за Остином [Austin 1962], Карттунен предлагает также менее строгое по сравнению с логическим понятие **импликации** [Karttunen 1971; 1973]: Р имплицитует Q тогда и только тогда, когда говорящий при утверждении Р всегда обязан считать, что Q. Подробное объяснение использования такого толкования данного термина см., в частности, в [Karttunen 1971: 344], в настоящей работе скажем лишь, что использование понятия импликации в строго логическом смысле неизбежно влекло бы необходимость признания высказываний *Джону удалось решить задачу* и *Джон решил задачу* тождественными, что, очевидно, не является верным.

Важной чертой приводимого Карттуненом понимания импликации является неприменимость к подобной импликации правила Modus Tollens (иначе говоря, закона контрапозиции или правила обращения). То есть если предложение *John managed to kiss Mary* имплицитует предложение *John kissed Mary*, то из отрицания последнего предложения — *John didn't kiss Mary* — вовсе не следует, что *John didn't manage to kiss Mary*, поскольку использование глагола *manage* привносит в высказывание некоторый дополнительный смысл, описанный выше, — что Джон предпринимал соответствующую попытку, в то время как в исходной фразе *John didn't kiss Mary* такого ука-

зания не содержится (ср. с рассматриваемым ниже выводом истинностного значения целого предложения по истинностному значению его части и истинностного значения части по истинностному значению целого).

Для обозначения импликации мы, вслед за Карттуненом, будем использовать знак \rightarrow : $a \rightarrow b$ — значит «а имплицирует b» или «b следует из а».

Далее, важно отметить, что, говоря об имплицативных свойствах модальных глаголов со значением возможности, мы, конечно, имеем в виду только алетические значения данных глаголов. Эпистемические значения указывают на мнение субъекта, а мнение, в отличие от знания, не характеризуется по параметру истинности. Что касается деонтических значений, то, как справедливо отмечается Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелевым, «деонтическая модальность с действительностью непосредственно не связана (поскольку реальный мир не входит в число релевантных для деонтической модальности “случаев”). Поэтому высказывания деонтической модальности не содержат имплицатур относительно действительного положения дел» [Человеческий фактор... 1992: 147].

Наконец, описание логических свойств того или иного предиката в значительной степени зависит от выбора системы истинностных значений.

В логике существуют разные истинностные системы. Наиболее распространенными являются системы из трех значений, включающие значения «истина», «ложь», «неопределенность» или «истина», «ложь», «абсурд», однако существуют и системы, состоящие из большего количества значений. В [Разлогова 1988], в частности, описывается семизначная система, значениями которой являются истина, ложь, абсурд, неопределенность, неопределенность сильная, ложь сильная и истина сомнительная (увеличение числа истинностных значений происходит за счет включения в рассмотрение истинностных значений пресуппозиций высказываний).

Выбор той или иной системы истинностных значений зависит от целей конкретного исследования. Так, если объектом исследования являются высказывания с заведомо истинными пресуппозициями, достаточно ограничиться системой из трех значений — «истина», «ложь» и «неопределенность». Для анализа глаголов типа *мочь/уметь/смочь/суметь* достаточно как раз такой системы.

В [Разлогова 1988] в подобной трехзначной системе предлагается выделять девять классов предикатов. Каждому предложению с истинным/ложным значением¹¹ соплагается соответствующая пара истинностных значений зависимой от ядерного предиката пропозиции: к примеру, если истинному значению предложения соответствует истинное значение зависимой пропозиции и ложному значению предложения соответствует ложное значение зависимой пропозиции, то предикаты с таким типом логиче-

¹¹ Под истинным/ложным значением понимается в данном случае наличие/отсутствие отрицания при ядерном предикате.

ских зависимостей предлагается относить к классу 1 (для таких предикатов Л. Карттунен в [Karttunen 1971] ввел термин имплицативные предикаты); если же истинному значению предложения соответствует ложное значение зависимой пропозиции и ложному значению предложения соответствует истинное значение подчиненной пропозиции, — такие предикаты предлагается относить к классу 2, и т. д.

В центре нашего внимания будут находиться первый и пятый классы, поскольку именно к ним, согласно Разлоговой, относятся рассматриваемые нами глаголы поля возможности:

Значение предложения	Истина	Ложь
	Соответствующее значение пропозиционального компонента предложения	
Номер класса		
1	Истина	Ложь
2	Ложь	Истина
3	Истина	Неопределенность
4	Ложь	Неопределенность
5	Неопределенность	Ложь
6	Неопределенность	Истина
7	Неопределенность	Неопределенность
8	Истина	Истина
9	Ложь	Ложь

Так, первый класс, указанный в таблице, составляют, как было сказано, имплицативные предикаты, такие как *удалось P*, *пришлось P*, *решился P*, *риснуть P*, *справиться с P*, *добиться P* и, в числе прочих, *смочь P* и *суметь P*. Глаголы же *мочь* и *уметь*, вместе с такими предикатами, как *быть способным P*, *быть в состоянии P*, *P возможно*, Разлогова предлагает относить к пятому классу, куда входят предикаты, не дающие никаких импликаций в случае истинного значения всего предложения (т. е. в утвердительном предложении) и имеющие отрицательные импликации в отрицательном предложении (иными словами, *мог P = P или не P*, а *не мог P = не P*).

Если отнесение предикатов типа *смочь* к первому классу сложностей почти не вызывает, то с предикатами из пятого класса все не так однозначно, что будет показано в следующем разделе.

При описании истинностных значений предложения важно также отметить, что определение истинностных значений можно рассматривать с двух точек зрения [Разлогова 1988: 28]: так, можно определять истин-

ностное значение части предложения, когда известно истинностное значение всего предложения (как в приведенной выше таблице), а можно определять истинностное значение всего предложения, когда известно истинностное значение части предложения. К примеру, если известно, что *Мальчик смог переплыть реку* (целое), то истинностное значение части (*мальчик переплыл реку*) можно определить как истинное. Если же, напротив, известно, что *мальчик переплыл реку* истинно, то значение предложения *Мальчик смог переплыть реку* можно тоже определить как истинное.

Нас в данном случае будут интересовать случаи первого типа, то есть определение истинностных значений части предложения по истинностному значению всего предложения.

Говоря о логических свойствах предикатов, введем еще одно понятие — понятие имплицативного типа, описанное Анной А. Зализняк в работе «О понятии имплицативного типа (для глаголов с пропозициональным актантом)» [Зализняк 1988] (где, как и у Разлоговой, выделяется девять классов глаголов в соответствии с их имплицативными свойствами). В данной статье классы предикатов, дающих разные имплицации, предлагается определять как разные имплицативные типы предикатов. Под **имплицативным типом** при этом понимается «пара $\langle v(\text{ПП})^+, v(\text{ПП})^- \rangle$, где $v(\text{ПП})^+$ — это истинностное значение подчиненной предикации (ПП) в утвердительном предложении, а $v(\text{ПП})^-$ — истинностное значение ПП в соответствующем отрицательном предложении. Параметр истинности для ПП полагается при этом принимающим три значения: И — “истина”, Л — “ложь” и \emptyset — “нейтральность” (для случая, когда ПП не охарактеризована по параметру истинности)» [Зализняк 1988: 108—109]. Анализируя далее глаголы с зависимыми предикациями, мы, вслед за А. А. Зализняк, также будем описывать их в терминах имплицативных типов.

В указанной работе делается еще одно важное уточнение относительно понимания истинности: истинность определяется как «существование ситуации, описываемой ПП, к моменту, с которым соотносится действие главного глагола» [Там же: 108—109]. Сходного понимания придерживается и И. Б. Шатуновский: «Возможное является возможным только до тех пор и в том случае, пока и если оно не стало действительным, и в этом смысле возможность и действительность в естественном языке исключают друг друга» [Шатуновский 1996: 179]. Иными словами, говоря, что «некто может сделать Р», мы при таком понимании считаем, что данное высказывание имеет имплицацию Л, поскольку на момент его произнесения субъект еще не сделал Р.

Подобное представление, будучи безусловно справедливым, является, тем не менее, не единственно возможным. Так, высказывания типа *Федя может дать нам денег* (в алетическом смысле) нередко рассматриваются как имеющие значение \emptyset , поскольку допускают как продолжение типа «может дать нам денег, но не захочет» (то есть не даст), так и продолжение

типа «может дать нам денег завтра, так что можно больше ни у кого не просить» (то есть «завтра даст»). Иными словами, из *X может P* может следовать и *X сделает P*, и *X не сделает P* (в отличие от случая с отрицанием: *X не может P* всегда значит, что не P, независимо от точки отсчета).

Различие указанных пониманий заключается во взгляде на временную точку, относительно которой подчиненная предикация рассматривается как реализованная или нет. Если в первом случае момент наличия некоторой возможности и момент ее реализации должны совпадать (что, с точки зрения Шатуновского, не представляется возможным), то при втором понимании такого требования нет: важно лишь, может ли действие, называемое в подчиненной предикации, реализоваться в какой-либо момент времени или нет.

Ясно, что в зависимости от выбора той или иной позиции логические свойства одного и того же предложения можно охарактеризовать по-разному. Так, если в работе [Зализняк 1988], где истинность зависимой предикации соотносится с ее реализованностью к моменту, с которым соотносится *мочь*, данный глагол предлагается относить к типу Л — Л, то в работе [Разлогова 1988], где истинность подчиненной предикации не привязана к конкретному моменту, *мочь* относится к классу Ø — Л.

В этой связи постараемся далее делать соответствующие оговорки относительно контекстов, где выбор **точки отсчета** имеет принципиальное значение. Будем говорить при этом, что в случае первого понимания речь идет об **актуальных импликациях** (то есть соотносящихся с конкретным, актуальным моментом времени), а в случае второго — о **потенциальных импликациях** (не привязанных к какому-либо конкретному моменту).

На основе сказанного постараемся теперь определить импликативные типы глаголов поля возможности.

3. Импликативные типы НСВ-форм глаголов поля возможности

Начнем рассмотрение с импликативных типов глаголов НСВ — то есть с собственно модальных глаголов возможности *мочь* и *уметь*. Как уже отмечалось, в отношении своих логических свойств данные глаголы устроены намного сложнее СВ-форм. Так, *мочь* и *уметь* едва ли можно однозначно отнести к какому-либо одному из типов или классов, выделяемых в рассмотренных выше работах, поскольку импликации предложений, содержащих данные глаголы, варьируются в зависимости от вида глагола в подчиненной предикации, а также, в некоторых случаях, от времени самого модального глагола (заметим, кстати, что английские аналоги *can* и *be able* Л. Карттунен [Karttunen 1971] тоже относил к классу предикатов, которые в некоторых контекстах обладают свойством импликативности, а в некоторых — нет).

Проанализируем ряд высказываний с *мочь*:

- (13) *Он мог целыми днями **ходить** по берегу реки и наслаждаться тишиной.*
- (13a) *Он **может** целыми днями **ходить** по берегу реки и наслаждаться тишиной.*
- (14) *Он мог **пойти** в театр.*
- (14a) *Он **может** **пойти** в театр.*
- (15) *Он **не мог** целыми днями **ходить** по берегу реки и наслаждаться тишиной.*
- (15a) *Он **не может** целыми днями **ходить** по берегу реки и наслаждаться тишиной.*
- (16) *Он **не мог** **пойти** в театр.*
- (16a) *Он **не может** **пойти** в театр.*

В примерах из (13) и (15), где глаголы зависимых предикаций в форме НСВ, *мочь* ведет себя как глагол имплицативного типа Ø — Л, то есть в утвердительной форме в главном предложении ничего не говорит о совершении/несовершении действия, на возможность осуществления которого указывает, а в отрицательной форме указывает на нереализованность указанной возможности. Ср. возможные продолжения приведенных предложений:

предложения без отрицания

- (13') *Он мог целыми днями **ходить** по берегу реки и наслаждаться тишиной, **чему несказанно радовался** (следовательно, ходил, то есть использовал данную возможность).*
- (13a') *Он **может** целыми днями **ходить** по берегу реки и наслаждаться тишиной, **чему несказанно рад** (значит, видимо, ходит, то есть использует данную возможность).*

vs.

- (13'') *Он мог целыми днями **ходить** по берегу реки и наслаждаться тишиной, **но по привычке большую часть времени проводил в работе** (следовательно, не ходил целыми днями, то есть не использовал данную возможность).*
- (13a'') *Он **может** целыми днями **ходить** по берегу реки и наслаждаться тишиной, **но по привычке большую часть времени проводит в работе** (следовательно, не ходит целыми днями, то есть не использует данную возможность);*

предложения с отрицанием

- (15') *Он **не мог** целыми днями **ходить** по берегу реки и наслаждаться тишиной, **потому что все время много работал** (следовательно, не ходил и не наслаждался).*
- (15a') *Он **не может** целыми днями **ходить** по берегу реки и наслаждаться тишиной, **потому что все время много работает** (следовательно, не ходит и не наслаждается).*

Как видно из сказанного, *мочь* в данном случае ведет себя как глагол имплицативного типа \emptyset — Л даже в том случае, когда речь идет об актуальных импликациях (поскольку *имел возможность ходить* и *ходил* в приведенных примерах относятся, очевидно, к одному временному интервалу), что на первый взгляд противоречит идее И. Б. Шатуновского о том, что возможность и действительность взаимоисключают друг друга. На самом деле, однако, противоречия не возникает, если внести некоторые уточнения относительно семантики *мочь* в соответствующих контекстах: так, если речь идет о *мочь*, выражающем актуальную возможность, утверждение И. Б. Шатуновского истинно, поскольку, действительно, странно описывать одну и ту же ситуацию как «X может гулять» и «X гуляет» (если X при этом не гуляет, второе утверждение ложно; если гуляет, — первое выглядит странно в силу его неполной информативности). Тем не менее, если говорить не об актуальном *мочь*, а о *мочь*, называющем возможность, которой субъект обладает в течение некоторого продолжительного промежутка времени, действительность и возможность не обязаны исключать друг друга: смысл соответствующих высказываний будет при этом такой, что «X в течение некоторого промежутка времени обладал определенной возможностью и время от времени ее реализовывал».

В примерах из (14) и (16), где глаголы зависимых предикаций в форме СВ, *мочь* может функционировать и как глагол имплицативного типа Л — Л, и как глагол типа \emptyset — Л. Если речь идет об актуальных импликациях, *мочь* относится скорее к имплицативному типу Л — Л, то есть указывает на нереализованность указанной возможности как в отрицательной форме, так и в утвердительной:

- (14) *Он мог пойти в театр* — значит, вероятно, к моменту, с которым соотносится *мочь*, еще не пошел,
 (14а) *Он может пойти в театр* — значит, сейчас еще не идет,
 (16) *Он не мог пойти в театр* — следовательно, не пошел,
 (16а) *Он не может пойти в театр* — следовательно, не пойдет.

Если же характеризовать *мочь* с точки зрения потенциальных импликаций, то логические следствия примеров (14) и (14а) будут другими. Предложения типа (14), где *мочь* в форме прошедшего времени, могут иметь такие продолжения:

- (14') *Он мог пойти и пошел, несмотря на протесты жены,*
 (14'') *Он мог пойти, но не пошел из-за жены,*

то есть использование *мочь* в подобных контекстах не исключает дальнейшую реализацию названной возможности, просто момент наличия возможности, обозначенный *мочь*, и момент реализации этой возможности разнесены по времени. Другое дело, что на практике предложения типа (14') встречаются довольно редко — как правило, в контекстах, где под-

черкивается реализация некоторой возможности вопреки каким-либо условиям (в данном случае — вопреки протестам жены). При отсутствии подобного контекста такие предложения в нормальном случае все-таки понимаются как имеющие отрицательную импликацию, то есть высказывание *Он мог пойти в театр* будет скорее интерпретировано адресатом как то, что некто не пошел в театр, что можно объяснить, прибегнув к максиме количества Грайса [Grice 1975]. Согласно данной максиме, высказывания говорящего должны быть не менее и не более информативны, чем это необходимо, поэтому если говорящий сообщает, что *некто мог сделать нечто*, логично предположить, что говорящий не может сделать более «сильное» утверждение, что *некто сделал нечто*, которое было бы более информативно (аналогичное объяснение Л. Картунен использует для объяснения импликативных свойств английского глагола *try* в примерах типа *John tried to solve the problem*).

Предложения типа (14а), где *мочь* в форме не-прошедшего времени, также допускают разные продолжения:

(14а') *Конечно, он может пойти с тобой в театр* (следовательно, вероятно пойдет).

(14а'') *Он может пойти в театр, но если ты будешь так себя вести, не пойдет.*

В данном случае истинная импликация будет совершенно естественной. Иными словами, если рассматривать *мочь* в отношении потенциальных импликаций, данный глагол можно отнести к типу Ø — Л, если *мочь* в форме не-прошедшего времени, и, при отсутствии специального контекста, к типу Л — Л, если *мочь* в форме прошедшего времени.

Рассмотрим теперь импликативные свойства глагола *уметь*. Как было показано выше, в классификации Е. Э. Разлоговой *уметь* предлагается включать в ту же группу глаголов, что и *мочь* (тип пять), однако, как нам кажется, импликативные свойства *уметь* существенно отличаются от описанных выше свойств *мочь*, что связано как с его логическими особенностями, так и с семантической спецификой, обусловленной наличием у *уметь* разных значений. В этой связи сделаем еще несколько замечаний относительно семантики глагола *уметь*.

Как отмечалось выше, для *уметь* в современном русском языке характерно прежде всего узуальное употребление — использование *уметь* в значении актуальной возможности (как в примерах (17), взятых из литературы XIX в.) для современного языка не типично:

(17) *Ничего не умел сказать на это Андрий* (Н. В. Гоголь «Миргород» (1835—1841)).

Когда я рассказывал о Лопухове, то затруднялся обособить его от его душевного приятеля и не умел сказать о нем почти

ничего такого, чего не надобно было бы повторить и о Кирсанове (Н. Г. Чернышевский «Что делать?») (1863)).

Михайлов волновался, но не умел ничего сказать в защиту своей мысли (Л. Н. Толстой «Анна Каренина» (1878)).

Высказывания же с узуальным *уметь* могут обладать только потенциальными импликациями, поскольку об актуальных импликациях целесообразно говорить только в отношении актуальной возможности, ибо узуальная возможность называет лишь некоторое свойство субъекта, ничего не говоря о реализованности этого свойства или его выраженности в какой-либо конкретной ситуации.

С характеристикой *уметь* в отношении потенциальных импликаций существуют при этом определенные сложности. Ср. две группы примеров с *мочь* и с *уметь*:

- (а) *X может петь* → *X поет или X не поет*;
X не может петь → *X не поет*.

vs.

- (б) *X умеет петь* → *X поет или X не поет*, но
X не умеет петь → *X поет или X не поет*.

То есть из утвердительных предложений с *уметь* и с *мочь* (в смысле узуальной внутренней алетической возможности) может следовать как то, что *X поет*, так и то, что *X не поет*; следствия же отрицательных предложений с данными глаголами различаются: если *X не может петь*, логичным следствием будет, что *X не поет* (в противном случае утверждение *не может* будет неверным), однако если мы говорим, что *X не умеет петь*, из этого, вообще говоря, не следует, что *X не будет петь*.

Подобная несимметричность характерна не для всех случаев: если сопоставить пару высказываний *некто не умеет петь/некто поет* с парой высказываний *некто не умеет плавать/некто плавает*, очевидно, что в первом случае противоречия нет, в то время как во втором случае противоречие налицо.

Видимо, это связано с тем, что в зависимости от действия, называемого инфинитивом, *уметь* может выражать несколько разные смыслы: так, если *некто не умеет плавать*, подразумевается, что он в принципе не способен плыть, так как начинает тонуть. Если же *некто не умеет*, например, *рисовать*, из этого, вообще говоря, не следует, что *некто не может сесть и начать рисовать* — данный процесс будет являться рисованием, и, очевидно, какой-то результат будет достигнут, но при отсутствии у субъекта соответствующего умения предполагается, что результат этот будет неудовлетворительным (аналогично — в случае приведенного примера с пением).

То есть в зависимости от того, с каким предикатом сочетается *уметь*, данный глагол может обозначать либо способность субъекта в принципе осуществлять указанное действие (не важно, хорошо или плохо) —

*уметь*₁, либо способность субъекта хорошо справляться с теми или иными задачами — *уметь*₂. Соответственно, в предложении *Федя умеет плавать* речь идет о первом из данных значений — об **умении-способности**, а в предложении *Федя умеет петь* — о втором значении, назовем его **умением-талантом**. В большинстве случаев *уметь* будет выражать значение умения-способности при сочетании с предикатами, называющими действия, осуществление которых требует наличия у субъекта каких бы то ни было особых навыков. В качестве примера можно привести плавание, езду на велосипеде, решение уравнений, владение иностранным языком и под. Так, если некто не умеет плавать или ездить на велосипеде, едва ли в какой-то ситуации можно сказать, что данный некто плывет или едет на велосипеде. В то же время, если некто не умеет петь или рисовать, вполне возможна ситуация, когда некто осуществляет названные действия:

(18) *Я не могу слушать, как он поет, — он совершенно не умеет петь!*

— *Голос хороший, — ответил Аратов, — но она петь еще не умеет, настоящей школы нет* (И. С. Тургенев «Клара Милич»).

Очевидно, такая ситуация возможна вследствие того, что осуществление подобных действий само по себе не требует специальных навыков — наличие или отсутствие оных влияет только на качество, на результат действия, но не на возможность его осуществления как такового. Поэтому из того факта, что некто не умеет что-то делать, например, петь, в таких случаях не следует, что некто не может петь в какой-то момент.

Конечно, провести жесткую границу между *уметь*₁ и *уметь*₂ на практике весьма затруднительно, поскольку далеко не про каждое действие можно однозначно сказать, относится ли оно к первому из выделенных классов или ко второму.

Тем не менее, несмотря на размытость границы между выделенными значениями, **указанное различие** определенно представляет интерес, поскольку **влияет на логические свойства глагола *уметь***. Так, при выражении глаголом *уметь* значения **умения-способности *уметь* действительно можно отнести к пятому классу Разлоговой (тип Ø — Л)**: то есть при выражении данного значения можно говорить о неопределенном истинностном значении пропозиции при истинности всего предложения и о ложности пропозиции при ложности предложения. Так, если мы говорим, что мальчик умеет плавать, пропозиция *мальчик плавает* может быть как истинной, так и ложной. В то же время, если мы говорим, что мальчик не умеет плавать, пропозиция *мальчик плавает* может быть только ложной (истинное значение пропозиции свидетельствовало бы о том, что мальчик все-таки обладает данным умением).

В то же время, **при выражении *уметь* значения умения-таланта, *уметь* стоит скорее отнести к седьмому классу (тип Ø — Ø)**, содержа-

щему предикаты, получающие неопределенное значение пропозиций как при истинном значении предложения, так и при его ложном значении. Так, предложение *мальчик умеет петь* (как и *мальчик умеет плавать*) ничего не говорит о том, поет мальчик или нет. В то же время (в отличие от случая *мальчик не умеет плавать*), из предложения *мальчик не умеет петь* нельзя однозначно сделать истинный или ложный вывод о том, поет мальчик или нет, и пропозиция *мальчик поет* имеет, таким образом, неопределенное значение.

Заметим, что если анализировать контексты с глаголом *уметь* с точки зрения **определения истинностного значения целого предложения по истинностному значению его части, классы двух выделенных *уметь* тоже будут различаться:**

***уметь*₁**

Мальчик плавает. → *Мальчик умеет плавать.* (Истина)

Мальчик не плавает. → *Мальчик умеет плавать или не умеет плавать.* (∅ — неопределенность)

***уметь*₂**

Мальчик поет. → *Мальчик умеет петь или не умеет петь.* (∅ — неопределенность)

Мальчик не поет. → *Мальчик умеет петь или не умеет петь.* (∅ — неопределенность)

4. Импликативные типы СВ-форм глаголов поля возможности

На фоне определения импликативных типов глаголов НСВ *мочь* и *уметь* характеристика импликативных свойств СВ-форм *смочь* и *суметь* представляется существенно более простой. Действительно, по сравнению с НСВ-формами поведение данных глаголов, относимых, как было показано, к группе импликативных предикатов, не отличается таким многообразием. Тем не менее импликативные характеристики *смочь* и *суметь* тождественны характеристикам импликативных предикатов не во всех контекстах.

Итак, рассмотрим сначала подробнее группу импликативных глаголов, к которой принято относить интересующие нас СВ-формы, после чего постараемся показать некоторые отличия данных форм от предикатов импликативной группы.

Прототипические импликативы *удаться* и *получиться* являются глаголами типа И — Л, то есть в утвердительной форме в главной предикации указывают на реализованность возможности, называемой в зависимой предикации, а в отрицательной форме — на ее нереализованность. Заметим при этом, что ни видовая форма зависимых инфинитивов, ни изменение видо-временных форм указанных импликативов не меняют в данном случае импликативный тип глагола:

<p>(19а)
(а) Мне удалось выиграть приз.
(б) Мне удалось выигрывать призы.
(в) Мне удастся выиграть приз.
(г) Мне удастся выигрывать призы.   (19б)
(а) Мне удавалось выиграть приз.
(б) Мне удавалось выигрывать призы.
(в) Мне удается выиграть приз.
(г) Мне удается выигрывать призы.</p> |]
→	<p>Я выиграл/выигрывал/
выигрываю/выиграю/буду
выигрывать приз/призы.</p>
<p>(20а)
(а) Мне не удалось выиграть приз.
(б) Мне не удалось выигрывать призы.
(в) Мне не удастся выиграть приз.
(г) Мне не удастся выигрывать призы.   (20б)
(а) Мне не удавалось выиграть приз.
(б) Мне не удавалось выигрывать призы.
(в) Мне не удается выиграть приз.
(г) Мне не удается выигрывать призы.</p> |]
→	<p>Я не выиграл/выигрывал/
выигрываю/выиграю/буду
выигрывать приз/призы.</p>

Поскольку мы в данном случае рассматриваем русские *смочь/суметь*, актуальными для нас являются только СВ-формы (о сопоставлении *мочь* и *уметь* с данными импликативными предикатами речь не идет в силу их очевидных различий, следующих из приведенного выше анализа импликативных свойств данных НСВ-глаголов, а вторичных имперфективов русские *смочь/суметь* не образуют). То есть нас будут интересовать группы примеров типа (19а) и (20а). Рассмотрим сначала функционирование *смочь/суметь* в примерах типа (а) и (б) — то есть в высказываниях, где данные глаголы используются в форме прошедшего времени:

<p>(21)
(а) Я смог/сумел выиграть приз.
(б) Я смог/сумел выигрывать призы.</p> |]
→	<p>Я выиграл приз/
выигрывал призы.</p>
<p>(22)
(а) Я не смог/сумел выиграть приз.
(б) Я не смог/сумел выигрывать призы.</p> |]
→	<p>Я не выиграл приз/
не выигрывал призы.</p>

Как видно, *смочь* и *суметь* обладают в подобных примерах теми же импликативными свойствами, что и импликативные глаголы, и выступают, фактически, не как модальные, поскольку указывают не на наличие или отсутствие возможности реализации какого-либо действия, а на саму реализацию/нереализацию:

- (23) *Они отправились получать оружие, и Совримович, используя знакомства и недавнюю службу в штабе, сумел добиться новеньких магазинных винтовок «пиподи-мартини».* (Б. Васильев «Были и небыли») (= добился)

Тем не менее *смоочь* и *суметь* тождественны имплицативным предикатам не во всех контекстах. Так, рассмотрим примеры, аналогичные (в) и (г) из пунктов (19а) и (20а), то есть контексты, где *смоочь* и *суметь* используются в форме не-прошедшего времени. Поскольку свойства *смоочь* и *суметь*, как кажется, несколько различаются в подобных высказываниях, проанализируем данные глаголы отдельно — сначала *смоочь*, далее — *суметь*:

(21)

- (в) *Я смогу выиграть приз.* → *Я выиграю приз.*
 (г) *Я смогу выигрывать призы.* → ?

(22)

- (в) *Я не смогу выиграть приз.*
 (г) *Я не смогу выигрывать призы.* } → *Я не выиграю приз/не буду выигрывать призы.*

В примерах с отрицанием *смоочь*, как и в форме прошедшего времени, дает отрицательные импликации независимо от вида инфинитива в подчиненной предикации. В утвердительных же предложениях имплицативное поведение *смоочь* варьируется в зависимости от вида зависимого глагола.

Так, при СВ-инфинитиве (в примерах типа (21в)) предложение имеет положительную импликацию (как и в случае со *смоочь* в форме прошедшего времени) — странно было бы сказать *Я смогу выиграть этот приз, но не выиграю* или (чтобы привести пример с контролируемым предикатом) *Я смогу вам помочь, но не помогу*, поскольку *смогу*, согласно И. Б. Шатуновскому, уже содержит в качестве пресуппозиции, что субъект выбрал Р. Ср. для наглядности с толкованием И. Б. Шатуновским *смоочь* в форме прошедшего времени, где данный глагол определяется как обозначающий «актуальную «цепочку» положений вещей, сменяющих друг друга... Эта «цепочка» представляет собой актуализированное звено, выхваченное из значения *может*₁¹²: *С (субъект) может*₁ *Р* = ‘Если С выбирает/выберет Р, то Р’ (= ‘...то Р имеет / будет иметь место’) → *С смог* *Р* = ‘С выбрал Р, и Р’ (= ‘...Р имеет / имело место’)» [Шатуновский 1996: 211]. Коммуникативным фокусом подобных предложений со *смоочь* является компонент «иметь место», а то, что субъект выбрал Р, относится к пресуппозиции. Иначе говоря, если субъект смог/не смог Р, это значит, что субъект в любом случае

¹² Под *может*₁ в цитируемой работе понимается *мочь* в значении алетической возможности в контекстах, где зависимый от *мочь* предикат называет контролируемое действие, то есть когда *субъект может Р* означает, что если субъект хочет осуществить Р, он осуществит Р (что И. Б. Шатуновский соотносит также с определением глагола *can* в работе А. Вежбицкой [Wierzbicka 1987: 28] как *X can do it = I say: if X wants to do it X will do it*).

выбрал Р, но в случае *смог* еще и реализовал Р, а в случае *не смог* — не реализовал. Аналогичные рассуждения объясняют странность примеров со *смочь* в форме будущего времени типа *я смогу сделать Р, но не сделаю*, поскольку подобные высказывания, как и высказывания со *смочь* в прошедшем времени, тоже содержат пресуппозицию «субъект выбрал Р».

В случае же, когда зависимый инфинитив имеет форму НСВ (как в примерах типа (21г)), подобная пресуппозиция, как кажется, снимается, вследствие чего речь может идти о самом факте наличия некоторой возможности без указания на обязательность ее реализации — то есть *смочь* в подобном контексте теряет импликацию реализованности. Ср., в частности, пример, приводимый Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелевым в [Булыгина, Шмелев 1990]: «Если я стану доктором, то смогу выписывать книги из-за границы. — А будешь? — Не важно, существенно, что у меня будет эта возможность». Из высказывания типа *я смогу сделать Р* может, таким образом, следовать как то, что субъект намеревается осуществлять Р, так и то, что осуществление Р не входит в намерения субъекта, что и иллюстрирует данный пример. Иными словами, *смочь* в подобных контекстах выступает как глагол имплицативного типа Ø — Л (конечно, при условии, что момент потенциальной реализации действия может не совпадать с моментом наличия возможности), а не И — Л, как при функционировании в форме прошедшего времени, что сближает его с НСВ-парой *мочь*.

Действительно, если в высказываниях, где *смочь* функционирует как глагол имплицативного типа И — Л, наиболее близкой по смыслу заменой данного глагола являются имплицативы типа *удаться/получиться* (примеры (24)), то в случаях, когда *смочь* функционирует как глагол типа Ø — Л, наиболее адекватной заменой будут предикаты *мочь/иметь возможность* (примеры (25)):

(24) ...и **унять** его говорливость, **научить** его молчанию **не смог** даже сам пастор *Абель*... (Н. С. Лесков «Островитяне») (= не удалось даже пастору).

Дисмас напрягся, но **шевелинуться** **не смог**, руки его в трех местах на перекладине держали веревочные кольца (М. Булгаков «Мастер и Маргарита») (= шевельнуться ему не удалось).

Я улыбался, что хочу, и может быть, еще **смогу** чуть **подправить** российскую нашу жизнь (А. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ») (= что мне, может быть, еще удастся).

(25) Как это чудесно, что я теперь **смогу** **получать** от всех письма! (Ю. Даниэль «Письма из заключения») (= у меня будет возможность).

Во-первых, неизвестно, **смогу ли** я **получать** бандероли... (там же) (= будет ли у меня возможность).

То есть в тех случаях, когда *смочь* функционирует как глагол типа Ø — Л, он, фактически, является модальным и представляет собой видовую пару к

мочь, указывая на наличие или отсутствие некоторой возможности в будущем.

Как видно из сказанного, мы в данном случае определили круг использования подобного *смочь* (типа Ø — Л) довольно формально — отнеся к таким контекстам сочетания *смочь* в форме не-прошедшего времени с инфинитивами НСВ. Тем не менее необходимо сделать также несколько замечаний семантического характера относительно данных случаев, некоторые из которых также вносят определенные ограничения на подобное модальное использование *смочь*.

Прежде всего, отметим, что в примерах (25), где *смочь* сочетается с инфинитивами НСВ и функционирует как видовая пара *мочь*, речь идет о **внешней возможности**, что, вероятно, и делает невозможной замену *смочь* на *удаться/получиться* в таких контекстах, поскольку подобные импликаты, как было показано на примере анализа Л. Карттуненом английского *tapage*, связывают успешную реализацию называемого действия с умениями и мастерством субъекта, что в случае внешней возможности не является релевантным. В аналогичном примере, где речь пойдет о внутренней возможности (скажем, *после этих тренировок я смогу делать сальто*), импликативные свойства *смочь* останутся такими же — Ø — Л (так как, возможно, субъект и не будет реализовывать полученные на тренировках навыки подобным образом), однако замена на импликативный глагол будет более уместна (*у меня будет получаться делать сальто*).

Кроме того, важную роль в таких контекстах играет наличие/отсутствие в компонентной структуре смыслового глагола компонента **контролируемости**: когда речь идет о действиях, контролируемых субъектом не полностью, *мочь* и *смочь* различаются только временной отнесенностью (что иллюстрируют примеры из (25) и (21г)); в ситуациях же, когда действие полностью контролируется субъектом, *смочь* сохраняет презумпцию сделанного субъектом выбора и при сочетании с НСВ-инфинитивами. Оба глагола — и *мочь*, и *смочь* — указывают в этом случае на возможность совершения данного действия, однако если *мочь* не дает никакой информации о намерениях субъекта, то *смочь* может выражать также его *намерение* совершить называемое действие: *Теперь я смогу приехать к вам чаще* — следовательно, буду приезжать, едва ли возможна фраза типа *Теперь я смогу приехать к вам чаще, но не буду*.

О подобном различии *мочь* и *смочь* пишут Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев [Булыгина, Шмелев 1990], говоря о различии между **активной возможностью** (которая реализуется в результате целенаправленных действий) и **пассивной возможностью** (когда действие неконтролируемо). Булыгина и Шмелев отмечают, что в русском языке есть показатели, пригодные только для выражения активной возможности, в числе которых называют и глагол *смочь*. Действительно, в большинстве случаев использования *смочь* речь идет именно о такой активной возможности, исключением являются, видимо, контексты, где данный глагол выражает

значение внешней возможности (примеры (25)), поскольку внешняя возможность не подразумевает какого-либо контроля со стороны субъекта действия.

К показателям актуальной возможности относится, видимо, и глагол *суметь*, который, в отличие от *смочь*, своего имплицативного типа не меняет и, употребляясь в форме не-прошедшего времени, дает те же импликации, что и в форме прошедшего времени (имплицативный тип И — Л), независимо от вида инфинитива подчиненной предикации (см. примеры из (26), где присутствуют как инфинитивы СВ, так и инфинитивы НСВ; заметим, правда, что примеры сочетания *суметь* с последними весьма немногочисленны):

(26) *Ну что ж, мы **сумеем** достойно умереть* (= достойно умрем).

*...Англия не замедлит прислать на Балтику свою мощную эскадру, которая доломает все то, что **не сумеют** сломать шведы* (В. Пиккуль «Фаворит») (= не сломают).

*...я везде найду свою нишу, приспособлюсь и даже удовольствие **сумею** получать* (Интернет, форум) (= буду получать).

Подобная разница в значениях *смочь* и *суметь* возникает, видимо, из-за того, что *смочь*, в отличие от *суметь*, выражает как внутреннюю, так и внешнюю возможности, в то время как для *суметь* выражение внешней возможности менее типично — такие употребления данного глагола являются довольно редкими и разговорными. Используясь в формах не-прошедшего времени, *суметь*, вследствие этого, обладает меньшим количеством значений по сравнению со *смочь* и не теряет пресуппозиции того, что субъект уже «выбрал» называемое действие, иными словами, из *сумею приехать/приезжать* следует *приеду/буду приезжать*. С глаголами, называющими действия, реализация которых не зависит от воли субъекта, *суметь*, соответственно, практически не сочетается.

В заключение скажем несколько слов про контексты, где различия между *мочь*, *смочь* и *суметь* ослабляются и, в некоторых случаях, нейтрализуются. Оговоримся сразу, что подробный анализ всех контекстов такого типа не входит в цели нашего рассмотрения (он приводится, в частности, в [Шатуновский 1996: 215]) — для анализа логических свойств интересующих нас глаголов достаточно рассмотреть нейтрализацию их значений на примере какого-нибудь одного случая.

Так, нейтрализация различий в значениях глаголов *мочь* и *смочь/суметь* возможна в ситуации, когда сам контекст указывает на реализованность/нереализованность действия, в частности в случаях, когда модальный предикат является актантом при фактивном предикате, особенно при эмотивной семантике последнего: *Я счастлив, что мог/смог okazaться Вам полезным*, где главное предложение *я счастлив* (а также *я рад, слава Богу* и прочие маркеры отношения говорящего к рассматриваемому действию) указывает на реализованность действия, называемого в зависи-

мом. В подобном контексте (то есть в зависимых предложениях при главных предложениях, содержащих оценочные суждения) прошедшего времени с отрицанием аналогичной нейтрализации не происходит: в предложении *Жаль, что не мог/смог/сумел помочь Вам* при употреблении *мочь* речь идет скорее об отсутствии возможности помочь, в то время как при употреблении *смочь/суметь* — о наличии такой возможности, реализовать которую, тем не менее, не удалось.

В контекстах настоящего/будущего времени (как при наличии отрицания, так и при его отсутствии) различия значений *мочь* и *смочь* нейтрализуются, выбор *мочь* или *смочь* влечет лишь изменение временной локализации: *Я счастлив, что могу/смогу оказаться Вам полезным / Жаль, что не могу/смогу оказаться Вам полезным*. Вследствие более узкой семантики *суметь* его использование в подобном контексте будет возможно, как кажется, не в любой коммуникативной ситуации, а главным образом тогда, когда возможность субъекта помочь будет зависеть не от каких-либо внешних факторов, а от свойств и возможностей самого субъекта.

5. Эллипсис инфинитива при глаголах поля возможности и присоединение к ним именного дополнения

Как правило, в славянских языках глаголы типа *мочь*, *уметь*, *смочь* и *суметь* присоединяют сентенциальный актанта в виде инфинитива. В языках южно-славянской группы, где вместо инфинитивов используются личные формы, согласующиеся с родительским предикатом, данные глаголы присоединяют, соответственно, эквивалентные инфинитиву личные формы.

Тем не менее существует ряд контекстов, где при некоторых из рассматриваемых глаголов поля возможности инфинитив может опускаться, и именное дополнение присоединяется непосредственно к глаголу возможности. Характерно, что употребление данных глаголов в таких синтаксических конструкциях напрямую связано с изменением семантики соответствующего предиката.

Возможность подобного функционирования обусловлена диахроническим развитием данных глаголов и связана либо с их домодальными значениями¹³, либо с развитием модальными предикатами постмодальных значений. В первом случае изначальное, домодальное значение глагола, развившего впоследствии семантику возможности, имплицитно его использование в конструкциях с прямым объектом. Во втором случае, наоборот, глагол с семантикой возможности начинает развивать некоторое новое значение, и употребление в этом новом значении связано с функционированием в новом синтаксическом контексте.

¹³ О домодальных и постмодальных значениях модальных предикатов см. [Auwera, Plungian 1998].

Рассмотрим далее каждый из исследуемых глаголов.

Весьма распространенным в славянских языках является сочетание с прямым дополнением коррелятов глагола *уметь*. В этом случае *уметь* выражает не узуальную возможность, а некоторые значения семантического поля знания, что связано, видимо, с домодальной семантикой данного глагола — ‘иметь в уме’. Рассмотрим некоторые примеры использования *уметь* в древнерусских текстах:

- (27) ...онъ же отверъжеся, *гльж*: не *оумбю*, ни съвбмь, чьто ты *глѣши* (Мр., XIV, цит. по [Воскресенский 1894]).
- (28) Не *оумлаху*, чьто быши *бѣщали юму* (Мр., XIV, там же).
Азь же бѣдою одержимъ, не оумбю, чьто створити (Жит. Нифонт. ¹⁴, 1219).
- (29) ...и которые бѣ плотничному дѣлу *умѣли* (ДАИ IV, 1655—1664¹⁵).
Звѣздочетство многие умбютъ и для того все... (Козм. гр. ¹⁶, нач. XVIII в.).
 ...люде в чужихъ земляхъ учения ищутъ и многие языки *умбютъ* (там же).
 ...бѣ же жидовъ 100 и 20 добръ *оумбющихъ* законъ (Пролог ¹⁷, XIV в.).

В (27) *уметь* имеет семантику понимания, в (28) — значение пропозиционального знания («знать, что Р»), в (29) — значение знания-компетенции (то есть знания, подразумевающего высокую компетентность субъекта в некоторой области, глубокое знание предмета (*знать математику, музыку, жизнь и под.*))¹⁸.

В современных славянских языках сфера подобного использования *уметь* существенно более ограничена. Данный глагол продолжает использоваться только для выражения значения знания-компетенции (и имеет в этом случае довольно ограниченную сочетаемость), кроме того, подобное использование сохранилось главным образом в языках западно-славянской группы и в украинском:

- (30) *Поляк з Галичини, що вміє нашу мову.* — *Поляк из Галиции, который знает наш язык* (В. Гренджа-Донський «Счастье и горе Карпатской Украины») (украинский).

¹⁴ Житие преподобного и богоносного отца нашего Нифонта, зовомого мниха // Матеріяли з історії візантійсько-слов'янської літератури та мови / Підготував до друку А. В. Ристенко. Одеса, 1928.

¹⁵ ДАИ IV: Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. IV. Спб., 1851. 1655—1664 гг.

¹⁶ Книга нарицаемая Козмография сиречь всемирное описание земель и наименования степенем во округах небесных. Рукоп. Пушкинского дома, собр. В. Н. Перетца, Ф. IV. 91, №175, нач. XVIII в.

¹⁷ Пролог, отрывок, месяцы декабрь, январь, февраль. Рукоп. БАН, 17.11.4. XIV в.

¹⁸ Анализ разных значений семантического поля знания см. в [Петрова 2006; 2007].

uměti probranou latku — *знать рассмотренный материал* (чешский).
Jeśli ktoś umie matematykę, może jej uczyć innych. — *Если кто-то хорошо знает математику, он может преподавать ее другим* (польский).

Для глаголов с общим значением возможности, родственным *мочь*, подобное использование не характерно, так как данные глаголы диахронически восходят к пра-индоевропейскому **tēgh-* с семантикой «мощь, сила». Тем не менее в верхне-лужицком языке возможны употребления типа *Móžu rusce.* — *Я знаю русский язык.* Представляется, что подобное использование глагола «мочь», не свойственное языкам славянской группы, обусловлено влиянием немецкого языка: для немецкого аналога *мочь* — *können* (а также ряда глаголов других германских языков с тем же корнем, восходящих к пра-индоевропейскому **g'en[o]-/*g'nō-* и являющихся родственными глаголам знания типа русского *знать* или немецкого *kennen*) использование в контекстах типа *können Deutsch* — *знать немецкий* весьма характерно.

Что касается СВ-форм *смочь* и *суметь*, то их функционирование в подобных контекстах существенно отличается от функционирования НСВ-аналогов, что обусловлено описанными ранее семантическими различиями.

Как отмечалось выше, южно-славянские корреляты данных глаголов, сочетаясь с именными дополнениями, функционируют в современных языках как глаголы с семантикой «справиться с чем-либо» (данное значение выражает болг. *смогна*, макед. *смогне* и словен. *zmōci*), «успеть» (что иллюстрирует болг. *смогна* в приводимом ранее примере *не мога да ти смогна* — *не успеваю за тобой*), а также «найти» (одно из значений сербского *stōci*). Кроме того, чешский *zmōci* используется для выражения значения «одолеть» (*zmohla ho unava* — *его одолела усталость*).

Интересно, что подобные смыслы могут окказионально встречаться и у СВ-форм глаголов поля возможности других славянских языков. В частности, русский *смочь*, согласно словарям, значений типа «справиться, одолеть» не выражает и в конструкциях с прямым объектным дополнением не употребляется. Это подтверждается и данными Национального корпуса русского языка. Тем не менее участникам Большого альпинистского марафона памяти В. Пономарчука, проходившего в 2005 г. в Иркутской области, были подарены чашки со следующей надписью:

Очевидно, *смочь* в данном случае употреблен как раз в значении «преодолеть, одолеть, осилить».

Характерно, что все перечисленные употребления славянских СВ-форм рассматриваемых глаголов, включая более прототипические использования русских *смочь/суметь* в сочетании с инфинитивом в значении «удаться, получиться», так или иначе связаны с указанием на преодоление некоторых препятствий. Русские *смочь/суметь* указывают, что осуществление действия, называемого зависимой предикацией, сопряжено для субъекта с некоторыми трудностями, болгарский *смогна* в значении «успеть» — что субъекту может не хватить времени для осуществления нужного действия, чешский *zmoči* и русский *смочь* в примере на чашке — что для успешной реализации некоторого действия субъекту необходимо приложить большие физические усилия.

Таким образом, славянские перфективы, образованные от глаголов, родственных *мочь*, в некотором смысле возвращаются к домодальным значениям данных глаголов, так как в ряде случаев используются не для выражения значений поля возможности, а для выражения значений типа «одолеть, справиться, осилить», коррелирующих с домодальным «мощь, сила», на основе которого впоследствии развился собственно модальный *мочь* со значением возможности в языках славянской группы.

6. Заключение

Итак, выше были рассмотрены корреляции модальных глаголов НСВ поля возможности с образованными от них СВ-формами, а также различные логико-семантические характеристики данных форм.

Формы *смочь/суметь* появились в славянских языках существенно позже НСВ-глаголов и в большинстве контекстов функционируют не как модальные предикаты поля возможности, сближаясь по своей семантике и логическим свойствам с имплицативными предикатами типа русских *удаться/получиться*.

Область функционирования *мочь*, *уметь*, *смочь* и *суметь* можно определить следующим образом. *Мочь* является ядерным предикатом поля возможности, выражая как алетические значения (актуальные и узуальные), так и значения эпистемической и деонтической возможностей. *Уметь*, *смочь* и *суметь* обладают более узкой семантикой: так, основным значением *уметь* является значение алетической внутренней узуальной возможности. СВ-форма *уметь* — *суметь* существенно отличается от своего НСВ коррелята и является более близкой к *смочь*, нежели к *уметь*. Оба эти глагола имеют тенденцию к употреблению в актуальном значении и нередко указывают не на наличие/отсутствие некоторой возможности, а на ее реализацию/нереализацию: пресуппозиции данных глаголов предполагают, что субъект уже выбрал некоторое Р, вследствие чего в фокусе внимания находится указание на то, реализовалось данное Р или нет.

Кроме того, в некоторых языках славянской группы семантика СВ-форм, образованных от глаголов, родственных *мочь/уметь*, выходит за рамки семантического поля возможности. В частности, данные глаголы начинают функционировать как предикаты с семантикой «преодолеть, справиться, одолеть, успеть, найти» и в ряде языков развивают также вторичные имперфективные формы.

Основной же функцией *смочь* и *суметь* является указание на то, что осуществление действия, называемого зависимой предикацией, сопряжено для субъекта с определенными трудностями, что обуславливает наличие в их компонентной структуре семы сверхнормативного приложения усилий, затрудняющей использование данных глаголов для выражения значения пассивной (по Бульгиной и Шмелеву) возможности.

Указанные семантические различия определяют и существующую разницу в логических свойствах рассматриваемых глаголов, при описании которых, в свою очередь, важно учитывать как выбор системы истинностных значений, так и точку отсчета, относительно которой высказывания, содержащие данные глаголы, будут иметь те или иные импликативные значения. В зависимости от того, совпадает ли эта точка с моментом, с которым соотносится соответствующий ядерный глагол, можно говорить либо об актуальных импликациях — когда момент реализации называемого в зависимой предикации действия совпадает с моментом, с которым соотносится ядерный глагол, либо о потенциальных — когда момент реализации называемого в зависимой предикации действия может не совпадать с моментом, с которым соотносится ядерный глагол. Так, *уметь* целесообразно рассматривать с точки зрения потенциальных импликаций, *смочь/суметь* — с точки зрения актуальных, *мочь* — в отношении импликаций обоих типов.

Анализируемые глаголы обладают следующими импликативными свойствами.

Мочь, в зависимости от контекста и типа импликаций, может функционировать либо как глагол импликативного типа \emptyset — Л, либо — как глагол импликативного типа Л — Л. Импликативные типы *уметь*, характеризуемого только в отношении потенциальных импликаций, варьируются в зависимости от значения, выражаемого данным глаголом в том или ином контексте: так, *уметь*₁, выражающий значение умения-способности, можно отнести к импликативному типу \emptyset — Л, а *уметь*₂, выражающий значение умения-таланта, — к типу \emptyset — \emptyset .

Глагол *смочь* в большинстве контекстов ведет себя как импликативный глагол типа И — Л — к этому типу и предлагается относить *смочь* в ряде приведенных выше работ. Тем не менее *смочь* обладает свойством импликативности не во всех контекстах, функционируя в ряде случаев как видовая пара *мочь* и являясь, таким образом, модальным глаголом типа \emptyset — Л, указывающим не на реализованность той или иной возможности, а на ее наличие. Модальное функционирование *смочь* возможно, в частности,

в контекстах, где *смочь* используется в форме не-прошедшего времени и сочетается с инфинитивами НСВ (характерно, что в большинстве контекстов с модальным *смочь* речь идет не о внутренней, а о внешней возможности, где со *смочь* снимается презумпция сделанного субъектом выбора).

В отличие от *смочь*, *суметь*, как кажется, является имплицативным глаголом типа И — Л во всех контекстах, поскольку снятия презумпции выбора при использовании данного глагола не происходит.

Таким образом, *смочь* и *суметь* существенно отличаются от собственно модальных глаголов НСВ в отношении семантики, компонентной структуры и логических свойств. Тем не менее если *суметь* является имплицативным глаголом во всех контекстах, то *смочь* в описанных выше случаях допускает и модальное употребление, теряя свойства имплицативности.

Интерес представляет также функционирование *мочь*, *смочь*, *уметь* и *суметь* в контекстах без инфинитива, где данные глаголы присоединяют именные дополнения. Функционирование данных глаголов в подобных контекстах обусловлено их диахроническим развитием. Так, в некоторых языках славянской группы *уметь* в сочетании с объектным дополнением выражает значение знания, что можно соотнести с домодальным значением данного глагола. СВ-форме *уметь* — *суметь* использование в подобных контекстах не свойственно. Тем не менее данное употребление характерно для СВ-коррелятов *мочь* — глаголов типа *смочь*, при этом данные глаголы претерпевают существенные семантические изменения и функционируют уже не как глаголы семантического поля возможности, выражая такие значения, как «одолеть, осилить», что сближает их с домодальной семантикой ядерных глаголов поля возможности славянских языков.

Л и т е р а т у р а

Барентсен 2002 — А. Барентсен. О русских глаголах *смочь* и *суметь* // Основные проблемы русской аспектологии. СПб., 2002. С. 7—29.

Будовниц 1960 — И. У. Будовниц. Повесть о разорении Торжка в 1315 году // Тр. ОДРЛ. Т. XVI. М.; Л., 1960.

Булыгина, Шмелев 1990 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. «Возможности» естественного языка и модальная логика // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990. С. 135—167.

Воскресенский 1894 — Г. А. Воскресенский. Древнеславянское евангелие. Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из ста восьми рукописей евангелия XI—XVI вв. Сергиев Посад, 1894.

Всеволодова 2000 — М. В. Всеволодова. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.

Зализняк 1988 — Анна А. Зализняк. О понятии имплицативного типа (для глаголов с пропозициональным актантом) // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988. С. 107—121.

Зализняк 1992 — Анна А. З а л и з н я к. Контролируемость ситуации в языке и в жизни // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992. С. 138—145.

Зализняк, Падучева 1989 — Анна А. З а л и з н я к, Е. В. П а д у ч е в а. Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989. С. 92—115.

Котков 1973 — С. И. К о т к о в. Назиратель / Под ред. С. И. Коткова. М., 1973.

Кустова 1992 — Г. И. К у с т о в а. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992. С. 145—150.

Ожегов, Шведова 1992 — С. И. О ж е г о в, Н. Ю. Ш в е д о в а. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Петрова 2006 — М. А. П е т р о в а. «Znati plavati» vs «umět baseň»: общие значения глаголов с семантикой знания и возможности (на мат-ле славянских и германских языков) // Вопросы филологии. 2006. № 6. С. 227—234.

Петрова 2007 — М. А. П е т р о в а. О некоторых случаях взаимозаменяемости глаголов с семантикой знания и возможности (на материале славянских и германских языков) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. междунар. конф. «Диалог'2007». М., 2007. С. 450—454.

Петрова 2007a — М. А. П е т р о в а. Типы немодальных значений модальных предикатов (на материале славянских и германских языков): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007.

Разлогова 1988 — Е. Э. Р а з л о г о в а. Семантические инварианты. Логико-когнитивный анализ лексики естественного языка. М., 1988.

Соболевский 1895—1902 — А. И. С о б о л е в с к и й. Великорусские народные песни, собранные А. И. Соболевским. Т. I. СПб., 1895—1902.

Титов 1911 — А. А. Т и т о в. Иосиф Архиепископ Коломенский (дело о нем 1675—1676 гг.) // Чт. ОИДР. Кн. 3, отд. I. 1911.

ТФГ 1990 — Теория функциональной грамматики (Темпоральность. Модальность). Л., 1990.

Человеческий фактор... 1992 — Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.

Шагуновский 1996 — И. Б. Ш а т у н о в с к и й. Семантика предложения и нереперентные слова. М., 1996.

Austin 1962 — J. L. A u s t i n. How to do things with words. New York, 1962. 1973.

Auwera, Kehayov, Vittrant 2009 — J. V a n d e r A u w e r a, P. K e h a y o v, A. V i t t r a n t. Acquisitive modals // L. Hogeweg, H. de Hoop, A. Malchukov (Eds.). Cross-linguistic semantics of tense, aspect, and modality. Amsterdam, 2009. P. 271—302.

Auwera, Plungian 1998 — J. V a n d e r A u w e r a, V. A. P l u n g i a n. Modality's semantic map // Linguistic typology. 2. 1998. P. 79—124.

Benson 1979 — M. B e n s o n. Srpskohrvatsko-engleski rečnik. Beograd, 1979.

Choi 1999 — Choi Sung-Ho. Semantics and Syntax of *мочь* and *смочь*: Their «As-pectual» Relationship // Russian Linguistics 23. 1999. P. 41—66.

Grice 1975 — H. P. G r i c e. Logic and Conversation // «Syntax and semantics». Vol. 3 / Ed. by P. Cole, J. L. Morgan, New York, 1975. P. 41—58.

Hansen 2001 — B. H a n s e n. Das Modalauxiliar im Slavischen. Grammatikalisierung und Semantik im Russischen, Polnischen, Serbischen/Kroatischen und Alt-kirchenslavischen. (Slavologica 2). München, 2001.

Hansen 2004 — B. Hansen. The boundaries of grammaticalization. The case of modals in Russian, Polish and Serbian/Croatian // W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer (Eds.). What makes grammaticalization? A look from its fringes and its components. Berlin, 2004. P. 245—271.

Karttunen 1971 — L. Karttunen. Implicative verbs // Language. Vol. 47. 1971. P. 340—358.

Karttunen 1973 — L. Karttunen. La logique des constructions anglaises à complément prédicatif // Langages. № 30. Paris, 1973. P. 56—80. // Пер.: Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. С. 303—332

Malíře, Lukešové 1968 — F. Malíře, A. Lukešové. (pod redakcí) Rusko — Českí a Česko — Ruski slovník. Praha, 1968.

Roeder, Hansen 2006 — C. F. Roeder, B. Hansen. Modals in contemporary Slovene // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Bd. 52. Wien, 2006. P. 153—170.

Van Fraassen 1968 — B. C. Van Fraassen. Presupposition, implication and self-reference // Journal of Philosophy. Vol. 65. 1968. P. 136—153.

Wierzbicka 1987 — A. Wierzbicka. The semantics of modality // Folia Linguistica. Vol. 21/1. 1987. P. 25—43.

MARIA PETROVA

**PERFECTIVE MODALS WITH A MEANING OF ABILITY:
SMOCH AND *SUMET'***

The article deals with perfective forms of the Russian modal verbs expressing possibility — *smoch'*/*sumet'* — and their morphological correlates in other Slavic languages. We analyze some semantic differences between *moch'*/*smoch'* and *umet'*/*sumet'*, their component structure and historical development, as these perfectives appeared much later than their imperfective correlates. Different cases of infinitive ellipsis which some of such perfectives allow are also studied. Special attention is paid to the description of the logical characteristics that *moch'*/*smoch'* and *umet'*/*sumet'* possess as well as to their implicative types.

Key words: Modality, modal predicates, implications, implicative types, aspect, Russian language, Slavic languages.

О. Г. РОВНОВА

**ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
АСПЕКТУАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ
В СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ГОВОРАХ**

Функционально-семантические поля аспектуальности в литературной и диалектной разновидностях национального русского языка обладают значительной общностью. Вместе с тем категория вида и некоторые способы действия глагола проявляют в говорах отчетливую специфику в формальном выражении аспектуальной семантики (по преимуществу) и в собственно аспектуальном содержании (в меньшей степени). Диалектные аспектуальные явления, как оказалось, не имеют территориального единства: одни из них отмечаются на всем диалектном пространстве, другие ограничиваются той или иной территорией. Основная задача статьи — показать территориальные группировки наиболее типичных явлений, свойственных категории вида и способам действия в русских говорах. В диалектной аспектологии такая лингвогеографическая задача ставится и решается впервые.

В работе используется материал, собранный автором во время многочисленных экспедиций в разные регионы распространения русского диалектного языка в России и зарубежье, полученный из расшифровок аудиозаписей из фонотеки диалектной речи ИРЯ РАН, а также содержащийся в диалектных словарях и работах по видо- и словообразованию в русских говорах.

В основе предлагаемого лингвогеографического описания лежит подход «от формы к семантике» аспектуальных единиц. В описании используется впервые вводимое понятие территориального аспектуального комплекса. Он понимается как совокупность диалектных аспектуальных явлений, характерных для той или иной территории. В общедиалектный аспектуальный комплекс входят такие явления, которые не имеют строгой локализации и фиксируются на всей диалектной территории. Некоторым из них соответствуют явления, отмечаемые в литературной разговорной речи. Явления, обладающие отчетливой территориальной прикреплённостью, формируют соответственно севернорусский и южно-русский аспектуальные комплексы. Также выделяется среднерусский аспектуальный комплекс, близкий к литературному русскому языку. Таким

образом, представляемые в статье территориальные аспектуальные комплексы обнаруживают соотнесенность с самыми крупными единицами диалектного членения русского языка — Северным и Южным наречиями и среднерусскими говорами.

Общедиалектный аспектуальный комплекс

1. На всей диалектной территории отмечаются примеры, свидетельствующие о тенденции к морфемной экспликации категориального значения глагольного вида. Это категориальное значение — ограниченность пределом и целостность действия у СВ и отсутствие этих признаков у НСВ глаголов [Бондарко 1996: 101—114].

У глаголов СВ эта тенденция проявляется в маркировании приставкой перфективов, которые, не имея приставки, или имея связанный корень, или пережив опрощение, выражают значение СВ основной. Присоединяемая по закону семантического согласования приставка не меняет лексического значения глагола и выступает как формальный показатель ограниченного пределом целостного действия. Примеры из с.-р. говоров: *сказать* — волог. *засказать*, *стать* ‘начать’ — волог. *застать*, арх. *пристать* ‘устать’ — арх. *опристать*: *А если учитель заскажет правду про меня?*¹ [СВГ: 149]; *Только у котят глаза застали показываться, я их и убила* [СРГК 2: 208]; *Рыба-то ловится дотемни, пока не опристанут* [АОС 12: 150]. Примеры из ю.-р. говоров: *деться* — ряз. *подеться*, *родить* — ряз. *зародить*, *родиться* — орл. *породиться*, *поймать* — ряз. *споймать*: *Да куды у меня миска поделась, куды запропастилась?* [ЭЗА]; *Породушка моя мамушка, какую ты мне горькую зародила!* [ДЕУЛ: 191]; *Никто не зная, откуда человек породился* [ЭЗА]; *Дяржи, беряги, родимка, а то где-нибудь убяжить, не споймаешь* [ДЕУЛ: 535]. Примеры из ср.-р. говоров: *ранить* — лен. *заранить*, *поймать* — пск. *впоймать*, *догадаться* — пск. *сдогадаться* → *сдогадываться*: *Я с донесением получил крест, заранило* [СРГК 2: 189]; *Кот мѣшу впоймал* [ПОС 19: 141]; *Я сдогадываюсь, хто набаял* (сказал неправду) [Там же: 197].

У глаголов НСВ тенденция к аффиксальному маркированию категориального видового значения проявляется по отношению к имперфективам, также не имеющим специального показателя имперфективности. По преимуществу это приставочные глаголы неоднаправленного движения в прямом и переносном значениях типа *сносить*, *свозить*, *улетать*, *приходить* и под., которые на всей диалектной территории могут получать суффикс *-ива/-ыва-*. См. примеры: с.-р. кар. ⟨...⟩ *на волокушах да на носилках к стогу снашивають сено, стогуют* [СРГК 1: 65]; арх. *Дочего мы доскака-*

¹ Здесь и далее примеры из диалектной речи приводятся в упрощенной орфографической записи.

ли, *улятывали туды* [АОС 12: 83]; арх. *Ну дак я прихаживала и полпервого из бани* [ЭЗА]; ю.-р. калуж. *Мы там все расхаживаемся в разные стороны* [Там же]; тульск. *Пилили, сваживали лес* [Там же]; ср.-р. пск. *Пáрное [поле] — ходит скот, навоз навоживаем у Пятровку и пахаем* [ПОС 19: 281]; пск. *Мякины отлятывают, мякин много* [Там же: 149]. Данное явление наиболее регулярно в с.-р. говорах.

Маркирование специализированным имперфективным суффиксом бесприставочных глаголов НСВ типа *косить* — *кашивать* типично только для с.-р. говоров, оно приводит к формированию в них многократного способа действия (см. ниже). На остальной территории рассматриваемая тенденция почти не проявляется. В имеющихся материалах представлено всего несколько примеров из наиболее архаичных ю.-р. говоров: липецк. *катывать* ‘катать’: (об устройстве ткацкого стана) *Пришва, идé холст идя, чего ткешь. (...) Ну, промяждү-то она, уж катываешь ее* [Хрестоматия 1999: 125]; орег. *спорывать* ‘спорить’: *Чё ты, говорить, спорываешь, Анютка! — Да я, говорю, не спорываю* [Фон.]; орег. *позоривать* ‘позорить’: *Если невеста нечестная, но это было очень редко, это уже тётки, бабушки нам рассказывали, что вообще на позор утаскывали страшно. Голубую ленту подвяжут на запон (на фартук), дирку (дырку) вырежут, и ещё что-то. Вообще сильно позоривали — её, её родителей и всех* [Фон.]. Соответственно, в южно- и среднерусских говорах многократные глаголы фиксируются редко или не фиксируются вовсе.

2. В образовании приставочных перфективных коррелятов видовой пары в говорах участвуют иные по сравнению с литературным языком приставки. При этом, как и в литературном русском языке, действуют два универсальных правила: 1) правило семантического согласования приставки и исходного глагола НСВ по какому-либо общему семантическому признаку (только в этом случае приставка выступает в чистовидовой функции) и 2) правило ориентированности приставки на ЛСВ многозначного глагола (возможность оформления разных ЛСВ разными приставками, типа литературных *сохнуть* — *высохнуть* (о белье) и *сохнуть* — *засохнуть* (о цветах)). Следует признать, что применительно к диалектному материалу семантическое согласование между перфективирующей приставкой и глаголом НСВ не всегда является очевидным и часто требует дополнительных разысканий. Вопрос о чистовидовой функции приставок и чистовидовых приставках в русских диалектах предполагается обсудить в специальной работе. В данной же статье указание на семантическое согласование приводится лишь в специальных случаях.

Условия для вариативности в говорах перфективного члена видовой пары создаются хорошо известными свойствами русской аспектуальной системы: разнообразием приставок, способных выступать в функции чистовидовых, их многозначностью, широко развитой внутриприставочной синонимией. В говорах возможности вариативности расширяются благодаря еще большему по сравнению с литературным языком семантическому

объему некоторых приставок, устной форме речи и некодифицированности диалектной нормы. Таким образом, в литературном и диалектном языке реализуются различные варианты перфективации глагола из предлагаемых языком. Некоторые примеры: *платить* — лит. *заплатить*, с.-р. арх. *поплатить*: *роботали, а не знаю, **поплатили**, не **поплатили** им?* [ЭЗА]; *гибнуть* — лит. *погибнуть*, арх. *сгибнуть*: *муж где-то **сгиб** на войне* [Там же]; *гореть* — лит. *сгореть*, арх. *изгореть*: *Всё дюзила, дюзила (печь) да и сломалась — кирпич **изгорел*** [АОС 19: 459]; *сниться* — лит. *присниться*, арх. *досниться*: *Дак **доснилось** мне, как будтё у меня сып не такая* [Там же: 92]; *сесть* — лит. *посесть*, ю.-р. тульск. *осесть*: *Ты сам себе **побереги**, а то все волосы **оседели*** [ЭЗА]; *строить* — лит. *построить*, ворон. *состроить*: *Вот это ж и дом **состроил** на свои денежки* [Там же]; *ночевать* — лит. *переночевать*, ворон. *поночевать*: *Она мене **высушила**, я **поночевала** у ней и дальше пошла* [Там же]; *знакомиться* — лит. *познакомиться*, донск. *признакаться*: *А потом **признакомились**, она им **мальчика** принесла* [Там же]; *калечить* — *покалечить* — донск. *окалечить*: *Пришёл с фронту — ни разу не раненый, не **окалеченный*** [Там же]; *сохнуть* — лит. *высохнуть*, ср.-р. пск. *ссохнуть*: *Дожджа нет, **омиара** (моховое болото) **ссохла*** [ПОС 19: 109]; *пугаться* — лит. *испугаться*, пск. *спугаться*: *Такой **ребёнок** **мурзатый** (грязный), **спугаются*** [Там же: 64].

Использование отличной от литературного языка приставки характерно также для сферы аспектуальной деривации, например для образования начинательного способа действия: арх. *занравиться* ‘понравиться’: *Алешке-то **лампочка занравилась**, электрическая* [СРГК 2: 265]; кар. *побеременеть* ‘забеременеть’: *Когда **понесла** она, **побеременела**, дак поехал Иван-царевич на море* [СРГК 5: 565]; тульск. *похотеть* ‘захотеть’: *С кем **похотел**, с той и гулял* [ЭЗА]; ворон. *похотеться* ‘захотеться’: *Так вы **Веретя** **проведать**, да? **Похотелось** вам **пойти**? [Там же].*

3. На всей диалектной территории наблюдается тенденция к замещению в глаголах НСВ суффикса имперфективации *-а-*, праславянского по происхождению, суффиксом *-ива-/-ыва-* — возникшим на собственно русской почве, ср.: *утешить* — лит. *утешать* и арх. *утешивать*: *Бросит **мать** на пол, **дрáвинчат** (капризничает) — **утешивали** **какий-нибудь** **игрушечками*** [АОС 19: 222]; *сгореть* — лит. *сгорать* и арх. *сгаривать*: *а вот **сегододы** **всё** **где-то** **горят** **урожаи-то**, (...)**урожаи** **в жару-то** **сгаривают** — **передают** **по телевизору-то*** [ЭЗА]; *распасться* — лит. *распадаться* и орл. *распадываться*: *Маленькие **деревушки** **усе** **распадываются*** [Там же]; *сразиться* — лит. *сражаться* и ряз. *сраживаться* ‘вступать в спор’: *Она, **глядеться**, **божественная**, **да что толку**, **я с ней вот не раз** **сраживалась**. **Одновá** **я с ней** **ехала** **из Рязани...** **Я с ней** **разика** **два** **сраживалась**, **да я ей** **по глазам** **дула*** [ДЕУЛ: 537]; *вскипеть* — лит. *вскипать* и смол. *вскипывать*: *Баба **Лена**, **у вас там** **суп** **вскипывают*** [ССГ 2: 83]; *разрушиться* — лит. *разрушиться* — донск. *разрушиваться*: *Нигде **правды** **нет** — **СССР** **наш** **разрушивается**; **приклонить** — лит. *приклонять* и пск. *прикланивать*:*

Повешен бывало котялок. Вот так моются. Прикланивают гилёк (рукомойник) [ПОС 19: 137].

Вариантные имперфективы с *-а-* и *-ива-/-ыва-* отмечаются и в литературном языке. Однако в отличие от диалектов здесь по отношению к варианту с *-ива-/-ыва-* обыкновенно возникает вопрос о его потенциальности или узуальности, кодифицированности или некодифицированности, прагматической нейтральности или маркированности, синхроническом или диахроническом характере [Ремчукова 2004: 134—136]. Важно подчеркнуть, что в диалектном языке оба суффиксальных варианта равноправны, сосуществуя как аспектуальные дублиеты. Об этом свидетельствуют примеры из речи одного и того же информанта: перм. *зарастать / зарастывать* ('становиться грязным, покрываться пылью'): *Пускай зарастывает, зарастат. Белить не могу дак, и достават высоко* [АКЧ I: 325]; арх. *вспоминать / вспоминывать*: *женщины-то потом вспоминывали <...> женщины всё и вспоминали* [ЭЗА]. В целом же рассматриваемую тенденцию, со сделанной оговоркой, можно считать общерусской, то есть характерной для обеих разновидностей русского языка — диалектной и литературной.

Вместе с тем в говорах сохраняются имперфективы с суффиксом *-а-*, которым в литературном кодифицированном языке соответствуют глаголы НСВ только с *-ива-/-ыва-*: с.-р. арх. *натягать* 'натягивать': <...> *рукавицьна доска, рукавицьки натягаиш, свяжешь* [АОС 12: 79]; арх. *вдергать* 'вдергивать': <...> *стала нитку вдергать в машину, не вижу ушков, некакими путём* [Там же: 114]; ю.-р. калуж. *угажать* 'угадывать': *не солила картошку, я не угажаю, как солить* [ЭЗА]; орл. *выкидать* 'выкидывать': *Транспортёр выкидает навоз* [Там же]; ср.-р. пск. *складать* 'складывать': *Сарай большой, а тут, где ворота, наветь. То дровцá складать, хворосток* [ПОС 19: 263]; пск. *обкрадать* 'обкрадывать': *Я мучилась, обкрадали кругом* [Там же: 101]. Подобные имперфективы являются аспектуальными архаизмами.

4. В диалектном языке при имперфективации активно проявляются две тенденции: 1) к вторичной имперфективации глаголов СВ с чистовидовыми приставками, 2) к имперфективации одновидовых в литературном языке глаголов СВ.

Примеры 1): *меняться — поменяться* — арх. *помениваться*: *Я дрóбила (любила) его несколько лет, колечкима поменивались* [АОС 19: 284]; *давиться* 'испытывать затруднения при глотании' — *подавиться* — волог. *подавляться*: *У кого скотина есть, она подавляется остью* [ЭЗА]; *грабить — ограбить* — калуж. *ограблять*: *Кулаки были, их угоняли куда-то, ограбляли* [Там же]; *падать — упасть* — орл. *упадать*: *Она упала часто, а я поднять её не могу* [Там же]; *грузить — погрузить* — орл. *погружать*: *На станцию ходили, вагоны погружали* [Там же]; *грубить — нагрубить* — ряз. *нагрубать*: *Они мне не нагрубают, и я им не нагрубю ... накой нагрубать* [ДЕУЛ: 313]; *хоронить — похоронить* — ворон. *похоронять*: *Мы позавчера были там, женщину похороняли* [ЭЗА].

Примеры 2): *дохохотаться* — арх. *дохохочиваться*: *Дотоль* (до такой степени) *мы дохохоцивались* [АОС 12: 158]; *смочь* — волог. *смогать* ‘иметь силы делать что-л.’: *Не смогаю косить, эвон поработано сколько, да и годы уже* [ЭЗА]; *сглазить* — донск. *сглазывать*: *Меня и саму ю сколько раз сглазывали* [Там же]; *попить* — орл. *попивать*: *Пензия-то маловата, ведь лекарства сколько попиваем* [Там же]; *наносить* ‘принести в большом количестве’ — пск. *нанашивать*: *Муравьи — сикляхи называются, они муравейник нанашивают, там плодятся* [ПОС 19: 56]. Современный диалектный материал подтверждает высказанное В. Г. Барановской предположение о том, что основным типом видовых корреляций в русских говорах является соотношение «приставочный глагол СВ : приставочно-суффиксальный глагол НСВ», а не соотношение «бесприставочный глагол НСВ : приставочный глагол СВ» [Барановская 1956].

В литературном языке примеры подобного типа ненормативны и относятся к области потенциальной имперфективации, которая, по наблюдениям Е. Н. Ремчуковой, проявляет активность в разных типах и жанрах современной нестандартной, творческой речи [Ремчукова 2004]. Разные потенциальные имперфективы обладают разной степенью готовности войти в узус, они «переживают какие-то подспудные процессы, связанные с приближением к норме и отдалением от нее. Однако причины, по которым это происходит, чаще всего остаются загадкой» [Гловинская 2008: 196]. Таким образом, тенденцию к продлению видообразования на ступени имперфективации также можно назвать общерусской. Она обусловлена «принципиальной “востребованностью”» (Е. Н. Ремчукова) грамматической модели имперфективации в современном русском языке, особенно в свободных от кодификации подсистемах — творческой и диалектной речи.

5. На всей диалектной территории отмечается глагольная лексика с архаичными для литературного языка аспектуальными характеристиками. Например, в говоре д. Деулино Рязанского района Рязанской области зафиксированы видовые пары, в которых является архаизмом или имперфективный член (*казать* ‘говорить’ — *сказать*, *чинить* ‘начинать’ — *начинить*), или перфективный (*спасить* — *спасать*, *спаситься* — *спасаться*), или оба коррелята (*вестить* ‘оповещать’ — *повестить* ‘оповестить’): *Вова, учись, учба — свет, после будешь спасибо казать; Чинять* (3 л. ед. ч.) *узюмом, рисом чинять, булочки разные; Большое вам спасибо, как вы мне спасили [от бандитов]; Ня знаю, как я осталась, спасилась... Могуты-то (силы) никакой нету; Марфуня вьстить дальши пошла; Как привязуть [товары], как всё равно повястили: все тута кипят* [ДЕУЛ: 215, 597, 534, 79, 411].

К аспектуальным архаизмам относятся двувидовость некоторых глаголов, например *купить* и *явиться* в говоре казаков-некрасовцев: ставр. *Дом будем купить* (НСВ) — *своим дадим* и *Купили* (СВ) *землю и зачали строить* (СВ); *Закопаешь* [гроб], *и никогда туда не ходишь, не явишься* (НСВ) и *Раз во сну мне явился* (СВ). Архаичны начинательное значение пристав-

ки *на-*: ворон. *напомнить* ‘вспомнить’: *Забылась я, можа, завтра и напомню* [ЭЗА], пск. *наехать* ‘поехать’: *Вот в Тапу тяперь не съездишь, и не прияжжает дочка. К дочке как наеду, убью просёнка, в сумку свинины наложу* [Там же], а также принадлежность к НСВ приставочного глагола: кар. *засадиться* ‘заходить (о солнце)’, арх. *воссиять* ‘сиять’, яросл. *зазнать*: *А теперь уже рано солнышко засадится* [СРГК 2: 196]; *Столько было перлов, антарь-од был жёлтенькой, воссиял даже* [АОС 5: 123]; *Сам не зазнаю, а люди сказывали* [ЯОС: 72] и др.

6. По сравнению с кодифицированным литературным языком в диалектах более полно реализуются системные свойства глагольной аспектуальности в русском языке.

7. В аспектуальных системах разных уровней — идиолекта, идиома и диалектного языка в целом — формальное выражение аспектуальной семантики имеет высокую степень вариативности. В отличие от литературного языка, в котором варианты формы вида различаются семантически, стилистически, по степени употребительности и регулярности и др., в говорах они имеют статус формальных аспектуальных дублетов.

Вариативность в сфере аспектуальности не сводится к влиянию литературного языка и является частным проявлением общей вариативности единиц всех уровней, которая свойственна диалектному языку как системе, существующей только в устной форме и не имеющей кодификации.

Севернорусский аспектуальный комплекс

Кроме названных общедиалектных черт, в него входят следующие явления.

1. В с.-р. говорах общедиалектная тенденция к суффиксальному маркированию категориального значения НСВ — отсутствия ограниченности пределом и целостности действия — действует по отношению не только к приставочным глаголам неоднаправленного движения типа *приходить* — *прихаживать*, но и к бесприставочным глаголам типа *есть* — *едать*, *петь* — *певать*, *косить* — *кашивать*. Подобные бесприставочные образования, употребляющиеся по преимуществу в сочетании с отрицательной частицей *не*, имеющие основную форму прошедшего времени, обладают в с.-р. говорах высокой продуктивностью. В русской грамматической традиции такие глаголы принято называть многократными или глаголами многократного способа действия. Их специализированное значение в русском литературном языке — повторяемость действия в отдалённом прошлом; сочетание многократного глагола с частицей *не* выражает экспрессивное, категорическое отрицание.

В севернорусских говорах данное специализированное значение не является для многократных глаголов ни единственным, ни наиболее частотным. В сочетании с отрицанием они не имеют особого временного значе-

ния давности действия и выражают его длительность, есть целые типы контекстов, в которых для таких глаголов характерно общефактическое значение НСВ, они могут указывать на единичное проявление действия и развивать модальные значения, значение же собственно многократное является в говорах контекстно-обусловленным (см. об этом [Ровнова 1993]). Ниже приводятся пары контекстов, в которых подобные образования выступают как формальные аспектуальные дублеты имперфективов, не имеющих суффиксального показателя НСВ. Ср.: *дюжить* / *дюживать* 'стойко перенося, выдерживая какие-л. испытания, нагрузки, оказываться жизнеспособным, работоспособным': *Годы ушли, сколько ж можно дюжить? Вот мы жили и дюжили.* — *Как это я не представляю, дюживали это мы* [АОС 19: 459]; *не держать* / *не дярживать* 'трогать, дотрагиваться, держать в руках': *Я лягух очень боялася, век не держала головастиков, век не дярживала* [Там же: 464]; *думушки не думать* / *думушки не думывать*: *Даже и думушки не думали про водки никогда.* — *А я и думушки не думывала, Бог храни* [Там же: 357, 358]. Исторический комментарий к функционированию многократных глаголов в диалектах содержится в работе [Ровнова 1998].

2. В с.-р. говорах имперфективный суффикс *-ива-* имеет более высокую по сравнению с литературным языком и говорами других территорий продуктивность. Она выражается: 1) в замещении им непродуктивного *-ва-* (*добывать* / *добывавать*, *одевать* / *одеивать*), 2) в появлении контаминированного суффикса *-ыва-* в результате соединения *-ва-* и морфа *-ыва-* (*отбивал* / *отбивывал*, *задевал* — *задёывал*, *раздевался* / *раздёывался*), 3) в появлении редуцированного суффикса *-ивлива-/ывлива-* в результате удвоения *-ива-/ыва-* (*молачивал* / *молачивливал*, *сказывал* / *сказывливал*, *рассказывал* / *рассказывливал*, *не выхаживала* / *не выхаживливала* *взамуж*). Семантика и функционирование образований 2) и 3) сближает их с многократными глаголами.

3. В сфере перфективации более полно реализуется чистовидовая функция некоторых приставок.

Приставка *при-* образует в литературном языке единичные видовые пары *мерить* — *примерить*, *сниться* — *присниться*, *душить* — *придушить* и некоторые другие, согласуясь с исходными глаголами по признаку направленности действия на сближение [Шелякин 2008: 112]. В с.-р. говорах ее аспектуальные связи шире. Приставка *при-* образует перфективный коррелят к глаголам, объединенным общим семантическим компонентом 'порча, нанесение ущерба в результате контакта с кем-, чем-л.'. Она согласуется с ними по пространственному признаку сближения (*ломать* — *приломать* 'сломать', *рвать(ся)* — *прирвать(ся)* 'разорвать(ся)', *кусать кого-л.* — *прикусать* 'укусить', *гореть* — *пригореть* 'сгореть', *пачкать* — *припачкать* 'испачкать', *грызть* — *пригрызть* 'сгрызть'). Она также образует перфективные корреляты к инхоативным глаголам с компонентом 'постепенная утрата жизненных сил' (*стареть* — *пристареть* 'постареть', *ме-*

реть — *примереть* ‘умереть’, *вянуть* — *привянуть* ‘завянуть’) и некоторым другим.

Приставка *до-* в литературном языке не образует перфективных коррелятов. Широкий диапазон ее значений в с.-р. говорах (в архангельских говорах, согласно [АОС 11: 170—173], она имеет 14 значений; в литературном языке — 3) дает ей возможность выступать в чистовидовой функции при перфективации глаголов различной семантики.

Приставка *до-* выполняет чистовидовую функцию в той же группе глаголов с общим семантическим признаком ‘порча, нанесение ущерба в результате контакта с кем-, чем-л.’, вариантный перфективный коррелят к которым может оформляться приставкой *при-*. При оформлении коррелята приставкой *до-* семантике глагола соответствует ее значение 4. ‘полное израсходование, уничтожение кого- или чего-л.’ [АОС 11: 171]: арх. *мотать* — *домотать* ‘привести в состояние полного разорения, промотать’: *Цирковой-от председатель всё, наверно, домотал, всё допутал; резать* — *дорезать* ‘убить режущим орудием, резать’: *Он меня завтра дорезжет; карать* — *докарать* ‘покарать, наказать’: *Заведушиша настрадалась, бог её докарал, она болела, умирала, как спичка была; кусать* — *докусать* ‘привести в болезненное состояние, замучить многочисленными укусами (о насекомых)’: *Всю пригрызли, докусили-то тебя; мучить* — *домучить* ‘доставить физические или нравственные страдания, замучить’: *Они Осифа порядочно домучили; портить* — *допортить* ‘привести в негодное к употреблению состояние, испортить’, вторичный имперфектив *допáрчивать*: *Не завязывают, не завязывают — дотого ниток допорттили; Буду силу берекчи, не буду ту травку допáрчивать, портить* [АОС 11: 9, 296, 314, 398, 441, 417]; *травиться* — *дотравиться* ‘отравиться’: *Травились да дотравились. Тихонько да помаленьку дотравились всё-таки* [АОС 12: 161]; кар. *пугать* — *допугать* ‘испугать’: *Платье-то большо, долгоё (длинное), как побезу, дак всех людей допугаю* [СРГК 1: 488]; яросл. *карнать* — *докарнать* ‘испортить’: *Так корзинку и докарнала* [АОС: 10].

Вторую группу глаголов, присоединяющих перфективирующую приставку *до-*, составляют инхоативные глаголы с общим значением постепенного становления признака, включая глаголы с семантическим компонентом ‘постепенная утрата жизненных сил’, допускающие вариантную перфективацию приставкой *при-*. Исходные глаголы и приставка *до-* семантически согласуются по признаку ‘достижение предела действия, состояния’ (значение 1 приставки *до-* [АОС 11: 170]): *стареть* — *достареть* ‘состариться’: *На втору -то войну не ходил — достарел уж; слабнуть* — *дослабнуть* ‘лишиться силы, ослабеть’: *Нога-то дослабнет; седáтеть* — *доседáтеть* ‘стать седым’: *Совсем вся доседатейо; сиветь* — *досиветь* ‘то же’: *Сивы волосы, как досивели; сохнуть* — *досохнуть* ‘стать сухим, высохнуть’: *Вешалá — сено на вешалáх сохнет, которое не досохло; спеть* — *доспеть* ‘стать зрелым, созреть’: *Хлеб-то — он доспеет, его до конца доведут, до самого хорошего; тёмнить, безл.* — *дотёмнить* ‘стем-

неть': *И бегают, дотого добежат — дотемнит* [АОС 19: 115, 86, 70, 76, 94, 96, 150].

Другие глаголы СВ с чистовидовой приставкой *до-* не образуют сколько-нибудь четко очерченных семантических групп, и приставка, реализуя чистовидовую функцию, используется в разных значениях. Например, в паре *валиться — довалиться* она согласуется с глаголом по признаку 'достижение предела действия': арх. *Боюсь я — вдруг полезут да довалятся* [АОС 11: 216], в паре *сниться — досниться* — по признаку приближения: арх. *Дак доснилось мне, как будтё у меня сыть не такая* [АОС 12: 92]. Глагол *вершить* 'укладывать верхнюю суживающуюся часть стога' называет последнюю фазу трудового процесса; это значение согласуется со значением приставки *до-* 'завершение конечной фазы действия', что приводит к образованию перфективного коррелята *довершить* 'закончить укладку верхней суживающейся части стога': волог. *А, вы уже вершите!* — *Погоди немного, сейчас только зород довершу, и пойдём вмісте* [СВГ: 32].

4. В с.-р. говорах существует диалектная разновидность одного из терминативно-интенсивных (по классификации М. А. Шелякина) аспектуальных способов действия, а именно финально-отрицательного. В литературном языке глаголы этого способа действия (типа *доработаться до усталости, докричался до того, что сорвал голос*) образуются от неопредельных непереходных глаголов с помощью приставки *до-* и постфикса *-ся*, обозначают чрезмерную продолжительность и интенсивность осуществления действия, следствием чего является непредвиденное отрицательное состояние лица. Это значение реализуется в сочетаниях глаголов с родительным падежом существительных с предлогом *до* или с местоименным наречием *до того*, после которого обязательно придаточное предложение с союзом *что*, имеющее комплексное значение степени и следствия, см.: [Шелякин 2008: 157—158; Анна А. Зализняк, Шмелев 2000: 117—118].

Диалектная специфика финально-отрицательного способа действия касается производящей базы, средств образования и акциональной семантики глаголов. В с.-р. говорах производящая база оказывается более широкой. Финально-отрицательный способ действия возможен от глаголов неопредельных и предельных, непереходных и переходных. Он образуется не приставочно-постфиксальным, а приставочным способом с помощью приставки *до-*; акциональная семантика реализуется в сочетании с наречиями *дотого, дочего, дотоль, дотуль* и некоторыми другими, имеющими значения 'настолько', 'усиленно, интенсивно', 'в большом количестве, много', 'в течение длительного времени'.

В архангельских говорах, где финально-отрицательный способ действия особенно продуктивен, соответствующие глаголы обозначают чрезмерно продолжительное, интенсивное, неоднократно повторяемое действие; признак отрицательных последствий, вызванных им, имеет факультативное выражение. Он не выражен в следующих примерах: арх. *Дотого кипятку допил да сухой мякушки доел* [АОС 19: 155]; *Корова потерётся,*

дак дочего доходим, доишием; Дочё ти ребята добежали, дочё добежали — двери хлоп да хлоп!; Я дочего досидела, доглядела; Он меня дочего дозвал взамуж [АОС 19: 204]. Тем не менее каждый из примеров допускает продолжение, в котором признак отрицательных последствий будет эксплицитирован. Чаще встречаются примеры, в которых сообщается об отрицательных последствиях действия для его субъекта: *Дотого досеяла* — исполнилось семьдесят годов — *дотого досеяла, что домой увезли*; *Дотого досидела* — прямо вся околела; *Дотого доскажешь*, что домой забодишь иди; *Так вот дотого дослушала*, дак так росстроилаиси-то вся; *У Пашки сеструха убралась* (умерла), *дотого вина допила*; *Я сама реву на всяки лады, дотуль доревёшь* — шевелиться не можешь; *Вот доцега дописала*, устала; *Дочего дочернаем воду из колодца, руки отпадут, по сто вёдер воды надо почерпнуть*; *С ума сошёл, дотого дочитал* [АОС 19: 76, 77, 83, 87, 155, 167, 203, 204, 209].

5. Начинательный способ действия с приставкой *за-* обладает высокой степенью морфологизации. Многие глаголы выражают начинательное значение не аналитически, конструкцией *начать / почать / зачать + инфинитив*, как в говорах других регионов, а синтетически, с помощью приставки *за-*. Она присоединяется как к бесприставочным, так и приставочным глаголам: арх. *Утром рано заловят* (начнут ловить) *да до вечера до позднего, до темни ловят* [АОС 12: 150]; волог. *Завидела* (начала видеть) *я ноне хуже*; *Куроцька жита не заела* (не начала, не стала есть), *так и не заклалася* (СВГ: 101, 117); арх. *привозить* — *запривозить*: *В магазине не было купить на рубашку родяишнему* (новорожденному), *всё из своего шила*. *Потом, уж где-то уже к школе почти туды, запривозили* (начали привозить) *всё-то*. *В школу пошли, уже костюмчики у меня были куплены* [ЭЗА]; *Они катались на досках, да вдруг как сильно-сильно заподбрасывало* (начало подбрасывать)! [АОС 12: 79].

Южнорусский аспектуальный комплекс

Помимо общедиалектных явлений, в ю.-р. аспектуальный комплекс входит в качестве яркой диалектной черты дистрибутивный способ действия, обозначающий поочередный охват действием субъектов / объектов. Его диалектная специфика связана с формальной, семантической и стилистической характеристиками.

В литературном языке дистрибутивные глаголы образуются от предельно-результативных глаголов СВ и НСВ с помощью приставок *пере-* (*перечеловаться*), *по-* (*поухать*), *раз-* (*разогнать, разлететься*), *об-* (*о-*) (*обзвонить, опросить*), *с-* (*согнать, слететься*) [Шелякин 1980; Храковский 1987: 139—144]. «Чистым» дистрибутивным значением обладают приставки *пере-* и *по-*, в остальных оно сочетается с пространственными значениями. В отличие от литературного языка, в котором самую большую

группу дистрибутивов составляют глаголы с приставкой *пере-* (в БАС на 340 глаголов с *пере-* приходится 67 глаголов с *по-* [Хартунг 1979]), в ю.-р. говорах имеют широкое распространение дистрибутивные глаголы только с приставкой *по-*, присоединяющейся к бесприставочным и приставочным глаголам. Реализующаяся в диалектах возможность оформления глагольной лексики дистрибутивной приставкой *по-* вместо *пере-* обусловлена значительной семантической общностью производящей базы для дистрибутивов с обеими приставками (см. об этом: [Шелякин 1980]). В литературном языке дистрибутивы с *по-* имеют яркую разговорную окраску, в говорах никакой особой стилистической нагрузки не несут. Некоторые примеры из [ЭЗА]: ворон. *чи попродали, чи попроели эти колокола; маленькие были, на печь позалезем — ягнята с нами, кошеньята с нами; калуж. всё позаросло бурьяном; позаболели усе тихом* (тифом); *нас послали усех в один колхоз; потом они нас отсюда повыгнали усех; ураганом крыши по-снимало у людей и окны повытащило*; орл. *этот колодец наш, усе сабе порыли; а куда усё попропало?*; *молодые поухали, старые повымерли; молодёжь много поотказались от зямли; военные бязать — пояса порастёгнуты; попривёз кирпичей и усё на свете; идё* (где) *какая настойка стоить, он понайдёт, попьёт*; тульск. *усё пособрали, посвязли, усё у кучечку послали; там побил ужасно много людей и дома поразрушил*; донск. *Много, вдовушков много поосталося; люди были зажитошные — посослали; кто богато жил — то пораскулачили; всё поразрушили, всё поразбили, поразгромили*; ставр. *потом пожанились, понародили детей; ёрбы* (арбы) *уже попривязуть, понагрузють дрёвы* и др.

Дистрибутивный способ особенно продуктивен и регулярен в говорах Юго-Западной диалектной зоны, а также в донских казачьих говорах. Здесь дистрибутивы появляются в речи говорящих с такой регулярностью, с какой возникает необходимость передать значение поочередного охвата действием многих (всех) субъектов или объектов. Множественность и единичность субъекта / объекта оказывают влияние на употребление дистрибутивного и исходного глагола в одном контексте. При единичном субъекте / объекте используется исходный глагол, при множественном — дистрибутив: калуж. *монашки поприехали, забрали* (урожай кабачков), *потом арендатор какой-то приехал, забрал*; ставр. *Всем поподнясла я вина, и жаниху поднясла* [ЭЗА].

По замечанию В. С. Храковского, индивидуальных представителей совокупного актанта / сирконстанта при дистрибутивном глаголе должно быть не меньше трех, если учесть, что слово *все* не сочетается в именной группе с числительным *два*, но сочетается со всеми последующими числительными [Храковский 1987: 142]. Действительно, в говорах зафиксированы примеры, в которых действие охватывает трех участников ситуации: тульск. *троих детей повырастила* [ЭЗА]. Специфика функционирования дистрибутивов в ю.-р. говорах заключается в том, что они употребляются и по отношению к двум субъектам / объектам: ставр. *две дочери, обе замуж*

повышили; повела их, поперевенчала — теперь, говорю, живитя! (о внучке и ее женихе); калуж. *сын сюды заскочил, паспорта наши попривёз, мне и отцу*; тульск. *а теперь родители поумерли, и дети хлопочут* (речь идет об одной семье); ворон. *была у нас лошадь, корова — позабирали всё; ещё колхозов не было — попомерли мои родители* [ЭЗА].

Таким образом, в ю.-р. говорах существует шкала дистрибутивного множества, определяемая синтаксическими условиями употребления дистрибутивов. На одном полюсе находится максимальное количество субъектов / объектов, выражаемое местоимением *все*, на другом — минимальное, выражаемое числительными *два, оба* или другими лексическими средствами. Между этими полюсами располагается неопределенно большое количество субъектов / объектов, на что указывают слова типа *много, многие, всякие, разные*; неопределенное количество их — в высказываниях с существительными в форме множественного числа или лексической семантикой множественности; количество больше двух — в высказываниях с соответствующими количественными числительными.

Среднерусский аспектуальный комплекс

В ср.-р. говорах (западных и восточных, окающих и акающих) не обнаружено сколько-нибудь специфичных явлений, неизвестных говорам других регионов. Им свойственны частные реализации общедиалектного аспектуального комплекса или редуцированные проявления свойств северно- и южнорусских говоров. Как было сказано, аспектуальный комплекс ср.-р. говоров в целом близок к литературному языку.

Одной из частных ср.-р. аспектуальных систем является та, которая обнаруживается в говоре староверов Западного Причудья (Эстония). Он относится к западным акающим ср.-р. говорам, является, скорее всего, центральным псковским по происхождению и характеризуется хорошо сохранившимся комплексом диалектных черт. Этот говор служит примером конкретной реализации диалектных аспектуальных закономерностей в частной аспектуальной системе (используется материал из [ЭЗА]).

1) В отличие от многих с.-р. и ю.-р. говоров и литературного языка, имперфективный суффикс *-а-* сохраняет здесь продуктивность, в то время как суффикс *-ива-* проявляет гораздо меньшую активность. Суффикс *-а-* присоединяется к глаголам СВ с соотношением основ:

и // t': *затопить (печь) — затоплять, растопить (воск) — растоплять, стопиться (о печи) — стопляться, осилить — осиять, скопиться — скопляться;*

ну // н: *выглянуть — выглядать, заглянуть — заглядать, оглянуться — оглядаться, натянуть — натягать, дотронуться — дотрогаться;*

с // д: *накласть — накладать, укласть — укладывать.*

Случаи замещения суффикса *-а-* суффиксом *-ива-* немногочисленны: *остужать* — *остуживать*, *подметать* — *подмятывать*, *подцеплять* — *подцапливать*.

2) Видовая пара *купить* — *куплять*, известная и в других среднерусских говорах, а также в говорах обоих наречий.

3) Образование перфективного коррелята с иной, чем в литературном языке, приставкой: *мереть* — *примереть*, *беременеть* — *обеременеть*, *кипятить (молоко)* — *закипячивать*, *стареть (о человеке)* — *устареть / состареть*, *знакомиться* — *признакочиться*. Наиболее продуктивна приставка *с-* со значением исчерпанности действия, которая употребляется вместо *по-*, *из-*, *раз-*, *за-* при перфективации глаголов разных семантических групп: *жарить* — *сжарить*, *печь(ся)* — *спечь(ся)*, *толочь* — *столочь*, *топить (печь)* — *стопить*, *портить* — *спортить*, *пугаться* — *спугаться*, *вянуть* — *свянуть*, *мёрзнуть* — *смёрзнуть*.

4) Двувидовой характер глагола *суметь*: *не сумею* (СВ) *тебе хорошо рассказать* и *все неграмотные, все не сумели читать* (НСВ).

5) Глаголы *сойти* и *съехать*, образованные от глаголов однонаправленного движения *идти*, *ехать*, по значению и употреблению соответствуют глаголам *сходить* и *съездить* литературного языка: *она за батьку в моленной — можете сойти*; *мельница была в Ряпина, папа съедет туда*. Приставка *с-* в *сойти*, *съехать* говора имеет не пространственное значение 'сверху вниз', как в литературном языке, а результативное, как в *сходить* и *съездить*. Это явление известно и другим говорам на севере и северо-западе.

Еще одним примером частной среднерусской аспектуальной системы является система, представленная в говоре старообрядцев — «синьцзянцев» и «харбинцев», живущих в Бразилии (см. Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2010 г. в этом номере журнала).

Здесь уместно обосновать привлечение аспектологического материала из русских говоров зарубежья (их носителями являются русские старообрядцы). В этих говорах отсутствуют явления, которые бы качественно отличали аспектуальные диалектные системы метрополии и зарубежья, что является основанием для включения последних в общую аспектуальную систему русских диалектов. Длительное контактирование русских говоров с безвидовыми языками (например, эстонским, молдавским, испанским, португальским, английским, турецким) не привело к какой-либо деформации аспектуальной системы в русских говорах. В ситуации русско-польской интерференции (говоры старообрядцев Августовского и Сувалковского регионов Польши) имеет место скрытая аспектуальная интерференция в рамках тенденций, которые в русском говоре действуют менее сильно по сравнению с польским языком, играющим в этом случае роль «катализатора» [Ровнова 2004; 2005]. Говоры старообрядцев зарубежья характеризуются аспектуальными комплексами, соответствующими терри-

ториям материнских говоров: для говоров казаков-некрасовцев, «турчан» в США, старообрядцев Молдавии это южнорусский аспектуальный комплекс, для говоров старообрядцев в Польше, Эстонии, Южной Америке, Австралии — среднерусский.

Предложенная лингвогеографическая характеристика аспектуальных явлений в современных русских говорах не является исчерпывающей и завершенной. В ней, например, не получили отражения сопровождающие имперфективацию морфонологические явления, двупривставочные глаголы, некоторые способы действия. Содержание территориальных аспектуальных комплексов должно и будет совершенствоваться в дальнейшем по мере накопления и осмысления материала. Тем не менее, как кажется, сделанное описание не только дает представление о территориальном варьировании аспектуальных явлений, но и предлагает один из инструментов для исследования частных аспектуальных систем в говорах различных территорий. Каждая такая частная система может представлять собой различные комбинации общедиалектных, территориально прикрепленных и индивидуальных, характерных именно для нее, аспектуальных явлений.

Л и т е р а т у р а

Анна А. Зализняк, Шмелев 2000 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.

Барановская 1956 — В. Г. Барановская. Из истории «многократных» глагольных форм в русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1956.

Бондарко 1996 — А. В. Бондарко. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.

Гловинская 2008 — М. Гловинская. Потенциальный видовой коррелят: жизнь и судьба // Bernhard Brehmer, Katrin Bente Fischer & Gertje Krumbholz (Hrsg.). Aspekte, Kategorien und Kontakte slavischer Sprachen. Festschrift für Volkmar Lehmann zum 65. Geburtstag. Hamburg, 2008. (Studien zur Slavistik. Band 16.). S. 186—198.

Ремчукова 2004 — Е. Н. Ремчукова. «Потенциальная имперфективация» в разных типах современной русской речи // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 4. М., 2004. С. 124—145.

Ровнова 1993 — О. Г. Ровнова. Многократные глаголы в одном севернорусском говоре: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1993.

Ровнова 1998 — О. Г. Ровнова. Имперфективация глагола в русских диалектах (с точки зрения синхронии и диахронии) // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998. С. 396—404.

Ровнова 2004 — О. Г. Ровнова. Аспектологические наблюдения над говорами старообрядцев зарубежья // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Т. 4. М., 2004. С. 146—165.

Ровнова 2005 — О. Г. Ровнова. Аспектуальная система русского говора в иноязычном окружении (на примере говоров казаков-некрасовцев и старOVERов

Эстонии) // XII Междунар. конф. по функциональной лингвистике «Функциональное описание естественного языка и его единиц»: Сб. науч. докл. Ялта, 2005. С. 287—289.

Хартунг 1979 — Ю. Х а р т у н г. Дистрибутивный и суммарно-дистрибутивный способ глагольного действия в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1979.

Храковский 1987 — В. С. Х р а к о в с к и й. Кратность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 124—152.

Шелякин 1980 — М. А. Ш е л я к и н. Дистрибутивно-суммарный способ действия русского глагола // Уч. зап. Тартуского государственного университета. Вып. 524. Проблемы внутроструктурного и функционального описания языка. Труды по русской и славянской филологии XXXIII. Тарту, 1980. С. 43—53.

Шелякин 2008 — М. А. Ш е л я к и н. Категория аспектуальности русского глагола. М., 2008.

Источники диалектного материала

АКЧ I — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области. Вып. I / Гл. ред. Ф. Л. Скитова. Пермь, 1984.

АОС — Архангельский областной словарь. Вып. 1 — 12 / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980—2004.

ДЕУЛ — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Осовецкого. М., 1969.

ПОС 19 — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 19 / Под ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой. СПб., 2008.

СВГ — Словарь вологодских говоров. Д-З. / Ред. Т. Г. Паникаровская. Вологда, 1985.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1 — 6 / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994—2005.

ССГ 2 — Словарь смоленских говоров. Вып. 2 / Под ред. А. И. Ивановой. Смоленск, 1980.

Фон. — фонотека диалектной речи ИРЯ РАН

Хрестоматия 1999 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под ред. Р. Ф. Касаткиной. М., 1999.

ЭЗА — экспедиционные записи автора

ЯОС — Ярославский областной словарь (Дикаретья — Иштгьк) / Ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1985.

Сокращения

арх. — архангельское

безл. — безличное

волог. — вологодское

ворон. — воронежское

- донск. — южнорусские донские казачьи говоры (Волгоградская, Ростовская области)
 кар. — русские говоры Карелии
 лен. — ленинградское
 липецк. — липецкое
 лит. — литературное
 ЛСВ — лексико-семантический вариант
 несов. — несовершенный вид
 НСВ — несовершенный вид
 орег. — южнорусский говор русских старообрядцев-«турчан», живущих в штате Орегон (США)
 орл. — орловское
 перм. — пермское
 пск. — псковское
 ряз. — рязанское
 с.-р. — севернорусский
 СВ — совершенный вид
 смол. — смоленское
 ставр. — южнорусский говор казаков-некрасовцев, вернувшихся из Турции и с 1960 г. живущих в Ставропольском крае
 ср.-р. — среднерусский
 тульск. — тульское
 ю.-р. — южнорусский
 яросл. — ярославское

OLGA ROVNOVA

**LINGUISTIC GEOGRAPHICAL DESCRIPTION OF ASPECTUAL PHENOMENA
 IN MODERN RUSSIAN DIALECTS**

The article addresses the problem of areal variants in Russian dialects of the phenomena connected with grammatical category of verbal aspect and means of verbal action (Aktionsarten). The linguistic geographical description is based on “from the form to semantics” of aspectual units. The notion “local aspectual complex” is used as a complex of dialect aspectual phenomena of a particular territory. Four topical aspectual complexes are defined and presented in the article: universal dialect complex, North Russian dialect complex, South Russian dialect complex and middle Russian dialect complex, close to Russian literary language.

Key words: Russian dialects, aspectology, linguistic geography, grammatical category of verbal aspect, means of verbal action (Aktionsart), local aspect complex.

А. А. ПИЧХАДЗЕ, А. В. РОДИОНОВА

**О ПОРЯДКЕ СЛОВ В СОЧЕТАНИЯХ
«ЛИЧНАЯ ФОРМА ГЛАГОЛА — ПРЯМОЕ ОБЪЕКТНОЕ
ДОПОЛНЕНИЕ» В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ***

В статье рассматривается положение прямого объектного дополнения, выраженного винительным или родительным падежом, относительно сказуемого, выраженного личной формой глагола в изъявительном или сослагательном наклонении. За рамками исследования остаются дополнения, выраженные инфинитивом, личными местоимениями и местоимением **и**, а также дополнения, являющиеся союзными словами в придаточных определительных предложениях, поскольку они всегда занимают начальную позицию.

Материалом для анализа послужили два памятника, переведенные на Руси с греческого в XI—XIII вв., — «Житие Андрея Юродивого»¹ и «Пчела»², а также Новгородская I летопись по списку XIII—XIV вв.³ В переводных памятниках учитывались только те случаи, когда порядок слов в переводе не совпадает с порядком слов в оригинале, т. е. когда переводчик изменил порядок слов по своей инициативе или же когда пассаж переведен свободно и прямых соответствий древнерусским формам нет. Не принимались во внимание следующие расхождения между оригиналом и переводом:

1. Расхождение в результате воссоединения переводчиком синтаксической составляющей, разорванной в греческом оригинале. Например, если в оригинале глагольная форма располагается между атрибутом и объектом, в

* Работа выполнена при поддержке ОИФН РАН (проект «Синтаксическая разметка подкорпуса древнерусских переводных текстов» в рамках программы «Филология и информатика: создание системы электронных ресурсов для описания русского языка, литературы и фольклора» и проект «Синтаксический анализ древнерусских текстов» в рамках программы «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей»).

¹ По изданию [Молдован 2000].

² По изданию [Семенов 1893], данные других списков по изданию [Пичхадзе, Макеева 2008].

³ Авторы выражают глубокую благодарность А. А. Гиппиусу за предоставленную в их распоряжение компьютерную версию Новгородской I летописи по Синодальному списку.

древнерусском переводе место атрибута часто сохраняется, а объект передвигается вперед в препозицию глаголу, оказываясь в контактной постпозиции атрибута: **Велеславнии моужи, јакоже вѣрнии вѣтри, велико потопление творять**, в греч. *μεγάλα ποιῶσι ναυάγια* ‘великие творят кораблекрушения’ Пчела: 177.6—7. Возможно, в таких случаях переводчик стремился не столько изменить взаиморасположение дополнения и глагольной формы, сколько поместить дополнение контактно к его атрибуту.

2. Отсутствие частеречного и прямого лексического совпадения с оригиналом, если взаимное расположение глагольной формы и дополнения в древнерусском переводе то же, что и расположение косвенно соотносимых с ними слов оригинала.

3. Передача греческих сложных слов древнерусскими сочетаниями глагольной и именной формы при соответствии порядка слов в переводе порядку составных частей греческого слова.

Частотность употребления порядка «прямое объектное дополнение» (O) — «личная глагольная форма» (V) в рассмотренных переводных памятниках приведена в таблице:

	Житие Андрея Юродивого				Пчела			
	OV		VO		OV		VO	
	Незав.	Зав.	Незав.	Зав.	Незав.	Зав.	Незав.	Зав.
Всего, в том числе:	41	44	70	51	91	67	91	76
фразеологические соч.	18	25	5	5	27	22	5	1
остальные всего, в том числе:	23	19	65	46	64	45	86	75
дополнение добавлено	8	5	3	3	3	6	8	8
глагол добавлен	1	0	5	2	14	6	1	5
остальные	14	14	57	41	47	33	77	62

Хотя «Житие Андрея Юродивого» и «Пчела» имеют практически одинаковый объем, в целом количественные данные по «Житию Андрея Юродивого» существенно ниже, чем по «Пчеле». Это говорит о том, что переводчик «Жития Андрея Юродивого» гораздо строже следовал порядку слов оригинала, чем переводчик «Пчелы». Лишь во второй строке таблицы данные обоих памятников почти одинаковы — по отношению к фразеологическим сочетаниям установки переводчиков практически не различались.

Фразеологические сочетания

Именно на долю фразеологических сочетаний приходится очень большое число случаев порядка OV (в «Житии Андрея Юродивого» — боль-

шинство). К фразеологическим мы относим в данной статье только сочетания обозначений непредметных объектов с глаголами, имеющими значения ‘делать’, ‘иметь’, ‘давать’, ‘брать’, а также сочетания типа *figura etymologica* и близкие к ним сочетания глаголов речи и звукоизвлечения с субстантивами, обозначающими ‘слово’, ‘речь’. Сочетаниям с глаголами, имеющими значения ‘делать’, ‘иметь’, ‘давать’, ‘брать’, в греческом обычае соответствует одно слово — отыменной глагол, обозначающий действие по соответствующему имени. Статистические данные (вторая строка в таблице) показывают, что порядок OV в них решительно преобладает — в отличие от остальных сочетаний, где преобладает порядок VO.

Вот типичные примеры фразеологических словосочетаний из «Жития Андрея Юродивого»:

се слышавъ андрѣи. о словесѣ семь дерьзновеникѣ вза (θαροσύνας) ‘осмелел’ 97; и нача сѣда повѣсти дѣяти (ὀμιλεῖ) с нимъ сурьскы 1597; что то ксть. похабе. надшене. кже стоа всѣды дѣаше (ὀμιλεῖς) къ стѣнѣ 2225; слыша же хлапъ. нача вѣсты дѣяти (ἀπελογεῖτο) 1599; да не краду николиже. ни да вѣда створю (πορνεῦσαι) 2116; цѣ не вѣстѣ кто владеть. кто ли прелюбы творить (μοιχεύει) 558—559; се видивъ стѣи. блгодѣть вѣзда (εὐχαρίστησεν) бѣ 2258; и не ослабаше лихыми. пожаганикъмъ плотнымъ бѣду кму твораше (ὕπανάγκων) 3760; да колико ми насильа створилъ ксть (βιάσας) лѣквыи дѣмонъ 3795; понеаѣ во члвкъ оумреть. боле того оуже грѣха не творить (ἀμαρτάνει). ни правды творить (δικαιοπραγεῖ) 3976 и 3977; николиже былъ въ цркви. ни комканна взималъ (ἐκοινωνήσεν) 4747; ни азъ его вѣдѣ. кто се есть. иже на ма тажа творить (εἰσπραττόμενος) 1302; прѣхожаше паки на хлѣвнын торгъ оутѣхы дѣла. да вы кму тѣло слы взало ѿ многоаго пощениа (πρὸς τῷ τὸ αὐτοῦ ἀνακτήσασθαι σῶμα) 1762—1763; хоташе бѣ погубити кго ѿ земла. занеже печаль творить (θλίβει) стму дху 3207; да вы не смердѣлъ и гнѣсъ творилъ (σιαίνειν) члвкомъ. достонть. да кго бысте погревалъ 3750; вж(с)тво. кмуже они вѣры не гаша (ἠπίστησαν) 4444; в немже приходаше. купла дѣахомъ (ἐμπορευόμενοι) 5436; нищюще скровена мѣста. да выша слово реклѣ (τοῦ ὀμιλήσαι) 1271;

из «Пчелы»:

Но не надо всѣми сдѣ бѣ местъ творить (ἀπαιτεῖ δίκην) 48.28; аще и ѿ обидимыхъ мсты не принимать (τὴν... ἐκφυγῶσι τιμωρίαν), но вбаче вѣина моуки не оудеть 65.24; Мнози ввычан имоутъ (εἰώθασι) не княземъ оугажатъ, но имѣнью ихъ 121.24; аще же прости стоагъ [колосья], печаль воздожатъ (без греч.) дѣлателемъ 166.19; сице ли ми по(д)башеть стр(с)тъ приати (παθεῖν) 405.8; дѣдъ пако(с) приа(т) (ἐβλάβη) 292.19—20; Аще каннъ... великоу моукоу приатъ (ἔδωκε δίκην), како мы оутечемъ гнѣва вѣина 209.1; Здаре(н) вы(с) стрелюу, азвѣ приа(т) (ἔλαβε τὸ τραῦμα) 293.4; что зло наковъ створи

(ἐβλαψεν) и исавоу 331.16; Тогда ты можеши бл̑годать оу̑ ба испросити, егда самъ бл̑го инѣмъ твориши (χρηστος ὄν) 345.21—22; Никтоже по разроушенъи торгоу коуплю дѣеть (πραγματεύεται) 400.23—24; Елико болма довровазньство приискаша (εὐτύχησαν), толико смиришася 37.7; аще и соуѣдство межн собою имѣкта (πλησιάζει) 41.12—13; ч(с̑)тнѣи же ксть соугоубъ, иже дерзновенья никое(г)же не дасть (ἐπιτρέπων) неправдѣ дѣющимъ 50.2; а иже мнить на(д) чл̑вкы власть имѣти (ἄρχειν) 97.29—98.1; болѣ ч(с̑)ть приимоутъ (ἰόντες εἰς τὰς τιμὰς) 103.29; тако ц(с̑)рю лѣпо свои по(д)роучники миловати, да быша и вни довромысльк имѣли (без греч.) к нимъ 106.14; а мало дающе, како можемъ рещи, тако мл(с̑)тню даемъ (без греч.) 209.22; имъже бо любовь имѣеть (ἔχει... στοργῆς) къ своимъ дѣтемъ, тѣмъ вѣсте, каци были родители къ нему 218.18; лѣчець великоу вазнь имѣаше(т) (εὐτυχεῖς) 319.25; Малата благ(д)тъ великоу пользоу створитъ (без греч.) 90.16; вбычан бо ксть моимъ гражданимъ къ славны(м) гражданимъ славны слы слати (дополнение добавлено) 296.7; а хоульньна слова не испоуститъ (βλασφημῆσης) 441.14; не лагалъ, ни зда что р(ч)е (ἐλοιδορήσεν) 79.21; гл̑ци, тако при насъ хоулоу на тл̑ гл̑ше (βλασφημοῦντος) 117.24—25; р(ч)е аще бы толико оума имѣлъ (ἐφρόνεις), колико рѣчи (оба последних слова добавлены переводчиком), толика бы не молвилъ 310.3; видимо, сюда же: виноу приклады-вае(т) (προφασίζεται ‘изобретает предлог’) моужь, хотл̑ разоучитисл ѿ дроуга 54.18.

Фразеологические сочетания подобного рода широко распространены в старославянских памятниках и более поздних церковнославянских текстах южнославянского происхождения. Словопорядок ОV в этих сочетаниях часто воспроизводит последовательность слов греческого оригинала [Копыленко 1967: 25—27], однако во многих случаях фиксируется в соответствии с однословным греческим эквивалентом — обычно отыменным глаголом [Копыленко 1995: 117—119, 123], а также там, где в греческом оригинале представлена обратная последовательность составных частей сочетания [Там же: 113, 116]. Судя по всему, в утвердительных предложениях без отрицания в древнейших церковнославянских памятниках во фразеологических сочетаниях заметно преобладал порядок ОV. По данным [Люсен 1995], в Евангелиях от Иоанна и от Матфея греческое πιστεύω переводится сочетанием вѣрж ѡти / имати 36 раз, в 26-ти из них дополнение стоит в препозиции, в десяти — в постпозиции⁴, причем все десять контекстов — с отрицанием; греческое μοιχεύω, μοιχεύομαι переводится сочетаниями (прѣ)любы (с̑)творити / дѣяти 7 раз, дополнение всегда стоит в препозиции. В [ССЯ III: 456] приведено 14 контекстов с сочетаниями прѣлюбы (с̑)творити / дѣяти, все с порядком ОV. М. М. Копыленко ци-

⁴ Ио. 8.45 и 46, 9.18, 10.37, 11.26, 20.25; Мф. 21.25 и 32, 24.23 и 26.

тирует 10 примеров с сочетанием **сѣвѣтъ (сѣ)творити** в соответствии с (συμ)βουλεύομαι из Евангелия, Супрасльской рукописи и болгарских памятников X в., все с порядком ОV [Копыленко 1995: 97—98], 3 примера из «Хроники» Георгия Амартола с сочетанием **влоудъ (сѣ)творити** с однословными греческими соответствиями, все с порядком ОV [Там же: 103]. Из десяти иллюстраций на словосочетания **владъ (сѣ)творити**, **владъ дѣлати** в [ССЯ I: 119] девять демонстрируют порядок ОV. В «Заповедях святых отец» — памятнике, переведенном с латыни на рубеже IX—X вв., — **владъ (сѣ)творити** фиксируется только с порядком ОV (9 случаев, в латинском тексте почти всегда однословное соответствие) [Максимович 2008: 110]. Аналогичные сочетания в старославянских и древнейших церковнославянских памятниках использовались и при передаче греческого пассива; из 27-ми примеров, приведенных К. Гадеркой, 25 имеют порядок ОV, два — порядок VO, причем один из них — с отрицанием [Haderka 1956]. При наличии отрицания порядок VO во фразеологических сочетаниях встречается гораздо чаще, чем в утвердительных высказываниях: из пяти примеров с сочетанием **вѣрж ѡти / имати** в [ССЯ I: 377] три имеют порядок ОV, причем один с отрицанием, два — порядок VO, оба с отрицанием.

Некоторые контексты с этими сочетаниями в древнерусских переводах представляют собой прямые цитаты из Евангелия: «**възрѣвыи бо**. **ре(ч)**. **«на жену. такоже възсхотѣти кн. оуже прилюбы ксть створилаъ** (ἐμοίχευσεν) **с нею»** (Матф. V 28) 3098 в «Житии Андрея Юродивого», **прелюбы сѣтворилаъ ксть** (Матф. V 28) 26.3—4 и **не прелюбы дѣи** (μοιχεύσεις), **не ѡбен** (Исх. XX 13) 293.26 в «Пчеле». Многие сочетания, встретившиеся в «Житии Андрея Юродивого» и «Пчеле», нетрудно обнаружить в старославянских и древнейших церковнославянских текстах. Приведенный выше контекст из «Пчелы» **мьсти не приметъ** 65.24 имеет аналогию в переводе Псалтыри с Толкованиями Феодорита Киррского X в.: **мьсти приемлюште** [Копыленко 1995: 111] (в греч. порядок VpartO), а контекст **виноу прикладывае(т)** (προφασίζεται) **моужь** 54.18 близок стандартному клише, употребленному в Деяниях Апостолов XXVII 30 (**виноу творащемъ** = προφάσει) и «Хронике» Георгия Амартола (**виноу створивъ** = προφάσει) [Там же: 97—98].

В «Пчеле» порядок ОV во фразеологических сочетаниях соблюдается очень последовательно. Обратный порядок зафиксирован только в трех контекстах с отрицанием (**не иметь вѣры** 115.10—11; **не имоу вѣры** 117.28—29; **Ѣ възпросимъ** **«какъ не положи закона на сна бивъшаго ѡца** 222.13) и в неудачно переведенном пассаже: **Не завиди добродѣицю иже завидимъ былъ еси ѡ вѣ** (так, вместо **вѣроу**; в греч. λεισθεῖς, должен быть пассив: ‘про тебя поверили’), **«какъ завидимъ кси и того ради како свершенъ** (вместо **сверженьъ**) **бы(с)** 330.7. Кроме того, имеются два контекста, в которых переводчик добавил дополнение, — а в «Пчеле» добавленный переводчиком член чаще помещается в постпозиции: **К томуу иногда антипатръ**

КЛЕВЕТАШЕ НА МТЪРЪ ЕГО ВЕЛИКЫ КЛЕВЕТЫ 146.1—2; САМІ БО, КГДА ТВОРИМЪ ЗЛО, И НЕ РАЗОУМЪЕМЪ 396.25.

В «Житии Андрея Юродивого» ситуация несколько иная: здесь фиксируется 10 контекстов с порядком VO во фразеологических сочетаниях, из них три — при отрицании (НЕ ИМѢХУ ВЪРЫ 3959, НЕ ГИША ЕМУ ВЪРЫ 5822, НЕ ИМУТЪ ВЪРЫ КДИНОЧАДОМУ 4446), а один имеет аффирмативную модальность: ДА ГАЛЪ КСЕМЪ ВЪРОУ ('действительно, по-настоящему поверил') КАКО ПОРУЧИТИ ХОЩЕТЪ Г(С)Ъ ПРАВИТИ ЦРКВЪ СУЩЮЮ СДѢ И ОУПАСЕШИ ЛЮДИ КГО 2295. В остальных случаях трудно усмотреть причины, которые могли бы мотивировать выбор необычного для фразеологических сочетаний порядка: НАРЦИ ИМА ТВОК ІС(С)Ъ Х(С)Ъ И ИМУ ВЪРОУ ИМЕНИ ТВОКМУ 4552; А ИЖЕ НЕ ИМѢКЪТЪ ЖЕНЫ И ТВОРИТЪ БЛУДЪ, И ТЪ ВЪ СВОЕ ТѢЛО СЪГРѢШАКЪТЪ 4612; НЕ МОГЫИ ОНЪ ТИЩАТИ МЪЖЬСКИ ПОСТРѢКАНИА ТОГО, ДА ШЕДЪ, ТВОРИТЪ ГРѢХЪ 3611; ДА КЛИКО ПРИКМЛЕШИ ВЪДУ Ѡ ПЛОТЬСКИА ПОХОТИ И НЕПРИАЖНИ ПРОТВИНИШИА И МЪЖЬСКИ ТЕРПИШИ, ТОЛИКО ТИ СА ПЛЕТУТЪ ВЪНИЦИ 3818; И БОЛЛОМЪ СВОИМЪ, ТВОРАЩИМЪ БЕЗАКОННА, СТВОРИТЪ ПОКАЗНЪ (ταλεινώσει) 5159; ИЖЕ КСЪТЪ ВДАЛЪ ЗАКОНЪ (ὁ νομοθετών) СНМЪ ЧЛВЦЬСКОМЪ 2806 (ср. еще один пример при инфинитиве: ОНОМУ ЖЕ НЕ ПОКАПАВШОСА, НЪ ПАЧЕ БОЛЕ НАЧАЛЪ БЪАШЕ ТВОРИТИ БЛУДЪ 3247).

По-видимому, последовательное употребление порядка OV во фразеологических сочетаниях с непередметными существительными в старославянских и церковнославянских памятниках отражает ситуацию, распространенную в разных языках мира: нереперентные, неопределенные, неиндивидуализированные объекты помещаются перед глаголом, в то время как остальные употребляются как в препозиции, так и в постпозиции или же только в постпозиции [Givón 1984: 214—216; Кузнецов 1989: 40; Hetzron 1975: 372—373; Айхенвальд 1989: 41—46]. В современном русском языке порядок OV характеризует фразеологические сочетания типа *figura etymologica* (*огород городить, разговоры разговаривать, дело делать 'работать'*) в отличие от свободных словосочетаний [Сигал 2006: 77, 80].

В древнерусских летописях фразеологические сочетания, имеющие аналоги в церковнославянских текстах, также имеют порядок OV. В Новгородской I летописи сочетания ДОБРО/ЗЪЛО СЪТВОРИТИ/ВЪЗДАТИ употребляются именно с таким словопорядком: ДОБРО СТВОРИХЪ БРА(Т) МОЖМОУ ОЛѢКСѢ Ѡ ПОГАНЪИХЪ ВЪКОУНИХЪ КГО А ОНЪ ПРОТВИВОУ ЗЛО МИ ВЪЗДА СЛѢПИВЪ МА ЦР(С)ТВО МОК ВЪЗА 64 об. — 65 (Повесть о взятии Царьграда); А МЫ ИХЪ НЕ ГОНИЛІ НЪ БРА(Т)Ю СВОЮ КСМЕ КАЗНИЛИ А КНЯЗЮ КСМЕ ЗЛА НЕ СТВОРИЛИ НИКОТОРАГОЖЕ 107 об. Обычно дополнение имеет при этом определение со значением большого количества или степени, что вообще создает благоприятные условия для порядка OV (см. ниже): В ПОКАНИИ МѢСТО ГОРШЕЕ ЗЛО СТВОРИША 151. В остальных контекстах фигурирует сочетание МЪНОГО ЗЪЛА/ПАКОСТИ (СЪ)ТВОРИТИ: И МНОГО ПАКОСТИ ТВОРАШЕ ДОМОМЪ ИХЪ 34; АЩЕ СЕГО ДОУЖА ѠПОУСТИШИ СЪДРАВА · ТЪ МНОГО ЗЛА СТВОРИТЪ ТВОКМОУ ЦР(С)ТВОУ 71 об. (Повесть о взятии Царьграда); МНОГО БО ЗЛА

створиша · ти оканьнини половчи роуьскои земли 96 об.; слышахомъ тако и вамъ много зла створиша 97 об.; и много зла створиша къпаномъ 119 об.; и корѣла тако же. мно(г) зла створиша волости нухъ 133. Трижды в таких контекстах встретился порядок с разрывом сочетания мъного + существительное: зане много твораху пакости волости новгородскен 46, и много створиша зла и ѿидоша 78; и мно(г) створи пакости по низовьскои земли 162 об. Порядок VO отмечен только один раз: прибѣгоша нѣмьци и заморити · съ житомъ и с моукою и створиша много добра 115. В сочетаниях зъло / добро чинити с характерным для восточнославянского (но не церковнославянского) узуса глаголом (оу)чинити употребляется порядок OV по аналогии с церковнославянскими клише зъло / добро творити: аще бы кто добро дроугоу чинилъ. то добро бы было 136; не тако во бѣ казалъ имъ ц(с)рь нѣмѣчьскыи и папа римьскыи такоже си зло оучиниша ц(с)рюгра(д) 68 об.; и по волости мно(г) зла оучиниша 137.

В Киевской летописи находим аналогичные примеры, вполне единообразные: аще зло на сѣтъ створили. но се мира ницють 365.6—7; емоуже азъ много добра створихъ 348.17; тогда же много зла створиша Половци уколо Переяславлѣ и пожгоша села всѣ 476.17; Мьстиславъ же иде по не(м) до Дорогобужа воюа и жга села. и много зла створи 487.26; и много зла створи волости Полотьскои воюа 495.28; и тамо много зла створиша. Половци 508.21; се бра(т)ѣ Половцемъ есме много зла створили 541.6—7; изъ Вьшегорода. же въгъздаче поганин. и дици с вои. много зла твораху 549.11; много зла створиша села възаша и пожгоша 560.9; и много зла створиша и Мюромьцѣ. и Разаньцѣ. приведоша и пожгоша. около города 597.6; много зла створи кр(с)тъаномъ 612.29; брате и снѣу. много ти есмь добра творилъ 619.17; и велику пакость створиша вно ратнии а вно своѣ 428.5; и стоавше велику пакость створиша села пожгоша. люди повоеваша 506.13; и зла есмь Ѡлговичемъ много створилъ 357.1—2. Обратный порядок зафиксирован только в двух контекстах с отрицанием: а быше не сътворилъ зла ничтоже граду нашему 410.18; Дюрги же не створи имъ насилья 480.7.

Но с порядком слов во фразеологических сочетаниях, не имеющих церковнославянских аналогов, ситуация в летописях совершенно иная. Сочетания възати / дати / сътворити миръ в Киевской летописи представлены с порядком VO в 20 случаях, с порядком OV — в восьми, три из которых встретились в прямой речи при наличии противопоставления: любю с нимъ миръ створимъ любю сѣ с нимъ бьемъ 343.9; схожю на ѿца твоего. а любю с нимъ миръ възмоу пакы ли. а како сѣ с ни(м) оулажу 368.15; а любю с ни(м) миръ възмемъ пакы ли с ни(м) ратью кончаимы 370.9⁵. В Новгородской I летописи в сочетаниях възати / докончати миръ порядок VO зафиксирован 12 раз: и пособи бѣ мьстиславоу и въ городъ галиць въкха а королевница роукама гаша и съ женою и възд миръ съ королемъ а

⁵ Адреса остальных пяти контекстов: 305.26, 393.18, 477.23, 485.8, 522.3.

снѣ кго поу(с) 92; то (ж) слышавъше пльсковичи како приве(д) гаросла(в) пълкты оубогавшеса то(г) възаша миръ съ рижангы 104 об.; и поклониша сѧ нѣмци · кнзю гаросла(в) же вза с ними миръ на всен правдѣ свои 118; новгородци же приѣхаша въ пльсковъ. и взаша миръ чресъ рѣкоу. на всеі воли новгородскон 147; і тоу присла кнзъ дмитриі вл(д)коу тфѣрьского. і докончаша миръ. на двоу ттысачю серебра 161 об.; і иде вл(д)ка дѣдъ во тфѣрь. веснѣ в роспоутѣе. і доконча миръ 157 об.; тоу же приѣхавше послты великты. ѿ свѣіского корола. і докончаша миръ вѣчнныи. съ кнземъ и с новгымьгоро(д)мь. по староі пошлинѣ 163 и др.

Порядок ОV в Новгородской I летописи в сочетаниях взати / докончати миръ возникает главным образом в контекстах, для которых, как будет показано ниже, характерна препозиция дополнения. Прежде всего, такой порядок отмечен 4 раза после союза а в прямой речи: и га кнѧгыню кюръ миханловою. товары понма бе-щисла. а съ изаславомь миръ възаша 74; на поуѣ не идемъ а бра(т)и свои не въдакмъ · а с рижангы ксе миръ възали 105; В лѣ(т)ѣ · ѿ · ѿ · срувиша новгородци городъ новъ. а с литвоу миръ възаша 138 об.; въдагте ми кнзѧ афанасыа. і федора жревьского. а газъ с вами миръ докончаю 159 об. Вне прямой речи имеется один контекст, где фразеологизм также следует за союзом а: тогда литва посадиша свои кнзъ в полотъскѣ. а полочанъ поустиша. которыхъ изъимали с кнземъ іхъ. а миръ възаша 140 об. Кроме того, зафиксировано 3 случая при отрицании с противительными союзами а, нѣ и частицей же, причем во всех случаях дополнение миръ представляет собой повтор, отсылающий к уже упомянутому в предшествующем контексте объекту; и та(к) възаша безъ мира лѣ(т) все... кнзъ поу(с) к нимъ жены · бори(с)вю глѣ(в)вю · ми(ш)нцю · а мира не възаша 116; Въ то же лѣ(т)ѣ · ходи археп(с)пъ нифонтъ · соуждалю мира дѣла · къ гюргеви и пригатъ и съ любѣвью гюрги... и посла съ цьстню новоугородоу · нѣ мира не да(с) 25 об.; і сослаша с поклономъ. просаще мира. новгородци же мира не даша 156 об. Во всех трех случаях глагольная форма с отрицанием является носителем рематического акцента. Наконец, препозиция дополнения встретилась при бессоюзном соединении: и поусти мьстиславъ · сѣосла(в) и моу(ж) кго · а всеволодъ поу(с) гостъ съ товары · хр(с)тъ человаста и миръ възаша 76 об. Интерпретируя эти примеры, следует учитывать, что в предикациях, присоединяемых союзами а и нѣ, препозиция дополнения в Новгородской I летописи вообще решительно преобладает (см. ниже).

Таким образом, порядок слов во фразеологических сочетаниях отличает летописи от переводных памятников. Данные летописей показывают, что порядок ОV в сочетаниях с глаголами, имеющими значения ‘дать’, ‘взять’, ‘делать’, ‘иметь’, не был характерен для древнерусского узуса; он воспроизводился в клишированных сочетаниях, заимствованных из церковнославянского, в то время как сочетания такого рода, не имевшие церковнославянских аналогов, в отношении словопорядка, по-видимому, не были противопоставлены свободным.

Свободные сочетания

Статистические данные после вычета фразеологических сочетаний из общего количества релевантных фактов (третья строка таблицы) показывают, что переводчики ЖАЮ и Пчелы гораздо чаще предпочитали порядок слов VO, чем OV. Это проявлялось и в тех случаях, когда переводчики следовали словопорядку оригинала: в «Пчеле» три четверти сочетаний, в которых сохраняется словопорядок оригинала, имеют последовательность VO и только четверть — обратную последовательность. Особенно явно предпочтение порядка VO в «Житии Андрея Юродивого». Поскольку переводчик этого памятника вообще отступал от словопорядка оригинала реже, чем переводчик «Пчелы», можно предположить, что, когда он решался на перестановку, давление древнерусского узуса было особенно сильным. Поэтому удобнее начать рассмотрение перестановок именно с этого памятника.

«Житие Андрея Юродивого»

Порядок OV

Контексты, в которых переводчик «Жития Андрея Юродивого» предпочитает порядок OV, довольно однообразны. Значительную их часть составляют случаи, когда объект обозначен указательными местоимениями.

Местоимения

Местоимение ср. р. ед. ч. **се** 5 раз вынесено в препозицию в независимых предложениях и 9 раз (т. е. в большинстве имеющихся контекстов) в зависимых: **се же все блжнны съблюдаше въ ср(д)ци своѣмъ** 341; **плакашася немало. и бишася мнѣше како право демонъ. се кѣмъ кѣсть створишь** 163; **кгда се гадѣхъ. мнѣхъ како въ мѣро бѣи приложишася кѣсть сласть си** 287—288; **тъ вѣдаше дѣла своѣго оугодника и чего дѣла се твораше** 1823; **да како се слыша кроткыи дѣхомъ. прослезивсѣ авиѣ по отроцѣ. поиде** 3845; **аще се твориши второе. да третнее будеши не створишь** 3969 и др. Местоимение **се** выполняет здесь анафорическую функцию, отсылая к информации, сообщенной в предшествующем контексте. В аналогичной функции встретилось в препозиции и местоимение **тъ**: **что ли кѣсть черныѣ онъ. ни то товѣ кѣсть другъ. но ты того кси видилъ николже доселѣ** 2846.

Кроме того, трижды в препозиции в независимых предложениях отмечено местоимение ср. р. ед. ч. **всье**: **все ми нелажеу твоѣа сѣгныи сказа** 1306—7; **да то** (т. е. 'тот') **ѡтѣдѣ все повѣдаеть намъ** 5915.

Большую часть добавленных переводчиком в препозиции дополнений составляют те же местоимения: в шести случаях переводчик вставил ме-

стоимение се (се же створи англь г(с)нь 1628; таже есмь хотѣль глти. а выхъ былъ с тобою. се нына глю и поучаю 6040 и т. п.), в четырех — местоимение все (да такоже все кмү исповѣдавъ (вместо исповѣда). вздохнүвъ. прослезиса 3516; и же ксмь и азъ дѣталъ. все ми исповѣда 1709; жена же. кlicko повелѣ ки кпифанъ. все створи 3529; он же все по радү исповѣда 3536), в одном — местоимение тѣ: и такоже молния жежьтъ змя. того са не прю 4369 (еще один пример, в 5040, сомнителен).

Противоположные замены, т. е. вынесение перечисленных местоимений в постпозицию, малочисленны: нѣ кмү надоби никтоже. иже во кмү ксть рекль се 187; кто бы семь частъ показалъ юго тѣмь. иже то невѣдуще хулатъ сего 1874; вѣра твога добрага. та ти ксть створила все се 3581—3582; не мни же. тако бѣ тако ксть оумудриль вса и стль и избралъ 3150; он же оубоавса. запрѣса. тако не створили есме того 2018. Возможно, порядок слов в приведенных контекстах определяется тем, что почти все они находятся в придаточных предложениях, для которых в «Житии Андрея Юродивого» вообще характерна препозиция глагола (см. ниже). В следующем примере постпозиция местоимения съ вынужденная — в случае препозиции контекст был бы неудобочитаемым: югда же господинъ кго купи сего и съ прочими се вѣаше младѣи всѣхъ плотнымъ взоромъ 19. В контексте оутрү же вывшю. исповѣда жена къ кпифанови все. кlicko ксть видила 3548—3549 вынесение местоимения в конец, видимо, связано с тем, что оно указывает на объект, к которому относится следующее за ним придаточное (в оригинале в качестве объекта выступает субстантивированное пассивное причастие, за которым следует местоимение-атрибут, а затем глагол: ‘виденное всё поведала’). При добавлении объекта, выраженного указанными местоимениями, он также помещается в постпозицию гораздо реже, чем в препозицию, — отмечено только три примера: и такоже вѣ въ снѣ видилъ в нощи. исповѣда кмү все 3355; створю все. кlicko ми кси заповѣдалъ 2929; днвалшеса. тако проре(ч) кмү все. кли (так!) са кмү хоташе створити 2693 — в двух последних случаях местоимение могло быть добавлено в постпозиции, потому что от него зависит следующее далее придаточное предложение. Еще в одном контексте местоимение оказалось в постпозиции при добавлении глагола: ползѣ во дѣла написахъ се 4814.

Иногда встречается постпозиция дополнений, имеющих анафорическое местоимение в роли атрибута, ср.: да тако нища милүга. дааше кмү вса оны фүники 1510; текше же и нѣкомѣ повѣда чю(д) то 6137; да тако(ж) окѣси сочива того. неизреченьнаа сласти исполниса 1430; и особенно: да такоже красною унү держаше вѣтвь. възрѣвъ на ма. ре(ч) 748 (в греч. дополнение перед глаголом в контактной позиции с атрибутами). Однако два последних сочетания находятся в придаточных предложениях, а для придаточных предложений в «Житии Андрея Юродивого» обычным является порядок VO (см. ниже).

Эмфаза

Важно отметить один несомненный случай эмфазы с порядком ОУ — объект здесь выражен местоимением **тѣ**, которому предшествует усиительное **и** в значении ‘даже’: **ци се непраныи рѹбѣ. в немже хожю. и раздраныи. да и тѣ ти вдамъ** 2066. В то же время при присоединительном **и**, имеющем значение ‘также’, дополнение стоит в постпозиции: **взѡ саванъ и амафоръ... дѣмонъ науоуи кго снати и срацию** (в греч. такой же порядок) и **оставити тѣло наго. кже и створи. да кгда взѡ и срацию... двѣца. оудари кго за скрань** 2655—2656.

Лексема **богъ**

Обращает на себя внимание вынесение в препозицию дополнения, выраженного словом **богъ**, отмеченное три раза: **много же и пощашеся и бдаше. и ба съ слезами молаше** 3757, дважды — при противопоставлении: **оканъне и лишене бѹди. тако ба сѡ кси не богалъ. ни ангълъ кго. да понѣ тако и ты члѣкъ кси. да стыдитисѡ бы было товѣ видити женскою тѣло обнажено** 2663—2664; **да аче сѡ ба не бонши. да понѣ члѣкъ сѡ постыди** 4778.

Остальные случаи

Возможно, в двух сочетаниях порядок ОУ объясняется их близостью к фразеологическим оборотам, т. е. клишированностью: **а вѣторыи [царь] воа сбереть... и пожнетъ на воинѹ** (словам **воа сбереть... и пожнетъ на воинѹ** в оригинале соответствует одна глагольная форма ἐκιστρατεύσει ‘выступит в военный поход’; с этой фразы начинается новый период — рассказ о царствовании нового царя) 5284 (но ср. далее: **а третии паки изидеть изъ града сего и оустронтъ воа** (στρατολεδεύσει) Ѡ фрѹгѡи 5290—5291); **по правѹ ли се глѹтъ. тако илѡи пр(ѡ)ркъ на колесъници гзѡда грѣмитъ и молниѡ пѹщаетъ** (ἀλαστράτων) **по облакомъ. и гонитъ змѡиѡ** 4333—4334 (но ср. чуть ниже: **но не стѹи илѡи пѹщаетъ молнию** (ὁ ἀστράτων ἔστιν) 4370).

Трижды дополнение вынесено перед глаголом **имѣти**: **добраго дѣла имѣахѹ отроци ти** 570; **да мнози мнать. тако члѣвцько лице имѣе(тѣ)** 5708; **образъ кси имѣлъ молниинъ. да почто сѡ кси створиѡтъ темнообразенъ** 2861 — но это последнее предложение находится между двумя другими с аналогичной конструкцией и порядком ОУ как в оригинале, так и в переводе, так что можно предполагать выравнивание порядка слов в переводе. Любопытно, что в двух контекстах, в одном из которых переводчик добавил дополнение (Ѡ главы бо и до персии ластовиць бо **образъ имаше**. а ниже кго славѡи **образъ имѣаше** 2398), а в другом — глагольную форму (дѹхѡи бо дѹхѡи **имѣють. а земни земнаѡ имѣють** 5585), тоже фигурирует глагол **имѣти**, причем он оба раза находится в постпозиции. Можно было бы думать, что порядок ОУ в этих контекстах объясняется влиянием

фразеологических сочетаний, в образовании которых часто участвует глагол имѣти. Однако есть и контрпримеры: азъ страница есмь сдѣ да имѣла есмь тажю 1161; ксть же образъ лороподомъ симъ члвцьскъ. а плеснѣ мѣсто имѣють змѣквы главы 2704—2705.

Придаточные предложения

В придаточных предложениях перемещение дополнения в постпозицию встречается многократно, в то время как перестановки в обратном направлении осуществлялись переводчиком редко — практически только в тех случаях, когда дополнение выражено местоимениями се или все (контексты приведены выше). Несколько других случаев препозиции дополнения в придаточных предложениях уже разбирались в связи с определенными типами контекстов — характеризующихся близостью к фразеологическим оборотам (4333—4334, 5708) или содержащих слово вогъ в качестве дополнения (2663—2664, 4778). За вычетом этих фактов остается только два примера: сотона во ходитъ по члвцьѣ. да вѣдомо се есть. тако дѣла его видитъ 562; не вкѹшаа ничгоже. тако сотона многомъ вѣаше ср(д)це оужеститъ. да быша емѣ не далѣ николиже ничгоже 606—607 (дополнение в последнем случае добавлено переводчиком).

Порядок VO

Отрицательное местоимение

В постпозицию переносится дополнение, выраженное отрицательным местоимением, — 12 раз в независимых предикациях и 5 раз в зависимых: сѣдѣвъ же днѣ той всѣ въ оҹи не вкүси ничгоже 202; вѣзра сѣмо и онамо. да такоже не види никогоже. вѣздѣ рѣць горѣ 627—628; вѣзбрани кмѣ. да не створитъ ничгоже 3004; повѣдаеть намѣ. тако родѣ нашѣ не вѣсть ничгоже 5916; иного не хоцю ничгоже (οὐδὲν ἔτερον βούλομαι) 3413; то же по свокмѣ обычаю не взимаше ни оҹ когоже ничгоже 1487; и не имѣкмѣ сдѣ ничгоже. все течеть и все прѣходитъ 3825 и т. п. Возможно, влиянием этой модели объясняется порядок слов в контекстах с дополнениями, имеющими отрицательное местоимение в качестве атрибута: о градѣ нашемъ да си вѣси. тако до кончины не вонмса ниединого яззыка 5119; аще ли бы былъ не друтѣ твои. не бы слышалъ ѿ мене ниединого слова 1561; он же клатиса нача и ротитиса. такоже. «не оүкүсилъ ксмѣ ѿ него ниединоа крүпица» 2431. Препозиция отрицательного местоимения изредка встречается в соответствии с греческим оригиналом (4772).

Остальные случаи

Случаи, когда переводчик «Жития Андрея Юродивого» предпочитал порядок VO, многочисленны и разнообразны. Такой порядок зафиксиро-

ван несколько раз во фразах, с которых начинается новый эпизод в повествовании, т. е. при экспозиции новой ситуации: **вечеру же наставшию. оверѣте годину лишенникъ и шедъ.** ѿвали камень ѿ гроба и **виде во нь** 2650; **на второе же на ꙗꙋ лѣѣ(тѣ) ц(с)ртва своѣго не возьметъ ни дани. ни даровъ** 5153—5154 (в греческом оба однородных дополнения предшествуют глаголу).

В некоторых случаях передвижение дополнения в постпозицию обеспечивает ему контактную позицию с зависящим от него придаточным: **да искалъ ксмъ вины.** како та бы привести к **сеѣѣ** 3442—3443; **шедъ же ко г(с)нѣ своѣмѣ. повѣда кмѣ оруды.** на неже **бѣаше посланъ** 1913 (в греч. букв. ‘чтобы дело послания своего возвестить’); **много же са емѣ молихъ. да вы ми повѣдалъ** поне **едино слово.** еже емѣ **есть р(с)но ѿ га ис(с)а** 1115—1116 (последний пример, впрочем, не показательен, поскольку в придаточных предложениях в «Житии Андрея Юродивого» дополнение обычно стоит в постпозиции, см. ниже). Видимо, аналогичный механизм лежит в основе перемещения дополнения на второе место непосредственно перед зависящим от него несогласованным определением, при котором имеются зависимые слова: **виноград... кгоже лозник имать образъ** (εοικόντα) **камени драгаго лѣхнита** 840—841; **аще прѣстѣпиши словеса** (παρομοῦσεῖς) **бѣлишвиыхъ сиухъ оустъ. въ великѣ бѣдѣ хоцещи впасти** 5991.

Дополнение в постпозиции в ряде случаев называет объект, упоминавшийся в предшествующем контексте: **он же пакы вда кмѣ горкок.** **потомъ сладкок** 317; **да ѿстѣпивъ ѿ обою.** **постиже преподобнаго и р(с) емѣ...** 579; **клепавшем же ве(с)рнѣю.** **створиша цркъв** 4927. Отметим случай, когда в постпозиции стоит контекстно определенное дополнение: **по слѣдѣ вонн тои ше(д)ши.** **оверѣте мѣсто** (то, из которого исходил запах) 6134 — объект является неназванным участником предшествующей ситуации. Можно предположить, что в следующих контекстах определенность дополнения релевантна для определения смысла: **повелѣхъ отрокѣ.** **да створишь слѣжѣ** (τὴν ὑπηρεσίαν ἐργάζεσθαι). **отрокъ же повелѣное емѣ нача стронти** 674 (речь идет не о прислуживании вообще, а о конкретном поручении); **да останитеса кго.** **да шедъ творить безумы** (в авторитетных списках добавлено: **свое**, τὴν ἐξήχῃαν αὐτοῦ ἐργαζόμενος) 486—487 (не безумие вообще, а привычное Андрею юродство). Однако нужно принимать во внимание, что в придаточных предложениях в «Житии Андрея Юродивого» (особенно с частицей-союзом **да**) дополнение, как правило, стоит в постпозиции.

Вообще порядок VO встречается как при определенных, так и при неопределенных дополнениях, причем при разнообразном лексическом наполнении: **сущю же кмѣ тѣ. нѣцѣи х(с)олюбци даахѣ кмѣ цаты.** **видаще кго охоудѣвша** 1764; **зрите. тако бѣшени онъ. такоже песъ. тако лобызакѣтъ нозѣ** **вишаго кго** 1805; **право бѣлиши бѣшена. и ты гѣши безвѣстная и танна** **ѿ смѣщенна дѣмоньска** 2646; **азъ положю дшо** **мою за сего** 1984; **ти во ходаще.** **кѣпладѣ кмѣ шеѣдъ** (εψόνιζον) 5088—

5089; не пүститмъ кго нага нъ владимъ кмү понѣ рогозинѣ ветху 514; по праву ли се гл҃ють. тако илиа пр(о)ркъ на колесънници газда грѣмить и молниа пүщакѣть по облакомъ. и гонить змиа 4334; а они друзѣи ножи друзѣи дрѣво и колык. и меца. и копыта. друзѣи же ношаху оужа 209.

В придаточных предложениях разного типа дополнения перемещаются в постпозицию довольно часто (см. таблицу).

«Пчела»

Порядок ОУ

Местоимения

В «Пчеле» также встречаются в препозиции анафорические местоимения сь и тъ: Лаконъ. Его (вместо Его, так в более авторитетных списках) нѣкто въпрашаше 12.16; аще и паче мене того ненавидите, но азъ не ѿгону 88.28—89.1; аще бо кого моученикѣмъ и ранами престати ноудншь ѿ прегрѣшенъа, то и того (*не) пользуеши и на вражъство възвращаеши 227.1; Деръзнути прости могоутъ многаж(д)ы, но не вси оумѣють въ подобно время того творити 266.9; Вонномъ достонны(м) (вместо достонно) всегда оу ба (*просити) полезноа брани развѣи кдиноа силы тоу бо собою кто привбращеть и погоубить 413.4—5 — в последнем предложении вторая часть, присоединенная при помощи сочинительной связи, эквивалентна определительному придаточному: ‘кромѣ одной только силы, которую каждый сам приобретает и губит’. В препозицию перемещаются и дополнения, имеющие анафорические местоимения в качестве атрибута: Съ вы(с) мегаринскыи философъ. Дмитрию же ц(с)рю въземъшоу чьство кго, на расхыщенникъ въдавъшоу, иже того философа плѣннша приведоша и пре(д) цра 172.5; понеже и ти тако же влзаные носать на себѣ 185.18.

Эти же местоимения употребляются в препозиции и в качестве отсылки к последующему, т. е. в функции катафоры: Блжитъ гѣ не ве-стр(с)тї живоущихъ... но сихъ блжити (= блжитъ), иже на Ѹстремленне кстьственок съ медлостью шдва двигнутъса 29.24; се оучилъса есмь, тако не вѣмъ ничтоже 343.11; в следующих случаях дополнения добавлено переводчиком: аще и мл(с)тынню твориши имъже гравнши, то преже тѣхъ помлоуи, ихъже кси гравилъ 208.9; не того бо смотраше, а бы себе оубилъ 379.2—3. В той же функции в препозиции выступают и указательные прилагательные от местоименных основ: и смѣртное число на са и на оноу възлагаеть и таковаа пишеть 404.20 (далее цитируется текст завещания), а также дополнения, имеющие указательное местоимение в качестве атрибута: такъ бо вещество имѣеть си вещь 76.19 (далее разъясняется, в чем состоит природа милостыни).

Местоимение вьсь почти всегда помещается в постпозиции: азъ же гл҃ю, тако не владѣющ(х) безоумник, но нашъ грѣхъ искривлаеть все 238.11 (и глагольная форма, и местоимение добавлены переводчиком). В остальных контекстах местоимение добавил переводчик, причем постпо-

зияция местоимения связана, по-видимому, с тем, что оно предваряет зависящее от него придаточное (такоже и моудръ моужь просвѣщаеть вса, елико прикасаются словесномъ кстьствоу 164.19—20; велико дѣло ксть, иже кто оучить вса, ихъже жадають 38.21—22) или является обобщающим словом для последующего перечисления: аже бы былъ оумъ звѣремъ, а вы поставилъ вѣкоупѣ вси, кони, волы, псы, тоу бы испыталъ, аже кормать роженіе родивъши(х̄) 218.27—28 (анализируя последний пример, нужно иметь в виду, что в придаточных предложениях, вводимых частицей-союзом **а**, представлен только порядок VO, см. ниже). Единственный контекст с препозицией не вполне надежен — переводчик, возможно, добавил глагол, хотя в некоторых авторитетных списках «Пчелы» глагола здесь нет: Моужь несытъ, аще и оубогъ ксть, но вбаче оумомъ лоукавы(м̄) всего жалають 131.10.

Сближение однокоренных слов

Своеобразное явление представлено в контекстах, где дополнение или его атрибут отсылает к предшествующему слову, отчасти совпадая с ним материально — будучи образованием от того же корня: Иже ѿ мала мала дають бѣгатымъ, то ничтоже блг(д)ти творить 89.18; аще бо и долнаа соугоубина оуата ксть, но выше на лицѣ соувѣ (вместо соугоувѣ) вчи имѣеть 30.21—22; грѣхъ же родивъса родивъшаго оума стережеть (вместо тережеть) печальми 238.3; силоу свою и крѣпость показана не токмо имже водещи соупостаты, но имъже и воденьк ѿ нихъ стерпши 41.1—2; Не бѣгатыи блжнъ, но иже бѣгатьства не тревоуеть 131.23 (здесь, кроме того, представлена сентенция с отрицанием, см. ниже); Тажько стажанык к(с) злато и стажавъшихъ к въводитъ въ адъ — легко же и высоко ксть добродѣянник, и лѣтающи(х̄) межи крילוу ксть (вместо кго) възводитъ на высоту ц(с)ртвннн нб(с)наго 129.9 и 11—12 — в последнем случае дополнение лѣтающи(х̄) отсылает косвенным образом к словам легко же и высоко ксть. В следующих контекстах переводчик добавил прямое дополнение: въздержактъса ѿ сласти не иже разлоучактъ(с) отиноу(д), но иже сласти тревоуютъ щадаса 34.1 щда во не токмо роженіе назнаменаетъ, но аще и по роженіи роженаго любить 98.22—23. На препозицию дополнения в следующем примере, где глагол добавлен переводчиком, могла повлиять также семантика большого количества (см. ниже): дары же вошца емлютъ ѿ... ц(с)ра, иже боле ча(д) приживоутъ 368.1.

Эмфаза

Как и в «Житии Андрея Юродивого», в «Пчеле» есть несомненный случай эмфазы с порядком OV, где дополнению, выраженному местоимением **тъ**, предшествует усилительное **и** в значении ‘даже’: аще выхъ вѣдалъ сню свитоу вѣдающеу (военную тайну) и тоу сволкъ выхъ и въвергъ въ вгнь 196.17.

Противопоставления и сопоставления

В «Пчеле» довольно часто фиксируется порядок ОВ при противопоставлениях и сопоставлениях разного рода. Прежде всего, препозиция дополнения представлена при однородных сказуемых после союза **а**: **достонно възпоминати, тако члвкъ сы, власть пригалъ ксть равно боу, да ны** (вместо **бы**) **бествената и лоучышага избралъ** (в греч. обратный порядок), **а безъзаконъната ѿметалъ, а моудрости члвчьскыа потребовалъ** 110.4—5; **Гроза безъмнаго акы шюмъ морьскын вблывающе брегъ, а сѣножати не напаваютьъ** 358.28—29; **гоубаче** (вместо **коупаче**, т. е. 'совершая покупки') **во во истинуоу оумалаютъ имѣнык, а телесноюу силоу преломать, а дшю безъвременномъ** (вместо **безъмѣрномъ**) **житык(м) потопать** 248.20; **на запрѣщающихъ ѿ злаго поутти гнѣваются, а водащихъ на зло хвалать и милоуютъ** 123.2—3 (в последнем контексте оба глагола добавлены). Во всех этих случаях дополнение является темой; если же оно входит в состав ремы, то переводчик перемещает его в постпозицию: **имже ѿложи(м) га(ж) излиха е(с) житию ншмю, а прѣиме(м) едина потре(в)ната естеству** 139.24. Не является темой и дополнение, добавленное переводчиком в следующем контексте, — оно входит в рему: **Аще ли ба дѣла не постражеша что зла, но ѿ члвчьскыа напасти, а благодарншь ба, а хоульна слова не испоустѣтъ** (вместо **испоустѣшь**) 441.13.

Препозиция дополнения имеет место также при противопоставлении однородных дополнений, соединенных сравнительным союзом: **дѣкмата во възрѣ** (вместо **въбѣрзѣ**) **кто прищеть, неже ноужное** 102.5—6; **Моужъ велеоумнын дерзновеник ѿ друга прикметъ, нежели ласканик ѿ врагъ** 120.29. Однако с противительной частицей **же** встретился обратный порядок: **Блжнъ моужъ, иже имѣить житык высоко, оумъ же смѣренъ** 316.9 (в греч. глагол между первым и вторым дополнением).

Еще одна ситуация — контрастное противопоставление подлежащего и дополнения или двух дополнений в количественном отношении: **и р(ч)е едннъ поваръ тысаща швецъ не помьнитъ** 399.16—17 (ср. похожий контекст: **едино лѣто четьре часы имѣеть временныа, и едина строка временнаа многы измѣны вешьныа подасть** 415.26—27, однако он непоказателен, поскольку, во-первых, в оригинале атрибуты дополнения стоят перед глагольной формой и дополнение могло быть перемещено в препозицию для восстановления контактной позиции с ними, а во-вторых, словопорядок второй части фразы мог быть выровнен по словопорядку первой части, где он соответствует порядку слов в оригинале); с дополнением, добавленным переводчиком: **Съ прасъ съ раздавающимъ имѣнын без оума влоуднымъ, и ѿвѣща, тако ѿ множества мало искачаемъ** 364.24—25. Дважды зафиксирован обратный порядок, однако он может объясняться особыми причинами. В первом случае — **аще оустроилъ бы** (вместо **богъ**) **едино тѣло, а дшъ много имѣян** (вместо **имѣян**) 63.22 — за дополнением следует причастный оборот, а в такой ситуации переводчик был склонен не отрывать дополнение от причастного оборота (см. ниже), тем

более, что их контактная позиция в данном контексте подчеркивает противопоставление. Во втором случае глагол добавлен переводчиком: **Иже въ семъ житини, тѣ(м̄) пциса, паче же ѡ моудрости, да въмѣстиши велико въ малѣ, оума блга въ калынѣ тѣлѣ** 20.11 — однако в придаточных предложениях с частицей/союзом **да** порядок VO в «Пчеле» является обычным (см. ниже), а кроме того, отрывать слова **велико въ малѣ** от разъяснения **оума блга въ калынѣ тѣлѣ** было бы нежелательно. Впрочем, ввиду малочисленности примеров трудно определить, какой словопорядок был предпочтительным в контекстах такого рода. Возможно, переводчик стремился контактно расположить противопоставляемые члены, а положение дополнения по отношению к глаголу не играло роли.

Порядок OV преобладает также при сопоставлении и противопоставлении актантов, находящихся в соседних предложениях периода при синонимичных или идентичных сказуемых: **Оуношѣ бо старѣишихъ мдр(с)тъ притажактъ** (вместо **притажаютъ**) **оумомъ, старѣи же сѣцою в ни(х) хытрость оумножаютъ** (имеется в виду: **оумомъ**) 21.26; **Мало просаще и недостойно дающаго, безоумнемъ ѡсоужени боудемъ** аще **велика просимъ, сирѣчь вѣию свѣтлость и славоу. то велеоумнии наречемса** 143.26—27; **Млези млекоу (вместо млеко), боудеть ти масло** аще **ли ноздри гнетещи, изидеть кровь** 337.7; и р(ч)е^е **рыболове мокротоу морьскою терпаль рыбѣ ради, а азъ како не стерпялю слинъ, да бы(х) члвкa прихвѣлъ** 444.11; **Мертвоадци птици оумаражтъ моуро** кѣство ихъ на зловоннага и на тлѣннага влечетса, а завидливи добровазнькѣмъ дроуга аки моурω(м̄)... **истлѣють** 332.9—10; они бо мртво **тѣло фдаль, а си живыи души погоубляють** 123.21—22; **Иже тѣлоу своему оугажактъ, тѣ не себѣ оугажактъ, а иже сътажаник хранитъ, тѣ ни себѣ оугажактъ, ни имѣнию** 137.5—6; **Не та пшеница добра мнѣтса, иже на добрѣ поли пожата, но таже полонна и на пицѣ оугодна к(с)** такоже и **моужа расоудимъ** не ѡ славнаго рода, но ѡ нрава 370.8 (в трех последних контекстах глагол добавлен переводчиком). Обратный порядок отмечен реже — прежде всего при опущенном во второй части сказуемом: **зане оубиница смрти предавае(т) тѣло, а уни дшю** 216.16; **Мѣри боле любать сны, такоже могутъ помагати имъ, а ѡци дщерь, зане потребуютъ помощи ѡ ѡцѣ** 219.18; **(Д)иственнага трасанна оустрашають зааци, а моужии некрѣпкихъ стѣнь невещьнии** (вместо **стѣнне вешьнии**) 224.8—9; **Бещестък** (вместо **Бещиньк**) **назнаменаеть самовластьк, чинъ же авлають** (вместо **авлакть**) **вл(д)чствѣющихъ** 97.10; **дымъ прогонитъ бчелы, пыанство же ѡженеть дарованна дховьнага** 260.15; **Схиднѣ распорють чрево таже ражактъ(с) ѡ неа, а таннага словеси погоубать не могущихъ хранити га** 308.10—11; еще в одном контексте глагол добавлен переводчиком: **Не стажаник добывактъ дроуга, но дрѣгъ стажаник** 67.9—10.

Если в противопоставлении участвуют не только актанты, но и предикаты, то дополнение тоже чаще находится в препозиции: **Иже моудрость**

соуѣтноюю изволиша, а истинъноюю мдр(с)ть, иже ксть хс, ѡриноуша, ти оуподовишася нетопыремъ 162.16—17 и 17—18; добро ми се, вже тагость ѡриноухъ, а въ семъ вретници вста(х) ѳилософью оучити 180.5; со-ѳоклитъ, твои дроугъ, того не творитъ, но рабы слеть коупитъ (т. е. ‘сам не делает, но рабы посылает’, *toũto dià doũlou poiẽi*) 142.12; Проганяютъ добрыа и (вместо иже) злыа щадать 390.29; Идолъ на твердѣ мѣстѣ стоа свок подобик ѡдавакть, моужь же не подвигагася ѡ правды совѣ красоты ищеть 233.28—234.1 и 234.2—3; Блоудныи ксть моужь то иже ч(с)ти ищеть совѣ, а страды вѣгаеть, ѡ неаже и ч(с)ть ростеть 270.21. В следующем контексте глагол добавлен, а определение при дополнении является носителем рематического акцента: Мнози славолюбыа ради свѣтло и гордо живоутъ... а идеже невидимо данье тревоуютъ, (*тоу) шмрачаютъся 362.16. Однако в развернутых полипредикативных периодах с такой структурой фиксируется порядок VO: Книголюбець мало пици и питыа прикъмла стонтъ межи смртью и бесмртне(м) смртно (вместо смртна) во тѣла дѣла прикъмлетъ ноужнок, и дша его, бесмертна жаелающѣ, многоцѣнныа пища не ищеть 140.18; Насильнага дѣяниа, аще по правдѣ творатъся, но вбаче шпечаливають ноудимыа. кротци же и смѣрении многы ѡ дивъихъ ласканыкъмъ нѣкын(м) прикротиша, печаль же и стра(х) възматетететь и и възстритъ страшнаго и немощнаго 347.2—3; шна во поноужакть моужа (дополнение добавлено) на блгоч(с)тък, си же разлоуцакть ближнаго ѡ своего дроуга 333.1—2; Житѣе слова не тревоуетъ, само во са гавлакть, слово болѣ тревоуетъ житыа 150.24 (здесь утвердительная модальность последнего сказуемого противопоставлена отрицательной модальности первого); Ѣкоже слнце просвѣщакть шчи всѣмъ имѣющимъ, такоже и моудръ моужь просвѣщакть вса... 164.17—18; Иже оучитъ оунимающихъ, имѣникъ (вместо имѣикъ) оутѣшеник слово (вместо словоу или -а) покореник въноушающи(х), а иже часто оучитъ, а не въ послушъство, то вольшик ч(с)ти достокнъ ксть 148.28—29. Такой же порядок находим в риторическом вопросе: аже борци и гоудьци не насыщаютъ чрева ѡ многыа пища и въздержатъся, шни гла(с) ради, шви же крѣпости дѣла, мы же не преввидимъ сласти ради цѣломудриа 35.20 (т. е. ‘неужели не презрим сладости?’).

Интересны контексты, содержащие парадоксальную информацию с препозицией дополнения: црѣ воина свое(гв) вонтста, вене(ц) ношаше и поношенїа вогашетста 293.11 (возможно, здесь переводчик намеренно выдержал параллелизм с сочетанием вене(ц) ношаше, чтобы смысловое противопоставление было более ярким). Однако имеется и контрпример: ризы многоцѣнныа покрывають е-ѳинпа (‘драгоценные одежды покрывают дикаря’) 297.1—2; дополнение здесь является носителем рематического акцента. Вынесенное в препозицию дополнение, являющееся носителем рематического акцента, может выполнять катафорическую функцию, т. е. отсылать к последующему: Много добра приверѣтакмъ дыволомъ, вже хоцемъ 225.5 (далее объясняется, что это за добро).

Слово **богъ**

Как и в «Житии Андрея Юродивого», в «Пчеле» несколько раз оказывается в препозиции дополнение, выраженное словом **богъ**: **Невозможно заблудити ѿ бѣственаго поугти, аще дшѣ ба не заблудууть** 322.19; **богаше бо са свѣтини кго, бѣдимъ и ба поминакмъ** 225.8; **Аще бо любимаго кто видѣ или въспоминана оубоужакътса дшею и высокъ бываеть оумомъ, вса радъ терпитъ, питатася паматью' кольма паче, иже ба поминнаеть** 323.17—18 (здесь, кроме того, имеет место сопоставление); в одном из этих контекстов глагол добавлен переводчиком: **Боу требованья нѣ(с) ни ѿ когоже, ц(с)рь же ѡдино ба тревоуетъ** 100.10.

Сентенции с отрицанием

Часто дополнение находится в препозиции в предложениях общего характера с отрицанием: **Иже огнемъ злѣ болатъ, и брашна не принимаютъ и силоу погѣбатъ** (τὴν ὄρεξιν καὶ τὴν ῥώμην... διαφθειρεσθαι) 344.5; **Дша несмысленаго спасающаго слова не принимаютъ** 360.11—12; **Бѣлини бо власи никоже (*никогоже) не спасають** 434.1—2; **Не бѣгатыи блжнъ, но иже бѣгатыства не тревоуетъ** 131.23 (здесь, кроме того, дополнение отсылает к однокоренному слову предшествующей синтагмы); **праведнии бо поборника не тревоуютъ** 84.6; **Книголюбець мало пищи и питья прикъмла стоитъ межи смрътью и бесмрътне(м)' смрътно бо тѣла дѣла прикъмлетъ ноужнок, и дша его, бесмертна желаящѣ, многоцѣнна пища не ницетъ** 140.20; **тѣмже и волень моужь твориса съдравъ истаго здравна не вбращетъ** 172.24; **неврегше же, таже не оумѣють, безгрѣшни соуть и зла имени к совѣ не приложить** 343.25; то же с добавленным дополнением: **Иже (вместо ГАже) дальна члвкъ не страшатъ** 406.25; с добавленным глаголом: **Золъ моужь ворзо поноситъ благаго, блгыи же ни злаго не поноситъ** 377.25 (здесь, кроме того, имеет место эмпфа дополнения: 'даже злого'). Однако встречаются и контрпримеры: **Блаженѣи оуши г(с)ни не тревоуета гла(с) на оучютьк** 143.20; **Никтоже не притѣжа хвалы сладостню** 271.23; **похваляенъ же ѿ него не нице(т) члвчьскы чьсти** 184.12—13, в том числе с не выраженным эксплицитно подлежащим: **Не льютъ мюра въ скверныи съсоудъ; не хвалимъ бо ни конь, иже рогомъ не водоу(т), но тѣхъ хвалимъ, аще не копають** 27.8 — в последнем примере постпозиция дополнения может быть связана с тем, что от него зависит придаточное предложение. В первом предложении периода в сентенции с отрицанием фиксируется дополнение в постпозиции: **медвѣди бо и волци, егда примоуть сытость, насытивъшеса тоѣ пици, ѿходатъ, въсхыщеникъ же не имать сытости** 210. 26.

Дополнение перемещается в препозицию также в придаточных определительных с отрицанием, если они имеют обобщающий характер: **Иже дровъ не възложитъ, то погаситъ огнь** 188.4; **Тъ въпросимъ' кто увидитъ; и р(ч)е' иже закона не тревоуютъ** 351.1—2; с добавленным гла-

голом: **явлено во ксть, иже со вѣ потребнаго не ницеть, како иного можетъ оумоудрити** 20.16. Такой порядок находим и в придаточных условных: **Аще страна не принимаеша како х̄а, то не приман юго** 78.5; **Не горди скоро, кгда сладость мимо тѣ идетъ много во таитъ (с) въ насъ, вже похотѣ не держимъ, но держими ѿ неа бываемъ** 36.13—14 — вероятно, здесь переводчик хотел усилить противопоставление, расположив контактно одноколенные глагольные формы: **не держимъ, но держими**.

Слова со значением большого размера или количества

Несколько раз в препозицию перемещены дополнения со значением большого размера или количества или же имеющие определения с таким значением: **потерпи мало и больша бгѣтство оузриши** 79.14—15; **тѣмъ во спсенъ боудеши и большю власть привержещи** 108.6; и люди, иже съ шатаникмъ и съ безоумькмъ исполчающеса велии **стоудъ на са прѣлекоша** 414.11—12; **Приключиса иногда, вже моужь покажавъса много добродѣянник исправитъ** 231.21—22; **Лоукавын кстьство(м) власть примъ мъного зла и напасти створитъ людемъ** 112.9—10 (в последнем примере не исключено влияние фразеологических сочетаний с глаголом **створити**)⁶. Возможно, в этом же ряду следует рассматривать контекст **Се имѣ пса красна и седмь тысящъ злата въдасть на немъ** 205.8—9, в котором глагол добавлен переводчиком. Количество примеров невелико, однако перемещение дополнений такого рода в постпозицию встречаются всего дважды: **Бгѣтство и ц(с)ртво многы имать завистники** 104.14; **Семоу въдаша много вина въ пироу** 261.26—27 — с этих слов начинается новый эпизод, а для таких контекстов характерна постпозиция дополнения.

Остальные случаи

Как и в «Житии Андрея Юродивого», дополнение несколько раз помещается в препозиции по отношению к глаголу **имѣти**. В одном из контекстов, возможно, имеет место эмпза на определении при дополнении: **и рече (покрасневшему юноше) во истиннѣ ва(п) до(в)родѣле(н) имаша** 431.4—5. В остальных случаях глагол добавлен переводчиком: **Запрѣщеньк простыню имать** 113.29—114.1; **азъ оубожькмъ не пакошѣ, ты же ѿ бгѣтства многъ матежь имашѣ** 135.19; **аще же и при кстьствѣ потребованье имѣеть любви, кольма паче при бл(д)ти** 98.24. Эти контексты, особенно два последних, очень близки к фразеологическим сочетаниям: глагол здесь несет не столько лексическую, сколько грамматическую на-

⁶ В изречении **Вазнь великоу поставитъ трапезоу, разноличнымъ брашномъ оукрашеноу, а цѣломоудрик лагодноюю** 36.7 определение **великоу** добавлено позднейшим редактором «Пчелы», в списках, сохранивших первоначальный вид текста, оно отсутствует. Перемещение дополнения в постпозицию здесь, вероятно, связано с тем, что за ним следует зависящий от него причастный оборот.

грузку. Возможно, два следующих контекста с глаголами речи и дополнениями, обозначающими объект речи, также воспроизводят характерный для фразеологических сочетаний порядок: Аще бѣгата словеса и радостнага молвишь (τὸ λέγειν εὖ) члвкоу, а ѿ тѣхъ напасть емоу ростеть, то люто ксть 155.28—156.1; во всемъ житии раскаянаго соутъ первоу, же кто женѣ свои танноу исповѣсть 234.10. Не исключено, что и в некоторых других случаях препозиция дополнения объясняется фразеологичностью или клишированностью сочетания: аще не покажетъ подобна покаанна, то възданык протива грѣхомъ приметъ (ἔξει τὴν ἀντίδοσιν) 2.19—20; добро ми се, же тагость ѿриноухъ, а въ семъ вретници воста(х) ѡналософью оучити 180.6—7; Съ оуноша сын приведенъ вы(с) пре(д) оучителю, вънегда философью оучаше 343.84; аще вѣрентъ боудеть, иже пороукоу заставивъ 59.14—15 (ὁ καταστήσας, дополнение добавлено переводчиком).

Характерно вынесение в инициальную позицию дополнения-темы: Гократа всоудниша аѡинѣи въ пропасть въверженоу быти 53.4.

Помимо перечисленных контекстов, в «Пчеле» отмечены и такие, в которых трудно усмотреть факторы, предопределившие перемещение дополнения в препозицию. Их число невелико. В независимом предложении фиксируется 4 случая: не токмо врага видѣвъ по(д) ногама лежаща плѣнѣна пощадѣ, но и падша слышавъ на полъкоу ризы своа раздѣра и пепело(м) посыпа главоу 381.15—16; и все чародѣйство створивше, с великою простотью твое спсєниию попреть 420.8; а на соупостаты идоуче оумиримъса и по животѣ ихъ вражьство разъроушаемъ 421.3—4; также и хоулаче себе на соупостаты стрѣлы пущаетъ 288.1—2; пото(м) же ш(ж) на одежи ѡзриши возгрь лежа(щ) или шхра(к), то не хощєши ни крає(м) перстны(м) тати(с) по нь и лице ѿвращаєши ѿ него 292.13 (возможно, здесь имела место эмпфаза: ‘даже лицо’; ср.: нѣкоторѣи женѣ краснѣи пристоупивши к нѣмоу, ш тажи въпрашаючи, възврати лице възспать 32.17). Еще один контекст содержит глагол, добавленный переводчиком: Члвци гровы съзидаю(т) и погребєнага пристрагають тако хоташе и по смѣрти трєвовати ихъ 254.16—17; добавленный член в «Пчеле» вообще чаще стоит в постпозиции, а здесь, кроме того, переводчик мог повторить структуру предшествующего сочетания гровы съзидаю(т), в котором воспроизводится словопорядок греческого оригинала.

Придаточные предложения

В зависимых предложениях перемещение дополнения в препозицию в контекстах, не подпадающих под перечисленные выше рубрики, также невелико: потомъ же не вѣсть, како власть свою исправить 98.10—11; аще и ш иному что зло слышитъ и не иметь вѣры 115.10; Сила, иже живо тѣло смотритъ и възможитъ, оудобно брашно и просто скоро премѣняетъ 138.21; и ѿвѣща и градарю ненавижу, иже и с коренникомъ зелье възстергиваетъ 141.16; То ксть властелинъ истиннын, иже себе разъсоужаетъ и

испытаетъ и свою свѣсть горкаго соу(д)ю надъ собою поставляеть, мечь законныи на собою въздвизакеть 100. 24.25 (в конструкции с двойным винительным свѣсть... соу(д)ю... поставляеть 100.23—24 глагол добавлен переводчиком); Иже себе дѣла кто трѣжаетьса і вса терпить, и бѣгѣства и славы ницеть, ти велико знаменик самолюбья на себѣ носитъ 396.10 — в двух последних контекстах переводчик, по-видимому, предпочел сохранить единообразный порядок в параллельных конструкциях. Еще два контекста имеют добавленное переводчиком дополнение (Азъ мню, како вси члвци плодотворни соутъ во всемъ житъи, не токмо си, иже законъ извирають и свершаю(т̄), но и ти, иже соутъ кротци, и члвколюбци, и мл(с)тви 50.18—19) и глагол (завидливый же тогда веселитьса, кгда друга в напасти оузритъ 330.16—17).

Порядок VO

Отрицательное местоимение

Как и в «Житии Андрея Юродивого», в постпозицию переводчик обычно перемещает дополнение, выраженное отрицательным местоимением: Не печечалоуиса (так!) надъ оумирающимъ, смерть во не грѣшитъ никогоже 409.8; се оучилъса есмь, како не вѣмъ ничтоже 343.12; и не шербѣте ничтоже смѣдна 197.14—15; и равенъ боудеши боу, аще не створиши ничтоже недостойно емоу 12.10. Такой же порядок наблюдается, если переводчик добавляет дополнение, выраженное отрицательным местоимением: въпрашакмъ же, како не остави себѣ ничтоже 70.27—28; Иже разоумѣеть, како не вѣсть ничтоже (ἀγνοεῖ), то правын моудръ ксть 342.2. Однако один раз, оказавшись в предложении общего характера, местоимение было перемещено в препозицию (см. 434.1—2 выше). Особая ситуация в контексте: Иже ѿ мала мало дають бѣгатымъ, то ничтоже блг(д)ти творить 89.19—20 — в более авторитетном списке читается ничтоже блг(д)ть творить, что калькирует, за вычетом порядка слов, греч. χαρίζεται... οὐδέν; следовательно, первоначально ничтоже не являлось здесь прямым объектным дополнением.

Остальные случаи

Как и в «Житии Андрея Юродивого», случаи помещения дополнения в постпозицию глаголу в «Пчеле» более многочисленны и более разнообразны, их труднее свести к определенным типам.

Прежде всего, в «Пчеле» также наблюдается вынесение глагола в препозицию во фразе, с которых начинается новый эпизод, т. е. новое изречение⁷: Нѣкто праша вианга... 24.26; Александръ. Съ посла ѿ талантъ злата късенократу философу 91.20; Нѣкто дааше емоу по вса дни сребро 94.16—17; Бещестък (вместо Бещиньк) назнаменаеть самовластьк

⁷ Часто изречение состоит из единственной фразы.

97.8—9; Баба нѣкага влажаше антигона ц(с)рѧ 109.17; Фократъ прн-строташе брашно просто, въззавъ дружиноу 142.1—2; Апели(с). Се иконописе(ц) сын написа(л) вазнъ сѣдѧщѸ 387.27—28 и др.

В некоторых случаях помещение дополнения в постпозицию, возможно, связано с желанием расположить его контактно с зависящим от него причастным оборотом: аще не имѣеть слоугъ слоужащихъ емоу 109.8; вѣмъ велии, тако възненавидѧтъ моужни испытующихъ чюжего 206.15—16; аже кончина застанеть моужа не оурадивъша своего имѣнья 234.14.

Наблюдается тенденция к перемещению в постпозицию дополнений, имеющих несогласованное определение, в особенности если это определение имеет зависимые слова: имѣже роука его хоужьши ксть, то зове(т) на помощь вышняго лоукаваго ненавиьца жала 49.18—20; Имѣеть что горко истиньнок слово` кгда бо нерастворено дерзновеньк покажетъ, штимакеть оупованик великихъ благыхъ 284.21; Егда просиши Ѡдѧнья грѣхо(м̄)... 383.4; хвалю власы главы твоеа, занѣ испытавъше главоу твою безоумьноу и Ѡбѣгоша 117.2—3; попелнын дымъ поущакамъ, тако и тоуча, прерѣзаетъ стго дѧа сианник 245.17—18; не хочемъ са сами совокоупити шпатъ, но ждемъ межи собою ходатага 378.15. Аналогичная ситуация наблюдается, если дополнение выражено сочетанием с составным числительным: не стыднши ли са шхоулама шмира, нже по своен смерти кормить боле ста тысячъ свои(м̄) твореникмъ 170.8; а димостень... посла къ немоу ·т· тысячъ злата 384.9 (ср., однако, контрпример Се имѣ пса красна и седмъ тысячъ злата въдасть на немъ 205.8—9 выше в разделе о дополнениях со значением большого количества).

В «Пчеле», как и в «Житии Андрея Юродивого», фиксируется постпозиция контекстно определенных дополнений, которые обозначают неназванных или косвенно поименованных участников ситуации: спартнадьскомоу лоукоурьню` шнъ бо не стѣнами шгради градъ, но моужьствомъ живоущихъ въ немъ 110.11; Его жена шгнемъ волаше, самъ же печаленъ бы(с) въпроси лѣчьца, како можетъ 425.12.

При этом в постпозиции оказываются как предметные, определенные, индивидуализированные, так и не предметные, неопределенные и неиндивидуализированные объекты: моужь оубогъ простирактъ роукоу к тебѣ 128.2—3; и по многимъ горамъ и пропаstemъ проше(д) и не шбрѣте ничтоже снѣдна, потомъ же нанде вьсь и г(с)на знавъ въпроси хлѣва и воды 197.15—16 и 16—17; море въставитъ волны своа 239.18—19; кольма дша Ѡ тѣла разлачаема на боудощюю жизнь преходащи тревоукеть наставника 401.8—9; и шнъ рече` которю роукою; и р(ч)е` десницею. шнъ же вземъ мечь и штатъ десница (вместо десницею) его 425.18 и т. п.

Придаточные предложения

В «Пчеле» в придаточных с нже и аще (оже, аже) перестановки в направлении VO и OV одинаково частотны. Оба словопорядка встречаются в придаточных с кгда (вънегда), зане, понеже, имѣже, но статистика по ним

непоказательна. И лишь в придаточных с **так**о, **так**оже и **да**, **е**да, **а** глагольная форма последовательно помещается в препозиции.

Для **так**о имеется лишь один случай помещения в препозиции дополнения — его добавил переводчик: **Съ прѣслъ съ раздавающимъ имѣннѣ без оумѣ влоудѣнымъ, и ѿвѣща, такѣ ѿ множества мало исключаемъ** 364.24—25; этот пример рассмотрен выше в связи с препозицией дополнений, противопоставленных по семантике другим актантам. В этой фразе, однако, **так**о присоединяет не придаточное предложение, а прямую речь. В остальных случаях, где **так**о присоединяет дополнительные придаточные предложения, фиксируется только перемещение глагольной формы в препозицию: **Канфаридоу повѣдаютъ, такѣ сама собою имѣють помощь** 8.7; **Семоу словоу нимъ ры (вместо вѣры), такѣ бѣ на пользоу намъ смотритъ и исправливаетъ всѣхъ сѣка** 174.28—29; **ци не вѣсте, такѣ шендливни неправни не наследятъ ц(с)рства бжя** 207.9 (1 Кор. 6.9; в славянском Апостоле, как и в греч. тексте, порядок слов обратный — его и следовало бы ожидать в предложении обобщающего характера); **вѣдомо бо, такѣ копанья и присады измѣняютъ... саженокъ кствство** 229.25—26; **но се вѣмъ велми, такѣ възненавидатъ моужни испытующихъ чужего** 206.15—16 (пример разбирался выше в связи с постпозицией дополнений, от которых зависит причастный оборот); **жалоюще на на, такѣ безоумькѣ не исправляють лю(д)скихъ вещи** 238.8; **поразоумѣвъ извѣсто, такѣ вапомъ крацитъ брадоу** 50.10—11; **Иже разоумѣють, такѣ не вѣстѣ ничтоже, то правыи моудръ кств** 342.2 (дополнение добавлено переводчиком; пример разбирался выше в связи с постпозицией дополнений, выраженных отрицательными местоимениями).

Число примеров с сравнительным союзом **так**оже невелико: **ІАкоже ворци смѣряють тѣло, да тѣмъ противнымъ удолѣють** — **так**оже и хоулаче себе на соупостаты стрѣлы пущають 287.27—28; **ІАкоже слнце просвѣщаетъ очи всѣмъ имѣющимъ, так**оже и моудръ моужь просвѣщаетъ всѣ... 164.17—18; **так**о тревожемъ рольѣ, а ѿ ба просимъ плода, а кормникоу поручають кормное весло, но боу молимъ ѿ поучины спаситса 317.18—19; **ІАкоже органъ надъменъ всегда (вместо всегда надъменъ) погоубляетъ веселик, так**оже и житък 271.11; с добавленным переводчиком глаголом: и толико нищѣ принимають, елико стажа — **так**оже кто испытъкъ зельк, имъже жажа не престанеть 127.16.

В придаточных предложениях, присоединяемых частицей-союзом **да** (или с отрицательным значением — **е**да) или **а** господствует порядок **VO**: **аже бы былъ оумъ звѣремъ, а бы поставилъ въкоупѣ вси, кони, воли, псы, тоу бы испыталъ, аже кормать роженик родивъши(х)** 218.27—28; **твсноущаса к письцемъ, да быша написали на камени швразъ его** 10.22—23; **твснаса, да быша не постѣкли дрѣга юго** 59.20—21; **споусти доловъ хламидоу, да не видать таиннаго оуда твоего** 62.1—2; **так**оже и законныи оучтъль со вѣниманьемъ наказаютъ дѣти, **да** быша въдроужили въ ср(д)ци стра(х) вѣни 166.5; **тавляютъ пре(д) людми всю хыгтростъ**

лѣчевноюю... да выша оустраши (вместо оустрашили) сѣдравыхъ тѣмъ 318.14; и вѣѣ естъствѣ прилѣпѣстася вѣкоупь, да не бесловеснок влечеть словеснок к собѣ, но да словеснок вѣсхытаеть вѣ(ѣ)словеснок 353.26; Обычай кѣтъ вѣгомъ мѣногаж(д)ы ночными сѣны прогавлати чѣловѣкомъ гаже хотѣтъ быти... да лѣжае сѣтерпѣть напастн 376.15; оутѣшага и, да бы моужьскы терпѣль всоуженик 384.11; Хощеши ли, да предѣставлю пре(д) твоима вчима естъственоюю врань с великимъ терпѣнье(м) 441.25—27; Скорвь свою сѣхрани, еда вѣзвеселиши врагы свога 177.23—24; оубогахса еда погрѣшивъ погоублю си славоу 305.23; то же при добавлении дополнения (и заклинають, да бы не исповѣдалъ никомоуже слова того 193.4) или глагольной формы: Дишнисни ц(с)рь посла къ доусандроу красотоу женьскоюю, оутварь, да оукраститъ дѣщерн свои тѣмъ, и не приа 93.11; Метель старецъ вѣпросимъ сы, да бы изрекалъ тainоу воинства 196.14; Иже вѣ семъ житни, тѣ(м) пциса, паче же ш моудрости, да вѣмѣстиши велико вѣ малѣ 20.11. Зафиксирован только один контекст с обратным порядком при противопоставлении: достойно вѣспомянати, гак о чѣвкъ сы, власть приагѣ кѣтъ равно боу, да ны (вместо бы) бѣственага и доучьшага избралаъ, а безъзаконънага ѡметалаъ (оба слова добавлены переводчиком), а моудрости чѣвчьскыа потрествовалаъ 110.3—4.

Добавленное дополнение отмечено после глагольной формы с частицей да в независимом предложении: Оучитель нравомъ да покоритъ оученика 155.20.

Новгородская I летопись

Порядок ОУ

В Новгородской I летописи порядок VO зафиксирован почти вдвое чаще: около 700 раз при 370-ти контекстах с порядком ОУ. Подавляющее большинство случаев препозиции дополнения приходится на предложения с двумя или несколькими сочиненными финитными предикациями (в большинстве своем однородными), в первой⁸ из которых представлен порядок VO, а во второй и/или следующих — порядок ОУ. Такие предложения характерны для летописного нарратива с последовательным перечислением событий: дополнение во второй и следующих предикациях обычно является темой (часто контрастной) или входит в состав темы. Как правило, вторая и следующие предикации присоединяются союзом а⁹, и (также

⁸ Финитная предикация считается первой и в том случае, если ей предшествует причастная предикация.

⁹ Если союз а не является противительным, порядок может быть иным. Например, в контексте вѣ зѣмли вашн рать ходитъ · а кнѣзь вашъ снѣ мон сѣославъ малъ · а даю вѣи снѣ свои старениши костантиннѣ 72 в третьей предикации представлен порядок VO, поскольку второй союз а выполняет функцию союза следствия: «поэтому даю вам своего старшего сына».

два случая с частицей ни) или нѣ, изредка встречается и бессоюзное соединение. Вот примеры таких цепочек: въ то (ж) лѣ(т) · баше боура веліка · съ громомъ и градомъ · и хоромъ раздѣра · и съ божницъ вѣлны раздѣра · стада скотинъ · истопи въ волховѣ 11; идоша на дворъ ихъ грабежмъ · а мирошкинъ дворъ и дмитровъ зажьгоша · а житие ихъ понмаша · а села ихъ распродаша и челады · а скровища ихъ изискаша · и понмаша ве-щисла · а извѣтъкъ роздѣлиша по зоубоу · по · г · гривнѣ 74 об.; прѣда ихъ извазавъ · татаромъ · а городъ възашъ и люди исѣкоша · и тоу костью падоша · а кнзи имѣше издавиша 99; а заоутра · оубиша смена борисовица · въ · ѳ · а домъ юго всь розгравиша · и села · а женоу юго таша · а самого погрѣвоша оу сто(г) гюргъ въ манастыри 112; тои же зимы придоша нѣмци на водъ с чюдью. і повоеваша и дань на нихъ възложиша. а городъ оучиниша в копоры погостѣ 128; і възаша домъ ихъ на разгравление. і хоромъ рознесоша 148; и стогаша · г · дни і · г · ночи волость троуче. села великаа пожгоша. овилне все потравиша. а скота не оставиша ни рога 156 об.; В лѣ(т) · ꙗ · ѿ · к · оуби ц(с)рь въ ордѣ. кнзъ тѣбрьского михаіла. а великое кнжине дасть юрю 161 об. и т. п. Цепочки такого рода находим не только в нарративе, но и в прямой речи: на поутѣ не идемъ а бра(т)и свои не выдакмъ · а с рижанъ ксме миръ взали · къ колѣваню ксте ходивъше серебро понмали · а сами поидосте в новгородъ · а правды не створи(с) · города не възасте... а за то нашу бра(т)ю извиша на озѣрѣ · а инни повѣдени 105; а мѣи ихъ не гонилъ · нѣ бра(т)ю свою ксме казнили · а князю ксме зла не створили никоторагоже · да оно имъ бѣ · и кр(с)тъ ч(с)тънъи · а мѣи собѣ кнзъ промѣслимъ 107 об.

После союза а препозиция дополнения господствует (159 случаев против 29-ти), такая же ситуация наблюдается после союза нѣ, хотя статистика для этого союза не столь выразительна — 15 случаев против 4-х. Существенно иное соотношение отмечено для контекстов, не связанных специально с противопоставлением. В сравнительно немногочисленных предикациях, присоединенных без союза, преобладает постпозиция дополнения: 21 случай против 15-ти. В предикациях, присоединяемых союзом и, на 102 случая препозиции дополнения приходится 228 случаев постпозиции. Определить мотивы выбора словопорядка после союза и непросто; в одинаковых контекстах встречаются альтернативные комбинации: і бѣи на рѣцѣ сити. і постигоша і. і животъ свои сконча тоу 124 — тако налегаша силоу и вѣломѣша двѣри · и вѣлѣзоша на нь · и тѣи и насочнѣша рогатинами · и тѣи скончѣ животъ свои 39; а изаславъ бѣжа в половци. і много воева около чернигова. и посадъ пожже 119 об. — то(г) же лѣ(т) · придоша нѣмци подъ пльсковъ. і пожгоша посадъ 132 об.; и съложишася на новгородъ · андрѣи съ смолнаны · и съ полоцаны · и поутѣ зааша · и сълѣи измаша новгородскыа · всьде 34 об. — В лѣ(т) · ꙗ · ѿ · ѿ · ѿ · понде кнзъ Александръ с новгородци. і с бра(т)мъ андрѣемъ. и с низовци. на чюдскою землю на нѣмци. і заа вси поутѣи и до пльскова 129. Тем не

менее можно предположить, что дополнение, содержащее новую и непредсказуемую информацию, тяготеет к постпозиции: **и предашася новотържци · а гаропълка веде съ собою оковавъ · и новотържце все · съ женами и съ детьми · и городъ пожже** 45 (известно, какой город пожег) — **стѣславъ же иде на вѣлагоу · и вѣда емоу анѣдрен помощь · и пожьже новъи търгъ** 34 (неизвестно, какой город пожег); **и възаша домъи ихъ на разграбление. и хоромъи рознесоша** 148 (хоромъи уточняет уже названное выше домъи) — **На тоу (ж) осень · придоша полочане · съ литвою на лоукы · и пожьгоша хоромъи · а лоучане оустерегошася · и извѣшша въ городѣ** 60 об. (неизвестно, что именно сделали полочане). На этом фоне препозиция дополнения с непредсказуемой информацией, возможно, должна восприниматься как способ его выделения: **съ... съсоуды бесцѣнными · помаша слоу(ж)вьнок · еуа(г)е · и х(с)ты ч(с)тънъпа · иконъи бесцѣнъпа · все одраша · и подъ трапезою кръвъ нандоша · м · кадѣк ч(с)таго зла(т)** 70 об. ('даже клад под трапезой нашли'). Вместе с тем препозиция допустима для неопределенного индивидуализированного дополнения: **и възаша товара бе-щисла. и полона. а моужа добра застрѣлиша с города** 139¹⁰. В то же время при сказуемом, являющемся носителем рематического акцента, упомянутое в предшествующем контексте дополнение может стоять в постпозиции: **паша вѣчеслава · и вивѣше кго оковаша и... и та(к) бѣшша безъ мира лѣ(т) все · и не пу(с) кнзъ гости къ нимъ и куплаху соль по · з · грѣн · бърковскъ и пу(с)ша вѣчесла(в)** 116 (и в таких бедственных обстоятельствах выпустили-таки Вячеслава); **приде изаславъ с поганъи половци в силѣ тажцѣ. и михаило с черниговци. подъ кѣевъ. и възаша кѣевъ** 119 об.

За счет господства порядка ОV в предикациях, присоединяемых союзами **а** и **и**, и значительного числа сочетаний с таким порядком в предикациях, присоединяемых союзом **и**, в Новгородской I летописи в целом в начальных предикациях преобладает препозиция дополнения. Можно констатировать, что по взаиморасположению сказуемого и прямого дополнения неначальные предикации в Новгородской I летописи ощутимо отличаются от начальных, в которых порядок ОV почти не встречается. К исключениям относятся 4 случая в начале погодных записей или после формулы 'в то же лето' (**Въ лѣ(т) · ꙗ · х · н · еп(с)пъ и коупце и слъи новгородьскыи · не поуцахоу из роуси** 22 и три находящиеся рядом примера: **въ то (ж) лѣ(т) въ роуцѣ городъ обложиша · · въ лѣ(т) · ꙗ · ѡ · ловотъ**

¹⁰ Препозитивное неопределенное дополнение может иметь идентифицирующее определение-приложение в постпозиции: **пльсковци же остүпише изборьскъ · измаша и къназъ · и нѣмцинъ оуѣнша данѣу · а ни повегоша** 116 об. В силу того, что препозиция характерна для определенного объекта, в современном русском языке в нейтральном дискурсе неопределенное дополнение может стоять в препозиции, только если его неопределенность выражена лексически: «захватили добычу, а *одного* почтенного человека застрелили».

възаша литва · и до налюца 62; въ лѣ(тѣ) · ꙗзꙋ · ѿ · новъгородьци бѣ избранаго митроѡана · въведоша въ еп(с)пью по мартѹрини 63). Помимо этих единичных исключений в нарративе имеются только 5 начальных предикаций с порядком ОУ в предложениях, которые, однако, не являются начальными в периоде и соотносятся с предшествующими предложениями при помощи частицы же. Еще 5 раз порядок ОУ встречается в начальных предикациях в прямой речи: поустн стѡслава съ моуѡи · и всѣ же заседелъ исправи · язъ костъ (вместо гостъ) поускаю · и товаръ 76 об.; в · кнѡза повесни вѣи · въ галици · так злодѣи · и положи кесте оукоръ на всѣхъ 78 об.; вѣѡташа же · мира не хочемъ 85; ты к намъ кр(с)тъ цѣловалъ без винъи моу(ж) не лишнн 91; так нашо землю дн(с)ь вѡтали · а ваша заоутро възата бѹдетъ 97. Возможно, к этим примерам следует добавить контекст рекоуче · так ти на зло кнѡза водать 106 об., поскольку союз так может вводить прямую речь. Учитывая, что прямая речь в Новгородской I летописи занимает очень небольшой объем и содержит всего 49 предикаций с неимперативной личной глагольной формой и прямым дополнением, нужно признать, что в прямой речи частотность порядка ОУ в начальных предикациях гораздо выше, чем в остальном тексте.

Таким образом, для Новгородской I летописи, особенно для нарратива, в цепочке связанных сочинительной связью предикаций характерна противопоставленность начального звена, в котором практически обязателен порядок УО, и остальных звеньев, в которых чаще появляется противоположный порядок. Такой чередующийся ритм словорасположения облегчает восприятие сложного предложения как единого целого: предикации с порядком ОУ маркированы как неначальные, присоединенные к какому-то предшествующему звену, в сочетании с которым они образуют сложное предложение.

Местоимения

Анафорическое местоимение тѣ обычно располагается в препозиции: новгородьци же того (цитированных слов Святослава) не бережахоу 34 об.; и погаша ихъ · л · моу(ж) · в · ачьшихъ · и тѣхъ исѣкоша 53; аще кто потан похватилъ а того кдинъ бѣ вѣдактъ 74 об. то(г) же роу(с)стни кнѡзи не послоушаша · нѣ послы извиша 97 об.; аже того оувнѣте. оувнѣте мене переже 134 и т. д. — всего 18 случаев, при единственном исключении: и не положи того въ гнѣвѣ · оже не пошлы по немь 102.

Местоимение сѣ встретилось только однажды, оно употреблено в катафорической функции и занимает постпозицию: и кто не пожалоуктъ сего · сватва пристрожна · медъ изваренъи · невѣста приведена · кнѡзи позвани · и бѣ(с) въ веселнн мѣ(с) плачь и сѣтованик · за грѣхы наша 116 об.

Местоимение всѣ обычно стоит в постпозиции: и на празднннкъ сѣго николъ · вѣлѣзъше из города исѣкоша вса · и бѣ тоуга и беда 53; и въздре оугъ вѣтръ изламавъ · вѣнесе все въ вѣлхово 106 об.; и исѣкоша

вса и женгы и дѣти 120—120 об.; погани же ѿбивше дври зажгоша цркъвь... и издвүшиша вса 123 об.; и исѣкоша вса вса (!) ѿ мужьска полоу и до женьска 124 об. Однако в анафорической функции оно занимает пре-позицию: что въ цркъвхъ все разгравиша 151.

Эмфаза

В Новгородской I летописи есть контексты с препозицией дополнения после и в значении ‘даже’, для которых с большой долей вероятности можно предполагать эмфазу: малгы же и крѣви не пролыаша межи собою 30; и не то бы(с) зло. но и тесовъ възаша 128. Однако имеется и контрпри-мер: и начаша мерети гла(д)мь. падоху же и кониноу 160 об.

Противопоставления и сопоставления

Выше уже говорилось о порядке OV после противительных союзов а и нѣ в событийном нарративе. Такой же порядок имеет место и в коммента-риях летописца: ѿта г(с)ь оу насъ силоу. а недооумѣние и грозу и страхъ и трепетъ вложи в на(с). за грѣхы наша 122. Дополнение, являющееся кон-трастной темой, регулярно помещается в препозиции: и възаша тѣбрь и кашинѣ. и новоторжьскою волостъ. и просто рещи. всю землю роу(с)скою положиша поустроу. толко новъгоро(д) оублюде бѣ и стѣла софья 165.

Слова со значением большого размера или количества

В ряде случаев в препозиции располагаются дополнения со значением большого размера или количества или же имеющие определения с таким значением. Поскольку для начальных предикаций почти обязателен поряд-ок VO, а для предикаций, присоединяемых союзами а и нѣ, очень высока вероятность обратного словопорядка, показательны контексты в предика-циях, присоединяемых союзом и или бессоюзно: въ се (ж) лѣ(т) · вода баше велика въ волхове · и хоромъ много сноси 12 об.; и поможе бѣ олго-вицю съ черниговчи · и многы кыпангы исече 16; и пожыгоша домгы ихъ · и головъ множество полониша 35 об.; а полоня приведе вещисла · нѣ горо-да не възаша · зла(т) мно(г) възаша 95; и съгониша роушанъ съ конь · и много коневъ ѿташа 95 об.; слышахомъ бо тако многы страны поплаѣниша · тасы · вбезгы · касогы · и половъчъ безбожьныхъ множ-ство извиша 96; пондоша съ вѣча и мно(г) дворовъ розгравиша 110 об.; и много селъ попустиша около пльскова 127 об.; и посови бѣ кнзю довмонтоу съ пльсковичи. и множество много ихъ повиша 142 об. При этом определение может стоять в постпозиции: и дары принесе многы · кони · и вельблуды · и воуволы · и дѣвкы 97; и гость виша многъ · и торопыцьскою волостъ всю понмаша 101 об. Два контрпримера зафикси-рованы в самом конце летописи: то(г) же лѣ(т). приходиша нѣмци въ озеро ладожьское. и повиша мно(г) обонижьскыхъ коупецъ 160 об.; и извиша мно(г) нѣмецъ в горо(д) 162.

Придаточные предложения

Число придаточных предложений в Новгородской I летописи очень велико. Зафиксировано всего 13¹¹ зависимых предикаций, в которых прямое дополнение предшествует личной глагольной форме, и столько же зависимых предикаций с обратным порядком. Однако в разных типах придаточных представлен разный словопорядок. В придаточных определительных с *иже* (5 случаев) представлен только порядок *OV*: *и корабли кго велиции бѣхуотъ с ннѣже градъ възаша* 71 об.; *стѣю мѣнкоу бориса и глѣба . еюже ра(д) новгородци кровь свою прольаша* 129 об.; *иже во кр(с)тъ преступаютъ . то і сдѣ казнь принимаютъ* 145 об.; *со всѣми оугодившими ти ѿ вѣка . иже кровь свою прольаша за стѣю софью* 146 об.; *а покои г(с)ни въ цр(с)твни своѣ(м). дша тѣхъ . иже оу города то(г) головы свои положиша за стѣю софью* 153 об. В условных придаточных с союзами *аще* и *оже* (по одному разу) тоже фиксируется порядок *OV*: *аще бы кто добро другоу чинилъ . то добро бы было* 136 (здесь дополнение является носителем рematicеского акцента); *оже бѣ казнь свою възложилъ на онтонна . а бы сочтите такового моу(ж) . въ попѣхъ ли . в тыгоуменѣхъ ли . въ черенцихъ ли* 108 об. Такой же словопорядок находим в сопоставительном предложении: *не тако во бѣ казалъ имъ ц(с)рь нѣмѣцьскыи . и папаримьскыи . такоже си зло оучиниша цр(с)югра(д)* 68 об. Впрочем, в приведенных контекстах использованы церковнославянские клише и, возможно, воспроизведен характерный для них словопорядок.

Порядок *VO*

Отрицательное местоимение

Всегда в постпозиции располагается в Новгородской I летописи дополнение, выраженное отрицательным местоимением, — как в церковнославянском клише *не оупѣти ничтоже*, так и в сочетаниях, отражающих древнерусский узус: *и биша сѧ не оупеша ничтоже* 23; *они же пристоупиша подъ (го)родъ . въ соу(б) . и не оупѣша ничтоже къ гра(д)* 32 об.; *они же не дошедъшедѣше (!) воротишасѧ . не оупѣша во ничтоже* 35; *и не оупеша ничтоже фразьскымъ кораблемъ* 69; *і пристоупиша к городу . і не оупѣша ничтоже* 146 об.; *и бы(с) очи кмоу тако невреженѣ . нѣ не видаше ничегоже* 71 об.; *не мѣслилѧ ксмѣ до пльсковичъ гроуба ничегоже* 104. В Киевской летописи местоимения *никѣтоже* и *ничѣтоже* тоже всегда располагаются в постпозиции¹².

¹¹ Возможно, в это число нужно включить контекст: *рекоуче . тако ти на зло кнѣзѧ водать* 106 об. Однако не исключено, что союз *так* вводит здесь прямую речь.

¹² 306.4; 573.8; 635.26; 681.15; 603.28.

Остальные случаи

В бессоюзных сложных предложениях, вторая часть которых разъясняет первую, сказуемое может находиться в препозиции: а не вѣси оканьнѣ бжиа смотренїа · дакътѣ вла(с) ꙗмоу же хощеть · поставляють ц(с)ра и кнѣзѣ въшнии 89; и бѣи(с) заоутра · поу(с) кнѣзь матѣва 90; бѣи(с) вода велика въ вѣлховѣ · понима около озера сѣна · и по волхову 106 об.; и тоу створиша зло велико. оубиша посадника михаїла. і твердислава чермного. никифора радѣтинича. твердислава моисеевича... 144 об. — 145; і створи са немало зла. ізбиша мно(г) добрыхъ моу(ж). і вогарь новгоро(д)скыихъ. тоу оубиша андрѣа климовича. юрья мишинича. михаїла павшинича... 159 (ср. контрпример на л. 13 об. ниже); и подоша на владѣцънѣ дворь · рекоуче то(г) дѣла стонтѣ тепло дѣаго · въпровадилъ антонїа · владку · на хоутино а самъ сѣлъ давъ мьздоу кнѣзю 106. Имеется такое же число контекстов с обратным порядком, но для большинства из них можно предположить действие факторов, мотивировавших препозицию дополнения: тогда оканьнѣмъ възда г(с)ь по дѣломъ ихъ. всю бо землю ихъ ороужиемъ поплѣни 141 об.; а вѣдоуче казнѣ бїю. в покаанїа мѣсто горшее зло створиша въ сѣомъ нванѣ. надъ товаромъ сторожа оубиша 151; и створиша пакость велика · много добрыхъ мужь избиша · въ клинѣ новъгородѣ 13 об. (ср. контрпример на л. 159 выше; здесь в препозиции оказалось дополнение со значением большого количества); а новъгородѣ зло бѣи(с) вельми · кадь ржи коуплахоутѣ по · і · грвнѣ · а овса по · і · грвнѣ · а рѣптѣ возъ по · в · грвнѣ 81 об. (здесь первое дополнение сопоставляется с последующими); о горѣ тѣгда бра(т)ѣ баше · дѣти свок дѣахоутѣ одьренѣ 81 об. (возможно, в этом контексте дополнение выделено эмфатически: ‘даже собственных детей’); новгородци тебе не слоушають. мѣ дани прошали тобѣ. і они на(с) въгнали 149 (при интерпретации этого контекста следует учитывать частотность препозитивных дополнений в прямой речи).

Придаточные предложения

Если союз оже вводит придаточное причины, а не условия, в нем фиксируется порядок VO: и разгнѣваса на ты · оже то гравилн даньслава · и ноздрю 10; нѣ лютѣ баше поуѣ · оже коуплахоу по ногатѣ хлѣбѣ 10 об. Придаточные причины с зане, понеже также имеют порядок VO (по одному разу): зане навель бѣ за грѣхы наша. іс поустина зѣври дивїага. іасти силныхъ плѣти. і пити кровь вогарьскою 138; понеже не вѣдѣхоу кнѣз юрья кдѣ есть. і придоша пакы в новъгоро(д) 161.

В придаточных дополнительных и временных с союзом іако глагольная форма последовательно помещается сразу за союзом, перед подлежащим и дополнением. Из 13 придаточных предложений с порядком VO 7 относятся к этому типу: и іако скопиша воє · и въслаша из города · къ вокводѣ 53; іако оувѣдаша пльсковичи погоню. Ѡслаша — полонѣ. а сами сташа крѣпко противоу имѣ 142; іако оувѣдаша нѣмци новгородскыи полкъ.

повѣгоша за рѣкою 147; промѣкла бо сѧ вѣсть баше си въ пльскове · тако везеть оковы 104; то (ж) слышавъше пльсковници · тако приве(д) гаросла(в) плькы · оубоавше сѧ то(г) · възаша миръ съ рижангы 104 об.; и приде вѣсть въ пльсковѣ. тако взаша нѣмци изборьскъ 127 об.; приде вѣсть изъ роуси зла. тако хотать. татарове. тамгы. і десатингы. на новѣгородѣ 135 об. Отмечено только одно исключение: слышахомъ бо тако многы страны поплѣниша 96 — возможно, препозиция дополнения объясняется тем, что оно имеет определение со значением большого количества.

Однажды встретилось сочетание союза с частицей да: того ради всема(с)тивынъ бѣ · хота погубити безбожнѣа снѣ измаиловы · коуманы · тако да ѿмьстятъ кровь кр(с)тъганьскы · кже и бы(с) над нами безаконнѣи 96 об.

Выводы

В расположении прямого дополнения по отношению к финитным формам глаголов в древнерусских текстах можно заметить следующие тенденции.

В сочетаниях непредметных субстантивов с глаголами, имеющими значение ‘делать’, ‘иметь’, ‘давать’, ‘брать’ и обозначающими действие по соответствующему имени, в сочетаниях типа *figura etymologica* и сочетаниях глаголов речи и звукоизвлечения с субстантивами, обозначающими ‘слово’, ‘речь’, в церковнославянских древнерусских памятниках сохраняется порядок OV, как в старославянских текстах. В древнерусских летописях воспроизводится такой же порядок в церковнославянских клише, но в сочетаниях, не имеющих церковнославянских аналогов, этот порядок не выдерживается. «Житие Андрея Юродивого» придерживается порядка OV во фразеологических сочетаниях менее строго, чем «Пчела», — видимо, уступая древнерусскому узусу.

В целом, за вычетом перечисленных фразеологических сочетаний, порядок VO существенно преобладает как в церковнославянских, так и в летописных текстах (ср. [Berneker 1900: 1]). Этот порядок характерен прежде всего

— для финитных предикаций, с которых начинается новый эпизод в повествовании, а в летописях — новый период вообще;

— сочетаний, в которых дополнение выражено отрицательным местоимением;

— сочетаний, в которых от дополнения зависит придаточное предложение, причастный оборот или несогласованное определение, в свою очередь имеющее зависимые слова (переводчик «Пчелы» предпочитает порядок VO также в случаях, когда дополнение выражено сочетанием с составным числительным)¹³;

¹³ Ср. аналогичную ситуацию в древнеисландском, где допускалась вариативность OV/VO в сочетаниях с нефинитными глагольными формами и при этом «тя-

— придаточных предложений с союзом **так** и частицей-союзом **да** (в «Пчеле» также **еда**), причем в Новгородской I летописи подлежащее в таких предложениях также помещается после глагола.

Порядок OV характерен для контекстов определенных типов:

1. Если дополнение выражено анафорическими (в «Пчеле» также катафорическими) местоимениями **сь** и **тъ**, предпочтителен порядок OV (ср. примеры в [Berneker 1900: 5]). Этот же порядок преобладает в контекстах, где дополнение или его атрибут отсылает к предшествующему слову, при этом имея с ним частичное материальное сходство. Э. Бернекер отмечал аналогичную закономерность применительно к позиции подлежащего: при общем преобладании в «Повести временных лет» и Ипатьевской летописи порядка VS, обратный порядок обычен, если названный подлежащим субъект упоминается в ближайшем предшествующем контексте [Berneker 1900: 8, 13]¹⁴.

2. Препозиция дополнения предпочтительна при сопоставлениях и противопоставлениях разного рода. Э. Бернекер отмечал ту же закономерность применительно к позиции подлежащего [Berneker 1900: 6—7, 13—14]. При однородных сказуемых после союза **а** отмечена исключительно препозиция дополнения, если дополнение является темой; если же оно входит в состав ремы, то может находиться и в постпозиции.

3. Препозиция характерна для дополнений, которые имеют семантику большого размера или количества или же сопровождаются определениями с таким значением¹⁵.

4. При эмпазе, когда дополнение выражено местоимением **тъ**, которому предшествует усилительное **и** в значении 'даже', встретился только порядок OV. Возможно, с эмпазой связана частотность порядка OV в случаях, когда дополнение имеет определение со значением большого размера или количества, а также когда дополнение выражено словом **богъ**. Э. Бернекер отмечал в «Повести временных лет» частую препозицию подлежащего, выраженного лексемой **богъ** [Berneker 1900: 7]. Такое положение, видимо, сохранялось и в новое время, ср. в речи Гринева: «А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою не случилось, каждый день будем *бога молить* о спасении грешной твоей души» («Капитанская дочка»), хотя для этого контекста предлагалось альтернативное объяснение — стилизация разговорной речи, которой свойственна частая препозиция дополнения [Ковтунова 1969: 208—209].

желые» (т. е. имеющие зависимые слова) дополнения чаще помещались в постпозиции, чем одиночные [Hróarsdóttir 2008: 267].

¹⁴ Сходная ситуация зафиксирована в древнеисландском: дополнения, упомянутые в предшествующем контексте, чаще встречаются в препозиции, чем появляющиеся впервые [Hróarsdóttir 2008: 266].

¹⁵ Ср. аналогичную ситуацию в древнеисландском [Hróarsdóttir 2008: 269].

5. Порядок OV преобладает в предложениях обобщающего характера с отрицанием. Сказуемое является здесь носителем рематического акцента. Ср. [Berneker 1900: 10].

6. Материал Новгородской I летописи как будто свидетельствует о том, что для прямой речи характерна более частая препозиция дополнения. Однако для основательных выводов этот материал слишком скуден.

Частотность того или иного словопорядка в разных древнерусских памятниках зависит от особенностей организации дискурса. Риторические интенции заставляли переводчика «Пчелы» сравнительно часто выбирать порядок OV, особенно в независимых предикациях. В Новгородской I летописи значительное число сочетаний с порядком OV связано с тем, что он сигнализировал нена начальное положение предикации в периоде и таким образом способствовал обеспечению связности периода.

Видимо, препозиция прямого дополнения допускалась в древнерусском в несколько большем объеме, чем в современном языке (например, при неопределенном индивидуализированном дополнении: **взъша товара вецнсла. і полна. а моужа добра застрѣлиша с города**).

Л и т е р а т у р а

Айхенвальд 1989 — А. Ю. А й х е н в а л ь д. Порядок слов в венгерском языке // Очерки типологии порядка слов. М., 1989. С. 41—55.

Ковтунова 1969 — И. И. К о в т у н о в а. Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX в. М., 1969.

Копыленко 1967 — М. М. К о п ы л е н к о. Исследование в области славянской фразеологии древнейшей поры: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1967.

Копыленко 1995 — М. М. К о п ы л е н к о. Palaeoslavica. Алматы, 1995.

Кузнецов 1989 — П. И. К у з н е ц о в. Порядок слов в простом предложении турецкого языка // Очерки типологии порядка слов. М., 1989. С. 33—40.

Люсен 1995 — И. Л ю с е н. Греческо-старославянский конкорданс к древнейшим спискам славянского перевода евангелий (codices Marianus, Zographensis, Asserianus, Ostromiri). Uppsala, 1995 (= Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia 36).

Максимович 2008 — К. А. М а к с и м о в и ч. **Заповѣди сватыхъ отьць**: Латинский пенитенциал VIII в. в церковнославянском переводе. М., 2008.

Молдован 2000 — А. М. М о л д о в а н. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М., 2000.

Пичхадзе, Макеева 2008 — «Пчела»: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева. Т. I—II. М., 2008.

Семенов 1893 — Древняя русская Пчела по пергаменному списку / Изд. В. Семенова // Сборник ОРЯС. Т. 54. № 4. СПб., 1893.

Сигал 2006 — К. Я. С и г а л. О лексикализации словосочетаний // К. Я. С и г а л. Синтаксические этюды. М., 2006. С. 73—80.

ССЯ I—IV — Словарь старославянского языка. Репринтное изд. Т. I—IV. СПб., 2006 (= Slovník jazyka staroslověnského. I—IV. Praha, 1958—1997).

Berneker 1900 — E. B e r n e k e r. Die Wortfolge in den slavischen Sprachen. Berlin, 1900.

Givón 1984 — T. G i v ó n. Syntax. A functional typological introduction. Vol. I. Amsterdam, 1984.

Haderka 1956 — K. H a d e r k a. K překládání řeckého pasiva obraty s *priimati* — *prijeti* v staroslověnských a církevněslovanských památkách // Slavia XXV. Seš. 3. 1956. S. 401—405.

Hetzron 1975 — R. H e t z r o n. The presentative movement or why the ideal word order is V.S.O.P. // Word order and word order change / Ed. by Ch. N. Li. Austin; London, 1975. P. 347—388.

Hróarsdóttir 2008 — Þ. H r ó a r s d ó t t i r. Types of DPs in OV order // Studia Linguistica 62/3. 2008. P. 261—286.

ANNA PICHKHADZE, ANNA RODIONOVA

ON THE WORD ORDER IN 'VERB — DIRECT OBJECT' COMBINATIONS IN OLD RUSSIAN

The paper examines the position of non-clitic direct objects in verb phrases in Old Russian translations from Greek and in the Novgorod First Chronicle. The predominant word order in collocations including support verbs with the meaning 'do, make, have, give, take' in Old Russian Church Slavonic texts is OV: *zlo tvoriti*, *derznovenije dati*, *věru jati*, *obyčaj iměti*, etc. But in Old Russian chronicles a direct object occurs after a support verb when the given collocation has no Church Slavonic equivalent. In free combinations postposition of a direct object to the verb is preferred in all texts, especially in certain types of subordinate clauses. The main factor favoring preverbal objects is comparison or contrast. Pre-verbal objects are frequent in negative statements. The anaphoric pronouns *sb*, *tb*, as well as words with the meaning 'big', 'many' and the word *bogъ*, tend to be used in preposition. In the Novgorod First Chronicle the VO order of the first clause of a complex sentence contrasts with OV order of subsequent clauses, and this contrast may be regarded as a device for establishing cohesion.

Key words: word order, Old Russian, direct object.

Ю. МАРУЯМА

**К ВОПРОСУ О РАСПРЕДЕЛЕНИИ
ФОРМ ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА
В РУССКИХ ЖИТИЙНЫХ ПАМЯТНИКАХ НАЧАЛА XV В.
(на материале «Жития Стефана Пермского»
и «Жития Сергия Радонежского»)¹**

Введение

Цель настоящего исследования — дать представление о специфике распределения форм двойственного числа (далее — дв. ч.) в оригинальных книжно-литературных памятниках старорусского периода.

Проблема употребления форм двойственного числа в древнерусских и старорусских памятниках — одна из самых интересных и сложных в истории русского языка. По данным бытовой письменности, исчезновение двойственного числа как грамматической категории в живом языке следует относить к XIII в.² Данный процесс привел к изменению системы числовых выражений и оказал большое влияние на дальнейший исторический путь развития русского языка.

Однако и после утраты категории двойственного числа в живом языке в древнерусских памятниках его формы широко использовались. Специфика дуальных форм и их употребление в письменности древнерусского периода тщательно проанализирована в работе О. Ф. Жолобова 2001 г. На основе полученных результатов исследователь приходит к выводу, что «варьирование маркированных (форм дв. ч. — Ю. М.) и немаркированных форм (форм мн. ч. — Ю. М.) ко второй половине XIV в. теряет системно-языковой статус и становится текстово-речевым» [ИГДРЯ 2001: 154], а к XV в. «дуальные формы становятся стилистически отмеченными синонимами плюральных числовых форм» [Там же: 208].

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Grant-in-Aid for Scientific Research, Япония (20720105). Автор благодарит О. А. Черепанову и Т. В. Рождественскую за ценные замечания, сделанные ими в ходе работы над статьей, А. В. Духанину, ознакомившую автора с важными для данного исследования научными материалами, и рецензента за внимательное прочтение статьи и полезные замечания.

² Данные из берестяных грамот см. [Зализняк 1995: 77—78, 118].

В старорусский период в деловой и бытовой письменности дуальные формы перестали употребляться, а в памятниках повествовательного жанра они встречаются крайне редко³. Что касается церковнославянских памятников, то не только в списках созданных ранее произведений, но и в оригинальных текстах, созданных в этот период, формы дв. ч. продолжают использоваться вплоть до конца XVII в. Но это не означает, что употребление данных форм не претерпело никаких изменений, тем более что ситуация в Московской Руси этому способствовала. Первые печатные учебные пособия по церковнославянскому языку с систематическим изложением грамматического материала появились на Руси лишь в конце XVI—XVII вв. При этом прежде всего они появились в Юго-Западной Руси, а в Москве грамматика Мелетия Смотрицкого вышла только в 1648 г. В. М. Живов отмечает, что «процедуры обучения, включавшие обращение к грамматике, появляются в Московской Руси не ранее XVII в. и еще в начале XVIII в. воспринимаются как новшество» [Живов 1996: 22]. Основой овладения церковнославянским языком было чтение по складам и последующее заучивание наизусть Часослова и Псалтыри. Новые тексты понимались за счет опыта, полученного при чтении предшествующих текстов, и на основе этого создавались оригинальные тексты [Там же: 21—23]. Из этого следует, что литературные деятели Руси книжный язык изучали на практике (естественным путем), благодаря чему их работы могут дать ценнейший материал для изучения механизмов преемственности в письменном узусе.

Непоследовательность употребления форм дв. ч. в церковнославянских текстах старорусского периода и расширение сферы использования форм множественного числа (далее — мн. ч.) помимо уже упомянутых рассматриваются еще в ряде работ российских исследователей⁴. Эта нестабильность объясняется не только лексико-грамматическими условиями, но и степенью грамотности автора [ИГДРЯ 2001: 193; Живов 2004: 86], регионом происхождения текста (в Северо-Западной Руси процесс вытеснения форм дв. ч. протекает более интенсивно, чем в Северо-Восточной), см. [Киянова 1990: 21]. Однако главная причина состоит в том, что, согласно книжной норме, допускается свободное варьирование форм дв. и мн. ч. (см. [Ремнева 2003: 201]), и поэтому книжники сами не видят необходимости в последовательном употреблении форм дв. ч. (см. [Живов 2004: 91])⁵. Формы дв. ч. функционируют как признак книжности и, кроме этого, как полагает В. М. Живов, «никакой значимой роли (...) в построении книжного повествования не получают» [Там же: 90]. Однако, по мнению автора на-

³ См. [Ремнева 2003: 227—303].

⁴ В последнее время [Киянова 1990; Иванова 1998: 80; Ремнева 2003: 200—201, 208—217; Живов 2004: 84—92] и др.

⁵ По наблюдению Т. В. Пентковской, в сербских переводах Иерусалимского Типикона (XIV в.) тоже обнаруживается подобное отношение к формам дв. ч. при согласовании глагола-сказуемого с подлежащим [Пентковская 2009: 360—361].

стоящей статьи, книжники старорусского периода используют формы дв. ч. не просто как признак книжности, но и как композиционный прием, способ обеспечения целостности текста. В. М. Живов справедливо отмечает, что число имеет более «технологический характер», чем вид и время, т. е. менее тесно связано с коммуникативным заданием [Живов 2004: 79]. На наш взгляд, именно это обстоятельство позволяет книжникам проявлять свою языковую оригинальность, свободнее, чем другие признаки книжности, употреблять формы дв. ч.⁶

Материалом для настоящего исследования служат два оригинальных жития, созданных в начале XV в. выдающимся книжником Епифанием Премудрым, — «Житие Стефана Пермского» (далее ЖСП) и «Житие Сергия Радонежского» (далее ЖСР).

ЖСП — единственное сочинение Епифания Премудрого, в полном объеме дошедшее до нас в рукописях, в отношении которого никогда не возникло сомнений в его авторстве. Оно традиционно датировалось 1390-ми гг., см., например, [Словарь книжников и книжности Древней Руси: 212], однако Б. М. Клосс на основе текста просьбы митрополита о даровании Руси в конце произведения предложил новую датировку — 1406—1410 гг., см. [Клосс 1998: 98]⁷. В настоящей статье рассматривается текст по списку ГИМ, Синодальное собр., № 91, лл. 650—777, который, согласно последнему исследованию А. В. Духаниной, датируется началом 1570-х гг. (цит. по [Житие св. Стефана 1959]; листы указываются в тексте⁸).

ЖСР было написано Епифанием Премудрым в 1417—1418 г. [Словарь книжников и книжности Древней Руси: 330]. К сожалению, оригинальный епифаниевский текст в первоначальном виде не сохранился. Во второй половине XV в. созданное Епифанием житие подвергалось неоднократной переработке Пахомием Логофетом (Сербом), вследствие чего родилось несколько Пахомиевских редакций.

⁶ О соотношении форм дв. ч. и других книжных черт см. [Ремнева 2003].

⁷ Данной точки зрения придерживается и А. В. Духанина, см. [Духанина 2008: Приложение 12].

⁸ Согласно группировке списков ЖСП, выполненной А. В. Духаниной, данный список относится к Синодальному подвиду, наиболее далекому от исходного епифаниевского текста. Исследовательница отмечает, что в используемом нами издании при передаче текста было допущено огромное количество ошибок, см. [Духанина 2010]. Однако в ходе проделанной автором настоящего исследования сверки всех словоформ в контекстах двойственности со списком был обнаружен лишь один случай несоответствия (в издании форма мн. ч. *ногами*, а в списке — форма дв. ч. *ногама* л. 690). В настоящей работе предпочтение отдается формам из списка.

В настоящем исследовании привлекается и список РНБ. Вяз. Q.10, датирующийся концом XV в. и, по классификации А. В. Духаниной, относящийся к Основному подвиду (см. там же) (по изданию [Святитель Стефан Пермский 1995]). Между этими списками существуют 4 разночтения в контекстах двойственности.

Хотя епифаниевский текст ЖСР в полном виде не сохранился, возможность его выделения в дошедших до нас списках уже давно обсуждается исследователями. В. О. Ключевский в своем труде, опубликованном в 1871 г., первым сделал предположение, что текст Епифания сохранился в составе так называемой Пространной редакции ЖСР, созданной, очевидно, в 20-е гг. XVI в. По его мнению, епифаниевский текст заканчивается главой о преставлении Сергия, хотя туда и включены «вставки другой руки»: рассказ о построении и украшении каменной церкви в московском Андрониковом монастыре Александром и Андреем Рублевым и заметка о преемнике Сергия Никоне, вставленная в рассказ о преставлении Сергия [Ключевский 2003: 84—87]. В 1908 году В. М. Яблонский впервые выдвинул гипотезу о принадлежности перу Епифания первой части Пространной редакции, т. е. до главы «О изведении источника» (далее — 1-я часть ЖСР) [Яблонский 1908: 62]. Точки зрения В. М. Яблонского придерживаются и современные исследователи Б. М. Клосс [Клосс 1998: 153—159], В. М. Кириллин и А. В. Духанина. В. М. Кириллин подтвердил данную гипотезу на основе трех содержательно-стилистических элементов [Кириллин 2000: 249—270], а А. В. Духанина — на основе особенностей системы глагола [Духанина 2008].

Что касается следующей части Пространной редакции ЖСР, т. е. от главы «О изведении источника» до главы «О преставлении святого» включительно (далее — 2-я часть ЖСР), то по вопросу о ее авторстве мнения ученых расходятся⁹. Б. М. Клосс считает, что она представляет собой компиляцию различных пахомиевских переделок [Клосс 1998: 155], А. В. Духанина же на основе особенностей системы глагола делает вывод, что авторство принадлежит Пахомию [Духанина 2008]. М. В. Иванова, основываясь на синтаксической организации текста, сделала вывод, что не только 1-я часть, но и 2-я часть принадлежат Епифанию Премудрому, и если Пахомий редактировал написанный Епифанием текст, то совсем незначительно [Иванова 1998: 30]. В. М. Кириллин по поводу авторства 2-й части отмечает, что «то ли она отражает предварительные этапы работы Епифания, то ли этапы позднейшего редактирования “Жития” Пахомием Логофетом» [Кириллин 2000: 270]. Таким образом, проблема об авторстве 2-й части Пространной редакции ЖСР остается до сих пор открытой.

В настоящей статье рассматриваются 1-я и 2-я части ЖСР в отдельности по списку РГБ, ф. 304/1, собр. Троице-Сергиевой Лавры № 698 (50-е гг. XVI в.), лл. 1—156 об. Главы, отсутствующие в этом списке (со слов

⁹ Последняя часть Пространной редакции, т. е. текст о посмертных чудесах Сергия, была написана Пахомием Логофетом, и его авторство сомнению не подвергается, т. к. в предисловии к Пространной редакции Епифаний Премудрый написал, что он описал жизнь Сергия только до его смерти. К тому же традиционно считается, что Епифаний умер еще до открытия мощей Сергия, см. [Словарь книжников и книжности Древней Руси: 217].

БЛГВЛАЃ МѢСТО ЕГОЖЕ ВЕЛИКОДРЪЖАВНЫИ ВЪЗЛЮБИ в главе «О Голутвинском монастыре» до конца 2-й части), рассматриваются по списку РГБ, ф. 304/1, собр. Троице-Сергиевой Лавры № 663 (60-е годы XVI в.), лл. 539—553 об.¹⁰

Особенности употребления форм дв. ч. в ЖСП были рассмотрены О. Ф. Жолобовым [ИГДРЯ 2001: 192—196] и А. В. Духаниной [Духанина 2008: 298—310; Приложение 243—248], в 1-й части ЖСР — В. М. Живовым [Живов 2004: 87—90] и А. В. Духаниной [Духанина 2008]. Формы дв. ч., встречающиеся во 2-й части ЖСР, до сих пор не были исследованы. При этом О. Ф. Жолобов и В. М. Живов, в отличие от А. В. Духаниной, описывают функционирование форм дв. ч. в житиях без указания количественных данных.

В отношении ЖСП О. Ф. Жолобов обнаруживает, что Епифаний регулярно употребляет в дв. ч. существительные, обозначающие парные предметы или сочетающиеся с числительными **ДВА / ОБА**, глагольные формы 1—2 л. и глагольные формы 3 л. при двух однородных подлежащих, соединенных союзом **и**, и приходит к выводу, что «дв. ч. используется автором почти безошибочно, самостоятельно, часто не обусловлено книжными реминисценциями» [ИГДРЯ 2001: 194]. Однако А. В. Духанина на основе полученных ею данных отмечает, что в ЖСП при использовании форм дв. ч. немало ошибок, особенно в согласуемых глагольных и причастных формах [Духанина 2008: 310].

Указывая на весьма частое, но непоследовательное употребление форм дв. ч. в 1-й части ЖСР, В. М. Живов отмечает, что «Епифаний и не стремится к последовательному употреблению форм дв. числа», «ему достаточно обозначить двойственность один или несколько раз, зафиксировать это значение в нарративном фрагменте, а затем наступает свобода, и формы мн. числа могут употребляться наряду с формами двойственного» [Живов 2004: 88]. Непоследовательность употребления форм дв. ч., на которую указывает В. М. Живов, иллюстрируют и полученные А. В. Духаниной данные, а также тщательный анализ случаев отклонения.

Однако при анализе распределения форм дв. ч. в житиях в данных исследованиях не рассматривается содержание описываемого события, что, на наш взгляд, необходимо делать для изучения использования дуальных форм в памятниках старорусского периода¹¹. В настоящем исследовании анализ проводится не только на грамматическом и лексико-грамматическом уровнях, но и на текстовом. Сделана попытка определить, использу-

¹⁰ Электронную копию списка № 698 см. на сайте <http://www.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=1&manuscript=698>, а № 663 — на <http://www.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=1&manuscript=663>.

¹¹ Необходимость текстового подхода доказана автором настоящей статьи на примере анализа форм дв. ч. в «Повести о боярыне Морозовой» (конец XVII в.) [Маруяма 2006].

ются ли формы дв. ч. систематически, насколько писец был свободен в выборе той или иной формы и насколько высока была степень привязанности к традиции.

Методика исследования

Для изучения особенностей употребления форм дв. ч. в ЖСП и ЖСР была произведена сплошная выборка контекстов двойственности из исследуемых источников¹². Формы ед. ч. в контекстах двойственно-

¹² В древнерусском языке в сочетаниях с составным числительным **два** (**двѣ**) / **оба** (**обѣ**) на **десѣте** существительное стоит в дв. ч., однако в рассматриваемых житиях в данном случае оно последовательно стоит во мн. ч., поэтому в настоящей работе это словосочетание не рассматривается как контекст двойственности. Словоформы, у которых окончания дв. ч. и мн. ч. омонимичны и числовую принадлежность которых не всегда можно точно определить, в настоящем исследовании не учитывались (формы им. падежа у существительных женского рода с основой на *i (в ЖСП — **прѣлоубѣ**, в ЖСР — **часть**), формы вин. падежа у существительных с основой на *jo (в ЖСП — **мѣстаць**, в ЖСР — **монастырь**, **старецъ**) и на *i (в ЖСП — **ноздрь**, **челюсть**), личного местоимения *i, притяжательного местоимения **мон** / **свои** и причастия мужского рода (в ЖСР — **оумръша**), а также форма им. падежа личного местоимения 2-го л. **вы** — в 1-й и во 2-й частях ЖСР по одному примеру). Хотя числовая принадлежность формы **«вы»** остается дискуссионным вопросом, в настоящей работе, вслед за А. А. Зализняком [Зализняк 1995: 113—114] и О. Ф. Жолобовым [ИГДРЯ 2001: 75—78], автор относит ее к формам дв. ч. Дуальные формы слова **родитель** образуются от основы на *jo [ИГДРЯ 2001: 60], а плюральные — исконно от согласной основы, хотя уже с раннего периода прослеживается вариантность с флексиями *jo- и *i-, см. подробнее [ИГДРЯ 2000: 43—49, 108—116]. В ЖСР в контекстах двойственности окончания данного слова в вин. п. варьируются: **-а** / **-ѣи** / **-и**. В настоящей работе формы с окончанием **-а** отнесены к дв. ч., а **-ѣи** / **-и** — к мн. ч.

Для установления числа словоформ в сокращенной записи привлекаются также списки РГБ, ф. 173/1, МДА, № 50 (лл. 59—149 об.), № 88 (лл. 276—381) и № 146 (лл. 444—608): **родителе**^м (1-я части ЖСР, № 698, л. 10 об.) — в списках Троиц. № 663 и МДА № 146 **родителемъ**; **к ни**^м (1-я части ЖСР, № 698, л. 29 об.) — в Троиц. № 663, МДА № 50, 88, 146 **к нимъ**; **на ни**^м (1-я части ЖСР, № 698, л. 39) — в Троиц. № 663, МДА № 50, 88, 146 **над ними**; **ослеплени**^м (№ 663, 2-я часть ЖСР, л. 546) — в МДА № 146 **ослепленимъ**. В настоящей работе предпочтение отдается формам, в которых соответствующие окончания написаны полностью. Лишь словоформа **нмоуци**^м в предложении **Ѡвсюдоу тѣснота Ѡвсюдоу недостаткы нї нмоуци**^м **ни Ѡкоудѣ ни астіа ни питїа** (1-я части ЖСР, № 698, л. 43), которая во всех списках написана в сокращенной записи, в настоящем исследовании не учитывалась. Электронные копии списков см.:

МДА № 50 на <http://www.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=5&manuscript=050>,

МДА № 88 на <http://www.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=5&manuscript=088>,

МДА № 146 на <http://www.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=5&manuscript=146>.

сти¹³ встречаются в ЖСП 4 раза¹⁴, в 1-й части ЖСР 4 раза¹⁵. В основном в данных контекстах мы имеем дело с формами как дв. ч., так и мн. ч. В исследуемых житиях формы дв. ч. употребляются и вне контекстов двойственности: в ЖСП — 5 случаев¹⁶, в ЖСР — 1¹⁷. Как отмечает А. В. Духанина [2008: 309], такое гиперкорректное использование форм дв. ч., возможно, связано со стремлением автора ввести в текст дополнительные книжные формы. В житиях примеров ошибочного употребления форм дв. ч. очень мало, значит, автор хорошо знает, что такое двойственное число и где должно (или можно) употреблять дуальные формы, хотя в живом языке данная грамматическая категория уже утрачена.

Количественные данные распределения числовых форм в контекстах двойственности представлены в табл. 1.

Эти данные показывают более последовательное употребление форм дв. ч. в ЖСП, чем в ЖСР, что отмечают также В. М. Живов [2004: 89, прим.] и А. В. Духанина [2008: 310]. На грамматическом и лексико-грамматическом уровнях между двумя житиями в использовании форм дв. ч.

¹³ В исследуемых житиях при подлежащем, выраженном конструкцией сущ. в им. падеже + **съ** + сущ. в тв. п., сказуемое часто стоит в форме ед. ч. Предполагается, что в данном случае подлежащим является существительное в им. п., а существительное с предлогом **съ** — дополнением. В настоящей работе такие случаи не включены в контексты двойственности.

¹⁴ Все примеры глагольных форм встречаются при двух однородных подлежащих: **Се же слышавъ книзь великы и митрополитъ** л. 717; **къмирская лесть и идолослуженіе првгнаса** л. 721 об.; **и исчезе срце мое и плавъ моа** л. 760 об. Кроме того, имеется 1 случай разночтений в списках: **и нѣсть конца рѣчемъ его** (Стефана и волхва. — Ю. М.) л. 695 — в РНБ, Вяз. Q.10 **ю** (форма дв. ч.).

¹⁵ **Ѡ обою закона** (л. 15 об.); **Ѡ лица княжа и сергіева** (л. 106). Что касается двух других случаев, то в списке ОЛДП F. 185, который, по наблюдениям А. В. Духаниной, возможно, отражает первичный текст Пространной редакции [Духанина 2008: Приложение 267], имеется другое чтение: **сергіе рѣса Ѡ родителя доврѣноу и блговѣрноу** (л. 10) — в ОЛДП F. 185 **родителю** (форма дв. ч.) [Духанина 2008: 307]; **стефаноу*** и **петру спѣшно и оучившъ грамотоу** (л. 25) — в ОЛДП F. 185 **изучившим** (форма мн. ч.) [Там же: 244].

¹⁶ **Рѣка*** **третіаа нарицаемаа Вѣка. таже течеть съ дреугоюу странѣ** **Перми** (л. 660); **Из же рекоу: не такоже ввленишася апѣи, или небрегоша ѡ проповѣди; но и сѣлѡ трѣдишася кождо ихъ и до послѣднаго изды|ханіа своего. Сквнчаста теченіе свое...** л. 660 об.—661; **вса си прѣречен'наа слышахъ, и съ твер'достію внидоста въ слѣха моа.** л. 714 об. Что касается остальных двух случаев, то в списке РНБ, Вяз. Q.10 здесь используются формы мн. ч.: **паки въспротивнстася людіе Мѡѡсею** л. 698 — в РНБ, Вяз. Q.10 **въспротивншаста**; **а ѡ моужъ моудрецъ преложеніе преложили, перетолмачили, книги Ѡ жидовьска на греческын азакъ преведоста.** л. 731 — в РНБ, Вяз. Q.10 **преведоша**.

¹⁷ **власїи же они старци по днѣхъ паки пришѣша начаша бесѣдовати к немуѡ глагоце** л. 72 об.

серьезных различий не наблюдается, однако в ЖСР имеются некоторые отличия, анализ которых лучше проводить на текстовом уровне. Далее рассмотрен полученный материал на каждом из уровней.

Анализ на грамматическом и лексико-грамматическом уровнях

В данном разделе все контексты с дв. ч. рассматриваются согласно классификации, предложенной А. Беличем и усовершенствованной О. Ф. Жолобовым [ИГДРЯ 2001: 46—47]. Количественные данные приведены в табл. 2.

1. Свободное употребление

Существительные, обозначающие парные части тела, в ЖСП и ЖСР с высокой степенью частотности употребляются в форме дв. ч. (см. табл. 2). При выборе форм существительных главную роль играет, на наш взгляд, лексический фактор. Одни слова в основном стоят только в дв. ч.: *колѣно*, *крило*, *ланита*, *нога*, *око*, *рамо*, *рогъ*, *рѣка*, *скраница*, *слоухъ*, *съсьць*, *оухо*, например¹⁸: *весь днь сѣтоуа хождахъ, и свѣт очію, і тои нѣсть со мною* ЖСП, л. 756; *в средоу бо и в плато не пріймаше ни ѿ съсцоу ни ѿ млека кравья* 1-я часть ЖСР, № 698, л. 16; *преклонь колѣне начатъ молитиса в оумръше*¹⁹ 2-я часть ЖСР, № 698, л. 110 об. Из этих слов только *нога* 1 раз употребляется в форме мн. ч. в ЖСП в метафорическом выражении¹⁹: *Ты же чарудѣивы старче, что ради встава главоу, и к ногамъ прійде?* л. 697 об. В этом случае появление формы мн. ч., на наш взгляд, связано с контекстом: здесь слово *глава* указывает на Стефана, а *к ногамъ* обозначает «к пермским людям», значит реальное число — не два. А тематически близкие вышеуказанным словам *зѣница*, *плеще*, *роуница*, *стопа*, *челюсть* встречаются исключительно в форме мн. ч.: *помыслиша запати стопы моа, скрыша сѣ мнѣ* ЖСП, л. 673; *так и роуницами играше* 1-я часть ЖСР, № 698, л. 16 об.; *незловивыи же смиреніа дѣлатель прикоснѣса в слѣплени*¹⁹ *его зѣницамъ* 2-я часть ЖСР, № 663, л. 546. И в ЖСП, и в ЖСР лишь слово *оустына* стоит в обеих числовых формах. Как в старославянских, так и в древнерусских памятниках оно нередко употребляется в форме мн. ч. вместо дв. ч., что, по мнению О. Ф. Жолобова, «обусловлено воспроизведением греческого мн. ч. и / или аналогией с *plurale tantum оуста*» [ИГДРЯ 2001: 139].

¹⁸ Далее сплошной линией подчеркнуты формы дв. ч., а пунктирной — формы мн. ч.

¹⁹ Слово «нога» употребляется в форме дв. ч. в ЖСП 9 раз, в 1-й части ЖСР — 2, во 2-й — 6.

Таблица 1

Общее распределение форм дв. и мн. ч. в ЖСП и ЖСР

	ЖСП	ЖСР	
		1-я часть	2-я часть
Дв. ч.	185 (82,2%)	198 (63,3%)	44 (48,9%)
Мн. ч.	40 (17,8%)	115 (36,7%)	46 (51,1%)
Итого словоформ в контекстах двойственности	225 (100%)	313 (100%)	90 (100%)

Таблица 2

Распределение форм дв. и мн. ч.

		ЖСП		ЖСР			
				1-я часть		2-я часть	
		Дв. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
Свободное употребление	Парные части тела	47	7	34	3	19	1
	Слово родитель	1	1	15	23		
	Слово сѣпрѣгъ			2			
(а) Дистрибутивное употребление		26		6		4	
Связанное дв. ч.		11	2	5	1	3	
(б) Несвязанное употребление		2		2	2		6
Прономинально-вербальное	Местоимения	1	2	6	7		1
	Глаголы	18	2	5	13		4
Дв. ч. в конструкциях с двумя именами	Атрибуты				4		
	Глаголы	4	9	8	5		
Конгруэнтное дв. ч. ²⁰	Атрибуты	39	6	43	14	7	4
	Анафорические местоимения	8	3	22	17	3	4
	Предикаты	28	8	50	26	8	26
Итого		185	40	198	115	44	46

Кроме того, в исследуемых житиях встречаются слова, обозначающие тесно связанных лиц: **родитель** и **сѣпрѣгъ**. **Сѣпрѣгъ** употребляется лишь в форме дв. ч., а **родитель** — в обеих числовых формах (см. табл. 2). В ЖСП форма мн. ч. представлена во фразе, где речь идет не о конкретных лицах, а вообще об отношениях между детьми и родителями: **акы младенецъ нѣмѣа прѣ родителями своимн** л. 776 об. Возможно, в данном слу-

²⁰ Если существительные, обозначающие парные части тела двух или более лиц, стоят в дв. ч. (дистрибутивное употребление дв. ч.), то синтаксически связанные с ними атрибуты и предикаты учтены, а если такие существительные стоят во мн. ч., то нет.

чае выбор плюральной формы мотивирован реальным числом, очевидным из повествовательного контекста. Что касается 1-й части ЖСР, слово **родитель** в именительном падеже чаще всего стоит во мн. ч. (форма **родители** — 9 случаев, **родителие** — 4), а форма дв. ч. **родителя** встречается лишь 1 раз. Числовая вариативность склоняемых форм слова **родитель** нуждается в особом рассмотрении (см. ниже).

(а) Дистрибутивное употребление дв. ч.

Как видно из табл. 2, в контекстах с плюральной субъектно-объектной базой существительные, обозначающие парные части тела, также стоят в дв. ч. В данных контекстах, в соответствии с грамматическим основанием мн. ч. в предложениях, использованы и плюральные формы (в ЖСП — 10 случаев, в 1-й части ЖСР — 2, во второй части ЖСР — 1)²¹, однако налицо явное преобладание форм дв. ч. В выборе той или иной формы важную роль играет лексический фактор: если **оухо**, **рамо** употребляются лишь в форме дв. ч., а **око**, за исключением одного примера в ЖСП, последовательно стоит в дв. ч. в ЖСП — 8 случаев, в 1-й части ЖСР — 1, во 2-й части ЖСР — 2, то **ноздрь**, **слоухъ** и **стопа** — лишь во мн. ч., ср.: **оуши** **имѡу**, и не слышать ЖСП, л. 682; и на **рамоу** свою **веръвна** **изнесоша** на **мѣсто** 1-я часть ЖСР, № 698, л. 40 об.; **возрите** на **высотоу** **разоумноу** **оумныма** **очима** **вашима** ЖСП, л. 682 об.; **просвѣти** **имъ** **вчеса** и^х **оумнаа** и **дан** же **имъ** **разоумъ** ЖСП, л. 674 об.; и **мвра** **Чермнаго** **поучиноу** не **мвкрыми** **стопами**, **тако** по **сѡху**, **пѣши** **шестоваша** ЖСП, л. 676.

В данных контекстах (ср. свободное употребление) числовые формы слов **нога** и **рѡка** варьируются: в ЖСП **нога** — 4 формы дв. ч. при 2 формах мн. ч., **рѡка** — 11 форм дв. ч. при 5 формах мн. ч.; в 1-й части ЖСР **рѡка** — 4 формы дв. ч. при 1 форме мн. ч.; во 2-й части ЖСР **рѡка** — 2 формы дв. ч. при 1 форме мн. ч. Трудно определить условия появления форм мн. ч. в ЖСП, но обращает на себя внимание тот факт, что 6 из 7 примеров мн. ч. этих слов зафиксированы в точных или переделанных библейских цитатах²², например: **По истинѣ** **бѡ** **тѣх**^х **соуть** **красны** **ногы**, **блговѣствующихи**^х **миръ** л. 670 (ср. Ис. 52, 7); и в **рѡкахъ** **змѡ** **въз'моуѡу**, и **аще** и **смртно** **чтѡ** **испюуть**, **ничто** же **нхъ** не **вредѡ** л. 668 (ср. Мк. 16, 15—18). Ф. Вигзелл, исследуя цитаты из Псалтыри в ЖСП, отмечает, что автор приводил их по памяти, и память иногда изменяла ему, к тому же его метод сочинения был свободным и непосредствен-

²¹ Не учтены контексты, где упоминается определенно непарносоставное множество (**Дроуэи** **ѡ** **нихъ** **мнвгы** **похващахоу** **топоры** **вѡ** **одноу** **страноу** **встры** в **рѡкахъ** **нхъ** ЖСП, л. 680 об.) или обозначения оказываются неопределенными (**На недоужных** **роуки** **възложатъ**, || и **зрѡви** **боудоуть** ЖСП, л. 668—668 об.).

²² Атрибуция цитат из Библии основана на примечаниях В. Г. Дружинина [Житие св. Стефана 1959] и Г. М. Прохорова [Святитель Стефан Пермский 1995].

ным, что позволяет адаптировать цитаты из Св. Писания в соответствии со стилистическим замыслом, см. [Вигзелл 1971: 242—243]. Анализ способов цитирования Библии в ЖСП не входит в задачи настоящего исследования, отметим только, что такой творческий подход автора мог способствовать использованию плюральных форм²³. Что касается ЖСР, то на выбор формы мн. ч. существительного *рѹка*, возможно, влияет повествовательная стратегия автора при изображении субъектов, которым принадлежат эти руки: *и в самыи оубо исхо въ нже хоташе телеснаго съоуза ѿрѣшитиса, влчнѹго тѣла и крови причаститиса оученикъ рѹками того немощныа оуды покрѣплѹемы. възвѣже на небо рѹцѣ, и мѣтвѣ сътворивъ, чистѹю свою и сценнѹю дшѣ съ молитвою гвн предѣ* 2-я часть ЖСР, № 663, л. 551 об.

В данном контексте о руках Сергия, отходящего к Богу, говорится в дв. ч., а о руках его учеников — во мн. ч. Здесь выбор числовых форм зависит от того, о скольких руках в действительности идет речь. Кроме того, можно предположить, что автор языковыми средствами маркировал святость Сергия, противопоставив его ученикам. Та же ситуация наблюдается и при употреблении слова *рѹка* во мн. ч. в 1-й части. При упоминании рук бесов автор употребляет форму мн. ч., избегая дв. ч. (ср. в речи бесов, обращенной к Сергию: *аще ли не избѣжеши ѿсюдоу. то растрѣгне^м тѣ и оумреши в роука^х нашихъ* 1-я часть ЖСР, № 698, л. 54).

2. Связанное дв. ч.

Существительные в сочетании с числительными *два* / *оба*, как явствует из табл. 2, в обоих житиях стоят в дв. ч., а отклонения при этом немногочисленны.

О. Ф. Жолобов отмечает, что в берестяных грамотах фиксируются новообразования форм дв. ч. среднего рода им.-вин. п. на *-а* вместо исконных форм на *-ѣ*, которые возникли в процессе генерализации форм мужского образца в противовес женскому деклинационному образцу, см. [ИГДРЯ 2001: 73—74; ИГДРЯ 2006: 94—95]. В ЖСП и 1-й части ЖСР имеется только по одному примеру формы на *-а*: *еще прилѡжи имѣ два слова писмен'наа* ЖСП, л. 730; *сице живѡхѹ тогѡ и по два лѣта* 1-я часть ЖСР, № 698, л. 80 об. Вместе с ними встречаются и исконные формы дв. ч. среднего рода: *тако двѣ свѣтилѣ свѣтлѣ* ЖСП, л. 731 об.; *или двѣ лѣте*, или *волѣ* или *мен'ши* 1-я часть ЖСР, № 698, л. 62 об. Следу-

²³ Следует отметить, что единственный пример употребления форм мн. ч. у существительного *око* встречается также в библейской цитате.

Подобный творческий подход применен и к другим грамматическим формам. По наблюдениям А. В. Духаниной, в библейских цитатах в ЖСП и 1-й части ЖСР фиксируются формы перфекта 3 л. без связки, которые не были заимствованы Епифанием из первоисточников, а, возможно, появились под пером самого автора, см. [Духанина 2008: 46—48].

ет отметить, что в этих случаях, в отличие от примеров с формой на -а, числительное **два** тоже стоит в исконной форме среднего рода **двѣ**.

Кроме того, в ЖСП зафиксирован случай употребления форм мн. ч. родительного падежа среднего рода: **числомъ тако до ста или до двою сѣ** ЖСП, л. 703.

Согласно О. Ф. Жолобову, уже в XIV в. в бытовой и деловой письменности у существительных в сочетании с числительными формы дв. ч. замещались формами мн. ч. как в им. — вин. п. в ж. р., так и в косвенных падежах во всех родах [Жолобов 2002: 4—5], однако в исследуемых житиях подобной замены не наблюдается, ср.:

(1) **Не знаемъ***, какъ изъ единомъ страны истекосте **двѣ рѣцѣ** ЖСП, л. 660;

и такъ **бѣаше земля та в' ты дни двѣма гладома** **удержима соуци** ЖСП, л. 736 об.; **Хвалит' въ Рим'скаа земля** **убою аплоу** Петра и Павла ЖСП, л. 751; **водуу въ двою подносоу** **почерпаа на своемъ сирамѣ на гороу възношаше** 1-я часть ЖСР, № 698, л. 68 об.

В старорусских грамотах в им.-вин. п. м. р. двойственный и малый количественные разграничиваются вплоть до XVII в.: с числительными **два**, **оба** продолжает употребляться форма им.-вин. п. дв. ч. на -а, а с **три**, **четыре** — им.-вин. п. мн. ч. [Жолобов 2002: 13—14]. Подобное противопоставление сохраняется и в исследуемых житиях, ср.:

(2) **уба сѣа моужа добра и моудра** **выста** ЖСП, л. 731 об.;

и жена его **оумре рѣвши два сна** 1-я часть ЖСР, № 698, л. 40; **но и тамо три крѣты** **поноуженъ бывъ** ЖСП, л. 710; **имѣаше три сны** 1-я часть ЖСР, № 698, л. 24 об.

(b) Несвязанное употребление²⁴

В употреблении числовых форм существительных, которые не сочетаются с числительными, но морфологические формы которых или контекст указывают на то, что речь идет о двух предметах или лицах, обнаруживаются различия между текстами. В ЖСП преимущественно используются формы дв. ч.: **мѣа** **априла въ къ**, **межоу десѣтьма днѣ** л. 745 об.;

(3) **сѣа въ прѣрка соуца**, **уба равно засвѣдѣтельствоваста**, **нѣу и землю на послоушество** **приводаста** л. 739 об.

Если же в 1-й части ЖСР числовые формы варьируются, ср.: **се во братѣа твоа** **стефанъ и петръ** **оженистѣ**. и **покутса** **како оуготѣ** **женама** № 698, л. 38; и **пѣвъ на ни^н** **нагробныа** **пѣсни** и **скоутавъ** **телеса** **ею** и **цѣловавъ съ** **многую чтѣю** № 698, л. 39, то во 2-й части встречаются исключительно формы мн. ч. Показательно, что в сочетании с числительными эти слова стоят в тех же падежных формах в дв. ч.:

²⁴ О существительных, являющихся атрибутами в конструкциях с двумя именами *А и Б* или *А с Б*, см. в разделе (4).

(4) но авіе въскорѣ послааѣ два архіма^н дрита, герасима. и павла. нѣчто прѣлага^а емоу ѿ вжѣвнаго писаніа. тѣ бо тако ѿць оучааше. и тако сна наказааше. прише^ие* архімандрі^н тѣи, и сътворше обычное цѣлованіе 2-я часть ЖСР, № 698, л. 122.

(5) и авіе зрѣтъ прѣтѣю съ двема аплома петро^а же і ноанно^а в неиреченнѣи свѣтлости облистаящѣ. и тако видѣ стын паде ниць, не могли трѣпѣти нестрѣпимю внѣ зарю, (...) и прише^ии^и имѣ исповѣдати вса по радѣ. како видѣ прѣтѣю съ аплы, и что изрече стѣм^а чюднаа вѣщаніа 2-я часть ЖСР, № 663, л. 544—545.

3. Прономинально-вербальное дв. ч.

Рассмотрим употребление местоимений 1 и 2 лица и синтаксически связанных с ними глагольных форм.

Личное местоимение 1-го л. в именительном падеже, зафиксированное лишь 3 раза в 1-й части ЖСР, не обнаруживает вариативности: оно представлено только формой *мы*.

В косвенных же падежах наблюдается вариативность в использовании числовых форм. В 1-й части ЖСР имеется 10 примеров, при этом предпочтение отдается формам дв. ч.: 6 форм дв. ч. при 4 формах мн. ч. Вопрос об употреблении форм мн. ч. рассмотрим ниже. В ЖСП (1 форма дв. ч. при 2 формах мн. ч.) и 2-й части ЖСР (1 форма мн. ч.) мало примеров, на основе которых можно было бы сделать определенные выводы.

Для глаголов в ЖСП характерны формы дв. ч., а во 2-й части ЖСР, наоборот, — формы мн. ч. В 1-й части ЖСР наблюдаются колебания между дв. и мн. ч. с преобладанием последнего.

Следует отметить, что в ЖСП в 15 из 17 примеров дв. ч. представлено формами 1-го лица повелительного наклонения, ср.: *И паки дроугойцы дроугое извѣщеніе прїимемъ, тѣмъ* вобразом: прїидевѣ^ѣ вѣа им'шаса за роуцѣ когождо, и внидевѣ^ѣ кѣпно въ единою пролоубь, и низъ снидевѣ^ѣ въ глоубиноу реки Вычегды, и поуствѣса на низъ по поледію* л. 707. В данном предложении отмечен единственный пример употребления формы мн. ч. 1-го л. *прїимемъ* (повелительное наклонение).

Что касается 1-й части ЖСР, то на выбор числовых форм влияет содержание фрагментов, о чем см. ниже.

4. Дв. ч. в конструкциях с двумя именами

Сочетания двух имен, соединенных союзом *и* или предлогом *съ* и сопровождаемых согласованными по смыслу атрибутивными или предикативными формами, встречаются лишь в ЖСП и в 1-й части ЖСР. При этом, если в 1-й части ЖСР зафиксированы как атрибутивные, так и предикативные конструкции, то в ЖСП только предикативные.

В ЖСП при подлежащих, соединенных союзом *и*, глаголы стоят последовательно в дв. ч., а при подлежащих, соединенных предлогом *съ*, — во

мн. ч., ср.: Се же слышавъ кнзъ великы и митрополитъ оудивльшася²⁵, похвалиста доумоу его, и оугони быша пред ними словеса егво, и по^осоулиста быти прошенію его л. 717—717 об.; такъ* древле Ан'нии Зам'врии въ Егип'тѣ противита Моисею л. 698 (здесь союз и пропущен); и превыста сама два, ток'мо другъ съ другомъ истязующеса словесы, весь днь и всю нощь, без' брашна и безъ сна пребывающи²⁶, ни престатъа и^омоуще, ни почиванія сотворяюще, ни сноу вдающеся, но присно ѡ спираіи соупротивлающеся, словесы оупражнющеся л. 706 об.; тогда и сїи с нимъ во единое время поставлени бѣша л. 719 об. В 1-й же части ЖСР при подлежащих в конструкции *А с Б* глагол стоит в дв. ч.:

(6) Се ни^м же стефанъ дховъны^м житїемъ оба коупно живаста, но и въ цркви на клиросѣ оба по радоу столеце поахоу 1-я часть ЖСР, № 698, л. 44²⁷.

Что касается глаголов при подлежащих, соединенных союзом *и*, в 1-й части ЖСР наблюдаются колебания между дв. ч. и мн. ч., ср.: се во братїа твоа стефанъ и петръ ожениста. и пекоутса како оугти женама № 698, л. 38; срце мое и пав' моа възрадовастѣса²⁸ о бсѣ живѣ № 698, л. 49; такъ ѿць мон и мти моа оставалѣ ма № 698, л. 33.

Что касается атрибута, то в 1-й части ЖСР две атрибутивных формы мн. ч. зафиксированы в словосочетании: въ .з. днь на памѣ стѣх' мчнкъ сергїа и вакха № 698, л. 46 об. По наблюдению О. Ф. Жолобова, в составе данного формульного обозначения памятней святых уже в Софийском прологе XII—XIII вв. правильное согласование форм дв. ч. часто нарушается [ИГДРЯ 2001: 130—131]. Две формы мн. ч. подлежащего встречаются в предложении, где относящийся к ним предикат обозначен формой дв. ч.: сынове* киріловы стефанъ и петръ оженистаса 1-я часть ЖСР, № 698, л. 38. Показательно, что при наличии числительных появляется форма дв. ч., см. примеры (4) и (5).

5. Конгруэнтное дв. ч.

Согласованные определения (прилагательные, притяжательные / неопределенные / указательные местоимения, причастия) последовательно нахо-

²⁵ В списке РНБ, Вяз. Q.10 форма мн. ч. *удившиася*.

²⁶ Данная форма имеет в списке РНБ, Вяз. Q.10 флексию *-а*, а в списке Увар. № 46 флексию *-е* [Духанина 2008: 305].

²⁷ Вполне возможно, что здесь глагольная форма связана не со словосочетанием *с ни^м же*, а с числительным *оба*.

²⁸ В исследуемых житиях встречаются формы аориста 3 л. дв. ч. с окончанием *-стѣ* (*-сте*), нетипичного и редкого для славяно-русских источников (в ЖСП — *истекостѣ* л. 660; в 1-й части ЖСР — *възрадовастѣса* л. 49, *поработастѣ* л. 92). Об особенностях его употребления в памятниках русского извода и в исследуемых житиях см. [Духанина 2008: 133—137].

дятся в отношениях числового согласования с существительными как в ЖСП, так и во всех частях ЖСР, например: **в' дѣлѣ^х роукѹ своею оувѣзе грѣшникѹ, дѣломѹ рѹкѹ своею поклонишасѹ коумиромѹ** ЖСП, л. 673 об.; и **прозрѣ || вноутренима очима** 1-я часть ЖСР, № 698, л. 26—26 об.; **в роукоу твою вси есмы** 2-я часть ЖСР, № 698, л. 127 об.; **плѹ оустентѹ моихѹ прѣположихѹ** ЖСП, л. 713 об.; **иже ѿ рѹтѣлеи доборрѹны^х и блговѣрны^х** произыде 1-я часть ЖСР, № 698, л. 36 об.; **незловивны же смиренїа дѣлатель прикоснѹсѹ вслѣплены^м его зѣнницамѹ** 2-я часть ЖСР, № 663, л. 546. Отклонения наблюдаются лишь в трех словоформах в 1-й части ЖСР: **ѿ прѣпены ѿць ншь сергіе рѹса ѿ родитѣла доборрѹноу и блговѣрноу** № 698, л. 10 (определяемое стоит в ед. ч., а определения — в дв. ч.²⁹); **поне* оць и мти наша рѹтѣлїе** коль краты **възвѣстиша тебѣ прѣ нами глѹци** № 698, л. 41 об.

Что касается анафорических местоимений, то личное местоимение 3-го л. в им. п. встречается лишь в 1-й части ЖСР и стоит исключительно во мн. ч. — **они** (5 примеров). В косвенных же падежах в ЖСП и во всех частях ЖСР оно используется как в дуальной, так и в плюральной формах. Согласно количественным данным, в ЖСП и во 2-й части ЖСР явного различия между формами дв. и мн. не наблюдается (в ЖСП — 4 формы дв. ч. при 3 формах мн. ч., во 2-й части ЖСР — по два примера), в 1-й же части ЖСР преобладают формы дв. ч.: 21 форма дв. ч. при 7 формах мн. ч. Об особенностях употребления форм мн. ч. в 1-й части ЖСР см. ниже. Местоимение **сь**, используемое в ЖСП и во 2-й части ЖСР, и **сам**, имеющееся в ЖСП, стоят в дв. ч., а **тъ** из 1-й части ЖСР — в обеих числовых формах (по одному примеру). Местоимение **иже** во всех частях ЖСР употребляется только в им. п. мн. ч.

В контекстах двойственности в значении предиката встречаются прилагательные, глагольные формы наст. вр., имперфекта и аориста, причастия³⁰. По мнению автора настоящей статьи, на выбор их числовых форм сильное влияние оказывают соответствующие субъекты (см. табл. 3).

В ЖСП и 1-й части ЖСР при именах существительных, обозначающих парные части тела, в свободном употреблении предикативные формы стоят преимущественно в дв. ч., а во 2-й части ЖСР — во мн. ч., ср.: **Оутверди,**

²⁹ См. прим. 15.

³⁰ В этот период уже началось достаточно активное формирование категории деепричастия, что, несомненно, привело к определенным изменениям в формах и функциях причастий. По наблюдению А. В. Духаниной, в ЖСП и 1-й части ЖСР случаи нарушения согласования в кратких формах им. падежа действ. причастий немногочисленны, исключение составляют лишь формы дв. ч. [Духанина 2008: 283]. В ЖСП и ЖСР в контекстах двойственности, за исключением двух случаев, все краткие причастия представлены формами муж. р. В табл. 2 мужские формы на **-а** отнесены к дв. ч., на **-е** или **-и** — к мн. ч. Кроме того, зафиксировано по одной форме на **-е** ср. р. в ЖСП и ж. р. в ЖСР (см. табл. 2), которые отнесены к мн. ч.

Таблица 3

Зависимость распределения форм дв. и мн. ч. предиката от субъекта

Субъект		ЖСП		1-я часть ЖСР		2-я часть ЖСР	
		Дв. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
Парные части тела	Свободное употребление	4	1	5			2
	Дистрибутивное употребление дв. ч.	1	4			1	
Слово родители				7	8		
Числительное два / оба или словосочетание с ним		21		6	2		
Существительное без числительного два / оба					1		10
Местоимения	они			1	8		
	та			1			
	сна	1					
	иже			3	3	1	3
Субъект прямо не указан		1	2	25	4	3	11

Гѣ, цркъвь свою сѣю, юже сохрани и до скончаніа вѣка, нѣ же при-сно || соблюди ю, на нюже **очи твои да видита** всегда, и **будета оуши твои, внемлюще гла матвы моеа**, юже приноситъ ЖСП, л. 762 об. — 763; и азъ того ра̃ приидо^х да **роуцѣ мои не празноуета и съзиждо а твѣѣ** 1-я часть ЖСР, № 698, л. 91; но **носѣ его стлѣпѣе вахѣ днь ѿ днѣ, яко же степенѣ приближающеса** к **бгѣ** 2-я часть ЖСР, № 663, л. 550 об. Следует отметить, что причастие **внемлюще** в примере из ЖСП является единственным случаем употребления формы мн. ч. в этом контексте, однако список Вяз. Q.10 дает вместо него форму дв. ч. **внемлюци**³¹. Можно предположить, что в епифаниевском тексте употреблено дв. ч.

При субъекте в дистрибутивном употреблении дв. ч., наоборот, в ЖСП предикаты выражены формами мн. ч., ср.: **тогда проглаголю очи слѣпымъ, и оуши глухымъ оуслышад** л. 724 об.; **мы бв есмы сами преставленію е самовидцы и слдгы, еже очи наши видѣша, и роуцѣ наши всазаша** л. 747 об. Единственное отклонение в ЖСП встречается в переделанной библейской цитате (ср. Деяния 20: 34): **сами вѣсте яко требованію моему и соущим со мною, послужиста роуцѣ наши** л. 694. В Деяниях руки принадлежат одному Павлу (свободное употребление)³², чем, возможно, и мотивировано появление формы дв. ч. Во 2-й час-

³¹ В списке Увар. № 46, относящемся к Основному подвиду, тоже отмечена форма **внемлюци** [Духанина 2008: Приложение, Табл. 8.5. Разночтения во флексах причастий в списках ЖСП].

³² См. Чудовский Новый Завет (сер. XIV в.), с которым Епифаний Премудрый мог быть знаком [Духанина 2008: 22]: **сами вѣсте яко требоваю моку и**

ти ЖСР в этом контексте в значении предиката зафиксирована лишь форма дв. ч.: **ѡже видѣста рѣ^ѣ очн наши** № 698, л. 111 об.

Предикативные формы при подлежащем, выраженном существительным *родители*, будут рассмотрены ниже.

Когда субъект представляет собой числительное **два / оба** или существительное, сочетающееся с ним, в ЖСП предикативные формы стоят лишь в дв. ч., ср.: **нстекостѣ** в примере (1), **добра и мѡдра быста** в примере (2), **засвѣдѣтельствоваста, приводаста** в примере (3), а в 1-й части ЖСР — и в дв. ч., и во мн. ч. с преобладанием первого, ср.: **и егѡ сѡмоу бываемѡ. тогѡ оба авѣе пребываста алчюща са^ѡ же и звѣрь** 1-я часть ЖСР, № 698, л. 59. Плюральные формы в 1-й части встретились в примере (6) — **столице полаху**, однако в этом предложении в качестве субъектов выступают и числительное (**оба**), и конструкция **А с Б (с ни^ѡ же Стефанъ)**, что, возможно, и привело к колебанию в выборе числовых форм предикатов.

Если субъект обозначен существительным без числительного, то предикативные формы стоят исключительно во мн. ч.

При субъекте **они** предикаты, имеющиеся лишь в 1-й части ЖСР, стоят во мн. ч., за исключением одного примера, о котором речь будет идти ниже. При субъекте **сна** в ЖСП и при субъекте **та** в 1-й части ЖСР глаголы стоят в дв. ч.

Когда субъект выражен относительным местоимением **иже**, на выбор числовых форм сказуемого может влиять существительное главного предложения, к которому оно относится. Если местоимение **иже** относится к существительному парного обозначения **сѡпрѡга** (форма дв. ч.), то предикаты стоят в дв. ч. (в 1-й части ЖСР 2 примера), ср.: **ѡ предобраа соѡпрѡга, и^ѡ таковомоу дѣтицоу родителя **выста**** № 698, л. 10, а если оно относится к существительному во мн. ч., то соответствующее ему сказуемое стоит во мн. ч. (во 2-й части 1 пример): **пристоупивше къ стомоу сергїю вни оучици его и^ѡ бывше достоинѣ чюднаго зрѣнїа** № 698, л. 135 об. При существительных, обозначенных конструкцией с двумя именами собственными, связанными союзом **и**, когда **иже** не относится к конкретному существительному, в предикатах чередуются формы дв. ч. и мн. ч.: **ѡ оца нарицаемаго кирила, и ѡ мѡре имене^ѡ мрїа, иже бѣста вѣжїи оугодници правдѣви прѣ бгомы и прѣ члкъы и всачьскы^ѡ добродѣтели испльнени же и оукрашени такоже бѣ любїи** 1-я часть ЖСР, № 698, л. 10; и **проси оу стефана. соущоу томоу того монастыра. нѣкоего брата. могоуци сказати емоу мѣста поустыннаа. иже и многа мѣста вѣшьешѣ. послѣди^ѡ прїндоста и обрѣтоша мѣсто красно сѣло** 2-я часть ЖСР, № 698, л. 119 об.

Варьирование форм дв. и мн. ч. характерно и для предикатов в случаях, когда субъект действия прямо не указан, но из контекста ясно, что речь

соущи^ѡ со мною послѡужнста роуцѣ си (по изданию [Чудовская рукопись Нового Завета 2001: 213]).

идет о двух лицах. В ЖСП форма дв. ч. зафиксирована в предложении: **Ѣи въ Бѣа прославиѣта, и Бѣтъ ею прослави, славаѣаа въ ма, рече, прославию** л. 731 об. Возможно, что выбор данной формы связан с употреблением далее личного местоимения **ѣю** в форме дв. ч. Плуральные формы в ЖСП зафиксированы в предложениях, не имеющих подобной опоры: **и мнѣгажды ѡ семь спирахѡуса промежи собою, и не бѣ равно бесѣдованіе ихъ, и нѣсть конца рѣчемъ его**³³ л. 695 (речь идет о Стефане и волхве);

(7) **ѡва оубо ꙗже естъ верхънаа, оудѡуже понрети има ѡбѣма в'коупѣ, имшиѣа за роуцѣ, ѡва же нижнаа, ѣю* низъшеше по подлѣдью, и паки выпсрь возницати** л. 710.

Что касается сказуемых без указания субъектов в 1-й части ЖСР, то словоформы **сътвориѣа** и **изнесоѣа** (л. 40 об.) автор настоящей статьи относит к мн. ч. (см. табл. 3). В отношении **сътвориѣа** В. М. Живов отмечает, что «нельзя исключить искажения при переписке причастной формы *сътвориѣа*» (форма дв. ч.) [Живов 2004: 88]. **Изнесоѣа** тоже может являться не аористом мн. ч., а дуальной формой действительного причастия прошедшего времени **изнесѣша**, так как в книжных памятниках **ѡ** и **о** нередко смешиваются, см. [ИГДРЯ 2001: 142]. Для анализа примеров из 2-й части требуется учет более широкого повествовательного контекста (см. ниже).

Кроме того, в исследуемых житиях встречается оборот «дательный самостоятельный». В ЖСП «дательный самостоятельный» употреблен лишь один раз, при этом в его составе причастие не согласуется с субъектом ни в падеже, ни в числе, см. **има ѡбѣма в'коупѣ, имшиѣа** в примере (7). В списке РНБ, Вяз. Q.10 вместо **имшиѣа** использована форма дат. падежа мн. ч. **имшимся**. Что касается ЖСР, то в обеих частях субъекты, выраженные существительными или местоимениями в дат. падеже, и согласованное с ними причастие стоят преимущественно в дв. ч. (в 1-й части два примера, во 2-й части три), ср.: **въ прьвоую соубѡтоу великаго поста въ цркѡи молашнмаса** **има** 1-я часть ЖСР, № 698, л. 22 об.; **и тако бесѣдоющема** **има** к **себѣ** 2-я часть ЖСР, № 698, л. 127 об.

* * *

Проведенное исследование показывает, что в распределении форм дв. и мн. ч. грамматические и лексико-грамматические условия играют большую роль. При этом особое место принадлежит существительным, так как числовые формы атрибутов и сказуемых определяются тем, обозначают ли эти существительные парные или непарные предметы, сопровождаются числительными или нет.

В результате анализа появилась необходимость четкого разграничения дистрибутивного и свободного употребления дв. ч. Как видно из приве-

³³ В списке РНБ, Вяз. Q.10 — форма дв. ч. **ѣю**.

денных выше примеров, это различие сильно влияет на выбор числовых форм, особенно сказуемых. Подтверждение этому мы находим в ЖСП.

Кроме того, анализ показывает, что числовые формы сказуемых в значительной мере зависят от субъектов, на что до сих пор исследователи обращали мало внимания³⁴.

Из вышесказанного становится ясно, что проблема выбора числовой формы легко решается в пределах предложения. В большинстве случаев варьирование числовых форм в ЖСР тоже можно было бы объяснить данными условиями, но это не было бы исчерпывающим доказательством. Остается открытым вопрос о варьировании склоняемых форм слова **родитель** и личных местоимений, глагольных форм при субъектах, обозначенных словом **родитель**, анафорическим местоимением **они**, и случаев, когда субъект прямо не указан. Для его решения требуется анализ с учетом более широкого повествовательного контекста, выход за пределы предложения, работа с полным текстом произведения.

Анализ на текстовом уровне

В этом разделе рассматривается распределение числовых форм в контекстах двойственности в ЖСР. Этот вопрос остался открытым на грамматическом и лексико-грамматическом уровнях. Анализ употребления данных форм показал, что на их выбор существенное влияние оказывает содержание фрагментов, в которых они встречаются.

В 1-й части ЖСР формы дв. ч. зафиксированы на протяжении всего текста, тогда как формы мн. ч. сосредоточены лишь в главе «**ѡ ѡ бѣ дасться емоу книжнѣ разоумѣ. а не ѡ чакѣ**» № 698, лл. 25 об.—30 об. Она включает в себя близкий к «видению» эпизод «Встреча Варфоломея (мирское имя Сергия) со старцем», где описывается, как неизвестный святой старец благословляет Варфоломея, чтобы тот мог научиться грамоте. До сих пор отроку никак не удавалось быстро овладеть грамотой. Монах дал ему, как некое сокровище, просфору, и, съев её, Варфоломей сразу же овладел грамотой. Потом отрок приводит старца в свой дом и знакомит с родителями. Этот благообразный старец подобен ангелу, следовательно, тематика эпизода — посещение ангелом людей. Хотелось бы подробнее остановиться на употреблении дуальных и плюральных форм в этом эпизоде.

Данный феномен ярче всего иллюстрирует использование плюральных форм в качестве предиката, поэтому целесообразно начать с него. Сцена

³⁴ Т. В. Пентковская при изучении употребления форм дв. ч. в славянских переводах и редакциях Иерусалимского Типикона обращает внимание на соотношение подлежащих и глагольных форм, см. [Пентковская 2009: 333—336, 357—361, 421—430].

«Встреча Варфоломея со старцем» в целом отличается высочайшей частотностью употребления плюральных форм глагола. В этом эпизоде во всех 23 контекстах двойственности субъектами являются родители Сергия, при которых сказуемые в основном представлены формами мн. ч., и лишь 3 раза — формами дв. ч.

Прежде всего остановимся на случаях, когда подлежащее выражено существительным *родители*. Как уже сказано выше, в 1-й части ЖСР в им. пад. оно чаще всего стоит во мн. ч. (форма *родители* или *родителіе*), а в дв. ч. — лишь 1 раз (*родителѧ*). М. Л. Ремнева отмечает, что существительное *родители* и согласуемые с ним слова практически во всех случаях употребляются во мн. ч., хотя возможно употребление и в дв. ч., при этом в их распределении отсутствует логика [Ремнева 2003: 201]. А. В. Духанина считает, что выбор числовых форм предиката никак не связан с флексией слова *родители* [Духанина 2008: 304]. По нашему наблюдению, в этих контекстах выбор плюральных форм глагола тесно связан с содержанием текста. В эпизоде, где описывается встреча Варфоломея со старцем, при субъекте *родители*, в отличие от других мест текста, глаголы последовательно стоят во мн. ч. (всего 4 примера), ср.: *рѡтѣли мои сѣло любѣѧ таковыѧ, како* ты ѿче* № 698, л. 27 об.; *рѡтѣли же е̇ молахоуѣса старцоу въпрашающе его и глѡюще* № 698, л. 28 об. В остальных эпизодах при описании родителей Сергия в основном используются формы дв. ч., например: *рѡдѣтелѧ* его приннесоста || млладенець въ црковѣ бжїю. въздающе како* и прїаста како* обѣщааста въздати его е̇гоу давѣшему его. коупно* терѣви повелѣвающа како да крѣпнїемъ бжествены^м съврѣшитї и* № 698, л. 14 об.—15; *родѣтеліе же его рекоста емоу* № 698, л. 38.

Аналогичная ситуация и в предложениях, где субъекты обозначены другими словами. Многие из глагольных форм мн. ч. в 1-й части ЖСР встречаются именно в этой сцене: при субъектах, обозначенных *мы*, *вы* (включая случаи, когда глагольные формы 1—2 л. используются без указания субъектов), — 8 примеров (из 13 форм мн. ч. в 1-й части), при субъекте *они* — 6 (из 8), при субъектах, выраженных сочетанием двух имен (*оць же его* и *мѣти*), — 2 (из 5). Отклонения отмечаются только 3 раза: в описании поведения родителей, выражающего почтение к старцу: *они* оузрѣвшѣ е̇ и изыдоша въ срѣтенїе емоу и поклонистаса емоу* (старцу. — *Ю. М.*) № 698, л. 28, и в речи старца, обращенной к родителям: *ѿ предобра соупроуга. иже таковомоу дѣтицоу рѡтѣли быста въскоую оустрашнѣстеса страхомъ идѣже не бѣ страха. но па^ррадоуитѣ и веселитѣ || како сподовистѧ таковыи дѣтиць рѡти* № 698, л. 29—29 об.

Частотность употребления плюральных форм во «Встрече» характерна и для местоимений *мы*, *вы*, *они*. В 1-й части встречаются 11 форм мн. ч. косвенных падежей этих личных местоимений, при этом 7 из них — в данном эпизоде, а формы дв. ч. — лишь 2 раза: *старецъ же стын прора-*

зоумѣ и позна дхѡмъ боудущее. и рече ѿ нма (родителям Сергия. — Ю. М.) № 698, л. 29, а также в речи старца, обращенной к родителям Сергия: и сѣа рече старецъ ѿнде назнаменаѡвъ темнѣ глѣ къ ннѣ ꙗко снѣ ваю нма быти овитель стѣа трѣца № 698, л. 29 об.

Что касается склоняемых форм слова родители, то перед самой встречей Сергия со старцем оно стоит в дв. ч.: посе^моу бо не мала печаль баше рѡтелема его № 698, л. 25 об., а в сцене их встречи — во мн. ч. (3 случая), например: старецъ* вкоуси брашна блви рѡтели его (вин. п.) № 698, л. 28 об. Показательно, что после расставания со старцем снова проявляется форма дв. ч.:

(8) и бга възлюбн и вго^м спсень бѣ пребываше въ всемъ повиноу^м рѡтелема || свонма. тѣаше бо сѣ повелѣнѣа ею съврѣшити и ни въ че^м же преслѣшатисѣ ею № 698, л. 30—30 об.

Характерно, что здесь местоимение они тоже стоит в дв. ч.

Таким образом, при описании встречи Варфоломея со старцем используется минимальное количество форм дв. ч. по сравнению с другими эпизодами 1-й части. Ярким подтверждением нашей интерпретации служит тот факт, что после расставания со старцем глагольные формы начинают употребляться уже в дв. ч., хотя субъектом в предложении остаются родители Сергия, ср.: они* недоумѣвающе. помышляху ꙗко аггѣлъ посланъ бѣ. даровати отрокоу оумѣнѣ грамотѣ. оць же его и мти въземше ѿ старца блвнѣ и словеса его положиша на срѣци свое^м възвратистѣа в до^м свои № 698, л. 30. См. и пример (8).

Аналогичный выбор числовых форм мы находим и во 2-й части ЖСР. Данная часть отличается большим количеством «видений», что, на наш взгляд, привело к высокой частотности плюралных анафорических глагольных форм без указания субъектов. Во 2-й части 12 из 14 сказуемых без субъектов отмечены именно в «видениях»: 2 дуальные формы при 10 плюралных³⁵. При этом во всех контекстах двойственности субъектами являются люди (включая Сергия), сподобившиеся видеть ангела, Богородицу или некоего святого, ср.: исповѣда же емѡ стѣн всѣа по радюу а* видѣ, и а* слыша, и блху оубо вкоупѣ раююще дшею трепещуще ѿ неизреченнаго видѣнѣа № 698, л. 115; (Исакий и Макарий. — Ю. М.) пристоупыша* въпросиша нѣкое^м иже съ кнзе^м. аще е сѣнни^к с ни^м пришедыи, и рекоша ни. и о се^м истинно оувѣдѣша № 698, л. 135.

Следует отметить, что 4 из 5 глагольных форм мн. ч. 2 л. тоже встречаются в «видениях».

Что касается остальных эпизодов, то во 2-й части в контекстах двойственности встретилось только 2 примера предикатов без указания субъектов (1 дуальная и 1 плюралная формы): (Александр и Андрей. — Ю. М.) създаста въ овители свои црквь каменоу. зѣло красноу и пописанѣ^м

³⁵ Отметим, что в эпизоде «Встреча Варфоломея со старцем» в 1-й части не встречаются предикаты без указания субъектов.

чюдны^м своимъ роукама оукрашиша в память ѿць свон^х № 698, л. 131³⁶.

Если в «видениях» много контекстов двойственности, то в остальных эпизодах их очень мало. Если бы и в остальных эпизодах, как в «видениях», было достаточное количество контекстов двойственности и формы дв. ч. употреблялись бы последовательно, то можно было бы с уверенностью сказать, что автор в «видениях» сознательно предпочитает формы мн. ч. К сожалению, материал не дает возможности противопоставить «видения» остальным эпизодам.

Однако, если рассматривать 1-ю и 2-ю части как целостный текст, то обнаруживается общая черта: в «видениях», в отличие от других эпизодов, предпочтение отдается формам мн. ч. Е. А. Рыжова, перечисляя формулы, использующиеся в видениях для описания появления и исчезновения святого, отмечает, что «они призваны перевести повествование из плана реального, во многих случаях бытового, в план символический, сакральный» [Рыжова 2005: 174]. Можно предположить, что в ЖСР такого рода «переведения» проявляются и в морфологическом плане: предпочтение плюральным формам в видениях мотивировано желанием автора подчеркнуть противопоставление человека Богу.

Выводы

Проведенное исследование показало, что уже в XV в. употребление форм дв. ч. в церковнославянских текстах претерпело немалые изменения. Вопреки мнению ряда исследователей, они используются не произвольно, а в соответствии с определенной закономерностью. На грамматическом и лексико-грамматическом уровнях последовательное употребление дуальных форм характерно лишь для существительных, обозначающих парные части тела (за исключением нескольких слов) или сочетающихся с числительными, а также для согласуемых с ними слов. В дистрибутивном употреблении привязанность к традиции ослабевает. В данных контекстах авторская интенция проявляется не столь ярко. Что касается других контекстов двойственности, то автор 2-й части ЖСР свободнее от традиции в выборе той или иной формы, что особенно ярко проявляется при замене форм несвязанного и прономинально-вербального дв. ч. плюральными формами. Автор ЖСП сильнее других привязан к традиции, а 1-я часть ЖСР занимает промежуточное положение: в этих двух контекстах (не связанном и прономинально-вербальном) и в предикатах при подлежащих, соединенных союзом **и**, в ЖСП используются исключительно формы дв. ч., а в 1-й части ЖСР — и дуальные, и плюральные формы. Таким образом,

³⁶ Рассказ об Александре и Андрее Рублеве, где встретилось данное предложение, обычно рассматривают как интерполяцию Пахомия Логофета, см. [БЛДР: 562].

в определенных контекстах формы дв. ч. используются с разной последовательностью в зависимости от текста (ЖСП, 1-я или 2-я части ЖСР), однако в целом распределение контекстов двойственности продиктовано синтаксическими и лексическими условиями. Ярким подтверждением тому служит ЖСП. Необходимо помнить, что ЖСП написано на стандартном церковнославянском языке³⁷, а наблюдаемые отступления — употребление форм мн. ч. в контекстах двойственности — могут являться признаком изменений в данном языке в старорусский период.

Что касается ЖСР, то выбор той или иной формы следует рассматривать как элемент нарративных стратегий, которые связаны с характером повествования, его сюжетом и отношением пишущего к описываемым событиям. В эпизодах, повествующих о посещении людей Богородицей или ангелами, автор избегает применять по отношению к людям формы дв. ч. Связь между использованием дуальных форм и социально-религиозными факторами прослеживается и в Житии святого Александра Свирского, созданном в 1545 г. игуменом Спасско-Троицкого монастыря Иродионом. По мнению А. М. Камчатнова, употребление форм дв. ч. по отношению к святой Троице связано с богословской борьбой с ересью того времени, см. [Камчатнов 2007]. А в «Повести о боярыне Морозовой» (конец XVII в.) формы дв. ч. имеют ярко выраженные прагматическую и текстообразующую функции: они употребляются только в описании сторонников героини — старообрядцев или ее родных, и в основном в рассказах, передающих радостные для них события, а в описании врагов героини — сторонников царя — в контекстах двойственности употребляются исключительно формы мн. ч. (см. [Маруяма 2006]).

На основании этого можно предположить, что чередование числовых форм слова *родитель*, личных местоимений и глаголов, наблюдаемое в «видениях» ЖСР, подсказывает начало процесса приобретения формами дв. ч. указанных функций.

Как справедливо отмечает В. М. Живов, преобладание форм мн. ч. в ЖСР по сравнению с ЖСП не обязательно связано с тем, что оно написано примерно десятилетием позже. Исследователь указывает, что «скорее речь может идти о различиях в риторической конструкции этих агиографических произведений: Житие Стефана более “панегирично”, а Житие Сергия более “повествовательно”» [Живов 2004: 89]. Основываясь на результатах проведенного исследования, можно добавить, что небольшое количество контекстов двойственности в ЖСП, требующих формы мн. ч., объясняется отсутствием эпизодов «видений», где были бы уместны формы мн. ч. Именно в этом заключается причина количественного различия.

Однако в некоторых житиях, составленных в период Московской Руси, встречается незначительное количество форм дв. ч. Например, в первой

³⁷ См. статистические данные [Именное склонение 1977: 20—73], анализ морфологии и синтаксиса в [Иванова 1998: 5—13], всестороннее изучение системы глагола в [Духанина 2008].

редакции «Жития Михаила Клопского», созданной во второй половине XV в. и не строго соответствующей назначению житийного жанра, в контекстах двойственности форма дв. ч. встречается только в выражении *в очи*. Даже в третьей редакции, созданной В. М. Тучковым в 1537 г., хотя она полностью отвечает всем требованиям житийного жанра, отмечаются лишь свободное и связанное дв. ч., и даже их употребление является непоследовательным³⁸. Еще один пример — «Сказание о Иоанне и Логгине Яренгских», созданное в XVI—XVII вв. Его первая редакция, как и первая редакция «Жития Михаила Клопского», еще не оформлена как житие; скорее она представляет собой свод эпизодов, а вторая редакция, написанная Сергием Шелониным в XVII в., в значительной степени приближается к каноническому житию, см. [Черепанова 2005: 222—225]. Но и в этой второй редакции формы дв. ч. употребляются редко: в 62 контекстах двойственности формы дв. ч. встречаются только 7 раз³⁹. Из этого следует, что частотность употребления форм дв. ч. в ЖСП и ЖСР в известной мере определяется чертами языковой личности автора. Притом вполне возможно, что какие-то плюральные формы попали в тексты в результате более позднего переписывания и в первоначальных авторских вариантах дуальные формы использовались еще больше.

В ходе развития старорусского языка прагматическая и текстообразующая функции становятся характерными не только для форм дв. ч. В отношении форм прошедшего времени в поздних летописных текстах В. М. Живов отмечает, что в частях летописных сводов, охватывающих конец XVI—XVII в., на фоне сплошного использования *л*-форм употребление простых претеритов становится композиционно или тематически обусловленным: «тематическая мотивированность обуславливает употребление форм аориста и имперфекта в тех фрагментах, которые в рамках данного произведения маркированы по своему содержанию» [Живов 2004: 101]. Примером этому служит последняя часть Мазуринского летописца (XVII в.): в части, начинающейся царствованием Михаила Федоровича, простые претериты употребляются в статьях о рождении, смерти, вступлении на престол, браке царей, великих князей и княжон, духовных иерархов, см. [Живов 1995: 62—63]. Аналогичные примеры можно найти в Пис-

³⁸ Первая редакция дошла до нас в двух вариантах — А и Б. По наблюдению автора статьи, вариант А имеет 22 контекста двойственности, а вариант Б — 29. Анализ проведен: вариант А — по списку РНБ, собр. Вяземского, Q. 278; вариант Б — по списку РНБ, собр. Погодина, № 640; Тучковская редакция — по списку ГИМ, Синод. собр., № 178 (по изданию [Повести о житии Михаила Клопского 1958]).

³⁹ «Сказание ...» содержит формы дв. ч.: *грѣшныма рукама* л. 119, *двѣ свѣчи* л. 126, *руцѣ* л. 126 об., 131, *два члка* л. 132, 133. В тексте числительное *три* в им. п. сочетается с существительным во мн. ч. (*три годы* л. 122), поэтому формы *двѣ свѣчи* и *два члка* с уверенностью отнесены к формам дв. ч. Анализ проведен по списку РНБ, Солов. собр. № 963/1073, л. 118—134 (по изданию [Черепанова 2005: 245—252]).

каревском летописце (XVII в.), см. [Жульева 1973: 327—330]. Кроме того, в первой редакции «Сказания о Иоанне и Логгине Яренгских» употребления оборота «дательный самостоятельный» «имеют несомненную текстообразующую и коммуникативную функции, которые во многих случаях выступают на первый план, оттесняя функцию чисто грамматическую» [Черепанова 2005: 239]. Подобные факты позволяют думать, что и в случаях, когда речь идет о прагматической и текстообразующей функциях форм дв. ч. в книжно-церковнославянских памятниках старорусского периода, мы имеем дело с тенденцией развития новых, дополнительных коммуникативно-прагматических функций у категорий и форм, находящихся в процессе утраты их системно-грамматических функций или уже утративших их. Имеющиеся данные дают основания предполагать, что на основе новых реалий языковой системы складывались нормы употребления форм дв. ч., которыми руководствовались старорусские книжники и которые определяют ряд тенденций в динамике языка высокой книжности старорусского периода.

Л и т е р а т у р а

БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева и др. Т. 6: XIV — середина XV века. СПб., 1999.

Вигзелл 1971 — Ф. В и г з е л л. Цитаты из книг священного писания в сочинениях Епифания Премудрого // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 232—243.

Духанина 2008 — А. В. Д у х а н и н а. Морфологические нормы в сочинениях Епифания Премудрого (система глагола): Дисс. ... канд. филол. наук (машинопись). М., 2008.

Духанина 2010 — А. В. Д у х а н и н а. Издание Жития Стефана Пермского: современное состояние и перспективы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 4 (42). С. 20—41.

Живов 1995 — В. М. Ж и в о в. Usus scribendi. Простые претериты у летописца-самоучки // Russian Linguistics. 1995. Vol. 19. P. 45—75.

Живов 1996 — В. М. Ж и в о в. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.

Живов 2004 — В. М. Ж и в о в. Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII веков. М., 2004.

Житие св. Стефана 1959 — Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым / Изд. Археографической комиссией под ред. В. Г. Дружинина. СПб., 1897. Переиздание с введением М. Чижевского. Heidelberg, 1959.

Жолобов 2002 — О. Ф. Ж о л о б о в. Морфосинтаксис числительных *два, три, четыре*: к истории малого количественного // Russian Linguistics. 2002. Vol. 26. P. 1—27.

Жульева 1973 — В. Ж у л ь е в а. Из истории глагольных форм прошедшего времени (на материале «Пискаревского летописца») // Проблемы обучения иностранным языкам. Т. 8. Владимир, 1973. С. 326—334.

Зализняк 1995 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Иванова 1998 — М. В. И в а н о в а. Древнерусская агиография конца XIV — XV вв. как источник истории русского литературного языка: Автореф. дисс. ... д. филол. наук. М., 1998.

ИГДРЯ 2000 — Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В. Б. Крысько. Т. I: Множественное число именного склонения / С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько. М., 2000.

ИГДРЯ 2001 — Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В. Б. Крысько. Т. II: Двойственное число / О. Ф. Жолобов, В. Б. Крысько. М., 2001.

ИГДРЯ 2006 — Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В. Б. Крысько. Т. IV: Числительные / О. Ф. Жолобов. М., 2006.

Именное склонение 1977 — Именное склонение в славянских языках XV—XVI вв. Лингвостатистический анализ. Л., 1977.

Камчатнов 2007 — А. М. Камчатнов. О символическом употреблении форм двойственного числа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 4 (30). С. 21—25.

Кириллин 2000 — В. М. Кириллин. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI—XIV века). СПб., 2000.

Киянова 1990 — О. Н. Киянова. Функционирование форм двойственного числа в книжно-славянском языке XV—XVI вв.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1990.

Клосс 1998 — Б. М. Клосс. Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. М., 1998.

Ключевский 2003 — В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 2003.

Маруяма 2006 — Ю. Маруяма. О функциональном распределении форм двойственного числа в русском языке XVII в. (на материале «Повести о боярыне Морозовой») // Мат-лы XXXV Междунар. филол. конф. Вып. 6. Секция «История русского языка и культурная память народа», 13—18 марта 2006 года. СПб., 2006. С. 90—97.

Пентковская 2009 — Т. В. Пентковская. Восточнославянские и южнославянские переводы богослужебных книг XIII—XIV вв.: Чудовская и афонская редакции Нового Завета и Иерусалимский Типикон: Дисс. ... д. филол. наук (машинопись). М., 2009.

Повести о житии Михаила Клопского 1958 — Повести о житии Михаила Клопского / Подг. текстов и ст. Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958.

Ремнева 2003 — М. Л. Ремнева. Пути развития русского литературного языка XI—XVII вв. М., 2003.

Рыжова 2005 — Е. А. Рыжова. Жанр видений в севернорусской агиографии // Русская агиография. Исследование. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 160—194.

Святитель Стефан Пермский 1995 — Святитель Стефан Пермский: К 600-летию со дня преставления / Ред. изд. Г. М. Прохоров. СПб., 1995.

Словарь книжников и книжности Древней Руси — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1. Л., 1988.

Черепанова 2005 — О. А. Черепанова. Культурная память в древнем и новом слове. СПб., 2005.

Чудовская рукопись Нового Завета 2001 — Чудовская рукопись Нового Завета 1354 года. Труд свт. Алексия митрополита Киевского, Московского и всея Руси чудотворца. М., 2001.

Яблонский 1908 — В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908.

YUKIKO MARUYAMA

**ON THE DISTRIBUTION OF DUAL FORMS
IN RUSSIAN HAGIOGRAPHIES OF THE 15TH CENTURY:
A CASE STUDY OF LIFE OF ST. STEPHEN OF PERM'
AND LIFE OF ST. SERGIUS OF RADONEZH**

The purpose of this study is to examine how the dual forms were used in the literary texts of the Muscovy period. The author analyzed original hagiographies written by Epiphanius the Wise in the early fifteenth century *Life of St. Stephen of Perm'* and *Life of St. Sergius of Radonezh*. The analysis was conducted not only at the grammatical and lexical-grammatical level, but also at the textual level. As a result of the analysis, it turned out that in many cases number forms were chosen according to the grammatical and lexical-grammatical conditions, but in considerable cases the choice was made by the narrative strategy associated with the characteristic of the episodes, the evidence of which can be observed in *Life of St. Sergius of Radonezh*.

Key words: dual, hagiography of the Muscovy period, *Life of St. Stephen of Perm'*, *Life of St. Sergius of Radonezh*.

И. И. МАКЕЕВА

ОПИСАНИЕ АКЦЕНТНОЙ МИКРОСИСТЕМЫ РУССКОЙ РУКОПИСИ XVII В.

1. Глагол

Данная статья продолжает описание микросистем русских рукописей XVII в. — иноческих сборников из собрания Овчинникова, хранящегося в Отделе рукописей РГБ.

Рукопись № 530, XVII в., 4°, имеет 281 пронумерованный лист, а также чистые лл. 50а, 252а—252г. Большая часть рукописи написана одним почерком — с л. 1 по 16 об. и с л. 51 по 271, на котором наклеен небольшой фрагмент того же почерка (лл. 92, 156, 193 об., 262 об. — чистые). Возможно, другим почерком написаны лл. 5 об.—7 об.¹ После л. 271 чередуются разные, в том числе поздние почерки. Одним из них написано оглавление второй части рукописи, начиная с Евангелия.

Содержание сборника очень разнородно. Открывает рукопись предисловие. Далее следует несколько практических руководств, чередующихся с поучениями отцов церкви, а также фрагмент из Евангелия². Поскольку в

Работа выполнена при поддержке гранта НШ-3402.2010.6.

¹ Не исключено, что другим почерком написаны также лл. 170 об.—171 об., 178 об.—179. Находящийся на этих листах материал не рассматривается, лишь некоторые примеры приведены в примечаниях. Почерк на лл. 17—40 об. похож на основной. В то же время в основном почерке есть листы, например 9 и следующие, где буквы крупнее.

² В сборник вошли следующие произведения, написанные одним и тем же писцом: «О пострижении и о начале иноческого жития» (л. 5 об.—8); «Наказание игумена к старцу» (л. 8—16 об.), разделенное на небольшие главы; «Наказание некоего старца к своему чаду духовному и послушнику во всем» (л. 51—58); «О келейном сопребывании с братом» (л. 58—59 об.; часть предыдущего текста?); «Поучение Иоанна Златоуста» (л. 59 об.); «Поучение Илариона Великого» (л. 59 об.—60 об.); «Поучение Афанасия Александрийского» (л. 60 об.—61); «Поучение преподобного отца Исакия» (л. 61—61 об.); «О чревообъядении» (л. 61 об.—62; часть предыдущего текста?); «Поучение Симеона Нового Богослова» (л. 62—63); «Макария митрополита всея Руси» (л. 63—63 об.); «Наказание от Божественных писаний ново-

Овч-530 имеется много коротких анонимных произведений практического характера, можно предполагать, что в них в разной степени отражена не только свойственная церковнославянским текстам акцентуация, но и народная, фиксирующая современные рукописи процессы.

начальным инокам» (л. 63 об.—66 об.); «От Стоглава Феодора Едейского» (л. 66 об.—68 об.); «Симеона Нового Богослова» (л. 68 об.—70); «Слово Иоанна Лествичника» (л. 70—73); «Поучение Василия Великого о нетерпении...» (л. 73—74); несколько «повестей» величиной от страницы или менее до нескольких листов, например «О непомнении зла», «О любви» и др. (л. 74—85 об.); «О страхе Божии и о добродетели» (л. 86—90); «О церковной молитве и о келейной» (л. 90 об.—95 об.); «О воспоминании жития святых, яко неослабно подвизашася...» (л. 95 об.—108 об.); «О еже претерпевати скорби» (л. 108 об.—109 об.); «О вере несуменной» (л. 110); извлечения из «Патерика Печерского» и «Патерика Скитского» (л. 110—131); затем следует около двух десятков анонимных текстов от страницы или менее до нескольких листов на разные темы, среди которых об унынии и лености, превозношении и гордости, «Вопросы и ответы о святости», «О чувствах телесных и душевных и о добродетели», о добродетелях, «О страстях злыхных», «О чистоте», «О помрачении ума», «О трезвении ума», «О молитве Иисусове», «О еже не печаловатися ни о чем же...», «О сне, како подобает со сном братися...», «О помрачении и о клопотех бесовских», о терпении напраслины, «О различных бранех...», «О страховании» и «Чего же бесове боятся», «Избранные вкратце слова о нужнейших вещах...», «Полезно бежать от мира», «Исповедаться пред образом восстав от сна и ложася спать...», «О келейном нагревании» и др. Завершающей частью первой половины рукописи является глава-послесловие «Коя ради вины написана книжица сия» (л. 131—193). Во вторую часть вошли: Евангелие от Матфея, гл. 2 (л. 194—203 об.); «Поучение, чем спаслись святые отцы» (л. 197—203); «Поучение всего себе возложить на Бога» (л. 203 об.—205); «Поучение священноиннока Дорофея хотящему спастись и Богу угождать» (л. 206—222); «Поучение о прелести и суете мира сего...» (л. 222—231 об.); «Поучение о смертной памяти, еже есть победа на уныние...» (л. 232—233 об.); «Лествица духовная и восходная на небо...» (л. 233 об.—236 об.); «Поучение о телесных страстях, от чего бывают и чем победити...» (л. 236 об.—245 об.); «Поучение о еже о нужных точию потребах пещися, на лишние не попушати...» (л. 245 об.—250); «Поучение о еже молиться с великим опасением и вниманием...» (л. 250—252 об.; заголовок написан чернилами другим почерком); «Поучение к пастырю о учительстве...» (л. 253—262); «Поучение еже о похотех и желаниях...» (л. 263—271).

В составе рукописи есть повторяющиеся тексты. На лл. 166 об.—168 находится краткая редакция «О еже молиться с великим опасением и вниманием во псалмах и молитвах», на лл. 250—252 об. — пространная редакция под названием «Поучение о еже молиться с великим опасением и вниманием во псалмах и молитвах и канонах»; на лл. 157 об.—161 об. помещен текст «О еже о нужных потребах пещися, на излишня же себе не попушати, но Богу непрестанно молиться», на лл. 245 об.—250 — «Поучение о еже о нужных точию потребах пещися, на лишняя же себе не попушати, но богу непрестанно молиться». В первой паре в «Поучении» есть несколько крупных дополнительных фрагментов, во второй паре «Поучение» отличается добавлением отдельных слов и фраз. Наличие парных текстов позволяет провести сопоставительный анализ акцентуации.

Из языковых особенностей Овч-530 прежде всего следует указать примеры аканья, встречающиеся эпизодически в разных произведениях³. Помимо написания **а** вместо **о** встречается также написание **и** вместо **е** и **л** вместо **е**: **ви́ликагѡ** 60 об. (заголовок)⁴, **вада** 95 об., **сѣкава́ты**^м, **да дрѹгаго** 118 об., **пищѣса** 136, **тагда** 165 об., **преманя́ются** 225 и др., менее надежно **иманя́ются** 10 об., **иманя́ется** 164; в заударных слогах **сла́дасти** 164 об., **пока́завати** 65 об. (при **пока́зовати** 67), **ови́днициго** 60, **бѹдѣти** 72 об., **па́метно** 238, **овра́щѣте** (наст.-буд. 2 мн.) 196, 200 об.; видимо, сюда же **рѹбѣница** (**искрѹпано** и... **посы́пано**) 107 об. Аканье свойственно южной части великорусской территории и широко представлено в памятниках южновеликорусской письменности XVII в.; см. [Атлас 1986, Карта VI, Карта 1; Котков 1963: 64—82]. В тот период граница южновеликорусской территории на востоке, юго-востоке и юге примерно могла проходить по линии Вольный — Белгород — Новый Оскол — Острогожск — Воронеж — Усмань. На западе южновеликорусская территория доходила до Смоленщины [Котков 1963: 15—16].

В рукописи встретились также написания **вра́хъ** 175 с последующей правкой **х** на **г** и **х** **крьѣлосѹ** 91. Возможно, написание **вра́хъ** отражает оглушение звонкого фрикативного [г], известного в южной части великорусской территории [Котков 1963: 120—123]. Можно предположить, что в слове **пѣхѣкъ** 187 об. **х** написано вместо **ф** или **ѣ**⁵. Написание **х** **крьѣлосѹ** не показательно из-за широкого распространения. Немногочисленность примеров и исправление «неправильного» написания свидетельствуют о хорошей выучке писца и стремлении избежать диалектных особенностей.

Аканье и звонкое фрикативное [г] позволяют связать рукопись с южной частью великорусской территории. Поскольку аканье встречается во всей рукописи, хотя и нечасто, можно предположить, что оно было свойственно говору писца.

³ Кроме того, в рукописи встречается написание **е** на месте **ѣ** в ударной позиции. Иногда писец правит **е** на **ѣ** (**желѣши** 117 об., **ко всѣмъ** 251 об. и др.), есть также замены без правки: **сѣдѣти** 115 при **сидѣти** 122, 135 об. **сѣдѣти** 9, 155. По одному разу отмечено **изнѣрѣмса** 1 л. мн. ч. 187, где не исключен пропуск буквы, и **хошь** 253 об. Однозначно как смешение родительного и местного падежей мн. ч. нельзя интерпретировать пример **ѡ всѣхъ тѣхъ кознѣхъ** 57 об., поскольку он может быть одной из описок, которые встречаются у писца. В другом случае имеется правка: **житѣиски воспомина́нѣхъ** 76, где второе **н** исправлено из другой буквы, а над ним как пояснение написано еще одно **н**.

⁴ Едва ли в этом и в некоторых следующих примерах отражена межслоговая ассимиляция. Возможно, к словам с аканьем можно отнести также **водварѣнса** 59.

⁵ С. И. Котков указывал на отсутствие в XVII в. «у южновеликорусов навыков в произношении глухого губного спиранта», которые иллюстрируются «обилием написаний букв **х** и **хѡ** вместо **ф** и **ѣ**» [Котков 1963: 87]. Однако в других случаях **ф** и **ѣ** в Овч-530 сохраняются.

В рукописи имеется оборот «земля пахать»: *говори́ть мѣтва 10, ло́хана выне́сти, кѣѡа замѣсти 13, та́ свѣтка спѣсти́ти, ве́рхнаа ѡдежа не ѡзмо́чити, чи́стаа свѣтка надѣва́ти, снима́ти свѣтка 15, сѡа чи́стота крѣа ра́ди имѣти 15, нести́... мы́ти свѣтка, положи́ти свѣтка, мы́ти... свѣтка, вы́жати... вода́, свѣтка́ ѡще слѡчи́тса снима́ти 15 об., испи́ти вода́, да пи́ти вода́ 95 об., ѡсти́ хлѣ́въ и вода́ 137 об., нѣкогда́ во кни́га че́сти 165, хотя́ шѡвѡ или́ ра́скѡ сна́ти 16, испи́ти вода́ 95 об.* Большая часть примеров приходится на одно произведение — «Наказание игумена к старцу» (лл. 8—16 об.). Далее в статье существительные в функции прямого объекта в составе конструкции «земля пахать» имеют грамматическую помету В.=И. В Овч-530 предложения с описываемой конструкцией имеют значение должностования; в ее составе встретился только инфинитив как с препозицией, так и с постпозицией существительного, тогда как в диалектах известно употребление инфинитива с предикативным наречием, разные спрягаемые формы переходных глаголов; см. подробнее: [Кузьмина 1993: 7—21]. Конструкция широко представлена в севернорусских говорах, как единичные случаи — в южнорусских⁶.

Оборот «земля пахать» встречается в русской письменности в разных текстах; подробно об этом см. [Крысько 1994: 192—197]. По мнению С. И. Коткова, который привел многочисленные свидетельства употребления оборота в южновеликорусской письменности XVII в., современная ситуация сложилась в результате утраты конструкции «земля пахать» в южновеликорусском наречии в XVII в. [Котков 1959: 52]. Изначально она была чертой как севернорусских, так и южнорусских говоров⁷. В связи с широкой распространенностью оборота в XVII в. эта языковая особенность рукописи не может быть использована для ее локализации.

В Овч-530 отмечено несколько примеров с компонентом *есть* в составе предиката: *Ѣсть оубо на водахъ лютыа дѡси полками собираются 230; Ѣсть вываю всегда, похоти и желанія члкъ... Ѣсть вываютъ нѣкогда члкъ*

⁶ «Конструкции типа *косить трава* отмечены в говорах на территории следующих северных губерний России: Архангельской (уезды: Мезенский, Онежский, Холмогорский, Шенкурский), Олонецкой (уезды: Лодейнопольский, Петрозаводский, Повенецкий, Пудожский), Новгородской (уезды: Белозерский, Боровичский, Кирилловский, Тихвинский, Устюженский), Вологодской (уезды: Вельский, Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский, Никольский, Сольвычегодский, Сысольский, Тотемский, Устюжский, Яренский), Вятской (уезды: Орловский, Слободской), Костромской (Пыщугский и Воздвиженский приходы Ветлужск. у.)» [Кузьмина 1993: 17—18]. «Только отрицательные ответы на вопрос о наличии / отсутствии случаев употребления им. падежа в функции объекта имеются с территориями следующих губерний России: Владимирской, Московской, Нижегородской, Псковской, Саратовской, Северодвинской, Симбирской, Тверской, Ярославской» [Там же: 18, прим. 10].

⁷ С. И. Котков, не приводя материалов из московских памятников, говорит о имеющихся в них примерах конструкции именно с инфинитивом, но не с другими формами глагола [Котков 1959: 48].

по́хоти и́ желáниа дѡвѣра́а ѿ вѣ́а. ѣсть бываю́т всегда́. по́хоти и́ желáниа и́ борьбы́ члѣкѡ ѿ вѣ́са. ѣсть бываю́т всегда́. по́хоти и́ желáниа и́ борьбы́ члѣкѡ ѿ льсти́ и прѣлести́ мѣра сѣ́тнаго... 263. Приведенные примеры содержатся во второй части рукописи в двух текстах: в «Поучении о прелести и суеде мира сего» (в середине произведения) и в «Поучении еже о похотех и желаниях» (в самом начале произведения). Еще два примера находятся в парных текстах, при этом в одном из них употреблено *есть*, в другом — *суть*: мно́зи во сѣ́ть ты́сащи мѣтвѣ́ ѡ́здыко́ совершаю́т, а оу́момъ сѣ́тнаа помышляю́т и скáреднаа 167; мно́зи во ѣ́сть мо́латса, и ты́сащи мѣтвѣ́, ѡ́здыко́ свои́и оу́сна́ми совершаю́т. и мно́жество ѡ́сáловѣ́ и канѡно́в глѡ́т и прочитáю, а оу́мо́ свои́и не внимаю́т гла́ свои́и. но́ сѣ́тнаа и скáреднаа и тлѣ́ннаа мѣра сего́ оу́момъ свои́и помышляю́т 251. Форма *есть* находится в позиции по отношению к личной форме глагола и в начале предложения. Она уже выступает в роли частицы со значением индикативной модальности и означает реальность данного факта; об этом см. подробнее [Шевелева 2002: 67—68]. Конструкции с *есть* и формой настоящего-будущего времени глагола известны в диалектах; они «концентрируются на территории русского северо-запада (западные среднерусские и западная часть севернорусских говоров), особенно между Ладожским и Онежским озерами, по реке Оять и на части побережья Онежского озера» [Кузьмина 1993: 180]; см. также [Дементьева 1973: 11]. На фоне других конструкций с *есть* (например, *есть* + форма прошедшего времени), *есть* + форма настоящего времени встречается реже [Кузьмина, Немченко 1968: 153—154].

В одном из текстов встретилась конструкция с формой будущего времени *будеть*, которая имеет значение возможности осуществления действия: [бесы́] вѣ́да́т во ѡ́ко не послáваемъ и́. но́ ма́ло нѣ́что по́хшáю́т на́шь, ѡ́ще прѣ́име́ ли вѣ́де́ кѡ́ждо стáръсть, но́ па́че на́шемъ прои́веленію́, прилагáю́т свои́и конни́ 175 об.; [бесы́] тѡ́лкнѡ́тъ во двѣ́ри срѣ́чныхъ, сѣ́рѣчь прилагáю́т та́нно помышлѣ́ніе ѡ́ко тáтѣе. егда́ ѣ́сть стáре же́ и́ли ни́, сѣ́рѣчь прѣ́име́ ли вѣ́детъ и́ли ни́. ѡ́ще прѣ́име́. то́гда на́чнѡ́тъ стáрости́ составлáтиса... 176. Конструкция с независимой «вводящей» ситуацией формой бытийного глагола является архаичной и встречается в русской письменности, в том числе в ветхозаветных текстах [Шевелева 2008: 47—48].

Компонент *есть* в составе предиката связывает рукопись с северной, точнее, северо-западной частью великорусской территории. Возможно, тексты с севернорусской диалектной чертой находились в оригинале (или в оригиналах) сборника.

Как северновеликорусскую черту можно рассматривать существительное *паоу́къ* «паук», употребленное наряду со словом *паоу́къ*, в том числе в тексте, где встретилась конструкция *есть* + форма настоящего времени: и ѡ́ко мрáвѣи прѣ́стола́ прѣ́ ни́, и ѡ́ко паоу́къ (так!) по́лзаю́ще, и дѣ́ло своѣ́ помышлáи, ѡ́ко паоу́къ прѣ́стираю́ще некрѣ́пкѡю́ 252⁸; да ѡ́коже паоу́

⁸ Существительное *паоу́къ* встретилось в парном к данному тексту: и ѡ́ко мрáвѣи и паоу́къ прѣ́стола́ще. и дѣ́ло своѣ́ помышлáи, ѡ́ко пау́къ прѣ́стираю́ще 167 об.

мрѣжю содѣвающе... и живѣтнаѧ мшица оуловляюще 268 об. В исторических словарях в таком значении слово **паоуѣтъ** отсутствует; в Словаре древнерусского языка XI—XIV вв. и в «Материалах...» И. И. Срезневского есть только **паоуѣкъ** [СДЯ 2000: 360; Срезневский 2 (2): 890]; в Словарь русского языка XI—XVII вв. существительное **паоуѣтъ** включено (из Жития Кирилла Белозерского), но только в значении «овод» [СлРЯ 1988: 174]. Слово *паут* засвидетельствовано в северновеликорусских говорах: «паук» волог., вят., «жалящее крылатое насекомое» влад., яросл., волог., киров., вят., костром., арх., сев.-двин., новг. [СРНГ 1990: 283].

В глагольных формах 2 л. настоящего времени, в императиве и в инфинитиве наряду с и писец пишет **ь/ъ**: **говори́тъ** 10 (ср. **проговори́ти** 10, **говори́ти** 10 об.), **штодвѣнь** 10, **изочтѣшь**, **штодвѣнь**, **ѡдвѣнешь** 10 об., **воспра́нешь** 14 об., **прѣймешьсѧ** 15, **измы́тъ** 16, **кашлѣешь** 55 об., **слышишь** 66, **стоишь**, **сѣди́шь** 151. Преимущественно такие примеры сконцентрированы в «Наказании игумена к старцу» (лл. 8—16 об.).

Эпизодически встречается также рассогласование по числу подлежащего и сказуемого, нередко отмечаемое в рукописях XVII в.: **такѡвъ бо сѣтъ оуѣгáръ** 192, **дша́ на́ша нетлѣ́нна вѣсмѣ́рна сѣтъ** 100, **времена́ такѡвы ѣсть** 260 об.⁹

Рукопись написана мелким нечетким полууставом, так что чтение отдельных букв (например, **г-с, о-а, н-и**) представляет некоторую трудность. Неразбочиво могут быть написаны не только буквы, но и надстрочные знаки. Встречаются исправления ошибочных написаний и незамеченные ошибки. Часть правки сделана самим писцом, часть — другим почерком. Например, на л. 131 об. исправлено **помѣлѣт** на **помѣлѣ** (ѣ переправлено на **л**, выносное **т** смыто). Иногда исправлениями обусловлено нестандартное ударение. Например, **мѣчитисѧ** 126 об. переправлено на **мѣтитисѧ** (ч смыто, над ним написано **т**); **живи** 159 переправлено на **живѣ** (второе и переделано в **ѣ**).

Писец использует стандартный набор графем, некоторые из которых имеют позиционное распределение. В начале слова пишется **ѧ** (**ѧзыка** 59, **ѧко** 67 об., хотя **ѧдѣнѣи** 93 об.), после мягких согласных и после гласных — **ѧ** (**воѧзи** 63 об., **сѣдиѧ** 65 об.). В начале слова и в предлоге и приставке **о** и **отъ** писец использовал **ѡ**, изредка в начале слова встречается **ѡ** («о широкое»): **ѡгладшáтъ** 67, **ѡточѣти**, **ѡполчѣти** 70 об., **ѡца**, **ѡбнажи** 72 **ѡ вѣсѣстѣи** 71, **ѡблаки** 74 об.¹⁰ В остальных позициях употребляется **о** (**солгáлъ** 73, **воли** 74). Иногда в середине или в конце слова, в том числе в конце строки, встречается **ѡ** (**тáкѡже** 13 об., **тѡѣ** 76 об., **ѣлѣѡ** 121, **ѧѡже** / 120 об., **ѣгѡ** / 96 об.). В начале слова писец обычно пишет диграф **оу**; графема **ѡ** встречается в остальных позициях (**слѡчѣтсѧ** 12, **оуѣснѣтъ** 11). Од-

⁹ Отмечено также несогласование других форм: **внимáѣ немáтежнаѧ оуѣмѣ** **на́шемѣ** и **непоколебимѡе** 251, **смотри́те крѣны сѣльныхѣ** 195 и др.

¹⁰ В приводимых далее примерах «о широкое» передается как **ѡ**.

нако отмечены случаи написания ψ вместо ou и \wp . Диграфы ou и w не в начале слова встречаются также в случаях, когда они являются начальными гласными корня, находящегося после приставки: **прѣоуготѡвленїи** 71, **продѣчиван** 91 об., **везовѣрзѣа** 135 и др. Перед гласными пишется $\dot{\imath}$ при **и** в остальных случаях (**адѣни** 93 об., **плѡтїю** 95, хотя **жїтїа**, **житиа** 96 об.). Вместо **и** писец непоследовательно пишет **і** в союзе **и** перед следующим словом, начинающимся с гласной, и в других словах (**илї** 144). Употребление **ѕ** преимущественно отмечено в корне **зло-** (хотя **злѡвѣ** 136 об.) и в отдельных словоформах: **ѕмїю** 70 об., **ѕвѣрен** 106. В заимствованных словах используются ψ , ϕ , ξ : **ѡворскѣю**, **аѡбнскомѣ**, **еоупраѣни** 120 об., **ѡалтыри** 90 об. (ср. **ѡалтыри** 93, где конечное **и** смыто, а над строкой другим почерком написано ϵ).

Выносные буквы относительно немногочисленны и преимущественно пишутся без покрытия. В качестве выносных выступают χ , z , t , d , c , m , $ж$, $в$ (**радѣдѡшаса** 110 об., **вкѣси**, **никвгда** 112, **скорены** 111 об., **пожигати** 120, **затѣпатъ** 135 об., **ѡлѣтаѣ** 139 об., **канѡнѡ** 251).

Писец Овч-530 использует следующие надстрочные знаки: $\acute{}$ (оксию), $\grave{}$ (варию), '^{\prime} (спиритус), $\text{'}^{\prime\prime}$ (исо — сочетание спиритуса и оксии), очень редко — сочетание спиритуса с вариет (над формами местоимений, состоящими из гласных: **ѣа** 227 при **ѣа** 65, 217, 222 и др.; ср. **тво/ѣа** 229 об.), а также камору $\hat{}$ и знак в виде перевернутой каморы. Акцентными знаками являются оксия и вариет.

Некоторая небрежность и нечеткость в написании надстрочных знаков приводит к тому, что иногда их трудно различить. Так, например, спиритус писец часто пишет в виде дуги, как камору; знак может быть повернут вправо: **мѡего** 196, **ако** 173, **прѡнзнѡси/тса** 240 об.¹¹ Оксия имеет вид не только прямого, наклоненного под разными углами штриха, иногда почти горизонтального, но и закругленного, напоминая повернутый вправо спиритус. Кроме того, размер оксии и вариет колеблется, так что иногда они подобны точке: **преывѣали** 208, **вовѣржалнса** 208, **подрѣжати** 207, **неоутѣшны** 223 об. Таким графическим особенностям способствует мелкий почерк писца и толстое перо.

Спиритус довольно регулярно ставится над начальной гласной слова и над второй из двух стоящих рядом гласных, если это начало корня, стоящего после приставки: **оукрашенїе** 133, **везовѣрзна** 134 об., **вовѣржаѣтъ** 183, **прѡвѣрѣтаѣши** 229. В середине слова над второй гласной спиритус встречается редко: **тво/ѣго** 224, **дво/ѣмысленна** 189 об. Поэтому из-за нечеткого почерка писца в некоторых случаях трудно понять, писал ли он оксию или спиритус в середине слова: **оустѣпаютъ** 149 об. (второй знак), **преставлѣютса** 137 (второй знак), **востаютъ** 142 об. (второй знак), **востаѣтъ** 237 об. (второй знак), **юна** 120 об., **юрѡда** 170 (первый знак; ср.

¹¹ Едва ли писец проставлял два разных знака в соответствии с греческими придыханиями. Об их употреблении см. [Карский 1979: 229—230].

ю́рбѣдѣ 170) и др.¹² Есть случаи очевидного написания спиритуса вместо оксии (зѣповѣди 167 об.) и, видимо, его ошибочной постановки (рѣзгораетса 192). Иногда графически знак можно понять как спиритус и как камору, однако место постановки этому не соответствует: зѣвѣщанны^x 203 об., рѣвѣтающе 204.

Исо пишется над начальной гласной слова и нерегулярно над второй из двух стоящих рядом гласных в середине слова, а именно в начале второго корня сложных слов и после приставки: ѿко 134, оуловленѣ 141, блгооуѣанно 127, ме́дленноѿзычѣе 180, высокооуѣма 252 об., к наоуѣченію 267. В других случаях в середине слова исо встречается редко: своѣ 226 об., своѣми 226 об., воздви́зѣотса 84 об.; ср. выево́лѣе 180. Спиритус в составе исо иногда повернут вправо: во ѿстинѣ 267, во ѿноуѣхъ 229 об. Писец может ставить исо, как и другие знаки, не непосредственно над буквой, а растягивать их, разведя составные части, и писать оксию много правее спиритуса, то есть над следующей буквой или даже немного дальше: оуѣмомѣ, оуѣнетѣ 63, оуѣскими, оуѣскал 195 об. Иногда трудно понять, следует ли трактовать имеющиеся знаки как такое растянутое исо или как спиритус и акцентную оксию; например, оуѣго́жающе 219 при оуѣго́жаѣ^t 219.

В одной и той же позиции писец может писать один из двух знаков: исо или спиритус в безударном слоге и исо или оксию в ударном слоге: ѡво́щне 51 об. — ѡво́щне 52, ѡво́щѣа 51 об., ѡидетѣ 81 об. — ѡидетѣ 185 об.¹³ Над союзом *и* обычно ставится спиритус, над союзом *а* — исо, над предлогом *о* — также спиритус. Поэтому можно предположить, что в примере ѡдѣи и ѡтѣле 246 во втором предлоге имеет место оттяжка ударения и, следовательно, написаны спиритус и акцентная оксия, а не исо; однако ср. ни ѡ чѣм же 51 об.

Обычно в тех словоформах, в которых при «старопечатной» системе надстрочных знаков стоит камора, в Овч-530 встречается вария: вѡ 223 об., 224, 225, 226 об., 238, 240 и др., чтѡ бы 13, 15 (3 раза), 150 об. и др., вѣѣ 121, ктѡ 223 об. и др., нѡ 222 об., тѣѣ 223, а также с предлогами на тѣѣ 83, на тѣѣ 59 об., 107 об., 168 об., 184, на тѣѣ 227 об., зѣ тѣѣ 93 об., на ма 235, на ма 103, зѣ ма 172, на ны 178, на ны 187, 169 об. Над частицей **во** может быть написана, по-видимому, и камора; более или менее очевидный случай **бы** 210. Нередко знак оказывается средним между каморой и спиритусом (225, 226 об., 268 и др.) или даже спиритусом (вѡ 223 об., 231).

¹² В трех первых примерах знак, который может быть спиритусом по месту постановки, имеет вид закругленного вправо штриха, подобно оксии. В четвертом примере оба знака короткие, прямые, с одинаковым наклоном, второй внизу чуть заострен. Надо заметить, что писец не ставит спиритус над второй из стоящих рядом гласных в формах настоящего времени имперфективов. Можно увидеть повернутый вправо спиритус в форме причастия причѣщаѣса 117 об.

¹³ Поэтому в Овч-530 писец ставит акцентную оксию в тех случаях, когда в других рукописях со «старопечатной» системой надстрочных знаков обычно пишется исо: зѣлѣти 194, 200, дѣлѣвола 197.

Знак типа перевернутой каморы ставится над находящейся после гласной буквой **и** в середине и в конце слова: **Ѹжасáйсѧ** 182 об., **ѡшáйсѧ** 184 об., **прóйзвóлитъ** 192 об., **вóйнѸ** 246, **своéи** 185 об., **Ѡ страстéи** 189, хотя **вхóдѧи** 183, **мыслéи** 188.

Оксия является основным акцентным знаком и ставится над неконечной гласной фонетического слова: **двѣжетсѧ** 155 об., **научитъ** 157 об. В составе исо акцентным знаком оксия является не всегда; наряду с исо в одной и той же словоформе часто ставится акцентная оксия: **оѸтвердитъ** 5, **со оѸченикóмъ** 13 об., **ѣзмочити** 15, **ѡсквернитсѧ**, **ѣвѣитсѧ** 15 об., **оѸставленное** 16, **ѡтáръ** 16 об., **оѸзрѣши** 63 и др. при обычном **ѣко**, **ѣце**. Постановка оксии рядом с исо встречается редко: **ѣсти** 89, **ѣсть** 263, **ѣмáть** 164¹⁴.

Писец пишет оксию далеко не всегда точно над гласной буквой. Она может быть немного сдвинута, в том числе в межбуквенный промежуток, оставаясь все же в пределах, допускающих однозначную интерпретацию места постановки ударения: **на ѡпѸстѣѢ** 12 об. — оксия находится между **п** и **Ѹ** (ср. ниже **на ѡпѸстѣѢ**), **бѣсове** 129 об. — оксия стоит между **ѣ** и **с**¹⁵. Часто знак сильно сдвигается вправо или влево и оказывается над согласной: **наслѣдиши** 9, **слѸжбахъ** 9 об., **покрывсѧ** 11, **вынести** 13, **Ѡ ногѸ** 14, **чѣстóмъ** 15 об., **враждѧи** 53, **Ѹли** (пов.) 53 об., **вѣчныи** 53 об., 60 об., **напáстен** 55 об., **бѣсѡ** 61, **крѣдѧисѧ** 56 об., **темныѧ стѣѣны** 61 об., **со стóрахѡ** 166 об. и др. Интерпретация такой постановки оксии однозначна в том случае, если с одной стороны от нее находится гласная, с другой — одна или две согласных. Если же знак оказывается над согласной, находящейся между двумя гласными, то можно только предполагать, какой гласной он может принадлежать. В таких примерах сохраняется постановка оксии над согласной буквой. Иногда писец сильно сдвинул акцентный знак и поэтому поставил второй уже точно над буквой: **дáръ** 152 об., **рáди** 64, **стѣѣхъ** 100 об. (ср. **стѣѣю** 161 об.), **ѣдрѣтъ** 63 об., **поразитъ** 183 об., **пѣтѣмъ** 234 об., **зѧповѣди** 236 об.

Вария является вторым акцентным знаком и ставится над конечной гласной фонетического слова: **помáни**, **красотѣ** 160 об. Вероятно, иногда вария является неиктусной: **ѣще** 94 об., **непоколебѣмъ** 136. О других случаях, где можно предположить неиктусную варию, см. ниже и при описании акцентных парадигм.

Оксия и вария могут обозначать второстепенное (ритмическое) ударение [Зализняк 1985: 179—180]: **пѡкрасдывѧю**^Т 176 об., **поткѡпывѧю**^Т 194 об., **рáдовáтисѧ** 228 об., **велѣ/комъ** 121, **ѣдиномъ** 151 об., 162 об., **ѣдиномѣ** 174 об. (ср. **ѣдиномъ** 154), **дѣшевномъ** 242, **нѣкогда** 114, **нѣкогда** 125 (без

¹⁴ В связи с этим неоднозначны примеры с возможным колебанием ударения типа **оѸмретъ**, где акцентная оксия могла быть не поставлена.

¹⁵ Далее в статье в приводимых примерах оксия проставлена над гласными. При необходимости сообщается о постановке знака между буквами.

обозначения основного ударения), **нѣкогда** 188 об. (ср. **нѣкогда** 165, 188 об.), **какъвѣ** (В.) 76 об., **дѣльственнѣ** 172 об., **иноческаго** 8, **лѣкаваго** 241, **по превоспоманѣтомѣ** 72 об., **во времѣнѣ/и** 112, **кѣлѣ** 96 об., **на дѣвола** 172, **возрастѣ** 195 (едва ли зд. отражение другой акцентной модели), **по вѣма рѣзома** 201, **множество** 156 об. (без обозначения основного ударения), **ворющею** 57 (ср. **ворющеи во сѣ** 83 об.) и, возможно, **первое** 126 об. (ср. **шпервѣ** и 11, **первое** 95). Второстепенное ударение может быть не ритмическим, а определяться фактором конечного слога [Зализняк 1985: 180]. Возможно, оно представлено в примерах **единственномоу** 168, **к западнои** 210 об., **кѣлѣ/инноѣ** 92 об., **вѣрцѣи** 247, **до третѣи/го** 62 об., **добродѣтели** 229, **оумнѣи** 151 об. и др., если только здесь не неиктусная вариация, которая ставится над конечной неприкрытой гласной; см. [Зализняк 1981: 112].

Помимо второстепенного ударения в Овч-530 много случаев постановки двух акцентных знаков в одной словоформе¹⁶. Часть таких примеров отражает колебание ударения. Например, **стѣкати** 13 (выше **стѣкати**)¹⁷. Иногда одна из двух оксий больше по величине, то есть длиннее и толще. Подобная ситуация в приводимых в статье примерах оговаривается особо, поскольку не исключено, что размер знаков не всегда случаен и писец иногда обозначал таким образом предпочтительную или «правильную» акцентуацию. Две оксии встречаются у существительных, прилагательных и глаголов, причем не только в формах презенса и в инфинитиве, но также в

¹⁶ По два акцентных знака при наличии двух вариантов ударения писец представлял в так называемой Ферапонтовской кормчей; о ней см. [Зализняк 1981: 111—112].

¹⁷ Не все случаи постановки двух знаков в одной словоформе с уверенностью можно отнести к примерам колебания ударения или к обозначению второстепенного ударения, если не предполагать, что при постановке последнего писец ошибся слогом. Например, **чернѣ/чествовати** 14 об., **в... побтничествѣмъ** 124 об. В первом примере второй знак может обозначать второстепенное ударение, если допустить, что при написании подчеркнутой гласной произносился ноль звука. Пока нет удовлетворительного объяснения постановки двух знаков (если не считать один из них ошибочным, конечную варию неиктусной) для следующих слов, которые в статье не рассматриваются: **вкѣпѣ** 252, **вкѣпѣ** 139 об. (ср. **вкѣпѣ** 143 об., 157 об., **вкѣпѣ** 166), **далѣчѣ** 83, **донѣ/лѣже** 121, **донѣже** 212 об. (ср. ниже **донѣже**), **елѣкоже** 181 об., **кобѣждо** 253, **никакоже** 117 об., **обачѣ же** 187 об., **уводоу** 129, **прѣждѣ** 198 об. (ср. **прѣже** 55), **ради** 107 об. (первый знак крупнее; ср. **ради** 122, 200 об. и др.), **развѣ** 232 об. (ср. **развѣ** 249), **такѣже** 13 об. (ср. **такѣ** 79 об., **такѣ** 225 об.), **(нѣсть) трѣвѣ** 181 об. (ср. **не трѣве** 65), **трѣ/ми** 240 об. Ошибка более вероятна в формах **тогѣ** 115 об., **сѣвѣ** 130, **всѣгѣ** 116 об. (ср. **тогѣ** 208 об., **сѣвѣ** 158 об.). В слове **сирѣчь** представлено, видимо, колебание ударения: **сирѣчь** 89, 244, 250 об. (второй знак крупнее), **сирѣчь** 170, 176, 188, 198 об., 210 об., 212, 245 об., **сирѣчь** 162, 203, 215, **сирѣчь** 178, **сирѣчь** 239 об. и др. Дефинализацию можно предположить у слов **послѣ** 94 (ср. **послѣ** 94), **сквозѣ** 184 (ср. **сквозѣ** 106 об., **сквозѣ** 205), **посредѣ** 151 об. (ср. **посредѣ** 130, **посредѣ** 127 об.), **тѣне** 205.

прошедшем времени и в причастиях: *стрѣлѣхъ* 120, *слышѣхъсѧ* 129 (первый знак крупнее), *кладѣхъ* 166 об., *распадѣсѧ* 126 (первый знак крупнее), *исполнѣше* 249 (второй знак крупнее), *сказаша* 84 об. (второй знак крупнее), *сохранѣюще* 199 об. (первый знак чуть крупнее), *спаса/емыхъ* (Р.) 197 об. (второй знак крупнее) и др.

Два акцентных знака писец ставит в сложных словах (и в тех, которые он считает таковыми). При этом в первой части слова может находиться вариация, то есть писец осознает ее как более или менее самостоятельную. При начатках словоделения в рукописи части слова могут быть разделены пробелом (далее в примерах воспроизведено раздельное написание): *мелхиседека* (второй знак крупнее; Р.-В.) 120 об., *мелхиседекъ* (И.) 120 об., *триkrátы* 55 (ср. *трилѧкѧтнаго* 74 об.), *вмѣждѣчасѣ* 12 об. (второй знак крупнее), *лжесвидѣтельствои* 195, *лжесвидѣтельствои* 200, *до полѣпѣти* (так!) 235 (ср. *до полѣпѣти* 234 об., *полѣдне* 250, *полѣнощи* 90 об.) *зло помнѣнѣ* 141 об., *зло страдаѣти* 65, *на... зло страдаѣнѣ* 217, *единодѣшно* 151 об., *едино гласно* 13 об., *единомысленно* 182, *самовольныи* 186, *малочѣстна* (первый знак крупнее; И. ж. р.) 173, *мало времѣнныхъ* 98, *мало времѣнно* 220, *много скорѣво* 4, *много болѣзнено* 4, *многѧ матѣжнаго* 4, *великомѣчника* (так!) 120, *полюбленѣ* 263 об., *памѧтословнаго* 80 об., хотя *памѧтословѣ* 143, *стрѣмѣ главѣ* 64, *медленнойзѣ/чѣ* 180, *недѧло времѣненѣ* 134 об., хотя *долготерпѣнѣ* 202 об., 218 и др. Прослеживается тенденция к постановке двух акцентных знаков в словах с первой частью *зло-*, *мало-*, *много-*, хотя *ѿ злодѣ/евѣ* 218¹⁸, *злопомнѣнѣ* 261 об., *слопомнѣнѣ* 80 об., *слопомнѣнѣ* 80 об., *словѣраженѣ* 233, *словѣраженыхъ* (Р.) 233, *злопомнѣтельное* 230 об., *многословѣ* 143, *малодѣшествѣетѣ* 105 об., *малодѣшь/ствѣетѣ* 221 об., *малодѣшѣ* 143¹⁹.

В Овч-530 представлено колебание в выборе оксис или вариации перед клитикой (обычно частицей *же*), то есть в позиции конца словоформы, но не конца слова. В результате наряду с оксией (*бѣ же* 121 об., *речѣ же* 126 об., *никогда же* 155 об., *сѣ бо* 159 об.) в той же самой позиции встречается вариация (*речѣ же* 126, 126 об., *никогда же* 155 об., *любвѣ же* 82, *егда же*

¹⁸ Другое слово с аналогичным вторым корнем также имеет один акцентный знак: с *прелюбоудѣи* 95. Один знак поставлен в существительном *рѣкодѣлѣ* 10, *за рѣкодѣлѣ* 13, *рѣкодѣлѣю* 55 об., 88 об., 93 об. и глаголе *рѣкодѣлѣничати* 58 об., существительных *мздѣицеѣ* 52 об., *со идолослѣжитѣли* 95, *земледѣлѣцѣ* 228 об., в словах с первым корнем *высок-* и др.: *высокопарѣнѣ* 141, *высокогласно* 151 об.

¹⁹ Особо следует отметить два сложных существительных. У слова *человѣкъ* при сокращенном написании ударение *члѧкъ* (Р.—В.) 205 об., *члѧкъмѣ* (Д.) 103, *на члѧцѣхъ* 210 об., при обычном написании ожидаемое ударение *человѣка* (Р.—В.) 157 об., *человѣцы* (И.) 213. У очень частотного слова *добродѣтель* в разных падежных словоформах сохраняется одно и то же ударение. Однако встретилось также *ко... добродѣтели, добродѣтелемѣ* 144 об. (во втором примере оксия между *т* и *ѣ*); в форме *добродѣтели* (Р.) 145 точка над *ѣ*, скорее всего, не является акцентным знаком.

216, 225). Нередко писец ставит оба знака: **бѣ же** 120 об., **ввогда же** 214 об., **здѣ бо** 215 об., **се бо** 140 об., **сѣ же** 220, **моемѣ ли** 127 об., **егда же** 152, 164, 186, **себе же** 167 об., 168, **чегѣ же** 183 об. (заголовок), **никогда же** 208, **любве же** 82, **рече бо** 216 об., **счета бо** 247 об., **не мози сѣ услышати** 66. Иногда писец делает один из знаков бѣльшим по размеру: **егда же** 164 (ср. **егда камене** 166 об.). Возможна даже постановка знака над частицей: **рече же** 126.

Постановка оксии и вариации над одной буквой или над соседними встречается и в середине слова как исправление ошибки, причем неверный знак писец не зачеркивает: **имѣа** 124 об., **речеѣте** 202 (при изменении ед.ч. на мн. ч.), **сотвориѣти** 78 (при изменении аориста на инфинитив), **вдаѣтъ** 221, **тако** 79 об. В результате такой же правки в слове могут оказаться оксия и вариация над разными гласными: **прельсти** 210 об. (замена акцентуации существительного на глагольную), **твои** 133 (замена акцентуации ед. ч. на мн. ч.). Часть случаев постановки двух оксий приходится на словоформы с правкой. Например, первоначальное **оживѣ** переправлено на **оживѣтъ** 202, **попѣстигѣ** 182 — на **попѣщаѣтъ**, **ѡкрыѣ** 182 об. — на **ѡкрываѣ** и др. Этим же может быть обусловлена постановка двух вариаций: **тѣлесн своемѣго** 185 об.

Подводя итог описания надстрочных знаков в Овч-530, можно сформулировать основные тенденции их постановки. Неакцентные надстрочные знаки — спиритус и исо — писец ставит в начале слова при единичных примерах в середине слова (кроме начальной гласной второго корня сложных слов и корня после приставки). Акцентные знаки обычно стоят в середине и в конце слова; акцентная оксия в начале слова встречается редко. Эти тенденции необходимо учитывать прежде всего при описании акцентуации глаголов, особенно вторичных имперфективов. У них встречается постановка знака на окончании, а именно над второй из двух стоящих рядом гласных (по модели **пребываѣши**), где обычно в других рукописях проставляется спиритус. Нечеткость написания надстрочных знаков вынуждает сомневаться, что это действительно оксия, а не спиритус. Однако сплошной просмотр произвольно выбранных лл. 222—224 об. показывает, что спиритус как второй надстрочный знак не встретился ни в одной из 20 глагольных форм с двумя гласными, находящимися рядом в середине слова.

Акцентуация глаголов

В Овч-530 имеются глаголы акцентных парадигм *a*, *b*, *c*. Принципиальных различий в акцентуации обычных форм презенса и форм настоящего и настоящего-будущего времени в значении долженствования (конструкции с частицей *да*) не отмечено. Изредка встречающиеся в этих формах расхождения в их акцентовке обусловлены колебанием ударения, отмечаемым в рукописи.

Большое количество акцентированных форм принадлежит к вторичным имперфективам с суффиксами *-а-* и *-ва-*. У этих глаголов засвидетельствованы те же явления, что и у лексем, принадлежащих к а. п. *a, b, c*.

Акцентная парадигма а; глаголы с постоянным ударением

Акцентуацию по акцентной парадигме *a* имеют следующие глаголы:

-алкати: *взѧлчѣши* 111, *взѧлчѣтъ* 161, 249 об., *взѧлчѣте* 201; ср. *ѧлчѣши* 130;

-бавити: *привѧвити* 161, *привѧвити* 223 об., *привѧвитъ*, *оѹбѧвитъ* 138; *избѧвитисѧ* 173, *нѧвѧнитисѧ* 69, 122, *нѧвѧви* 168, 182 об., *избѧви* 258 об., *избѧвѣсѧ* 230 об.;

завыти: да *завѣдѣши*, *завывѣсѧ* 127;

-врещи(сѧ): *воврещи* 119, *ѡврещисѧ* 108 об., *поврещи* 119, *ѡвѣржетсѧ* 109, да *ѡвѣржетсѧ* 64, 108 об., 201, 154 об., *повѣржетъ* 183 об., *повѣрже* 95, *ѡвѣрѣ* 68;

-выкнути: *навѣкнѣти* 4 об., 163 об., 184 об., *навѣкнѣши* 185, 229, да *навѣкнѣши* 102 об., *навѣкнѣтъ* 151 об., 216, *навѣкнѣ* 151 об., 163, *ѡвыкнѣтъ* 165 об., 172, *ѡвыкнѣтъ* 183, *ѡвыкнѣ* 176, *ѡвѣкнѣтъ* 216, *ѡвѣкли* 260 об.;

-гивноути: да не *погѣвнѣ* 84, *погѣвнѣши* 261 об., да *погѣвнѣши* 81, *погѣвнѣ* 133, 196 об., 249 об., 258 об., *погѣвнѣтъ* 98 об., 105, 183 об., 212, 215, *погѣвнѣ* 75, 79, да не *погѣвнѣ* 66 об., *погѣвнѣтъ* 59 об., 86 об.;

-знати: *познѧти* 123, *знѧетъ* 233, *познѧетъ* 225, *знѧем ли* 135;

-каатисѧ: *кѧатисѧ* 65 об., 96 об., 142, 160 об., *кѧати* 96, *покаатисѧ* 229 об., *кѧаюсѧ* (так!) 191, *кѧѧсѧ* 185, 192;

-красти: *оѹкрасти* 163, 177 об., *оѹкрадѣши* 195, *покрадетъ* 73, *крадѣтъ* 194 об. (2 раза), 249 об., *крадѣ* 161, *ѡкрадѣ* 176, *покрадѣ* 177, не *ѡкради* 200;

-крыти(сѧ): *покрыти* 118 об., *скрытисѧ* 136, *ѡкрыетъ* 69 об., 155, *покрыѣ* 258 об., *крыютсѧ* 227, *крыѧ* 253;

-лечи: *лѧгѣ* 74, *лѧжѣши* 165, *лѧже* 75, *ѡлѧжи* (пов.) 62 об., 165;

оѹмалити(сѧ): *оѹмалити* 149 об., да не *ѡмалити* 63, да не *оѹмалити* 66 об. (оксия между м и а); *оѹмалитсѧ* 138 об.;

-множити(сѧ): *множитсѧ* 215, *оѹмножатсѧ* 214 об., *оѹмножило* 260;

молвити: *мѡлвити* 148 об., *мѡлви* 105 об., *мѡлватъ* 99 об.;

оѹмолакноути: *оѹмѡлакнетъ* 208, *оѹмѡлакнѣтъ* 145, *оѹмѡлакнѣтъ* 145, *оѹмѡлакѣтъ* (так!) 245 об., *оѹмѡлѧкнѣтъ* 245 об.;

-мыслити: *домыслитисѧ* 1 об., *помыслѧ* 84, *помысли* (пов.) 51;

-мыти: *мыти* 15 об. (2 раза), *нзмыти* 15 об. (3 раза), *нмыти* 15 об., *нзмыѣ* 16, *ѡмыти* 185, *оѹмыти* 15, *нзмыю* 131, *омыѣ* 152 об., *оѹмыѣвѣ* 15;

-нѣжити(сѧ): *нѣжити* 192 об., *нѣжити* 99, 210, *нѣжи* 219, *нѣжитсѧ* 144 об., 243, *оѹнѣжити* 210;

-оврѣсти(сѧ): *вврѣсти* 224, *вврѣсти* 59, 72, 161, 216, 224, *приоврѣсти* 237, *приѡврѣсти* 223 об., *вврѣщѣ* 131, да... *приоврѣщѣ* 74 об., *вврѣщѣши* 96, 132 об., *оврѣщѣши* 237, да *вврѣщѣшисѧ* 80 об., *ѡврѣщѣтъ* 242 об., *вврѣщѣтъ* 4, 110, 144, да *вврѣщѣ* 61, *вврѣщѣтсѧ* 133, *приѡврѣщѣтъ*

74 об., **вѣрѣцѣмъ** 59, **вѣрѣцѣте** 200 об., **овѣрѣцѣте** 196, **вѣрѣцѣтъ** 175, 176, 183, **ѡвѣрѣцѣтъ** 102, а также **вѣрѣте** 128;

впечатлѣнѣса: **впечатлѣса** 153 об., **да не впечатлѣнѣса** 172 об., **впечатлѣса** (пов.?) 85;

-подобѣнѣ(са): **оуподобѣлю** 226, **сподобѣнѣса** 69 об., 153, 206 об., **оуподобѣнѣса** 109, **да сподобѣнѣ** 51;

-покрѣнѣ(са): **покрѣнѣнѣ** 210, **покрѣнѣнѣса** 187 об., 208 об., 264 об., **покрѣнѣнѣса** 210, **оупокрѣнѣнѣ** 208, **покрѣнѣши** 127 об., **покрѣнѣши** 210, **покрѣнѣтъ** 228, **оупокрѣнѣ** 95, **оупокрѣнѣнѣса** 208, **покрѣнѣса** 187, **покрѣнѣтъ** 100, **покрѣнѣ** 206, **оупокрѣнѣнѣ** 210;

-полнѣнѣ(са): **исполнѣнѣнѣ** 16, **наполнѣнѣнѣ** 250 об., **наполнѣнѣнѣса** 261 об., **исполнѣнѣнѣса** 137 об., **наполнѣнѣнѣ** 167, **исполнѣнѣнѣ** 199;

поработѣнѣнѣ(са): **поработѣнѣса** 240 об., **поработѣнѣ** (пов.) 231, **поработѣнѣнѣ** 256 об.;

насытѣнѣнѣса: **насытѣнѣнѣса** 158, **да насытѣнѣнѣса** 52 об., **да... насытѣнѣнѣса** 231 об.;

-почѣнѣнѣ: **впочѣнѣнѣ** 114, **да почѣнѣнѣтъ** 209 об.;

-правѣнѣнѣ(са): **правѣнѣнѣ** 58 об., **исправѣнѣнѣ** 114, 256, 256 об., **исправѣнѣнѣса** 56 об., **оуправѣнѣнѣ** 264, **исправѣнѣнѣ** 93, **исправѣнѣнѣтъ** 206 об., **исправѣнѣ** 153 об., **исправѣнѣса** 209, **направѣнѣ** (пов.) 8 об., **не оуправѣнѣ** 256, **исправѣнѣ** 206 об.;

протѣвѣнѣнѣса: **протѣвѣнѣнѣса** 107, 200 об., **протѣвѣнѣса** 163 об., 182, 211 об.;

-рѣнѣнѣнѣ(са): **рѣнѣнѣ** 192, **ѡрѣнѣнѣ** 177, **ѡрѣнѣнѣтъ** 152, **ѡрѣнѣнѣ** 143 об., **да... рѣнѣнѣнѣ** 98, **не ѡрѣнѣнѣ** (пов.) 191 об., **ѡрѣнѣнѣ** 204;

славѣнѣнѣ: **славѣнѣнѣ** 152 об., **славѣнѣнѣ** 115 об., 220 об., 252, **славѣнѣ** 167 об.;

-слѣшѣнѣнѣ: **слѣшѣнѣнѣ** 151 об., **слѣшѣнѣнѣ** 66, 130 об., **слѣшѣнѣнѣ** 66, **слѣшѣнѣнѣ** 155 об., **да не слѣшѣнѣнѣ** 66, **слѣшѣнѣ** 114, **оуслѣшѣнѣ** 14 об., 63 об., 251, 167, **слѣшѣнѣнѣ** 187 об., **слѣшѣнѣ** (пов.) 60, **слѣшѣнѣ** 127, **слѣшѣнѣ** 64, **оуслѣшѣнѣ** 122 об., а также **слѣшѣнѣнѣ** 129 (первый знак крупнее);

срѣшѣнѣнѣ(са): **срѣшѣнѣнѣ** 97 об., **срѣшѣнѣнѣса** 186, **срѣшѣнѣ** 133;

-ствѣнѣнѣ(са): **остѣнѣнѣнѣ** 139, 161, **постѣнѣнѣнѣ** 13, 75 об., 189, **оуствѣнѣнѣнѣ** 169 об., **ствѣнѣнѣнѣса** 251 (2 раза), **вствѣнѣнѣнѣ** 229, **постѣнѣнѣнѣ** 164 об., **прѣствѣнѣнѣнѣса** 61, **оуствѣнѣнѣнѣ** 93, **востѣнѣнѣ** 95, **вствѣнѣнѣ** 64, 201, **вствѣнѣнѣнѣ** 215, **оуствѣнѣнѣнѣ** 138, **остѣнѣнѣ** 185 об., **да не вствѣнѣнѣ** 158, 246, **вствѣнѣнѣ** 254;

-стѣнѣнѣ(са): **стѣнѣнѣ** 115, 123, 164 об., **востѣнѣнѣ** 90 об., 165 об. (2 раза), **въствѣнѣнѣ** 74, **застѣнѣнѣ** 93, **стѣнѣнѣши** 164, **востѣнѣнѣши** 88, 165, **востѣнѣнѣшѣ** 88 об., **не вствѣнѣнѣши** 81, **прѣствѣнѣнѣши** 226, **стѣнѣнѣнѣ** 9 об., 166, **стѣнѣнѣ** 61 об., **востѣнѣнѣнѣ** 59 об., 95, 166, **востѣнѣнѣ** 165, 192, **застѣнѣнѣнѣ** 79 об., 211 об., **застѣнѣнѣ** 229 об., **стѣнѣнѣмъ** 109 об., 159, **стѣнѣнѣ** 159, 181 об., **вствѣнѣнѣмъ** 75, **востѣнѣнѣ** 181, 232, **прѣствѣнѣнѣмъ** 153 об., **стѣнѣнѣнѣ** 232 об., **востѣнѣнѣ** 177 об., **вствѣнѣнѣнѣса** 154, 236, **прѣствѣнѣнѣнѣ** 13 об., **прѣствѣнѣнѣнѣ** 89 об., 245 об., **прѣствѣнѣнѣ** 145 об., **стѣнѣнѣ** (пов.) 62 (2 раза), 91;

-стѣнѣнѣнѣнѣ: **постѣнѣнѣнѣнѣ** 126, 190, **постѣнѣнѣнѣ** 116 об., **достѣнѣнѣнѣши** 74 об., 231 об., **достѣнѣнѣнѣнѣ** 212 об., **постѣнѣнѣнѣнѣ** 96, 223, **постѣнѣнѣнѣ** 88 об., **достѣнѣнѣнѣ** 159;

-сыпати(са): высыплетса 212, всыплѣ^М 212 об.;
 сѣсти: сѣсти 54 (3 раза), сѣдѣ ли 66, сѣдетъ 9, 114 об., сѣде^Т 14, сѣди (пов.) 14, 121 об., 164, 164 об., не сѣди 54 об.;
 ѡторгнути(са): ѡторгнути 124 об., 153, ѡторгнѣса 235, ѡторгнѣса^М 153 об., да ѡторгну^Т 153, ѡторгнѣса (пов.) 231, ѡторгнувъ 154 об.;
 хоулити: хули^Т 83 об., хули^М 80 об., хули (пов.) 53, 53 об., 55 об., похулено 258 об., а также хулаще 99 об.;
 чапати(са): ѡчаптиса 89 об., чаеши 76, не чаесть 225 об., ѡчаетса 176 об., чаемъ 75 об.;
 чистити(са): чистити 144 об., очистити 264, чиститиса 60, 237, ѡчистишиса 265, чисти^Т 5, чиститъ 152 об., чисти^Т 244, не чиститса 146, не чистѣса 237, очистѣса 244, чиститса 190, чистатса 182, очисти (пов.) 85 об., чистѣса (пов.) 60, чистѣса 105 об.

Большая группа глаголов, в других источниках обычно акцентуированных по а. п. а, представлена одной-двумя формами: извѣгнути 51, ѡвѣгне^М 87; навади^Т 70 об.; висать 195 об., 198 об.; виситса 142, возвыситса 71 об.; иванѣ^Т 134; оувѣритса 205; движетса 155 об., а также неподвижимъ (Д.) 256 об.; подѣмавъ 186 об.; wzлѡвити 80 об., wzлѡватъ 168 об.; оугаснетъ 90; загладити 59 об.; оуготѡвати 15 об., а также оуготѡваша 215 об.; гравиши 226; назнаменовси 62 об.; кѡпати 94, кѡплетъ 94, 253; кѡшлешъ 55 об.; излази^Т 73; мѣдлиши 229 об., замѣлитъ 207 об.; прѡнникетъ 212; обиди^Т 80 об. (2 раза); wплѣвано 253, плѡи (пов.) 55 об., ѡплаѡи (пов.) 225 об.; пѡлазе^Т 226 об.; плаваемъ 242 об.; рѡнимса 104, 109, рѡниса^М 159 об., 248; вырезати (так!) 16, ѡрѣ/зѡ 254 (возможно, постановка двух оксий обусловлена глагольной парой *отрѣзать-отрезать*); свирѣпѣ^Т 139; раслѡвитса (так!) 165 об.; стѣкнѣти 13; стѣсни (пов.) 62; оутѣшити 163, оутѣшатса 194; оударитъ 194, 200 об.; почиетъ 232 об.; не ѣзди (пов.) 55 об., а также ѣздащи^Х 114 об. Вероятно, сюда же: примѣрзнѣти 116; рыкнѣти 223; пѡкостѡ^Т 175; wпочинѣти 165, опочини (пов.) 164 об.; ѹстыне^Т 177 об.; похитити 187.

Из других слабо документированных слов можно предположить а. п. а у глаголов: осмѣнитса 106, вѡвыстри^Т 95, вѣшаа 259, вѡлити 264, обрынѣса 164 об.

По а. п. а в Овч-530 акцентуирована встретившаяся форма 3 л. мн. ч. глагола вѣдѣти: вѣдатъ 178, 213, 214, вѣдѡ^Т 175 об.; ср. также оувѣдѣти 82. При акцентовке вѡдышѣтъ 233, вѡдышѣ^Т 131 об. у инфинитива встретилось ударение дѡхѣти 139.

К а. п. а принадлежат глаголы -волити и наслѣдити: проиѡлншь 92 об., извѡли^Т 254 об., проиѡлитъ 192 об., иѡлнль 105; наслѣдиши 9, наслѣдитъ 196, 211 об., наслѣдатъ 194, не наслѣдѡ^Т 95.

Новая а. п. а у глагола -версти(са) и, возможно, у строи: ѡверстиса 83 об., ѡверзетса 196 (2 раза), вѣрзиса (пов.) 104, вѡвѣрзи (пов.) 77, 80, ѡвѣрзи (пов.) 231 об., повѣрзи (пов.) 231; стрѡнтъ 204 об., стрѡн^Т 104 об., 160, 248, стрѡн (пов.) 253 об.

У глаголов а. п. а в Овч-530 засвидетельствована тематизация ударения, то есть его сдвиг вправо на тематический элемент — суффикс. Она хорошо представлена в некоторых памятниках письменности. Если у вторичных имперфективов с суффиксом *-a(j)*- это явление территориально не ограничено, то у других глаголов тематизация была более интенсивной на дальнем северо-востоке и в западной зоне [Зализняк 1981: 148—150; 1985: 356—357]. Из группы глаголов, у которых тематизация засвидетельствована в разных письменных памятниках, в Овч-530 она отмечена у следующих слов в разном количестве словоформ:

-вѣгати: вѣгати 172, вѣгати 189, Ѡвѣгати 255 об., вѣгаеть 212 об., вѣгаеть 221 об., вѣгаеть 221 об. (оксия между г и а), вѣгаеть 221 об., вѣгаю^т 157 об., вѣган (пов.) 60 об. (оксия между ѣ и г), 61, Ѡвѣган (пов.) 68 (оксия между ѣ и г), вѣган (пов.) 95, Ѡвѣгаемъ (пов.?) 173, вѣганте 196 об., вѣганте (пов.) 200 об., вѣгали 97 об.;

-видѣти: видѣти 76, видѣти (оксия между и и д) 89 об., видѣти 237 об., видиши 183, видитъ 85, 106, 109, 148, 149, види 85 об., видите ли 126 об., видатъ 157 об., 187 об., 246, вида^т 183, вида 249 об., вида 128 об., видѣлъ 127, хотя видѣлъ 238, а также видѣхъ 112, хотя видѣхъ 116 об.; завидѣти 80 об., завидѣ^т 67 об.; ненавидиши 149 об., да возненавидиши 60 об., возненавидитъ 194 об., ненавидѣ^т 58, воненавиди (пов.) 61;

-вѣдати(сѧ): вѣдати 13, вѣдати 89 об., исповѣдатисѧ 62 об. (оксия между ѣ и д), оувѣдати 190, повѣдаю 127, заповѣдаю 198 об., исповѣдаюсѧ 190 об., вѣдаеши 226 (3 раза), вѣдаеши 225 об., вѣдаеши 225 об., вѣдаеши 265, вѣдаешъ 58 об., 251, вѣдае^т 251, не вѣдаю^т 58, исповѣдаю^т 16 об., повѣдають 220 об., исповѣдан (пов.) 53 (первый знак крупнее), исповѣдан (пов.) 53, вѣдаа 265 об. (оксия между д и а), исповѣдаа 122 об. (оксия между ѣ и д), исповѣдаасѧ 128 об., да бы вѣдалъ 127 (ѣ пропущено и вписано самим писцом над строкой), вѣдали 220 об., заповѣдалъ 127 об.;

-гнѣвати(сѧ): гнѣватисѧ 80 об., 261, гнѣваешисѧ 169 (знаки между ѣ и в, в и а), да не прогнѣваеши 65 об., прогнѣвае^т 167, прогнѣваеть 250 об., да не прогнѣваецѧ 67, не гнѣвансѧ (пов.) 53 (в переправлено?; первый знак крупнее, второй находится между в и а), не гнѣвансѧ (пов.) 81;

дѣлати: дѣлати 206, дѣлати 76 об., 217 об., дѣлати 223, дѣлаеши 61, 223, дѣлаешъ 88 об. (оксия между л и а), дѣлаеть 217 об., дѣлаа 161 об., 250, дѣлааи 166 об.;

-моучити(сѧ): мѣчитисѧ 96 об., 132 об., 187 об., мѣчитисѧ 120 об., оумѣчю (так!) 123 об., оумѣчимъ 212 об., мѣча 145 (вария не акцентная?), а также мѣчимыѧ (В.) 131 об.;

-плакати(сѧ): плакати 54, 108, плакати 131, плакатисѧ 136, плакатисѧ 90, плачеши 103, 117, восплачеши 225 (2 раза), поплачеши 114, восплачет же (так!) 185, плачю^т 57 об., плачютсѧ 131 об., 233, плачи (пов.) 115, плачисѧ (пов.) 84, плачасѧ 117;

-слѡушати: сѡ вслѡшати 66, ослѡшѡтисѡ 261, послѡшати 63 об., пре/слѡшати 255 об., послѡшаешѡ 165, слѡшае^T 65, послѡшае^T 10, 14 об., да не послѡшае^T 4 об., не слѡшае^M 2, не послѡшаемъ 175 об., слѡшаю^T 253 об., послѡшаютъ 261 об., послѡшаю^T 261 об., преслѡшаютъ 16 об. (буквы ес переправлены из и), слѡшан (пов.) 53, 257, послѡшавъ 14, а также слѡшающе 261 об.

Всей парадигмы тематизация не затронула ни у одного из приведенных глаголов (об императиве см. в отдельном разделе). У вндѣти она отмечена в инфинитиве и в формах прошедшего времени, у вѣгати, вѣдати, дѣлати, слѡушати — в инфинитиве и в презенсе, у гнѣватисѡ — в презенсе, у моучити и плакати — в инфинитиве.

За пределами этой «основной» группы глаголов в Овч-530 тематизация имеет место у стоукати (в инфинитиве), сѣлати и дѣвати (в инфинитиве и презенсе). Необходимо отметить, что у глагола дѣвати по памятникам отмечены следы а. п. с [Зализняк 1985: 133]:

-дѣвати(сѡ): дѣлати 16 об., дѣемъ 231, содѣ^M 182, содѣю^T 175, содѣл 232 об. (оксия между ѣ и л при наличии помехи сверху), дѣлль 238; надѣлатисѡ 106, 172, надѣетсѡ 98, надѣемсѡ 168, надѣесѡ 252 об., надѣисѡ (пов.) 204 об., надѣлсѡ 184;

стоукати: стѣкати 13, стѣкати 13;

-сѣлати: всѣлати 244 об., всѣлати 145 (оксия между ѣ и л), сѣеши 147 об., сѣе^T 228 об., сѣетъ 100, да^{IE} всѣетъ 90 об., сѣемъ 212 (оксия между ѣ и е), сѣютъ 195, сѣаное (И.) 212, а также сѣлше 113.

Возможно, вшѡлѡтисѡ 168 при вшѡисѡ (пов.) 184 об., 186 об. и испрѡвѡлѡ 174 (второй знак крупнее) при обычном корневом ударении также свидетельствуют о тематизации. Можно предполагать то же явление у слабо документированного величѡсѡ 137. У глагола кланѡтисѡ суффиксальное ударение представлено только в императиве: клѡнѡтисѡ 250 об., клѡнѡтисѡ 87 об., поклѡнѡтисѡ 87 об., кланѡисѡ (пов.) 91. Не исключено, что могло произойти смешение двух слов — кланѡтисѡ (а. п. *a*) и клонѡтисѡ — имперфектива от клонитисѡ, корень которого писец иногда пишет как -клан-.

Отступление от исконного корневого ударения, а именно флекссионное ударение в некоторых формах презенса представлено еще у нескольких глаголов а. п. *a* наряду с доминирующей обычной акцентовкой. Вероятно, здесь также имеет место тематизация:

-ближити(сѡ): привлѡжитисѡ 80 об., 185 об., 150 об., привлѡжити 70, привлѡжѡтсѡ 147 об.;

-двигнути(сѡ): вдѡвѡгнѡти 207 об., подвѡгнѡти 15 об., подвѡгнѡтисѡ 125, подвѡгнѡсѡ 248, дѡвѡгнѡсѡ 160, подвѡгнѡсѡ 120 об., дѡдвѡнешь 10 об., подвѡгнетъ 177, подвѡгнетсѡ 69 об., подвѡгнемсѡ 163 об., подвѡгнѡсѡ 175, дѡвѡгнисѡ (пов.) 104, подвѡгнисѡ 231 об., штѡдвѡнъ 10, 10 об.;

-ноудити(сѡ): нѡдѡити 155 об., 212 об., пѡнѡдитисѡ 112 об., 181, 187, пѡнѡдишисѡ 123, пѡнѡдишисѡ 55 (первый знак крупнее), пѡнѡдишисѡ

117 об., нѣди^T 251, нѣднса^T 195 об., нѣди ти са (так!) 184 об., понѣднса^T 182, да понѣдитъ 190, понѣдитса 214 об. (исправлено из понѣдитиса), понѣдитса 96 об., понѣдитса 232 об. (второй знак крупнее), понѣднса^T 163 об., нѣдд^T 175 об., нѣди (пов.) 217, понѣди (пов.) 164 об., нѣдд 118, нѣддса 122;

-СТАЯТИ: востаѣтъ 163 об., 237 об., востаѣтъ 88, 208, востаютъ 142 об., востаю^T 78, 150, 222 об., востаютъ 82 об., не престан 79 об.

Флексийное ударение встретилось в форме настоящего времени глагола слабѣти при суффиксальном ударении в инфинитиве: ослабѣти 181, услабѣши 66, услабѣтъ 104 об., 163 об. Ср.: убогатѣши 231 об., убогатѣтъ 56 об.

Флексийное ударение наряду с обычным суффиксальным встретилось также у глаголов, у которых в других памятниках ударение на тематическом элементе является постоянным:

— одоубѣти 85 об., 166, одоубѣти 185 об., соубодоубѣти (так!) 122 об., да доубѣю 122 об., доубѣтъ 162 об., одоубѣтъ 185 об., доубѣемъ 166, доубѣ^M 211;

— питати 159 об., 248, питатиса 60, питаѣши 99, напитаю 123 об., питаѣши 133, питаѣтъ 195, питаѣтса 91 об., питаѣса^T 85, питаѣ^M 122, питани (предик.)²⁰ 106 об., питаѣса 132 об., оупитали 210;

— не смѣю 85 об., смѣтъ 63, смѣю^T 245;

— табѣти 136, истабѣтъ 133, истабѣтъ 249 об.

Возможно, сюда же относятся следующие глаголы: ускѣдѣтъ 138 об., ускѣдѣютъ 204 об.; оуспѣши 167, оуспѣтъ 257, оуспѣтъ 110, 143 об.; ботѣтъ 144 об., 243; созрѣтъ 212.

Сдвиг ударения влево отмечен в форме разѣмѣи (пов.) 253 при разѣмѣти 251, разѣмѣши 226, а также оумѣтъ 10; ср. разѣмѣвати 263.

У остальных слов представлено ударение на тематическом элементе: подкопати 195 об., раскопаѣши 141, роскопаю^T 178; оуповати 106, оуповаѣтъ 265, оуповаѣ^M 252 об., оуповаѣемъ 168 (ѣ исправлено из и), оуповаѣ 186; рыдати 136, 223, рыдаѣ^M 134 об., ворыдаѣте 201, рыдаютъ 131 об., рыдаю 233, рыдан (пов.) 73; сѣѣтъ 228. Возможно, сюда же: владѣти 188 об., 209, 214 об., владѣтъ 188; добраѣ^T 101, добраѣло 210, 266; желѣши 112 об., желѣтъ 187 об., желѣ^T 208, желѣ^M 175 об., 249 об.; пожелѣти 207 об., желѣши 117 об. (ѣ переправлено из ѣ), 224 об., желѣтъ 212 об. (оксия между ѣ и ѣ), вожелѣ^T 69 об.; комкаѣтъ 94 об.; лѣтати 165, лѣтаѣтъ 156 об., ѡлѣтаѣ^T 139 об.; мечтаѣса 149 об.; оклеветѣ^T 81, ѡклеветѣ^T 81, уклеветѣ^T 81; пытати 75; радѣти 14 об., не радѣши 223, 230; рѣгаюса^T 255 об.

На фоне тематизации ударения у глагола а. п. а -готовити(са) отмечен сдвиг ударения влево (при многосложном корне): прѣдоуготѡвити 186 об., готовиши 115, оуготѡвиши 204 об., готовитса 132 об., оуготѡвитса

²⁰ Здесь и далее так обозначены словоформы в предикативном употреблении.

216 (2 раза), **оуготѡвнѣса**^T 103 об., **ѡготѡвнѣса**^T 265, **готѡвѣтса**^T 132 об., **оѡготѡвѣтъ**^T 183 об., **готѡвнѣса** (пов.) 168 об., ср. **оѡготѡванное** (В.) 215 об., а также **приготѡвлѣше** 117 (второй знак крупнее). У **рабѡтати** такой сдвиг соседствует с тематизацией (если это не ошибка писца или не гиперкорректность на фоне колебания ударения): **рабѡтати** 126, 127, 154, 158, 161, 194 об., **рабѡдати** (так!) 159, **рабѡтати** 210 (первый знак крупнее), **рабѡтати** 247 об., **рабѡтати** 249 об. (второй знак крупнее), **рабѡта/тати** (так!) 246, **рабѡтаю** 204 об., **рабѡтаетъ** 131 об., **да рабѡтае** 100, **рабѡтаютъ** 99, 233, **рабѡтаю**^T 103, **рабѡтам** 126 об., а также **рабѡтающе** 261, 204 (над первым **а** знак, похожий на спиритус), **рабѡтающѣ**^X 246 об. Повидимому, сдвиг ударения влево отражает южнославянскую акцентуацию; ср. болг. *ра̀бота*.

Сдвиг ударения вправо, т. е. на окончание у глаголов а. п. *а* и у глаголов с постоянным ударением можно было бы считать механическим из-за помехи, создаваемой мачтой предшествующей буквы **ѣ**, тем более что писец вообще нередко сдвигает акцентный знак. Однако примеры **питаѣшиса**, **содѣѣ**^M, **сѣѣ**^T заставляют сомневаться в этом.

Акцентная парадигма b

У глаголов акцентной парадигмы *b* изредка встречаются отступления в сторону акцентной парадигмы *c*. Акцентуация по а. п. *b* в Овч-530 засвидетельствована у следующих слов:

вороти(са) и **врати(са)**: **врѡти** 197, **ворѡтиса** 197, 211, **ворѡтиса** 212, **врати(са)** 14 об., 157, 174 об., 186 об., **врати**^C 179 об., **зворѣши** 164 об., **борѣтъ** 80 об., 222 об., 252 об., 260 об., 208, **борѣ**^T 81, 168, 187, **борѣтса** 144 об., 208, 211 об., 243, **не борѣтса** 239 об., **борѣмса** 81, 187, 240, **борѣса** 210 об., **борѣтъ** 162 об., 187, **борѣю**^T 177, 178, 187, 263 об. (2 раза), **борѣтса** 14 об., 243 (2 раза), **вори(са)** (пов.) 164;

-води(са): **води**^T 254 об., **вовѡдитъ** 76 об., 141, **вовѡди**^T 134, **навѡди**^T 261, **ѡводи(са)** 222 об., **привѡди**^T 173 об., **вовѡдѣ**^T 89 об., **навѡдѣ** 2 об., **привѡдѣтъ** 14, **привѡдѣ**^T 67 об., **да... привѡдѣса** 253, **не доводи** (пов.) 53 об., **ѡводѣса** 223 об.;

свѡзати(са): **свѡжетъ** 66 об., **свѡжѣса** 148 об.;

-гонити(са): **гонитъ** 105, 184, 230 об., **изгонитъ** 148 об., 244, **игонитъ** 183 об., 188, **ѡгонитъ** 139 об., **ѡгони**^T 83, **прогонитъ** 88, **прогонитса** 14 об., **гонѣтъ** 196 об., 200 об., **гонѣ** (пов.) 109, **ѡгонѣ** 146 об.;

дрѣмати: **дрѣмати** 164, **дрѣмлетъ** 152, **дрѣмлѣ**^T 157, **дрѣмлютъ** 220 об.;

одеѣтиса: **одежешиса** 231 об., **одежѣмса** 195, **одежѣдѣса** 204, **одежѣтиса** 200 об., **воздеѣти** 87 об.;

зыбати(са): **зыбѣтиса** 164, **зыблю**^T 158, 176 об., 246;

-колебати(са): **колебѣтиса** 180 об., **не поколебѣтѣтса** 215, **колебѣютъ** 246, **колеблю**^T 176 об., 158, **поколеблю**^T 176 об., 177, **колеблѣтса** 222 об.;

-кѡсити: **кѡсити** 219, **кѡситъ** 157 об., **да кѡси**^T 254, **закѡси**^T 223, **кѡси** (пов.) 100 об., 121 об.;

искоусити(сѧ): искѹсѣти 207 об., искѹсѣтисѧ 172 об., искѹсѣтсѧ 98 об.;

-любити: любѣти 54, 81 об., 174, любѣши 60, 82 об., возлюбѣши 195, 198 об., волюбѣши 82, 92 об., любѣтъ 98 об., 143 об., 144 об., 208, 212 об., 243 об., любѣ^Т 243, возлюбѣтъ 194 об., любѣ^М 175 об., 187, любѣсѧ 81, волюбѣ^М 97 об., возлюбѣмъ 173, любѣте 194 об., любѣ (пов.) 80 об., любѣте (пов.) 79 об., 194, да любѣте (пов.) 198 об., возлюбѣ (пов.) 60 об., хотя волюбѣ (пов.) 83, а также любѣщи^М (Д.) 219, любѣщи^М (Д.) 161 (первый знак крупнее);

-метати(сѧ): метѣти 176 об., ѿмѣщешисѧ 74, мѣщѣтъ 87, ѿмѣщѣтсѧ 206;

-носити(сѧ): носѣти 154, 181 об., 206, 255, ѿзнѣсѣтъ 185 об., понѣсѣтъ 63, превѣзнѣтсѧ 145 об., принѣсѣтъ 90, 169, произнѣсѣтсѧ 240 об., разнѣсѣтъ 180, вознѣсѣсѧ 188 об., нѣсѣтъ 64 об., нѣсѣ^Т 64 об., изнѣсѣтъ 175 об., понѣсѣтъ 194, принѣсѣ^Т 62 об., носѣ (пов.) 192, не превѣносѣсѧ (пов.) 89 об., носѣте (пов.) 199;

-просити: просѣти 16 об., 69 об., 85 об., оѿпросѣти 223 об., оѿпросѣти 161, 249 об., прошѣ 193, прѣсѣтъ 163 об. (4 раза), прѣсѣ^Т 64 об., вопрѣсѣтъ 185 об., вопрѣсѣ 14 об., просѣ (пов.) 59 об.;

-скочити: вскочѣти 175 об., искочѣти 180, прѣскочѣти 222 об., ѿскочѣти 70 об., прискочѣ^Т 183 об.;

-слоужити: слѣжити 61, 121 об., 184 об., послѣжити 78, послѣжѣ 84, 204, 204 об., слѣжиши 53 об., да слѣжитъ 257 об., слѣжатъ 220 об., да послѣжа^Т 78, слѣжѣ (пов.) 204 об., 257 об.;

-смотри(сѧ): смѣрити 15, 258, вѣсмѣрити 15 об., посмѣриши 217 об., посмѣри^М 233, оѿсмѣри^М 258, не смѣри (пов.) 53 об., 55, смѣрите (пов.) 195;

-хвалити(сѧ): похвалѣсѧ 101, похвалѣ^Т 79 об., хвалѣтъ 258, не хвалѣ (пов.) 79 об., не хвалѣсѧ (пов.) 53 об., 73;

-ходити(сѧ): ходѣти 9 об., 13, 208 об., въходѣти 234, проходѣтисѧ 14 об. (2 раза), сходѣти 138, ходѣши 174 об., проходѣши 118, входѣти 161 об., восходѣтъ 91 об., восходѣ^Т 234, исходѣтъ 139 об., ѿходѣтъ 134 об., приходѣ^Т 132 об., расходѣтсѧ 134, восходѣ^Т 234, входѣтъ 181, входѣ^Т 176, исходѣ^Т 179 об., приходѣ^Т 142, 173, ходѣ (пов.) 53, 94 (2 раза), 257 об., проходѣ (пов.) 4 об., восходѣте (пов.) 236 об.

Некоторые глаголы, которые в других письменных источниках обычно акцентуированы по а. п. *b*, в Овч-530 слабо засвидетельствованы: заблѣди^Т 258 об.; поглѣтити 175; подѣвѣсѧ 75; жѣждѣши 130, въжѣждѣши 111; жѣти 228 об., вѣжати 15 об.; зблѣши 80 об.; кормѣти 75; ловѣти 176, лѣватъ 177 об., 187; ѿмѣлѣтимъ 212; ѿзмѣтити 15, ѿмѣчѣ 131; воскакѣти 254 об. (ср. воскакающе 260, над первым а знак, похожий на спиритус); воспалѣти 154; скрежѣщѣ^Т 65; стѣнѣтъ 132 об.; розѣслѣти «разостлать» 15 об.; стрѣгѣти 120; ѿтѣрти 15 об.; потѣжитъ 214 об.; хорѣтити 75; чѣсѣти 15; шѣпѣти 12, 91, шѣпѣютъ 14.

Обычная для древнерусских письменных источников акцентуация представлена у глагола **хотѣти**, то есть часть форм презенса имеет ударение, соответствующее а. п. *b*, а 3 л. мн. ч. — соответствующее а. п. *c*: **хоцѣ** 121, **хоцѣши** 4 об., 60, 76, 112 об., 223, **хоцѣтъ** 208, 264 об., **хоцѣт** 264 об., **хотѣтъ** 150, 165, 181, **не хотѣтъ** 206, **не хотѣ** 187. Пример **хоцѣ** 243 об. не показателен, поскольку ѣ написано поверх другой буквы.

Возможно, к а. п. *b* в Овч-530 принадлежит глагол **стажати**: **стажати** 76, 104 об., 155, **стажѣши** 78 об., **не стажѣши** 79, **стажѣтъ** 105, 155, **стажѣт** 71 об., **стажѣмъ** 184, **стажѣ** (пов.) 167, 251 об., **стажѣте** (пов.) 196 об., 201 об., **не стажѣте** (пов.) 74 об.

Соответствующую этой акцентной парадигме акцентовку имеют также **роптати** 9 об., 261, **поропцѣши** 214 об., **ропцѣ** 181 об., **не ропцѣ** 55 об. (ро пропущено и вписано писцом над строкой); **изрѣни** 260 об., **сѣ изрѣнѣ** 14; **смѣсити** 189 об., **смѣситсѣ** 259 об.; а также, видимо, **прислонити** 13, **прислонѣ** 14, **прислонѣсѣ** (пов.) 14; не ясно **свѣтанитъ** 148 об., **свѣтанѣсѣ** 158 об., 246 об. Недостаточно данных по словам **выполоскати** 15 об., **выполоскѣвъ** 15 об., **ѣстажати** 261 об., **нестажанъ** 255 (2 раза), которые могут принадлежность к а. п. *b* или к имперфективам.

Неоднозначны примеры **оугашетъ** 148 об., **обращѣшисѣ** 223 об.

Глаголы **вити** и **вопити**, первоначально принадлежавшие к а. п. *b*, имеют акцентовку по а. п. *c*: **вити** 120, **вѣтисѣ** 197, **оувити** 197, **оувѣти** 79, **не оувѣши** 195, **рѣветсѣ** 189, **не ѣвѣ** (пов.) 53; **вопѣмъ** 173, **вопѣтъ** 132 об., 233.

В Овч-530 встретились отступления в сторону а. п. *c*. По разным памятникам такое отступление отмечено в презенсе *i*-глаголов [Зализняк 1985: 359—360]. Для нескольких слов, которые в русской письменности имели исконную акцентовку по а. п. *b*, в Овч-530 уже засвидетельствована акцентовка по а. п. *c* (по некоторым словам данных недостаточно), что соответствует современному состоянию: **соблазнити** 82, **соблазнѣшисѣ** 63, **да не соблазнѣшисѣ** 66 об., **соблазнѣтсѣ** 63 при бесприставочном **блѣзнѣтъ** 99 об.; **да не... вогнѣдѣтсѣ** 239; **острѣтъ** 227 об.; **щѣтѣши** 192 об., **щѣтѣтъ** 100 об.; **просвѣтитъ** 152 об., **просвѣтѣсѣ** 153, **просвѣтѣтсѣ** 232 об., **просвѣтѣтсѣ** 153, хотя у бесприставочного **свѣтитъ** 3 об., **свѣтѣ** 140 сохраняется первоначальное ударение; **присовокѣпити** 212 об., **присовокѣпиши** 229 при бесприставочном **кѣпити** 160, 231, 248 об., **кѣпитъ** 228 об., **кѣпи** (пов.) 228 об., а также **прикѣпити** 223 об.

У других *i*-глаголов с исконной а. п. *b* в Овч-530 встретились эпизодические отступления в сторону а. п. *c*. Количество форм, в которых отмечены отступления, у каждого глагола невелико, как и общее число слов, у которых отмечено это явление:

-стоупити: **нѣстѣпити** 122 об., **ѣстѣпити** 129 об., 212 об., **ѣстѣпитѣ** 165, **ѣстѣпитѣ** 61 об., **да ѣстѣпитѣ** 101, **прѣстѣпитѣ** 206 об., **не прѣстѣпитѣ** 162, **прѣстѣпитѣ** 140 об., **прѣстѣпитѣ** 159, **прѣстѣпитѣ** (так; вм. 1 л. мн. ч.)

247 об.²¹, затѣплатъ 135 об., пристѣпнѣ (пов.) 93 об., а также престѣпнѣша (Р.—В.) 252, непостѣпнѣ (В. мн.) 252;

томити: тѣмитса 137, томитъ 162, тѣмѣ 162, томѣ (пов.) 217, исто/мленъ 93.

У -молити(са) наряду с отступлением в сторону а. п. с встретился императив с наосновным ударением: молитса 2 об., 61, 160 об., молитса 152, молитѣ 161 об., молитѣса 2 об. (первый знак крупнее), 60, помолитса 12, 90 об., молюса 14 об., молишиса 59 об., 250 об., молиши ли са 14 об., да молишиса 250 об., да молишиса 166 об., моли 10, 80 об., молитса 87 об., 151 об., 250 об., молитса 134 (первый знак крупнее), да помолитса 193, молимса 160 об., молатса 180, 131 об., моласа 233, молис (пов.) 250 об., молис (пов.) 250 об., молитса (пов.) 79 об., 161 об., моласа 155 об., 164 об.

Флекссионное ударение отмечено у глагола -мощи: мощи 122, 180, могѣ 127, 204 об., не могѣ 81 об., можеши 121 (2 раза), 130 (2 раза), 161, можеше (так!) 161, воможеши 89, да воможеши 83, можетъ 1 об., 64, 110, 137 об., 228, 246, може 59 об., 76, не може 160, изнеможе 161 об., да поможе 182 об., не може 98 об., могѣ 56, 133 об., 151 об., не могѣтъ 80 об., могѣтъ 265 об., изнемогѣтъ 145 об., 245 об., не можи 81, 89, не можи са всаѣшати 66, могли 214 (2 раза). Ударение могут отмечается в русских диалектах островками на юго-востоке и востоке и на крайнем юго-западе [Атлас 1989: карта 96].

В Овч-530 отступления от обычной акцентовки встретились еще у двух глаголов. Трудно сказать, является ли это отражением какого-либо явления, возможно диалектного, или такие немногочисленные примеры представляют собой ошибки писца:

-искати(са): искати 89 об., 161, 213 об., ищѣши 121 (оксия между щ и ѣ), пойщѣши 114, 132 об., ищѣтъ 110, взыщѣтъ 161, взыщѣ 249 об., ищѣтса 11 об., да изыщѣтъ 154 об., взыщѣ 225, взыщѣ 225, ищѣтъ 150 об. (оксия между щ и ѣ), 178, ищѣте (пов.) 2, 195, 196, 200 об., 204, а также искѣи 187; ср. ищѣши 203 об., ищѣтъ 195;

-писати(са): написатса 136 об., описатса 242 об., пишетъ 76 об., 82 об., 165, пише 154 об., да не... пише 239, пишѣтъ 76, пишѣтъ 82, пишѣтъ 65 (знаки поставлены между и и ш и между ш и ѣ).

У нескольких глаголов в формах показати, страдати, всѣдиги, сѣждѣ, тѣчиги, трепѣщѣ (ср. другие формы этого глагола) встретился сдвиг ударения влево. Причиной этого явления может быть отражение южнославянской акцентовки, что кажется более вероятным, или выравнивание ударения по большинству форм:

-казати(са): наказати 173, показати 206, 206 об., 209 об., 264, показати 264 об. (второй знак крупнее), оказати 230 об., покажи 216 об.,

²¹ На л. 159 и 247 об. одинаковый контекст: тако пристѣпнѣмъ кѣ гѣ рабѣдати... (так!) 159; тако пристѣпнѣ кѣ гѣ рабѣдати... 247 об.

нака́же^T 258 об., оука́жетъ 9 (2 раза), 154 об., оука́же^T 13, 55, пока́жю^T 67, не скажи (пов.) 53;

-страдати: страда́ти 109 об., 115 об., 255, по/страда́ти 103, по-страда́ти 205 об. (второй знак крупнее), пострада́ти 205 об., страждѹ 107 об., стра́жетъ 103, 146, 216, 242 об., 243, стра́же^T 144 об., стра́ждетъ 145 об., постра́жетъ 187, да... постра́жемъ 103, 205, стра́жѹтъ 52 об., 182, постражи (пов.) 77 об., а также постра́даша 101, постра́даша 105 об. (второй знак крупнее);

-соудити(са): сѹди́тиса 194, всѹди́ти 78 об., всѹдити 81 об., посѹди́ти 70 об., сѹждаѹ 93 (второй знак крупнее)²², сѹди́тъ 205 об., сѹ-дитса 85, сѹдиса 240, не сѹди́тиса 134 об., сѹди́тса 203 об., расѹди́м 233, да не осѹдитса 63, всѹдаѹ 58, да не ѹсѹдаѹ^T 53, не ѹсѹди́те (пов.) 63 (о смыто);

-точити: то́чити 246 (первый знак крупнее), то́чити 158, а также то-ча́ща 246;

трепетати: трепещѹ 135 об., трепещеши 132 об., 230, трепещѹтъ 103, трепещѹ^T 103, трепещѹтъ 168 об., трещѹтъ 88, трепещи (пов.) 94.

В Овч-530 имеется мало данных по акцентуации -ну- глаголов а. п. *b*, как и а. п. *a* (см. выше -выкну́ти, -гивну́ти, -двигну́ти, -рино́ти, -молакно́ти, -стигну́ти, -торгну́ти(са), а также слабо засвидетельствованные -бѣгну́ти, примерзну́ти, проникну́ти, обрыно́тиса, рыкну́ти, опочино́ти, стоу́кнути, стыно́ти, стисно́ти). Возможно, некоторые из глаголов, изначально принадлежавших а. п. *b*, уже акцентуированы по а. п. *a* (вѣзну́ти, исче́знути): оува́зне^T 187, оува́нетъ 141 (оксия в составе исо?), оува́зне^M 175 об.; дерзну́ти 129 об., дерну́ти 16 об., да не дерзнеши 184 об., дерзнетъ 204 об., да не дернетъ 258 об., не дерзни (пов.) 53; дохну́ти 216, воздохнеши 96, воздохни (пов.) 110 об.; ичезнетъ 132, ичезнетъ 181, исче́земъ 233, ичезнемъ 134 об., ичезну́тъ 182; ср. йчезе́ 114 об.; косну́тиса 200 об., прикосну́тиса 70, 94, коснетса 94 об., 155 об., да не прикоснетса 15 об.; воспрáнеши 224 об., воспрáнешъ 14 об., воспрáне^M 225, воспрáни (пов.) 165, 225 об.; слабо засвидетельствованные озáбнеши 111; покóльзнеса (так!) 234; ѡры́гнетса 94 об., ѡры́гнетса (так!) 94 об.; сáкнетъ 180 об., пресáкнетъ 186 об.; то́лкнѹтъ 176; оуто́немъ 75; раста́гнути 120; заха́бнеса 75.

Акцентная парадигма с

Наряду с акцентовкой форм презенса по а. п. *c* у некоторых глаголов этой акцентной парадигмы в Овч-530 встречается отклонение в сторону

²² По памятникам в 1 л. ед. ч. настоящего времени глаголов а. п. *b* встречается предфлексивное ударение как результат дефинализации. В таких формах, как по́кажю, по́хожю с иным исконным ударением, представлен перенос старой энклиноменной акцентовки [Зализняк 1985: 323—324]. В Овч-520 сохраняется исконное пока́жю.

а. п. *b*. В форме 1 лица ед. ч. настоящего времени отмечено уже только флексийное ударение. По а. п. *c* акцентуированы следующие глаголы:

БАДѢТИ: БАДѢТИ 140 (2 раза), 155 об., БАДІШИ 165 об., БАДІТЬ 164;

-БЛЮСТИ(СА): БЛЮСТИ 259, БЛЮСТИСА 226 об., 258, БЛЮДЕМСА 86 об., БЛЮДЕМЪ (пов.?) 239, БЛЮДИСА (пов.) 53, 55, 55 об. (2 раза);

СОБРАТИ(СА): СОБРАТИ 15 об., 154 об., СОБРАТИСА 125, СОБЕРЕМЪ 74 об., СОБЕРИ (пов.) 51;

-БРЕЩИ(СА): НЕ БРЕЖЕШИ 225 об., БРЕЖЕТЪ 216, НЕ БРЕЖЕТЪ 151 об., ПРЕНЕБРЕЖЕТЪ 109 об., 216, БРЕЗІСА (пов.) 66, 80 об., НЕ БРЕЗІ (пов.) 161, 249 об.;

-БѢЖАТИ: ИЗБѢЖАТИ 110, 135 об., 207 об., 228, 230, 264, ИБѢЖАТИ 210, ОУБѢЖАТИ 83, 187, ИЗБѢЖІШИ 265 об., НЕ ИБѢЖІШИ 175, УБѢЖІШИ 74 об., БѢЖІТЬ 97 об., ОУБѢЖІТЬ 141, 189, БѢЖАТЬ 182;

-ВАЛИТИ(СА): ВВАЛИТИ 150 об., 259, ВВАЛИТИ 259, РАВАЛИТИ 121 об., ВАЛИТЬ 209, РАВАЛИТСА 133;

-ВЕЛѢТИ: ВЕЛИТЬ 9 об., 14 об., 255 об., ПОВЕЛИТЬ 66, 69 об., ПОВЕЛІТЬ 65, ПОВЕЛІ МИ (пов.) 196;

ВЕСЕЛИТИ(СА): ВЕСЕЛИТИСА 264 об., ВЕСЕЛИТЬ 140 об., ВЕСЕЛИТСА 103 об., 105, ВОВЕСЕЛИТСА 159 об., ВЕСЕЛИТЕСА (пов.) 194, а также ВЕСЕЛІЩАМСА 108 об.;

-ВЕСТИ(СА): ПРИВЕСТИ 207 об., 258 об., ВЕДЕТСА 255 об., ШВЕДЕТЬ 83 об., ПОВЕДЕТЬ 9, ПРИВЕДЕТЬ 83 об., НАВЕДУТЬ 164 об., ИЗВЕЛОСА 260;

-ВЛЕЩИ(СА): ПРИВЛЕЩІ 236 об., ПРИВЛЕЧЕТЪ 60 об.; ШВЛЕЧЕТЕСА 194 об.;

-ВРАТИТИ(СА): ВОВРАТИТИ 249 об., ВОВРАТИМСА 100 об.; ШВРАТИТИ 101 об., 222 об., ШВРАТИ (пов.) 225 об., ШВРАТИВСА 186 об.; ПРЕВРАТИТИ 150 об., 188 об.; ОБРАТИТЕСА 196, ШВРАТИСА (пов.) 115, ШВРАТИВСА 55 об.;

-ВРЕДИТИ: ПОВРЕДИТИ 183, ВРЕДИТЬ 183, 201 об., ПОВРЕДИТЬ 143 об.;

-ГНАТИ: ГНАТИ 98 об., 231 об., ИЗГНАТИ 14 об., 244, ИЗГОГНАТИ 180, ПРОГНАТИ 116 об., 181;

-ГНИТИ: ЗГНИЕТЪ 212, ИГНИЮТЬ 55, ШГНИЮТЬ 237 об. (ї переправлено из е?);

-ГОВОРИТИ: ГОВОРИТИ 13 об., ГОВОРИТЬ 10 (2 раза), 10 об., ПРОГОВОРИТИ 10, 250 об., ГОВОРИТЬ 91 об., НЕ ГОВОРИ (пов.) 55 об.;

ОУГОДИТИ: ОУГОДИТИ 60 об., 82 об., 197 об., 264, ОЎГОДИТИ 207 об. (2 раза), 208 об., ОУГОДИЛИ 198, 210;

-ГОРѢТИ: ГОРѢТИ 96 об., ИЗГОРѢТЬ 212 об., ПЕРЕГОРѢТЬ 13 об.;

-ГРАДИТИ(СА): ЗАГРАДИТИ 209 об., ЗАГРАДАТСА 182, ОГРАДИСА (пов.) 183;

-ГРѢШИТИ: НЕ СОГРѢШИШИ 60 об., 76, НЕ ПОГРѢШИШИ 109 об., НЕ ПОГРѢШИТЬ 98 об., НЕ ПОГРѢШИТ 139 об., НЕ ПОГРѢШИМ 172 об., СОГРѢШИЛИ 232;

-ДАТИ(СА): ДАТИ 224, 254, 259 об., ДАТИ (так!) 88 об., ДАТИСА 169, ПОДАТИ 53 об., ПРЕДАТИ 108 об., ПОДАМЪ 112 об., ПОДАМ 112 об., ДАТСА 214 об., НЕ ШДАСТЬ 11, ПРЕДАТЬ 8;

-ЕДИНИТИ(СА): ОУЕДИНИТИСА 130, ОУЕДИНИМСА 74 об., СОЕДИНИСА 61 об., СОЕДИНИ (пов.) 62;

-жити: жіти 13, 56, 99, 136, 187, 208 об., **вжити** 99, **пожити** 154, 218 об., **живѣши** 115 об., 132 об., **доживѣши ли** 229 об., **поживѣши** 229, **живѣтъ** 184, 221 об., **оживѣтъ** 159, 216 об., **живѣмъ** 97, 154, 159, 247, **живѣтъ** 239 об., **живѣ** (пов.) 79, 154, 217, **жилъ** 223 об.;

-корити(са): оукорити 82, 145, оукорити 245, оукоритъ 63, 66 об. (ср. оукори 80 с растянутым *исо*?), **не ѡкори** (пов.) 53; **покоритса** 150, **покоратса** 143;

ключитса: **ключитса** 185, 253 об., **ключатса** 203 об. (другими чернилами переправлено на **ключатса**);

-лежати: **возлежати** 181, **прилежати** 2 об., 256, **прилежати** 208, 213 об., **прилежиши** 168 об., 226, **прилежиши** 225 об., **лежитъ** 145, **належитъ** 236, **прележитъ** 93, **прележитъ** 132, **прилежитъ** 147, **прилежимъ** 153 об., **належатъ** 162, 168 об.;

лишити(са): **лишити** 178, **да не лишѣшиса** 60 об., **лишимса** 159, 247 об., **лишитса** 96 об.;

льстити(са): **льстишиса** 128, **льститъ** 210 об., 222 об., **прельстилъ** 225;

-лѣнитса: **лѣнитса** 61, 87, **ленитса** 208 об., **лѣнишиса** 100, **ленѣшиса** 224, **разлѣнишиса** 89, **овленѣса** 164, **лѣнимса** 85 об., **овленѣмса** 87, **не лѣниса** (пов.) 52 об.;

прилепитса: **прилепитса** 240 об., **прилепимса** 158 об., **прилепимса** 247;

смиритса: **смиритса** 89 об., **са смиритъ** 196, **смиритъ во са** 100 об., **да... смиритса** 88 об.;

-мнѣти(са) и **-мнѣти(са):** **сумнишиса** 204 об., **да не мниши** 68 об., **мнитса** 173 об., 186 об., **мнит во са** 165 об., **сумнитса** 104 (оксия между *т* и *ѣ*), **соумнитса** 202 (Евангелие!; над *ѣ* в диграфе спиритус?)²³, **мнѣтъ** 180 об., **не сомнатса** 106 об., **да не оумнишиса** (пов.) 186, **мни** (пов.) 78 об., **мните** (пов.) 252; **помнѣти** 80 об., 82, **помню** 190 об. (2 раза), **не помни** (пов.) 53, а также **помнимы**^х 70;

-молчати: **молчати** 82 об., **помолчи** 56 об., 102 об., **помолчи** (пов.) 231 об.;

-мѣнити(са): **ѣмѣнити** 155 об., **пременѣти** 104, **мѣниши** 184 об., **не вмѣниши** 159, **вмѣнитса** 109 об.;

мастиса: **матѣшиса** 116, **матѣтса** 135 об., **матѣмса** 232;

обнажити: **вбнажити** 163, **вбнажиши** 76, **вбнажи** (пов.) 72;

-пити: **пити** 69 об., 75, 89, 95 об., **испити** 52, 95 об. (2 раза), **пиѣши** 151, 184 об., **пѣте** 200 об., **испѣтъ** 202, **пѣ** (пов.) 251 (2 раза), **пѣн** (пов.) 95 об. (оксия между *п* и *ѣ*), **испѣн** (пов.) 217;

повѣдити(са): **повѣдити** 100, 148 об., 163 об., 197 об., 208 об., 237 об., 263 об. (2 раза), **повѣдити** 4 об., **повѣдиши** 87 об., 166, **повѣдитъ** 95 об., 169, **не повѣдитса** 212 об., **да повѣдитъ** 169 об., **повѣди**^м 74, **повѣдатса** 137 об.;

²³ Ср. несоумѣнно 104, **нгоумѣнъ** 253 об., **ѡлмѣхъ** 91 об., **ѡлмщикъ** 12 об., предлог **на** 12.

-поститисѧ: постѣитисѧ 81 об., попоститѣисѧ 112 об., попо/стѣитѣисѧ (так; знаки между т и и) 116 об., постѣитѣсѧ 137 об., 138, 139;

простити(сѧ): простѣитисѧ 13, прѡстѣи (пов.) 13, простѣи мѧ (пов.) 13 об., 190 об., простѣисѧ (пов.) 94, простѣите (пов.) 13 об.;

радити: радѣити 175, 194 об., радѣиши 115, радѣмъ 175 об., 206 об., радѣтъ 238;

-рещи(сѧ): рещѣи 81, 223, 243 об., нарещѣи 176, рекъ 66, 67, 101 об., 159 об., 174, 184, 205 об., 257, нарекъ 162 об., речѣши 121, 161, 184, 250, речѣтъ 13 об., 65 об., 69 об., 217 об., не ѡречѣтсѧ 77 об., речѣмъ 135, речѣте 104, 195 об., рекътъ 14, 194, нарекътсѧ 194, ѡрексѧ 240;

вселити(сѧ): вселѣити 236 об., 243 об., ѡвселѣитѣ 76 об., вселѣосѧ 131, всѣлѣосѧ 115, вселѣтсѧ 60 (исправлено из вселѣитсѧ?), 151, 239, вселѣтсѧ во сѧ 145 (первое сѧ смыто), да вселѣтсѧ 101;

-смѣѧтисѧ: смѣѧтисѧ 12, насмѣѧтисѧ 55, посмѣѣтсѧ 219, посмѣѣютъ ти сѧ 95;

спасити(сѧ): спасти 229, 256 об., спастѣисѧ 1 об., 202, 253 об., 255, спасѣсѧ 81 об., спасѣшисѧ 81 об., спасѣтъ 60, 173 об., 236, спасѣтсѧ 109, 201 об., спасѣмсѧ 203;

спѣшити: спѣшиши 184 об., не спѣшиши 230, спѣшатъ 184 об.;

-страшити(сѧ): страшитѣисѧ 182 об., ѡстрашитѣи 133 об., ѡстрашитѣисѧ 265, страши 182 об., да ѡстрашитсѧ 176 об.;

ѡсѣщѣи: ѡсѣщѣи 154, 258 об., ѡсѣщѣтъ 188, ѡсѣщѣмъ 158 об., ѡсѣщѣи (пов.) 189 об.;

-таити(сѧ): да не ѡтайшисѧ 68, не тѧи (пов.) 53 (2 раза), потаисѧ 231 об. (над и, видимо, перевернутая камора, после нее оксия);

ѡтвѣрдити(сѧ): ѡтвѣрдитѣи 12, ѡтвѣрдитѣи 254 об., ѡтвѣрдитъ 5, да ѡтвѣрдитъ 172, ѡтвѣрдимъ 226 об., ѡтвѣрдилосѧ 259 об.;

ѡтгончити: ѡтгончѣитѣи 145, да ѡтгончѣтъ 139, ѡтгончѣи (пов.) 100 об.;

-трезвитисѧ: трезвитѣи 178, 175 об., трѣвимсѧ 246, истрезвимсѧ 74 об., трезвисѧ (пов.) 161, 249 об., трезвимсѧ 164;

-тщѧтисѧ: тщѣишисѧ 114, потщѣишисѧ 124 об., да потщѣишисѧ 8 об., тщѣтсѧ 240, 258 об., тщѣтсѧ 177 об., 178;

-ѡучити(сѧ): ѡучѣитѣи 170, 177, 255, 261 об., ѡучѣитисѧ 55 об., ѡвѣчѣитѣи 14 об., наѡучѣитѣи 258 об., наѡучѣитисѧ 259, поѡучѣитѣи 258, ѡучѣиши 229, ѡучѣишисѧ 229, изѣчѣиши 229, наѡучѣишисѧ 68 об., ѡучѣтъ 4 об., 65, 77 об., 86, да ѡучѣтъ 258, наѣчѣтъ 157, наѣчѣтсѧ 14 об., ѡучѣтъ 57, 57 об., 207, ни ѣчѣи (пов.) 55 об., ѡучѣ же сѧ (пов.) 59, наѣчѣи (пов.) 8 об., ѡучѣ 254 об.;

-хранити(сѧ): хранѣитѣи 9 об., 70, 150, сохранѣитѣи 75 об., 96, 121, 155, 238 об., сохранѣитѣи 253 об. (точка над а едва видна), сохранѣиши 56, 68 об., 90, сохранѣтъ 56, 157 об., 136 (буквы тъ зачеркнуты), не сохранѣтсѧ 143 об., да сохранѣтсѧ 16, сохранѣсѧ 238, хранѣи (пов.) 60 об., 166 об., а также сохранѣиши, сохранѣше 202, сохрѧ/ньшен (И. ед.) 202;

-цвѣсти: цвѣтѣтъ 70, ѡцвѣтѣ 225, процвѣтѣтъ 5;

-чести(са): *честн*¹ 164 об., 165, *вочтѣса*¹ 128 об., *изочтѣшь* 10 об., *причтѣтъ* 64 об., *причтѣ*¹ 204 об., *прѣпочтѣтъ* 69 об., *почтѣтъ* 79, *чти* (пов.) 13, *прочти* (пов.) 62, 92 об.;

іавити(са): *іавитиса* 229 об., *іавишиса* 231 об., *іавитса* 15 об., 94, 245 об., *іавимса* 215 об., *да не авѣ*¹ 55 (оксия между в и а);

-асти: *іасти* 89 (ср. *іасти* 75, 95 об., 137 об.), *асти* 117, *поасти* 227 об., *адімъ* 81 (2 раза), *адатъ* 55 об., *податъ* 133, 212, *ажъ* 251 об. (ср. *іажъ* 251 об.), *не аждъ* 95, а также *адаше* 113, *адаше* 117 об., *іадоша* 221, *іадын* 161 об., *адѣщи* 187.

Большое количество глаголов, которые в других источниках акцентуированы по а. п. с, в Овч-530 слабо засвидетельствованы: *вѣдитъ* 150; *да оублажатъ* 99; *воверанитса* 185 об.; *вертиса* 173; *совершити* 93, *совершиши* 14; *повиниса* (пов.) 63; *воскрешаса* 103; *совлачитса* 86 об.; *вовѣстиши* 66, *извѣстиса* (пов.) 94; *оугасити* 264; *гашмитиса* 91 об.; *да... угашатъ* 67; *градѣтъ* 64; *грѣмѣти* 54 (2 раза); *девелитса* 144 об., *девелиса* 243; *дивлюса* 103, 256; *ѡдрати* 118 об., *штодрати* 118 об.; *дрѣжитиса* 75; *радѣлатъ* 142; *не ждѣтъ* 229 об.; *сожещй* 82, *пожещй* 83 об.; *живитса* 203 об.; *пожрѣти* 83 об., 116 об., 129, 165, *пожѣрти* 83 «поглотить»; *зовѣтъ* 235, *призовѣтъ* 9; *кадити* 16 об.; *кипатъ* 222; *класти* 9, 13, 14 об.; *искоренити* 4 об., 145, 244 об.²⁴, *оковати* 197, *кѣютъ* 177 об.; *кленѣши* 152 об., *не кленй* (пов.) 53; *оукрасити* 144 об., 244 об.; *воскрешаса* 103; *крѡтитъ* 84 об.; *шлегчитъ* 140, 146; *налити* 13, *пролѣтъ* 143 об.; *волѣтѣти* 1 об.; *оумилитиса* 184 об.; *морити* 165 (о сне), *оуморю* 112 об., 123 об.; *моститъ* 257 об.; *помрачитиса* 164, 189, *помрачитса* 89 об.; *вмѣстити* 98, 210, *вмѣстити* 56, 202 об., 256 об., *вмѣстити* 139; *оумлагчити* 244 об., *оумлагити* 145, а также *оумлагчивша* (Р.—В.) 72 об.; *изнѣритъ* 212 об.; *пришвѣтитиса* 240, 243 об.; *воѡрѣжитиса* 213; *палитъ* 222 об.; *паритъ* 157, 178; *печѣтъ* 122 об. «печь»; *пленатса* 239 об.; *пойти* 75, *напойти* 145, *напойлаъ* 107; *попрати* 64 об.; *спѣстити* 15, 15 об.²⁵; *пѣти* 12, 12 об., *поѣши* 68 об.; *прадѣтъ* 195; *ѡсквернитса* 15 об., *сквернатъ* 150; *сравнитса* 216 об.; *поразитъ* (так!) 183 об.; *разорити* 238, *разоритса* 100; *вразѣмитъ* 155, *вразѣми* 59 об.; *нрастѣтъ* 145, *растѣтъ* 195; *разрѣшити* 66 об., *разрѣшитса* 189; *да свободиши* 231, *свободитъ* 156 об.; *прослезиса* (пов.) 110 об.; *стричи* 261 об., *пострижѣса* 56; *потрѣвитъ* 67; *тѣпитса* 148; *не ѡничжи* (пов.) 53; *прохладнѣса* 181; *исцѣлити* 163 об. Вероятно, сюда же: *поворошити* 13 об.; *гордитиса* 78; *плошитиса* 71, *не плошиса* (пов.) 177 об.; *шполчити* 70 об.; *ревѣтъ* 132 об.; *сваршиса* 117 об.; *скрестй* 120; *оусладити* 177, *насла-*

²⁴ Во фрагменте, где возможен другой почерк, есть форма *искореніши* 178 об.

²⁵ Форма со сдвигом ударения влево *пѣститъ* 178 об. встретилась во фрагменте, где возможен другой почерк. Косвенным подтверждением такой акцентовки может служить исправленный пример из основного почерка *попѣсцаѣтъ* из *попѣститъ* 182.

дѣмса 242; стрже́тъ 226 об., стрегѣ́тъ 249 об.; остѣ́нѣти 163 об.; сѣтетѣса 160 об., 249, сѣтетѣса^М 159; трастѣса 179 об., ѿтрастѣ 89, страстѣса 180 об.

По а. п. с акцентуированы глаголы оудалѣтѣса, глаголати и оупразднитѣса, у которых в памятниках встречается акцентуация по другой акцентной парадигме: оудалѣтѣса 263, да оудалѣтѣса 238; оупразднѣтѣса 158, оупраднѣтѣса 159, оупразднѣтѣса 246, оупразднѣтѣса 247; глаѣтъ 185 об. Новой является а. п. с для глагола оумертвѣти: оумертвѣтъ 137 об., не оумертвѣ 137 об., оумертвѣтъ 196 об., оумертвѣ (пов.) 80 об.

В Овч-530 встретилось несколько слов, которые обычно имеют в источниках акцентуацию по а. п. с, но в этой рукописи они представлены немногочисленными формами, среди которых нет примеров, свидетельствующих об акцентуации по а. п. с: да не погра́нѣтъ (ногъ) 257 об.; садѣтѣса 13, 14, 164 об. (2 раза), да не... поса́димъ 239, а также доса́дѣти 82, доса́дѣти 78 об. (второй знак крупнее). Сюда же -ну-глагол: воспомина́ѣ (так!) 101, поманѣ́ 99 об., воспомина́не^М 74 об., воспомина́неса 225, поманѣ́ (пов.) 51 (4 раза), 73 об., 160 об., 161, поманѣ́ (пов.) 160 об., поманѣ́ же 113 об., воспомина́нѣ 111, воспомина́нѣ же 101. Для другого -ну-глагола минуѣти данных недостаточно: минѣ́ти 78 (2 раза), 133, 226 об., минѣ́ль 172 об.

У целого ряда глаголов в Овч-530 встретились отступления в сторону а. п. б. Если у одних глаголов наосновное ударение отмечено в одной-двух формах, то у других слов таких форм много больше. Иногда сдвиг ударения влево отмечен в инфинитиве. Глаголы, у которых встретились отклонения в сторону а. п. б, можно распределить по нескольким группам.

Первую группу составляют глаголы, у которых отступления демонстрируют начало перехода слов из а. п. с в а. п. б, представленную у них в современном русском языке (иногда, как у *крепить*, в разговорной речи):

-гроуѣтити: погрѣ́зѣти 99, 163, погрѣ́зѣ^Т 14 (оксия между р и ѣ), погрѣ́зѣтъ 164 об.;

-держати(са): держáти 9 об. (2 раза), 136, 261 об., водержáтѣса 124 об., 139, содержáтѣса 123 об., оудержáти 79, 155, 163, 178 (2 раза), оудержѣ́ 112 об., денержѣ́ши (так!) 265 об., оудержѣ́ши 139, держѣ́тѣса 194 об., дѣржѣ́тѣса 153, дѣржѣ́тѣса 71, содержѣ́ти 174, содержѣ́тѣса 240 об., оудержѣ́тъ 139 об., оудержѣ́тъ 141, ѣдѣржѣ́ти 139 об., держѣ́мса 150 об., дѣржѣ́тъ 150 об., водѣржѣ́мса 164, держѣ́ (пов.) 91, 95 об., держѣ́са (пов.) 109;

-крѣпитѣса: оукрѣ́питѣтъ 182 об., оукрѣ́питѣса 184, оукрѣ́питѣса 104 об., да крѣ́питѣса 183, да оукрѣ́пи^Т 166 об., оукрѣ́пѣмса 181;

-лоуѣтити(са): ѡладѣ́тити 65, 153, 163, 259, ѡладѣ́титѣса 81 об., полдѣ́тити 78 об., 103 об., 172, 205 об., 216 об., полдѣ́тити 260, полдѣ́тити 224, радѣ́титѣса 215 об., 241, полдѣ́тити 92 об., полдѣ́тити 9, полдѣ́титѣ 211 об., приладѣ́титѣса 181 об., прѣладѣ́титѣса 97, слдѣ́титѣса 185, слдѣ́титѣса 11, 12, 13, 14 об., 189 об., 204 об., слдѣ́титѣса 183, слдѣ́титѣса 11 об., слдѣ́титѣса 15, да ѡладѣ́титѣ 166 об., да ѡладѣ́титѣса 254, полдѣ́ти^М 172 об., слдѣ́титѣса 131;

-моуѣтитѣса: не во́мдѣ́титѣса 145 об., да не смѣ́титѣса 54;

-терпѣти: терпѣти 78 об., 109 об., 121, 130, 168 об., 169 об., теріѣти 96 (оксия между р и п), стерпѣти 150, 180, терплю 79 об., терьплю 81 об., тѣрпниши 73 об., 111, 117 об., 119 об., 120 об., 128, терпниши 169, 223, тѣрпниши 130, претерпниши 79, тѣрпнѣть 154 об., тѣрпнѣть 154 об. (первый знак чуть крупнее), терпнѣть 109, 189 об., 216, тѣрпнѣ 80 об. (2 раза), 86 об., 164, тѣрпнѣть 98 об., да тѣрпнѣть 221 об., тѣрпнѣть 103, претерпнѣть 109 об., претѣрпнѣ 103 об., тѣрпнѣть 98 об., 182, тѣрпнѣ 98 об., 201 об., 252 об., тѣрпнѣ 173, тѣрпнѣть 169 об., тѣрпнѣть 213 об., терпнѣ (пов.) 109 об., 111 (2 раза), терпнѣ (пов.) 184, потерпнѣ (пов.) 93 об.

В Овч-530 сдвиг ударения влево отмечен у смоуѣтитса и полоуѣтити, слоуѣтитса, тогда как в современном русском языке к а. п. *b* принадлежат *получит* и бесприставочный глагол *мутит*. Наибольшее количество форм с новым ударением засвидетельствовано у терпѣти.

Во второй группе целесообразно объединить глаголы, у которых отклонения от а. п. *c* обусловлены особыми причинами. У -ложити(са), творити, срамити, троуѣдити(са) это может быть влияние южнославянской акцентовки; у -ложити(са), творити — сохранение праславянской а. п. *b*; у срамити — влияние русского *соромить*; у гоуѣтити, клонити — старая восточнославянская акцентная вариативность [Зализняк 1981: 158—159]. При более частом (со)творитѣ ударение (со)творитѣ в основном отмечается лишь в западной зоне или вблизи нее, -ложитѣ на фоне более частого -ложитѣ — только в некоторых северо-восточных и московских памятниках [Зализняк 1985: 362]:

-гоуѣтити: погѣбити 178, погѣбитиши 165, <п>огѣбитиши 141, да не погѣбитиши 79 об., гѣбитѣ 90, погѣбитѣ 143 об., 201 об. (3 раза), 255, гѣбитѣ 209, изгѣбитѣ 223 об., изгѣбитѣ 224, погѣбитѣ 259, да погѣбитѣ 178, а также погѣбитѣши 224;

-клонити(са): поклонитиса 11, 11 об. (4 раза), поклонитиса 16 (па, возможно, исправлено), поклонити 127 об., не поклонюса 127 об. (писцом зачеркнуто са), клонитса 139 об., не преклонитса 109, оу/клоунитѣ 94 об., поклониса 12, 90 об.²⁶, поклонитса 9, поклониса 13 об., поклониса (пов.) 54 об., оуклоунитса (пов.) 93 об., преклониса 109 об.;

-ложити(са): ложитиса 13, 16, возложити (так!) 203 об., наложити 9, 261 об., ниложити 180 об., ѡложити 56, положити 10 об., 13 (2 раза), 15 об. (2 раза), 82, 137 об., 156 об., 173, преложити 13, прѣложити 71, приложити 126, 177, 195, 219, 230 об., прѣложѣ 100 об., влѡжитѣ 212 об., вѡложитѣ 105, возложѣ 248, вѡложѣ 105, вѡложѣ 159 об., возложитса 181 об., полѡжитѣ 103 об., полѡжитѣ 10, полѡжитса 104 об., прѣложитса 215 об., прѣложитса 216, возложѣ 153 об., полѡжитѣ 153 об., 159, 172 об., да не... прѣложитѣ 238 об., полѡжитѣ 247 об., положитса 182, возложатѣ 196 об., 202, приложатѣ 165 об., приложатса 195, 200 об., 204, не ложиса

²⁶ Эта форма находится в составе начальных слов молитвы: На приидѣте поклониса три поклоны 12; то же 90 об.

(пов.) 192, не ложисѧ (пов.) 165 об., ѿложѧ (пов.) 65, не положи (пов.) 55 об., наложивъ 125, положилъ 217 об.;

-срамитисѧ: посрамитсѧ 160, посрамитсѧ 248, посрамаѧтсѧ 183, не усрамитсѧ (пов.) 72;

-творити: творити 12, 56, 91 об., 114 об., 166, 246, сотворити 79 об., 155, 204, сотвори/ти 256 об. (второй знак ярче), не творю 85 об., сотворию 84 об., 121, 116 об., 126, 127 об., твориши 8 об., 151, 184 об., 226, сотво-риши 51, 185 об., 195, 224, творитъ 10, 143, 150 об., 168, 244, 257, 257 об., не творитъ 57 об., сотворитъ 16, 53 об., 151, сотворимъ 203, не сотво-римъ 203, да не... сотворимъ 239, сотворите 104, твораѧтъ 138, 153, 158, 177 об., 194 об., 219, 246, твораѧтсѧ 177 об., сотвораѧтъ 182, твори (пов.) 4 об., 9, сотвори (пов.) 55, не сотвори (пов.) 200, творите (пов.) 79 об., 194, 200, твораѧ 181, а также несотворшен (И. ед.) 202 об.; затворити 87 об., оутворити 13 об., притворити 13 об., затвори (пов.) 93 об., затворивъ 62;

-трудоити(сѧ): трудоити 198, трудои/ти (так!) 237 об., трудоитсѧ 106, 115 об., 127 об., трудоитсѧ 169 об., не трудоишисѧ 165, потрудоишисѧ 92 об., не трудоишисѧ 72, трудоитсѧ 144 об., 167, 185 об., 243, трудоиѧ 211 об., 250 об., не трудоитсѧ 237, потрудоитсѧ 51 об., оутрудоитсѧ 88 об., трудоиѧ 147 об., 212, 242 об., а также трудоищаго 173 об.

В третьей группе оказываются остальные глаголы со сдвигом ударения влево. У непереходных *ѣ*-глаголов такое отступление от а. п. с представляло особую побочную линию акцентной эволюции, не получившую развития на русской почве [Зализняк 1985: 362]. Для некоторых встретившихся в Овч-530 форм со сдвигом ударения влево обнаруживаются параллели в других памятниках. При обычных волиѧти 97 об., 165 об., 179 об., 180, 181, поволиѧти 189 об., волиѧтъ 10, 109, 179 об., 180, волимъ 159 об., заволаѧ 14 встретилось волиѧ 104. Аналогичное ударение в такой же форме отмечено в Мериле, в прочих формах — в других памятниках [Зализняк 1981: 159; Зализняк 1985: 362]. В Овч-530 сдвиг ударения засвидетельствован в инфинитиве глагола сѣдѧти (сидѧти): сѣдѧти 9, 155, сѣдѧти 115, сидѧти 122, 135 об., сидѧти 12 об., сѣжю 121, сѣдиши 55, сѣдишь 151, сѣдитъ 155 об., не сѣди (пов.) 13. В Травнике и в некоторых других памятниках, а также в говорах сдвиг отмечен, помимо императива, в формах настоящего времени этого глагола и едва ли отражает переход в а. п. *b* [Зализняк 1981: 159—160; Зализняк 1985: 362]. У глаголов -воитисѧ и -стоити сдвиг ударения влево отмечен в формах настоящего времени приставочного и бесприставочного глагола: воитсѧ 168 об., 172, 204, 259, воишисѧ 225 об., 226, воитсѧ 104, 182 об., 216, не воитсѧ 71, 183, оубоитсѧ 145 об., воитсѧ 80 об., 168 об., 183 об. (2 раза), не воитсѧ (3 л. мн. ч.; *ь* исправлено из *и*?) 106 об., не воисѧ (пов.) 180, не воитсѧ (пов.) 196, не оубоитсѧ (пов.) 196 об., 200 об.; стоити 9, 14 об., 52 об., 75, 96 об., 110 об., 161 об., 167 об., 250 (ср. стоити 162), постоити 118, прѣстоити 63, стоиши 184 об., стоиши 130, стоишь 151, стоишь 91 об., стоитъ 234, не стоитъ 224 об., прѣстоитъ 109, 167 об., не оустоитъ 94 об., стоитъ 243, стои (пов.)

92 об., **НЕ СТО́И** (пов.) 12 об.; **ДОСТВ́ИТЪ** 58 об., **ДОСТО́И**^T 94, **НЕ ДОТ́ОИТЪ** 69, **ДА ДОСТО́ИТЪ** 184 об.; ср. **ДОСТО́ИНО** 28 об. В других памятниках сдвиг чаще встречается у приставочного **-СТОИТИ**, но возможен и у корневого глагола [Зализняк 1985: 362].

Помимо приведенных глаголов сдвиг ударения влево отмечен в формах настоящего времени и в инфинитиве у следующих слов:

-ДАВАТИ(СА): **ДА́ВТИ** 259 об. (второй знак чуть крупнее), **ПРЕДА́Ю** 8 (второй знак крупнее), **ДАЕ́ТЪ** 69, 211, **ДАЕ́ТСА** 110, **ДАЕ́ТСА** 110, **ДАЕ́ТСА** 203 об., **НЕ ДАЕ́ТСА** 98 об., **ВДАЕ́ТСА** 137 об., **ВОДАЕ́ТЪ** 221, **ПОДАЕ́ТЪ** 185, **ПОДАЕ́ТЪ** 204 об., **ПОДА́Е**^T 148 об., **ПРЕДАЕ́ТСА** 110, **ПРЕДАЕ́ТСА** 134 об., **ПРОДАЕ́ТЪ** 231, **ДАЮ́ТСА** 103 об., **ДА́И** (пов.) 77 об., **ПОДА́А**^T 204 об., **ПРЕДА́А**^T 105;

-НЕСТИ(СА): **ВОНЕ́СТИ** 124, **ВЫ́НЕСТИ** 13, **ПОНЕ́СТИ** 124, 211 об., 258 об., **ПРИНЕСѸ** 121, **ПРИНЕСѸ́ТЪ** 94 об., **ДА НЕ ПЕРЕВОЗНЕ́СЕСА** 88;

-ПАСТИ(СА): **ПА́СТИ** 59, 215 об., **ИСПА́СТИ** 118, **ЎПА́СТИ** 159, 247 об., **ПРИПА́СТИ** 16 об., **ВПАДЕ́ШИ** 76 об., 189 об., **ДА НЕ ВПА́ДЕШИ** 83, **ПАДЕ́ТЪ** 189, **ПАДЕ́ТСА** 160, 248 об., **ВПАДЕ́ТЪ** 165, **ЎПАДЕ́ТЪ** 133, **ПАДЕ́МСА** 75, а также **РАСПАДЕ́СА** 126 (первый знак немного крупнее), **РАПАДЕ́СА** 120;

-ПЕЩИСА: **ПЕЩ́ИСА** 60 об., 75 об., 212 (3 раза), 246 об., 249 об., 256, **ПЕЩ́ИСА** 161, **ПИЩ́ИСА** 136, **ПЕЧЕ́ШИСА** 225 об., **НЕ ПЕЧЕ́ШИСА** 116, **ПЕЧЕ́ТЪСА** 158 об., **ПЕЧЕ́ТСА** 60 об., 61 об., 144 об., 147, 195, 243, 246 об., 248, **ПЕЧЕ́ТСА** 159 об., **ПЕЧЕ́МСА** 246 об., **ПОПЕЧЕ́МСА** 153 об., **ПЕНЕ́ТЕСА** 195, **ПЕКѸ́ТСА** 220 об., **НЕ ПЕЦѸ́ТЕСА** (пов.) 195, 200 об., 204, **НЕ ПЕЦѸ́ТЕСА** (пов.) 194 об. (второй знак крупнее);

-СКОРВѸТИ(СА) и **-СКОРВИТИ(СА)**: **СКОРВѸ́ТИ** 108, **ПОСКОРВѸ́ТИ** 113 об., 114, 187 об., **СКОРВИ́ШИ** 123 об., **СКОРЬ/ВИ́ТЪСА** 145 об., **СКОРВѸ́**^T 181; **УСКОРВИ́ТИ** 146 об., **УСКОРВИ́ТИСА** 89 об., 189 об., **УСКОРВИ́ТЬ** 81 (ть выскоблено), **ОСКОРВѸ́**^M 212 об. (оксия между к и о), **НЕ ОСКОРВИ** (пов.) 53, **НЕ ОСКОРВИ́СА** 77 об.²⁷;

ПРИЧАСТИ́ТИСА: **ПРИЧАСТИ́ШИСА** 127 об., **ДА ПРИЧАСТИ́ШИ**[^] 93 об., **ПРИЧАСТИ́СА** (пов.) 93 об. (2 раза);

ПОСѸ́ТИТИ: **ПОСѸ́ТИТЪ** 159 об., 182, 207 об., **ПОСѸ́ТИ**^T 248, **ПОСѸ́ТИ** (пов.) 52 об., 158, 246;

-ТЕЩИ: **ПРЕТЕЧЕ́ШИ** 229, **ТЕЧЕ́ТЪ** 132, 134, 222, 255 об., **ТЕЧЕ́ТЪ** 187, **ПОТЕЧЕ́ТЪ** 151 об., **ТЕЧЕ́МЪ** 105, **ТЕКѸ́ТЪ** 234 об., **ТЕЦЫ** (пов.) 55.

Колебание ударения представлено также у слабо засвидетельствованных глаголов: **ПРОВѸ́ДИТСА** 164 об. (второй знак крупнее), **ПРОВѸ́ДИШИСА** 164, **ПОВѸ́ДИ** (пов.) 11; (**ВѸ́НЦЕМЪ**) **ОУВѸ́ЗЕТСА** 153 (второй знак крупнее), **ЎЧЮ́/ЖДИ́ТИСА** 145 об. Не ясно, следует ли рассматривать как примеры отступления **ВОВѸ́ДИТИ** 249 об., **ПОВѸ́ДИТИ** 4 об., **СОУХРА́НИТИ** 253 об. (точка над а, Ѹ едва видна).

²⁷ Форма **і оскѸ́рви ѿхъ** 261 об. не показательна, поскольку писец, видимо, не понял, существительное это (**о скѸ́рви**) или глагол (**оскорви**); именно поэтому в ней оказалось два знака.

Корневое ударение в инфинитивах отмечено реже, чем отступления в сторону а. п. *b* в формах настоящего времени и в императиве, причем во всех случаях писец ставит две оксии (**д**а́ати, пол^учи́ти, сотво́рити, до-са́дити, си́дѣти, трѹ́дити^{сѧ}; у двух последних слов корневое ударение в презенсе не отмечено). Ср. то же в словах а. п. *b*: **пока́зати, стра́дати, тѣчи́ти**. Корневое ударение в презенсе чаще прочих встретилось у слов **терпѣти** и **-ложити(сѧ)**, а также **даати(сѧ)**, **срамити^{сѧ}** и **клонити(сѧ)** (по сравнению с общим количеством встретившихся акцентуированных форм). Многочисленность форм настоящего времени глагола **терпѣти** с корневым ударением свидетельствует о том, что процесс его перехода в а. п. *b* был интенсивным.

Акцентуированных форм презенса 2 л. мн. ч. глаголов а. п. *c* в Овч-530 мало: **обратитѣсѧ** 196 (Евангелие), **сѹмнитѣсѧ** 104 (оксия между **т** и **ѣ**), **соу́мнитѣсѧ** 202 (Евангелие; над **ѹ** в диграфе знак — спиритус?), **печѣтѣсѧ** 195, **речѣте** 104, **сотворите** 104. Два случая сохранения старого ударения **-етѣ** из трех приходится на фрагмент из Евангелия. Возможно, писец при нормальной для него акцентовке **-ѣте** воспроизвел церковнославянское ударение оригинала, которое не посчитал нужным изменить, поскольку оно было ему знакомо.

Акцентуация некоторых инфинитивов а. п. *c* следует модели **спасти** или является простой ошибкой (в пользу этого говорит постановка оксии, а не вариации в последнем слоге): **трѹ́ди/ти** 237 об., **гдѹ́мити^{сѧ}** 91 об., **попос-тити^{сѧ}** 112 об., **попо/сти^{ти}ти^{сѧ}** 116 об. Ср. также глагол а. п. *b* **моли^{ти}ти^{сѧ}**.

Вторичные имперфективы и итеративы

В Овч-530 имеется большое количество вторичных имперфективов и итеративов с суффиксом **-a(j)-** и много меньше — с суффиксом **-ва-**, а также с суффиксом **-ева-**. Большинство глаголов уже имеет суффиксальное ударение, как и в современном русском языке, что является результатом происшедшей перестройки [Зализняк 1981: 165]. Однако у части глаголов представлено отступление от указанного ударения. Стабильное ударение имеют следующие имперфективы: **разви́ае^тсѧ** 234, **оу́вива́етъ** 106 об., **оу́вива́ет же сѧ** 142 об., **оу́вива́емъ** 78; **избира́ти** 221, 255 об., **избира́ти** 172, 207 об., **совира́еши** 226, **избира́етъ** 110, 142 об., **избира́е^тсѧ** 235 об., **совира́етъ** 147, **избира́е^м** 122, **совираю́** 195, **совираю́тсѧ** 230, **избираю́тсѧ** 235, **избираю́тсѧ** 235 об., **избира́а** 124; **оу́блажаю́** 178; **привлижа́тисѧ** 245 об., **привлижа́етсѧ** 132 об., 215, **привлижа́емсѧ** 159 об., **привлижа́ютсѧ** 145, 179 об., **привлижаю́тсѧ** 79 об.; **соблюда́ти** 82, **соблюда́етъ** 219, **соблюда́е^т** 141, 157, **соблюда́ли** 197 об.; **пробвда́етсѧ** 102 об., **оу́вда́етсѧ** 157 об., **наводя́ютсѧ** 215 об.; **возвраня́ютъ** 177 об., **возвраняю́** 162 об.; **возвжда́етсѧ** 162, **возвждаю́** 164; **валла́тисѧ** 164 об.; **прева́ри** (пов.) 173 об., **прева́раа** 151; **повелѣва́ютъ** 217 об.; **ѡверза́етсѧ** 132 об.;

соверш^ается 67, 82 об., 137 об., наверш^аются 253, соверш^аютъ 251; весел^а 146 об.; овлад^аю 181; привл^ачаетъ 244, привл^ачаю 189; провож^аеши 132, провож^аемъ 160 об.; Ѡвращ^ати 189, 189 об., Ѡвращ^атис^а 58, 154 об., возв^аращ^аетъ 136 об., 150, Ѡвращ^аетъ 237 об., Ѡвращ^аетс^а 176, превращ^аетс^а 240, совращ^аетъ 240, Ѡвращ^аетс^а 71 об., Ѡвращ^аютс^а 215 об., Ѡвращ^аалс^а 173 об.; в^аращ^аетс^а 215; повреж^аетъ 202, повреж^ае 255; нав^аык^ати 234; в^авыш^атис^а 59 об.; рав^аѣв^аетъ 229; в^аѣнч^ае 221, в^аѣнч^аетс^а 109 об.; в^аѣщ^аю 58, Ѡв^аѣщ^ае 54 об.; Ѡв^аѣщ^аев^ае 158 об.; вѣѣщ^аав^аетс^а 206 об. (первое а переправлено из е или наоборот); оу^авл^аз^аемъ 176, оу^авл^аз^ае 176; погив^аетъ 94 об., 134 об., 149 об., 161, 187, 222, 249 об., погив^ае 79; под^агив^аатис^а 181; согл^аш^ааетс^а 176; согни^аваетъ 225 об.; Ѡгон^ати 176, прогон^аеши 152 об., изгон^аетъ 90, 244, Ѡгон^аетъ 1 об., 162, Ѡгон^ае 140 об., прогон^аетъ 14 об., прогон^ае 14 об., Ѡгон^аю 84 об., 265 об., изгон^аютс^а 182; р^азгор^ааетс^а 192; пригот^аовл^аетъ 95; угр^аж^ати 212, загр^аж^ае 148 об., загр^аж^адетъ 161 об.; погр^аж^аютъ 181, погр^аж^аю 14; согр^аѣв^аи (пов.) 217, нагр^аѣв^аа 192 (та переправлено из ю?); согр^аѣш^ае 142, не согр^аѣш^ае 188 об.; пог^авл^аеши 132 об., 223, 224 об., 229 об., пог^авл^аетъ 157, 202, пог^авл^ае 259, пог^ав^а/вл^аетъ (так!) 210 об., пог^авл^аи 201 об.; оу^адал^аетс^а 150, оу^адал^аемъс^а 86 об., оу^адал^аес^а 2, 158 об., 247; оу^адар^аетс^а 102 об.; водвар^аи^ас^а (пов.) 59; не Ѡдвиг^аи 10 об.; подвиз^атис^а 172, 204, п^авиз^аеши^ас^а 223, водвиз^ае 173 об., подвиз^аетс^а 143 об., п^авиз^аетс^а 188 об., подвиз^аютъс^а 168 об.; дерз^ати 104 об., 204, дерз^аетъ 105, 179 об., да дерз^ае 71, дерз^аютъ 188 об., дерз^аю 256, дерз^аи (пов.) 118 об., дерз^аите (пов.?) 196; оу^адн^авл^аес^а 140; вдол^аѣв^аетъ 152, вдол^аѣв^аемъ 240, вдол^аѣв^ае 81, 214, вдол^аев^ае 85 об., вдол^аѣв^аютъ 157, 170, вдол^аев^аю 81, вдол^аѣв^аю 162; рад^ар^аж^ае 255 об.; надым^аеши^ас^а 169; разд^авл^аетс^а 240; надѣв^ати 15 (2 раза), ѡдѣв^ати 159 об., одев^ати 248, надев^аю 197; жив^ае 132; жив^аю 233; пожиг^ати 120, разжиг^ае 186 об.; жид^аеши 226, жид^аетъ 189 об., жид^аетъ 64 об., не жид^ае 224 об., жид^ае 205, жид^аютъ 132 об., жид^аи 224, Ѡжид^аи (так!) 132; пожин^аеши 135 об.; нази^ад^атис^а 253, да нази^ад^аютс^а 253, нази^ад^аи 253, 254 об.; созид^аи 138, 253; взи^ар^ати 172, 217 об., з^ази^ар^ати 70 об., озир^ати 237 об., взи^ар^аетъ 211, не взи^ар^аемс^а 98, озир^аю 140, не озир^аалс^а 9, 175; позн^ав^аю 175 об.; призыв^аеши 152 об., призыв^ае 221 об., назыв^аютъ 58; изч^аз^ати 171 об., изч^аз^аетъ 123 об., 225 об., изч^аз^аетъ 164, изч^аз^аютъ 86, 212 об., изч^аз^аю 137; воскн^ап^аи 152; раскн^ас^аетс^а 233; сконч^атис^а 160, докн^ач^аю 89 об., не кн^ач^аеши 79 об., скн^ач^аетс^а 110, скн^ач^ае 97 об., скн^ач^аемс^а 205; скн^ач^аетс^а 132, скн^ач^аав^аи 121 (2 раза); оу^акорен^аетс^а 188; вкорен^аев^атис^а 182 об., искорен^аев^аетъ 78; оу^акрощ^аев^ае 155; вкр^аж^аетъ 104 об.; сокр^аш^аю 162; зак^ар^ав^ати 189 об., Ѡкр^ав^аеши 152 об., Ѡкр^ав^ае 4, пок^ар^ав^аетъ 260 об., пок^ар^ав^ае 162 об. (2 раза), 153 об. (2 раза), зак^ар^ав^аютъ 197, пок^ар^ав^аю 2, 163, ск^ар^ав^аю 177 об., раскр^ав^аи 253; оу^акр^аѣпл^аетс^а 242 об., оу^акр^аѣпл^ает же с^а 162; присовок^аѣпл^атис^а 90, совок^аѣпл^аеши 152 об.; иск^аш^ати 83, иск^аш^аетъ 205, иск^аш^ае 72 об., иск^аш^аетс^а 72 об.,

покушаю^Т 175 об.; вблегчаётся 182; вблегчевати 111, ѳблегчеваетъ 104 об., вблегъчеваетъ 182; разливается 233, раливается 222, проливаетъ 105, проливается 153 об., не заливан (пов.) 192; прилипати 207 об., слипати 180, не прилипан (пов.) 214; вбличаетъ 254 об., вбличаетъ 184 об., различаетъ 173 об., вбличан (пов.) 79 об.; лишается 160, 181 об.; оуловляютъ 3 об., 174 об.; ролдчати 176 об., не ѱлвчается 160, разлвчаетъ 90, ралвчается 109 об., 134; прелщаети 225 об.; оумаллетъ 165 об., оумаллетъ 137, оумаллетъ 182; оумашаю^Т 100, оумашаася 132 об.; померзаетъ 129; вмѣнаеша 76 об., изменается 225 об., да вменаетъ 177, пременяется 131 об., 140, 233, пременяется 140, пременяются 225; ѱметается 65; оумиллетъ 154 об.; сминати 189 об.; оумираю 107 об., оумираеша 205, оумираетъ 187, оумираетъ 186, оумираемъ 109, оумираетъ 159 (2 раза), 160, 247, оумираетъ 136, 154, оумираю^Т 75; смирати 145, смиратъ 90, 104 об., смиратъ 160, смирася 154 об., смирася 252 об., смирася 81, смирася 131; сѳмнѣватиса 211, сѳмнѣвается 221 об.; изнемогати 181 об., изнемогаеша 119 об., вомагаетъ 78, инемогаетъ 98 об., 183, помогаетъ 109, 125 об., 149 об., 211, помогаетъ 168, 252 об., изнемогаетъ 85, помогая 131 об., 233, пренемогая 211; оумоллетъ 224 об.; оуморлетъ 187, оуморлетъ 179 об.; оумываетъ 220 об.; помышлати 85 об., 104, 104 об., 151 об., помышлати 105, помышлати 229 об., помышлатъ 69 об., 158, 160, помышлатъ 64 об., помышлатъ 160 об., помышлаемъ 167 об., помышлатъ 183, помышлатъ 160 об., помышлатъ 71 об., 167, 251, оумышлатъ 177 об., помышлатъ 204; оумашаю 146 об.; примѣшати 15 об., примѣшается 241; смѣшеваю^Т 179 об.; вѣмѣщася 59 об.; прѣникаемъ 98; поницати 155 об.; оуничижати 176, оуничижан (пов.) 172; вбнищаетъ 56 об.; вбновляется 100, поновляется 2 об.; приношася ми са 129 об., поношася 173 об.; ииѳрлетъ 136, ииѳраю^Т 100; оунывати 117, оунываша 123 об., оунывается 264 об.; воображаетъ 183 об.; пошрати 188 об.; опалати 140 об., опалатиса 69 об., опалаша 152 об., опалатъ 186 об., опалатъ 150 об., воспаллетъ 138, поपालетъ 140 об.; опарати 157; напалетъ 102 об.; восперлетъ 150; препинати 189 об., распинатиса 64 об., запинатъ 226 об., препинатъ 109 об., препинатъ 264 об., препинатъ 105 об., распинатъ 102 об., запинатъ 177 об., 182 об., не препинатъ 177 об., препинатъ 177 об.; не попираша 91; сплетатиса 75, приплетается 243 (первое е переправлено из и), сплетася 223 об.; повѣждаетъ 149, повѣждается 174 об.; подобаетъ 90 об., 180, 259; оуподоблатиса 208, сподоблетъ 238 об., сподоблетъ 109 об., оуподоблатъ 175 об., сподоблатиса 197 об., сподоблатиса 198; исполнати 198, наполнаеша 229 об., исполнатъ 104 об., исполнатъ 10, наполнатъ 59 об., наполнатъ 144, исполнатъ 100; почивати 9, впочивати 10 об., опочивати 58 об., почиватъ 153, впочиваетъ 238, опочиватъ 177 об., впочивая 226 об.; вправдатиса 206, вправдаеша 169, вправдася 203, вправданы 203; сѳпротивлатиса 234 (правка между и и в), сѳпротивлатиса 197, сѳпротивляется 208, сѳпротивляется 208, сѳпротивляется 182 об.; прощася 140 об.; запрѣщася

164 об.; *разорáтисл* 253, *разорáе^М* 147 об., *разорáл* 138, 253; *Ѡража^{Т И}* 70 об.; *возрастáти* 181 об., *возрастáетъ* 150, *ворастáетъ* 165 об., 185 об., *возрастáе^Т* 137, *ворастáе^Т* 187, *ворастáютъ* 238, *возрастáю^Т* 89 об.; *Ѡрекаéтсѧ* 206 об. (ниже оксии находится точка); *Ѡрицáтисл* 126, *Ѡрицáюсѧ* 8 об.; *рарѠшáетъ* 149, *разрѠшáл* 254; *изрывáе^М* 237, *иывáю^Т* 177 об.; *Ѡрыгáетъ* 180; *ѠрѠвáетъ* 155 об., 185, *порѠвáю^Т* 176; *насаждáетсѧ* 207 об.; *досаждáетъ* 54 об., *досаждáе^Т* 168 об.; *свовождáетъ* 149; *просвѣщáеши* 152 об., *просвѣщáетъ* 228, *просвѣщáе^Т* 86 (2 раза), 90, *просвѣщáю^Т* 140, *просицáютъ* 4; *всицáетсѧ* 98 об.; *вселáетъ* 182; *всквернáеши* 226; *вскорбáлти* 188 об., *вскорбáлешисл* 83, *оскорбáлютъ* 262 об.; *вслáвѠвáти* 139; *прославáлешисл* 152 об.; *наслаждáтисл* 215 об., *наслаждáти^С* 103 об., *оуслаждáетсѧ* 243, 243 об., *оуслаждáетсѧ* 144 об., *наслаждáлсѧ* 132 об., *оуслаждáл* 146 об.; *оусмотрáетъ* 173, *смотрáе^М* 98, *смотрáютъ* 181 об.; *снавдѠвáю^Т* 4; *спасáетъ* 170 (2 раза), *спасáе^Т* 140 об., *спасáетсѧ* 153, 203 об., 215, *спасáи* (пов.) 255, *спасáлсѧ* 198; *преспѠвáти* 83, *оуспѠвáетъ* 257; *стретáтисл* 105 об., *приоустретáетъ* 186 об., *оусретáетъ* 264 об.; *воставаáл* 161 об.; *достигáютъ* 234 об.; *простираéтъ* 134, *простираé^Т* 254 об., *простираáю* 177 об.; *оустроáетъ* 132 об., 225 об. (р пропущено и вписано писцом над строкой), *оустроáетсѧ* 68 об., *оустроáютъ* 188, *оустроáюсѧ* 260 об.; *стажевáютъ* 170; *осѠждáти* 70, *разѠсѠжáти* 242 об., *разсѠжáти* 190, *расѠжáти* 263, *всѠжáеши* 116, *всѠжáе^Т* 237, *расѠждáетъ* 149, *всѠждáе^М* 203, *расѠжáе^М* 233, *не ѠсѠждáнте* 81 об.; *изсѠшáл* 123 об.; *вѠсылáти* 91 об., *возсылáти* 75 об.; *засыхáетъ* 139 об., *исыхáетъ* 99 об., *всыхáе^Т* 134; *насыщáти* 95, *насыщáтисл* 95 об.; *посѠвáти* 212, *всѠвáю^Т* 70; *расѠдáтисл* 111, 113; *ѠсѠкáетъ* 136 об., 232, *посѠкáетъ* 149 об., *ѠсѠкáе^М* 175 об.; *ѠсѠцáетъ* 97 об., *ѠсѠцáи* (пов.) 95; *посѠщáе^Т* 88, 254; *ослзáти* 237 об., *ослзáетъ* 155 об.; *оутвержáетъ* 151 об., *оутвержáетъ* 107, *оутвержáетсѧ* 183, 185 об., *оутвержáетсѧ* 137, 237 об., *оутвержáютсѧ* 187 об., *оутвержáюсѧ* 210; *сотворáетъ* 153, *сотворáютъ* 179 об., *сотворáю^Т* 229, *сотворáюсѧ* 244; *терзáтисл* 96, *растерзáти* 180 об.; *претерпѠвáти* 169, 169 об., 215 об., *претерпѠвáетъ* 216, *претерпѠвáе^Т* 81 об., *претерпѠвáе^М* 211 об., *претерпѠвáи* (пов.) 169 об.; *Ѡтирáти* 15 об., *натираéтсѧ* 206 (оксия между а и ю); *истáвáетъ* 254, *растáвáютсѧ* 141; *оутопáти* 196 об., *оутопáе^Т* 187; *потоплáе^Т* 76, а также *потоплáе^М* (прич.) 79 об.; *источáетъ* 153 об., *расточáетъ* 147, *расточáетсѧ* 84 об., 157, *источáютъ* 99 об.; *трѠжáешисѧ* 79, *трѠжáютсѧ* 195, *трѠжáлсѧ* 112; *потыкáетсѧ* 148, *затыкáютсѧ* 180, *пѠтыкáю^Т* 67 об.; *оутѠшáтисл* 264 об., *оутѠшáетъ* 104 об., *оутѠшáи* (пов.) 77 об., *оутѠшáл* 235; *втагчавáю^Т* 14; *не Ѡжасáнсѧ* (пов.) 182 об.; *овѠздовáеши* 265 об.; *вразѠмлáе^Т* 149; *оупражнáетсѧ* 100; *наоучáе^С* 187 об., *овѠчáетъ* 9 об., *вѠчáе^Т* 104 об., *наоучáютъ* 169 об.; *восхищáе^Т* 229 об., *восхищáютъ* 102 об., *восхищáю^Т* 195 об.; *похвалáетъ* 138 об., *похвалáе^Т* 108 об.; *оухищáю^Т* 153; *сохранáти* 197 об., 198, 206, *сохранáтисл* 242, 259, *сохранáетъ* 157, *сохранáетсѧ* 161 об., *сохранáи* (пов.) 85 об., *сохранáл* 235; *вхѠждáти* 145, *ѠхѠжáти* 245 об.; *исцѠлáетъ* 148 об.,

246 об., не исцѣлѣетъ 158; ѿчаевѣетсѧ 221 об.; причащѣетсѧ 183 об.; очернѣетсѧ 245; черневѣе 131 об., почерневѣетъ 232 об.; рачинѣти 179 об.; почитѣти 232, прочитѣти 139 об., перечитѣетъ 14 «пересчитает», причитѣе 221, прочитѣю 251, прочитѣн (пов.) 4 об., прочитѣл 124; очищѣетъ 90, wчищѣе 140, чищѣетсѧ (так!) 215, wчищѣетсѧ 215, ѿчищѣетъ 149 об., ѿчищѣетсѧ 148 об., wчищѣемсѧ 91 об., очищѣл 146 об.; wщѣщѣеши 88, wщѣщѣетъ 61 об.; ѣвлѣти 54, ѣвлѣетсѧ 216, 241, ѣвлѣетсѧ 134 об., ѧвлѣетсѧ 153, ѣвлѣетсѧ 222, гвлѣю 3 об., 67 об., ѣвлѣютсѧ 104, ѣвлѣнсѧ (пов.) 79; оуѣзвлѣетъ 184 об.

Сохраняется корневое ударение у приставочных производных от глагола падати: вѣпадѣти 176, пѣдаеши 126, пѣдаетъ 234, пѣдае 145, вѣпадаетъ 148, вѣпадае 187, вѣпадае 148, нѣпадаетъ 149 об., ѿпадаетъ 215, 225 об., спѣдаетъ 225, вѣпадаемъ 264, вѣпадаемъ 232, вѣпадае 2, 175 об., ѿпадае 264, пѣдаю 147, напѣдаю 162, вѣпадам 185, припѣдам 221 об.

В Овч-530 встретилось несколько производных от слов а. п. с итеративов ѣ-глаголов, имеющих суффиксальное ударение: червѣетъ 131 об., червѣетъ 232 об., девелѣетъ 148, отолѣстѣю 95.

Отступление от суффиксального ударения в инфинитиве, императиве, в формах настоящего времени и действительном причастии настоящего времени (современном деепричастии) отмечено, как правило, в одной из перечисленных форм, но у большого количества слов. При этом в некоторых формах фиксируется также сдвиг ударения вправо — на окончание. Вторичные имперфективы и итеративы со сдвигом ударения влево можно распределить по нескольким группам.

В первую группу входят глаголы, у которых корневое ударение отражает старую акцентовку. При этом наряду с корневым ударением в тех же формах проставлено суффиксальное:

— ѿбвалѣемъ 158 об., обвалѣемъ 246 об.; извалѣтисѧ 172, извалѣетъ 87, нѣвалѣетъ 104 об., нѣвалѣе 61, извалѣетсѧ 76 об., извалѣл 131 об., 235 (оксия между л и ѧ), извалѣл 233 (вторая оксия между л и ѧ);

— wбрѣтѣеши 185 об., wбрѣтѣетъ 165 об., 196, 254 об., wбрѣтѣетсѧ 67, 197 об., wбрѣтѣетсѧ 65, wбрѣтѣетсѧ 240, wбрѣтѣютсѧ 1 об., 182 об., wбрѣтѣли 198;

— ѡбрѣдѣетъ 192 (первый знак чуть больше);

— понѣжѣти 176, 184, понѣжѣти 188 об., понѣжѣтисѧ 208 об., понѣжѣешисѧ 265 об., понѣжѣетъ 232 (ѣ переправлено из и), понѣжѣетъ 150, понѣжѣе 189 об., понѣжѣетсѧ 138, понѣжѣе 205, понѣжѣемсѧ 97 об., понѣжѣю 158, 175 об., 177 об., понѣжѣютъ 161 (второй знак крупнее), понѣжѣю 161, 165, 246, понѣжѣю 249 об., понѣжѣю 263 об. (так, первый знак крупнее), понѣжѣн (пов.) 69 об., 217, понѣжѣлсѧ 151;

— исправлѣти 65 об., 206 (в обоих случаях оксия между л и ѧ), 155 об., 156 об., 224, 234, исправлѣти 256 об. (второй знак крупнее), исправлѣтисѧ 89 об., направлѣтисѧ 3 об., исправлѣетъ 243, направлѣетъ... сѧ 104 об., исправлѣн (пов.) 164 об., а также исправлѣн 257;

— раслаблаеться 162, раслаблается 180 об., раслаблѣса 79, а также раслабляющиса 217;

— наставлѣти 258, оставлѣти 162, вставлѣти 106, преставлѣти 82 (оксия между л и ѡ), составлѣти 56, наставлѣши 261 об., воставлѣтъ 169 об. (оксия между л и ѡ), наставлѣ 255, вставлѣтъ 104 об., 172 об., вставлѣтъ 148 об., 239, оставлѣтъ 159 об. (оксия между л и ѡ), 224 об., вста/влѣтъ 154, 205, вставлѣтъ 204 об., вставлѣтъ 104 об., вставлѣ 139 об. (оксия между в и л), поставлѣтъ 153, поставлѣ 2, вставлѣтса 160 об., не вставлѣса 12 (оксия между л и ѡ), составлѣтса 76 об., 183 (оксия между л и ѡ), вставлѣ 227, воставлѣю 65 (а исправлено и похоже на о), 67 об. (оксия между л и ѡ), вставлѣю 177 (оксия между л и ѡ), 235 об., составлѣю 187 об., оуставлѣю 2, составлѣютса 82 об., преставлѣютса 137, оуставлѣюса 244, да не составлѣ 183 об., не вста/влѣи (пов.) 93;

Возможно, сюда же следует включить оувлѣдетъ 84 об., оувлѣдетъ 155, оувлѣдѣю 86; оужасѣюса 135 об., оужасѣтъ... са 103, оужасѣютса 115, оужасѣютса 103, хотя в последнем примере оксия стоит между ж и а и может быть частью «растянутого» iso.

Вторую группу образуют глаголы, у которых сдвинутое влево ударение является отражением южнославянской акцентовки:

— бывѣтъ 2, 79 об., бывѣ 98 об., пребывѣтъ 59, да пребывѣтъ 154 об. (второй знак крупнее), пребывѣемъ 84 (оксия между в и а), бывѣю 263, бывѣю 263, бывѣютъ 214 об. (2 раза), 263, бывѣю 263, а также бывѣтъ 215 с правкой а из другой буквы; завывѣ 2, 158 об., завывѣемъ 232 (сдвиг ударения через слог), завывѣа 124;

— давѣти 75 (первый знак крупнее), давѣти 75 (второй знак крупнее), давѣнса 201 об., подавѣши 152 об., водавѣ 233 об., предавѣи (пов.) 217.

Для нескольких глаголов можно предположить сдвиг ударения влево, отмеченный только в одной из форм, аналогией с производящим глаголом, но вполне вероятно южнославянская акцентовка:

— оудержавѣти 189, оудержавѣтъ 179 об., оудержавѣтса 157 (оксия между в и а), оудержавѣю 165 (второй знак немного крупнее), не оудержавѣи (пов.) 60 при оудеръ/жевѣтъ 264 об.;

— пщѣти 75, 128 об., 189, не пщѣтъ 151 об., испщѣтъ 131 об., испщѣт 232 об., испщѣетъ 248 об., испщѣт 160, попщѣтъ 188 об., 214 об., 215, попщѣтса 98 об., да пщѣт 177, впщѣю 188 об., испщѣю 100, 175, напщѣютъ 179 об., напщѣю 142, 180 (2 раза), попщѣютъ 188, попщѣютса 173, 188 об., испщѣа 128 об.;

— стщпѣти 234, настщпѣти 183, встщпѣт 77, 168 об., встщпѣю 261, оустщпѣютъ 149 об., стщпѣи (пов.) 257 об., застщпѣа 131 об., 233, а также стщпѣюще 234.

Отступления в акцентовке еще нескольких слов можно связать с производящими глаголами, у которых по разным памятникам встречается сдвиг ударения влево, обусловленный особыми причинами (у -клонити — старая

акцентная вариативность в восточнославянском, у -ложити и срамити — южнославянская акцентовка):

— преклá/нáтисл 14 (второй знак крупнее), оўклнáтисл 109, поклонáюсл 84, оўклонáешисл 73 об., оўклонáетсл 3 об., поклонáемсл 11, оўклонáюсл 261, оўклонáюсл 261, не восклонáнисл (пов.) 164, ни оўклонáнисл (пов.) 96, не преклнáнисл (пов.) 91, воскланáл 123 (оксия между н и л), оўклонáлсл 109;

— воlá/гáти 247, во³лагáти 158 об., поláгáти 255, да предláгáю 192 об., олагáеши 224, налагáетъ 163, низлагáе^т 150, ѡлагáе^т 79, полагáетсл 102 об., полагáе^с 16, предлагáетсл 225 об., прилагáетъ 182, слагáетъсл 85, возлагáе^м 252 об., волагáе^м 167 об., полагáе^м 134 об., прилагáемсл 106, слагáемсл 175 об., влагáю^т 65, 67 об. (2 раза), 161, 177, 188, 250, влагáю^т 14 (второй знак крупнее), налагáю^т 178, предлагáютсл 229, прилагáю^т во сл 172, прилагáю^т 14 (второй знак крупнее), прилагáютсл 173, не ѡлагáни (пов.) 96, не прилагáнисл (пов.) 173, ѡлагáл 102, а также поláгáху^т 218;

— не срамáнисл (пов.) 65 об., не срамáнисл 65 об.

Для глагола -клнáтисл, который имеет значения «прислоняться к чему-л.», «поклоняться» и переносное «уклоняться», нельзя исключить также смешения с глаголом а. п. а клáнáтисл.

Для нескольких глаголов с разными суффиксами сдвиг ударения влево трудно объяснить, если только не предполагать южнославянской акцентуации. У большинства слов наряду со сдвинутым ударением в тех же формах проставлено обычное ударение на суффиксе:

— завлáждáюсл 235 об., завлáждáю/тсл 235, завлáждáюсл 234 об. (второй знак немного крупнее);

— оугáсáетъ 180 об., 247, погáсáе^т 158 об.; ср. оугáшáетъ 90, 152, 161 об., оўгáшáетъ 90, оўгáшáе^т 148 об., 153 об., оугáшáетсл 157, оугáшáю^т 163;

— огорчевáтисл 261 об., огорчевáтисл 261, ѡгорчевáешисл 169, а также ѡгорчевáлсл (пов.!) 261 об.;

— покарáтисл 234, 260 об. (2 раза), покарáтисл 260 об. (первый знак между а и р; второй знак крупнее), покарáтисл 254, покарáемсл 106, покарáютсл 253 об., покарáнисл (пов.) 69 об., не покарáнисл (пов.) 96, покарáнитсл (пов.) 65; оўкарáти 72, ѡкорáе^м 58, ѡкорáю^т 58, ѡкарáю^т 58, оўкорáл 170, 192;

— оўкрашáтисл 133, оўкрá/шáютсл 206 (первый знак крупнее);

— помрчáти 177, помрчáетсл 158 об., 247, помрчáе^с 179 об., 245, по/мрчáетъсл 148, помрчáютъ 161, помрчáю^т 2, 178, помрчáю^т 249 об.;

— мѡжáтисл 165 об., мѡжáемсл, мѡжáемсл 166, мѡжáютсл 213 об.;

— овнáжáти 15 (второй зñак крупнее), да ѡвнáжáе^с 76, овнáжáю^т 3 об., ѡвнáжáютсл 135, овнáжáл 72 (ж исправлено из другой буквы; второй знак крупнее);

— воѡрѡжáе^с 164, воѡрѡжáютсл 129, 177, воѡрѡжáлсл 151;

— воспоминáти 261 об., воспоминáю 102 об., воспоминáеши 117, воспоминáетъ 198, воспоминáе^т 140, воспоминáю^т 2 об., 188, поминáни, воспоминáни (пов.) 60 об., поминáл 192 об., поминáл 164;

— **ража́еши** 123 об., **ражда́етъ** 69, 130, 136 об., **ражда́е**^T 86, **ражда́етсѧ** 86 (2 раза), **ражда́есѧ** 86, **ражда́есѧ** 86, **ража́етъ же сѧ** 187 об., **ра́дѧ/ю́тсѧ** 84 об.;

— **прохлажа́тисѧ** 162, 180, **прохлажда́тисѧ** 168 об., **прохла́жатисѧ** 214;

— **процвѣ́таетъ** 225 об., **процвѣ́тае** 5.

Иногда сдвиг ударения отмечен только в причастии или имперфекте: **оу́гожа́ти** 260 об., **оу́гажа́ти** 210, **оу́гожа́е**^T 219, **оу́гажа́ю**^T 206, а также **оу́гожа́ющѧ** (И.) 219, **оу́гожа́ющѧ** (Д.) 219; **содѣ́ва́еши** 226, **содѣ́ва́е**^T 141 об., **содѣ́ваемъ** 242 об., **содѣ́ва́ю**^T 177 об., а также **содѣ́ваемъ** (прич.) 186; **смѣ́щѧешисѧ** 130 об., 123, **возмѣ́щѧетсѧ** 154 об., **смѣ́щѧетъ** 189 об., **смѣ́щѧетсѧ** 64 об., **возмѣ́щѧю**^T 261, **смѣ́щѧю**^T 84 об., **во́мѣ́щѧѧ** 179 об., а также **возмѣ́щѧю́ще** 239 об.; **стѣ́жа́еши** 85 об., **стѣ́жа́ешисѧ** 130, **стѣ́жаемъсѧ** 87, **не стѣ́жа́есѧ** 100, **стѣ́жа́ютъ** 183, а также **стѣ́жа́ше** 166 (первый знак крупнее).

Особо следует оговорить акцентуацию глагола **начинати**. При обычном суффиксальном ударении **начина́е**^T 165, 222, **начина́ю**^T 189, **начина́ѧ** 179 об. засвидетельствованы две формы с иным ударением, но они не показательны. В одной из них есть правка: **начи́наю́тъ** 260 об. (и переправлено из другой буквы; второй знак крупнее). Возможно, первый акцентный знак остался от начала другого слова. В инфинитиве **начѧ́нѧти** 138 написание **ѧ** также позволяет предполагать первоначальную акцентовку другого слова, например, **начѧ́ти** или **начѧ́ло**.

Сдвиг ударения влево не на соседний слог, а через слог отмечен в слове **ра́зѣмѣ́вати** 263; ср. **ра́зѣмѣ́и** (пов.) 253 и приведенную выше форму **за́быва́емъ**.

В Овч-530 имеется несколько глаголов с суффиксом **-ыва-**, которые имеют ударение на предсуффиксальном слоге и в современном русском языке [Зализняк 1981: 167—168]. В некоторых формах проставлено второстепенное ударение: **содѣ́лываю́тъ** 137 об., **выскла́дываѧ** 55 об. (исправлено на **вѣскла́даѧ?**; ср. **вскла́даше** 113 об.), **нака́зывати** 54, **раско́пывае́**^M 254 об., **подко́пываю́тъ** 194 об., **потко́пываю́** 194 об., **раско́пываѧ** 253, **по́кра́дываю́**^T 176 об. (первый знак крупнее); **вма́хиваю́** 14; однако **пресѧ́живаю́** 213 об. (второй знак крупнее).

Корневое ударение при отсутствии форм с иной акцентуацией представлено в глаголах **впеча́ллетъ** 168 об., **содѣ́ловѧютсѧ** 210 (с второстепенным ударением), **воскла́дан** (пов.) 80, **да не... вкра́стовѧютъ** (...кра́стою) 254; сюда же, возможно, **раскоповѧ́етъ** 155 (с второстепенным ударением?).

В нескольких случаях у имперфективов и итеративов встретилось флексивное ударение: **нати́раю́тсѧ** 206, **обѣ́рѣ́таеши** 185 об., **бываю́**^T 263, **Ѡвращѧ́етсѧ** 176, **щѣ́щѧѧетъ** 61 об., **ра́дѧ/ю́тсѧ** 84 об., **оустѣ́паю́тъ** 149 об., **соста́влѧ/ю́тсѧ** 82 об., **прѣста́влѧ/ю́тсѧ** 137. Предполагать, что это не оксия, а спиритус, который обычно ставится в других рукописях над второй из двух стоящих рядом гласных, нет оснований. Графических различий между этим знаком и акцентной оксией нет.

Глаголы с суффиксом *-ова-*

Глаголы с этим суффиксом (среди них много слов на *-ствовати*) имеют корневое или суффиксальное ударение.

Корневое ударение отмечено у слов: **волѣзнѣтъ** 243 (2 раза), **волѣзнѣтѣ** 144 об.; **вѣдрѣствѣю** 60 об.; **вѣровати** 106, 190, **вѣрѣтъ** 69 об., **вѣрѣмъ** 252 об. и др.; **дѣрѣтъ** 63 об., 136, 153; **да не дрѣхлѣ** 264 об.; **дѣвѣствовати** 264; **дѣвѣствѣтъ** 150, **дѣвѣствѣтѣ** 61 об.; **ѣдинѣствовати** 85; **молитѣвѣ** 14, **помолитѣвѣ** 181; **навѣтѣю** 178; **начальствовати** 256 об.; **печаловатиса** 168; **плѣщѣ** 264 об.; **радѣватиса** 228 об. (с второстепенным ударением), **порадѣватиса** 113 об., **радѣтсѣ** 105, **радѣнсѣ** (пов.) 73, **радѣнтсѣ** (пов.) 194 и др.; **ратѣвати** 175, 181 об., 188 об., 197, **ратѣ** 175 об.; **памѣтовати** 12, **памѣтѣи** (пов.) 12; **пѣлѣвати** 258, **пѣлѣвѣтъ** 232, **пѣлѣвѣтъ** 97 об., 205, 254, **пѣлѣвѣмъ** 258, **пѣлѣвѣтѣ** 98 об., **пѣлѣвѣтѣ** 210 (с второстепенным ударением); **пѣлѣвѣвати** 68, 69 об., 240 об., **пѣлѣвѣдѣтъ** 105, 164, 192 об., **пѣлѣвѣдѣ** 108 об. и др.; **свѣрѣпѣвѣтъ** 210; **стрѣствовати** 189, **стрѣствѣвѣтъ** 187 об.; **сѣтѣши** 119 об., **сѣтѣ/ѣтъ** 162 об. (с второстепенным ударением?), **сѣтѣмъ** 134 об., **сѣтѣтѣ** 131 об., 233 и др.; **трѣвѣши** 77, 130, 204, **трѣвѣтъ** 3 об., 178, 187, **трѣвѣте** 204 и др.; **чѣствовати** 264; **чѣствѣлѣ** 74; **шѣствѣ** 163 об., **шѣствѣ** 97 об. Особо **нѣмошѣствѣю** 101.

Суффиксальное ударение имеют: **враждѣвати** 58 об., 208 об., **враждѣ-ѣтъ** 210, **враждѣи** (пов.) 58 об. и др.; **не врачѣнсѣ** (пов.) 53 об., **врачѣлѣ** 254; **взыскѣвѣтъ** 208 об., **взыскѣвѣт** 182, **взыскѣ** 98, **взыскѣтѣ** 137 об., **снискѣютѣ** 262, **взыскѣи** (пов.) 189; **повѣствѣвѣтъ** 254 об.; **свѣзѣвѣтъ** 153 об., 239 об., **привѣзѣсѣ** 232, **свѣзѣтѣ** 162; **гомѣжѣсѣ** 131 об.; **назѣна-менѣи** (пов.) 151; **именѣвѣтъ** 235, **именѣтсѣ** 206 об., **именѣютсѣ** 144 об. и др.; **красѣшнсѣ** 132, **красѣтсѣ** 134 об.; **ликѣвати** 217, 60, **ликѣвѣтъ** 134 об.; **помазѣю** 181 об.; **помороковѣти** 13 об.; **смѣжѣтсѣ** 148; **наготѣ-ѣши** 130; **написѣвѣтъ** 4, 94, 88, **написѣтсѣ** 161 об., **написѣтѣ** 233; **пѣвѣнѣтѣ** 176; **испытѣвати** 70, 144 (2 раза), 242, **испытѣи** (пов.) 88 об.; **ревнѣвати** 217 об., **ревнѣши** 125 об., **ревнѣвѣтъ** 187 об., **поревнѣвѣтъ** 240 об.; **торговѣ-вати** 75; **исгѣзовѣати** 242 об.; **цѣловѣти** 16 об., **цѣлѣете** 194 об., **поцѣлѣи** (пов.) 55 об. Возможно, сюда же **ликѣствовѣати** 264 об., если это не второ-степенное ударение.

У глаголов с суффиксом *-ова-* встретился сдвиг ударения влево при обычном суффиксальном ударении и сдвиг ударения вправо при обычном корневом ударении: **повѣнѣнсѣ** (пов.) 8 об., **повѣнѣнтсѣ** (пов.) 65, **повѣ-нѣнсѣ** (пов.) 68 (второй знак крупнее), а также **повѣнѣнѣющѣсѣ** 67; **пока-зѣвати** 67, **показѣвати** 65 об., **наказѣвѣтъ** 8 об., 9 об., 211, **наказѣ** 9 об., 98 об., **оуказѣвѣтъ** 259 об., **наказѣтѣ** 254 об., **показѣтѣ** 146 об., **показѣтѣ** 67 об. (второй знак крупнее), **оуказѣтѣ** 2 об., **показѣтсѣ** 244, **показѣи** 173 об.; **мѣловати** 104, 109, 160, **помѣловати** 173, **мѣлѣлѣ** 74, **помѣлѣлѣ** 233, **по/мѣлѣи** 250, **помѣловани** 194; **миновѣати** 230, **минѣши** 253, **минѣ** 134,

миновáлосѧ 214; **наси́детъ** 209 (оксия между л и ѿ), **наси́дѹтъ** 152, а также **наси́де**^М (прич.) 190; **вои́детъ** 213, **вои́дѹтъ** 57 об. (здесь не исключена ошибка); **житѣльствовати** 203 об., **житѣльствовѣтъ** 140 об., **житѣльствѣ**^М 167 об.; ср. **напáствѣми** 203 об. У глагола **бесѣдовати**, возможно, второй знак обозначает второстепенное ударение: **бесѣдовати** 63 об., **побесѣдовати** 75 об., **бесѣдовати** 63 (вторая оксия между о и в при помехе сверху), **бесѣдовати** 69 об., **бесѣдѣши** 152 об., **бесѣдѣтъ** 63, **совѣсѣдѣтъ** 238, **бѣсѣдѹтъ** 14.

Глаголы с неслоговым корнем

У приставочных глаголов с неслоговым корнем (корневых, *-а*-глаголов и *-ну*-глаголов) в Овч-530 прослеживается тенденция к обобщению а. п. *b*, хотя встречаются отступления от такой акцентовки, а именно глагол а. п. *b* имеет ударение, соответствующее а. п. *c*, и наоборот.

Не встретилось отступлений от а. п. *b* в акцентуации слов **вѣзметъ** 64, **вѣзмѣ**^Т 9, да... **вѣмѣ**^Т 201, **не вѣметъ** 76 об., **да не вѣзмѣсѧ** 88, **вѣзметѣ** 74 об. **вѣзмѣтъ** 202; **начнеши** 14 об., 96, 164 и др., **начнешъ** 58 об. (2^Т раза), **начнетъ** 9 об., 13 об., 56, 89, 111, 149 об., 151, 194 об. и др., **начнѣ** 12 об., 58 об., 83, 83 об., 145 об., 151 об., **начнетъ** 172, **оучнетъ** 13 об. (ср. **оучнетъ** 63, 94), **начнемъ** 91 об., **начнѣтъ** 12 об., 175, 181 об., **начнѣтъ** 181 об., 234, **начнѣ**^Т 91, 176, 177, 177 об. при **начнѣ** 120 об.; **пѣжнѣ**^Т 100, **пѣжнѣ**^М 212, **сѣжнѣ**^М 212; **пѣслѣ**^Т 65 об., 66; **пѣметъ** 194, 200 об.

Многочисленные презенсы с корнем *-ид-* также имеют акцентовку по а. п. *b* (1 л. ед. ч. **дондѣ ли** 116 об.). При обычных **пѣидеши** 113, 241 об., **пѣидетъ** 9, 94 об., **пѣидѣ**^Т 134, **пѣидѣ**^М 236, **пѣидѣ**^Т 12 об., **прѣидетъ** 195 об., 202, 225 об., 228 об., **прѣидѣ**^Т 96, **да не прѣидѣ** 62 об., **прѣидетъ** 134, 225 (2 раза), **прѣидѣ**^Т 96, **наидѣ** 238, **наидѣ**^Т 83, **отѣидѣ**^Т 85, **не дѣидетъ** 208, 213 об., **зѣидетсѧ** 192 один раз встретилось **пойдѣшъ** 58 об. Напротив, при **прѣидетъ** 98 об., **ѡидетъ** 182 об., 185 об., **ѡбѣидѣ**^Т 214 об., **прѣидеши** 55, 81, 265, **прѣидетъ** 81 об., **прѣидѣ**^Т 13 об., 14, 14 об., 75 об., 80, 82 об., 85, 89 и др., **прѣидетъ** 133, 151, **прѣидѣтъ** 142, **прѣидѣ**^Т 14, **прѣидѣ**^Т 168 об. и др. несколько раз засвидетельствовано ударение на приставке **прѣидетъ** 237, 248 об., 249 об., **прѣидѣ**^Т 146. Следует иметь в виду, что писец не всегда точно над гласной ставит акцентный знак, тем более что в перечисленных формах использована гласная *ї*, занимающая меньше места в строке по сравнению с *и*. У других приставочных глаголов (**изѣидетъ**, **внѣидетъ**, **снѣидетъ**, **разѣидѣтсѧ**) ударение всегда одинаковое.

У бесприставочного глагола **ити** в Овч-530 акцентуация следующая: **нѣидетъ** 94 об., **нѣидѣ**^Т 64, **идѣтъ** 89 (ср. формы **йдѣши** 54 об., **идетъ** 9, 86 об., 114 об., 134 только с *исо*). В составе сложного глагола **мимоити** обе части имеют самостоятельное ударение: **мимоидетъ** 202 (ср. **мимоидѣтъ** 225, где, видимо, **прѣ** вписано писцом, то есть форма исправлена

из *мимо йдѣтъ*). Таким образом, у бесприставочного презенса *-ид-* также имеет место колебание ударения.

Колебание ударения представлено в глаголе *-зрѣти*: *зрѣти* 63, 155 об., *оўзрѣти* 208 об., *зрю* 135 об., *зриши* 83, 101, 122, *зри/ши ли* 116 об., *не зриши* 192, *да зазриши* 79 об., *оўзриши* 63, *не оўзриши* 192, *не зриши* 67 об., *оўзрѣтъ* 89, *призри* 87, *не презри* 87, 212 об., *зрѣтъ* 177 об. (ср. *оўзрѣтъ* 194), *зрѣса* 5, *прѣрѣвъ* 124 об., *презрѣвъ* 254 об., *зри* (пов.) 131, *вбзрите же* (пов.) 194 об.

Остальные глаголы а. п. *b* и *c* в Овч-530 слабо засвидетельствованы: *прильнетъ* 15; *пѣтнетса* 70, *приткнѣтъса* 15 об. при неясном *вонмѣ* 238. Старая и новая акцентовка отмечена у слов *пѣжрѣ* 75, *пѣжрѣтъ* 151 — *пѣжрѣтъ* 151 (оксия между *p* и *e*); *ниже да оўсне/ши* 68 об. — *оўснѣтъ* 11 (ср. *оўснетъ* 10 об., 164 об., *оўснешъ* 93 об. только с *исо*). Для глагола *ѡмретъ* 159 недостаточно данных; ср. *оўмѣрлѣ* 204. В большинстве форм поставлено только *исо*: *оўмретъ* 71, 122, 202, 247, *оўмремъ* 134 об. и др.

В северной и средней частях восточной зоны отмечается тенденция к флексийному ударению, в западной зоне и на юге восточной зоны наблюдается тенденция к префиксальному ударению [Зализняк 1985: 363]. Поскольку в целом в Овч-530 у глаголов а. п. *b* сохраняется префиксальное ударение, по этому параметру рукопись может быть связана с западной зоной или югом восточной зоны.

Инфинитивы

У инфинитивов на *-сти* и *-ци* и изредка встречающееся *-чи* в Овч-530 сохраняется конечное ударение: *влюстѣ* 259, *влюстѣса* 226 об.; *известѣ* 78 об., *привестѣ* 207 об., 258 об.; *замѣсти* 13; *нести* 15 об., *внести* 13, *вѣнести* 124, *вынести* 13 (приставка *вы-* всегда ударная), *понести* 124, 211 об., 258 об., *принести* 13; *скрестѣ* 120; *трастѣса* 179 об., *ѡтрастѣ* 89, *страстѣса* 180 об.; *честѣ* 58 об., 164 об., 165; *врещѣ* 15 (2 раза), *врещѣ* 15; *привлещѣ* 236 об.; *воврещѣ* 119, *ѡврещѣса* 108 об., *поврещѣ* 119; *ожещѣ* 82, *сожещѣ* 82, *пожещѣ* 83 об.; *мощѣ* 122, 180; *пещѣса* 60 об., 75 об., 212 (2 раза), 246 об., 249 об., 256, *пещѣса* 60 об., 161; *рещѣ* 81, 223, 243 об., *изрещѣ* 102 об., *нарещѣ* 176; *ѡврещѣ* 154, 258 об. При конечном ударении *вврестѣ* 224, *вврѣсти* 59, 72, 161, 216, 224, *привврѣсти* 237, *прѣврѣсти* 223 об. отмечено *срѣсти* 97 об. и *срѣстѣса* 186. Наосновное ударение у *стричи* 261 об.

У *взати* встретилось уже только новое ударение: *взѣти* 13, 85, 194, *взѣти* 53 об., 200 об.

В Овч-530 у одних инфинитивов отмечен сдвиг ударения влево, у других — вправо (помимо тематизации у глаголов а. п. *a*). Для второй группы можно предположить акцентуацию по модели *спастѣ* или просто ошибку: *трѣди/тѣ* 237 об., *гладѣтѣса* 91 об., *попостѣтѣса* 112 об., *попо/стѣтѣса* 116 об., *молитѣса* 2 об. (первый знак крупнее), а также *оўмретѣ* 103 (ср. *оўмрети* 92 об., 205 об. с *исо*), где вария может быть не иктусной.

Сдвиг ударения влево засвидетельствован у глаголов всех акцентных парадигм и у вторичных имперфективов (не учитывая случаев исконного корневого ударения): **прѣдугото́вити** 186 об., **рабо́тати** 210 (первый знак крупнее), **рабо́тати** 247 об., **рабо́тати** 249 об. (второй знак крупнее), **рабо́та/та́ти** (так!) 246, **пока́зати** 264 об. (второй знак крупнее), **стра́дати** 103, 205 об. (второй знак крупнее), **то́чити** 246 (первый знак крупнее), **да́ати** 259 об. (второй знак чуть крупнее), **полѹчи́ти** 224, **си́дѣти** 12 об., **сотвори́ти** 256 об. (второй знак ярче), **трѹди́тисѧ** 169 об., **доса́дѣти** 78 об. (второй знак крупнее), **ѡчю́ждѣтисѧ** 145 об., **дава́ти** 75 (первый знак крупнее), **дава́ти** 75 (второй знак крупнее), **прекла́нѧтисѧ** 14 (второй знак крупнее), **вола́гати** 247, **пола́гати** 255, **покара́тисѧ** 260 об. (первый знак между **а** и **р**; второй знак крупнее), **покара́тисѧ** 254, **мѹжа́тисѧ** 165 об., **обна́жати** 15 (второй знак крупнее), **прох́лажа́тисѧ** 214, **ѡчю́жди́тисѧ** 145 об. Однако это не то явление, которое отмечается в памятниках письменности и является перестройкой по типу дефинализации в инфинитивах с исконным конечным ударением [Зализняк 1985: 354—355]. Скорее всего, здесь имеет место, по крайней мере в некоторых случаях, южнославянская акцентовка наряду с древнерусской, обозначаемой вторым акцентным знаком, иногда более крупным.

Сдвиг ударения влево на начальный слог отмечен в инфинитиве **ра́зѹмѣ́ати** 263; ср. **ра́зѹмѣи** (пов.) 253; ср. также другие формы: **ра́сточѣни** 249 об., **за́быва́емъ** 232 при **за́быва́е** 158 об. В памятниках северного происхождения отражено известное сейчас преимущественно в онежских говорах диалектное явление, заключающееся в переносе ударения в многосложном слове с конечного слога на начальный [Зализняк 1985: 185]. Однако в приведенном инфинитиве и в личной форме ударение было не на конечном слоге.

В рукописи встретилась акцентовка **прѣи́ти** 109 и **пои́ти** 215 об. при обычных **пои́ти** 13, 169 об., **прѣи́ти** 16 об., 61, 62, 169, 188 об., 208 об. и др., а также **прои́ти** 11, 76, **преи́ти** 76, 100 об., 154 об. У других производных, где перед корнем стоит согласная, в инфинитивах имеется предконечное ударение: **разы́тисѧ** 13 об., **вни́ти** 16 об., 51, 99, **ѡни́ти** 62, 98, 126 об., хотя **ѡи́ти** 88 об., **ѡити́** 61. У бесприставочного глагола конечное ударение: **ити́** 64, 90 об. (2 раза), 201, **итѣ́ти** 11, **и́тѣти** 99, 192, **и́тѣти** 106, **итѣ́ти** 220 об.

Причастия

Действительные причастия настоящего времени. Акцентуация этих причастий (современных деепричастий) в Овч-530 в целом такая же, как и в других памятниках.

У причастий, образованных от глаголов а. п. *а*, сохраняется корневое ударение: **дѣла́а** 87, **ме́ла** 114 об., **нѹда́са** 122, **оста́ва** 63 (2 раза), **пла́ча**

124, *пла́чася* 117, *рѣ́сся* 128, *посла́шася* 72, *ча́л* 117. В формах *ча́л* 205, *мѣ́чѧ* 145, *ѧ́чѧ* 117 об. вария, видимо, не является акцентным знаком.

У причастий от глаголов а. п. *b* и *c* встретилось флексийное ударение: *идѧ́* 11, 12 об., *нищѧ́* 73, 78 об., *молѧ́* 71 об., *молѧ́сся* 117, *носѧ́* 116, *просѧ́* 54 об., 77, 88 об., *ходѧ́* 123, *прѣ́ходѧ́* 12, *сѣдѧ́* 70; *проговорѧ́* 10 об., *горѧ́* 113 об., 122, 126, 129, *держѧ́сся* 186, *ложѧ́сся* 190, *постѧ́сся* 117 об., *терпѧ́* 80, 103, 117 об., *творѧ́* 91, 95, 116 об.

Ударение на суффиксе имеют причастия от вторичных имперфективов и глаголов с постоянным ударением на суффиксе: *вкѣ́шѧ́л* 122 об., *прово́жѧ́л* 56, *оудрѣ́чѧ́л* 116, *желѧ́л* 164 об., *пожигѧ́л* 116 об., *шжидѧ́л* 117, *померзѧ́л* 102, *шмывѧ́л* 113 об., *шслабѣ́л* 96 об., *престѣ́пѧ́л* 121, *смѣ́л* 70; однако *пода́л* 204 об. при *да́л* 78, *внѣ́мѧ́л* 167 (второй знак между *м* и *л*). В форме *овнѧ́жѧл* 72 есть правка (*ж* исправлено из другой буквы; второй знак крупнее). У *припа́дал* 88 об., как и в остальных формах этого глагола, сохраняется ударение на корне.

У причастий «группы *стоя*» сосуществуют старая и новая акцентовка, то есть представлено колебание ударения: *сѣдѧ́* 14 об., 164 об., *сѣдѧ́* 114, 115 об.; *молча́* 62, *молчѧ́* 93 об. (2 раза), 121 об.; *ле́жѧ* 83, 161 об., *лежѧ́* 94, 128, 250, *прилежѧ́* 232; *сто́л* 121, 164, 166, *сто́лѧ* 93, 113 об., 118, 121, *ѡсто́лѧ* 88 об., *прѣсто́лѧ* 88, 252. Меньшее количество форм со старым ударением говорит в пользу того, что новое ударение доминирует.

Страдательные причастия прошедшего времени. Акцентуированных *-л*-причастий от *V*-корневых и *a*-глаголов а. п. *c* в Овч-530 мало, поэтому складывающаяся картина акцентуации этих форм фрагментарна. В рукописи встретилось: *шкѡвѧ́нѣ* 110 об. (2 раза), *прикѡвѧ́нѣ* 110 об. (ср. членные формы *шкѡвѧ́нныя* (В. субстант.) 182, *оковѧ́ннаго* (Р.) 260), *призѡвѧ́нѣ* 257 об. (ср. при односложной основе *зѡвѧ́ни* 195 об., 234 об. и членных форм *зѡвѧ́ннѣи*, *зѡвѧ́нны* 234 об.), *прѣданѣ́* 65, 88, *прѣданѣ́* 79 об., *прѣдани* 196 об., *возданѣ́* 210 об. (при односложной основе *данѣ́* 60, 213, 255, *данѣ́* 100, *данѧ́* 138 об., 148), *сбѡранѣ́* 5, *шснѡванѣ́* 233 об., хотя в последнем примере вария может быть не иктусной или означать второстепенное конечное ударение, *попрѧ́нѣ́* 119; ср. членное причастие с книжной приставкой *во... радрѧ́ннѣи* 113. Таким образом, в рукописи представлено колебание ударения в этих словоформах.

Из других причастий (а. п. *b*), ударение которых варьировалось территориально или хронологически, в Овч-530 засвидетельствованы: *и́гнѧнѣ́* 63, 113, *и́згнѧнѣ́* 194, *не по́нѧно* (предик.) 79, где сохраняется старое ударение²⁸; только префиксальное ударение, характерное для восточной зоны, имеют словоформы *пѡсланѣ́* 66, *пѡслѧно* 77, *пѡслѧнныи* 251 (при *послѧнѣ́* в западной зоне); новое ударение в *на́слѧно* (вм. *на́стѧно*) 113 об.

У остальных *-л*-причастий от глаголов а. п. *a* и *b* с неподвижным ударением в прошедшем времени в Овч-530 отмечено корневое ударение; зави-

²⁸ Можно указать еще также форму с правкой *пѡзнѧнѣ́* 198 об.

симости от функции в предложении — предикатив или определение — не наблюдается: **оу́готова́на** (И. ср. р. мн. ч.) 52, **оу́готова́нныа** (В.) 140, **оу́блннн** (предик.) 127, **пома́занннх** 265 об., **посы́пано** 107 об., **ра́зсы́пано** 238 об., **оу́слышанъ** 225 и др.; **писа́но** (предик.) 61 об., 258, **писа́ное** (В.) 10, **писа́наа** (В.) 56, **пока́зано** 126 об.; сюда же можно отнести **искро́пано** 107 об., **изы́сканъ** 4 об. (предик.), **препо́саннн** 52 (предик.). У причастия **-ва́занъ** при обычном корневом ударении встретилось предфлексивное: **прива́зано** 163, 183, **сва́зани** 91, **сва́заномъ** (Д.) 213 об., **рава́зана** (Р.-В.) 119 (первый знак чуть крупнее; над сторокой над **н** еще одно выскобленное **н**?). Однако тенденция к корневному ударению не распространилась на причастие от глагола а. п. с **оу́держанъ** 94 об., **оу́держани** 159, **оу́держани** 247 об. (ср. членную форму **нево́держанное** (В.) 143).

Книжное членное причастие **избра́нннн** (именное не встретилось) всегда имеет предфлексивное ударение: **избра́нннн** (И.) 80, **избра́нннх** (Р.) 195 об., 215, **избра́нннх** (Д.) 161 и др.

У *t*-причастий представлена следующая акцентуация: **зача́тъ** 191, **зача́тъа** (так; иктусная ли вариация?) 115 об.; **сна́ты** 5; **ра́спатъ** 64, **пропа́ты** (В.) 78; **просте́рты** 174 об., 226 об.; **про́клатъ** 77 об., 81 об., **про́клати** 73 об.

Акцентуированных *-en*-причастий от *i*-глаголов и *C*-корневых глаголов а. п. с засвидетельствовано намного больше, но форм женского и среднего рода среди них очень мало; в основном они встретились в предикативной функции. Флексивное ударение отмечено в **вболче́ны** 52, ср. **вблече́ни** 232, **вблече́на** (Р.—В.) 181 об.; **положе́но** 203, ср. **сло́женъ** 240 об., **вблуже́ни** 107 (оксия между **ж** и **е**), **положе́ни** (В.) 167 об., а также **оу́ложненное** (В.) 93; **жи́нь**... **сотворе́на** 60 (второй знак крупнее), ср. **сотворе́нъ** 174, **сотворе́но** (предик.?) 71 об.

У других причастий а. п. с встретилось только суффиксальное, только корневое или корневое и суффиксальное ударение независимо от того, в какой функции — предикативной или непредикативной — они употреблены. Причастия с суффиксальным ударением (в основном в роли предикатива, иное оговорено): **и́веде́ны** 184; **повеле́но** 8 об., 65 об., ср. членное причастие **повеле́ннаа** (В.) 66 об., 74 об.; **невре́жденъ** 75 об.; **пригво́жденъ** 120, ср. членное причастие **пригво́женннн** 64 об.; **по́гне/ще́ны** 228 об.; **неогра́жена** 87; **водре́жены** 234; **оу́едине́нъ** 120 об.; **сокро́шенъ** 174, **сокро́шенно** (И.) 174; **лише́нъ** 52 об., **лише́ни** 144, 242 об.; **владче́нъ** 73, **владче́ни** 227; **прелще́ни** 227; **побе́женъ** 65 об., 68, 145 об., 160, 245 об., 248, **непове́ждени** 215 об.; **проще́нъ** 66 об. (2 раза); **пора́женъ** 123 об.; **наса́жено** 68 об.; **нео́скверне́нъ** (В.) 75 об.; **спасе́нъ** 121, 191 об., 196 об., **спасе́ни** 98 об.; **оу́тверже́нъ** 200, **оу́тверже́нъ** 233 об., **оу́тверже́ни** (В.) 91, **оу́тверже́ны** (В.) 183; **вворе́нъ** 100, **растворе́нъ** (В.) 102 об.; **вблече́нъ** 178; **оу́чинены** 62, 62 об.; **почте́на** 103 об., **причте́ни** 213, **изочте́ны** (Д.) 117. Только суффиксальное ударение встретилось у частотных причастий **рече́нно**, **врече́но** и др. независимо от того, написаны ли они с *-н-* или *-нн-*, членные это формы или именные; суффиксальное ударение имеет, как и в

других памятниках, адъективированное **смирѣнъ** 52, книжное **покрое́нно** 114, **покрое́ни** (В.) 76, хотя **сокрое́нно** 151.

Причастия с корневым ударением: **оукра́шено** 51 об., **неукра́шено** 248 об., **оукра́шени** 52, **оукра́шены** 52 при членном причастии **оукраше́ни** (И.) 133; а также слабо засвидетельствованное **оусѣченъ** 64; возможно, сюда же **неостѣненъ** (И.) 60.

Причастия с колебанием ударения (в основном в предикативной функции): **оудá/лены** 247 об. при членном **оўдалѣнное** (В.) 189; **плѣнѣнъ** 164, **плѣне́на** 87, **плѣ/ненъ** 66 об.; **потопленъ** 76, **потоплени** 58, **потоплѣни** 111; **непреклóненъ** 70 об., **преклóнени** (И.) 130 об.; членные причастия **сокра́щенное** (В.) 243 об. (второй знак крупнее), **совѣрше́ны**^x (Р.) 256 об.

У *-en*-причастий от глаголов а. п. *b* корневое ударение сосуществует с предфлексийным: **всѹжде́нъ** 252 при **осѹжде́нъ** 81, **всѹжьде́нъ** (И.?) 167 об., **расѹжде́нъ** 148, **всѹжде́на** (Р.—В.) 79 об., **осѹжде́ни** 81 об., 201, **всѹжде́ни** 78; **нсто́/млени** 93 при **томлѣни** 111; **мо́чено** (И.) 113 об., (В.?) 122 об.; **нскѹше́ни** 97 об.; **расточѣни** 161 (оксия между *ч* и *е*), **ра́сточѣни** 249 об.; членное причастие **кѹплени** (И.) 97.

У *-en*-причастий от глаголов а. п. *a* засвидетельствовано корневое ударение: **нзбáвленъ** 185, **постѣла... сáддена** 119 об., **мѹченъ** 206 об., **мѹчѣны** 203, **нсполнена** 160 об., 249, **нсполнено** 98, 113 об., а также членное **нсполненнаго** 191 об., **похѹлено** 55, **похѹлена** (Р.—В.) 79 об. На этом фоне встретилось **оустáвлено** 2 об. (первый знак крупнее) при **оустáвленъ** 257 об., **оўстáвлена** 197 об., **состáвленъ** 240 об., **встáвлени** 159, 247 об. и др. Не ясно, флексийное ударение или неиктусная вариация имеется в форме **повѣрженá** 76 об. (первый знак крупнее) при **свѣрженъ** 78, **свѣржени** 142 об., **ввѣрженъ** 119, 120 и в форме **вславленнѣ** (В. ср. р.) 122 при **раслáвлено** (В.) 264 об., **раслáвленнѣ**^x (Р.) 112 об.

Акцентовка **порабóщени** 256 об., **алчѣнъ** 52 об., **áлчѣнъ** 120 (оксия между *ч* и *е*) может быть обусловлена книжным характером слова; то же у **восхѹщѣнъ** 127 об. (оксия между *щ* и *е*), **восхѹщѣни** 133 об., если только глагол не относится к а. п. *b*, что встречается по памятникам.

У причастий от глаголов с постоянным ударением на тематическом элементе и у причастий от вторичных имперфективов и итеративов на фоне предфлексийного ударения также встретилось корневое ударение: **облáдани** 155 об., **одо́лѣнъ** 162 об., **вдо́лѣнъ** 182, 164 об., **питáна** 126, **вправдáны** 203, **порѹганъ** 140, **нейспы́таны** 110, **растѣрзáны** 75, а также членные причастия **завѣщáнны**^x (Р.?) 203 об., **вѣщáнное** (В.) 97, **вѣщáнный** (Р.) 211 об.

Действительные причастия прошедшего времени. У этих причастий (современных деепричастий) от глаголов с подвижным ударением в прошедшем времени в других памятниках в Овч-530 встретилось уже только новое предфлексийное ударение: **сотворѣвѣ** 13 об., 84, **вда́вѣ** 73 об., **бвнаживѣ** 69 (ср. **вбнаживѣны** 76), **собрáвѣ** 192 об., **нзмѣнѣнѣсá**, **нмѣнѣнѣсá** 76, **попрáвѣ** 101. Такая же акцентовка у причастий от глаголов с непод-

вижным ударением: **соверши́въ** 62 об. (2 раза), **расъди́въ** 63, **щцѣти́въ** 66 об., **не прости́вса** 94 об., **повѣди́въ** 109 об., **вкѣси́въ** 113 об., **лиши́въ** 117, **радрѣвса** 118 об., **повстрѣ́въ** 119 об., **препроводи́въ** 120, **претомѣ́въ** 123 об.

Таким образом, в акцентовке причастий в Овч-530 отразилось несколько процессов. Новое предфлексивное ударение имеют действительные причастия прошедшего времени. Новая флексивная акцентовка встретила у действительных причастий настоящего времени. При этом в «группе *стоя*» сосуществуют старое и новое ударение. У страдательных причастий прошедшего времени (*-н*-причастий) представлено колебание ударения; у **изгнѣ́нъ**, **познѣ́нъ** сохраняется старое ударение; акцентовка **послѣ́нъ** характерна для восточной зоны. У *-н*-причастий от глаголов с неподвижным ударением в прошедшем времени прослеживается тенденция к обобщению корневого ударения, но она распространяется не на все глаголы. Такая же тенденция отмечена у *-ен*-причастий от глаголов а. п. с. Подобное отступление встречается как в западной, так и в восточной зоне [Зализняк 1985: 341—342]. Флексивное ударение у *-ен*-причастий от глаголов а. п. с. отмечается эпизодически.

Императивы

У императивов глаголов а. п. *a* почти всегда ударение соответствует этой акцентной парадигме (примеры см. в перечне глаголов). Отмечены следующие отступления: **бѣга́н** 95 при **бѣгаи** 60 об. (оксия между **ѣ** и **г**), 61, **ѡбѣга́н** 68 (оксия между **ѣ** и **г**); **не гнѣ́вѣвѣсѣ** 53 (**в** переправлено?; первый знак крупнее, второй находится между **в** и **а**), **не гнѣ́вѣвѣсѣ** 81 (в обоих случаях первый знак крупнее); **исповѣ́дан** 53 (первый знак крупнее) при **исповѣдан** 53. У всех трех глаголов отмечены также отступления от а. п. *a* в других формах. По-видимому, колебание ударения в императиве, как и в прочих формах, обусловлено его тематизацией.

У императивов глаголов а. п. *b* и *c* при обычной акцентовке встретились следующие отступления: 2 л. ед. ч. **не дѣрзѣнѣ** 53 (других отступлений в системе презенса и в инфинитиве нет), **мо́лѣсѣ** 250 об. при **моли́сѣ** 250 об., **моли́тѣсѣ** 79 об., 161 об. (отмечено также отступление в сторону а. п. *c* в презенсе), **волю́би** 83 при **возлюбѣи** 60 об. (других отступлений в акцентовке глагола нет), **помѣ́нѣ** 160 об. при **помѣни** 160 об., **помѣ́нѣ же** 113 об., **трѣпещѣи** 94 (при наличии других отступлений в акцентовке этого глагола); 2 л. мн. ч. **не пѣцѣ́тѣсѣ** 194 об. (второй знак крупнее) при **не пѣцѣтѣсѣ** 195, 200 об., 204, **возрѣ́тѣ же** 194 об. У глагола с суффиксом *-ова-* встретилось ударение **повѣ́нѣсѣ** 68 (второй знак крупнее) при **повѣнѣ́сѣ** 8 об., **повѣнѣ́тѣсѣ** 65. Новое (сдвинутое влево) ударение отмечается в памятниках западной зоны, юга и в значительной части памятников дальнего северо-востока [Зализняк 1985: 356].

В Овч-530, как и в других рукописях, в императивах с основой *гласная+j* ударение оказывается на основе: **не бѣнса** 180, **не бѣнтеса** 196, **не оубѣнтеса** 196 об., 200 об., **дѣн** 77 об., **пѣн** 251 (2 раза), **пѣн** 95 об. (оксия между *п* и *ѣ*), **испѣн** 217, **напѣн** 52 об., **стѣн** 92 об., **не стѣн** 12 об. (хотя здесь уже может быть а. п. *а*), **не ѡбѣн** 53 (о том, что ударение не на конечной букве, свидетельствует постановка оксии), однако **потѣнса** 231 об. (над *н*, видимо, перевернутая камора, после нее оксия) при **не тѣн** 53 (2 раза).

У *ити* и его приставочных производных сохраняется конечное ударение: **не идѣ** 55, **идѣ** 90 об., 93 об., 158, **пондѣ** 11, 12 об., **дондѣ** 52 об., **прондѣ** 92 об., **прендѣ** 195 об., **прѣндѣте** 12, 90 об. в начальных словах молитвы **прѣндѣте поклонѣмса**. У книжных производных ударение иное: **вѣндѣ** 93, **изѣндѣ** 92 об.

Не ясно, какое именно явление (сдвиг ударения вправо, не иктусная вариация или второстепенное неритмическое ударение) имеет место в императивах **одежѣ** 52 об., **не вѣдѣ** 67 (от глагола *быти*) при **вѣдѣ** 182 об., **завѣдѣ** 65.

Прошедшее время

В Овч-530 у *l*-причастий, входивших в состав форм прошедшего времени и образованных от *i*-глаголов а. п. *с*, отмечено уже новое ударение по модели *пустѣль*, *пустѣла*, *пустѣли*: **оугодѣли** 92 об., **погрѣшѣли** 88 об. (конечное *и* другими чернилами переправлено на *ъ*), **вложѣль** 77, 182 об., **вложѣль** 204, **положѣль** 217 об., **прельстѣльса** 69, **свободѣль** 105, **всѣлѣса** 72 об., **свѣчѣлѣса** 16, **свѣчѣль** (так!) 73, **всѣнѣла** 73, **сотворѣль** 85 об., 94 об., 240, **затворѣлѣса** 146 об.

Такое же ударение у причастий от глаголов а. п. *б*: **возлюбѣль** 73 об., **любѣла** 96, **преходѣль** 114 об., **приходѣли** 197 об., 198.

У других словоформ встретилось следующее ударение: **оудивѣльса** (так!) 127 об., **предѣль** 54 (первый знак крупнее), **дѣлса** 184 об., **пѣжилъ** 198, **жѣли** 92 об., **заклѣльса** 73 об., **спаслѣса** 197 об., 207, **ѡпѣль** 73, **испѣлѣ** 121 об., **оутвердѣль** 73 об.; **послѣ** 127 об., **инемѣль** 123, **инемѣли** 164 об., **осудѣлса** 74; формы ж. р.: **игнѣла** 113 об., **нарекѣлса** 120 об. Можно отметить также **нѣ было** 15, 258, **было** 96 об., 133 об., 185, 217 об. и др., **была** 59, 96 об., **были** 198 об., **оумѣль** 64 об., **распѣлса** 64 об., **прѣрѣль** 84, а также форму винительного падежа ж. р. **пещерѣ... оброслѣ** 128.

Заключение

У глаголов а. п. *а* встретилась тематизация ударения. Всей парадигмы она не затронула ни у одного слова; обычно она засвидетельствована в одной-двух формах, иногда в трех. Тематизация отмечена не только у тех слов, у которых она известна по другим источникам (**вѣдѣти**, **вѣдати**,

гнѣватисѧ, дѣлати, моучити, плакати, слоушати). Сдвиг ударения вправо засвидетельствован в инфинитивах дѣяти, стоукати, сѣяти, в формах настоящего времени глаголов ближитисѧ, двигнути, дѣяти, ноудити, -стагати, сѣяти и некоторых других.

У глаголов а. п. *b* в презенсе представлен сдвиг ударения в сторону а. п. *c*. В результате у **соблазнити, ощютити, просвѣтити, совокупити** и у некоторых слабо засвидетельствованных слов встретилось ударение только по а. п. *c*. У **томити, стоупити, молити** акцентовку по а. п. *c* имеют отдельные формы. Акцентовка *могут* известна в современных говорах на юго-востоке, востоке и крайнем юго-западе. Сдвиг ударения вправо, помимо *i*-глаголов, отмечен в одной-двух формах глаголов **искати, писати**.

У глаголов а. п. *c* в формах настоящего времени отмечен сдвиг ударения в сторону а. п. *b*. У части глаголов они демонстрируют начало перехода в другую акцентную парадигму, имеющуюся в современном языке (**-гроузити, -держати, -крѣпити, -лоучити, -терпѣти, -моучитисѧ**). У других глаголов сдвинутое влево ударение отражает южнославянскую акцентовку или обусловлено особыми причинами (**-гоувити, -клонити, -ложити, -срамити, -творити, -троудити**). Помимо этих двух групп слов, у которых сдвиг ударения влево встречается в разных памятниках, то же самое явление в одной-двух формах отмечено у глаголов **дагати, пещисѧ, причаститисѧ, посѣтити, тещи** и др. Сдвиг ударения влево, что является отражением южнославянской акцентовки, засвидетельствован у глаголов двух других акцентных парадигм. Возможно, она была в оригинале (или оригиналах) Овч-530. Поэтому в тех же самых словоформах как вариативный писец проставляет второй акцентный знак, соответствующий привычному ударению (**прѣдѹгѹтѹвити, оуѹгѹтѹвшисѧ, рабѹтати, страдѹати, показѹати, тѹчити, трѣпещютъ**).

Достаточно интересные наблюдения по указанным явлениям можно сделать при сравнении акцентуации глаголов в повторяющихся текстах.

лл. 166 об.—168

молисѧ

прогнѣваѣ^T

внѣмаѧ

престѹпѣше

всѣжденъ

надѣмсѧ

лл. 157 об.—161 об.

внѣ/маѧ

припасѣти

тѹчити

рабѹтати

погасѣ^Tволагѣ³ти

лл. 166 об.—168

мѹ/лисѧ

прогнѣваѣтъ

внѣмаѧ

престѹпѣша

осѹжденъ

надѣсѧ^M

лл. 245 об.—250

внѣмаѧ

припасѣти (с правкой)

тѹчити

рабѹ/тати

оугасѣтъ

вола/гѣти³

пристѣпнѣмъ	пристѣпнѣ
рабѣдати (так!)	рабѣдати
имѣемъ	имѣемъ
печѣтса	печѣтса
посѣ/тѣтѣ	посѣтѣ ^Т
пострамнѣса ^Т	посрамнѣтса
испѣщаѣ ^Т	испѣщаѣтѣ
исполнѣше	исполнѣше
помѣннѣ	помѣннѣ
любѣщи ^М	любѣщи ^М
расточѣннѣ	расточѣннѣ
истѣбѣтѣ	истѣбѣтѣ
понѣждаютѣ	понѣжаю ^Т
помрачаютѣ	помрачаю ^Т
лѣжа	лежа
помнѣннѣ	помнѣннѣ

Одни и те же явления отмечены во всех четырех текстах, однако чуть чаще они отмечаются во втором парном тексте, каждый из которых озаглавлен как «Поучение...».

Акцентуация причастий в целом не отличается от той, которая представлена в других памятниках. Кроме того, малочисленность форм делает картину фрагментарной. Следует отметить частичное сохранение старого ударения в «группе *стоя*», а также корневое ударение у *-en*-причастий от глаголов а. п. с.

Отмечаемый в императивах глаголов а. п. *b* и *c* сдвиг ударения влево представлен в памятниках западной зоны и дальнего северо-востока.

Акцентуация глаголов с неслоговым корнем скорее соответствует картине, отмечаемой в западной зоне и на юге восточной зоны.

В рукописи засвидетельствовано флексивное ударение на фоне обычного ударения на суффиксе у глаголов с постоянным ударением на тематическом элементе и у вторичных имперфективов. Так как спиритус в этой позиции писец не ставит, можно было бы предположить, что он сильно сдвинул акцентный знак, поскольку его постановка левее или правее гласной встречается нередко. Однако показательны случаи поставки оксии именно над гласной окончания при наличии выносной буквы (*сѣѣ^Т*). По видимому, у этих глаголов все же обозначено флексивное ударение.

Л и т е р а т у р а

Атлас 1986 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 1 «Фонетика». М., 1986.

Атлас 1989 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 2 «Морфология». М., 1989.

Дементьева 1973 — В. И. Дементьева. Конструкции с глагольной формой **есть** (от **быть**) в современных русских говорах на территории северо-запада: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.

Зализняк 1981 — А. А. Зализняк. Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в. // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии. М., 1981. С. 89—174.

Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Карский 1979 — Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. М., 1979.

Котков 1959 — С. И. Котков. Конструкция типа «земля пахать» в истории южновеликорусских говоров // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 18. Вып. 1. М., 1959. С. 45—53.

Котков 1963 — С. И. Котков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология). М., 1963.

Крысько 1994 — В. Б. Крысько. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

Кузьмина 1993 — И. Б. Кузьмина. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.

Кузьмина, Немченко 1968 — И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. К вопросу об употреблении *есть* в русских говорах // Мат-лы и исслед. по ОЛЯ. М., 1968. С. 144—170.

СДЯ 2000 — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 6. М., 2000.

СлРЯ 1988 — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 14. М., 1988.

Срезневский 2 (2) — И. И. Срезневский. Словарь древнерусского языка. Репринт. изд. Т. 2. Ч. 2. М., 1989.

СРНГ 1990 — Словарь русских народных говоров. Вып. 25. Л., 1990.

Шевелева 2002 — М. Н. Шевелева. Судьба форм презенса глагола **быти** по данным древнерусских памятников // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2002. № 5. С. 55—72.

Шевелева 2008 — М. Н. Шевелева. О судьбе древнерусских конструкций с независимыми формами глагола **быти** в русском языке // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2008. № 6. С. 34—57.

IRINA MAKEYEVA

ACCENTUAL MICROSYSTEM
IN A RUSSIAN MANUSCRIPT OF 17TH CENTURY

This paper discusses the accentuation of verbs in different forms (Present, Imperative, Infinitive, Preterit, Participles) attested in a 17th century monastic-miscellany codex consisting of texts of various genres. The manuscript demonstrates a number of North Russian dialectal features, probably belonging to the original, as well as South Russian features stemming from the scribal native tongue. Of special interest in the manuscript is the assignment of two stresses to one word. In this way the vacillation between the South

Slavic and Russian models is reflected. There are a number of deviations from the standard accentual paradigms *a*, *b*, *c*. Some of them have also been observed in other Russian 17th century texts: the full-scale transition of *b*-accentuated verbs into paradigm *c* and vice versa, the accentual variations in individual forms of the present according to the model *мѣрнѣтъ* — *мѣрнѣтъ*, desinential stress of the *a*-accentuated verbs, stress retraction in the imperative, and others. Other deviations are dialectal (*могѣтъ*) or individual (*ищѣтъ*).

Keywords: Old Russian accentuation, Russian manuscripts, dialect variations.

В. Л. ВАСИЛЬЕВ

ВРЁВ И УРЁВ (ЭТИМОЛОГИЯ, СЕМАНТИКА, АРЕАЛ)*

В настоящей статье предлагается комплексный анализ ряда топонимов и народных географических терминов, имевших единые истоки, но заметно разошедшихся в процессе исторического развития. Здесь, видимо, один из тех случаев, когда данные исторической лексикологии и исторической ономастики, будучи максимально полезными друг другу, приводят к взаимному обогащению выводов.

Географические названия с основой *Врев-/Врѣв-*, преимущественно гидронимические, в немалом количестве зафиксированы на Русском Северо-Западе. Приведу имеющийся у меня топонимический материал. В окрестностях города Луга Ленинградской обл. находится крупное оз. *Врёво*, указанное еще новгородской писцовою книгой 1498 г.: «Д. Бродъ на *Вревѣ* озерѣ», Дремяцкий погост Шелонской пятины [НПК IV: 133], а рядом с ним, в Петровском погосте, д. *Врѣво* [НПК V: 26]. Неподалеку от этого озера есть рч. *Врёвка*, или, по гидронимическому собранию Д. Ф. Шанько [Шан. РЛЮ: 180], — *Веревка*, л. пр. Луги. Речка *Врёвка* связана с оз. *Врёво* гидрографически, хотя и опосредованно, через цепь других водоемов: оз. *Врёво* по протоке Быстрица стекает в оз. Черемнецкое, имеющее сток по протоке Ропотка в оз. Большое Толони, из которого начинается рч. *Врёвка*. Следовательно, и названия водоемов могут быть соотносительны, причем *Врёвка* допустимо трактовать как результат вторичной номинации по лимнониму *Врёво*. Кроме того, есть еще одна рч. *Вревка*, впадающая в оз. *Врёво* [Там же: 189], название которой опять же объяснимо лимнонимом.

Другое оз. *Врёво* лежит в бассейне Ловати, к югу от города Холм. На северном его берегу стоит д. *Врёво* (Торопецкий р-н Тверской обл.), из озера вытекает речка, носящая производное от лимнонима название *Вревица*, или, по данным [Шан. РЛЮ: 144], — *Ревца*, п. пр. Сережи, п. пр. Куньи, п. пр. Ловати. В материалах писцового описания Торопецкой земли 1540/41 г. в этой местности значится селище *Врево* Казаринской волости [ПКНЗ 4: 594; Янин 1998: 194, 196].

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 04-08-0283а.

Рч. *Ревка*, л. пр. Уды, п. пр. Сороти, п. пр. Великой, в средневековый период называлась *Вревка*: писцовая книга по Пусторжевской земле 1583 г. отмечает дд. Горка, Крутошка, Грани, Костоломово на р. Вревке [Янин 1998: 144, 146], хотя современный атлас Псковской обл. указывает эти пункты (дд. Большая Горка, Малая Горка, Крутошки, Грани, Костолом) на рч. Ревке.

На рч. Белке, п. пр. Шелони, стоит д. *Врёво* Дновского р-на Псковской обл., по спискам селений 1885 г. (сведения 1872—1877 гг.), она числилась в Бельской волости Порховского уезда [СНМРИ 34: № 10968]. В Порховском же уезде бывшей Псковской губ. была еще одна д. *Вревка*, иначе — *Релка*, при колодце в Лихачевской волости [Там же: № 10994]. Иных исторических сведений об этих пунктах, к сожалению, не найдено.

Из рассматриваемой топонимии, конечно, наибольшую историческую известность приобрело название древнего города *Врев* к югу от Пскова. Город и его жители, *вревичи*, отмечен под 1426 г. в 1-й и 2-й Псковских летописях [ПСРЛ IV: 204; ПСРЛ V: 25], в списке древнерусских городов, созданном в конце XIV в., отнесен к числу Залесских [ПСРЛ VII: 241]. По данным псковских писцовых книг 1585—1587 гг., в XVI в. Врев считался уже городищем, не имевшим наместничьего двора, являлся одним из псковских «пригородов», значился центром Вревского уезда [Янин 1998: 127—128; ПОС 5: 37]. Расположен у оз. *Вревское* и рч. *Вревка*, о которых письменность сообщает с конца XVI в., см. [ПОС 5: 37]. Сегодня на месте древнего города осталась д. *Врёв* (Островский р-н Псковской обл.) рядом с рч. *Врёвка*, п. пр. Великой, в источниках XIX — начала XX вв. речка именовалась еще *Веревка* [Шан. РЛЛО: 201].

Средневековая письменность фиксирует еще несколько топонимов на *Врев-*, о которых современных сведений не найдено. Д. *Вревка* на р. Луге числилась в Дмитриевском Городенском погосте Водской пятины под 1500, 1539/40, 1582 гг., а Экономические примечания к плану Лужского уезда Санкт-Петербургской губ. отмечают на месте этой деревни пустошь *Вревка*, см. [Селин 2003: 159, табл. 13]. Д. *Врева* отмечена под 1539 г. в Бельском погосте Шелонской пятины [НПК IV: 418], под 1576 г. в этом же погосте указаны д. *Врево* (*Врева*), д. «во *Вреве*» и починок *Вревка* [НПК V: 625, 626, 628, 632].

Таким образом, перечисленные названия имеют отчетливо выраженное региональное распространение: они концентрируются в бассейнах рек Луги, Плюсы, Великой, Шелони и Ловати, исторически — во владениях древних Пскова, Новгорода и Торопца. Эти названия, архаичность и непродуктивность которых не вызывает сомнений, уже привлекали внимание исследователей.

А. А. Зализняк допускает возможность этимологического отождествления извлеченной из НПК топонимии *Врево*, *Врева*, *Вревка*, с одной стороны, и *Веревка*, *Веревкино*, с другой. Названия на *Врев-* можно, по этой гипотезе, связать со славянским обозначением *веревки*, если предположить

отражение ими специфически древненовгородского рефлекса типа *TroT* [Зализняк 2004: 52]. В соответствии с данным рефлексом основа исходного слова **вьрв-* (др.-рус. *вьрвь*) приобрела бы облик **врѣв-* и затем *Врев-*, тогда как в общерусском использовании закрепился рефлекс «второго полногласия»: **вьрв-* > **вьръв-* > *верев-*, *Верев-*. В. Н. Топоров, обращаясь к псковским топонимам *Вревка*, *Врев*, предполагает в них балтизм (из балт. **Virv-*) и сравнивает с литовскими названиями рек *Virvytė*, *Virvyčią*, *Virva*, д. *Virvagaliai*, латгальскими *Virvelas*, *Virvjali*, *Verliškas*, *Вервели* и др. [Топоров 2001: 17]. Следовательно, объяснение Топорова тоже исходит из обозначения веревки, но уже на балтийской языковой почве, поскольку приведенные им примеры легко трактуются по связи с лит. *virvė*, лтш. *virve* ‘веревка’ (близкородственными, кстати говоря, слав. **вьръвь*).

Иначе думает В. П. Нерознак по поводу названия древнепсковского города *Врев*: «Вероятно, от др.-рус. *врѣти*, *врѣти* ‘кипеть’», не вдаваясь в детали более полного и тщательного обоснования этой идеи [Нерознак 1983: 50], как выяснилось впоследствии, весьма перспективной. Из такой же мысли исходит С. Е. Мельников, краевед, журналист, автор популярной книги о псковских географических названиях, который пишет об имени селения *Врев* следующее: «“Врев” — ключ-кипун, родник. “Вреть” по-древнерусски значит кипеть» [Мельников 1984: 40]. Впоследствии А. М. Мурзаев, повторяя Мельникова, в своем словаре географических терминов ошибочно дает псковский термин *врев* ‘ключ, кипун, родник’ [Мурз. СНГТ 1: 138]. В авторитетных собраниях диалектной лексики Русского Северо-Запада (ПОС, НОС, СРНГ, СРГК и др.) такого слова, однако, не найти, псковские и новгородские говоры его, по-видимому, не знают. Очевидно, мы встречаемся здесь с изобретением нового диалектного слова, ставшего результатом «кабинетной апеллятивизации» — восприятия географического названия в качестве географического термина.

Мнение о топооснове *Врев-* как о балтизме сомнительно уже хотя бы потому, что балтизмы ожидаемы либо единично, либо спорадически в разрозненных точках значительного балтийского этноисторического пространства в Восточной Европе; здесь же мы видим систематическую совокупность фактов ограниченного псковско-новгородского ареала. Фонетический аспект тоже уязвим: преобразование *Врев-* из балт. **Virv-* на славянской почве нерегулярно и требует допущения. Трудно согласиться также с мыслью о становлении топоосновы *Врев-* из др.-рус. *вьрв-*: остается открытым вопрос, почему в рассматриваемом случае особый древненовгородский фонетический процесс отразился только в топонимии, тогда как нет ни одного примера проявления его в исходных апеллятивах-мотиваторах; более того, в одной из новгородских грамот на бересте (№ 133, начало 80-х гг. XIV в.) мы находим словоформу «*вѣрвки*» [Зализняк 2004: 599] в привычном полногласном облике.

Впрочем, мотивационную связь топонимии на *Врев-* с обозначением веревки отрицать нельзя, судя по вариантности названий *Врѣвка/Верѣвка*

применительно к речкам бассейнов Луги и Великой, см. выше. Но связь эту следует признать не этимологической, а «народно-этимологической», поскольку вариант *Верёвка* в обоих случаях — это побочное приращение позднего времени на фоне издревле зафиксированного главного варианта *Врёвка*. Сближение со словом *верёвка* выглядит естественным не только благодаря фонетическому сходству, но и потому, что на Русском Северо-Западе с обозначением веревки действительно могут быть метафорически связаны отдельные гидронимы и ойконимы, как, например, в случае с рч. *Бёревка*, л. пр. Ижоры, л. пр. Невы, у берегов которой стоят дд. *Большое Бёрево*, *Малое Бёрево*, ж.-д. ст. *Бёрево* Гатчинского р-на Ленинградской обл., ср. диал. *бёрево* — то же, что *бёрва* ‘толстая просмоленная нитка; дратва, веревка’ [СРНГ 4: 123, 126]. Ср. еще рч. *Верёвка*, впадающая в оз. Боручье бассейна Мсты (Окуловский р-н Новгородской обл.), притом, что есть название р. *Оборля* бассейна Ловати (Холмский р-н Новгородской обл.), соотносимое с диал. *обора*, *оборка* ‘завязка, веревка’.

Если обратиться к этимологии топоосновы *Врев-/Връв-*, то следует вести речь о древнем географическом термине, который появился и функционировал в раннеславянских говорах будущих Псковской и Новгородской земель (в западной части последней) и был закреплён в качестве топонимов, чаще гидронимов, на данной территории. Этот диалектный термин я вижу образованием от др.-рус. *вьръти*, *вьрю* ‘кипеть’, ‘бурлить’, ‘колебаться’ [Срезн. МСДРЯ I: 321; СлРЯ XI—XVII 3: 110; СДРЯ XI—XIV 2: 271]. Детали деривации, впрочем, не очевидны, есть две возможности объяснения. Если ориентироваться на вариант топоосновы *Врев-*, обычно фиксируемый в исторической документации, то можно вести речь о редком архаическом образовании с суффиксом *-ев-* (< *-ов-*) от основы настоящего времени глагола *вьръти*. Структурно-словообразовательным аналогом видится здесь др.-рус. *дешевъ*, рус. *дешевый*, возводимое к глаголу *десити*, *дешю*, ср. ст.-слав. *дѣсити*, *дѣшж* ‘находить, встречать’, сербохорв. *удѣсити* ‘направить, наладить’ и др. [Фасм. ЭСРЯ I: 505, 509; Черн. ИЭСРЯ I: 247—246]. Если же иметь в виду единично представленное *Връво* в писцовой книге 1498 г., то появляются основания говорить о присоединении суффикса *-в-* к основе прошедшего времени на *-ѣ* исходного глагола. В пользу этой версии свидетельствует наличие польск. *wrzawa* ‘шум, гам, суматоха’, чеш. *vřava*, болг. *врява*, сербохорв. *vъreva* ‘давка, сутолока’, макед. *вријавец* ‘толкучка, давка’, на основе которых была реконструирована структура **vъgъva* как производное от **vъrĕti* [Vaillant 1974: 716]. Современные формы рассматриваемой топонимии, как и средневековые, тоже показывают двойственность огласовки: ср. приведенные выше *Врёво* оз. и *Врёвка* р. Лужского р-на, *Връво* д. Дновского р-на, *Връв* д. Островского р-на, соответствующие топооснове *Врев-* писцовых книг, наряду с *Врёво* д. и оз. Торопецкого р-на в соответствии со средневековой *Връво*. В сущности, опираясь прежде всего на указанные западно- и южнославянские факты, можно предположить, что и на псковско-новгородской территории

первоначальной все же была топооснова *Врѣв-* (< **врѣв-*), но эта топооснова очень рано, в большинстве случаев до XVI в., претерпела изменение вокализма *ѣ > е*.

Это прилагательное архаического типа, первоначально имевшее тесную связь с мотивирующим глаголом *врѣти* ‘кипеть’, ‘бурлить’, очевидно, обозначало в раннеславянских говорах Русского Северо-Запада, в отличие от других регионов Славии, качество места с омутом, водоворотом в водоеме или любого места, где клокочет, бурлит вода. На исконное адъективное качество топоосновы намекает и такая морфологическая ее особенность, как мена флексий по роду опорного термина, проявленная топонимией: город ~ *Врев*, озеро ~ *Врево*, деревня ~ *Врева*. Номинации омутов, водоворотов, источников на базе праслав. **vrěti* вообще достаточно регулярны (ср. праслав. **virь*, различные продолжения которого знают все группы славян, сербохорв. *vrело*, словен. *vrélec*, др.-рус. *в(ь)рутьць*, рус.-цслав. *врѣтъкъ* и т.п., см. материал из [Толстой 1969: 212—213; Срезн. МСДРЯ I: 315; Васильев 2001: 123—128; Фасм. ЭСРЯ I: 318, 362]), в рамках этой номинативной модели водные термины с основой **врѣв-* (> *Врѣв-/Врев-*) выглядят лишь структурно-словообразовательной инновацией ранних славян псковско-новгородского ареала. Древнерусский облик топоосновы с редуцированным гласным средневековая письменность не сохранила не только потому, что соответствующие топонимы впервые фиксируются лишь в XV в., но, очевидно, и по той причине, что данная топооснова еще в древнерусскую эпоху потеряла мотивационную связь с глаголом кипения, клокотания *врѣти*, который, как представляется, рано утратил функционирование в русском языке и сегодня в русских говорах проявляется минимально, разрозненно и с иными значениями: диал. *вреть*, *врею* ‘принимать, приставать’ (Черепов. Новг., 1910), ‘сильно потеть’ (Севск. Орл.) [СРНГ 5: 193].

Вместе с тем обнаруживается, что продолжения древнего псковско-новгородского прилагательного на **врѣв-* не ограничиваются лишь совокупностью перечисленных топонимов. Потерявший смысловую связь с производящим глаголом, подвергшийся субстантивации, переживший фонетические трансформации, исходный адъектив продолжаетеся в ряде народных географических терминов. Основную группу этих терминов составляют лексемы с начальным *у*: *урѣв* новг. ‘круча’ (Дем.) [НОС 11: 96], ‘пучина, вязкое место’ («Глубокая лужа, там и лес, там спускаешься, там и пучина, вязкое место», д. Каменка, Демянский р-н) [А, 1994], твер. ‘место слияния двух рек’ (Селижаровский р-н) [ТвК], ‘обрыв, овраг’ («Обрывы раньше звались урѣвы», Ржевский р-н) [ОСГКО: 270], моск. ‘место слияния двух речек или впадения реки в озеро’ (Загорский р-н) [Ив. СГП: 519], влад.-пересл. ‘место слияния двух ручьев, речек’, южн. ‘множество’, ‘гибель, пропасть, бездна’ [Даль СЖВЯ 4: 507], *урѣв* ‘глубокий и большой овраг’ (д. Сухая Орча Молодотудский р-н, записи 1937—1940-х гг.), арх. ‘обрыв’ (с. Усьянско-Дмитриевское, Сев.-Двин., 1928 г.) [КСРНГ], забай-

кальск. ‘глубокое место около берега’ [Эл. СРГЗ: 428]. Сюда же еще твер. *урёво* ‘овраг’ («так раньше звали», д. Нежники, Осташковский р-н) [КСРНГ], твер. *урёвый берег* ‘крутой берег’ (Осташковский р-н) [ТвК]. Данная терминология известна и в топонимическом преломлении: д. *Урэвы* Осташковского р-на Тверской обл., *Урёв* как название урочища (базы отдыха) на северном берегу Плещеева оз. в Переславском р-не Ярославской обл.

Анлаутный *у* в перечисленной терминологии и топонимии — результат лексикализации фонетического процесса *в > у* в позиции начала слова перед согласным: *урёв-*, *урёв-* < *врєв-/врѣв-*. Процесс вокализации губного *в* характеризует говоры юга Псковской обл. (не севернее Опочки, Новоржева, Холма), запада Тверской обл. (не восточнее Осташкова, Ржева), всей Смоленской обл. и отчасти говоры более южных регионов, см. [ДАРЯ I: карта 57]. Таким образом, географические термины с основой *урёв-*, *урєв-* возникли там, где на часть древнего лексического ареала *врєв-/врѣв-* (< **врѣв-*) наложился фонетический ареал вокализации начального губного. Пересечение двух ареалов, очевидно, следует отнести к территории распространения современных западнотверских и южнопсковских говоров. Главным образом на этой территории (западная половина Тверской обл. и примыкающий к ней Демянский р-н Новгородской обл.) преимущественно локализуется терминология и топонимия *урёв*, *урёв*, *Урэвы*, *урёво*, *урёвый* (берег). Севернее западнотверского ареала вокализация *в > у* не происходит, и здесь мы встречаем лишь старую топонимию на *Врєв-*, отражающую более ранний облик исходной основы. Кроме того, вне зоны отмеченного анлаутного перехода *в > у*, но рядом с ней, был записан также и соответствующий географический термин с сохраненным начальным звуком *в*: калуж. *врєв* ‘овраг’ (Мосальский уезд) [СРНГ 5: 193]. Согласный *р* в этом слове отвердел скорее не по фонетической причине, а благодаря контаминации с термином *ров*.

Лексикализация фонетического изменения *в > у* за основой *врєв-/врѣв-* привела к отрыву новообразований на *урёв-*, *урёв-* от топонимизированных форм на *Врѣв-*, *Врєв-*, *Врѣв-*, породила новые географические термины, которые в процессе исторического развития разнеслись далеко за пределы очага своего возникновения и обогатили разнообразие своих значений. С территории современных западнотверских говоров новообразованные термины продвинулись на восток — до восточного Подмосковья, Ярославской и Владимирской обл., спорадически они «всплывают» и в более отдаленных регионах, см. забайкальск. *урёв*¹.

Развитие семантического спектра терминологии *урёв*, *урёв*, *урёво*, *урёвый* (берег) протекало в русле регулярных семасиологических переходов,

¹ К забайкальским материалам из словаря Л. Е. Элиасова, впрочем, следует относиться с разумной осторожностью. Было показано, и вполне убедительно, что часть слов, содержащаяся в этом словаре, была заимствована автором из других источников и превращена в «забайкальские», см. [Ан. ЭСРДС: 17—26; Аникин 2002: 31—46].

на базе основного, исходно-этимологического смысла, заданного значением ‘кипеть, клокотать’ глагола *вьрѣти*. Комплекс значений, проявляемый данными терминами, — ‘круча, обрыв’, ‘пропасть, бездна’, ‘омут, пучина’, ‘глубокое место’, ‘водоворот’, ‘место слияния речек, ручьев (где образуются водовороты)’, ‘топкое, вязкое место’ — вообще характерен для обозначений омутов и водоворотов, ср., к примеру, подобное разнообразие взаимосвязанных значений у терминов *вир*, *омут*, *бук*, *бучало*, *круча* и др. по данным: [Толстой 1969: 100, 212—215; Васильев 1999: 214—226; 2000: 414—427; 2001: 107—113; 118—119; 123—128]. В этом семантическом спектре находит свое объяснение даже значение ‘множество’ у слова *урѣв* из словаря В. И. Даля: оно тоже несомненно предполагает первичное ‘омут’, ср. новг. *до омута* — ‘много’ [НОС 6: 169]. Весьма показателен тот факт, что семасиологическая структура данных терминов в большинстве своих звеньев совпадает со структурой значений термина *вир* и его дериватов, которые в плане словообразования тоже соотносятся с производящим глаголом *вьрѣти*. Помимо основных значений ‘омут’, ‘водоворот’, известны еще укр. диал. *вир* ‘крутой отвесный берег’, ‘глубокая яма’, ‘углубление на месте водоема’, *винок* ‘впадина’, *вир* ‘долина между двумя горами’ [Марусенко 1968: 221, 222], пск. *вир*, *виры* ‘провал в болоте’ [Кузнецов 1915: 12], *вир* ‘холм’, ‘изгиб реки, излучина’, *вирень*, *виренья* ‘глубокое место’, *вирь* ‘пучина, бездна’, *виріна* ‘окно в болоте’, *вировщина* ‘низкое место’ и др. [ПОС 4: 23] (полная сводка значений *вир* вкуче с его производными дана в [Васильев 2001: 123—128]).

В эволюции древней основы *врѣв-/врѣв-* (< **вьрѣв-*) начальный согласный мог не только вокализироваться в звук *у*, но и вовсе утратиться (вероятно, через произношение губно-губного *w*). Ср. в гидронимии: *Ревка* как вариант *Вревка* в бассейне Великой, *Ревца* как вариант *Вревца* в бассейне Ловати. В терминологии этот процесс утраты иллюстрирует укр. диал. (полесск.) *рэва* ‘омут, водоворот’, а также ‘шум’ [Никончук 1979: 42] (< **вьрѣва*). Укр. *рэва* является отчетливым восточнославянским дополнением к ряду указанных выше западно- и южнославянских слов, обозначающих ‘шум, гам, суматоха, сутолока’ (< **вьрѣва*), важно и то, что оно очевидным образом сопрягает эти обозначения с рассматриваемой гидрографической терминологией и топонимией. Очевидно, к этому же этимологическому гнезду относятся еще *рѣвка* ‘высохшее место посредине реки’ (Устюж. Волог., 1898), *рѣвка* ‘песчаный мыс на реке’ (Шенк. Арх., 1905—1921), *ревка* ‘хвойный бор, сосняк, ельник’ [СРНГ 35: 8] (< **вьрѣвѣка*). В последнем случае обозначение хвойного леса вторично и отсылает к обозначению высокого места, склона (где нередко растет хвойный лес).

Как следует из приведенных данных, лексические факты, как и более старые топонимические, показывают двойственный вокализм: *вров*, *урѣв*, *урѣвий*, *урѣв*, *урѣво*, *рэва*, *рѣвка*, *рѣвка*. Это обстоятельство, во-первых, дополнительно подтверждает генетическое тождество исследуемых топонимов и терминов, сохраняющих общую деталь вокализма, во-вторых, окон-

чательно склоняет к принятию в качестве первичной для всех этих лексем основы **вьръв-*, позволяющей объяснить отсутствие перехода *e > o* в целом ряде случаев. Случаи же отражения гласного *e > ě* (*Врев-*, *вров-*, *урĕв-*, *рĕв-*) объяснимы сближением **вьръв-* с основой *рев-* (> *рĕв*), последняя, кстати говоря, тоже имеет неустойчивый гласный, ср. диал. *рĕва* и *рэва* 'крикун, горлопан, громко разговаривающий человек' [СРНГ 34: 366]. Не только фонетическое сходство послужило основанием для такой контаминации, но и сама близость значений 'шум, гомон' (см. укр. диал. *рэва*, польск. *wrzawa*) и 'рĕв' и пересечение с ними значения 'омут, водоворот' гидрографических терминов, нередко указывающих на шумящие (ревущие) места в водоеме.

При этимологическом анализе топонимии с основой *Врев-*, разумеется, нельзя игнорировать особенности семантической эволюции терминологии на *урĕв-*, *урĕв-*, *рĕв-*, *рĕв-*. Очевидно, не только исходный, заданный глагольной семантикой, признак качества места в водоеме (с омутом, водоворотом или глубокое место) мог лечь в основу топонимической номинации в рассматриваемом случае, но и характерное для терминологии указание на крутой склон, возвышенность, крутой берег водоема. Кое-что в этом плане подсказывают физико-географические особенности самих локусов, к которым прикреплены топонимия: так, оз. *Врĕво* возле города Луга почти на всем протяжении имеет высокие, крутые, иногда обрывистые берега, д. *Врĕво* в Торопецком р-не стоит в живописном месте на крутом берегу одноименного озера, город *Врĕв* к югу от Пскова располагался на высоком крутобоком холме.

В этноисторическом аспекте, обращает на себя внимание, главным образом, то обстоятельство, что очаг формирования исследуемой топонимии и лексики находился там, где обычно помещают северных (псковских) кривичей, с которыми связывают формирование культуры псковских длинных курганов [Седов 1999: 127, 130]. Отсюда появляется мысль о **вьръв-* в значении географических терминов как о севернокривичском диалектизме.

Литература и источники

- А, 1994 — собственные полевые записи автора в 1994 г.
- Ан. ЭСРДС — А. Е. Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000.
- Аникин 2002 — А. Е. Аникин. Еще раз о «Словаре русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова // Лексический атлас русских народных говоров (Мат-лы и исследования) 1999. СПб., 2002. С. 31—46.
- Васильев 1999 — В. Л. Васильев. Наблюдения над русской гидрографической лексикой (типология названий водоворота) I / Отв. ред. А. Золтан // *Studia Russica XVII*. Budapest, 1999. С. 214—226.

Васильев 2000 — В. Л. В а с и л ь е в. Наблюдения над русской гидрографической лексикой (типология названий водоворота) II / Отв. ред. А. Золтан // *Studia Russica XVIII*. Budapest, 2000. С. 414—427.

Васильев 2001 — В. Л. В а с и л ь е в. Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки). Великий Новгород, 2001.

Даль СЖВЯ — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998.

ДАРЯ I — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М., 1986.

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995—2003 гг. М., 2004.

Ив. СГП — А. Ф. И в а н о в а. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований, СПб).

Кузнецов 1915 — И. Д. К у з н е ц о в. Рыбопромышленный словарь Псковского водоема. Пг., 1915.

Марусенко 1968 — Т. А. М а р у с е н к о. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов) // *Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика)*. М., 1968. С. 206—255.

Мельников 1984 — С. Е. М е л ь н и к о в. О чем говорят географические названия: Историко-лингвистические и краеведческие заметки. Л., 1984.

Мурз. СНГТ — Э. М. М у р з а е в. Словарь народных географических терминов. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1—2. М., 1999.

Нерознак 1983 — В. П. Н е р о з н а к. Названия древнерусских городов. М., 1983.

Никончук 1979 — М. В. Н и к о н ч у к. Материалы до Лексичного атласу української мови: Правобережне Полісся (Словник). Київ, 1979.

НОС — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1—12. Новгород, 1992—1995; Вып. 13. Великий Новгород, 2000.

НПК — Новгородские писцовые книги, изд. императорской Археографической комиссией. Т. I—VI. СПб., 1859—1910.

ОСКО — Т. В. К и р и л л о в а, Н. С. Б о н д а р ч у к, В. П. К у л и к о в а, А. А. Б е л о в а. Опыт словаря говоров Калининской области / Под ред. Г. Г. Мельниченко. Калинин, 1972.

ПKNЗ — Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К. В. Баранов. Т. 1—5. М., 1999—2004.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1—14. Л., 1967—2004 (издание продолжается).

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

СДРЯ XI—XIV — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1988—2008 (издание продолжается).

Седов 1999 — В. В. С е д о в. Древнерусская народность. М., 1999.

Селин 2003 — А. А. С е л и н. Историческая география Новгородской земли в XVI—XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—28. М., 1975—2008 (издание продолжается).

СНМРИ 34 — Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. 34. Псковская губерния. СПб., 1885.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1—6. СПб., 1994—2005.

Срезн. МСДРЯ — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. СПб., 1893—1912; Т. 1—3. М., 1958.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Соколенова. Вып. 1—38. М.; Л., 1965—2004.

ТвК — Картотека Тверского словаря (Селигер) (хранится на филологическом ф-те СПбГУ).

Толстой 1969 — Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М., 1969.

Топоров 2001 — В. Н. Топоров. К вопросу о «новгородско-литовском» пространстве и его языковой характеристике (по материалам XIII—XV вв.) // *Res Balticae* 7. Pisa, 2001.

Фасм. ЭСРЯ — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачев. Т. 1—4. М., 1986—1987.

Черн. ИЭССРЯ — П. Я. Черных. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1999.

Шан. РЛЮ — Д. Ф. Шанько. Реки и леса Ленинградской области. Л., 1929.

Эл. СРГЗ — Л. Е. Элиасов. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

Янин 1998 — В. Л. Янин. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII—XV вв. М., 1998.

Vaillant 1974 — A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves. T. IV. La formation des noms. Paris, 1974.

VALERY VASIL'EV

VR'EV AND UR'EV

(ETYMOLOGY, SEMANTICS, GEOGRAPHIC DISTRIBUTION)

The article presents a detailed analysis of place names and dialectal geographical terms with the stems *врѣв-/врѣв-* and *урѣв-*. These lexemes which are characteristic of the Pskov-Novgorod area are derived from the verb *vrěti* 'boil, seethe'. The author demonstrates the etymological identity of the toponyms *Врев*, *Врево*, *Врѣво* and the terms *Урев*, *Урево* and reconstructs the sources of the phonetic differences between them. Specific characteristics of their derivation, territorial distribution, and semantic evolution are also discussed.

Keywords: toponymy geographical terms Russian Northwest etymology semantics areal distribution.

Я. А. ПЕНЬКОВА

**ИМПЕРАТИВ *БУДИ* В ПАМЯТНИКАХ XV ВЕКА:
К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ
МЕСТОИМЕНИЙ НА *-НИБУДЬ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

0. Одной из ярчайших особенностей форм императива является, как известно, способность к образованию большого количества производных значений (см., например, [Князев 2007: 109]). Так, транспонированные формы императива от глаголов *хотѣти*, *пѹстити*, *быти* (*хоти*¹, *пѹсти*², *бѹди*) в ходе истории русского языка подверглись переосмыслению: первые две — как союзы и частицы с уступительным значением, а последняя вошла в состав местоимений в качестве форманта со значением неопределенности.

Настоящая работа посвящена исследованию семантических и синтаксических особенностей транспонированных императивных форм от основы *буд-* в деловых и летописных памятниках XV в. Все глагольные образования от основы *буд-*, как показано в [Горшкова, Хабургаев 1997: 312—319; Мустафина 1984], обладают модальным значением «возможного обнаружения признака в будущем». Форма императива *буди* вызывает особый интерес, поскольку уже в ранних памятниках она фиксируется не только в императивном и оптативном значениях, но и в производном от них уступительном значении. А с XV в. в памятниках появляются не встречающиеся в текстах более раннего периода структуры с обобщенно-уступительным значением типа местоимение/наречие + *ни* + *бѹди*, из которых в дальнейшем возникают неопределенные местоимения с формантом *-нибудь*.

Эти структуры являются наиболее распространенным типом употребления *буди* в исследованных памятниках XV века: из 42-х случаев употребления *буди*, зафиксированных в московских (ДДГ) и новгородско-псковских (ГВНП) грамотах, датированных XV в., а также в Строевском списке Пск. 3 лет., в 32-х контекстах рассматриваемая форма входит в состав структуры местоимение + *ни* + *бѹди*.

¹ Об эволюции императива *хоти* см. [Потебня 1977: 180].

² Об уступительном союзе *путь*, возникшем из императива *пѹсти*, см. [Санников 2008: 445—454].

Принадлежность памятников диалектным зонам центра и северо-запада позволяет выявить различия в употреблении конструкции мест. + **ни** + **буди**, которые прослеживаются на нескольких уровнях: 1) различия в механизмах объединения частей структуры, связанные с разным просодическим статусом частицы *ни*; 2) различия в частотности употребления рассматриваемой конструкции в памятниках центра и северо-запада; 3) различия в семантических типах употребления структуры мест. + **ни** + **буди**.

Различия в просодическом статусе частицы *ни*

1. Как показано в [Зализняк 2004: 185—206], противительная частица *ни*, синонимичная более древней частице *нь* (**По погостомъ и по слободамъ, гдѣ нь соуть хр(н)стияне** Устав Владимира о десятинах, судах и людях церковных [Там же: 191]), может употребляться в функции релятивизатора при вопросительных или относительных местоимениях и наречиях.

С просодической точки зрения частица *ни* представляет собой энклитику, однако в редких случаях (как в ранний, так и в поздний период) она может функционировать и как проклитика [Там же: 195]. Употребляясь в качестве энклитики, *ни* может примыкать к местоимению, и возникают структуры с обобщающим значением типа ‘где бы ни’ ‘где ни’ [Там же]: ...**гдѣ ни которому будет пригоже** [Пск. 3 лет., 160, 1474 г.]. В современных русских говорах находим неопределенные местоимения и наречия, восходящие к энклитическому употреблению частицы *ни* без последующей формы императива *буди*: *куды-ни, сколько-ни, где-ни, кто-ни, как-ни* [СРНГ 21: 215].

Согласно [Зализняк 2004: 200], вариант с проклитическим *ни*, представленный в современном русском литературном языке, является более поздним. В Строевском списке Пск. 3 лет. XV — н. XVI в. еще представлен древний вариант (ср. пример выше), тогда как уже в Архивском (XVII в.) — новый [Там же].

В исследованных памятниках из 32-х случаев употребления конструкции мест. + **ни** + **буди** только 5 позволяют судить о просодическом статусе *ни*, поскольку в остальных части структуры местоимение + **ни** + **буди** не отделены друг от друга. В этих 5-ти примерах *ни* обнаруживает привязку не к местоимению, а к глагольной форме *буди*, что свидетельствует о проклитическом варианте употребления частицы. Приведем несколько примеров:

- 1) **А что еѣ купли, Романов городок, и Шокстна, и иные волости и села, в которыхъ городѣхъ ни буди**... [ДДГ, № 61 а, 1461 г.];
- 2) **А в городѣ в Переславлѣ быти, г(осподи)не, моемъ третчикъ с твоимъ намѣстникомъ з бошимъ въ д(ѣ)шегъбствѣ, и в розвои, и в татѣ с поличнымъ, и на посадѣ межъ твоихъ людей и монахъ людей, твоег(о) брата, и межъ чьихъ людей ни буди**, ино пристава дастъ твои намѣстник [ДДГ, № 84 б, 1496 г.].

Все контексты подобного рода, свидетельствующие о проклитическом употреблении частицы *ни*, представлены только в московских грамотах. В северо-западных (новгородских и псковских) грамотах примеров, показательных в этом отношении, не зафиксировано. А Строевский список Пск. 3 лет., как показано в [Зализняк 2004], напротив, свидетельствует об энклитическом употреблении *ни* в псковском диалекте XV в.

Основываясь на немногочисленных примерах из московских грамот и Пск. 3 лет., можно предположить, что проклитическое *ни* в рассматриваемой конструкции раньше появляется в московском ареале и, возможно, является особенностью говоров центра, где раньше могла зародиться тенденция к превращению структур мест. + **ни** + **буди** в местоимения со значением неопределенности (см. об этом п. 2.2). Энклитическое *ни*, по видимому, сохранялось в северо-западном ареале дольше, чем в центре, благодаря чему там могли возникать неопределенные местоимения без *буди* в составе (типа *где-ни*, *кто-ни* [СРНГ 21: 215]).

Таким образом, памятники разной локализации обнаруживают разные механизмы объединения элементов в конструкцию мест. + **ни** + **буди**, причем это различие оказывается у них не единственным свидетельством в пользу выдвинутого предположения о зарождении тенденции к возникновению новых неопределенных местоимений, включающих *буди*, в диалектной зоне центра (см. об этом п. 3).

Различия в частотности употребления мест. + **ни** + **буди** в памятниках

2. Памятники центра и северо-запада различаются частотностью употребления рассматриваемых структур. В московских грамотах, по сравнению с новгородско-псковскими, конструкция мест. + **ни** + **буди** встречается в несколько раз чаще: 22 примера в первых против 5-ти в последних при примерно равном объеме текстов. Такое же количество случаев употребления мест. + **ни** + **буди**, как в ГВНП (5 примеров), зафиксировано в Пск. 3 лет. Возможно, небольшая распространенность рассматриваемой структуры в северо-западной диалектной зоне связана также с тем, что конструкции с *буди* в части употреблений могли конкурировать там с конструкциями с *есть*.

Структуры типа местоимение + *ни* + *есть* рассмотрены на материале Пск. 3 лет. в [Шевелева 2006: 215—241], где показано, что *есть* в таком употреблении утрачивает свою самостоятельность и оказывается на пути превращения в энклитическую частицу, а структуры типа *что* + *ни* + *есть* «находятся... на пути развития, который пройдут структуры типа *что* + *ни* *буди*, где *буди* превращается в частицу и срастается с предшествующим *ни* в единый приместоименный формант» [Там же].

Таким образом, близкие по значению обобщенно-уступительные структуры с *есть* и *буди*, различающиеся только модальным значением входя-

шего в их состав глагола [Шевелева 2006: 215—241], конкурируют в рассматриваемый период в памятниках северо-западной диалектной зоны, тогда как в московских грамотах XV века указанные структуры с *есть* почти не встречаются. О конкуренции обобщенно-уступительных структур с *есть* и *буди* в ряде употреблений может свидетельствовать пример из Пск. 3 лет., в котором указанные словоформы сосуществуют в рамках одной конструкции: **и авне новгородци прогониша нашихъ, и что ни естъ боуди пищали и стягъ, и всю погравиша приправоу ратноюу, котораа ни была тоугта на станоу** ‘И тотчас новгородцы прогнали наших, и, что ни окажись: пищали и зная, и все разграбили военные запасы, все, которые были здесь в стане’ [Пск. 3 лет., 144 об., 1471г.] — в данном случае мы имеем дело с объединением сходных по своей роли частиц, аналогичным диалектному *-нибудь* [Шевелева 2006: 215—241].

Различия в семантических типах употребления мест. + ни + буди

3.1. Конструкции мест. + ни + буди семантически устроены примерно следующим образом. В них присутствует скрытое, унаследованное от императива побуждение воображаемого адресата (= Наблюдателя) совершить некий мысленный акт подстановки каждого элемента из множества в описываемую ситуацию: **кто ни буди** ‘кто ни окажись’ как бы «распадается» на ‘окажись X, окажись X1... окажись Xn’; ср. употребление повторяющегося *буди* в более ранних грамотах н. XIV в.: **А за все то взати князю у Новгорода двенадцать тысячи серебра, буди Андрееве дети, буди Машко з детьми, или Юрьи Калека и все талщики** ‘а за все то взять князю у Новгорода двенадцать тысяч серебра, будь то (окажись это) Андреевы дети, будь то (окажись то) Машко с детьми, или Юрий Калека и все заложники...’ [ГВНП, № 11, 1316 г.]. По-видимому, эта семантическая особенность унаследована словами на *-нибудь* и в современном русском языке и описывается в [Падучева 1974] как дистрибутивный компонент значения (‘свой для каждого элемента некоторого множества’).

Указанная семантическая особенность по-разному проявляется в разных типах употребления конструкции мест. + ни + буди в памятниках. Всего, по данным исследованных текстов, условно выделяются 2 такие типовые ситуации³. Одна из ситуаций предполагает наличие некоторого множества предметов или лиц, которые могут быть ее потенциальными участниками, однако подразумевается выбор только одного участника из множества возможностей, например:

- 1) **А что ми слышав в вашем добръ или в лисѣ шт кр(е)стыянина или шт инновѣрца, шт кого ни бѹди, а то ми вамъ поведати въ правдѹ**

³ Термин используется вслед за [Падучева 2004: 209—220].

‘а если я что-нибудь услышу вам на добро или во вред от христианина или от иноверца, от кого ни окажись, то мне вам о том сообщить честно’ [ДДГ, № 82 б, 1486 г.];

- 2) **А** пришлют ко мнѣ из ваше втчины, из Великог(о) Новагорода или изо Пьскова, **хто ни буди**, ч(є)л(о)в(ѣ)ка или грамоты на ваше лихо, и мнѣ то сказа^ти вам *‘а (в случае если) пришлют ко мне из вашей вотчины, из Великого Новгорода или из Пскова, кто ни будь (ни окажись), человека (слугу) или грамоты вам во зло, мне (надлежит) об этом сказать вам’* [ДДГ, № 81 б, 1486 г.].

Прибегая к терминологии Е. В. Падучевой, назовем эту ситуацию ситуацией-альтернативой.

В [Падучева 2004: 207—220] семантика местоимений на *-нибудь* в современном русском языке описывается с помощью 4-х типовых ситуаций, в которых употребляются эти местоимения: ситуации-альтернативы (одна из возможностей на фоне других, *-нибудь* выражает «неопределенность существования»: *Если кто-нибудь тебя обидел, прости ему* [Там же]); ситуации, относящейся к плану будущего (в семантике *-нибудь* возникают дополнительные компоненты ‘невыбранность объекта’ и ‘безразличие к выбору’: *Спойте нам какой-нибудь романс* [Там же]); ситуации с неизвестным участником (в семантике появляется компонент ‘неизвестность’: *Видимо, ее встречал кто-нибудь из родственников* [Там же]); ситуации дистрибутивности («в случае многократного события с одним переменным участником»: *Каждый день кто-нибудь из нас ходил к нему в больницу* [Там же]).

Описанная нами ситуация-альтернатива подразумевает, однако, в отличие от ситуации-альтернативы для *-нибудь* местоимений в современном русском языке [Там же], более широкую семантику, включая в том числе план будущего. Для семантики рассматриваемой нами структуры в данном типе употребления не имеет принципиального значения, к какому временному плану отнесено то или иное событие, поскольку во всех контекстах подобного рода присутствует условный компонент, трансформирующий утверждение в предположение (точнее, в «нефактивное суждение, которое говорящий просит слушающего считать фактивным» [Типология 1998: 17—18]).

Этот условный компонент («указание на две возможности», согласно [Санников 2008: 414]), отсутствующий, к примеру, в уступительном *хотя*, присутствует, как кажется, в семантике структуры мест. + **ни** + **буди**. Возможно, этот условный компонент появляется у *буди* под влиянием уже существующего в языке XV в. условного *будет* (о развитии условного компонента в семантике *будет* см. [Пенькова 2009]). Однако более вероятным представляется другой вариант семантического развития *буди*. Модальное значение основы *буд-* выражает семантику потенциальности, не реализованности действия момент речи. С другой стороны, форма императива как наклонения также обозначает ситуацию потенциальную, не принадлежащую к реальному миру, благодаря чему императив может легко приобре-

тать семантику условности (о связи императива с ирреалисом см. [Добрушина 1999]). Можно предположить, что в форме *буди* типологические особенности императива накладываются на значение основы *буд-*, благодаря чему у *буди* развивается семантика условности. Этот условный семантический компонент, по-видимому, наследует формант *-нибудь*, благодаря которому в современном русском языке местоимения на *-нибудь* имеют в высказывании нереферентный статус [Падучева 2004: 210] и меняют иллокутивную функцию высказывания с утверждения на предположение: в [Кобозева 1981: 165—173] показано, что местоимение на *-нибудь* может быть единственным индикатором предположительной модальности высказывания.

Рассматриваемая конструкция в ситуации-альтернативе в памятниках северо-западной локализации встретилась всего дважды: по одному примеру в ГВНП и Пск. 3 лет., причем пример из Пск. 3 лет. относится к началу XVI в.:

- 3) **А гдѣ бѹдетъ какова християнина и[ли] на землю окупить или помочи чимъ ни бѹди, а то игумену Якиму и всей братье с Олексѣемъ сопча** 'А если где-нибудь окажется (случится) какого-нибудь христианина на землю выкупить или защититъ чем ни будь (ни окажись), то (сделать) игумену Якиму и всей братии с Алексеем вместе' [ГВНП, № 294, ок. 1456 г.];
- 4) ... **ркѹчи тако: аще которыи человекъ каковъ ни бѹди, а жаловался на князя, и вы бы ꙗхали ко государю великому князю в Новгород против его великому князю бити челом** '... говоря так: если некоторый человек, какой ни будь (ни окажись), жаловался на князя, то вам бы поехать к государю великому князю в Новгород бити челом против него' [Пск. 3 лет., 187 об., 1510 г.].

Остальные 8 случаев употребления рассматриваемой структуры, зафиксированные в северо-западных грамотах и Пск. 3 лет., относятся к другой типовой ситуации (см. об этом ниже, п. 2.3). В московских же грамотах, напротив, к ситуации-альтернативе относится большая часть употреблений конструкции мест. + **ни + бѹди**: 13 из 22-х (см. примеры 1—2 п. 2.2).

Рассматриваемые структуры в ситуации-альтернативе обнаруживают ряд синтаксических особенностей, которые отличают их от другого типа употребления конструкции мест. + **ни + бѹди** и одновременно сближают их с неопределенными местоимениями на *-нибудь* в современном русском языке. С одной стороны, *буди* в этих примерах еще сохраняет предикативность, а сама конструкция мест. + **ни + бѹди** выступает в роли отдельной предикативной единицы, так что говорить о начале процесса морфологизации пока не приходится. Ср. контекст, в котором местоимение **кто** из анализируемой конструкции, в отличие от других употреблений этой же структуры, не согласуется в падеже с антецедентом, выраженным именем существительным **недрѹгѹ**:

- 5) **А ѿступѣ(пишь) ѿ мене, ѿ великог(о) кн(а)зя, и ѿ моих дѣтен [к которо]мѹ нашѣмѹ недругѹ, кто ни бѹди, [ино т']вон оудѣлъ, твоя вотчина, мнѣ, великомѹ кн(а)зю ‘а если отступишь от меня, от великого князя, и от моих детей к какому-нибудь нашему недругу, кто ни окажется (кем тот ни окажется), то твой надел, твоя вотчина, (достанется) мне, великому князю’ [ДДГ, № 52 а, 1448—1449 г.].**

Однако контексты употребления структуры мест. + **ни** + **бѹди** позволяют всё же говорить о тех механизмах, благодаря которым могла зародиться тенденция к переосмыслению рассматриваемых конструкций как местоимений со значением неопределенности. Эти механизмы связаны с постепенным закреплением за структурами типа **кто/что ни бѹди** субстантивной функции и синтаксической позиции, характерной для имени существительного, а за структурами типа **какон/каков ни бѹди** — адъективной функции.

Контексты употребления структур типа **кто ни бѹди**, показательные в интересующем нас аспекте, распадаются на две категории. Во-первых, **кто ни бѹди** в ряду однородных подлежащих или дополнений, например:

- 6) **А с чѣм ко мнѣ пришлют из Литовские земли кн(а)зи, или пановѣ, или хто ни бѹди с какими рѣчми или з грамотами на ваше лихо, и мнѣ то сказати вам ‘а (если) с чем-нибудь ко мне пришлют (послов) из литовской земли князья, или паны, или кто ни окажется, с какими-нибудь наговорами или грамотами вам во зло, то мне (надлежит) об этом сказать вам’ [ДДГ, № 81 б, 1486 г.];**
- 7) **А что ми слышав в вашем добрѣ или в лисѣ шт кр(ε)стьянина или шт иноверца, шт кого ни бѹди, а то ми вамъ поведаютъ въ правдѹ ‘а если я услышу о чем-нибудь вам во благо или во зло от христианина или от иноверца, от кого ни окажется, то мне вам сообщитъ без обмана’ [ДДГ, № 82 б, 1486 г.].**

Конструкции подобного рода, в которых перечисляются возможные участники ситуации, а затем с помощью конструкции мест. + **ни** + **бѹди** сообщается о том, что выбор того или иного участника никак не влияет (не повлиял) на дальнейшие (прошедшие) события, в целом весьма распространены в памятниках XV века. Как кажется, подобные структуры могли оказаться одним из промежуточных этапов, ведущих от придаточного уступки к местоимению с формантом неопределенности, поскольку, оказавшись в ряду однородных членов (подлежащих, дополнений), выраженных именами существительными, рассматриваемая нами структура могла начать переосмысляться как местоимение неопределенности в субстантивной функции с примерным значением ‘кто/что бы ни’. *Буди* при этом утрачивал предикативность, а вместе с ней и значение императива уступки ‘кто/что ни окажется’, сохраняя лишь общее значение предположительности, при-
сущее основе *буд-*.

Возможно, дальнейший этап — возникновение и распространение структур, где устраняется перечислительный ряд однородных подлежащих или дополнений, а необходимое значение неопределенности выражается не перечислением возможных вариантов и обобщением их с помощью уступительной конструкции мест. + **ни** + **бүди** (как в приведенных выше примерах), а употреблением одной рассматриваемой нами конструкции в синтаксической позиции, характерной для имени существительного, т. е. подобно тому, как употребляются неопределенные местоимения на *-нибудь* в современном русском литературном языке.

Примеры на такое употребление конструкций **кто ни бүди** также встречаем в исследованных памятниках:

- 8) **А** пришлют ко мнѣ из вашиѣ втчины, из Великог(о) Новагорода или изо Пьскова, хто ни бүди, ч(є)л(о)в(ѣ)ка или грамоты на ваше лихо, и мнѣ то сказати вам 'а (в случае если) пришлют ко мне из вашей вотчины, из Великого Новгорода или из Пскова, кто ни будь (ни окажется), человека (слугу) или грамоты вам во зло, мне (надлежит) об этом сказать вам' [ДДГ, № 81 б, 1486 г.];
- 9) **А** гдѣ бүдетъ какова хрестиянина и[ли] на землю окупить или помочи чимъ ни бүди, а то игүмену Якимү и всей братье с **Олексеѣмъ** сопча 'А если где-нибудь окажется (случится) какого-нибудь христианина на землю выкупить или защититъ чем ни будь (ни окажется), то (сделать) игумену Якиму и всей братии с **Алексеем** вместе' [ГВНП, № 294, ок. 1456 г.];
- 10) **А** мнѣ, г(о)с(поди)нѣ, [кнѣзь ве]лики, слышев вт ког(о) ни бүди в вашем добрѣ и в лисѣ, скажат(и) вам по томү ж в правдѣ 'А мне, господин великий князь, если я услышу от кого ни будь (ни окажется) о добром для вас или о худом, (надлежит) сказать вам также без обмана' [ДДГ, № 66, ранее 1472 г.].

Благодаря тому, что рассматриваемая структура заполняет синтаксическую валентность предиката (обязательную в примерах 8 и 9) и, как правило, находится в непосредственной близости от него (как в примерах 9 и 10), у слушающего может возникнуть инференция: **кто ни бүди** — функциональный эквивалент имени существительному. Если подобные случаи оказываются подкреплены другими употреблениями, порождающими у слушающего те же самые выводы, комплекс мест. + **ни** + **бүди** функционально сближается с местоимением в субстантивной функции.

Контексты употребления структур типа **какои ни бүди**, как кажется, также демонстрируют возможный путь перехода от мест. + **ни** + **бүди** в роли независимой предикативной единицы к неопределенным местоимениям в *адъективной* функции:

- 11) [**А** что сѧ] встанет оү мене моеѣ казны, или какіѣ рүхладн моеѣ клѣтныѣ, какіѣ ни бүди, и гдѣ то вѣсе [даю внүкү] же своємү,

кн(а)зю Юрию 'а (если) у меня останется что-нибудь из моей казны, или какого-нибудь имущества моего домашнего, какого ни окажется, я все это даю внуку своему, князю Юрию' [ДДГ, № 57, 1451 г.];

- 12) ... ркүчи тако: аще **которын человекъ каковъ ни буди**, а жаловался на князя, и вы бы бѣхали ко государю великому князю в Новгород против его великому князю бити челом '... говоря так: если некоторый человек, какой ни будь (ни окажется), жаловался на князя, то вам бы поехать к государю великому князю в Новгород бити челом против него' [Пск. 3 лет., 187 об., 1510 г.].

В приведенных контекстах, наряду с комплексами **каковъ/какони ни буди**, претендующими на роль неопределенного местоимения при имени существительном, употреблены местоимения **какони** и **которын** в значении 'какой-нибудь' и 'некоторый' соответственно. Говорящий, уже употребив местоимение **какони** 'какой-нибудь', желает, по-видимому, дополнительно подчеркнуть, выделить значение 'безразличие к выбору' ('какой бы ни'), для чего использует то же местоимение в составе конструкции **какони ни буди**.

В дальнейшем, как кажется, структуры типа **какони ни буди**, употребляясь присубстантивно и синонимично другому местоимению, определяющему то же имя в предложении, начинают переосмысляться как местоимения в адъективной функции и вытесняют старые неопределенные местоименные прилагательные (по-видимому, благодаря наличию формального показателя значения неопределенности **ни буди**, отсутствующего у старых местоимений).

3.2. Еще одним типом употребления структур мест. + **ни** + **буди** является ситуация, в которой каждый упомянутый объект или каждый объект, принадлежащий к определенному классу, принимает участие в описываемых событиях. Назовем данный тип употребления ситуацией-обобщением, например:

- 1) **А что мои денги в моих селах в ршстѣх, и в пашни, и на ком ни буди**, и г(о)с(Ѹ)д(а)рь бы мой, княз(ь) велики, после моего жившга тѣх денег не велѣл взят(и) 'А что касается моих денег в моих селах, отданных в рост (под проценты), и в пашнях, и на ком ни окажется, государь бы мой, великий князь, после моей смерти этих денег не велел забрать' [ДДГ, № 80 г, ок. 1486 г.];
- 2) **Князь же великои... оу Великого Новгорода вси своа что ни буди** старины свои поимал или город или волости или боръ черныи 'Князь же великий... у Великого Новгорода все свои исконные владения отнял, что ни окажется (ни возьми): или город, или волости, или черныи бор' [Пск. 3 лет., 146, 1471 г.].

Конструкция мест. + **ни** + **буди** в данном типе употребления встречается как в московских, так и в новгородско-псковских грамотах, а также в

Пск. 3 лет. Различия между памятниками разной локализации здесь состоят в количественном соотношении с другим типом ситуаций в рамках конкретного памятника. Так, по данным исследованных текстов, употребление рассматриваемой структуры в ситуации-обобщении, по сравнению с ситуацией-альтернативой, в новгородско-псковских памятниках оказывается наиболее частотным (8 примеров из 10: 4 в ГВНП и 4 в Пск. 3 лет.). В московских грамотах употребления конструкции мест. + **ни** + **буди** в ситуации-обобщении также являются распространенными, но не преобладающими (9 случаев из 22-х).

В современном русском языке местоимения на *-нибудь* в таком контексте не употребляются (это сфера кванторов *все, любой, каждый* и т. д.). Кроме того, местоимения на *-нибудь* в современном русском языке никогда не указывают на конкретное лицо или предмет, поскольку обладают нереперентным денотативным статусом (по классификации, представленной в [Падучева 1983: 229—232]). Дистрибутивная ситуация, однако, все же имеет общие черты с той, которая представлена в рассматриваемых нами контекстах. Мест. + **ни** + **буди** в ситуации-обобщении также указывает на скрытый выбор между существующими объектами известного множества: 'кто/что ни окажись, кого/что ни возьми' — значит 'окажись X, для X верно, что P... окажись X_n, для X_n верно, что P'. Отсюда возникает импликация 'абсолютно для всех X верно, что P, причем X для каждого случая свой'. Возможно, семантический компонент 'свой для каждого элемента некоторого множества', присутствующий в толковании местоимений на *-нибудь* в современном русском языке, возникает и закрепляется за *буди* в том числе благодаря подобным употреблениям в ситуации-обобщении.

В данном употреблении структур мест. + **ни** + **буди** мы почти не находим контекстов, которые свидетельствовали бы о тенденции к превращению рассматриваемой конструкции в неопределенное местоимение (за исключением примера 8, рассматриваемого ниже). Кроме того, в отличие от контекстов, анализируемых в 2.2, порядок частей конструкции в контекстах, относящихся к 2.3, строго не закреплён: местоимение и частица могут быть разделены, ср.:

- 3) **А в городѣ в Переславѣ выти, г(осподи)нѣ, моемѣ третникѣ с твоим намѣстником з болшим въ д(ѣ)шегѣбствѣ, и в розвои, и в татѣѣ с поличным, и на посадуѣ меж твоих люден и моих люден, твоег(о) брата, и меж чьих люден ни бѣди, ино пристава дасть твои намѣстник** [ДДГ, № 84 б, 1496 г.].

С коммуникативной точки зрения рассматриваемая структура в данном типе употребления всегда оказывается в акцентированной позиции. Способы ее выделения могут быть различными: с одной стороны, расположение структуры непосредственно перед главной частью, синтаксическая зависимость структуры не от придаточной части, а от главной и кореферентность местоимений в главной части и в рассматриваемой конструкции, например:

- 4) **А** которым есмь дѣтем своим села подавал во чьем оудѣле ни буди, ино того и суд над тѣми селы, кому дано ‘А которым из своих детей я давал села, во чьем уделе ни окажись, того и суд (тому и вершить суд) над теми селами, кому (было) дано’ [ДДГ, № 61а, 1461—1462 г.];
- 5) **А** что еѣ купли, Романов городок, и Шокстна, и иные волости и села, в которыхъ городѣх ни буди, в том волна мога кн(л)г(и)ни ‘А что касается купленного ею, Романова городка, и Шокстны, и других волостей и сел: в каких городах ни окажись (ни возьми), в том воля моей княгини’ [ДДГ, № 61 а, 1461 г.].

Благодаря финальному расположению структуры, усиливающему значение собирательности, выраженное местоимением **все**, *буди* также может оказаться в маркированной позиции, например:

- 6) **А** вымѣнил есми Ѹ своихъ братаничевъ ихъ земли во всемъ своемъ великом княжствѣ, гдѣ ни бѣди ‘А я выменял у своих племянников их земли во всем своем великом княжестве, где ни окажись’ [ДДГ, № 85, 1497 г.];
- 7) **Се** купил игумень Варламъ... пожни, и полѣшен лѣсъ, и ловища повенецкне, гдѣ ни буди, всеѣ безъ вывета ‘Вот купил игумен Варлам... луга, и мелкорослый лес, и места для рыбной ловли, где ни окажись, все без исключения’ [ГВНП, №313, 1465—1478 гг.];

Таким образом, для конструкции мест. + **ни** + **буди** в контекстах рассматриваемого типа характерны следующие особенности: импликация ‘абсолютно для всех X верно, что P, причем X для каждого случая свой’; более тесная связь с коррелятом главной части, нежели с коррелятом придаточной (для употреблений в составе сложноподчиненных предложений); наконец, употребление в позиции рематического выделения. Благодаря перечисленным особенностям структуры мест. + **ни** + **буди** в данных контекстах практически не обнаруживают тенденции к сближению с разрядом неопределенных местоимений.

Напротив, в контекстах, рассмотренных в п. 2.2, на *буди* никогда не падает рематический акцент (например: **А** мнѣ, г(о)с(поди)не, [князь ве]лики, слышевъ ѿт ког(о) ни буди ѿ вашемъ добрѣ и ѿ лисѣ, скажат(и) вам по томѣ ж в правдѣ [ДДГ, № 66, ранее 1472г.]), что в большей степени способствует в будущем морфологизации *буди* в составе неопределенных местоимений, поскольку *буди* в этом случае легче превращается в энклитику и срастается с предшествующим ему местоимением в единый комплекс.

В исследованных памятниках встретилось также 3 примера на употребление конструкции мест. + **ни** + **буди** в отрицательном контексте. Они близки по значению к другим употреблением в ситуации-обобщении и отличаются только наличием отрицания при основном предикате.

Отрицательный контекст всё же несколько влияет на семантику конструкции: в фокусе оказывается не значение всеобщности (‘каждый, лю-

бой'), как в контекстах 2.3, а значение существования, как в контекстах 2.2 ('не + [существует по крайней мере один]') (о влиянии отрицания на семантику квантора см. [Падучева 1974]).

Все эти контексты из текстов северо-западного ареала (Пск. 3 лет. и ГВНП), в московских грамотах таких примеров не зафиксировано:

- 8) **а намъ о себе тоя крѣпости оудержати не мощно попремѣжи себѣ о каковых ни бѹди церковныхъ вещей** 'А нам той твердости удержать невозможно между собой о каковых ни окажись (= ни в каком, ни в одном) церковныхъ делах' [Пск. 3 лет., 120 об. — 121, 1469 г.];
- 9) **Ивану петровицу не вступатися въ Ѡсипову отчину і в Матигорские і в выные земли, в которые ни бѹди, ни в берегахъ, ни в тоняхъ** 'Ивану Петровичу не вступаться (не нарушать границы) в Осипову вотчину, и в Матигорские, и в другие земли, в какие ни окажись (= ни в какую, ни в одну) ни на берега, ни в места рыбной ловли' [ГВНП, № 137, 1-я четв. XVв.].

Особого внимания заслуживает контекст 8. Здесь конструкция мест. + **ни + бѹди** занимает синтаксическую позицию кванторного прилагательного, однако указанная структура в данном случае не может быть проинтерпретирована как местоимение на фоне других употреблений **бѹди** исследуемого периода. Здесь придаточное **о каковых ни бѹди** разрывает предложно-падежную группу **о церковныхъ вещей** и оказывается в препозиции к этой именной группе, от которой синтаксически зависит, благодаря чему предикативность *буди* в структуре **о каковых ни бѹди церковныхъ вещей** ослабевает и вся конструкция **каковых ни бѹди** может начать восприниматься как атрибут имени **вещей**.

Рассмотренный нами контекст показывает, каким образом могла возникнуть тенденция к переосмыслению указанных конструкций с **бѹди** как местоимений. Говорящий (или пишущий) употребляет конструкцию мест. + **ни + бѹди** в качестве определительной, относящейся к какому-либо имени существительному или местоимению, однако в контекстах, подобных рассмотренному выше (ср. также примеры из п. 2.2), могут возникать другие выводы (инференции), в соответствии с которыми структура мест. + **ни + бѹди** или имя, от которого конструкция непосредственно зависит, получают другого «хозяина». В примере 8 (п. 2.2) **что ни бѹди** оказывается в синтаксической позиции субъекта при сказуемом **пришлют (А) пришлют ко мнѣ... что ни бѹди, ч(є)л(о)в(ѣ)ка или грамоты на ваше лихо**. В примере 8 (п. 2.3) сказуемое **оудержати не мощно** приобретает зависимую именную группу **о каковых ни бѹди церковныхъ вещей**, в которой рассматриваемая нами конструкция оказывается в позиции кванторного прилагательного. В структурах, подобных рассмотренным нами, в которых мест. + **ни + бѹди** перестает восприниматься как придаточное, *буди* начинает утрачивать предикативность, сохраняя только общее значение предположительности (значение основы *буди-*) в сочетании со значением дистрибутивности, вно-

симым формой императива *буди*. В дальнейшем эти инференции могут закрепляться в языке, благодаря чему возникает класс новых неопределенных местоимений на *-нибудь*.

Выводы

Подведем итоги, представив особенности употребления уступительных конструкций с **бүди** в памятниках XV века с помощью таблицы:

Название памятника	В ситуации-альтернативе	В ситуации-обобщении
ДДГ	13	9
ГВНП	1	4
Пск. 3 лет.	1	4

Итак, конструкции мест. + **ни** + **бүди** в московских грамотах встречаются в несколько раз чаще, чем в новгородско-псковских: 22 случая в первых и всего 5 в последних при примерно равном объеме текстов. Такое же количество употреблений (всего 5), как в ГВНП, представлено и в Пск. 3 лет. Кроме того, в московских грамотах преобладающим является употребление рассматриваемых нами конструкций в так называемых альтернативных ситуациях, близких к тем, в которых употребляются в современном русском языке неопределенные местоимения на *-нибудь*. Напротив, в памятниках северо-западного ареала такие контексты фиксируются значительно реже (по одному примеру в ГВНП и Пск. 3 лет.). В пп. 2.2—2.3 было показано, что именно употребления мест. + **ни** + **бүди** в альтернативной конструкции в большей степени обнаруживают тенденцию к функциональному сближению с разрядом неопределенных местоимений.

Возможно, сама тенденция к морфологизации *буди* в составе местоимения зарождается именно в центральной диалектной зоне, где уже в XV в. частица **ни** употребляется как проклитика. На северо-западе, напротив, могли существовать свои особенности функционирования структур мест. + **ни** + **бүди**, конкурирующих там со структурами на *ни есть*. Вероятно, к этим особенностям относится и возможность употребления рассматриваемых конструкций с **бүди** в отрицательном контексте. А частица *ни* в северо-западной диалектной зоне могла дольше сохраняться как энклитика, благодаря чему мы находим в современных северо-западных говорах неопределенные местоимения с *ни*, но без *буди* (*где-ни, кто-ни* и под.).

Источники

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., 1950.

Пск. 3 лет. — Псковские летописи. (Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 2.) М., 2000.

Литература

Горшкова, Хабургаев 1997 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1997.

Добрушина 1999 — Н. Р. Добрушина. Ирреалис и императив // Типология и теория языка: от описания к объяснению. М., 1999.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004.

Князев 2007 — Ю. П. Князев. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.

Кобозева 1981 — И. М. Кобозева. Опыт прагматического анализа *то-* и *нибудь-* местоимений // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 40. № 1. 1981.

Мустафина 1984 — Э. К. Мустафина. Способы выражения значения будущего времени в тексте Повести временных лет: Дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1984.

Падучева 1974 — Е. В. Падучева. О семантике синтаксиса. М., 1974.

Падучева 1983 — Е. В. Падучева. Референциальные аспекты семантики предложения // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. М., 1983.

Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. (Референциальные аспекты семантики местоимений.) М., 2004.

Пенькова 2009 — Я. А. Пенькова. БУДЕТЬ как источник формирования служебных слов (на материале деловых памятников XII — XV веков) // Вопросы русского языкознания. Вып. XI (в печати).

Потебня 1977 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Глагол. М., 1977.

Санников 2008 — В. З. Санников. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965—.

Типология 1998 — Типология условных конструкций. СПб., 1998.

Шевелева 2006 — М. Н. Шевелева. Некнижные конструкции с формами глагола БЫТИ в Псковских летописях // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006.

YANA PEN'KOVA

IMPERATIVE *BUDI* IN THE XVth CENTURY TEXTS: TOWARDS THE PROBLEM OF THE DEVELOPMENT OF INDEFINITE PRONOUNS WITH THE COMPONENT *-NIBUD'* IN RUSSIAN

The article deals with an analysis of semantic and syntactic peculiarities of the imperative *budi* in 15th century official documents from Moscow, Novgorod and Pskov,

and in The Third Pskov Chronicle. The author makes an attempt to delineate the probable paths of grammaticalization of *буди* in the «pronoun + *ни* + *буди*» structure, from which indefinite pronouns with the *-нибудь* suffix have subsequently developed. Differences in the semantics and frequency of these structures in texts from different dialect areas (central and northwestern) allow us to hypothesize that the morphologization of *буди* initially arose in the central dialect area.

Key words: imperative *буди*, indefinite pronouns with *-нибудь* suffix, morphologization.

М. А. БОБРИК

*Памяти В. И. Поветкина — мастера,
который по крупицам собрал восковой
слой Новгородской псалтыри, сильно по-
врежденной при раскопках*

ПРОСВѢЩАЕШИ В НОВГОРОДСКОЙ ПСАЛТЫРИ НА ВОСКЕ

Хотя прошло уже десять лет с тех пор, как в Новгороде была найдена восковая книжка первой четверти XI в., единственным опубликованным факсимиле текстом этого исключительно ценного памятника остается реставрированный восковой слой первой дощечки, на котором читается фрагмент Пс. 75 (см. [Зализняк, Янин 2001: 12]). Как было отмечено уже при публикации, текст на воске отличается высокими каллиграфическими достоинствами и грамматической корректностью. Темным местом, однако, остается последовательность **просвѣщаес(и)**¹ в тексте Пс. 75: 5, которой и посвящена настоящая заметка.

Интерпретации, которая давала бы грамматически корректный текст, в данном случае, по-видимому, быть не может. Вопрос в том, с каким именно отклонением от нормы мы имеем здесь дело. В публикации фрагмент выглядит следующим образом:

просвѣщаеси тѣ дивѣно отъ горѣ вѣченъ [Зализняк, Янин 2001: 13, 16].

Слово **просвѣщаеси** понимается публикаторами как ошибочная форма 2 ед. презенса, появившаяся (при ослаблении внимания писца) вместо закономерной формы **просвѣщаеши**: «В тексте имеется ⟨...⟩ одна любопытная ошибка: **просвѣщаеси тѣ** вместо **просвѣщаеши тѣ**, — которая в принципе могла бы быть проявлением характерного для псковских говоров смещения [с'] и [ш]. Однако в памятнике, где нет смещения **ц** и **ч**, единичное написание такого рода осторожнее всё же расценивать как ошибку под влиянием привычного сочетания **еси тѣ** (например, в силу контаминации с близким по смыслу **просвѣщаѣ еси тѣ**)» [Там же: 10]. А. Н. Соболев [2003: 133] принимает словоделение А. А. Зализняка и В. Л. Янина и тоже считает **просвѣщаеси** «ошибочным написанием 2 sg. praes.», хотя предла-

¹ Буква *и* приходится на утраченный участок воска.

гает при этом иное объяснение ошибки, высказывая предположение, что «это окказиональный случай аналогического влияния форм атематического спряжения на тематическое».

Интерпретация **просвѣщаєси** как (ошибочной) формы презенса глагола **просвѣщати** находит сильную поддержку в текстологии данного фрагмента: чтение с корректной формой презенса **просвѣщаєши** присуще всем ранним славянским псалтырям и соответствует чтению $\phi\omega\tau\acute{\iota}\zeta\epsilon\iota\varsigma$ Септуагинты. С лингвистической точки зрения ошибка при любом из двух приведенных выше объяснений правдоподобна, но, так сказать, не узуальна — в других памятниках она до сих пор не встречалась. Это обстоятельство толкает на поиски иного решения. Можно, как представляется, продолжить возникшую у публикаторов ассоциацию **просвѣщаєси** с причастной конструкцией **просвѣщаѣи еси тѣ**. Роль этой конструкции видится мне, однако, более непосредственной, чем участие в контаминации с финитной формой. Думаю, что в тексте на воске использована не ошибочная форма презенса **просвѣщаєши**, а именно конструкция **просвѣщаѣи еси тѣ**, записанная — с эффектом утраты йотации и стяжением гласных в финали причастия — как **просвѣща еси тѣ** (***просвѣщаѣи** > ***просвѣщаа** > **просвѣща**).

Такое явление в памятнике XI в., примыкающем по своим языковым параметрам к старославянскому корпусу, представляется возможным. Утрата интервокального *j* с последующим стяжением гласных отмечена в памятниках старославянского языка, в частности у глаголов на *-ати* лескиновского класса III 2, к которому относится и **просвѣщати**, а именно в формах 3 ед. и 2 мн. презенса (*бываать, подобаать, отвѣштаате, съвѣштааши*, см. [Leskien 1969: 161], ср. [Вайан 2002: 250—251], *просвѣштаатъ* [SSS: III, 372]). В Новгородской псалтыри позиция причастной формы перед начинающимся с гласного **еси** благоприятна для стяжения. Нужно, однако, сказать, что в причастиях стяженные формы встречаются очень редко. Перечислю случаи, в которых, как я думаю, можно говорить об этом явлении и тем самым — о параллели к аномалии в новгородской восковой Псалтыри.

Сходная форма — И. ед. ж. презентного причастия от глагола **просвѣщати** — засвидетельствована в Синайской псалтыри:

Оправѣданѣ гнѣ права весельшта сръдѣца :

заповѣди гнѣ издалече просвѣшташти очи (Пс. 18: 9) [СП 1954: 22]

(факсимиле глаголического текста см. [Там же: илл. IV (негатив фотографии); Altbauer 1971: 45], ср. современный церковнославянский текст: *Оправдания Господня права, веселящая сердце, заповедь Господня света, просвещающая очи*). Как уже в издании отметил С. Н. Северьянов [СП 1954: 22, примеч.; 342 (словоуказатель)], данная форма использована на месте стандартного **просвѣшта(ѣ)шти** в соответствии с греческим презентным причастием $\phi\omega\tau\acute{\iota}\zeta\omicron\upsilon\sigma\alpha$ (ср. тж. [SSS: III, 373]). В старославянских текстах

причастия от данного глагола использованы лишь дважды, оба раза действительное причастие презенса — стандартного вида форма И. ед. м. в Синайском евхологии (93v2; [Пенкова 2008: 239]) и обсуждаемая форма И. ед. ж. в Синайской псалтыри [Aitzetmüller 1977: 483].

Данный стих 18-го псалма составляет в Синайской псалтыри особый участок в четыре строки (14—18), которые примерно в два раза плотнее следуют одна за другой, чем остальные строки на л. 22. Северьянов [СП 1954: VII, примеч.; 23, примеч.] считал, что писцом на этом участке был тот **тома** (ма кириллицей) **лоукаваръ**, который оставил свою подпись на поле следующего л. 23 — по Северьянову, редактор и владелец рукописи. Б. Арним [Arnim 1930: 4—5, 29] на основании языковых и палеографических признаков показал, что Пс. 18: 9 написан той же рукой, что и окружающий текст, а именно рукой одного из основных писцов рукописи — писца В (так называемого «кириллического»)², возможно, действительно тождественного Фоме Луковару (?). Обсуждаемая форма приходится на 17-ю строку л. 22 и должна рассматриваться в контексте особенностей языка писца В. Существенны в этой связи две группы явлений: поведение носовых и ситуация с зиянием и стяжением гласных. По данным Арнима [Arnim 1930: 150; 40; 188], яркой особенностью писца В на фоне других писцов рукописи является то, что он избегает зияния, предпочитая или стяженные формы (в имперфекте), или нестяженные формы с йотацией (в прилагательных). В **просвѣшѣ(ѣ)шѣ** у писца В ожидалось бы написание с йотированным носовым **ѣ** после гласного, а стяжение было бы возможно при ослаблении йотации и назальности и вследствие этого — ассимиляции суффиксального гласного предшествующему **а**. Такие условия вполне соответствуют языковым привычкам писца В, для которого наряду с написаниями исключительно **ѣ** после гласного характерна, в частности, деназализация носовых. Тогда ***-аѣ-** > ***-аО-** > **-а-**, где фонетическая интерпретация условной единицы **О** (как **о-** или **ѣ-**образного звука, ср. [Селищев 2001: 272—277]) составляет особую проблему, которая здесь не рассматривается. Впрочем, в языке писца В возможен и другой сценарий, при котором ассимиляции и стяжению предшествует мена носовых³, так что ослабление йотации и назальности идет, соответственно, в направлении **е-**образного звука, так как у этого писца возможна именно замена **ѣ** → **е** (об этих явлениях у писца В см. [Arnim 1930: 63—66, 68—73, 190—192, 37], ср. также [Mareš 1997: XVI]). Тогда ***-аѣ-** (вместо ***-аѣ-**) > ***-аЕ-** > **а**⁴. При

² Г. Лант (в [Altbauer 1971: 359—360 (Addenda)]), дополнительно выверявший в 1971 г. фотографии М. Альтбауэра по рукописи, выделяет, кроме четырех писцов, трех редакторов и, отметив, что между этими двумя группами возможны отождествления, из осторожности от такого отождествления воздерживается.

³ Ср., в частности, после шипящего у писца В **двѣжѣшѣтѣ** л. 85 в отличие от **двѣжѣшѣтѣ** у писца А л. 144 об.

⁴ Ср. у писца В форму страдательного причастия И. мн. ср. **вьсѣсѣжагама** < ***вьсѣсѣжагаема** (Пс. 19: 4 л. 23).

обоих вариантах объяснения ошибка в **просвѣщташти** имеет, очевидно, системно-фонетический характер и в особых условиях письма (убористое письмо при корректуре) выявляет определенные особенности произношения писца В⁵.

За пределами старославянского канона также есть единичные формы, в которых можно видеть причастные формы со стяжением. Одна из них встретила в Путятиной минее, переписанной в Новгороде, как полагают, не позднее 60-х гг. XI в. с болгарской рукописи особой традиции, возможно, западноболгарского происхождения [ПМ: 8, особ. примеч. 12]. Речь и здесь, на мой взгляд, идет об И. ед. м. презентного причастия глагола **просвѣщати**, в полной (местоименной), в отличие от Новгородской псалтыри, форме с эффектом стяжения:

чтѣщаа вѣроуж. с(вѣ)тжю ти па(мѣ)т(ь). просвѣщан м(о)л(и)твами си пр(ѣ)вл(а)жене ‘(ты,) преблаженный, просвещающий своими молитвами тех, кто по вере чтит святую твою память’ (8-е мая, канон Иоанну Евангелисту и преподобному Арсению, песнь 4-я, тропарь Иоанну) [ПМ: 330].

В греческом тексте, опубликованном Л. И. Щеголевой [2001: 146], на месте **просвѣщан**, как и в случае Новгородской псалтыри, стоит презенс $\phi\omega\tau\acute{\iota}\zeta\epsilon\iota\varsigma$. Трудно сказать, случайное ли это совпадение или прием перевода личной формы презенса действительным причастием. Среди исследователей Путятиной минеи в отношении данной проблематичной формы нет единства. Издатели видят здесь причастную форму И. ед. м., в чем с ними можно согласиться, однако ее нестандартность ими, очевидно, не была осознана, так что в указателе отдельно от стандартного причастия **просвѣщанъ** фигурирует ошибочно реконструированное из формы **просвѣщан** причастие **просвѣщѣа** [ПМ: 583]. Л. И. Щеголева в своем подстрочном переводе греческого текста данного тропаря следует славянской форме **просвѣщан**, понимая ее как императив ‘любовью празднующих / святую твою память / молитвами своими просвещай, блаженный’), что вызывает сомнения. С одной стороны, это был бы единственный в минее случай императива от **просвѣщати**, во всех остальных соответствующих случаях в ней используется императив от парного глагола совершенного вида **просвѣтити**. С другой стороны, в случаях, когда в сходных контекстах (характеристики святого при обращении к нему) в минее фигурирует форма от основы **просвѣща-**, это всегда действительное причастие презенса

⁵ Б. Арним, много сделавший для системного анализа многочисленных ошибок в Синайской псалтыри, высказал мысль о том, что именно в небрежно переписанных частях рукописей особенности языка писцов проявляются особенно ярко: «Man kann aber geltend machen, daß gerade in flüchtig geschriebenen Partien einer Handschrift die sprachlichen Eigentümlichkeiten der Abschreiber stärker hervortreten» [Arnim 1930: 69—70].

просвѣщаѡ / **-ѡ**, кроме обсуждаемого контекста, в своем стандартном виде (ср., в частности, 9 об.: 6; 51: 9; 58: 8; 104 об.: 13; 109: 2; 112: 14).

Еще один пример — также единичная форма **сѣгрѣша** в Болонской толковой псалтыри 2-й четверти XIII в., имеющей, как и Синайская псалтырь, западноболгарское (македонское) происхождение:

вѣса (заповеди. — М. Б.) **бо потрѣба естъ творити. да не сѣгрѣша кто въ единж. и погубитъ вѣса** (толкование на Пс. 118: 128а) ‘чтобы кто-нибудь, согрешая в одиночку, несправедливо не погубил всех’ [БП: 203].

В. Н. Щепкин [1906: 217] предположил, что проблематичная форма «есть вероятно описка» вместо одного из двух причастий — действительного перфектного **сѣгрѣшъ** или действительного презентного **сѣгрѣшаѡ**. В. Ягич [1907: 600] в своем наборном издании Болонской Псалтыри исправил проблематичную форму («male non(онensis) **сѣгрѣша**») на **сѣгрѣшь**, ориентируясь, согласно комментарию, на чтения трех южнославянских Псалтырей, в которых в соответствии с греческим аористным причастием πταίσας читается перфектное действительное причастие — в Погодинской и Бухарестской псалтырях **сѣгрѣшь**, в Софийской псалтыри **сѣгрѣшъ**. Однако возможность презентного (а не перфектного) причастия в данном контексте сохраняется.

Позднее, в эпоху второго южнославянского влияния, когда написания с **а** на месте [ja] вошли в орфографический канон, причастия на **-аа** (на месте [aja]) независимо от исхода основы становятся нормальным явлением (*дѣлаа, пребываа, осѣцаа, просвѣцаа* и под.⁶). Но и на этом фоне аномальной выглядит единичная форма со стяжением гласных, встретившаяся, в частности, в рукописи «Космографии» Козмы Индикоплова (ГИМ, Увар. 566 1490-х гг.). Странным образом это вновь форма И. ед. м. глагола **просвѣщати**:

таче и свѣтїлнїкъ, на оужною странѣ поставї, просвѣща [вар.: **просвѣщаа**] **на сѣверъ землю** [КИ: 107].

Аномальность данной формы на фоне четырех корректных употреблений в том же памятнике (3 раза **просвѣщаа** и 1 раз **просвѣщааи**) побудила издателей осторожно обозначить ее в словоуказателе как форму 3 ед. аориста, оставив это решение под вопросом. В самом деле, с некоторой натяжкой славянскую фразу можно было бы интерпретировать таким образом, что форма аориста (не совсем обычная для глагола несовершенного вида) оказалась бы по смыслу на месте: ‘Также поставил он на южной стороне светильник. Он [светильник] освещал землю [, лежащую] к северу’. Сла-

⁶ Ср., в частности, в Толковом Апостоле в болгарском переводе XIV в. по Успенскому списку Великих четых миней Макария (толкование): **и бѣ видѣти на главами и, огнь не попаллє, нѡ осѣцаа. и просвѣщаа** (πῦρ οὐ καίον, ἀλλ’ ἀγιάζον καὶ καταλάμπων) [ГИМ, Син. 995, 485d].

вянский текст сокращен и изменен по сравнению с греческим, ср.: ἐν μὲν τῷ νότῳ τὴν λυχνίαν ἐπὶ τὰ λύχνους ἔχουσαν κατὰ τὸν ἀριθμὸν τῆς ἑβδομάδος, τύπον ὑπάρχουσαν τῶν φωστῆρων, φαίνοντας κατὰ τὴν τράπεζαν τὴν κεκλιμένην ἐν τῷ βορρᾷ ('на южной стороне [поставил он] светильник, служивший образом светил, имевший, по числу дней недели, семь свечей, освещающих стол, что стоит к северу') [Cosmas Indicopleustès 1968: 343]. В греческом, таким образом, проблематичной форме **просвѣща** соответствует презентное причастие φαίνοντας, согласованное не со словом 'светильник', как говорится в комментарии к изданию славянского текста [КИ: 318], а с В. мн. λύχνους 'свечи (семисвечника)'. Сохранение грамматической формы (активного причастия презенса) при переводе, пусть сокращенном, представляется более вероятным, чем замена на форму аориста, хотя полной уверенности здесь нет. В пользу причастия говорит и упомянутое при цитировании вариантное чтение с причастной формой **просвѣщаа** из рукописи «Космографии» (ГИМ, Увар. 60 нач. XVI в.).

Все приведенные примеры известны, каждый из них по отдельности осознавался как аномалия или ошибка и получал (как правило, в издании соответствующего памятника) ту или иную интерпретацию *ad hoc*. Собранные вместе, эти примеры складываются в группу спорадических употреблений стяженных форм презентных причастий. Возможно, таких примеров больше. Насколько случаен тот факт, что приведенные примеры касаются глаголов на *-ати* с основой на шипящий — **просвѣщати** и **сѣгрѣшати**, из-за ограниченности материала неясно. Очевидно, однако, что формы со стяжением чрезвычайно редки (в рамках старославянского канона единственная аномальная форма Синайской псалтыри противостоит десяткам корректных образований).

С точки зрения истории текста предложенное чтение **просвѣща** (< **просвѣщаа**) **еси** не кажется фантастичным, напротив, оно находит соответствие в определенной текстологической традиции 75-го псалма. Дело в том, что в Пс. 75: 5 расходятся чтения Септуагинты, с одной стороны, и чтения древнееврейского текста и Вульгаты — с другой стороны. В масоретском тексте Пс. 75: 5 (76: 5) использовано нигде в Ветхом завете более не встречающееся причастие от глагола со значением 'исполняться светом': nā'ōg 'attā (ВHebr). В Септуагинте этот гапакс передан с помощью формы презенса: φωτίζεις σύ. В латинской традиции на масоретский текст ориентирована Псалтырь iuxta hebraeos, Вульгата и псалтырный текст в «Толкованиях на псалмы» (Enarrationes in Psalmos) Августина, хотя древнееврейское причастие передается в этих источниках по-разному: существительным в первом случае (*lumen tu es*) и презентным причастием в двух других случаях (*inluminans tu*) [Vulgata 1985: 862—863; Rahlfs 1931: 208]⁷.

⁷ Чтению LXX-ти следует так называемая Psalterium Gallicanum (*inluminas tu*). Причастие в масоретском тексте, как отмечают комментаторы, имеет стативное

Если в Новгородской псалтыри видеть причастную конструкцию, то ее стандартный вид ***просвѣщаѣ еси тѣ** представляет собой прямую параллель чтениям Вульгаты и Августиновых «Толкований на псалмы». Равновероятными при этом остаются две возможности: 1) писец воспроизводит чтение, отличающее Новгородскую псалтырь от всех других древнейших славянских псалтырей и восходящее к особой текстологической традиции; 2) писец воспроизводит часто встречающуюся в Псалтыри конструкцию (возможно, записывая текст по памяти). В самом деле, оборотом «part. praes. act. + ‘быть’» переводчики Септуагинты регулярно пользуются наряду с формами презенса для передачи причастных конструкций древнееврейского текста. Славянские переводчики, в свою очередь, обычно удерживают греческую конструкцию (ср. Пс. 3: 2; 15: 5; 21: 10; 57: 12; 85: 10). Оправдан этот оборот и в контексте Пс. 75: 5.

В заключение обращу внимание на два обстоятельства. Все три обсуждавшиеся здесь ранние параллели к аномальному **просвѣща еси тѣ** Новгородской восковой Псалтыри обнаружались в памятниках, связанных (Пуятинина минея — предположительно) с западноболгарской (македонской) книжностью. При этом Болонская псалтырь относится к толковому типу, близость к которому Новгородской псалтыри уже отмечалась [Алексеев 2004: 201—203]⁸. Насколько неслучайны эти связи, покажут, можно надеяться, дальнейшие исследования.

Л и т е р а т у р а

Алексеев 2004 — А. А. Алексеев. О новгородских воощеных дощечках начала XI в. // Рус. яз. в научном осв. 2004. № 2. С. 201—206.

БП — Psalterium Bononiense. Болонски Псалтир: Български книжовен паметник от XIII век / Фототипно издание с увод и бележки от Иван Дуйчев. София, 1968.

значение и описывает свойство/состояние. В этом смысле понимается данный контекст и в переводах масоретского текста на современные языки, где причастие передается прилагательным или причастием, ср.: *ты славен* (Синодальный перевод), *ты блистателен* (Псалтырь в переводе Библейского Общества 1822), *glanzvoll bist du* [Gesenius 1987: 26], *umlichtet bist du* [Buber 1992: 114], *ein (glanzvoll) Leuchtender (warst) du* [Steurer 1999: 743], *aufstrahlend bist du* [Hossfeld, Zenger 2000: 383], *glorious are you* (New Revised Standard Version), *radiant you are* (New Jerusalem Bible), *lumineux que tu es* (La Bible de Jérusalem).

⁸ А. А. Алексеев [2004: 203] обратил внимание на две особенности восковой книги: 1) только в Новгородской и Синайской Псалтырях есть разделение псалмов на стихи (в Синайской с помощью инициалов, в Новгородской — с помощью линий); 2) в Новгородской Псалтыри отсутствуют надписания (начальные стихи) Пс. 75 и 76; исследователь склоняется к тому, что «надписания при копировании были приняты за толкования и опущены вместе с ними» в случае, если антиграфом служила Псалтырь толкового типа.

Вайан 2002 — А. В а й а н. Руководство по старославянскому языку. 2-е изд., стереотипное. М., 2002.

Зализняк, Янин 2001 — А. А. З а л и з н я к, В. Л. Я н и н. Новгородский кодекс первой четверти XI в. — древнейшая книга Руси // ВЯ. 2001. № 5. С. 3—25.

КИ — Книга нарицаема Козьма Индикоплов / Изд. подгот. В. С. Гольшенко, В. Ф. Дубровина. М., 1997.

Пенкова 2008 — П. П е н к о в а. Речник-индекс на Синайския евхологий. София, 2008.

ПМ — Новгородская служебная минея на май. XI век. (Путьтина минея): Текст, исследования, указатели. Ижевск, 2003.

Селищев 2001 — А. М. С е л и щ е в. Старославянский язык. Ч. 1. М., 1951.

Соболев 2003 — А. Н. С о б о л е в. Новгородская Псалтырь XI века и ее антиграф // ВЯ. 2003. № 3. С. 112—142.

СП 1954 — Синайская Псалтырь: глаголический памятник XI века / Приготовил к печати Сергей Северьянов: Editiones Monumentorum Slavorum veteris dialecti / Hrsg. vom Seminar für Slavische Philologie der Universität Graz. Graz, 1954.

Щеголева 2001 — Л. И. Щ е г о л е в а. Путьтина минея (XI в.) в круге текстов и истолкования. 1—10 мая. М., 2001.

Щепкин 1906 — В. Н. Щ е п к и н. Болонская псалтырь. СПб., 1906.

Ягич 1907 — Словѣньскаѣ псалтырь. Interpretationem veterem slavica cum aliis codicibus collatam, adnotationibus ornatam, appendicibus auctam ... edidit V. Jagić. Vindobonae, Berolini, Petropoli, MDCCCXVII.

Aitzetmüller 1977 — R. A i t z e t m ü l l e r. Belegstellenverzeichnis der altkirchenslavischen Verbalformen (= Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. T. XI). Würzburg, 1977.

Altbauer 1971 — Psalterium Sinaiticum: An 11th Century Glagolitic Manuscript from St. Catherine's Monastery, Mt. Sinai / Ed. by M. Altbauer. Skopje, 1971.

Arnim 1930 — B. v o n A r n i m. Studien zum altbulgarischen Psalterium Sinaiticum (= Veröffentlichungen des Slavischen Instituts an der Friedrich-Wilhelms-Universität Berlin / Hrsg. von M. Vasmer. 3). Leipzig, 1930.

Buber 1992 — Die Schrift. Verdeutsch von Martin Buber gemeinsam mit Franz Rosenzweig. Bd. 4: Die Schriftwerke. Verdeutsch von Martin Buber. 6. Auflage der neubearbeiteten Ausgabe von 1962. Stuttgart, 1992.

Cosmas Indicopleustès 1968 — Cosmas Indicopleustès. Topographie chrétienne / Introduction, texte critique, illustration, traduction et notes par Wanda Wolska-Conus; préface de Paul Lemerle. Sources chrétiennes. № 141. T. I. Paris, 1968.

Gesenius 1987 — W. G e s e n i u s. Hebräisches und Aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament / Bearbeitet und herausgegeben von D. R. Meyer, H. Donner. 18. Auflage. 1. Lieferung. Berlin u. a., 1987.

Hossfeld, Zenger 2000 — F.-L. H o s s f e l d, E. Z e n g e r. Psalmen 51—100 (Herders Theologischer Kommentar zum Alten Testament). Freiburg im Breisgau u. a., 2000.

Leskien 1969 — A. L e s k i e n. Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik — Texte — Glossar. 9. Auflage. Heidelberg, 1969.

Mareš 1997 — Psalterii Sinaitici pars nova (monasterii s. Catharinae codex slav. 2/N) / Red. F. V. Mareš. Wien, 1997.

Rahlfs 1931 — Septuaginta / Edidit A. Rahlfs. Bd. X: Psalmi cum Odis. Göttingen, 1931.

SSS — Slovník jazyka staroslověnského. T. III. Praha, 1982.

Steurer 1999 — R. M. Steurer. Das Alte Testament. Interlinearübersetzung Hebräisch-Deutsch und Transkription des hebräischen Grundtextes. Bd. 4. 1999.

Vulgata 1985 — Biblia sacra iuxta vulgatum versionem. T. I: Genesis — Psalmi. 3. Auflage. Stuttgart, 1985.

MARINA BOBRİK

THE SEQUENCE *PROSVĚŠTAESI*
IN THE NOVGOROD 11TH CENTURY PSALTER

The subject of the paper is the problematic sequence *prosvěštaesi* in Ps. 75:5 of the eleventh-century Novgorod Psalter written on the wax plates (*cerae*). This sequence has generally been thought to be a corrupted present-tense form of the verb *prosvěštati*. The author, however, argues that the sequence in question represents a participle construction *prosvěštaję esi*, written without jotation and consequently with assimilation and contraction of vowels in the final part of the participle. Some rare parallels to this abnormal form found in Slavic mss illustrate the author's interpretation. As this fragment is relevant for textology of Ps. 75:5 the interpretation could be of interest for the further investigation of the origin of the Novgorod Psalter.

Key words: Slavic Psalter, Novgorod, Old Church Slavonic, West-Bulgarian tradition of literacy, vowel contraction, vowel assimilation, present participle active, verb *prosvěštati*, textology.

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Отчеты о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2010 г.

В 2010 г. диалектологи Института провели 14 экспедиций — 9 российских и 5 зарубежных, сделав более 400 часов аудиозаписей русской диалектной речи. Состоялись экспедиции в Архангельскую, Вологодскую, Ярославскую области (севернорусские говоры); в Белгородскую, Брянскую, Воронежскую, Липецкую, Рязанскую, Тамбовскую области (южнорусские говоры); во Владимирскую область (среднерусские говоры). Зарубежные экспедиции в Молдавию, Эстонию, Бразилию, на Украину были связаны с изучением языка проживающих там русских старообрядцев¹. Ниже публикуются отчеты участников экспедиций о результатах проведенных ими полевых исследований. Отчеты подготовлены к печати под общей редакцией О. Г. Ровновой.

Экспедиция в Архангельскую область

1. С 3 по 13 июля 2010 г. наша экспедиция работала в селе *Борок* Вино-

градовского района Архангельской области. Полевое исследование стало продолжением работы по изучению говоров центральной зоны Архангельской области, начатой Е. В. Колесниковой в 2009 г., см. [Отчет 2009: 287—288].

Село Борок объединяет в своем составе около десятка небольших деревень. По данным историков и археографов, оно является одним из древнейших поселений района (XI—XII вв., деревня Борецкая). Согласно Новгородской первой летописи, село было вотчиной Марфы-посадницы — Марфы Борецкой. По одной из множества бытующих здесь легенд, этот край и стал последним прибежищем Марфы: именно здесь она построила огороженное поселение (д. Городок) и бежала сюда вместе с боярами после покорения Новгорода войском Ивана III. Сюда бежали и иконописцы, художники миниатюрной живописи и рукописной книги, принесшие на двинские земли лучшие традиции живописи Древнего Новгорода. Здесь был сформирован один из главных центров северодвинской прялочной борецкой росписи, самые ранние образцы которой датируются XIV—XV вв. К особенностям борецкой росписи относятся белизна фона, доминирование красного цвета, обильное использование сусального золота для украшения. Еще одна легенда рассказывает, что с. Борок (д. Городок) является местом рождения казачьего атамана Ермака Тимофеевича (родом «с Двины с Борку») [Булатов 2006: 262—264].

Село Борок на протяжении нескольких столетий являлось крупным старо-

¹ Все экспедиции, кроме экспедиций в Молдавию и Бразилию, проведены при поддержке гранта РГНФ № 10-04-18020е «Полевые исследования русских говоров России и зарубежья» (рук. Л. Л. Касаткин). Экспедиции в Молдавию состоялись в рамках гранта Президиума РАН на полевые исследования говоров старообрядцев (рук. Л. Л. Касаткин). Экспедиция в Бразилию поддержана грантом РГНФ № 10-04-18009е «Язык, певческая культура, экономическая деятельность старообрядцев Южной Америки» (рук. О. Г. Ровнова).

обрядческим центром. Старообрядцы бежали от гонений в труднодоступные северные земли. В деревне Скобели в 1970-х гг. археографы Пушкинского Дома обнаружили самую крупную на Севере старообрядческую личную библиотеку. Она принадлежала крестьянину Василию Матвеевичу Амосову — представителю некогда известного на Северной Двине рода крестьян Амосовых. Библиотека насчитывала более трехсот книг, среди которых литературные и исторические сборники, повести, посвященные борьбе русского народа за свою независимость, полемические сочинения, певческие рукописи и др. Библиотека хранится в Пушкинском доме, об истории ее приобретения см. [Библиотека В. М. Амосова]. В настоящее время старообрядческая традиция в Борке утасла.

2. Говор с Борок характеризуется следующими диалектными чертами.

В области фонетики отмечены рефлексы *ʙ между мягкими согласными: *м'ис'ом*, *с'ийош*, *св'ит'е*, *м'ис'еи*, *п'ер'емин'еца*, *посмотр'ит'*, *усп'ийут*, *с'ис'т'*, *запл'исн'ив'ет*; долгие твердые шипящие: *пр'ит'ашиш'ит*, *шиш'т'инк'има*, *холодн'ушиа*, *пр'ий'ежжой*; мягкое цоканье, у ряда информантов утрачивающееся: *гор'ац'его*, *ц'игунк'и*, *ц'ер'еп'ины*, *ц'эшк'и* и др.; отдельные случаи утраты затвора у аффрикаты *ц*: *сэркву*, *насáпат'*; в редких случаях реализация ⟨л⟩ как [ʏ] в слабых позициях: *жы'у*, *работа'у*.

В говоре зафиксированы следующие морфологические особенности. Названия детенышей во мн. ч., наряду с основами на *-ат*, имеют основу ед. ч.: *ребёнки*, *ребятёнки*, *мышонки*, *телёнки*, *котёнки*. У существительных в форме Р. п. мн. ч. продуктивно окончание *-ов*: *телёнков*, *ягод'ов*, *слов'ов*, *дел'ов*. В форме Т. п. мн. ч. употребляется окончание *-ма*: *робёнкима*, *горбу'шима*, *бóчкима*, *губникима*, *листо́чкима*, *шэ́т'инкима*.

В форме П. п. ед. ч. используется окончание *-и* у существительных 2 скл.: *на кон'и*, *на молок'и*, и окончание *-е* у существительных 3 скл.: *в пещ'е*, *в гряз'е*, *на лошаде́*. Отмечено последовательное обобщение основ местоимений 3 л. в косвенных падежах с начальным согласным *-н-*, употребляемых с предлогами и без предлогов, ср. *я селёдку свежую беру*, *кос(т)ки с не́е дергаю*; *трудно стало с нима* и *нее увидел*, и *он нее взял с собой*; *горящего него нельзя трогать*; *нему нужно было йехать*; *на противень положить них*; *кто ним разрешил держать*. Это обобщение может распространяться и на притяжательные местоимения: *помню нёйны* (ее) *слова*; *она была дочерью нёйной* (ее); *за брата за нег'ого* (его) *вышла взамуж*; *так они до смерти докормлены из н'ихных чашонок*. Личные местоимения в форме 3 л. мн. ч. имеют окончание *-е*: *онé*. Сравнительная степень прилагательных и наречий образуется с помощью суффикса *-аје-*: *поздн'яе*, *вкусн'яе*.

В области синтаксиса отмечено употребление при существительных согласованной постпозитивной частицы: *девка-та*, *бачёк-от*, *сестру-ту*, *разговоры-ти*. Изредка употребляются конструкции с кратким страдательным причастием на *-но*, *-нос'ь* в роли сказуемого и субъектом, выраженным формой Р. п. имени с предлогом *у*: *у меня така красива чашочка было принесёно*; *у мамы-то была машина куплено*; *уже жизнь вся прожита*, *у нее измученос'ь*.

Отмечены лексемы: *гря́дка* 'ларь для хранения муки', *гря́ять* 'издеваться', *коровáшка* 'круглый подовый хлеб, изготавливаемый из двух видов муки: ржаной и пшеничной', *коври́са* 'круглый подовый ржаной хлеб', *губник* 'закрытый пирог с любой начинкой, в том числе и ягодной', *коношо́нок* 'кузнечик'.

3. Как известно, при работе над Диалектологическим атласом русского языка (ДАРЯ) Архангельская область не

была включена в территорию обследования. Диалектные различия на всех уровнях языковой системы и их распространение на большой территории архаичного заселения не являлись предметом специальных лингвистических исследований, за исключением работы Л. П. Комягиной [1994]. Многолетние экспедиции МГУ им. М. В. Ломоносова, экспедиции ИРЯ РАН последних лет, лингвогеографические исследования О. Г. Гецовой и ее учеников, а также работа над созданием Лексического атласа русских народных говоров (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург) позволяют восполнить пробелы в этой области.

Говор с. Борок входит в особый микроареал среднего течения Северной Двины (Виноградовский, Холмогорский районы), выделенный О. Г. Гецовой по ряду признаков. К ним относятся употребление формы существительных м. р. в И.-В. пп. ед. ч. с конечным *-о* (*дóмо*, *стúло*), функционирование родового наименования пирога закрытой формы с любой начинкой *кúрник*, *кúконник* [Гецова 1997: 161]. По наблюдениям Е. А. Нефедовой, данный микрорегион дополнительно характеризуется употреблением лексем *мизгíрь* 'паук', *плéнка* 'паутина', *овéчник* 'гриб козляк', *обáбок* 'гриб масленок' и некоторых других [Нефедова 2008: 48, 51, 83]. В ходе нашего исследования также выявлены некоторые лексические особенности, выделяющие данный ареал среди прочих: *шáньга* 'выпечное изделие из жидкого дрожжевого теста без начинки, изготавливаемое в специальных формах' (на остальной территории данная лексема употребляется в значении 'ватрушка'); *дворяг*, *дворяга* 'муж, пришедший жить в дом жены' (в других районах Архангельской области в этом значении функционируют лексемы *двóрник*, *дворовíк*, *приёмьш*, *примáк*); лексемы с корнем *-царан-* (*царанáлка*, *царану́лька* и др.) для обозначения при-

способления для сбора ягод в виде деревянного или металлического совка, которые образуют микрону на стыке Виноградовского (входит только с. Борок) и Верхне-Тоемского районов (на остальной территории в данном значении употребляются лексемы с корнями *-бир-*: *побиру́шка*, *набиру́ха* и др., *-граб-*: *грабíлка* и др., *-рук-*: *ру́чка* и др.). Материалы нашей экспедиции подтверждают, что говор с. Борок входит в особую замкнутую микрону архангельских говоров, выделяемую, в первую очередь, по данным лексики. Наши наблюдения полностью согласуются с выводами О. Г. Гецовой о том, что «лексические материалы часто выделяют гораздо более мелкие ареалы, т. е. архангельские говоры [...], по данным лексики, дробятся на большее число зон, что в ряде случаев делает невозможным какие-то обобщения» [Гецова 1997: 185—186]. На наш взгляд, необходимо проводить дальнейшее изучение архангельских говоров не только для их детального лексикографического описания в «Архангельском областном словаре», но и для создания Диалектологического атласа архангельских говоров, призванного отразить актуальные для данной территории диалектные различия.

4. Говоры центральной зоны Архангельской области представляют значительный интерес для диалектной аспектологии. Одна из задач экспедиции заключалась в проверке и уточнении явлений, формирующих территориальные аспектуальные комплексы, в частности общедиалектный и севернорусский (см. характеристику территориальных аспектуальных комплексов в [Ровнова, в печати]). Во время экспедиции специальное внимание было обращено на материал, связанный с образованием, семантикой и функционированием видовых форм глаголов и способов действия в исследуемом говоре.

К явлениям общедиалектного аспектуального комплекса в говоре с. Борок относятся следующие.

1) Дополнительное маркирование имперфективным суффиксом *-ива/-ыва-* приставочных глаголов неоднаправленного движения НСВ (*завозить, выносить, приходить*, а также *выходить* *взамуж*): *отрубей тогда ешо не возили сюда в Борок, почему-то не заваживали; много молока вынашивали; ну дак я прихаживала и полпервого из бани; мать-то у них не выхаживала* *взамуж*.

2) Замещение в глаголах НСВ имперфективного суффикса *-а-* суффиксом *-ива/-ыва-* с отмеченным в некоторых случаях сосуществованием обоих аспектуальных дублетов (*сгаривать, приезжать / приезживать, приспособляться / приспособливаться*): *а вот себгоды всё где-то горят урожаи-то, <...> урожаи в жару-то сгаривают — передают по телевизору-то; какой-то батюшка приезжал сюда, хотел, видно, господановить [церковь] (ср.: дочка из города давно не приезжала, не хочет к нима ездить); раньше тожо как-то приспособлялись, распаривали [задохший хлеб], <...> приспособливались как-то.*

3) Образование перфективного коррелята видовой пары с помощью иной по сравнению с литературным русским языком чистовидовой приставкой.

Так, глагол изменения состояния *стареть* (о человеке) ‘становиться старым, старше, старше’ имеет в литературном языке перфективной парой глагол *постареть*, в исследуемом говоре (как, впрочем, во многих других) — *остареть*. Описывая семантические отношения в видовых парах, Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев видят в парах *стареть — постареть*, *лысеть — полысеть* и некоторых других особый тип градационных пар. По мнению авторов, они отличаются от подлинно предельных пар (например, от *лысеть — облы-*

сеть) тем, что обозначенный глаголом СВ процесс ограничивается не изнутри, а извне — моментом наблюдения. Глагол *полысеть* обозначает ‘в результате процесса лысения лишиться части волос (за время, прошедшее с некоторого предыдущего момента наблюдения)’, *облысеть* — ‘лишиться всех волос’, то есть достижение предела и невозможность продолжения процесса [Анна А. Зализняк, Шмелев 2000: 57—58]. Если использовать терминологию А. В. Бондарко, в первом случае глагол СВ обозначает достижение относительного предела, во втором — абсолютного.

Диалектный материал показывает двойственность семантических отношений в паре *стареть — остареть*. Они определяются контекстом. В одних употреблениях глагол *остареть*, как и лит. *постареть*, обозначает достижение относительного предела: *молода была — родителей доглядывала, а потом остарела, не взяли взамуж* (градационная видовая пара). В других употреблениях он обозначает достижение абсолютного предела: *уже жизнь вся прожита, у неё измученось, а у него... остарел* (‘стал старым, состарился’), *образумился* (предельная видовая пара).

В перфективации рассматриваемого глагола проявляется и такое общее свойство диалектных аспектуальных систем, как приставочная вариативность перфективного члена видовой пары. Кроме *остареть*, зафиксирован перфектив *застареть* ‘стать старым, состариться’, т. е. обозначающий достижение абсолютного предела: *бабки зауходили* (‘начали умирать’), *да и застарели: пора*. Вариантные перфективные корреляты с приставками *о-* и *за-* к глаголам состояния есть и в литературном языке (*зрубеть — озрубеть / зазрубеть, хмельеть — охмельеть / захмельеть* и др.), возможность их образования определяется синонимичностью этих приставок [Шелякин 2008: 109—110].

Использование иной приставки зафиксировано в образовании не только перфективного коррелята, но и начинательного способа действия: *И то давно шибко кино смотрела, я уж и призабыла. <...> Что-то мне запоминается (соответствует лит. вспоминается): вроде он проежжал на лошаде, неэ увидел, и он неэ взял с собой, забрал.* В примере употреблен имперфективный коррелят к начинательному глаголу *запомниться* 'вспомниться', не получившему отражения в собранном материале. В пользу интерпретации этого глагола как начинательного может свидетельствовать глагол *запомнить* 'вспомнить', известный в севернорусских говорах других территорий (Пудожский район Карелии, Кандалакшский район Мурманской области, Вытегорский район Вологодской области, см. [СРГК 2: 180]).

Из явлений, входящих в севернорусский аспектуальный комплекс, в говоре с. Борок отмечены следующие.

1) Экспансия суффикса *-ива-/-ыва-* в глаголы НСВ, оформленные суффиксами *-ва-* и *-ива-/-ыва-*, приводящая к появлению имперфективов с удвоенными суффиксами *-ыва-*, *-ивлива-*: *он и донига раздёвывался; я не спрашивливала, но у меня представленьё было, ичо раньше <...> каждого покойного в церкву возили отпевали.*

2) Высокая продуктивность глаголов многократного способа действия. Используемый иллюстративный материал записан от информантки 1933 г. р., окончившей 5 классов сельской школы, замечательной рассказчицы, хорошо сохранившей диалект. На диктофон записано около 5 часов бесед с ней; здесь используется расшифровка полуторачасовой аудиозаписи и материал записей от руки в экспедиционной тетради. В речи только одной этой информантки отмечен 21 многократный глагол (МГ) в 58 словоупотреблениях. В приводимом ниже алфавитном списке МГ да-

ются в условной начальной форме прош. времени ед. ч., с указанием количества словоупотреблений: *бегивал* 2, *брáнивал* 1, *брáнивался* 1, *бывывал* 4, *вэживал* (от *возил*) 1, *вáривал* 3, *вídывал* 1, *говáривал* 3, *дéлывал* 3, *едáл* 1, *эжживал* 1, *жáривал* 1, *клáдывал* 1, *мывáлся* 1, *певáл* 1, *пекáл* 6, *пéкивал* 16, *сэживал* 1, *слýхивал* 8, *тáскивал* 1, *хáживал* 1. Наиболее частотными оказались МГ с корнем *-пек-* из-за того, что в расшифрованном тексте большое место занимает специальная тема о выпечных изделиях.

Интересно отметить, что в собранном материале (хотя он далеко не полон) преобладает употребление МГ без отрицательной частицы *не*: 36 контекстов без отрицания, 22 контекста с отрицанием. Для севернорусской территории более типичны частные аспектуальные системы с преимущественным употреблением МГ в отрицательных конструкциях, как это было в языке старорусского периода. Можно думать, что различные частные диалектные системы отражают разные ступени формирования многократного способа действия в русском языке.

Судя по расшифрованному материалу, для МГ в неотрицательных конструкциях типично временное значение давности действия, которое сочетается с грамматическим значением узуальности у НСВ, коррелирующим с аспектуальным компонентом повторяемости в лексическом значении МГ: *Мы мало хватили... У нас вот рядом была жила староверка, дак она в Паску собирала старушок, молились на Паску-то, вот тут я бегивала. Наши родители и тó не были [староверами], прежде наших родителей все были староверы; — Пирог с ягодами на поду пекли или на сковородке? — Нет, на сковородке. Ягодны сковородки, а катом-то (кат, катыш 'тесто, раскатанное в длину') на поду пекивали, потому что там нече-*

му растекаться-то; Губники с грибами? Что-то я не помню. Картошку с рыжикима, я помню, солёными жаривали, ну и грибы там с картошкой, а чтобы губники — не знаю.

В конструкциях *не + МГ* значение давности отсутствует, отрицание носит обобщенный характер (*не делывала = не делала никогда*), НСВ имеет грамматическое видовое значение узуальности, коррелирующее с аспектуальным компонентом длительности в лексическом значении МГ: — *С рыжикима не делали губников? — Я не делывала, не могу сказать. Как них — не знаю, не делывала и не едала ни у кого, не могу этого сказать, не представляю. Можот, кто-то где-то и делывал; У меня рыбаков настоящих не было, так много я не пекала рыбников. Так где купишь, дак ушки (ухи) сваришь, да пожаришь да — не пекала так по-настоящему, и не научилась так рыбники пекчи.*

Примеры подобного употребления свидетельствуют о достаточно высокой степени сформированности многократного способа действия в говоре с. Борок.

4) Глаголы с приставкой *до-*, употребляющиеся в сочетании с наречием *дотого*, обозначающие длительное, интенсивное действие, которое может вызывать нежелательные последствия (диалектная разновидность финально-отрицательного действия): *Ведь лопнете, дотого доедите!*; *Вчера заходил к нам, шёл из магазина, дак он дотого договорит, дотого он говоркой!* (далее рассказывается о том, как хозяйке стало дурно от чрезмерной разговорчивости соседа).

5) Высокая степень морфологизации начинательного способа действия с приставкой *за-*. Имеются в виду частые случаи образования начинательных глаголов с помощью *за-*, которым в литературном языке соответствуют аналитические конструкции с *начать + инфинитив*: *Я пять классов кончила, и*

читать не пригаживалось много читать, потому что сразу в хозяйстве: печь. Раньше хлеб дома пекли, печь сразу запекла ('начала печь') *пятнадцати годов; В избе там сидели, я и говорю: «Колька, ну-ко поди* ('уходи'), *у меня всё вышло. Все у меня вышло», — я говорю. Западала, западала* ('стала падать, падать'), *сидела-сидела и западала. Всё у меня вышло, у меня в глазах всё смутилось.*

В дальнейшем планируется продолжить исследование говоров центральной зоны Архангельской области.

Е. В. Колесникова, О. Г. Ровнова

Экспедиция в г. Белозерск и Белозерский район Вологодской области

С 26 июля по 4 августа 2010 г. состоялась экспедиция в г. Белозерск и Белозерский район Вологодской области. Ее участники И. А. Букринская, О. Е. Кармакова и Е. В. Колесникова обследовали народно-разговорную речь трех деревень: Маэкссы, Куности, Артюшина. Основная цель экспедиции заключалась в изучении говоров, занимающих промежуточное положение между Вологодской (северо-восточной) и Ладого-Тихвинской (северо-западной) группами говоров. По диалектному членению К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой данная территория относится к Белозерско-Бежецкой межзональной группе. Экспедиция является продолжением начатого в 2009 г. исследования межзональных говоров Северного наречия, см. [Отчет 2009: 287].

Кроме того, был собран материал по теме «Язык провинциальных городов России». Информантами были жители г. Белозерска — люди разного социального статуса и образования: работники музеев, клубов, Центра ремесел, городские чиновники, библиотекари. Всего записано 30 часов аудиоматериалов.

В обследованных говорах отмечают следующие фонетические явления: полное оканье, сильная лабиализация *o* и переход его в [y] в первом предударном слоге: б[у]л^ото, з[у]р^ох, п[у]л^я, по преимуществу последовательное различие гласных в 1-м предударном слоге после мягких согласных: об[р'а]ж^ать, п[р'а]д^ут, [л'е]сн^ой, [д'е]вц^онка, через [р'е]к^у, [с'о]стр^ы, т[р'о]п^алка, по[л'о]-ж^ит; заударное ёканье: н^ол^о, в^ре[м'о], пост^е[л'о]ш, с^и[м'о]; на месте *ѣ перед твердым согласным спорадически встречается дифтонг [йе]: см[йе]х, н[йе]т, перед последующим мягким — [и]: ко[п'й]ёк, ме[д'в'й]дь, у[м'й]от, за[д'й]-льё ('занятие'), на[д'й]ли; спорадически отмечается *ÿ* на месте *в* в позиции конца слова и перед согласным: кл^асо^ÿ, насол^им судак^{оÿ}, Ко^ÿжа, освободимся от л^{оÿ}ли; альвеолярные («шпелявые») с''/з'': [з''ерн^о, [с''е]жал'и, [с''е]й год, упрощение групп согласных: [жыс''], [мос], бая[н'ис''] (баянист), в^едо[мос'], у отдельных информантов сохраняется последовательное мягкое цоканье с разной степенью палатализации, но у большинства отмечены лишь его реликты: св^е[ц'ец']ка, [ц']ерств^ого, [ц']ист^о, н^о[ц'']ей (ночью), [ц'']орна, [с'']ас''] ('сейчас'); сохранение мягкости сонорного в группе *-tert-: се[р']п, четве[р']з, выде[р']гать; мягкая шипящая аффриката ч', но спорадически встречается [ч] полумягкий и твердый: [ч']ерд^ак, д^о[ч']ка, попе[ч]ить; у отдельных информантов полумягкий [ч'] непоследовательно отмечается и на месте *ц*: рыб^а[ч']кие рукави[ч'ы]; твердые губные в конце слов: се[м], восе[м], люб^о[ф] — конкурируют с мягкими; употребляются долгие твердые шипящие: я[шшы]к, та[шш^а]т, д^о[жжы]к, а также произношение неупрощенной группы *ич* в речи отдельных информантов: му[шч]ина, ж^{ен}[шч]ина, су[шч]ик ('сушеная рыба'); широко представлено выпадение *-j-* в интервокальной пози-

ции с последующим стяжением в формах прилагательных: *деревянна палка, едина водна магистраль, (в)зросла деушка, ячменно пиво*, но с отсутствием последующего стяжения в глагольных формах: д^ел[аа]ца, рассказы[аа]т, забир[ээ]т, гр^аб[ээ]шса (от *гр^абаться* 'грести'); отмечается лексикализация отдельных фонетических явлений: ме-ш[е]чек — отсутствие перехода *e* в *o*; хол^онный, он^а — произношение [нн] в соответствии с литературным [дн], д^ер^е[мн]я, [мн]ж — [мн] в соответствии с [вн]; употребляются наречия *товд^а, ковд^а*.

В области грамматики отмечены следующие черты: существительное *лошадь* изменяется по образцу 1 скл.: на лошад^е, к лошад^е, иногда отмечаются падежные формы 1 скл. у других существительных 3 скл.: н^очей, с^олей (Т. п.); совпадение Д. и Т. пп. во мн. ч. существительных: жали серп^ам, с ягодам варили, с дет^ям; в окончаниях форм П. п. мн. ч. существительных, а также Р. и П. пп. мн. ч. прилагательных и других слов адъективного склонения отмечено *ф* на месте *х* (наряду с литературными формами): на машин^аф, в нянькаф, в деревняф, на лошадкаф; у стар^ыф людей, так^иф лесников не было, этиф, как^иф сортов, в разныф кринках, до чет^ыр^еф классов; употребляются собирательные существительные на *-jo*: волось^е, ст^уль^е, ст^уль^а-то всякого, уголь^е, уголь^е, за угольем, кирпич^ь, камень^е, кустов^ь; наряду с формами *мать, отец* встречаются *м^атка и б^атько, с б^атьком*; отмечена архаическая форма инфинитива *печ^и пироги* и выравненная парадигма: *пеку, пек^ет, пек^ем*; употребляется глагол *хорон^ять* вместо *хорон^ить*; безударный возвратный постфикс *-си(ы)* наряду с *-сь* и *-ся*: пов^ешал^{сы}, назыв^алас^и, связ^алас^ы, пришл^оси, р^ушил^оси, уч^илис^и, раздир^у[цы], пасу[цы]; встречается суффикс сравнительной степени *-ае*: тепл^яе, бел^яе, по-

бедняе, погорячае; в В. и Р. пп. зафиксирована форма местоимения ж. р. *её, у её*, в Д. п. — *к ей*; употребляются формы краткого страдательного причастия с суффиксами *-н-* и *-т-* в значении перфекта: *сколько перестра́дано, про́жито; порабо́тано в колхозе задаром, с каким председателем не потанцева́то, на стол-то бра́но* ('куплено'), *с семи лет по́йдено работать, всё навывишва́но*, спорадически встречаются итеративные формы: *я сама бира́ла, она мне не снива́лась ни разу* и формы плюсквамперфекта: *вино всегда было стояло, свёкор уж помёр был, медсестра была дежурила*; употребляются частица *дак* и повторяющийся сочинительный союз *да*: *всю жизнь пила дак; 15 годов работала в колхозе дак; ушла на пенсию дак; за куницей да, за лисицей да; приедут да, поедят да*.

В области лексики отмечены северные черты: *баско́й* 'красивый', *бесе́да, бесе́дка* 'вечернее собрание молодежи', *ве́дро* 'хорошая погода', *кваши́я* 'деревянная посуда для ржаного теста', *кря́нка* 'глиняная посуда для молока', *мураши́* 'муравьи', *паха́ть* 'мести, обметать (потолок, сажу)', *пого́да* 'плохая погода', *причита́ть* 'исполнять обрядовый плач', *суслóн* 'малая укладка снопов'; северо-восточные черты: *молоти́ло* 'орудие для ручной молотбы, цеп', *мо́ст* 'сени', *огоро́д* 'изгородь', *песте́рь* 'мешок для перенесения тяжестей', *у́повод* 'время работы без перерыва'; сосуществование северо-восточных и северо-западных черт: *бо́льно* и *гора́зд* 'очень', *жи́то* 'любое зерно', реже 'ячмень', *де́ргать* и *таска́ть лён* 'убирать лен', *пова́лиха* и *загу́ста* 'каша из муки'.

Кроме того, в говоре употребляются следующие лексемы: *беля́к* 'большие волны на озере', *выть* (*выти не знаешь*) 'порядок в еде; аппетит', *гра́баться* 'грести', *дуга́* 'радуга', *жадобный* 'доугой', *жа́гать* (*жа́гать на парусу*)

'быстро что-либо делать', *зало́га* 'отдых', *зало́говать* 'отдыхать', *заро́д* 'большая укладка снопов', *кончесво́дка* 'сплетница', *кropáть* 'шить, штопать, делать ремонт, ставить заплату', *ля́ман-дать* 'болтать без дела', *марака́с* 'паук', *ме́каться* 'казаться', *наразу́* 'сразу, без перерыва', *ни́ва* 'полоса, засеянная злаками; надел земли', *ноче́сь* 'прошлой ночью', *о́пнуться* 'очухаться', *осене́сь* 'прошлой осенью', *отвара́ушки* 'сыроежки', *оцовойльничать* 'насмехаться', *пеу́н, певу́н* 'петух', *подпо́льё* 'подвал, имеющий ход из кухни', *подхолóдное* 'окрошка', *пожо́г* 'костер', *поставно́й* 'хороший, самостоятельный (о лице)', *приказа́ть* 'пригласить', *при́тка* 'беспокойство, неясная болезнь', *проти́ши* 'иголка со сломанным ушком для ворожбы', *расхо́жая* 'шустрая, умелая', *рогу́льки, рогу́жки, нали́тки* 'виды пирогов', *су́шишик* 'сушеная рыба', *та́мотко* 'там', *ти́на* 'стебли огурцов, картофеля, моркови', *тобо́лки, тобо́лочка* 'пирожки с ягодами', *худой* 'плохой', *ши́ньгать* 'дергать'. Отмечены устойчивые экспрессивные выражения: *помни корова, когда лето было; Господь сирота́м попечитель; душу не рони́ть* 'не опозориться'; *жаб сел* 'замолчи'.

Анализ Белозерско-Бежецкой группы межзональных говоров по данным ДАРЯ и материалам экспедиций в города Устюжну (2009 г.) и Белозерск (2010 г.) показал, что названная группа не представляет собой полного единства и входящие в ее состав говоры имеют разное происхождение.

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова,
Е. В. Колесникова

Экспедиции в Почепский район Брянской области

1. Полевое обследование говоров Почепского района Брянской области было начато мной в 2006 г. и продол-

жено в 2009 г. Результаты этих экспедиций отражены в [Отчет 2006: 305; Отчет 2009: 284—285]. В октябре и ноябре 2010 г. состоялись еще две мои поездки в Почепский район общей продолжительностью 15 дней. Их результатом стал материал, собранный: а) по лексическим и синтаксическим разделам программ для составления национальных диалектологических атласов восточнославянских языков; б) почти по всей лексической части Вопросника ОЛА; в) по Программе для составления региональных словарей (по теме «Человек»). Корпус аудиозаписей почепского говора пополнен на 20 часов. В их числе записи от представительницы архаического слоя говора (89 лет); немалое количество метаязыковых текстов и высказываний, являющихся редким жанром в корпусе диалектных текстов.

В 2010 г. был обследован говор деревень Староселье, Пушкири, Стригово (ныне поселок Московский), которые прежде входили в один колхоз; они находятся примерно в 40 км на юго-юго-запад от Почепа. В настоящее время эти деревни почти не заселены, многие их жители переехали в Почеп.

2. Данные истории, археологии, лингвистики свидетельствуют о том, что почепские говоры были зоной языкового контакта, особенно в прошлые века. Спецификой подобных языковых систем контактологи считают такой характер их развития, при котором, с одной стороны, в них сохраняется архаика, с другой — они имеют высокий инновационный потенциал; кроме того, в них высока вариантность, параллелизм форм. На основании материала, собранного в четырех экспедициях, можно говорить о хорошей сохранности архаики как в словарном составе говора, так и в его фонетике и грамматике.

Почепские говоры входят в ареал русско-белорусско-украинского пограничья («брянский угол»). В 1920-е гг.

эти говоры были описаны П. А. Расторгуевым [Расторгуев 1927]; позднее он составил словарь этих говоров [Расторгуев 1973], в котором использовал материалы, собиравшиеся в этих краях еще с середины XIX в. Обследованные мной деревни Почепского района (Староселье, Пушкири, Стригово) не вошли в описание П. А. Расторгуева и, соответственно, не отмечены на карте к его монографии. Сопоставление собранных мной материалов с описанием говора, сделанным этим ученым, и данными названного словаря показывает, что большая часть отмеченных П. А. Расторгуевым фонетических, грамматических, лексических архаических черт в почепском говоре сохранилась, однако снизилась частотность, регулярность ряда архаизмов (речь идет об их сохранности в идиолектах, носители которых до преклонного возраста жили и работали в деревне и к старости переехали в город, поближе к своим детям).

П. А. Расторгуев называет ареал русско-украинско-белорусского пограничья северско-белорусским говором и считает его сформировавшимся на белорусской основе, а с 30-х гг. XX в. испытывающим влияние со стороны русского литературного языка и южнорусских говоров [Расторгуев 1973: 18—20]. Этот его вывод, как кажется, может быть распространен и на говор д. Староселье: белорусских черт в нем, действительно, очень много. При этом важно, что эти черты как бы маргинальны: они «на периферии» речи, не в активном словаре, поэтому обнаруживаются всё больше и больше только по мере углубления знакомства с говором и его носителями. С моей точки зрения, это свидетельствует о правильности вывода П. А. Расторгуева о речевой ситуации в говорах ареала. Что касается украинизмов, то П. А. Расторгуев считал их долей в северско-белорусском говоре незначительной. Вопрос о составе и доле

украинизмов в почепском говоре (д. Староселье и другие) требует уточнения, необходим дальнейший сбор материала и исследование: в почепском говоре, кроме сходных с северско-белорусским говором черт, обнаружены и особенности, отсутствующие в описании и словаре П. А. Расторгуева.

В современном говоре зафиксированы многие специфические черты в словообразовании, в лексической семантике слов литературного языка. Вопрос заключается в том, являются ли они инновациями, или же специфическими традиционными чертами почепского говора, или украинизмами и белорусизмами, или окказионализмами. Для ответа на эти вопросы требуются дальнейший сбор материала и его анализ. См., например, особенности в словообразовании наречий и других частей речи, особенности фонемного состава слов: *глытакá* 'глотком', *ганáе ганакá* 'прыжком, прыжками', *порóть поракá* 'с силой протыкать что-либо чем-либо тонким, острым', *глотать целмакá* 'глотать целым, не разжевывая', *частекá* 'часто', *пешакá* 'пешком', *реёт рывакá* 'о сильной боли в спине', *ломать ломакá* 'ломать что-либо руками, без помощи режущих инструментов'; *местинка* 'местечко'; *у́стинка* 'уголки губ', 'заеды'; *кладочки* 'складки на юбке, платье и другой одежде'; *наглядáть кого-либо* 'приглядывать за кем-либо'. Неисчерпаемым кажется лексическое своеобразие говора: *гартáть* 'листья (книгу)', ср.: *гартáнье* 'перелистывание', *гартни!* 'переверни страницу', *отгáрнывай!* 'перелистывай'; *худóба* 'крупный домашний скот', *дробинá* 'мелкий домашний скот', *дичь* 'дикие звери'; *обряжáться* 'ухаживать за скотом', *мжа* 'мгла, туман', *мжит, мжаит* 'моросит'; *припу́тить что-либо* 'приспособить, найти применение чему-либо'; *сдыхля́тина* 'падала, дохлое животное'; *сёрбатъ* 'хлебасть', ср.: *жи́жечку по-*

сербáю; не берут сурóцы 'не берет сглаз', *осу́рочена, сру́шлівая* 'уязвима для сглаза'. Обнаруживают своеобразие в семантике некоторые общерусские слова: *в то время молча хрестили* 'тайно'; *воду наберу и прáва* 'спокойна за себя, уверена в своем благополучии' (имея запас воды); *я ба́ба гря́зная* 'не слишком чистоplotная'; *такой был закон* 'так было принято, таков был обычай' и др. Обращает на себя внимание более регулярное по сравнению с другими говорами образование существительных для обозначения детенышей животных, мужских и женских особей и глаголов в значении 'приносить потомство': *крот, кротíха, кротеня́та, окротíться; крысáк, крыса; мышь, мышеня́тки; заяц, зайчи́ха, зайча́тки; ёж и ёжик, ежи́ха, еженя́тки; крол, крольчи́ха, кролёночек, окролі́ться и отруша́ться* (от *трус* 'кролик') и др. Отмечается предлог *мимо* 'кроме, помимо': *найшёл сабе мимо жонки когóсь*, целевая конструкция типа *пойду́ воды* 'за водой', подчинительные союзы *что* и *того что*, присоединяющие придаточные причины, и другие синтаксические особенности.

3. В экспедициях 2010 г. работа была нацелена прежде всего на сбор лингвогеографически сопоставимого лексического материала, что связано с интересом к определению места почепского говора среди восточнославянских диалектов (эта задача поставлена в [Вендина 2009: 10]). В какие славянские ареалы входит говор? Каковы связи данного говора с восточнославянским и общеславянским диалектным пространством? Собранный по Вопроснику ОЛА лексический материал и его сопоставление с данными карт ОЛА показывает эти связи. Представляет интерес дальнейшее более детальное сопоставление собранного в экспедиции и картографированного в ОЛА материала. Вопросник для этого атласа включает прежде

всего праславянскую лексику, поэтому между материалом живого говора и картографическими данными обнаруживается много общего, и прежде всего в корнях; при этом разнообразные различия, схождения, связи почепского говора обнаруживаются на уровне словообразования и фонемного состава слов. Подобных фактов схождения много и на картах [ОЛА 1988], о чем пишет Т. И. Вендина [Вендина 2009: 37], а в экспедиционном материале их еще больше.

По Почепскому району в сетку ОЛА включена только д. Буда (нас. пункт 799). Собранный мной материал, как правило, совпадает с данными по говору д. Буда, иногда только «перекликается» с ним, в отдельных случаях — отличается.

Если рассмотреть материал, собранный в экспедициях по разделу «Животный мир» Вопросника ОЛА, то из запрашиваемых лексем (их около 80) от широко распространенных в славянских говорах отличаются корнями следующие слова: *черногуз* ‘аист’, *палоники* ‘головастики’, *тереховка* ‘бабочка’, *нереты* ‘рыболовные сети’, *ипаки* ‘воробы’.

В обследованном говоре отмечаются также следующие слова тематической группы «Животный мир»: *глисты* ‘крупные дождевые черви, имеющие слегка сплюснутую форму’; *стрекоза* ‘кузнечик’, ср.: *стрекозы бывают летучие и прыгучие; птушки* ‘птички’; *клёв* ‘клюв птицы’; *плексункі, плескóтки* ‘один из видов рыб’, *плóтки* ‘плотва’; *слепая мышь* ‘летучая мышь’; *кротіна, кротіная кóчка* ‘кучка рыхлой земли, вырытая кротом’, *вуж* ‘уж’; *паўк* ‘паук’; *поплавкі* ‘плавники рыбы’; *шелухá* ‘чешуя рыбы’, *удіще* ‘удочка’; *червяк* ‘улитка без раковины’ и др.

Обследованный почепский говор деревень Староселье, Пушкари, Стригово входит в ареал «брянского угла», а по-

следний показывает своеобразие в своих связях со славянскими диалектами — по сравнению с другими русскими говорами. Это подтверждается распределением лингвогеографических ареалов, которые даны Т. И. Вендиной на обобщающих картах к ее монографии: прежде всего на карте 111, а косвенно — на картах 108—110. Говоры «брянского угла» относятся к ареалу «центра» Славии, а русские и говоры южнославянских языков — к ареалу ее «периферии». В говорах «центра» сосредоточены «точки высокой концентрации лексических корреспонденций» лексем, которые имеют общеславянский характер распространения [Вендина 2009: 443, 445].

Сравнение собранного экспедиционного материала с данными карт [ОЛА 1988] показывает, что чаще всего говор д. Староселье и других входит в общевосточнославянские ареалы, а также в общеславянские и русско-белорусские, реже — в украинские и русско-украинские ареалы.

Н. Л. Голубева

Экспедиции во Владимирскую, Воронежскую, Рязанскую, Тамбовскую и Ярославскую области

Комплекс произносительных навыков, реализуемых в процессе артикуляции звуков речи (артикуляционная база, АБ), может не совпадать в различных языках и диалектах одного языка. Говоры русского языка не представляют единства с этой точки зрения; различия в АБ фундаментальны и обусловлены языковыми особенностями племенных диалектов, поздними языковыми контактами и, конечно, внутренним развитием фонетической системы. К сожалению, характеристики диалектных различий русского языка на основе варьирования признака АБ не существ-

вует. Артикуляционная фонетика не входила в сферу описания ДАРЯ в то время, когда шел сбор данных (первые материалы относятся к 1938 г., а наибольшее количество материалов собрано в 1960—1970-е гг.). Кроме того, выполнить такую работу не позволял уровень звукозаписывающей и анализирующей техники. Сегодня есть возможность проводить исследования АБ: современные записи диалектной речи имеют высокое качество и создаются в цифровом формате, который удобен для компьютерной обработки.

Исследование АБ гласных и согласных представляет собой связанные, но вполне самостоятельные подходы к описанию фонетической системы. Оба подхода реализованы в прошедших экспедициях во Владимирскую, Воронежскую, Рязанскую, Тамбовскую и Ярославскую области (руководитель И. И. Исаев). Сбор материала показывает, что типологически различные модели АБ имеют характер многочленного противопоставления и могут быть картографированы по мере накопления данных.

Владимирская и Рязанская области. Экспедиции на юг и юго-восток Владимирской области во Владимирско-Поволжские говоры проводятся начиная с 2004 г. Цель экспедиций состоит в изучении артикуляционной базы звуков речи, сегментной и суперсегментной фонетики.

В современном состоянии говоров Рязанской и Владимирской Мещеры в разной степени отражено историческое взаимодействие финно-угорского и русского языков, диалектов Ростово-Суздальской и Рязанской земель, современных диалектов Рязанской (Восточной) группы говоров, восточных среднерусских акающих и окающих говоров. Все эти процессы рядом частных вопросов включают проблему развития мещерских говоров в общую проблему эволюции среднерусских говоров. Пер-

воначальный выбор территории для работы был обусловлен ее названием — Мещера, однако экспедиции показали, что сколько-нибудь значительный и безусловный финно-угорский субстрат на этой территории не всегда может быть установлен и описан. Между тем в мещерских экспедициях последних лет были обнаружены фонетические черты, представляющие значительный интерес для диалектологов-славистов.

По Программе собирания сведений для составления ДАРЯ в Курловском районе Владимирской области было обследовано 11 населенных пунктов (указывается номер каждого пункта и год его обследования по Восточному тому ДАРЯ): № 318, д. Мокрая, 1947 год; № 319, д. Курлово, 1947 год; № 320, с. Окатово, 1949 год; № 323, д. Липовые Поляны (иначе Липовка, Старая), 1945 год; № 324, д. Уляхино, 1947 год; № 327, д. Ленки, 1945 год; № 329, д. Астахово, 1947 год; № 349, д. Ильино, 1947 год; № 351, д. Икшево, 1947 год; № 356, д. Купреево, 1947 год; № 359, с. Колпь, 1947 год. Некоторые из этих населенных пунктов уже не существуют.

На протяжении 2004—2010 гг. проводились экспедиции в Приозерную Мещеру. Эта территория расположена к востоку и северо-востоку от мещерских озер (юго-запад Владимирской области, Гусь-Хрустальный район и Рязанская область, Спас-Клепиковский район). Сделаны записи речи в деревнях, входивших прежде в северо-восточную часть Касимовского уезда Рязанской губернии, а также расположенных на пограничных территориях в Судогодском и Меленковском уездах Владимирской губернии. Говоры типологически различны: это восточные среднерусские *акающие* (рязанские) и *окающие* (владимирские). Несомненный интерес вызывает их контактное расположение на небольшой территории площадью примерно 50 × 50 км.

В записи материала в разные годы принимали участие аспиранты ИРЯ РАН С. В. Дьяченко, Е. В. Калугина, А. Л. Ершов и студенты московских университетов Р. Евстифеева, С. Козлова, Н. Сницаренко, Е. Шаульский. Большую помощь в работе экспедиций оказывал Н. И. Скулов — краевед, директор Перовской школы Гусь-Хрустального района Владимирской области. Собран материал из 49 населенных пунктов Владимирской и Рязанской области. В Гусь-Хрустальном районе Владимирской области обследованы деревни Аристово, Астахово, Бобры, Бутылки, Васюнино, Головари, Демидово, Демино, Долбино, Заболотье, Заколпье, Залесье, Икшево, Ильичёвка, Крюково, Купреево, Лазаревка, Мокрое, Новодурово, Новомальцево, Овинцы, Окатово, Палищи, Парахино, Перово, Рязаново, Семёновка, Сивцево, Старково, Тальново, Тихоново, Труфаново, Трушкино, Тюрвищи, Уляхино, Федотово, Филатово, Цикул, Часлицы, Шабаново, Швертни, Якимец; в Меленковском районе Владимирской области — Синжаны, Тимошино; в Спас-Клепиковском районе Рязанской области — Алексеево, Перино, Новоникольск (Новики), Лихунино, Ильино (Ильгино).

Одной из основных задач каждой поездки становилась запись материала в говорах с «аномальным» поведением согласных перед гласными переднего ряда. Известны четыре такие модели, построенные по схеме «согласный + гласный переднего ряда»: отсутствие смягчения согласного, неполное смягчение, «нормальное» смягчение (палатализованность) и гиперсмягчение (палатальность).

Тамбовская и Воронежская области. В июле 2010 г. мы провели 15-дневную экспедицию в село Верхнеспаское Рассказовского района Тамбовской области и три района западной части Воронежской области.

Тамбовская экспедиции была организована для проверки и записи материалов по южным (юго-восточным) говорам, в которых были отмечены мягкие согласные перед гласными переднего ряда и на конце слов в соответствии с мягкими согласными литературного языка: [д'эн], [п'эн], о[тэ]и, [т'й]хо и т. д. В ДАРЯ есть карта, посвященная этому явлению. Факты несмягчения согласных перед гласными переднего ряда (кроме [е] из *ѣ) спорадически встречаются на всей территории Центра Европейской части России, но системы с твердыми на конце слов дают более компактные ареалы: на севере это Вологодская и Кировская области, в которых несколько десятков населенных пунктов имеют такую особенность консонантизма; на юге это *всего один* населенный пункт в Тамбовской области, который и был выбран для изучения. Собранный материал показал, что предположения об ошибочности знака на карте подтверждаются: отношения согласных в этом говоре основаны на различии палатализованных и непалатализованных, в том числе — в конце слова перед паузой. Даже в речи самых старших представителей говора 80—90 лет случаи несмягчения согласных перед гласными переднего ряда единичны.

Основная задача воронежской части южной экспедиции заключалась в сборе материала в говорах с архаическим типом аканья-яканья. Кроме того, по методу формантной сетки устанавливалась артикуляционная база гласных. Даваемые на слух характеристики гласных — «открытый», «закрытый», «сдвинутый вперед», «сдвинутый вверх» и т. д. — могут иметь исчисляемые параметры. Применение метода формантной сетки дает возможность изменить позицию наблюдателя и позволяет переместиться на место диалектоносителя в оценке качества звука.

Были обследованы село Перлёвка Семилукского района, село Истобное Репьёвского района и село Мастогино Острогожского района. Применение этого метода позволяет увидеть особенности звуков языка конкретных говоров и сравнить системы гласных между собой. С. В. Дьяченко провела такое сравнение на южном материале и обнаружила различие между архаическими типами яканья, которое объясняет несовпадающие пути их развития, выражающиеся в прикрепленности различных вариантов к фонетической позиции, в дальнейшей их грамматикализации и лексикализации.

Ярославская область. В октябре-ноябре 2010 г. мы провели 10-дневную экспедицию в Первомайский район Ярославской области. Север Ярославской области находится на границе Вологодско-Кировской и Костромской группы говоров. Первоначальный выбор территории для экспедиционной работы был связан с Кировской областью, той ее частью, которая вошла в ДАРЯ. В Свечинском районе Кировской области, по данным ДАРЯ, зафиксированы согласные неполного смягчения, в том числе на конце слова перед паузой. Однако выяснилось, что на сегодняшний день плотность населения здесь стала очень низкой, что вызвало сомнение в целесообразности поездки. Было решено заменить Кировскую область на Ярославскую, где в трех населенных пунктах отмечена та же фонетическая особенность взаимодействия гласных и согласных.

В результате работы удалось зафиксировать речь нескольких информантов, сохраняющих эту диалектную особенность вполне последовательно. Оказалось, что механизмы взаимодействия гласного и согласного одинаковы в различных говорах: северных, среднерусских и южных. Одним из способов передачи фонологической мягкости соче-

тания «согласный + гласный переднего ряда» в условиях отсутствия фонетической мягкости является схема «твердый согласный + глайд переднего ряда + гласный непереднего ряда». Примеры из говора д. Старково Владимирской области: [фсй̯о] (всё), [нэминё̯э̯ют] (наменяют) и т. д. Иной способ передачи мягкого сочетания «согласный + гласный переднего ряда» используется в том случае, когда в говоре возникает изменение апикальной артикуляции на дорсальную: в слове [с̥истр'э̯] первый звук [с̥] неоднородный, его общая длительность 213 мс, звук формируется как твердый (155 мс), затем возрастает напряженность и возникает дополнительная артикуляция мягкости (58 мс). Примерно 2/3 длительности этого согласного твердые, что достаточно для восприятия всего звука как твердого, несмотря на то что очевиден переход к мягкой артикуляции.

Артикуляционная база литературного языка и части говоров имеет дорсальный уклад. Это значит, что при артикуляции переднеязычных согласных активной является передняя часть языка, его спинка. Артикуляция мягких согласных сопровождается смещением зоны контакта в среднюю часть нёба (палатализацией), артикуляция заднеязычных связана с веларизацией — поднятием задней части языка к мягкому нёбу. Два этих основных положения языка формируют и реализуют противопоставление твердых и мягких согласных. Апикальная артикуляция согласных (выполняется кончиком языка) не способствует формированию противопоставления твердых и мягких согласных. При таком укладе затруднена среднеязычная артикуляция, так как прогнута средняя часть языка. Такие согласные являются, как правило, альвеолярными или постальвеолярными, рождающими акустическое ощущение полумягких или твердых.

Результаты проделанной аналитической работы отражены в докладах и статьях [Дьяченко 2010, в печати; Исаев 2009; 2010а; 2010б].

И. И. Исаев, С. В. Дьяченко

Экспедиции в Белгородскую, Липецкую, Владимирскую области

Три короткие экспедиции — в с. *Роговатое* Старооскольского района Белгородской области, с. *Малинино* Хлевенского района Липецкой области и дд. *Ягодина* и *Тихоново* Гусь-Хрустального района Владимирской области — проведены в 2010 г. для сбора материала по говорам с различением двух фонем «типа *о*». Материал по фонетике и фонологии, морфологии и акцентуации говором собирался при помощи вопросников; записаны также образцы спонтанной речи (монологи и диалоги) общей продолжительностью свыше 50 часов. Ниже дается самая общая характеристика материала.

1. Население с. Роговатое (местное название — *Роговатка*, *Роговатовка*) — около 5 тыс. человек; в селе есть средняя школа, клуб; местным говором пользуются жители села всех возрастов, однако только язык старшего поколения (60—90 лет) характеризуется архаичностью и насыщенностью диалектными особенностями. В с. Малинино живет чуть более тысячи человек, среди них много пенсионеров; есть клуб; начальная школа недавно закрыта. Местным говором в полной мере владеют 60—90-летние жители села. Люди среднего возраста (как правило, имеющие среднее образование) не говорят на местном говоре; их идиолекты занимают то или иное положение между полудиалектом и диалектно окрашенным литературным языком. Куст деревень Гусь-Хрустального района Владимирской области, к которому относятся

Ягодина, Тихоново и Избищи, вместе насчитывает около тысячи жителей, из которых большая часть — люди старшего возраста. Здесь недавно закрыты школа и медпункт, сельская администрация переведена в поселок Уршель в 17 км от Тихонова, нет регулярного транспорта. Среднее и младшее поколение говорит на литературном языке, без каких-либо серьезных отличий от разговорного языка москвичей. Местный говор сохраняется только у стариков. Во всех перечисленных селах и деревнях остро стоит проблема трудоустройства, так что молодежь вынуждена искать работу за пределами родного села, что тоже создает угрозу для дальнейшего существования говором. Из всех перечисленных говором владимирский, по-видимому, в скором времени будет полностью утрачен.

2. Говоры сел Малинино (стоящего на реке Воронеж примерно на полпути между Липецком и Воронежем) и Роговатое (в 40 км к востоку от Старого Оскола; в недавнем прошлом село относилось к Воронежской области) близки друг другу и оба принадлежат, согласно диалектному членению К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой, к «межзональным говором типа Б» южнорусского наречия (Роговатое — к оскольским, Малинино — к елецким). Межзональные говоры типа Б тянутся довольно широкой полосой с юга на север, охватывая верхнее и среднее Придонье. Оба говора сочетают яркие признаки Юго-Восточной и Юго-Западной диалектных зон. «Юго-западными» их признаками, в частности, являются: (1) окончания презенса глаголов I спряжения, содержащие фонему /e/ (2 ед. *идѣи*, 3 ед. *идѣ*, 1 мн. *идѣм*, 2 мн. *идѣте*); отсутствие /-т'/ в окончаниях глаголов 3 л. — ед. ч. I спр. и мн. ч. II спр. (3 ед. *идѣ*, *прід'а*, *хуѣд'а*, *стаіт'*; 3 мн. *идѣт'*, *прідут'*, *хуѣд'ут'*, *стаіа́*); (2) системы *а*-склонения существительных с окончанием

Д. п. ед. ч. *-/и/* (*с'астры́, ма́мы*), в говоре Малинина, впрочем, — только в остаточном виде; (3) управление предлога по местным падежом (*к сн'и́ёуу, но по (на) сн'ауу*); (4) окончание Р. п. ед. ч. м. р. адъективного и местоименного склонений *-/у́доу/* (содержащее фонему */у/*: *бал'шудуо, тауо*); (5) окончание косвенных падежей ж. р. ед. ч. местоименного склонения *-/ей/*, представленное, правда, только у слова *один: аднэй*. Существенно, что все эти особенности свойственны лишь западной части Юго-Западной диалектной зоны; они отсутствуют в говорах Курско-Орловской группы, расположенных к западу от межзональных говоров типа Б. Учитывая пучок перечисленных изоглосс, границу Западной диалектной зоны в принципе можно проводить «в обход» курско-орловских говоров, включая в Юго-Западную зону «межзональные» говоры Придонья; при этом отдельные признаки «межзональных» говоров представлены и значительно севернее — в рязанских и южных владимирских говорах. По всей вероятности, говоры Придонья и связанные с ними рязанские и владимирские говоры образовались в результате массовой миграции населения из какой-то юго-западной области на Дон и дальнейшего переселения из Придонья на север (судя по тому, что количество юго-западных диалектных черт в межзональных говорах типа Б и далее в рязанских и владимирских говорах уменьшается в направлении с юга на север).

Восточный среднерусский говор деревень Ягодиной и Тихонова близок к изученному ранее говору с. Пустошей и д. Чернятино Шатурского района Московской области [Бубрих 1914; Тер-Аванесова 2005], однако отличается от последнего системой предупредительного вокализма (аканье и еканье в Ягодиной, неполное оканье и ёканье муромского типа в Пустошах), а также некоторыми лексическими особенностями. В первой

четверти XX в. Пустоша и Ягодина, расстояние между которыми не более 30 км, относились к одной волости с центром в Ягодиной; уже более полувека они находятся в разных областях.

3. Важнейшим признаком говоров Придонья, объединяющим их с западными белгородскими, рязанскими и южными владимирскими говорами, являются системы ударного вокализма с различием двух фонем «типа *e*» и двух фонем «типа *o*» (Ягодина *л'и́ес* 'лес' : *леч'* 'лечь'; *п'и́ет* 'петь' : *пён'* 'пень'; *д'и́ела* 'дело' : *ден'* 'день'; *с'и́е-ни* 'сени' : *сем'* 'семь' и т. п., Роговатое *л'и́ес* : *леч'*, *п'и́ет* : *пён'* и т. п.; Ягодина *мару́ос, сту́ол, ву́ол'а*, И. п. мн. ч. *палу́отна*, Р. п. мн. ч. *ну́ок, палу́ос*, инф. *калу́от*, 3 ед. *ку́ол'ит, ну́ос-ит* : *ко́лас, сток*, И. п. мн. ч. *но́ги, по́ласы*, страдательное причастие мн. ч. *ко́ланы*). Не давая точной фонетической характеристики этих оппозиций, отметим, что контраст в парах */у́д/* : */о/* и */и́е/* : */е/* связан прежде всего с подъемом гласного и дифтонгичностью / монофтонгичностью и очень отчетлив, так что все четыре фонемы легко опознаются на слух. С исторической точки зрения */и́е/* является развитием **ѣ*, */е/* — гласных **e* и **ь*. Фонемы */у́д/* и */о/* в морфемах распределены в соответствии с известным правилом Л. Л. Васильева — А. А. Шахматова (за пределами действия этого правила находится распределение двух *o* в основах заимствованных слов, а также в основах слов некоторых морфологических классов и в некоторых морфемах, где появление *o* того или иного качества обусловлено аналогией). В ходе экспедиций были получены новые данные об акцентуации и распределении фонем «типа *o*» в русских говорах, уточнены диалектные различия, касающиеся распределения двух *o*, и географическое распространение этих различий.

Всем обследованным говорам свойственны черты фонетики, которые

обычно сопровождают тип вокализма с различием двух *e* и двух *o*: неполное смягчение («полумягкость») парных по твердости-мягкости согласных, особенно отчетливое во владимирском говоре, и ярко выраженные дифтонгические реализации гласных фонем непереднего ряда после фонологически мягких согласных (*п-и́ат*́, *с-и́аду*, *л-и́уди*, *с-и́дс-тры*, *т-и́уотка*; Роговатое, Малинино Р. мн. *сл-у́де*).

Говорам Роговатого и Малинина присущи очень устойчивые архаичные системы предупредного вокализма, ориентированные на «семифонемные» системы ударного вокализма: в Роговатом это диссимильативное аканье и яканье архаического типа (*стаи́у́*, *в-и́аду́* ‘стою, веду’, *стаи́т*, *в-и́ал’и́* ‘стоит, вели’; М. п. ед. ч. *в вад-и́е*, *в ст’ан-и́е*, Т. п. ед. ч. *ваду́йу*, *ст’ану́йу*; И. п. ед. ч. м. р. *ба́л’и́шой*, *с-ид’мо́й*, И. п. ед. ч. *ка́нец*, *хр-исте́ц* ‘укладка снопов’, *да́йе* ‘дает’, *в-иде́* ‘ведет’; *вада́*, *м-ижá*), в Малинине — недиссимильативное аканье и диссимильативное яканье новосёлковского типа (*стаи́у́*, *в-и́аду́*, *стаи́т*, *в-и́ал’и́*; М. п. ед. ч. *в вад-и́е*, *ст’ан-и́е*, Т. п. ед. ч. *ваду́й*, *ст’ану́й*; И. п. ед. ч. м. р. *ба́л’и́шой*, *с-ид’мо́й*, И. п. ед. ч. *ка́нец*, *хр-исте́ц*, *даи́е* ‘дает’, *в-иде́* ‘ведет’; *вада́*, *м-ежá*).

4. Акцентуация всех обследованных говоров — восточнорусского типа. Это следует из противопоставления трех акцентных типов у существительных I склонения; подвижности ударения в прошедшем времени глаголов с корнями, оканчивающимися на нешумные, праславянской акцентной парадигмы (а. п.) *с* (в Роговатом и Малинине: м. р. *а́ддал*, *зда́лси*, *набра́л*, *собра́лси*; ж. р. *а́ддалá*, *набра́лá*, мн. ч. *а́дда́ли(сь)*, *набра́ли(сь)*, в Ягодиной: м. р. *о́ддал*, *зда́лси́*, *на́брал* / *набра́л*, *набра́лси́*, ж. р. *а́ддалá(ся)*, *набра́лá(ся)*, мн. ч. *о́ддали*, *на́брали* / *набра́ли*, *а́ддали́ся*, *набра́ли́ся* / *набра́ли́ся*); нафлекссионного ударения форм женского рода прош. времени тех

же глаголов; нафлекссионного ударения приставочных глаголов с неслоговым корнем в презенсе (*саи́йеи*, *саби́еи*, *савре́*, *сажре́*, *нал’и́ем*, *нажне́те*, за исключением приставочных глаголов от *идти*, имеющих смежно-подвижное ударение: *приду́*, *приде́ш*, *приде́м*, *приде́те*). Акцентологической изоглоссой, объединяющей рязанские и донские говоры, является колонное накоренное ударение в презенсе глаголов подкласса *клевать*, *совать* независимо от их исходной акцентуации: *кл’у́йу*, *кл’у́йеи*, *пл’у́йу*, *пл’у́йеи*, *ку́йу*, *ку́йеи*, *су́йу*, *су́йеи*, *бл’у́йу*, *бл’у́йеи* и т. п.

5. В результате экспедиций 2010 г. удалось существенно уточнить закономерности акцентуации и распределения двух *o* в корнях существительных *a*-склонения а. п. *b* и *c*. Все обследованные говоры, в отличие от известных мне ранее, имеют архаичные системы ударения *a*-основ, ср. акцентуацию краткосложных *a*-основ в говоре с. Роговатого: акцентный тип В: *блоха*, *пчела*, *оса*, *сестра*, *слеза*, *сноха*, *сова*, *тропа*, *жена*; акцентный тип С: *доска*, *гора*, *гроза*, *коса* (оба омонима), *коза*, *межа*, *нога*, *нора*, *овца*, *пола*, *пора*, *роса*, *скоба*, *соха*, *щека*, *весна*, *вода*, *война*, *земля*, *зола*, *заря*.

Различия между говорами касаются огласовки форм мн. числа, имеющих в корне под ударением рефлекс **o* и *o*-образные гласные другого происхождения. В говоре Роговатки в корнях форм мн. числа, содержащих рефлекс **o* (не начальные), акцентных типов В и С имеется чередование: фонема /*o*/ (*o* «открытое») выступает во всех падежах, кроме Р. п. мн. ч., фонема /*у́o*/ (*o* «закрытое») — в Р. п. мн. ч. (в случае начального **o* выступает /*o*/): *ко́зы*, *ку́дс*, *ко́зами*, *тро́пы*, *тру́дп*, *тро́па́ми*; но *о́сы*, *ос*, *о́сами*. Это чередование распространяется и на корневые рефлекс **ь* (не беглого) и *o*-образные рефлекс **e*, **ь* (не беглого): *сно́хи*, *снуд́х*, *сно́ха-*

ми; сл'óзы, сл'у́дс; ш'·óки, ш'·у́дк; жóны, жу́дн, жóнами; но дóски, досóк, дóсками. Такое распределение двух *o* встречается и в говорах Верхнего Дона (Хлевенский и Задонский районы Липецкой области, малининский говор, задонский говор по описанию В. И. Тростянского [Тростянский 1916]). Оно достаточно близко к исконному, предполагаемому правилом Васильева—Шахматова в *a*-основах а. п. с (на исконное распределение здесь накладывается принцип, по которому модель чередования двух *o* распространяется на *o*-образные гласные любого происхождения; в корнях форм косвенных падежей фонема /*o*/ распространяется по аналогии с И. п. мн. ч.).

В расположенном севернее «рязанском» ареале говоров, различающих две фонемы «типа *o*», наряду с исконным распределением двух *o* на месте **o* у односложных *a*-основ широко встречается обобщение /*o*/ во всех формах мн. числа: наряду с *но́ги, ну́дх; по́ры, пу́др; ко́зы, ку́дс* представлено *со́вы, соф; со́хи, сох* (говоры с. Новосёлки Рыбновского района Рязанской области и с. Лёка ныне Шатурского района Московской области по описанию А. А. Шахматова и И. С. Гришкина). На северной окраине «рязанского» ареала, в пустошенском и ягодинском говорах, преобладает «рязанский» тип распределения двух *o* в *a*-основах. Вместе с этим здесь выделяется устойчивая группа *a*-основ, у которых в корнях всех форм мн. числа отмечена фонема /*у́д*/ . Поскольку все эти слова относятся к синхронно выделяемому акцентному типу В, можно предполагать влияние *o*-основ среднего рода акцентного типа В (ср. И. п. мн. ч. *долу́бты, рещу́бты, зу́бны, полу́бтны* в Пустошах). С. Л. Николаев (в личном письме) предлагает индивидуальное объяснение для каждого случая, а именно: (1) /*у́д*/ в И.-В. пп. мн. ч. *су́дсны* (Пустоша, Ягодина) объясняется как

рефлекс нового акута (исконная а. п. *E*); (2) в формах мн. числа других слов фонема /*у́д*/, по-видимому, везде (кроме рефлекса **o* в Р. п. мн. ч.) вторичного происхождения: Пустоша *ну́бры, ну́др, ну́брами; зу́бри, зу́др, зу́брими* (праслав. *a*-основы а. п. с, /*у́д*/ в И. и Т. пп. мн. ч. нефонетического происхождения); Пустоша, Ягодина *вду́бвы, вду́дф, вду́двами* (/*у́д*/ вместо /*o*/ под влиянием анлаутного *v*?); /*у́д*/ из вторичного *o* (на месте **e* и слабого **ъ*): Пустоша, Ягодина *жу́бны, жу́дн, жу́бнами*, Пустоша *пчу́лы, пчу́л, пчу́лами* (но в Ягодиной регулярное /*o*/: *пч'óлы, пч'ол, пч'óлами*); Пустоша, Ягодина *сну́дхи, сну́дх, сну́дхами*.

В севернорусских вологодских говорах в формах мн. числа *a*-основ представлено распределение в соответствии с правилом Васильева—Шахматова (чередование /*o*/ : /*у́д*/ имеет место только на месте **o*, фонема /*у́д*/ только в Р. п. мн. ч.), и в меньшем числе слов встречается выравнивание фонемного состава корня «рязанского» типа (*ко́сы, кос, коса́ми*). Таким образом, в разных частях ареала систем с различением двух *o* имеются разные типы вторичного развития исконной системы, соответствующей правилу Васильева—Шахматова.

6. Помимо коротко описанных здесь примечательных структурных особенностей, говоры дают материал и для изучения грамматических категорий и лексики. Среди первых интерес представляют: функции и значение деепричастных форм на *-миш* и *-я* (*зна́миш, жали́емши, ходя́: Корзины надо плестъ умй́емши; Он надо́йѣст тебе́ ходя́*); форм типа *был(о) пришла* (*Меня раз током был убило в заву́дде; Мы было померли в 46 году*); частицы *бы* (*Иду, я бы не знаю и куда*); падежные значения, тесно связанные с системами падежных флексий; видовые формы и значения.

А. В. Тер-Аванесова

Экспедиция в Молдавию

В апреле и сентябре 2010 г. Л. Л. Касаткин и О. Г. Ровнова побывали в русском старообрядческом селе Кунича Флорештского района Молдавии и записали 39 часов речи местных жителей. Расшифровка этих записей позволяет установить особенности говора Куничи.

Село Кунича населено русскими старообрядцами, их предки бежали сюда в начале XVIII в. от преследования правительства и официальной церкви. Самая распространённая современная фамилия в Куниче Донцовы, она образована, очевидно, от древнего названия реки Донец (современное — Северский Донец), верхнее течение которой в Белгородской области. Отсюда шёл основной поток эмигрантов, ещё одна из волн переселений была из Калужской губернии.

Современные говоры Белгородской и Калужской (кроме её крайней восточной части) областей относятся к Юго-Западной диалектной зоне — территории древнейшего заселения русскими, отражённой в ДАРЯ, и говор куничан характеризуют диалектные черты, свойственные именно этой зоне. Некоторые из этих диалектных черт встречаются только в Юго-Западной диалектной зоне (хотя некоторые из них возможны и на территориях позднейшего заселения, например на Дону). Некоторые особенности встречаются не только здесь, ареалы их распространения гораздо шире, но пересечение этих черт характерно именно для Юго-Западной зоны.

1. Особенности, свойственные Южному наречию и значительной части среднерусских говоров: 1.1. Аканье и яканье. 1.2. Окончание *-ы* в И.-В. пп. мн. ч. у слов ср. р.: *вароты, п'ис'мы, в'одры*. 1.3. Мягкий заднеязычный согласный в конце основы в форме Т. п. мн. ч.: *в'азанк'им'и, крышк'им'и, ар'эх'им'и*.

2. Особенности, свойственные Южному наречию: 2.1. Фонемы /γ/, /γ'/, представленные в сильной позиции звуками [γ], [γ'], на конце слова [x]. 2.2. Формы местоимений Р., Д. и В. пп. *мене, тебе, себе*. 2.3. Формы глаголов 3 л. ед. и мн. ч. с конечной /т'/ 2.4. Рёли 'качели'.

3. Особенности, свойственные Западной диалектной зоне: 3.1. В соответствии с /ч/ встречаются звуки [ч] твёрдый и [ч'] полумягкий, невелиризванный. 3.2. Окончания существительных I скл. (на *-а*) в Д. п. ед. ч. *-ы*, в П. п. ед. ч. под ударением *-ы/-е*, без ударения *-е*. 3.3. Форма И. п. мн. ч. слова *глаз* — *глазы*. 3.4. Незрелость категории одушевлённости у слов, обозначающих животных: форма В. п. мн. ч., совпадающая с формой И. п. 3.5. Личное местоимение 3 л. мн. ч. И. п. *оны́* (также и *он'э*, характерная для Северо-Восточной зоны и отмеченная в некоторых говорах Юго-Западной зоны). 3.6. Указательное местоимение: *тэй, той, тэйа, тойе, тэй, т'эй, тэй*. 3.7. Деепричастия на *-ии, -чи*. 3.8. Предлог *с* с Р. п. имени в значении 'из'. 3.9. Лексика: *гной* 'навоз'; *голосить* 'причитать над покойником'; *кут* 'любой угол в доме'.

4. Особенности, свойственные Западной зоне и Северному наречию: 4.1. Твёрдые губные на месте мягких на конце слова. 4.2. Форма И. п. дополнения при слове *надо*. 4.3. Предлог *коло* в значении 'около'. 4.4. Предлог *по-над* с В. п. имени. 4.5. Лексика: *браво* 'хорошо', *бравый* 'хороший'.

5. Особенности, свойственные Южному наречию и Северо-Западной зоне: 5.1. Инфинитив глаголов на *-сть*. 5.2. Нарращение *-т'/* после *-т'и/* в глаголе *ит'им'* и производных.

6. Особенности, свойственные Юго-Западной зоне: 6.1. Комплекс явлений, связанных с реализацией фонем /в/, /в'/: 6.1.1. [у] на месте предлога *в* и *в* в начале слова перед согласным, [ў] в той же

позиции после конечного гласного предшествующего слова, в середине слова перед согласным и в конце слова.

6.1.2. На месте предлога *у* и начального [у] в слове встречается [в].

6.1.3. Предлог *ув*.

6.1.4. Протетический *в* перед *у*, *о*.

6.2. Протетический *и* перед начальной группой согласных.

6.3. Отсутствие начальных гласных в словах *уарóт* (огород), *урат* (играть).

6.4. [ф] на месте *хв*, *х*.

6.5. Безударное окончание формы П. п. слова *лес*: *у л'эс'и*.

6.6. Форма *свакру́ха* 'свекровь' (встречается в узкой полосе крайних юго-западных говоров Ю.-З. зоны и в редких других говорах Южного наречия).

6.7. Суффикс *-енят-* у существительных мн. ч., обозначающих детёнышей.

6.8. Ударное окончание *-еј* в косвенных падежах ед. ч. прилагательных: *аднэй*, *сырэй*, *друу'эй*, *как'эй*.

6.9. Твёрдый [к] в соответствии с [к'] других говоров в конце основы прилагательных: *уор'кый*, *майска́й*, *л'охкых*, *нов'ин'кым*.

6.10. Выравнивание основы в форме глаголов 1 л. ед. ч. наст./буд. времени по остальным формам, что проявляется в замене конечного согласного основы и/или в сдвиге ударения на основу: *пастав'у*, *с'ид'у*, *п'ирк'ип'ет'у*, *закрас'у*, *пац'и-с'т'у*; *пазвон'у*, *мол'ус'*, *вар'у*, *д'ержу*, *п'ишу*, *уч'у*; *л'уб'у*, *станов'у*, *куп'у*, *накорм'у*, *ход'у*, *крут'ус'*, *нос'у*, *пус'т'у*, *можу*.

6.11. Ударение глаголов прош. времени ж. р. на основе: *бра́ла*, *зап'ор-ла*, *паб'э ла*, *спа́ла*.

6.12. Предлог *до* с Р. п. имени в конструкциях со значением движения внутрь предмета и к предмету в соответствии с предлогами литературного языка *в*, *к*.

6.13. Предлог *за* с В. п. в значении 1) 'о, об': *за жы́з'н' зэ свая́у расказу́у*; 2) 'из-за': *за п'я́нк'и н'ема́ када́ пэх'ал'и́цы*; 3) 'на': *ана́ зэ кэт'ан'атк'и э́брат'и́лэ вн'имáн'а*.

6.14. Предлог *по* с П. п. в соответствии с Д. п. литературного языка и большей части говоров: *пэ двар'э*, *пэ стал'э*, *па јэтых м'аста́х*.

6.15. Союз *чи* в значе-

нии 'или'. 6.16. Лексика: *балáкать* 'разговаривать'; *бя́кать* 'блеять' (об овце); *бура́к*, *бурачо́к* 'свёкла'; *ва́жить* 'взвешивать'; *вэ́чер*, *вечеринка* — вечерние собрания молодёжи (в помещении), в том числе и свадебный вечер для молодёжи; *гáвкать* 'лаять' (о собаке); *горі́ще* 'чердак'; *дэ́жка* 'деревянная кадка'; *дóбре* 'хорошо', 'много, сильно'; *дў́же* 'очень'; *жерё́бная* 'жерёбая' (о лошади); *ко́жный* 'каждый'; *ко́тная* 'беременная' (об овце); *кры́ги* 'льдины'; *лоша́к*, *лошо́нок* 'жеребёнок до полутора лет'; *мо́рка* 'морковь'; *негóда* 'непогода'; *нема́* 'нет'; *неха́й* 'пусть, пускай'; *пéшки* 'пешком'; *погóда* 'хорошая погода'; *позы́чить* 'взять в долг'; *пу́нька* — отдельно стоящее невысокое (ниже человеческого роста) строение для сельхозинвентаря примерно 3 × 4 метра, крытое околотом, реже камышом; *разго́ртать* 'разворачивать, раскрывать'; *ро́зум* 'разум'; *саламу́р* — густой рассол, в котором готовят блюдо: варят птицу или рыбу; *сара́ка*, *сара́чка* 'бедняга, несчастный'; *скороди́ть* 'бороновать'; *скры́ня* 'небольшой сундук'; *сма́льства* 'сызмальства'; *ха́та* 'крестьянский дом'; *ховáть* 'прятать'.

7. Особенности, отмеченные в некоторых говорах Юго-Западной зоны и в разных других говорах:

7.1. На месте [ж'ж'] литературного языка обычно произносится [ж'ж'] или [ж']. 7.2. На месте [ш'ш'] литературного языка обычно произносится [ш'ш'] или [ш']. 7.3. Мягкие и полумягкие [ж'], [ж'], [ш'], [ш'] перед [и], [и]. 7.4. Мягкие шипящие рядом с мягкими согласными. 7.5. Наряду с обычным различием свистящих и шипящих согласных встречаются примеры их неразличения. 7.6. В соответствии с /ч/ встречаются звуки свистящие с круглой щелью во второй фазе звука: [ц] твёрдый, [ц'] полумягкий, [ц''] мягкий (палатализованный). 7.7. В соответствии с

/ц/ проносится [ц'] перед [и] в словах на *-ция* и перед этимологическим *ѣ в формах предложного падежа. 7.8. Твёрдый [р] на месте мягкого. 7.9. На месте [вə] (*вы, во, ва*) — [у]. 7.10. Пропуск предлогов *в* и *у* и начального *в* в слове. 7.11. Пропуск предлогов *с, к*.

7.12. Мягкие заднеязычные согласные на месте твёрдых в форме Т. п. ед. ч. существительных 1 скл.: *з бабушк'ий, з' д'едушк'ий, с картóшк'ий, с ланáтк'ий, с мáмк'ий, с т'áт'к'ий*.

7.13. Расширение форм П. п. ед. ч. с ударным окончанием *-у* у слов 2 скл.: *у мају, в марту, у тэбаку, на ч'ирдаку, на пт'ич'н'ику*. 7.14. Усечённая зательная форма: *бабуш(ка), бат'уш(ка), сынóч'(ек), т'áт'ин'(ка); мам'инэ* — ласковое обращение к матери. 7.15. Окончание *-ым/-им* в П. п. ед. ч. прилагательных м. р. 7.16. Мягкость согласных в исходе основы кратких предикативных прилагательных во мн. ч.: *в'инават'и*.

7.17. Суффикс *-ач-* прилагательных со значением принадлежности: *кан'áч'иш, св'ин'áч'иш*. 7.18. Формы глаголов наст.-буд. времени с чередованием твёрдого / мягкого заднеязычного в конце основы. 7.19. Возвратный постфикс после согласного *-си*, после гласного *-сь*; в форме 3 л. ед. и мн. ч. и в инфинитиве *-цы*.

7.20. Невозвратные глаголы на месте возвратных и возвратные на месте невозвратных. 7.21. Формы плюсквамперфекта. 7.22. Конструкции с формами глагола *мать* 'иметь'. 7.23. Неопределённые местоимения и наречия с суффиксом/постфиксом *-сь*, реже *-ся* после гласных и *-ся (-се, -си)* после согласных.

7.24. Предлог *с* с Р. п. в соответствии с Д. п. и предлогом *над* литературного языка: *яа фс'о с мамы см'ейáлэс*; с Т. п. в соответствии с беспредложной конструкцией: *дáжыт'и кампóт с кап'рон:м'и крыш'им'и зэкрывáла*.

7.25. Союз *бо* в значении 'ибо, так как'. 7.26. Союз *как* в значении 1) 'чем': *плахо бóл'ш'и зазнáл'и как харóшэо*;

2) 'так как': *ну ја как тап'íла ан'и мн'е рáзэм в'ив'ил'ис'а || и ут'ан'áты и уус'ан'áты*. 7.27. Повтор предложения перед всеми членами словосочетания: *яа мáла ит'ít' на пól'а нэ свáјó*.

7.28. Лексика: *бáлига* 'помёт (лошадиный, коровий)', *барабуля* 'картофель' (прежнее название); *болóто* 'грязь', *борновáть* 'боронить', *бусла* 'аист', *вал* 'вол', *в'ыполн'уть* 'выплыть', *гòва* — ласковое обращение к корове, *голонос* — глиняный сосуд на 5—20 литров с двумя ручками для жидкости и зерна, *грáбать* 'брать, хватать руками', *грыз* 'отруби пшеницы', *дáжить* 'даже', *дзэб* 'зоб, клюв птицы', *душ'ить* 'давить', *ж'инка* 'жена', *зазнáть* 'познать, узнать', *зámуж* — *выйти зámуж* 'жениться' (независимо от пола, в том числе и переходя в семью жены), *зарóбить* 'заработать', *заручины* 'обручение', *зáтирка* 'мучное блюдо', *зем* 'земля', *знáть* 'наверное', *имéние* 'хозяйство, земля с жилыми и хозяйственными постройками', *кабáн* 'холощевый самец свиньи', *кисляк* 'простокваша', *клáка* 'коллективная помощь в сельской работе, при постройке дома', *клíкать* 'звать', *копан'ица* 'тыпка', *кóрчи* 'ботва картошки', *кóчка* 'квочка, наседка', *к'ругóm* 'везде', *кряк'ать* 'квакать' (о лягушках), *к'убочка* 'чашка, из которой пьют чай, молоко', *куплять* 'покупать', *курканы* 'индюшки', *кучерьгá* 'кочерга', *куш'ын* 'кувшин', *лю лька* 'детская колыбель, подвешиваемая к потолку', *мáлый* 'маленький', 'незрелый ребёнок', *мартак'и* 'балки, на которые кладут потолок', *мáтка* 'мать', *молдáвска* 'молдаванка', *молонья* 'молния', *мур* 'каменный забор', *мурав'ли* 'муравьи', *му'тики* — разновидность уток, почти немые, издающие лишь негромкий шип; *мыш* м. р., *м'як'ать* 'мякать' (о кошке), *на цыпурки* 'на корточки', *недов'идеть* 'плохо видеть', *околóт* 'снопы соломы из-под овса, примерно 10 см в диаметре', *отродá* (наречие) 'сроду',

отчинить 'открыть', *подгортать* 'окучивать' (растения), *пожарница* 'растение зверобой', *познать* 'узнать', *понежаться* 'не решаться', *порёнча* 'горизонтальная жердь, прикрепляемая к вертикальным кольям в ограде', *посидёлки* 'вечерние собрания молодёжи в помещении', *посу́ха* 'засу́ха', *потопиться* 'утонуть', *почать* 'начать', *прилика* 'приличие', *прошевать* 'полоть и окучивать', *прять* 'вставлять, втыкать', *путь* ж. рода, *пытать* 'спрашивать', *раздорóга* 'ростань, развилка дорог', *разом* 'вместе, заодно', *рапá* 'крепкий соляной раствор', *реветь* 'громко лаять' (о собаках), *робить* 'работать', *ров* 'овраг', *рбина* 'овраг с текущей водой', *сам* 'один, только один', *само* 'самое', 'в то самое время, когда', *сапа* 'тяпка', *сильно* 'очень', *слухать* 'слушать', *сóбка* — деревянная кровать со спинками и ящиком для белья внизу, *средка́* 'редко, изредка', *став* 'пруд', *стрываться* 'встречаться', *супинить* 'остановить', *сховать* 'спрятать', *тожить* 'тоже', *толокá* 'место выпаса скотины за селом' (микротопоним), *торба* 'сумка', *трóшки* 'немного', *тятька* 'старший брат', *утопиться* 'утонуть', *учуять* 'почувствовать', *ушко* 'ручка сосуда', *фáтка* 'ловушка для рыбы', *фóртка* 'калитка', *ходить* 'спариваться', *хряк* 'нехолощённый самец свиньи', *чуять* 'слышать', *чугун безжобный* 'чугун с круглым дном', *чудно* 'странно', *чимур* 'густой раствор глины для кладки строений', *шкура* 'кожа человека', *шукать* 'искать'.

Для Юго-Западной диалектной зоны характерно диссимилятивное аканье и яканье, однако в Куниче сильное аканье, а яканье тоже сильное, но и с примерами произношения в 1-м предупредном слоге [e] на месте [a], реже встречающимися перед твёрдыми согласными и чаще — перед мягкими.

Возникает вопрос, почему говор Куничи, отражающий многие черты, из-

вестные в Юго-Западной зоне, характеризуется не диссимилятивным аканьем и яканьем, свойственными говорам этой зоны, а сильным аканьем и сильным яканьем, типичным для говоров Юго-Восточной зоны. Происхождение разных типов аканья и яканья на этих территориях Южного наречия связано с разной ритмической структурой слова: сильным 1-м предупредным слогом и слабыми другими прикрытыми безударными слогами (кроме конечного открытого) в Юго-Восточной зоне и с чередованием сильного и слабого слогов с ориентацией на качество (степень долготы) ударного слога в Юго-Западной диалектной зоне. В говоре Куничи, исконно принадлежавшем территории Юго-Западной зоны, тоже должна была быть и та ритмическая структура слова, которая характерна для этой зоны. Однако предки куничан, оказавшись на территории Бессарабии, за три века изменили ритмический строй своего говора, что и вызвало автоматическую смену типов аканья и яканья. Подтверждают это и наблюдения над этим говором В. И. Тудосе, которая также обнаружила здесь сильное аканье, но указала, что «в обрядовых песнях встречается диссимилятивное аканье» [Тудосе 2003: 154].

Л. Л. Касаткин

Экспедиция в Луганскую область Украины

В ноябре 2010 г. мной был обследован говор русского старообрядческого села *Городище*, расположенного в юго-западном углу Луганской области (Перевальский район) на Украине. Село, численность которого составляет более полутора тысяч человек, протяженностью 8 км, растянулось вдоль реки Белой — правого притока Лугани. В Луганской области это единственное старообрядческое поселение.

Начало селу положили в 1660-е гг. староверы — беженцы из Москвы и Подмосквья, основав в этих глухих местах старообрядческий монастырь-скит. Позднее, в 1710—1715 гг., сюда прибыла вторая партия переселенцев из Стародубского уезда Черниговской губернии. Третья, самая мощная, волна заселения Городища проходила на рубеже 70—80-х гг. XVIII в. крестьянами Курской губернии. Их большое поселение расположилось значительно ниже основного места проживания жителей села (скита), растянувшись вдоль реки Белой на 2—3 км, и получило у местных жителей название «Русская сторона». Таким образом, исторически сложилось разделение села на две части: основную («Монастырь») и позднюю («Русскую»). Это территориальное деление сохраняется до сих пор.

В области фонетики отмечены следующие явления. Между мягкими согласными на месте **ʔ* под ударением произносятся в редких случаях [и]: *при[и]хал, с[и]ют*. В соответствии с /ф/, /ф'/ произносятся сочетания [хв], [хв'] перед всеми гласными, кроме [у]: [хв]о-тограф, [хв']ёрмы, ша[хв']ёром, перед гласным [у], перед согласным и на конце слова произносится [х]: [х]утбол, [х]у[хв]айюшки, [х]ронт. Типичен протетический [в] перед гласными /о/, /у/: *закрывала вокно́, вۇ́мные дети, вۇ́гол был*. В очень редких случаях отмечено произношение [с] на месте /ц/: *ко́ль[с]а-ми, [с]еп* (цеп).

Грамматическая система говора с. Городище характеризуется следующими чертами. Существительные 3 скл. в форме II. п. ед. ч. имеют ударное окончание -е: *у стяпé, в кровé*. Форма II. п. мн. ч. существительных образуется с помощью окончаний -а и -и, распределение которых зависит от характера основы: окончание -а присоединяется преимущественно к основам на мягкий согласный: *очередя́, матеря́*, окончание

-и — к основам на твердый согласный: *письмы́, ребяты́, о́кны*. Наблюдается тенденция к расширению сферы окончания -ов в форме Р. п. мн. ч. существительных: *восстановление ша́хтаф, знатъ козаф*. Форма Д. п. мн. ч. существительных в сочетании с предлогом *по* имеет окончание -ах: *бегут по сада́х, по тропа́х носили, стрелять по немца́х, все ермасы́* (церковные песнопения) *по крюка́х веду*. В формах Р., Т., II. пп. ед. ч. прилагательных женского рода отмечено окончание -ей: *у однѣ́й жещцины́, с молодѣ́й жинкой, на однѣ́й шахта́е*; в форме II. п. ед. ч. прилагательных м. р. — окончание -ым: *в однѣ́м уголку́*; в форме В. п. ед. ч. прилагательных ж. р. — окончание -ию: *спальню ширóкью, цѣрку́ покрóвскью*. Отмечены личное местоимение 3 л. мн. ч. *онѣ́*, указательное местоимение *то́т, тая́ (тая́ сторона́), то́е (то́е вре́мя)*. Отсутствует чередование основы глаголов на мягкий губной и зубной согласный перед окончанием I л. ед. ч.: *кормю́, терпю́, ста́ваю, не пустю́, садю́сь, выводу́, привязю́*. Глаголы *дать, есть* имеют форму 2 л. ед. ч. *дади́шь, еди́шь*. Глагол *бегать* обладает парадигмой *бегу́, беги́шь, бегит, бегѣ́м*. Широко употребляются конструкции с вопросительной частицей *чи*: *Чи сапоги, чи тапки купить? Чи куришь? Чи был гроб, чи нет?* При предикативном наречии *надо* употребляется II. п. имени (*нам земля́ надо́ была́, лю́ди не надо́ были*). Характерны объектные конструкции, состоящие из глагола и имени в В. п. с предлогом *за*: *расскажи за войну, подумай за дочь*.

Отмечена типичная для Юго-Западной диалектной зоны лексика: *баз, базóк* 'огороженное место для скота внутри усадьбы', *худóба* 'домашний скот', *умѣтки* 'портянки', *толока́* 'коллективная помощь в крестьянском хозяйстве', *нашпиль* 'алоз', *годи́на* 'пора, время года', *корéц, корчик* 'ковш', *стѣжка*

‘тропинка’, *глядеть кого* ‘воспитывать’, *сарáй, пúня* ‘постройка для хозяйственного инвентаря’, *квáшня* ‘посуда, в которой растворяют тесто’, *валёк* ‘орудие для выколачивания белья при стирке’, *рогáч* ‘приспособление для подхватывания горшков, чугунов из печи, ухват’, *чáпельник* ‘сковородник’.

По предварительным наблюдениям данный говор можно отнести к Юго-Западной диалектной зоне, он нуждается в дальнейшем обстоятельном изучении.

Е. В. Колесникова

Экспедиция в Бразилию

В ноябре 2010 г. под моим руководством состоялась комплексная 25-дневная экспедиция в старообрядческие поселения Бразилии. В ней приняли участие исследователи разных специальностей: музыковед И. В. Дынникова (Московская консерватория), экономист Д. Е. Расков (Санкт-Петербургский университет), специалист по коммуникативной лингвистике О. С. Иссерс (Омский университет). Основная задача экспедиции состояла в полевом исследовании культуры старообрядцев, включающем три основных направления: лингвистическое, музыковедческое и экономическое.

У староверов Бразилии я впервые побывала в 2008 г. Впечатления от этой поездки и первые наблюдения отражены в [Отчет 2008: 257; Ровнова 2010]. Я обратила внимание тогда на непривычную открытость, контактность староверов Бразилии, которыми они сильно отличались от староверов в других южноамериканских странах. Дружелюбие, приветливость, доверие «синьзянцев» и «харбинцев» проявились во время второй поездки к ним с еще большей силой: нас принимали в гостях, угощали, дарили подарки, возили на машине, пригласили жить в дом, разрешили при-

сутствовать на службе в моленной... Благодаря установившимся добрым отношениям мы привезли из Бразилии обширный материал, всестороннее исследование которого впереди.

В этом коротком отчете я остановлюсь на основных результатах нашей поездки.

Мы побывали в старообрядческих поселениях двух штатов — Гойас и Мату Гроссу и сделали более 110 часов аудиозаписей бесед со старообрядцами (опрошено свыше 50 человек в возрасте от 90 до 9 лет). Содержание аудиоматериалов соответствует трем направлениям обследования старообрядческих общин. Это 1) аудиозаписи русской диалектной речи, отражающие языковые особенности разных поколений старообрядцев (О. Г. Ровнова, 45 часов), коммуникативные стратегии и тактики их речевого поведения (О. С. Иссерс, 15 часов); 2) аудиозаписи исполнения старообрядцами богослужебного репертуара, паралитургических и фольклорных жанров (И. В. Дынникова, 32 часа); 3) аудиозаписи бесед со старообрядцами, направленных на выявление специфики их экономической деятельности и хозяйственной этики (Д. Е. Расков, 20 часов). Также изучалась история общин и отдельных родов, бытовая культура, книжная традиция. Собран значительный фото- и видеоматериал: с согласия старообрядцев сделаны их фотопортреты, а также фотографии моленных, предметов культа, жилых и хозяйственных построек, сельскохозяйственной техники и др.; снято несколько видеосюжетов (исполнение духовных стихов, работа за ткацким станом, завязывание пояса на «синьзянский узел» и др.). Первичная обработка материалов показала высокую степень сохранности русского диалектного языка, певческих и книжных традиций, а также высокие адаптационные способности старооб-

рядцев к экономическим условиям жизни в Бразилии.

Представление об основных чертах говоров «синьзянцев» и «харбинцев» и происходящих в них языковых процессах можно получить из работ [Касаткин 2008: 577—580; Ровнова 2010]. Здесь я приведу фрагмент лексического материала, записанного в этом году.

Болтоязыкий. Разговорчивый. *Я болтоязыкай, что попало говорю.*

Брѳовка. Женщина, оставленная возлюбленным. *Бросовка, как он её бросил. Это улично слово — не скажешь, что ласково.*

Быстроходно, нареч. Быстро. *Очень хорошо пишешь, и быстроходно.*

Величество. Количество. *Их, знаи, интересует величество, качество товара.*

Врукопашну, нареч. Вручную. *Там всё надо врукопашну работать.*

Гремнѳть. Позвонить по телефону. *Поликарп тогда гремнѳт Ирине.*

Дѳмать. Помнить. *Думайте, что десять (считает количество домов в деревне и просит ее «контролировать», чтобы не сбиться со счета).*

Здѳмать. Вспомнить. *Сейчас здѳмаю, как его зовут, консула; Я не здѳмаю всё-то.*

Зорѳть. Разорять. *Голеньких этих воробышек зорѳли и ели.*

Клеушѳк. Курытник. *Курицы на лесинах (на деревьях) спят, не хотят в клеушѳк заходить.*

Мастѳться. Стараться, пытаться что-либо сделать. *Телѳнок мастѳтся-мастѳтся на передни ноги встать; Когда именинница, мастѳтся подарок поднести.*

Мѳмо, предл. Не в соответствии с чем-либо. *Мѳмо власти живут, да и всё.*

Мурашѳй. Муравьи. *Индейцев — их как мурашей.*

На выплатку купить. Купить в кредит. *Они купили дом на выплатку.*

Надоѳдно, пред. нареч. О состоянии, вызванном скучным, неинтересным за-

нятием. *Португѳс мне так надоѳдно (об уроках португальского языка в школе).*

Найтѳсь. Родиться. *В 52-м я наиѳлся.*

Нѳдѳть. Принуждать, заставлять. *Кто тебя нѳдил так обращаться?*

Парѳшка. Детский горшок. *Вот мой внук сидит на парѳшке.*

Перепристѳть. Переутомиться. *Перепристала, играли свадьбу в Боливи.*

Пинѳть мячик. Играть в футбол на уроке физкультуры. *Сначала мячик пинаем, потом обед, потом португѳс (12-летний мальчик о расписании уроков в школе).*

Позачѳть. Начать. *Она поздно позачѳла говорить.*

Попустѳться, сов. Перестать делать что-л., отступить; несов. **попускѳться.** Мы уже попустились, не держим гусей; и надо это делать, нельзя попускѳться.

Пѳтник. Матрас. *У него под потником миллион (о богатом человеке).*

Претѳть. Запрещать. *Никто тебе не претѳит, чтобы ты столько работал.*

Припастѳй. Приготовить. *Пойду припасу вам постель.*

Пробросѳть. Пропустить при счете. *Может, кого и пробросила, но 37 домов наишштала.*

Прошунѳй. Попрошайки. *Они наглые, они прошуны такие.*

Пустѳшка. Пустышка. *Уже большой, а сосѳт пустушку.*

Свидѳть, кого с кем. Познакомить. *Ни раз не смогла свидетѳ их.*

Сдѳлаться. Договориться. *Приедем — сдѳлаемся.*

Спѳчьѳи. Спички. *Синьзянцы ходят «за спѳчьѳями», а харбинцы «по спѳчьѳи».*

Тѳропно, пред. нареч. О необходимости торопиться. *Мне не торопно, приеду до вас; Это не торопно: к Рождеству сошьѳшь, и ладно.*

Учѳтельные книги. Учебники. *Четыре года русская школа в Харбине, учѳтельны книги были.*

Хитить. Красть, похищать. *Нету зверей никаких, чтоб не хитили зверя.*

Ходилка. Ходунки для детей. *Есть така ходилка с колёсками.*

Хожалка. Проводница в вагоне. *Этой хожалке кофе дашь.*

Человечество. Человечность, доброта. *Главное в разговоре — чтобы человечество было.*

Ятно, нареч. Ясно, отчетливо. *Где-то они так ятно заснялись* (рассматривая фотографию).

В живой, образной речи староверов обычны фразеологизмы, пословицы и поговорки: *в тебя, матушка Россия, ноги больше не положишь; в воскресенье ни купить, ни продать, ни займы дать; по зверю и пуля; дитя моё, а ум свой; маленький дожжшишка — всё лодырю отдышка; как год — так Федот* (о многодетной семье).

Наши собеседники показали себя людьми не только открытыми, но и веселыми. Изучение категории комического в старообрядческой среде — очень интересная тема, которой, как кажется, еще никто специально не занимался. Многие шутки оказались основанными на языковой игре.

(Диалог между 40-летним «синьцзянцем» Т. О. и исследователем.)
Т. О.: — Как у вас зовут комаров? — И. (удивленно): — Комары. — Т. О.: — А мы не зовём — они сами прилетают.

(Диалог между исследователем и 56-летним «харбинцем» К. Р.) — *Расскажите, где корень ваш... — Корень наших родителей под землёй.*

(Диалог между женой и мужем — пожилыми людьми.) — *Посидел бы маленько. — Да я уж седой давно!*

В экспедиции 2010 г. мной было продолжен сбор аспектологического материала. Категория глагольного вида в говоре староверов Бразилии интересна с нескольких точек зрения. Во-первых, ее развитие не испытывало в течение длительного времени влияния

русского литературного языка и происходило по внутренним законам аспектуальной системы говора; во-вторых, поскольку говор находится в контакте с португальским языком, не имеющим грамматической категории вида, можно было бы ожидать того или иного воздействия контактирующего языка на сферу аспектуальности русского говора. Однако наблюдения показали, что, как и в случае с говором староверов Эстонии, контактирование с чужим языком не оказывает деформирующего влияния на категорию вида в русском говоре староверов Бразилии. Аспектуальная система данного говора является одним из примеров среднерусской аспектуальной системы, которой свойственны черты общедиалектного аспектуального комплекса, а также некоторые частные проявления северно- и южнорусского комплексов.

Из общедиалектных аспектуальных явлений отмечены следующие.

1) Образование перфективного коррелята с помощью иной, чем в литературном русском языке, приставки: *это я себе соорил домик, мне было 14 годов; она была раньше построена, эта кухня; я сейчас слышал, что машина сгудела; потом чо-то мотор сглох; так осердилась, что обедать не стала; привезти ей чай, чтобы оздоровела; в это время ребёнок замирал — я откачала; потом своего отца повидишь, на могиле-то.*

2) Продуктивность имперфективного суффикса *-ива-/-ыва-: снег выпáдывает; У литовки пятку сломала. Я косила здесь, она спáдывала; мы потом снймываем это всё; всех запáмниваем; сейчас шибко много надо запáмнивать.* При этом в говоре употребляются и имперфективы с *-а-*, которые в литературном языке оформлены суффиксом *-ива-/-ыва-: их пушище затягáт* (затягивает) *тот язык; в четырёх или пяти местах останавлиют на дороге; солнце шибко ярко, мозги вытопляют.*

3) Имперфективация глаголов, которые в литературном русском языке (а) не имеют вторичных имперфективов или (б) являются глаголами Perfectivum tantum: (а) *ты должен тут не **растёриваться**, а думать хорошо; деньги, чтобы ты их **заплачивал** за три года; там **задавля́ет** этой вонью*; (б) *здесь виноград прививают, **прила́вчиваются***.

Примерами явлений из южнорусского аспектуального комплекса в средне-русской аспектуальной системе говора бразильских староверов можно считать довольно частую встречаемость дистрибутивных глаголов с приставкой *по-* (они почти все **поубрались**, **поумерли**; из Канады это всё **подоставали**; ешьте, а то всё **поостынет**; все ложки **посожгли**; все свои сарафанья **пооставила**; наши-то **поубились**, пятеро наших; мои родители тут **поумерли**, и я тут), примерами явлений из севернорусского комплекса — многократные глаголы (— Вы называете его (жгучий перец) «чили»? — Нет, я такой **не слыхивала**; мы этого здесь-то **не видывали**; а мы мало его (телевизор) **смотрели**, никогда **не видывали**; в то время **говаривали** так) и, возможно, имперфективы с контаминированным суффиксом *-выва-* к глаголу *продать* и однокоренным (она их (платки) там **продáвывает** по 30—35 долларов; оне **перепродáвывают**; с Бразилией стали **перепродáвываться**).

В аспектуальной системе данного говора, как и в любой другой частной системе, отмечаются «индивидуальные» черты. К таковым, например, относятся: (1) высокая продуктивность чередования *o // á* при образовании глаголов НСВ: *нам нужно билеты как-то **отсра́чивать**; маленько **придья́рживай**; у них там государство **содя́рживает**; без ря́ду (без пробора на голове) **зача́сывались**; ничо не **аренда́вываем**; мы **аренда́вывали** земли; **запрещают** весь лес **выкорча́вывать***; (2) приставочные

видовые пары *говорить* — *поговорить*, *ловить* — *словить* / *уловить* в соответствии с супплетивными в литературном языке парами *говорить* — *сказать*, *ловить* — *поймать*: ему **поговорили**, что некого ('нечего') там делать; чтобы яшишерка не пришла и не **словила** цыплят; **уловила** этого мужчину, он ушёл от жены; (3) сохранение старых первичных имперфективов *зорить* 'разорять', *нудить* 'принуждать', *претить* 'запрещать', *хитить* 'похищать', которые исторически являлись базой для образования приставочной перфективной видовой пары (ср. в литературном языке только суффиксальные имперфективные пары глаголов с опрощенной приставкой *разорить* — *разорять*, *принудить* — *принуждать*, *запретить* — *запрещать*, *похитить* — *похищать*); (4) фазовый глагол *зачать* 'начать': *через три месяца **зачал** Поликарп жёниться*; (5) глаголы с приставкой *на-* в ее архаичном начальном значении: *напомина́ться* 'вспоминаться', *наста́ть* 'начать': *Фаца́й, фаца́й! Это китайское слово: «хорошо», «счастье», оно **напоминается**; **настал** он (дед) **тянуть** репку*.

Языковой материал, собранный в экспедиции, свидетельствует о необходимости глубокого всестороннего описания говора староверов Бразилии, учитывающего его изолированное от литературного русского языка развитие и контактирование с португальским и другими (испанским, английским языками). Остро встает вопрос о создании «Словаря говоров староверов Южной Америки». Наша экспедиционная группа планирует продолжить разноаспектное исследование языка и культуры этой без преувеличения уникальной группы русских людей, живущих в другом полушарии и продолжающих бережно хранить родной язык и старую веру.

Л и т е р а т у р а

Анна А. Зализняк, Шмелев 2000 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.

Библиотека В. М. Амосова — Крестьянские и старообрядческие библиотеки. Библиотека В. М. Амосова // Виртуальный музей «Книжные памятники Архангельского Севера» [Электронный ресурс: <http://virtmuseum.aonb.ru/z4.html#sobr>].

Бубрих 1914 — Д. В. Бубрих. Фонетические особенности говора д. Пустоша // Известия Отделения русского языка и словесности. 1913. СПб., 1914. С. 305—346.

Булатов 2006 — В. Н. Булатов. Русский Север. Архангельск, 2006.

Вендина 2009 — Т. И. Вендина. Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика). М., 2009.

Гецова 1997 — О. Г. Гецова. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. М., 1997. С. 138—191.

Дьяченко 2010 — С. В. Дьяченко. Система гласных первого предупредительного слога после отвердевших согласных в южно-русских говорах с архаическим вокализмом (на примере говора с. Веретье Острогожского р-на Воронежской обл.) // Фонетика сегодня: Мат-лы докл. и сообщений VI Междунар. науч. конф. 8—10 октября 2010 г. М., 2010. С. 51—52.

Дьяченко, в печати — С. В. Дьяченко. Система ударных гласных в русских говорах запада Воронежской области // Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна: Тез. докл. Междунар. науч. конф. 15—16 марта 2011 г. М., 2011. В печати.

Исаев 2009 — И. И. Исаев. Реализация признака твердость / мягкость согласных в русских говорах // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества: Тез. докл. Междунар. конф. 19—21 октября 2009 г. М., 2009. С. 88—90.

Исаев 2010а — И. И. Исаев. Некоторые аспекты изучения артикуляционной базы, сегментной и суперсегментной фонетики владимирских говоров // Основные тенденции развития русского языка: лингвофилологический аспект: Сб. мат-лов Междунар. науч. конф. Владимир, 2010. С. 30—42.

Исаев 2010б — И. И. Исаев. Формантная картина гласных в альбоме русских диалектных систем // Фонетика сегодня: Мат-лы докладов и сообщений VI Междунар. науч. конф. 8—10 октября 2010 г. М., 2010. С. 57—59.

Касаткин 2008 — Л. Л. Касаткин. Исследование говоров русских старообрядцев в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН // Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. ст. к XIV Междунар. съезду славистов / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008. С. 573—608.

Комягина 1994 — Л. П. Комягина. Лексический атлас архангельских говоров. Архангельск, 1994.

Нефедова 2008 — Е. А. Нефедова. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М., 2008.

ОЛА 1988 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир. М., 1988.

Отчет 2006 — О. Г. Ровнова. Отчет о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2006 года // Рус. яз. в науч. освещении. 2007. № 1 (13). С. 297—305.

Отчет 2008 — О. Г. Ровнова. Отчет о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2008 года // Рус. яз. в науч. освещении. 2009. № 1 (17). С. 247—258.

Отчет 2009 — О. Г. Ровнова. Отчет о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2009 года // Рус. яз. в науч. освещении. 2010. № 1 (19). С. 280—290.

Расторгуев 1927 — П. А. Расторгуев. Северско-белорусский говор. Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров. Л., 1927.

Расторгуев 1973 — П. А. Р а с т о р г у е в. Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973.

Ровнова 2010 — О. Г. Р о в н о в а. «Полиглоты поневоле»: языковая ситуация в старообрядческих общинах Южной Америки // *Staroodrzędowcy za granicą / Pod redakcją M. Giuszkowskiego i St. Grzybowskiego. Toruń, 2010. S. 137—157.*

Ровнова, в печати — О. Г. Р о в н о в а. Лингвогеографическая характеристика аспектуальных явлений в современных русских говорах // *Рус. яз. в науч. освещении. 2011. № 22. В печати.*

СРГК 2 — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 2 / Гл. ред. А. С. Герд; Отв. ред. О. А. Черепанова. СПб., 1995.

Тер-Аванесова 2005 — А. В. Т е р - А в а н е с о в а. Отклонения от правила распределения двух фонем «типа о» в восточнорус-

ском говоре Пустошей // *Исследования по славянской диалектологии. Вып. 6. Славянская диалектология и история языка. М., 2005. С. 60—93.*

Тростянский 1916 — В. И. Т р о с т я н с к и й. Диалектологические материалы, собранные В. И. Тростянским, И. С. Гришкиным и др. // *Сборник Отделения русского языка и словесности, 1916. Т. 95, 1. СПб., 1916. С. 1—65.*

Тудосе 2003 — В. И. Т у д о с е. Особенности речи жителей русского села Кунича в Молдавии // *Старообрядцев Молдавии живое слово: Мат-лы Междунар. науч.-практич. конф. «Старообрядчество Молдавии: истоки и современность» [состоявшейся в г. Кишиневе (Республика Молдова)] 14—16 декабря 2002 г. Кишинёв, 2003. С. 153—163.*

Шелякин 2008 — М. А. Ш е л я к и н. Категория аспектуальности русского глагола. М., 2008.

Хроника VI Международной научной конференции «Фонетика сегодня»

VI Международная научная конференция «Фонетика сегодня»¹, организованная отделом фонетики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, проходила с 8 по 10 октября 2010 года в г. Звенигороде (Московская область). На пленарных и секционных заседаниях было представлено и обсуждено более 60 докладов, которые были прочитаны учеными из многих стран мира: Великобритании, Греции, Казахстана, Нидерландов, России, Франции.

¹ Конференция была проведена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 10-04-14070г) и Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН. Проект «Фонетические “отцы” и “дети” начала XXI века: стабильность и изменчивость произносительных норм».

В конференции приняли участие как всемирно известные ученые-фонетисты, так и представители молодого поколения науки — аспиранты и студенты, для многих из которых это был первый опыт участия в международной конференции такого уровня.

На первом пленарном заседании было заслушано пять докладов. Первым прозвучал доклад *А. В. Венцова* (Санкт-Петербург) «Физиология речеобразования и просодическое аннотирование корпусов». В своём сообщении автор отметил, что для правильной акцентной разметки звучащих текстов необходимо учитывать физиологию речеобразования. *Н. Д. Светозарова* (Санкт-Петербург) в докладе «Фонетические особенности русских антропонимов» говорила о том, что русские личные имена образуют особую подсистему, характери-

зующуюся специфическими чертами на разных уровнях — морфологическом, словообразовательном, синтаксическом, а также фонетическом. Автором был выделен ряд особенностей фонетического оформления русских антропонимов (в сферах слоговой и ритмической структуры, консонантизма и вокализма, акцентуации и т. д.). *С. А. Мызников* (Санкт-Петербург) в своём докладе «О некоторых аспектах фонетической субституции и адаптации прибалтийско-финской фонемы /h/» охарактеризовал несколько этапов русского и прибалтийско-финского языкового взаимодействия в сфере фонетики, а также проследил рефлексы прибалтийско-финской фонемы /h/ в севернорусских говорах в начале слов. В сообщении *А. М. Красовицкого* (Великобритания) «Развитие нейтрализации гласных в севернорусском говоре» была представлена одна из возможных моделей перехода от полного различия к полному неразличию фонем /a/ и /o/ в безударных слогах на основе данных, записанных в деревне Сафоново Мезенского района Архангельской области. В докладе *А. А. Соколянского* (Магадан) «Нейтрализации русского вокализма через призму синтагмо-фонологии» было показано, что в основе построения русского вокализма лежат две градуальные оппозиции: оппозиция по трем степеням подъема (верхний, средний и нижний) и оппозиция по степени лабиализации (нелабиализованные, слабо лабиализованный [o] и сильно лабиализованный [y]). Автор отметил, что, во-первых, предлагаемое решение позволяет интерпретировать литературное аканье в синхронном плане как устранение срединного члена градуальной оппозиции по степени подъема /a — o — y/ > /a — y/, а во-вторых, объяснение получают и другие преобразования русского безударного вокализма. В докладе было сказано, что предлагаемая

фонологическая интерпретация русского вокализма позволяет увидеть в современных нейтрализациях гласных не только процессы, которые являются строго позиционно обусловленными, но и явления, которые могут быть объяснены с помощью раскрытия внутреннего устройства фонологических единиц, участвующих в нейтрализации.

Второе пленарное заседание открыл доклад *Л. А. Вербицкой* (Санкт-Петербург) «Основные тенденции развития произносительной нормы русского языка», в котором отмечалось, что языковая норма зависит от языковой системы, ею определяется и изменяется в пределах, ею допустимых. Изменения языковой нормы могут произойти не только в результате изменений, произошедших в системе, но и под влиянием экстралингвистических факторов. При этом нормативными становятся только те варианты, которые системе не противоречат. Говоря об определённых тенденциях развития нормы, автор доклада указала на дальнейшее развитие противопоставления твёрдых согласных мягким, расширение употребления твёрдых губных в позиции абсолютного конца слова (например, *семь* как [s'em], а не [s'emʲ], *восемь* как [vos'im], а не [vos'imʲ]), устранение ассимилятивной мягкости даже в сочетаниях двух переднеязычных и процесс делабиализации [u]. Доклад *Р. Ф. Касаткиной* (Москва) «Об иерархии просодических акцентов в русском языке» был посвящен силе просодической проминентности. Описывая иерархию просодических акцентов в русском языке, автор выводит следующую закономерность: чем ярче выражен акцент, под которым находится то или иное слово, тем менее вероятна сегментная компрессия этого слова. Предметом рассмотрения в докладе *Е. А. Брызуновой* (Москва) стала методика применения фонологического метода выявления оппозиций при рас-

смотрении интонационных явлений. Автором было отмечено, что с помощью фонологического метода можно выделить систему интонационных средств и показать иерархию их различительных возможностей. Исследование *Н. В. Богдановой* (Санкт-Петербург) было посвящено процессу лексикализации редуцированных форм сверхчастотных слов в современной русской речи. *М. Л. Каленчук* (Москва) в своём докладе «Фонетика и грамматика» изложила существующие две противоположные точки зрения на вопрос о соотношении фонетики и грамматики: одни лингвисты считают, что грамматика оказывает влияние на фонетику, другие утверждают, что фонетика развивается самостоятельно. Проанализировав развитие звуковой системы последних десятилетий, *М. Л. Каленчук* отметила, что причина происшедших событий не грамматическая, а следовательно, фонетика является самодостаточной системой, развивающейся по своим внутренним законам. В докладе *Д. М. Савинова* (Москва) «Пути развития архаических типов вокализма в южнорусских говорах» было показано, что архаические типы вокализма проходят сложный путь эволюции, в результате которой качественно меняется система зависимости гласных первого предупредительного слога от ударных гласных: от регулярного варьирования аллофонов, обусловленного фонетическим законом позиционного чередования, через фонологизацию к морфонологизации, к усилению влияния слов и форм на функционирование этих систем.

На конференции была организована работа семи секций. На секции «**Сегментная фонетика**» было представлено к рассмотрению семь докладов. В докладе *Е. Л. Бархударовой* (Москва) «К проблеме описания типологии иностранного акцента в русской речи» было показано, что данные сопостави-

тельного анализа позиционных закономерностей звукового строя родного и изучаемого языков позволяют существенно дополнить знания в области типологии иностранного акцента в русской речи, а в некоторых случаях — по-иному построить практические курсы русской фонетики. В сообщении *А. Д. Андреевой* (Москва) был сделан вывод о том, что вокализм является инструментом конкретизации семантики клитических частиц как особой подсистемы в фонетике русского литературного языка. *Е. Л. Арзиани* (Москва) в своём докладе «Факторы, оказывающие влияние на реализацию фонемы /j/» подробно изложила результаты исследования, проведённого для выяснения вопроса об особенностях реализации фонемы /j/ в различных позициях в современном русском литературном языке. Данное исследование позволило выявить систему факторов, оказывающих влияние на реализацию фонемы /j/: позиция по отношению к ударному слогу, фразовая позиция, количество согласных, стоящих перед /j/, темп речи, наличие / отсутствие паузы после слова, частотная характеристика слова, степень подготовленности речи, вид речи. В докладе *Е. С. Скачедубовой* (Москва) были проанализированы особенности реализации гласной фонемы в приставке *вы-*. *Е. М. Болычева* (Москва) в докладе «Классификация фонетических анекдотов» показала, что фонетические анекдоты строятся либо на феномене звуковой игры, либо на использовании фонетических терминов. В своём исследовании автор обнаруживает, что основным механизмом создания комического эффекта в фонетических лингвистических анекдотах является звуковая игра, которая может быть построена на актуализации различных приёмов: 1) поиск межъязыковых созвучий; 2) поиск полных созвучий — омофонов; 3) поиск неполных созвучий — парони-

мов; 4) игра с членимостью речевого потока; 5) игра с интонационными контурами и границами фразы; 6) графические нарушения; 7) имитация дефектов речи или акцента; 8) имитация разговорности. *Е. Ф. Журавлёва* и *Т. Б. Журавлёва* (Греция) посвятили своё совместное выступление национально-ориентированному учебному пособию по русской фонетике для греческих студентов. *Е. И. Литневская* (Москва) говорила о необходимости признать активность процесса воздействия живой разговорной речи на разные формы литературного языка, и в частности на традиционную орфографию. Автор предполагает, что распространение многих инноваций-«вольностей» не только в СМИ, но и в художественной литературе связано с появлением новых жанров письменной речи, в частности чата, ICQ, смс-сообщения, электронного письма. Проведённое исследование позволило автору выделить различные графические способы обозначения фонетических признаков «живой речи» в художественной литературе (способы фиксации темпа речи, способы обозначения на письме продления ударных и безударных гласных или их качественной и количественной редукции, а также способы обозначения твердости / мягкости согласных).

На секции «**Просодия**» было представлено семь докладов. В сообщении *Т. Е. Янко* (Москва) был сделан вывод о том, что частотные пики, несущие такие значения, как иллюкутивная сила, незавершенность текста и другие, накладываются на сегментный материал не случайным образом, а в связи с соответствующими словами-акцентоносителями. Доклад был посвящен способам выбора таких слов в русском языке. Доклад *И. И. Фужерон* (Франция) «Пауза: где и почему» был посвящен месту и причине возникновения паузы при чтении вслух и про себя публицистических текстов.

А. В. Циммерлинг (Москва) предложил новую модель интонационной грамматики, позволяющую установить фразовые акценты в базовых и синтаксически-производных высказываниях. По его мнению, для построения грамматики необходим набор из четырех интонационных контуров (а не семи, выделяемых *Е. А. Брызгуновой* в «Русской грамматике» 1980 г.) и нулевая акцентная маркировка, указывающая на снятие фразового акцента. *А. В. Павловой* и *Н. Д. Светозаровой* (Санкт-Петербург) были исследованы закономерности постановки главного ударения в русских идиомах. В их докладе «Особенности фразового ударения в русской идиоматике» были предложены классификация акцентных моделей фразеологизмов и объяснение причин того, что идиомы имеют особый акцентный контур, отличный от свободных словосочетаний. В докладе *Ю. А. Клейнера* (Санкт-Петербург) «Фонетические корреляты ударения (диахронический аспект)» была описана эволюция индоевропейского ударения как перераспределение / фонологизация его фонетических коррелятов (интенсивность, тон, длительность) при изменении характера слогоносителя и границ отрезков, в которых реализуется акцентный контраст; было высказано предположение об источнике русского квантитативного ударения. *Е. М. Алтайская* (Москва) в своём докладе «О некоторых изменениях в акцентировании сочетаний служебных и знаменательных слов в современном русском литературном языке» описала различные условия переноса ударения на служебное слово в сочетаниях служебных и знаменательных слов в современном литературном произношении и охарактеризовала основные направления развития данного явления. *Р. Кондыбаева* (Казахстан) в своём докладе говорила о фонетических коррелятах, локализации, природе и фонологи-

ческой функции словесного ударения казахского языка в сопоставлении с русским языком.

На секции «**Диалектная и региональная фонетика**» прозвучало семь докладов. В докладе *Л. Э. Калнынь* (Москва) рассматривался вопрос о значении артикуляционного контраста для фонетической синтагматики в славянских диалектах. Доклад *Н. А. Волковой* (Череповец) был посвящен территориальному распространению (зонам сгущения и рассеивания) особых реализаций аффрикат /ч/ и /ц/ в курских говорах. В своём докладе *С. В. Кодзасов* и *Е. В. Щигель* (Москва) на материале записей передач областных и районных радиостанций описали просодические особенности региональных разновидностей литературной русской речи. Некоторым особенностям предупредительного вокализма в ряде южнорусских говоров были посвящены доклады *С. В. Дьяченко* (Москва) и *Г. Н. Межецкой* (Череповец). В докладе *И. И. Исаева* (Москва) «Формантная картина гласных в альбоме русских диалектных систем» предлагается новый метод оценки качества гласных и их структурных особенностей, который позволяет исследователю отвлечься от собственных перцептивных эталонов и переместиться на место диалектоносителя в оценке звуков. В выступлении *Р. Э. Кульшариповой* (Казань) были затронуты проблемы русской фонетики в условиях межнационального общения. По мнению автора, обращение к традициям Казанской лингвистической школы может способствовать поиску новых подходов для их решения.

В рамках конференции прошла компьютерная презентация «Использование программы PRAAT при изучении интонации на примере интонации русского языка», которую представила *С. Оде* (Нидерланды). В своем выступлении *С. Оде* охарактеризовала основ-

ные достоинства программы PRAAT², описав это программное обеспечение как профессиональное, необходимое для осуществления анализа, синтеза и обработки речи в реальном времени. *С. Оде* подчеркнула, что одним из важных преимуществ данного программного обеспечения являются обширные технические возможности, с помощью которых можно исследовать интонацию, и, опираясь на собственный опыт работы с программой PRAAT, проиллюстрировала это утверждение многочисленными примерами.

На обсуждение секции «**Фонология**» было вынесено четыре доклада. В докладе *Д. И. Эдельман* (Москва) «К развитию шипящей артикуляции в языках группы сатэм» были рассмотрены некоторые результаты действия правила RUKI, в частности переход индоевропейского *s после *r, *u, *k, *i и палатальных в шипящие звуки в славянских и других индоевропейских языках, входящих в группу сатэм. В своем выступлении «Два облика одного пограничного сигнала в русской фонологии» *И. Г. Добродомов* и *Л. А. Щербакова* (Москва) рассмотрели природу некоторых пограничных сигналов, в частности гортанной смычки, которая возникает между предлогом и корнем и помогает различать фразы типа *Письмо о Тане* и *Письмо от Ани*. В докладе были приведены многочисленные примеры употребления гортанной смычки в этой и других позициях. В докладе *М. Б. Попова* (Санкт-Петербург) «К фонологической трактовке редуцированного [ъ] в современном русском языке» был поднят вопрос о фонологической интерпретации [ъ] под второстепенным ударением в начале слова и о возможной фонологизации этого аллофона. Оживлённую дискус-

²Авторы: Paul Voersma & David Weenink — Институт фонетических наук Амстердамского университета.

сию вызвал доклад *Е. Ф. Кирова* (Москва) «Терминология русской фонетики».

На секциях «**Орфоэпия и социофонетика**» прозвучало двенадцать докладов. *Т. М. Григорьева* (Красноярск) в своём сообщении отметила, что изменение нормы — неотъемлемая часть языкового развития, однако этот факт не стал достоянием общественного сознания не только в среде рядовых носителей русского языка, но и зачастую в среде филологически образованных людей, расценивающих норму как некую догму. Автор доклада подчеркнула, что именно в формировании лингвистической компетентности носителей языка видит серьёзную задачу, стоящую перед лингвистами. *С. К. Пожарицкая* (Москва) в своём докладе «О некоторых эллиптических явлениях в устной речи» говорила о месте «разговорной речи» в системе стилей русского языка, а также об эллиптических явлениях в заударных слогах слова в связи с грамматикой флексий. В сообщении *М. А. Штудинера* (Москва) «Просторечное произношение в эфире» было предложено объяснение того, почему именно в позиции после заднеязычных согласных [ъ] изменился в [и] в первую очередь: *сотрудни*[к'м'и] > *сотрудни*[к'им'и], *подру*[г'м'и] > *подру*[г'им'и], *монáр*[х'м'и] > *монáр*[х'им'и] и т. п. В сообщении *Л. А. Карева* (Франция) подробно рассматривался вопрос о выборе исторически обоснованной фонетической нормы для репертуара русской оперной и камерной вокальной музыки XIX в. *О. В. Антонова* (Москва) рассмотрела вопрос о твёрдости / мягкости заднеязычного согласного в конце основы прилагательных в форме Им. п. ед. ч. м. р. в русском литературном языке. Автором было отмечено, что наблюдения над спонтанной речью москвичей позволяют зафиксировать практически безысключительное преобладание в грамматической форме прилагательных

Им. п. ед. ч. м. р. мягкого заднеязычного согласного в конце основы. В докладе *С. В. Зотовой* (Москва) рассматривался вопрос о произношении вокализованных вариантов предлогов. Доклад *А. И. Рыко* и *С. Б. Степановой* (Санкт-Петербург) был посвящен анализу реализаций слов *что* и *чего*, исследованию зависимости их произнесения как от социальных характеристик информанта (места рождения и наиболее длительного проживания, возраста, образования), так и от фонетической позиции слова и его синтаксической роли во фразе. В ходе исследования авторы приходят к выводу, что, как показывает звуковой корпус русского языка, носители русского языка предпочитают союз «что» реализовать как [shto], а частицу «что» или местоимение «что» в значении «почему» как [ch'o]. В докладе *А. В. Венцова* и *Е. И. Риухакайнен* (Санкт-Петербург) «Стяжения звуков на стыке словоформ в русской спонтанной речи» был проведён анализ восприятия стяжений на стыке словоформ на материале фрагментов спонтанной русской речи. В докладе *В. В. Тимофеева* (Москва) «О характере изменения произносительной нормы гласных в русских приставках» была предпринята попытка выявить закономерности изменения произносительной нормы гласных в приставках и проанализировать различные факторы и условия, влияющие на реализацию гласных фонем в приставках. В докладе *М. Р. Ильиной* (Москва) «Особенности постановки ударения в профессиональной лексике» был сделан вывод о том, что ударение в профессиональной терминологии отличается от обычной акцентуации и сама профессиональная акцентуация допускает вариантность. Автор подробно рассмотрела основные факторы, влияющие на акцентуацию в профессиональной лексике — степень освоенности слова, историческое развитие, дей-

ствие аналогии, ритмический рисунок слова, подчеркнув, что все факторы взаимодействуют друг с другом. Большой интерес вызвали доклады *Ж. В. Ганиева* (Москва) и *И. М. Логиновой* (Москва), посвященные проведению орфоэпического эксперимента и согласному [j] в русской фонологической системе, орфоэпии и орфографии.

На секции «**Современные методы фонетических исследований**» было прочитано пять докладов. *А. В. Венцов* и *Н. А. Слепокурова* (Санкт-Петербург) сделали доклад об опыте создания фонетически аннотированного корпуса русской спонтанной речи, который состоит из оцифрованных спонтанных диалогических текстов общей длительностью звучания около 2-х часов, сегментированных на паузы и отрезки непрерывного «говорения», снабженные орфографическим описанием. *Т. М. Николаева*, *М. В. Ослон* и *С. Е. Шешенин* (Москва) осветили основные задачи, которые стоят перед недавно открытой в Институте славяноведения РАН фонетической лабораторией. *О. Ф. Кривнова* (Москва) в своём докладе «Длительность дыхательных пауз с разной текстовой локализацией» показала, в каких точках текста возникают дыхательные паузы, с какой устойчивостью и регулярностью и с какой длительностью. В совместном докладе *С. А. Воробьевой*, *Е. В. Маркасовой* и *С. Б. Степановой* (Санкт-Петербург) было показано, что слово *конечно* в повседневном общении

способно выражать разнообразные оттенки интенций говорящего, причём независимо от того, является ли оно вводным словом, дискурсивным словом или словом-предложением (коммуникативом). Доклад был посвящён проведённому перцептивному эксперименту, в ходе которого была предпринята попытка решить вопрос о том, распознаются ли слушателем интенции говорящего непременно на основании контекста, или изъятое из ситуации, вырванное из контекста слово *конечно* может быть достаточным для распознавания слушателем интенции говорящего. *К. И. Долотин* (Москва) провёл эксперимент для исследования центральных механизмов речеобразования с помощью метода спектрального анализа квазисегментной структуры речевого сигнала, порождаемого в рамках заданного когнитивного процесса (чтение текста без подготовки, пересказ его смыслового содержания). Результатам этого эксперимента автор посвятил свой доклад: «Анализ инвариантных спектральных характеристик квазисегментной структуры речевого сигнала (на материале русского и китайского языков)».

Краткое содержание докладов, прочитанных на конференции, опубликовано в сборнике «**Фонетика сегодня: Мат-лы докл. и сообщений VI Междунар. науч. конф. 8—10 октября 2010 года**». М., 2010. — 146 с.

Е. Л. Арзиани

РЕЦЕНЗИИ

Olga T. Yokoyama. Russian Peasant Letters. Part 1—2 //
Slavistische Studienbücher, Neue Folge / Hrsg. Von H. Günther, H. Jachnow.
Bd. 18. Wiesbaden, 2008. — 439, 471 pp.

Известный славист, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (UCLA) Ольга Йокояма опубликовала в двухтомном издании чудом сохранившиеся в Тюменском архиве письма членов обширного клана сибирских купцов и судовладельцев Жернаковых.

Письма, с подробнейшими комментариями и примечаниями, приведены в трех формах: аутентичной, нормализованной (с соблюдением правил современной русской орфографии) и в переводе на английский язык.

Двухтомник вышел в Германии, так что для русского читателя, которому, в первую очередь, и адресована эта книга, она пока недоступна. Все комментарии, лингвистический очерк и другие сопроводительные материалы — по-английски.

Аутентичные письма с комментариями составляют содержание 1-го тома, там же приводится подробный лингвистический очерк и факсимильные копии писем. Во 2-м томе — письма в орфографической записи и их переводы на английский язык, родословные семьи Жернаковых и родственных семей (Бехтеревых, Невоструевых, Стефановых и Родигиных), семейные фотографии, предметный и именной указатели, а также конкорданс, включающий все слова, употребленные в текстах, с переводом их на английский язык и с указанием текстовых адресов.

Комментарии трех видов: в 1-м томе они имеют текстологический и графологический характер, письма на современ-

ном русском языке сопровождаются лингвистическими комментариями, а письма по-английски — прагматическими.

На примере отрывка из первого письма Лавра Андреевича Жернакова сыну Алексею Лавровичу (от 5 июня 1881 г.) покажем различия в характере комментариев: *Постараюсь⁷ дедушка⁸ Свозить Городь* (графические особенности подлинника сохранены). Сноска 7: «The letter *m* was corrected from something else — Буква *m* переправлена с какой-то другой». Отсутствие предлога *в* никак не комментируется. Во 2-м томе тот же отрывок выглядит следующим образом: *Постараюсь дедушка свозить (в)⁵ город*. Сноска 5: «This rather striking archaic feature is for the most part ignored in the dialectological literature, apart from Kasatkina's description of the phenomenon in S. Russian [1999: 82] — Эта довольно яркая диалектная черта почти проигнорирована в диалектологической литературе, кроме [Касаткина 1999: 82]». Тот же отрывок по-английски выглядит так: *I will try to drive Grandpa⁵ to Sarapul*. Сноска 5: «The reference is to Andrei Yakimovich Zhernakov, LA's adoptive father — имеется в виду Андрей Якимович Жернаков, отчим Лавра Андреевича».

Эта книга — особый лингвистический источник. Собранные в ней письма представляют большую ценность не только для историков, этнографов и социологов, но в первую очередь для лингвистов, поскольку это едва ли не единственный случай публикации ди а-

лектных текстов не в устной, а в письменной форме. Южно-вятский говор, отраженный в письмах Жернаковых, типологически близок к русским диалектам северо-востока Европы, относящимся к вологодско-вятскому ареалу.

Лингвистическому анализу текстов писем посвящена глава 2 «Лингвистические особенности текстов» в томе I (стр. 369—439). В заключительном абзаце этой главы Ольга Йокояма отмечает, что сознает всю неполноту этого описания, поскольку, в частности, в нем недостаточно прослежены отношения между диалектом, просторечием и региональной разновидностью русского литературного языка (с. 439). Однако на самом деле лингвистический анализ, осуществленный автором, представляет собой фундаментальное исследование, охватывающее все уровни языковой системы, отраженной в письмах, от фонологии до прагматики. Автор справедливо замечает, что «нашедшая отражение в письмах языковая система, даже при столь неполном анализе, не только совершенно убедительна сама по себе, но и в определенных аспектах дополняет описания говоров, проливая свет на их состояние в период времени, предшествующий современным полевым исследованиям»¹ (с. 169). И это очень важно подчеркнуть — в письмах действительно отражено более раннее, отодвинутое на полтора-два десятилетия назад, состояние северо-восточной русской диалектной системы.

Лингвистический очерк состоит из двух частей: дескриптивной, выполненной в традиционном плане, и прагматико-дискурсивной, новаторской с точки зрения российского читателя.

Дескриптивная часть монографии выполнена с перфекционистской тща-

тельностью, так что по этому поводу могут быть только некоторые небольшие дополнения.

В разделе «Фонология» (с. 376—388) представлены свидетельства отражения в речи корреспондентов оканья и йканья, произношения *l*-среднего, многоударного *p*, ассимилятивного смягчения переднеязычных и губных, элизии *j* в разных позициях, нарушения чередований согласных по глухости-звонкости и твердости-мягкости, а также перераспределения слоговых границ, что выражается в появлении начальных прикрытых слогов (*ярмяк* — армяк, *этот* — этот, *-ята́жный* — -этажный), упрощении консонантных кластеров и разрушении хиатусов путем либо элизии одного из гласных (*акци́он* — аукцион, *стерин* — стеарин), либо появления интервокальной консонантной эпентезы (*христиа́нский* — из *христианский*).

Важным наблюдением автора публикации являются акающие варианты заимствованных слов, появляющиеся на фоне исконно русских окающих, например, *фармальности*, *кантору*, *канторщиком*, *каленкору*, *камандир*, *каманду* и др. Эта черта свойственна и современным русским говорам с полным оканьем.

В этом же разделе весьма убедительными представляются доказательства наличия в фонетической системе говора *l*-среднего («полумягкой артикуляции *l*» — semi-soft articulation), что свидетельствует об альвеолярной, а не денальной артикуляции *l*. В письмах это выражается в регулярных заменах мягкого *л* твердым (*лудить*, *неделу*, *луди*, *полза*, *лгота*, *мёлком*², *наско́лко*) и твердого *л* мягким (*получи́ль*).

Здесь же приводятся многочисленные свидетельства «спирантизации велярного *g*», по мнению автора: замена

¹ Здесь и далее перевод А. В. Тер-Аванесовой.

² Т. е. мёлком.

буквы *г* буквой *х* (*хостить*, *кочехарка*, *дороха*, *сжихает*; *берех*, *дорох* и др., ч. I, с. 384) и обратная замена (*фрагт* — *фрахт*, *Бегтерев* — Бехтерев), появление буквы *х* на месте конечного *к* (*бых* — бык, *человех* — человек, ч. I, с. 384). Эти примеры, хотя и приведены единым списком, в действительности отражают два разных фонетических явления: мена букв *г* и *х* является безусловным свидетельством щелевого характера фонемы /г/, а появление *х* на месте конечной буквы *к* отражает придыхательность конечного велярного смычного, см. об этом [Касаткин, Касаткина 1998].

Утверждение автора, что говору свойственно произношение *многударного р*, на основании только одного случая написания *друдой* (ч. I, с. 383) не представляется бесспорным — это может быть опiskой.

Интересна фиксация написаний «вокализованных вариантов некоторых предлогов» и приставки *с-*: *во ожида-нии* (18.7³); *во общем* (80.30); *со собой* (28.4); *во письмах* (86.1); *со детками* (25.19); *сочесть* (62.11). По мнению О. Йокоямы, эти формы, «по-видимому, не отражают исконного развития, а, скорее, заимствованы из церковнославянского языка и обусловлены стилистическими факторами (...) Противоположный случай — ненормативный пропуск беглой гласной — можно видеть в форме *сшел* 176.21». Это варьирование, по нашему мнению, может иметь и другое объяснение, а именно: спорадическое сохранение конечных редуцированных в предлогах, что коррелирует с обнаруженными нами ранее «проясненными» конечными редуцированными в говорах архангельского региона, см. [Там же].

В разделе «Словоизменение» (с. 389—392) рассматриваются особенности имен-

ного склонения разных частей речи и спряжения глаголов. Заметим, что, описывая особенности склонения существительных, автор не касается функциональной стороны вопроса и поэтому не обращает внимания на такую важную диалектную черту, как употребление родительного падежа в роли прямого объекта (см. об этом, напр., [Лопатина 1998; Малышева 2004; 2010]). В корпусе писем встречается несколько таких примеров, в том числе: *из-за него* (я) *и не доучилась, слушая его советов. Я отдала... в монастырь вышить... полотенец; Куплено уж мной железа, стали и меди; Купил дѣттю; Ему кто-то будто бы предлагает жалованья 1800 р.*

Недопонимание этой морфологической диалектной особенности приводит автора к некоторому курьезному, с нашей точки зрения, заявлению. В письме L180 Иван Лаврович Жернаков пишет: *Буду писать про свои дела... Екатеринбург* (название парохода. — PK) *и 2 баржи по 40 сажень поставили зимовать в Уфу* (180.7). О. Йокояма расценивает форму род. пад. прямого дополнения *Екатеринбурга* как форму вин. пад. одушевленного существительного и поясняет: «An interesting case of animate treatment of an inanimate ship name occurs: *Екатеринбурга... поставили...referring to a ship suggests that this is a case of personification* (cf. *she* for ships and cars in English) — Интересный случай персонификации неодушевленного имени корабля (ср. в английском употреблении местоимения *она* по отношению к автомобилям и кораблям)».

Далее автор пишет: «На согласование подлежащего и сказуемого в корпусе сильно влияет прагматика (...). Особенно заметны формы сказуемого во мн. ч. при подлежащих, выраженных именем в ед. ч., но с множественной референцией. В корпусе встречаются сказуемые во мн. ч. при подлежащих в ед. ч. с множественной референцией:

³ Цифра после номера письма и точки отражает номер строки.

Алексей Лаврович ... будут (193.12); *Алеша не знают* (193.16); *Ваня уехали* (196.20). Формально в роли подлежащего в таких примерах выступают имена собственные, например, имена братьев пишущего; в референтный же состав подлежащего с этих случаев входят и их жены». Добавим к этим примерам еще: «*Алексей Лаврович еще не возвращался из поездки, а вероятно на днях будут, так как из Москвы уже выехали в Казань*» и замечание, что подобные рассогласования в числе подлежащего и сказуемого, хотя и недостаточно полно описаны в диалектологической литературе, свойственны не только многим русским говорам, но и городскому просторечию. О. Йокояма отмечает по этому поводу, что «граница между синтаксисом, дискурсом и прагматикой размывается и начинается их взаимопроникновение».

В корпусе писем широко представлена категория перфекта, характерная для запада и севера России, согласно Ю. С. Маслову [Маслов 1949], В. И. Трубинскому [Трубинский 1984: 141—149] и И. Б. Кузьминой, см. [Касаткин 2005: 192], например: *Сеяно гречухи 3 дес., пшеницы, ячменю 3 дес. Гречухи не снямено ни зерна, пшеницу и ячмень выкошено. Сена поставлено 50 возов. У нас куплено лодка* (41.6); *У тебя было сеяно что-то* (82.27); *Дано 1000 р.* (79). Извини, что мало *писано*. Подобные речевые обороты О. Йокояма называет «псевдо-страдательными конструкциями»⁴ (с. 408—409).

⁴ Ю. С. Маслов и В. И. Трубинский считают эту конструкцию типологически сходной с германским перфектом [Маслов 1949; Трубинский 1984: 145]. Согласно моим наблюдениям, это одна из языковых особенностей, объединяющих севернорусские говоры с балто-финскими и скандинавскими языками в особое ареальное образование — северный языковой союз, см. [Касаткина 2010: 3].

Из области морфологии важно отметить такую типично севернорусскую черту, как функционирование многократных глаголов, напр., *На именины то не даривали; из дома выганивал* и т. п.

Яркой региональной приметой, отраженной во многих письмах, является употребление невозвратных форм глаголов вместо возвратных, например: *С мамашей вашей посоветовали, чтобы приехать тебе домой в конце навигации; Тятенька все-даки дожидает от вас руб. 50. Танечка дожидает тебя домой; Они ждут и дождут*. Эта диалектная особенность пока не получила должного освещения в диалектологической литературе.

В разделе «Словообразование» рассмотрены вопросы префиксации и суффиксации разных частей речи, а также особенности основосложения. Внимания заслуживает также особая семантика приглагольной приставки *за-*, выявляющаяся в таких случаях, как *заходить, заносить* 'начать ходить, носить'. Это значение обнаруживается в выражениях *в одном платье не заходишь; один платок не заносишь* (из писем Татьяны Лавровны Жернаковой).

В разделах, посвященных синтаксису, отмечается особая роль предлогов. Все предлоги могут быть избыточными — при их повторах, например, *с вами повидаться с крестным* (15.10); *на меня и всех на нас* (100.12); *в одной в ней* (117.1); *со всеми со службами* (134.3), а некоторые предлоги (*в, к*) эллиптируются, например, *свозить (в) город Сарапул* (5.12); *перешел (к) другому хозяину* (12.5); *(в) нынешний год* (30.1); *привыкает (к) фронтовой службе* (41.10); *зимовала (в) Паздерах* (41.8).

Отмечаются также различия между диалектным и литературным употреблением союзов *да, да и* и *как*.

К описанию лексического состава корпуса писем можно добавить, что некоторые слова, внешне не отличающиеся от слов литературного языка, могут иметь другую семантику в диалекте, и это нашло отражение в корпусе писем, напр., *Ловко вам жить* (82.15). По данным *СРНГ лóвко* — ‘хорошо’ (Волог.), ‘легко’ (Коми, Новосиб.). В строке *От других отстать ровно стыдно* (83.17) слово *ровно* может быть переведено как дискурсивная частица ‘ведь’ (Урал).

В письме Ивана Лавровича к Василию Лавровичу Жернакову (с. 202) *он нас сочел за таких филинов* неправильно прочитано слово *филинов* (‘простаков’), ср. у В. И. Даля: *фили́н* — ‘простак, простофиля’, пермск. [Даль, 4: 1140]. Связано с рифмой: *Филя — простофиля*. Ср. *филькина грамота*, а также у Н. Лескова: *У Фили пили, да Филю жи били* («Воительница»).

В разделе «Дискурс» обсуждаются три явления: порядок слов, эллипсис и референция, в терминах, принятых в современной американской лингвистической литературе, см. [Йокояма 2005]. Интересны некоторые выявленные автором типологические параллели между английскими конструкциями и конструкциями, представленными в корпусе писем: «построения, напоминающие т. н. “расщепленные” конструкции в английском языке: *за это тебе ... спасибо, что так поступил* (100.7); *напрасно ты так думаешь, что мы* (101.1); *к чему это сеют, зная наперед* (171.4)».

Обсуждаемая монография должна быть опубликована по-русски. Этого настоятельно требуют и тексты писем и комментарии публикатора — тогда читатели получат и доступ к текстам писем, и уникальную возможность познакомиться на русском языке с новейшими достижениями американской лингвистической науки.

Литература

Даль 1903—1909 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртене. Т. 1—4. СПб.; М., 1903—1909.

Йокояма 2005 — О. Йокояма. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М., 2005.

Касаткин 2005 — Л. Л. Касаткин. Русская диалектология. М., 2005.

Касаткин, Касаткина 1998 — Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. Рефлексы редуцированных гласных в конце слова в русских говорах // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов, Краков, 1998. Доклады российской делегации / Отв. ред. О. Н. Трубочев. М., 1998. С. 353—366.

Касаткина 1999 — Р. Ф. Касаткина (ред.). Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие. М., 1999.

Касаткина 2010 — Р. Ф. Касаткина. Специфика севернорусского наречия — субстратная или генетическая? // ВЯ, 2010. № 5. С. 3—13.

Лопатина 1998 — Л. Е. Лопатина. Родительный падеж в функции прямого объекта // Восточнославянские изоглоссы 1998 / Отв. ред. Т. В. Попова. Вып. 2. М., 1998. С. 234—244.

Мальшева 2004 — А. В. Мальшева. Родительный падеж прямого объекта при глаголах несовершенного вида в русских летописях и современных архангельских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии II (VIII) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2004. С. 170—184.

Мальшева 2010 — А. В. Мальшева. Из истории русского глагольного управления: объектный генитив (на материале русских летописей и современных архангельских говоров): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004.

Маслов 1949 — Ю. С. Маслов. К вопросу о происхождении посессивного перфекта // Учен. зап. ЛГУ, 1949, № 97. Серия филол. наук. Вып. 14. С. 76—104. Перепечатано в: Ю. С. Маслов. Избранные труды: аспектология, общее языкознание: К вопросу о

происхождении посессивного перфекта. М., 2004. С. 266—302.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. А—Т / Гл. ред. Ф. П. Филин; Ф. П. Соколатов. Л./СПб., 1964—2010.

Трубинский 1984 — В. И. Трубинский. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984.

Р. Ф. Касаткина

Незабытые голоса России: Звучат голоса отечественных филологов.

Вып. I / Под ред. О. В. Антоновой, Д. М. Савинова.

Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М., 2009. — 240 с.

Ученые, в том числе и филологи, не только пишут, но и еще больше говорят. Некоторых ученых даже больше ценят не за их печатные работы, а за ту роскошь общения, которую они предлагают окружающим, и за те мысли, которые они рассыпают мимоходом, не заботясь о своем авторском праве. К сожалению, всё не вечно, и молодому поколению ученых приходится иметь дело лишь с рассказами о том, каким остроумным был А. А. Реформатский, каким ироничным и язвительным порой бывал В. В. Виноградов, как по-детски М. В. Панов мог радоваться неожиданно зацветшему кактусу. Многие голоса, которые, как казалось совсем недавно, будут вечно звучать в коридорах Института русского языка, сегодня доступны только в записях.

Хотелось бы поблагодарить тот небольшой коллектив, который доставил истинное удовольствие всем филологам России, опубликовав книгу, о которой пойдет речь, — к сожалению, тиражом всего в 800 экземпляров. Книга «Незабытые голоса России» предлагает читателю расшифровки записей речи таких известных филологов, как Рубен Иванович Аванесов, Сергей Михайлович Бонди, Виктор Владимирович Виноградов, Татьяна Григорьевна Винокур, Сергей Сергеевич Высотский, Анастасия Петровна Евгеньева, Ирина Сергеевна Ильинская, Александр Васильевич Исаченко, Виктор Давыдович Левин,

Александр Александрович Реформатский, Владимир Николаевич Сидоров, Олег Николаевич Трубачев, Дмитрий Николаевич Ушаков, Роман Осипович Якобсон. Приятно просто предложить читателю этот перечень с именами и отчествами, потому что с каждым именем связано какое-то особое филологическое послевкусие, остающееся от знакомства с работами этих замечательных филологов.

Вся книга — это расшифровки устных записей разных жанров. Расшифровка — это тяжелая работа, поэтому грех было бы не назвать тех, кто эту работу выполнил: Е. Ю. Кукушкина, Е. В. Щигель, Е. С. Скачедубова, Е. В. Корпечкова, Д. М. Савинов, Р. Ф. Касаткина, О. В. Антонова. Руководители проекта — М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткина, общая редакция и примечания — О. В. Антонова и Д. М. Савинов.

Издание готовили фонетисты, поэтому вполне естественно и то, что среди *незабытых голосов России* большинство составляют те, кто занимался проблемами фонетики, и то, что в их выступлениях речь идет в основном о звуковой стороне языка. К книге прилагается аудиодиск. Сразу же хочу разочаровать будущих пользователей. К сожалению, не все тексты, которые есть в книге, обнаруживаются на аудионосителе. Объясняется это тем, что не все тексты идеального качества. Многие творческому коллективу при-

ходилось расшифровывать с большим трудом. Прослушивание таких записей не доставит эстетического удовольствия, а, скорее, вызовет раздражение из-за плохого звукового сигнала, сопровождаемого сильными шумовыми помехами.

Труднее объяснить другое: почти все тексты, качество записи которых не вызывает нареканий, даны во фрагментах — ярких, интересных, целостных, но все-таки фрагментах. Между тем объем диска позволял разместить на нем все тексты, представленные в книге.

Некоторые из текстов публиковались ранее, но в сочетании со звуковым сопровождением они воспринимаются значительно объемнее.

Интересно выступление Р. И. Аванесова на ученом совете Института русского языка в 1969 году. Здесь важны не только научные воззрения Аванесова, но и то, что он говорит о своих ранних годах обучения, о начале научной деятельности. Сейчас любят говорить о научных школах, но эти школы очень похожи на казармы: глава школы (старшина) и «безголовые» последователи (рядовые). Это пародия на научную школу. Научная школа возникает не тогда, когда есть начальники от науки и подчиненные, а тогда, когда на одну студенческую скамеечку садится Аванесов, а на другую — «гривастый, черноволосый, скуластый, губастый» молодой человек, который потом оказывается Владимиром Николаевичем Сидоровым. В основе научной школы лежит дружба, комплиментарность, а не отношения субординации.

Очень важным является признание Аванесова в том, что в первую очередь обдумывание проблем реформы орфографии стимулировало формирование Московской фонологической школы. Это был своеобразный спусковой крючок. Интересы молодых исследователей выходили за рамки не только орфогра-

фии, но и фонетики. Именно этой мыслью и завершает свое выступление Аванесов: «...фонология для нас — это не было учение о звуковом составе слова, а это было мировоззрение, это было мирозерцание». Позднее Аванесов повторял это и в других своих работах.

Замечательно выступление С. С. Высотского 1972 года о московском народном говоре. Здесь и ценные воспоминания о прошлом Москвы, и глубокое знание фонетики, и влюбленность в объект описания, и масса идей, которые и сегодня до конца еще не осмыслены. В его рассказе Москва, которая должна бы выступать как лингвистический монолит, предстает как сложное диалектное пространство, рассекаемое различными изоглоссами. При этом Высотский различает собственно диалектный и этнографический компонент в лингвистическом ландшафте Москвы. В центре его внимания диалектный компонент: крестьянская и мещанская речь для него если и не настоящая, то ближайшее прошлое Москвы. В живой памяти еще все те деревни, которые вливались в Москву в послевоенные годы.

В выступлении «Фонотека как источник знаний о языке» Высотский помимо многого другого призывает фонологов быть ближе к языковой материи. «Возможно, что основные фонологические построения могут до каких-то пределов обходиться и с прежним фонетическим вооружением. Но слишком полагаться на достаточность последнего нельзя» (с. 99). Высотский упрекает тех фонологов, которые «не представляют себе необходимости проверить физическую основу своих построений» (с. 100). Этот призыв более актуален сегодня, чем в 1970-е годы, когда он прозвучал.

Чрезвычайно интересна запись беседы о русском произношении между С. С. Высотским, И. С. Ильинской и А. А. Реформатским. Вызывает сожаление то, что ни один фрагмент этой бе-

седы не попал на аудиодиск, приложенный к книге. В центре обсуждения произношение слов типа *трезв, язв, резв* и других. Кажется, что обсуждается весьма частный фонетический вопрос: как говорят *я[сф]*, *я[зф]* или *я[зв]*. На самом деле здесь как минимум две проблемы, одна из которых обсуждается участниками диалога, а другая остается в тени.

Первая проблема, обсуждаемая, — это проблема искусственного произношения. Высотский говорит: «... вот мне нужно сказать: “У нас есть секретный ко[д]”. Я обязательно скажу — первый раз когда это слово — *д*-звонкое на конце. Но немножко погодя буду говорить, что у нас есть секретный ко[т]» (с. 108). Приводятся и другие примеры искусственного произношения. К сожалению, искусственное произношение, которое должно было бы стать предметом специального описания, до сих пор выступает как недоизученная помеха на пути к исследованию обычного произношения.

Другая проблема, возникающая в этой связи, — сугубо фонологическая. Почему Реформатскому хотелось слышать непременно *я[зф]*? При этом (по воспоминаниям Р. Ф. Касаткиной, присутствовавшей в качестве молодой сотрудницы при этом эксперименте) сами записи указывали на произношение *я[сф]*, но Реформатскому хотелось слышать иное. Для него возможность произношения *я[зф]* была свидетельством того, что фонематические свойства /в/ сохраняются и в позиции оглушения: в позиции конца слова чередование *в // ф* осуществилось, а фонематическое свойство /в/, состоящее в способности поддерживать перед собой противопоставление по глухости / звонкости, сохранилось. Тогда в слабой позиции в скрытом виде продолжают существовать две фонемы: /ф/ и /в/, отличающиеся своими синтагматическими

свойствами. Действительно, факт нейтрализации этих единиц налицо: обе представлены в звуке [ф], однако воздействию на соседние звуки они по-разному. Стало быть, в том [ф], что из /в/, сохраняются свойства «исходного» /в/.

Выступление В. Н. Сидорова «Работа комиссии по реформе русской орфографии» посвящено более не проблемам орфографии, а проблемам фонологии, отчего становится еще более интересным. Здесь Сидоров позволяет себе сказать много такого, чего он, может, не решился доверить печатному слову. Чрезвычайно важной является мысль о различии между диахроническими и синхроническими фонетическими законами. С подачи прежде всего М. В. Панова эта мысль сегодня реализуется в том, что при описании позиционного поведения звуковых единиц стремятся избегать терминов, которые предполагают процессуальность: ассимиляция, диссимиляция, аккомодация и др. Это верно, но у него есть и другая мысль: фонетические законы прошлого могут иметь принципиально другой характер, отличный от того, что предлагает синхрония. Так, касаясь аканья на примере форм *в[а]да — в[о]ды*, Сидоров продолжает: «Чем это обусловлено? Редукцией? Редукции тут никакой нет... Те процессы, которые когда-то пережил язык, они в том виде, как они получились в языке, они и сейчас живут в языке. И у нас создается обманчивое впечатление, что это еще старый закон продолжает действовать» (с. 137—138). Поэтому, даже принимая редукционную теорию А. А. Шахматова о происхождении аканья, мы не должны переносить ее на современное состояние, а искать объяснение этому явлению в свойствах единиц, которые функционируют сейчас, в синхронии. Вероятно, сформулированный Сидоровым принцип несовпадения механизмов синхро-

нических и диахронических законов должен стать обязательным при описании фонетических процессов.

Анализируя гиперфонемную ситуацию, Сидоров призывает к более тщательному учету фонематических свойств единиц в этой позиции: «...важно установить не только количество звуков, которые выступают как фонемы, дифференциально, как звуки-знаки, но надо определить, как они функционируют» (с. 142).

Совершенно неожиданным выглядит заявление Сидорова о том, что «фонема не только не членится на более мелкие части, но, по существу, вы из нее не можете и выделить составляющих ее элементов, из которых она артикуляционно, акустически и так далее состоит» (с. 143). Здесь он обсуждает очень важную проблему: можно ли фонему измерять свойствами звуков, которые ее реализуют? Вопрос очень сложный, и до сих пор ответы на него даются самые различные.

Не может не порадовать появление в книге лекции Д. Н. Ушакова «О московском произношении», которая была записана в 1940 году. В отличие от многих других материалов сборника, лекция целиком воспроизведена в аудиоформате. Сегодня эта лекция интересна в двух аспектах: как мнение о старомосковском произношении одного из самых авторитетных орфоэпистов своего времени и как образец его собственного произношения. Вместе с тем обращает на себя внимание то, что публикаторы столкнулись с некоторыми трудностями в воспроизведении лекции Ушакова. Ими были приняты определенные решения, которые в целом приемлемы, но их непременно следовало бы оговорить в примечаниях, иначе в уста Ушакова вкладываются такие вещи, с которыми он сам, возможно, и не согласился бы. В качестве контрольного материала нами был использован

орфоэпический раздел в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова.

В лекции Ушаков говорит об аканье, приводятся примеры транскрипций: $c[a^{\text{a}}]ды́$, $в[a^{\text{a}}]да́$ и $с[э]довод$, $в[э]довоз$. Второе правильно, так как и в словаре Ушакова тоже используется знак $э$ для передачи редуцированного гласного, но первую транскрипцию, наверное, следовало бы оговорить особо. Сам Ушаков произносит $[a]$, в транскрипции, использованной в его словаре, также используется знак простого a . Следовательно, появление обозначения гласного первого предупредительного слога как $[a^{\text{a}}]$ — это некоторая модернизация. В другом месте публикаторы идут вслед за Ушаковым. Цитата из лекции: «После $ж$ и $ш$ редуцированный звук $[э]$ слышится также и в первом предупредительном слоге, где по правилу нужно было бы ожидать $[a^{\text{a}}]$. Причем здесь этот редуцированный звук очень близок к $[ы]$: $ж[ы]ра́$, $ш[ы]ги́$, $ш[ы]ли́ть$, $ш[ы]те́р$, $ж[ы]ле́ть$ » (с. 191). Если слышится $[э]$, то его и надо было бы использовать как базовый знак для транскрипции, но точно так же в словаре поступал и сам Ушаков, транскрибируя $жы́ра$, $шы́ры$. Более сложен такой случай: «После $ч$ и $щ$ буква a произносится так же, как буква e ... то есть очень близко к $[и^{\text{a}}]$...» (с. 192). Ушаков говорит здесь просто $[и]$, именно этот звук и надо было отразить в тексте публикации.

Хотелось бы обратить внимание на прямую неточность. В публикации читаем: «Кстати, так же произносим $до[ж'ж']я́$ (дождя́) с мягким $[ж']$, $до[ж'ж']и́$ (дожди́) при именительном $до[шт']$ (дождь)» (с. 194). Конечно же, Ушаков рекомендует в последнем случае произносить $до[ш']$. Это ясно слышно на аудиозаписи.

В своем обзоре я позволил себе подробнее рассмотреть фонетическую часть издания, но фонетикой оно не ограничивается. Внимательного читателя

не смогут не заинтересовать лекция С. М. Бонди о классицизме, рассуждения В. В. Виноградова о поэтике и стилистике. Интересны радиовыступления В. В. Виноградова и Т. Г. Винокур. Крайне тонки наблюдения А. В. Исаченко о скрытых грамматических категориях. Выступление Р. О. Якобсона не велико по объему, но услышать его голос, такой русский и такой уже европеизированный, — это само по себе награда.

О. Н. Трубачев делится с молодыми исследователями, как организовать свою научную работу. Полезно не только молодым.

Читатель с удовольствием познакомится с воспоминаниями Т. Г. Винокур об «ушаковских мальчиках», прочтет рассказ А. Е. Евгеньевой о первых послевоенных диалектологических экспедициях, порадуетя лингвистической пародии В. Д. Левина, блестяще написанной и великолепно исполненной.

Рассмотренное издание только первое в предполагаемой серии. С нетерпением будем ждать и другие книги, которые позволят услышать голоса тех, кого мы привыкли только читать.

А. А. Соколянский

